

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Калинин Ю. И. <i>Факторы развития уголовно-исполнительной системы</i>	4
Емельянов С. Н. <i>Организационные и правовые проблемы обеспечения безопасности исправительного учреждения</i>	9
Морозов В. М. <i>Захваты заложников в учреждениях пенитенциарной системы</i>	12
Абатуров А. И. <i>Особенности профилактики злостных нарушений, связанных с организацией группировок осужденных в исправительных учреждениях</i>	18
Артамонов Г. В. <i>Предупреждение экономических преступлений на объектах уголовно-исполнительной системы</i>	21
Васильчиков Б. В. <i>Оперативно-розыскные меры, направленные на розыск осужденных, совершивших побег из исправительных колоний: проблема определения сущности</i>	25
Гофман А. А. <i>Формы и методы повышения эффективности и качества учебных занятий по огневой подготовке</i>	29
Добрынина М. Л. <i>Проблемы совершенствования механизма реализации прав осужденных к лишению свободы на современном этапе</i>	33
Елизаров А. Б., Щетнев Л. Е. <i>Проблемы правового регулирования розыска и привода лиц, подконтрольных уголовно-исполнительным инспекциям ФСИН России</i>	41
Ефаров М. Х. <i>Некоторые проблемы противодействия преступлениям экономической направленности в учреждениях и органах УИС</i>	44
Зиборов Д. В. <i>Задачи оперативных подразделений учреждений и органов УИС по организации профилактики уклонений осужденных от отбывания лишения свободы</i>	47
Исаева Л. А. <i>Деятельность уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в рамках реализации правоохранительной функции государства</i>	49
Кожевников Т. С. <i>Криминальная субкультура в местах лишения свободы: сущность и меры профилактики</i>	53
Кравченко О. А. <i>Учреждения и органы, исполняющие уголовные наказания в виде лишения свободы, как субъекты правоотношений</i>	56
Крачун В. Д. <i>Правовое регулирование деятельности оперативных подразделений исправительных колоний по борьбе с незаконным проникновением запрещенных предметов</i>	58
Кругликов Л. Л., Тимофеева Е. А. <i>Юридическая природа злостного уклонения от отбывания наказания: дискуссионные вопросы</i>	63
Кудрявцев А. В., Васильчиков Б. В. <i>Теоретический аспект организации розыскной работы в уголовно-исполнительной системе</i>	66
Кузьмин С. И. <i>Некоторые проблемы науки уголовно-исполнительного права России</i>	68
Кучерявых О. А. <i>Роль анализа ликвидности в планировании и регулировании внебюджетной деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы</i>	70
Мартынова Т. В. <i>Проблемы профессионального отбора в уголовно-исполнительной системе</i>	75
Назаров С. В. <i>Отдельные вопросы правового обеспечения борьбы с коррупцией в учреждениях и органах ФСИН России</i>	76
Образцов С. В. <i>Общая профилактика преступлений против жизни и здоровья – приоритетное направление работы оперативных подразделений исправительных учреждений</i>	79

Пикин И. В.	
Некоторые проблемы юридической конструкции правового положения лиц, осужденных к лишению свободы	82
Попова Т. В.	
Проблема трудовой мотивации осужденных к лишению свободы	87
Сенатов А. В.	
Оперативно-розыскная деятельность в тюрьмах: проблема определения понятия	90

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Баландин Д. А., Северин Р. Р.	
Отдельные аспекты регулирования розничной продажи алкогольной продукции во Владимирской области ...	93
Баринев А. В., Гудков А. И.	
Проблема определения размера возмещения вреда, причиненного жизни гражданина	97
Бибик Д. О.	
Атипичные нормативные правовые акты в системе правовых актов	105
Богатырёв В. В., Эльмурзаев С. М.	
Особенности современного нормативного регулирования у чеченского народа	107
Веденин А. В.	
Понятие результатов оперативно-розыскной деятельности	112
Волченков В. В.	
Терроризм и террористические преступления	115
Воронков А. В.	
Городская субкультура как среда социализации молодежи	118
Горшенков А. Г.	
Социально-политический контроль в специальном предупреждении преступлений	120
Грунина В. А.	
Феномен самоорганизации в реализации права: сущность, понятия и основные характеристики	122
Гудков А. И.	
Спорные вопросы действующего законодательства в отношении признания сделок ничтожными	128
Давыдов С. И.	
Моделирование личности преступника в процессе раскрытия преступлений	131
Дежурова Е. В.	
Проблемы половой идентичности в современном обществе	134
Долотова Д. В.	
Особенности языка правоприменительных актов-документов	136
Евстафьева Ю. Г.	
Роль общественной палаты в достижении юридического консенсуса	141
Егорова О. А.	
Вопросы правоприменения при осуществлении ребенком права владения жилым помещением	148
Житников Б. Ю., Косов А. В.	
Особенности конструкции состава преступлений, предусмотренных ст. 198 и 199 УК РФ	149
Калинина Н. С.	
Правоохранительная служба: проблема отграничения от иных видов государственной службы	152
Киселев А. В.	
Некоторые криминалистические проблемы производства следственного осмотра в форме тактической операции при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств	156
Коломытцева О. Н.	
Выборы и референдум в механизме общественного контроля над государством	158
Колосов А. С., Колосова Т. Е.	
Юридическая ответственность адвокатов: постановка проблемы	161
Кучков Д. С.	
Взаимосвязь публично-правового и частноправового нормативного и ненормативного регулирования общественных отношений	165
Лапшин В. Е.	
Модель педагогической профилактики деструктивного поведения несовершеннолетних	169
Маркина О. В.	
Назначение государственного праздника «День народного единства»	171
Меркурьев В. В.	
Идея естественного права на защиту жизни человека и его безопасного существования в уголовном законодательстве современной России	173

Новиков М. В.	
Понятие функций права как отражение его сущности на различных этапах развития общества	181
Пеньков И. М., Агарков А. В.	
Проблемы, возникающие при расследовании уголовных дел о дорожно-транспортных происшествиях	184
Посашкова А. Л.	
Современные неорелигиозные движения и право	187
Прокофьев В. В.	
Криминологическая и криминалистическая характеристика убийств, совершенных по найму	191
Пугачев Е. В.	
Предпосылки, обуславливающие использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве уголовно-процессуальных доказательств	197
Романов И. И.	
Соотношение политического и государственно-правового режимов	201
Савицкая И. Г.	
Некоторые аспекты проблемы предварительных исследований специалиста в досудебных стадиях уголовного процесса	204
Сатарова Н. А.	
Злоупотребление правом: понятие и общая характеристика	210
Солодовник А. А.	
Теоретические вопросы определения идентификационных признаков оперативно-розыскной характеристики разбойных нападений, совершенных с незаконным проникновением в жилище	218
Срглян С. В.	
Юридические гарантии обеспечения права на традиционный образ жизни в Российской Федерации	221
Федотова И. Н.	
Деятельность последователей Анастасии во Владимирской области	223
Шигина Н. В.	
Интересы субъектов уголовно-правовых отношений и определенность признаков преступления	231

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Анисимов А. В.	
Правовая регуляция профилактики ненормативного поведения несовершеннолетних в России (вторая половина XIX – начало XX в.)	236
Вяхирева Г. Д.	
Телесные наказания в России: проблемы периодизации существования	241
Гашенко В. А.	
Участие органов безопасности в фильтрационной работе в годы Великой Отечественной войны (на примере Западной Сибири)	249
Голубев В. М.	
Становление института судебных исполнителей в советской России (1917–1941 гг.)	254
Олейник И. И.	
Организация и результаты юридической подготовки работников правоохранительных органов в Советском государстве (1917–1941 гг.)	259
Олейник О. Ю.	
Политико-правовые условия функционирования органов государственной безопасности в 1929–1936 гг.	265
Пожарский Д. В.	
Целеполагание в конституционной доктрине Советского государства на примере Конституции СССР 1977 г.	273
Юдин Е. Г.	
Правовое положение сыскной полиции Российской империи в начале XX в.	276

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Новиков С. С.	
Детальный анализ распада Социалистической Федеративной Республики Югославия	280
Пашкова Т. В.	
Проблема идентификации правовой системы Китая	286
Фокина С. П.	
Формы и методы организации обучения в системе юридического образования США	293

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Ю. И. Калинин,
директор ФСИН России
действительный государственный
советник юстиции Российской Федерации
1-го класса
заслуженный юрист Российской Федерации

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

В условиях развития гражданского общества значительная роль отводится уголовно-исполнительной системе (далее: УИС) как одному из важнейших социально-правовых институтов государства.

В силу принятых международных обязательств, реализации требований норм отечественного законодательства, состояния и динамики преступности, изменений социально-криминологических характеристик осужденных Федеральной службы исполнения наказаний (далее: ФСИН России) принимаются конкретные и действенные меры, направленные на реформирование пенитенциарной системы, гуманизацию реализуемой ею уголовно-исполнительной политики.

При этом особое внимание уделяется: улучшению условий содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных, приведению их в соответствие с требованиями российского законодательства и международными стандартами; реализации наказаний, альтернативных лишению свободы; обеспечению охраны прав, свобод и законных интересов осужденных и лиц, содержащихся под стражей; обеспечению правопорядка и законности в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, и в следственных изоляторах, обеспечению безопасности содержащихся в них подозреваемых, обвиняемых и осужденных, а также работников УИС, должностных лиц и граждан, находящихся

на территориях этих учреждений; организации деятельности по оказанию помощи осужденным в социальной адаптации.

Результаты деятельности пенитенциарных учреждений свидетельствуют о том, что на протяжении последних лет они функционируют устойчиво, в полной мере обеспечивая выполнение возложенных на них задач. Несмотря на имеющие место инциденты и преступления в исправительных, воспитательных колониях и следственных изоляторах, в них тем не менее сохраняется управляемая и контролируемая обстановка.

Совершенствуется материальная база УИС, увеличивается ее кадровый состав. По сравнению с 1999 г. объем бюджетного финансирования был увеличен более чем в 10 раз, а инвестиции в капитальное строительство возросли в 23 раза.

Последовательно продолжается работа по внедрению в практику деятельности учреждений и органов УИС общепризнанных принципов и норм международного права, а также международных договоров Российской Федерации в сфере обеспечения прав человека. Это позволило значительно снизить количество жалоб в Европейский суд по правам человека (далее: ЕСПЧ) на нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод в местах лишения свободы.

Так, если в 2002 г. ЕСПЧ принял к рассмотрению 67 таких жалоб, то в 2005 г. – 21, а в 2007 г. – только 5.

В 2007 г. проведено 115 служебных исследований по делам ЕСПЧ и подготовлены необходимые материалы для защиты в нем интересов Российской Федерации. В результате проведенной работы претензии заявителей к деятельности учреждений УИС были признаны ЕСПЧ обоснованными только по 7 делам.

В центре внимания государственных органов, широкой российской общественности постоянно находится положение дел в следственных изоляторах (далее: СИЗО) УИС, так как условия содержания там напрямую влияют на международный престиж и авторитет России. В этой связи приоритетным направлением деятельности ФСИН России и впредь будет оставаться обеспечение прав человека и его законных интересов.

В 2007 г. началась реализация утвержденной Правительством Российской Федерации федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)». С начала реализации программы в нее внесены изменения, касающиеся увеличения объема средств, выделяемых на программу, и источников ее финансирования.

В рамках данной программы в СИЗО будет создано дополнительно 37,2 тыс. мест; проведены мероприятия по передислокации за пределы г. Санкт-Петербурга СИЗО № 1 («Кресты»); в 24 субъектах Российской Федерации, в том числе в Республике Тыва, Краснодарском крае, Астраханской, Новосибирской, Свердловской, Читинской областях и других, запланировано строительство СИЗО нового типа, условия содержания в которых будут соответствовать международным стандартам.

Реализация федеральной целевой программы «Реформирование уголовно-исполнительной системы на 2002–2006 годы», использование внутренних резервов ФСИН России и других источников финансирования, эффективное освоение ресурсов, выделенных на реализацию мероприятий, предусмотренных федеральной целевой программой «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)», организационные меры по снижению количества лиц, содержащихся в СИЗО, позволили к началу 2008 г. довести средний размер жилой площади, приходящейся на одного содержащегося под стражей, до 4,1 кв. м на человека (при норме 4,0 кв. м).

Наряду с созданием дополнительных мест в СИЗО на основании ст. 10 Федерального закона «О содержании под стра-

жей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ в исправительных и воспитательных колониях появляются помещения, функционирующие в режиме СИЗО (далее: ПФРСИ). Создание ПФРСИ является временной мерой, направленной на разгрузку СИЗО. Указанные помещения, как правило, используются для содержания осужденных, ожидающих вступления приговора в законную силу.

Для решения проблемы переполненности отдельных СИЗО Минюстом России и ФСИН России направлялись соответствующие обращения Председателю Верховного Суда Российской Федерации, Генеральному прокурору Российской Федерации, Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации, полномочным представителям Президента Российской Федерации в федеральных округах. В них ставился вопрос об изменении практики избрания меры пресечения в отношении лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за преступления небольшой и средней тяжести, а также женщин и несовершеннолетних.

С учетом наших обращений Президиум Верховного суда Российской Федерации предписал судам обеспечить строгое соблюдение законодательства в части избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, не допускать формального подхода к разрешению соответствующих ходатайств. В результате наметилась тенденция к сокращению применения судами такой меры пресечения. В результате этих мер численность лиц, содержащихся в СИЗО, уменьшилась за 2007 г. на 6 125 чел.

В связи с этим целесообразно дополнить УПК РФ следующим положением: суды при избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу должны наряду с другими обстоятельствами учитывать и наличие свободных мест в СИЗО соответствующего субъекта Российской Федерации. Если в местах содержания под стражей субъекта Российской Федерации соответствующие условия отсутствуют, решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу должно приниматься лишь в исклю-

чительных случаях, когда тяжесть совершенного преступления и личность подозреваемого или обвиняемого не позволяют применить к нему иную меру пресечения.

Вместе с принимаемыми мерами необходимо создавать условия для более широкого применения мер уголовно-процессуального пресечения, альтернативных заключению под стражу. По смыслу действующего уголовно-процессуального законодательства такой мерой является прежде всего домашний арест. Однако пока эта мера применяется судами крайне редко, поскольку в нормах права не определен механизм ее применения.

ФСИН России также поддерживает предложение ряда специалистов о введении коэффициента кратности при зачете осужденным времени содержания под стражей в срок отбывания наказания в виде лишения свободы, в зависимости от назначаемого судом вида исправительного учреждения. Это предложение основывается на необходимости выполнения требований ЕСПЧ, который при рассмотрении жалоб исходит из того, что условия содержания под стражей не должны быть строже условий отбывания назначенного судом уголовного наказания, а также Рекомендации Rec(99)22 Комитета Министров Совета Европы относительно переполненности и чрезмерного увеличения контингента тюрем. Его реализация позволит существенно сократить численность осужденных в местах лишения свободы.

В конце декабря 2004 г. принят федеральный закон о введении в действие наказания в виде обязательных работ, которое реально стало применяться с начала 2005 г. Тем самым появилась еще одна альтернатива наказанию в виде лишения свободы. В настоящее время судами уже вынесено более 47 тыс. приговоров к обязательным работам и наблюдается тенденция к увеличению их числа.

Принимаются меры к введению новых видов наказаний, альтернативных лишению свободы, в частности, наказания в виде ограничения свободы, которое будет заключаться в исполнении осужденными установленных судом обязанностей и запретов.

Исполнение данного вида наказания возлагается на уголовно-исполнительные инспекции, которые будут осуществлять надзор за осужденными по месту их постоянного проживания. Соответствующий законопроект внесен Правительством Российской Федерации в Государственную Думу.

Объем работы, выполняемой уголовно-исполнительными инспекциями, возрастет. В настоящее время на учете в них состоит около 600 тыс. человек, что сопоставимо с количеством осужденных, отбывающих наказания в виде лишения свободы. Всего же по учетам уголовно-исполнительных инспекций в течение календарного года в среднем проходит свыше 1 млн осужденных.

С учетом современных реалий задача дальнейшего совершенствования деятельности уголовно-исполнительных инспекций стала еще более актуальной. В связи с этим приняты меры по укреплению уголовно-исполнительных инспекций и совершенствованию их деятельности. Штатная численность этих учреждений увеличена практически в 2 раза, создано 395 межрайонных уголовно-исполнительных инспекций, имеющих в обслуживаемых районах 2053 филиала.

Деятельность уголовно-исполнительной системы приобрела социальную направленность. В июле 2007 г. в УИК РФ и в Закон РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» внесены изменения, в соответствии с которыми производственный потенциал УИС переориентируется на решение в первую очередь социальных задач: восстановление и закрепление у осужденных профессиональных и трудовых навыков, необходимых для их последующей скорейшей адаптации в обществе. На базе имущественного комплекса этих предприятий создаются центры трудовой адаптации осужденных и производственные мастерские, основной задачей которых является трудовое воспитание осужденных.

Существенно укреплен социальная служба в исправительных учреждениях. Так, социальные работники учреждений повседневно решают вопросы социальной адап-

тации и подготовки осужденных к жизни на свободе. Они тесно взаимодействуют с представителями органов местного самоуправления, правоохранительными органами, службами занятости и социальной защиты населения при решении вопросов получения осужденными пособий, пенсий, документов, дающих право на льготы и т. д.

Реализуется право осужденных на получение психологической и психотерапевтической помощи. Ежегодно психологическое и психиатрическое обследование проходят более 80 % осужденных, подозреваемых и обвиняемых, выявляются лица с признаками психических отклонений, повышенной агрессивностью, склонные к совершению самоубийств. Особое внимание уделяется разрешению конфликтов, выявлению причин, осложняющих оперативную обстановку, прогнозированию и предупреждению чрезвычайных происшествий. Проводится постоянный мониторинг личности осужденного для выработки мер по его социальной реабилитации.

Реализуется право осужденных на получение основного общего и профессионального образования. Дальнейшее развитие получило заочное и дистанционное обучение. В работе с осужденными приоритет отдается педагогическим и психологическим методам воздействия, духовному воспитанию, повышению их интеллектуального и образовательного уровня.

В настоящее время в исправительных учреждениях функционируют 338 профессиональных училищ, в которых рабочим специальностям обучается около 79 тыс. осужденных, а также 300 вечерних образовательных школ и 364 учебно-консультационных пунктов, в которых проходят обучение свыше 62 тыс. человек.

Проводится целенаправленная работа по обеспечению прав осужденных на охрану здоровья. Созданы условия для организации эффективной борьбы с социально значимыми заболеваниями, ведется конструктивная работа с Министерством здравоохранения и социального развития Российской Федерации.

На фоне ежегодного поступления в учреждения УИС порядка 30 тыс. больных

туберкулезом количество больных активной формой этого заболевания в последние годы за счет улучшения медицинского обеспечения в местах лишения свободы уменьшилось со 100 тыс. (на 01.01.2002) до 44,7 тыс. человек.

В настоящее время осужденные, больные туберкулезом, полностью обеспечены противотуберкулезными препаратами первого ряда, существенно укрепилась материально-техническая база для их лечения. Организована поставка противотуберкулезных препаратов для лечения больных лекарственно-устойчивыми формами туберкулеза. Созданы центральная, межрегиональные и региональные бактериологические лаборатории по диагностике лекарственно устойчивой формы туберкулеза.

Для проведения лечения заключенным, больным наркоманией, в пенитенциарных учреждениях ФСИН России созданы специализированные лечебно-исправительные учреждения, внедряются новые методы диагностики и лечения. Кроме того, в каждом учреждении УИС введены должности врачей психиатров-наркологов, психотерапевтов и психологов, имеются необходимые материально-техническая и лечебная базы. Эти меры позволили существенно повлиять на снижение заболеваемости и смертности от туберкулеза в учреждениях УИС (заболеваемость туберкулезом по сравнению с 1999 г. снизилась в 2 раза, смертность – в 4 раза).

Постановлением Правительства Российской Федерации от 10 мая 2007 г. № 280 утверждена федеральная целевая программа «Предупреждение и борьба с социально значимыми заболеваниями (2007–2011 годы)», предусматривающая строительство и реконструкцию специализированных медицинских учреждений УИС. Реализация программных мероприятий создаст предпосылки для эффективного лечения осужденных, укрепления их здоровья, снижения уровня заболеваемости.

Ухудшающийся криминальный состав осужденных, возросшая активность криминальных лидеров в местах принудительной изоляции и вне их, пытающихся распространять «воровские традиции», организовывать и координировать противоправные

действия осужденных и лиц, заключенных под стражу, состояние пенитенциарной преступности обусловили меры профилактики противоправных действий осужденных, а также побегов. В связи с этим существенно укреплены службы надзора в исправительных колониях. Современными интегрированными системами безопасности оснащено более 40 % исправительных учреждений и более 65 % СИЗО УИС. Это позволило значительно усилить надзор на территориях, непосредственно прилегающих к охраняемому периметру. Создан предварительный (так называемый нулевой) рубеж охраны, позволяющий получать тревожный сигнал на подходе к основному ограждению.

Министерством юстиции Российской Федерации и Федеральной службой исполнения наказаний проводится большая работа, направленная на совершенствование законодательной базы процесса исполнения уголовных наказаний.

Только в 2007 г. приняты 6 федеральных законов и ряд нормативных правовых актов Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, затрагивающих деятельность УИС.

Федеральным законом «О признании утратившим силу абзаца шестого пункта 2 части второй статьи 33 Федерального закона "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений"» от 5 февраля 2007 г. № 9-ФЗ исключено положение, предусматривающее отдельное содержание от других подозреваемых и обвиняемых иностранных граждан и лиц без гражданства. Данная поправка позволила привести названный Закон в соответствие с основополагающим конституционным принципом равенства граждан перед законом.

Федеральным законом «О внесении изменений в Закон Российской Федерации "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 5 февраля 2007 г. № 10-ФЗ территориальные органы УИС наделены правом определять по согласованию с органами местного самоуправле-

ния муниципальных районов либо органами местного самоуправления городских округов границы территорий, прилегающих к подведомственным учреждениям, на которых Министерством юстиции Российской Федерации по согласованию с Генеральной прокуратурой Российской Федерации устанавливаются режимные требования.

Кроме того, в соответствии с рекомендациями Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания названным Законом отменен запрет на пользование книгами, газетами, журналами и иной литературой подозреваемым и обвиняемым, водворенным в карцер.

Федеральным законом «О внесении изменений в статью 38 Закона Российской Федерации "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы"» от 19 июня 2007 г. № 104-ФЗ уполномоченные по правам человека в субъектах Российской Федерации наделены правом посещения без специального разрешения для осуществления контроля учреждений, исполняющих наказания, и СИЗО.

Федеральный закон «О внесении изменений в статью 73 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» от 19 июля 2007 г. № 142-ФЗ изменил порядок определения осужденным места отбывания наказания, что позволяет осуществлять размещение осужденных исходя из реальных возможностей УИС до создания необходимого количества исправительных учреждений в каждом субъекте Российской Федерации.

Федеральным законом «О внесении изменений в статьи 135 и 138 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» от 1 декабря 2007 г. № 299-ФЗ устранены правовые пробелы и несоответствия в части регламентации применения к осужденным к лишению свободы в воспитательных колониях мер поощрения, в частности, в виде досрочного перевода из строгих условий отбывания наказания в обычные.

Указом Президента Российской Федерации «О внесении изменений в некоторые

акты Президента Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в сфере юстиции» от 16 марта 2007 г. № 359 изменен порядок представления ходатайств о помиловании и соответствующих сведений Президенту Российской Федерации.

Таким образом, сегодня в России созданы необходимые юридические и социально-экономические предпосылки для качественно нового развития учреждений и органов, исполняющих наказания. Намечалась позитивная тенденция к обеспечению лиц, содержащихся под стражей, жилой площадью, укрепления прав и законных интересов подозреваемых, обвиняемых и осужденных.

Несмотря на достигнутые определенные успехи, УИС продолжает свое развитие: исходя из задач, поставленных перед

С. Н. Емельянов,
начальник ВЮИ ФСИН России
кандидат педагогических наук, доцент

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Обеспечение безопасности осужденных, персонала и иных лиц, находящихся на территории исправительных учреждений, равно как и самих учреждений, обусловлено не только спецификой последних, но и требованиями законодательства, регулирующего общественные отношения в области уголовных наказаний (например, п. 3, подп. 4; п. 7, подп. 1 Положения о Федеральной службе исполнения наказаний¹; ст. 13, 33 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 21 июля 1993 г. № 5473-1²; ст. 82, 84 УИП РФ). Вместе с тем анализ уголовно-исполнительного законодательства свидетельствует о его некотором несоответствии нормам законодательства, регули-

ФСИН России руководством нашего государства; международного опыта; рекомендаций Совета Европы; требований Европейских пенитенциарных правил; необходимости дальнейшей оптимизации исполнения и отбывания уголовных наказаний, обусловленных составом спецконтингента, его социально-психологическими и криминальными характеристиками, противоправным характером поведения в период отбывания наказания и другими факторами.

Библиографический список

1. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы : информ.-аналит. сб. – Тверь, 2007.

2. Сводный отчет о деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России : информ.-аналит. сб. – Тверь, 2007.

рующего общественные отношения в области безопасности. В первую очередь следует отметить отсутствие в уголовно-исполнительном законодательстве определения понятия «безопасность исправительного учреждения». Тогда как создание условий для обеспечения правопорядка и законности, безопасности осужденных, а также персонала, должностных лиц и граждан, находящихся на территории учреждений, исполняющих наказания, является обязанностью данных учреждений (ст. 12, п. 2 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих наказания в виде лишения свободы»). Опыт правоприменительной практики говорит о том, что ее эффективность напрямую зависит от четкости формулировок норм права, исключающих их неоднозначное толкование. Например, Закон РФ «О безопасности» от 5 марта 1992 г. № 2446-1 в ст. 1 определяет безопасность как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз³. Таким образом, безопасность исправи-

¹ См.: Рос. газ. 2004. 19 окт.

² См.: СЗ РФ. 2002. № 52. Ст. 5132.

³ См.: Рос. газ. 1992. 6 мая.

тельного учреждения можно определить как состояние защищенности учреждения, его объектов, осужденных, персонала и граждан, находящихся на территории данного учреждения, от внутренних и внешних угроз. Поскольку исправительные учреждения являются федеральными государственными учреждениями, содержание деятельности по обеспечению внутренней и внешней безопасности данных учреждений является обязанностью государства, в частности, соответствующих федеральных органов исполнительной власти, в первую очередь Федеральной службы исполнения наказаний (далее: ФСИН России).

Эффективность решения задач по обеспечению безопасности исправительных учреждений, по нашему мнению, зависит от эффективности решения как организационных, так и правовых вопросов деятельности учреждений и органов ФСИН России. С этой целью нам представляется необходимым законодательное закрепление понятия «безопасность исправительного учреждения» в УИК РФ. Вполне возможно, что для более четкого определения перечня внутренних и внешних угроз безопасности исправительного учреждения, а следовательно, и мер безопасности потребуются дополнение разд. IV «Исполнение наказания в виде лишения свободы» УИК РФ отдельной (самостоятельной) главой «Безопасность исправительного учреждения и меры ее обеспечения». Это, на наш взгляд, позволит обеспечить организационно-структурное построение сил и средств исправительных учреждений, адекватных реальным и потенциальным угрозам объектов безопасности данных учреждений, исходящим от внутренних и внешних источников опасности.

Принимая во внимание, что проблема обеспечения безопасности исправительного учреждения, безусловно, является комплексной, ее решение также должно носить комплексный характер. Научно обоснованный подход к решению организационных проблем обеспечения безопасности исправительного учреждения обуславливает не-

обходимость исследования и анализа всей совокупности условий и факторов, создающих опасность жизненно важным интересам такого учреждения, его объектам и лицам, находящимся на его территории (осужденным, персоналу, иным гражданам). В частности, для оценки внутренней угрозы в первую очередь необходимо обратиться к характеристике самой уголовно-исполнительной системы (далее: УИС), в том числе лиц, отбывающих наказания в исправительных учреждениях.

По данным ФСИН России, на 1 мая 2008 г. в учреждениях УИС содержится 893,6 тыс. чел., в том числе в 758 исправительных колониях – 728,8 тыс. чел., в 217 следственных изоляторах, 7 тюрьмах и 160 помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов, – 159,6 тыс. чел., в 62 воспитательных колониях для несовершеннолетних – 10,0 тыс. чел. В исправительных учреждениях отбывают наказания 66,2 тыс. осужденных женщин, при женских колониях имеется 11 домов ребенка, где проживают 732 ребенка¹.

Общее количество зарегистрированных преступлений, совершенных в исправительных учреждениях, несмотря на некоторое снижение, остается высоким. В частности, в 2007 г. в учреждениях, исполняющих наказания, по данным ФСИН России, зарегистрировано 1134 преступления, из них: дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, – 175 случаев; захваты заложников – 3; убийства – 24, умышленные причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшие смерть потерпевшего, – 18; побеги из мест лишения свободы – 289; приобретение, сбыт наркотических средств – 197.

По данным специальных учетов, каждый четвертый осужденный отбывает наказание за убийство и причинение тяжкого вреда здоровью, каждый пятый – за грабеж или разбой, около половины осужденных отбывают наказания второй раз и более. Таким образом, можно сделать вывод, что одним из основных источников внутренней угро-

¹ См.: <http://fsin.su/main.phtml?cid=6>.

зы безопасности исправительного учреждения, его объектов, осужденных, персонала и иных лиц, находящихся на территории этого учреждения, являются сами осужденные. Этим и обуславливается система мер безопасности, предусмотренная уголовно-исполнительным законодательством, в числе которых в первую очередь представляется целесообразным отметить такие, как: режим в исправительных учреждениях и средства его обеспечения (ст. 82 УИК РФ), оперативно-розыскная деятельность в исправительных учреждениях (ст. 84 УИК РФ), меры безопасности и основания их применения (ст. 86 УИК РФ), охрана объектов УИС, конвоирование осужденных и т. п. (ст. 12 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»).

Для реализации вышеперечисленных мер в учреждениях, исполняющих наказания, созданы соответствующие структурные подразделения, в чьи функции входит обеспечение безопасности объектов УИС, осужденных, персонала и иных лиц, находящихся на территории этих учреждений. Среди них необходимо выделить такие, как: отдел охраны, отдел безопасности (в исправительных колониях), отдел режима (в следственных изоляторах и тюрьмах), оперативный отдел и др., – каждый из которых выполняет свои специфические обязанности, предусмотренные действующим законодательством.

Кадровое обеспечение указанных подразделений возложено на образовательные учреждения, подведомственные ФСИН России, в числе которых 74 учебных центра (учебных пункта), 7 образовательных учреждений высшего профессионального образования (с 7 филиалами), 1 образовательное учреждение среднего профессионального образования и 1 институт повышения квалификации (по состоянию на 1 мая 2008 г.).

Анализ учебных планов, реализуемых образовательными учреждениями высшего профессионального образования, дает основание утверждать, что перечень дисциплин ведомственной специализации не позволяет сегодня говорить об адресной

подготовке специалистов в ведомственных вузах для конкретных структурных подразделений исправительных учреждений, что, безусловно, сказывается на качестве подготовки кадров и, следовательно, на эффективности оперативно-служебной деятельности.

Таким образом, можно сделать вывод, что обеспечение безопасности исправительного учреждения входит в число задач, являющихся исключительной компетенцией государства, эффективность решения которых зависит в первую очередь от четкой системы нормативно-правового регулирования данной области общественных отношений, а также от уровня и качества профессионального образования сотрудников структурных подразделений, предназначенных для обеспечения безопасности объектов УИС и находящихся на территории этих объектов лиц.

По нашему мнению, решение этих проблем должно быть направлено на совершенствование уголовно-исполнительного законодательства, а также формирование учебных планов профессионального обучения специалистов, обеспечивающих адресную подготовку кадров для конкретных структурных подразделений исправительных учреждений. Безусловно, это далеко не полный перечень проблем, тем не менее они закономерно относятся к числу первоочередных.

В перспективе нам представляются целесообразными организация комплексных фундаментальных и прикладных исследований проблем обеспечения безопасности исправительных учреждений, а также разработка концепции безопасности исправительного учреждения.

Библиографический список

1. О безопасности : закон Рос. Федерации : [от 5 марта 1992 г. № 2446-1] // Рос. газ. – 1992. – 6 мая.
2. Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы : закон Рос. Федерации : [от 21 июля 1993 г. № 5473-1] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 52. – Ст. 5132.

В. М. Морозов,
*декан факультета внебюджетного
образования ВЮИ ФСИН России,
советник ФСИН России
доктор социологических наук, профессор*

ЗАХВАТЫ ЗАЛОЖНИКОВ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ

Возникновение, а затем и расширение географии терроризма, рост числа нападения и захватов заложников привели мировое сообщество к мысли о необходимости разработки международно-правового механизма, способного противостоять этой опасности. В их числе следует назвать принятую в 1979 г. на Генеральной Ассамблее ООН «Международную конвенцию о борьбе с захватом заложников», согласно которой: «Любое лицо, которое захватывает или удерживает другое лицо и угрожает убить, нанести повреждение или продолжать удерживать другое лицо (здесь и далее именуемое как «заложник») для того, чтобы заставить третью сторону, а именно: государство, международную межправительственную организацию, какое-либо физическое или юридическое лицо или группу лиц – совершить или воздержаться от совершения любого акта в качестве прямого или косвенного условия для освобождения заложника, совершает преступление захвата заложников...»¹. Кроме этой Конвенции сотрудничество государств в борьбе с захватом заложников регулируется Дополнительным протоколом № 1 (1977 г.) к Женевской конвенции о защите жертв войны (1949 г.), Женевской конвенцией о защите гражданского населения во время войны (1949 г.), Европейской конвенцией о пресечении терроризма (1977 г.).

После принятия Международной конвенции 1979 г. в уголовные кодексы многих стран стали вводить статьи, предусматривающие ответственность за захват заложника.

В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации захват заложника (ст. 206 УК РФ) рассматривается как одно из особо тяжких преступлений (при отяг-

чающих обстоятельствах) террористического характера. Оно будет таковым, если: преступники и их жертвы являются гражданами одного и того же государства или разных государств, но преступление совершено за их пределами; заложниками являются лица, пользующиеся международной защитой; подготовка этого преступления проходила в одном государстве, а совершено оно было в другом; преступники укрываются в другом государстве и встает вопрос об их выдаче. Эти условия присущи всем без исключения актам международно-терроризма. Оно посягает на общественную безопасность, жизнь, здоровье, а также свободу и личную неприкосновенность человека, гарантированные Конституцией РФ (ст. 22). Трансформация международно-правовых норм о захвате заложника в национальное законодательство явилось важным вкладом в дело борьбы с этим преступлением на территории Российской Федерации, так как в последние годы Министерству юстиции и МВД Российской Федерации и их подразделениям приходится все чаще сталкиваться с подобными преступлениями. Нередко в качестве заложников берутся иностранные граждане: дипломаты, коммерсанты, представители благотворительных организаций, – что, как показывает практика, может повлечь за собой нанесение политического и экономического ущерба России в ее международных отношениях, привести к срыву либо отсрочке принятия решений, имеющих важное межгосударственное значение.

Учреждения, исполняющие наказания, или, как принято еще их называть, пенитенциарная сфера, являются неотъемлемой составляющей любого государства. Поэтому изменения, происходящие в экономике, политике, области социальных отношений, неизбежно отражаются на функционировании структур мест лишения свободы. Криминализация общества и ее негативные последствия в исправительных учреждениях, необоснованная критика пенитенциарной системы, не зависящие от нее трудности ресурсного обеспечения процесса исполнения наказаний привели к сокращению возможностей использования основных средств ресоциализации осуж-

¹ Ляхов Е. Г. Терроризм и межгосударственные отношения. М., 1991. С. 75.

денных, обеспечению необходимых мер по соблюдению правопорядка в местах лишения свободы. В итоге – волна насилия, террора достигла исправительных учреждений и следственных изоляторов.

Изучение организационного и правового аспектов борьбы с захватами заложников в местах лишения свободы особо актуально в связи с ростом агрессивности и дерзости преступников. Если в прошлые годы при захватах заложников в пенитенциарной системе осужденные требовали прибытия руководителей МВД–УВД, прокуратуры, пересмотра судебных решений, перевода в другое учреждение, то в настоящее время содержание их требований качественно изменилось. Сейчас преступники, захватившие заложников в исправительных учреждениях или следственных изоляторах, часто настаивают на предоставлении им транспорта, огнестрельного оружия, боеприпасов, наркотиков, спиртных напитков, крупных сумм денег, возможности беспрепятственно покинуть исправительное учреждение, следственный изолятор и даже страну.

Ряд зарубежных исследователей, в частности, руководитель кафедры теории управления Высшей полицейской академии Германии Гюнтер Бар, рассматривают захват заложников в исправительном учреждении как средство для совершения побега. Действительно, в целом ряде случаев, изученных нами, этот мотив присутствует.

Однако в ситуациях с захватом заложников в местах лишения свободы он далеко не единственный. По мнению российских ученых А. Г. Артюха и Н. М. Якушина, к другим мотивам относятся: усталость осужденных от жизни в исправительном учреждении; несогласие с мнением администрации по условиям и режиму содержания; нарушение норм справедливости отдельными сотрудниками; отсутствие возможностей для нормального удовлетворения сексуальных потребностей; непреодолимое желание вырваться на свободу (повидать семью) любыми способами; склонение администрации к предоставлению дополнительных льгот. Это причины, на которые указали сами преступники.

К условиям, способствующим захвату заложников, названные авторы относят:

хронический недокомплект кадров; нарушение требований по обеспечению безопасности персонала (особенно женщин); отсутствие надлежащего контроля за поведением осужденных; низкий уровень физической подготовки сотрудников; некорректное отношение к осужденным¹.

Среди других причин, влияющих на совершение подобных криминальных явлений, можно назвать наличие долга осужденным и невозможность его уплаты, желание отомстить кому-либо на свободе, убийство сокамерника в следственном изоляторе или исправительном учреждении, потеря сферы влияния членами земляческой или иной группировки в исправительном учреждении.

Причины захвата заложников также различаются в зависимости от того, к какой категории принадлежат осужденные к лишению свободы или заключенные под стражу. Так, например, чаще всего преступники элитных слоев используют захват заложников для создания условий с целью беспрепятственного выезда из мест лишения свободы. Ведущим мотивом у «авторитетов» обычно является совершение побега либо стремление избежать расправы за допущенные нарушения неформальных норм преступного сообщества, разрешить опасный для жизни и здоровья межличностный конфликт. Нередко они стремятся придать инциденту возможно большую рекламу, привлечь средства массовой информации для того, чтобы ситуация захвата заложника вышла за пределы пенитенциарного учреждения. Играя на естественных чувствах сострадания, привлекая к себе внимание правозащитных организаций, преступники стремятся достичь своих вполне определенных целей.

У представителей непривилегированных «каст» осужденных и заключенных под стражу мотивы захвата иные. Прежде всего, это настойчивое желание избавиться от притеснений и унижений, которым они нередко подвергаются со стороны уголовно-воровских авторитетов и приближенных к ним лиц. И в случае, когда заключенным не уда-

¹ См.: Артюх А. Г., Якушин Н. М. Управление силами и средствами при освобождении заложников из ИТУ и СИЗО. М., 1993. С. 12.

ется добиться от администрации перевода в другое исправительное учреждение иным путем, происходит захват заложника с выдвижением соответствующих требований.

Нередко на появление у осужденных замыслов захватить заложников оказывают влияние фильмы и публикации, детально раскрывающие действия преступников.

Захваты заложников в местах лишения свободы осуществляются группой лиц, готовятся тщательно и подолгу. Анализ фактов захвата заложников свидетельствует о том, что около 90 % из них были совершены с предварительной подготовкой, которая почти в 50 % случаев длилась в течение месяца и более. В процессе подготовки преступники изучают недостатки в организации надзора и охраны, несения службы дежурными сменами и сотрудниками, разрабатывают план преступных действий, осуществляют выбор жертв, места и времени захвата, последовательность действий по выдвижению требований для достижения желаемой цели, выбор способов психологического воздействия на должностных лиц, заложников, а также мер обеспечения личной безопасности.

Исследование этих противоправных деяний как одного из типов терроризма позволяет установить оптимальные организационные и тактические способы их реализации. Действия преступников в подобной обстановке, как правило, однотипны и часто развиваются по похожим сценариям. Вначале это поиск жертвы (заложника), затем некоторое выжидание или искусственное создание ситуации, удобной для захвата. После чего совершаются сам захват заложника и изоляция вместе с ним в запираемом или забаррикадированном помещении. Далее происходит выдвижение требований к администрации мест лишения свободы, сопровождаемое угрозами расправы с жертвами, если требования не будут удовлетворены. В подтверждение серьезности своих намерений преступники истязают заложников, иногда убивают одного из них. Из общего числа лиц, совершивших захваты заложников в пенитенциарных учреждениях, 44 % состояли на учете как имеющие склонность к совершению правонарушений и побегам, 82 % нападавших использовали ножи, заточки,

пики и другие колющие и режущие предметы, изготовленные на предприятиях исправительных учреждений.

Эти факты свидетельствуют об упущениях в организации предупредительной и профилактической работы соответствующих служб учреждений пенитенциарной системы. Хотя следует отметить, что ее осуществление является наиболее сложным видом профессиональной деятельности, которое обусловлено определенными факторами. Прежде всего, это то, что сама организация исполнения наказаний в виде лишения свободы не может предусмотреть абсолютной изоляции сотрудников и вольнонаемных работников от осужденных, что вызывает необходимость принятия определенных мер, реализация которых выступала бы сдерживающим фактором либо исключала возможность захвата заложников. К ним относятся: соблюдение персоналом бдительности, организация и осуществление мероприятий защитного и общепредупредительного характера, проведение профессиональной подготовки и обучения сотрудников.

В системе мер по профилактике захватов заложников важнейшее значение имеют успешное проведение специальных операций по их освобождению и информирование об этом осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях, а также об уголовно-правовых и иных последствиях, наступивших для преступников, связанных с этим преступным деянием.

За рубежом на основе многолетней практики борьбы с таким преступлением выработан ряд следующих основополагающих принципов организационно-тактического плана, которым противостоящая террористам сторона должна следовать, чтобы добиться реального успеха в деле освобождения заложников: использование в критических ситуациях, связанных с захватом заложников, специально подготовленных групп и отдельных квалифицированных специалистов, выбор соответствующего конкретным обстоятельствам переговорщика либо переговорщиков; определение наиболее рационального в данных условиях способа общения с террористами; организация информационно-аналитической

работы по оценке ситуации и ее различных аспектов в целях использования поступающей информации и результатов ее анализа для направления хода событий в благоприятное для освобождающей стороны русло; проведение четкой и согласованной работы со средствами массовой информации во избежание нежелательного и неблагоприятного для освобождающей стороны освещения событий; постоянное взаимодействие переговорщиков с подразделениями, нацеленными на силовое подавление террористов, с тем чтобы выбрать наиболее подходящий момент для их нейтрализации (ликвидации); постоянная фиксация всех аспектов обстановки для последующего объективного и детального анализа и выработки соответствующих выводов и рекомендаций на будущее. Следует отметить, что следование этим принципам не раз приносило положительные результаты.

В стратегическом отношении специальная операция по освобождению заложников предполагает определенный, уже вполне сложившийся подход. Операцией руководит специальный штаб, работающий на постоянной основе, который начинает действовать, как только возникает кризисная ситуация. Вначале в максимально сжатые сроки он собирает информацию о возникшей экстремальной ситуации, затем координирует действия личного состава, принимающего участие в операции. Это связано с тем, что преступники торопят с удовлетворением выдвигаемых ими требований, сокращают сроки реализации угроз расправы с заложниками, а также с необходимостью ускорения процесса подготовки к операции по освобождению заложников и ее проведению. В этот же период силами правопорядка осуществляется блокирование помещения, транспортного средства, оцепление участка местности, микрорайона в населенном пункте, где находятся террористы и их жертвы.

Затем следует комплекс мероприятий по ненасильственному освобождению захваченных в качестве заложников лиц. Сегодня в практику правоохранительных органов нашей страны и большинства других государств мира прочно вошли переговоры с преступниками, основной целью которых

является сохранение жизни и здоровья заложников.

Имеются различные подходы к организации ведения переговоров с преступниками. Один из них содержит требование о наличии заранее разработанного сценария. Однако, как показала практика, в реальной действительности такие заготовки должного эффекта не дают. Это связано с тем, что содержательная сторона переговоров не может быть подготовлена заблаговременно, шаблонность их реализации в различных ситуациях неприемлема, поскольку каждый случай захвата заложников имеет свои особенности, обуславливаемые многими факторами.

Как правило, переговоры с преступниками осуществляются с участием профессиональных переговорщиков, психологов, специалистов по нейролингвистическому программированию, представителей исполнительной и законодательной ветвей власти, ФСБ, священнослужителей, других осужденных, родственников террористов и т. д. Переговоры – это своего рода торг, в ходе которого каждая из сторон желает получить возможно больше преимуществ. Лица, захватившие заложников, находятся в состоянии аффекта, кричат, угрожают, оскорбляют представителей сил правопорядка. Во имя спасения жизни и здоровья заложников необходимо сбить волну эмоций, придать переговорам спокойный, приемлемый для обеих сторон характер. Поэтому в переговорах с террористами следует использовать только специально подготовленных сотрудников, прошедших курс обучения в качестве переговорщика. При захвате заложников и выдвижении требований террористы, как правило, возбуждены, и любые непрофессиональные попытки контакта с ними могут привести к насильственным действиям с их стороны. Нередко это связано с тем, что преступникам сразу дается объяснение о неправомерности их поведения, что вынуждает их проявлять агрессивность. Чтобы переговоры вошли в нормальное русло, необходимо дать террористам возможность опомниться. Только профессиональные переговорщики смогут получить от преступников оперативную информацию и успокоить их. В это же вре-

мя практическим психологом, являющимся штатным сотрудником спецподразделения, по имеющейся оперативной информации, результатам анализа переговоров (в случае захвата заложников) и иным данным может быть составлен психологический портрет террористов, если они неизвестны, что поможет предсказать возможный вариант развития событий, а оперативному штабу разработать запасные варианты решения той или иной оперативно-тактической задачи.

Полицией США используется несколько иной способ ведения переговоров с преступниками. В переговорном процессе она использует трех переговорщиков одновременно. Собственно переговоры ведет первый переговорщик. Он стремится вызвать чувство доверия у террористов и получить максимум информации.

Второй переговорщик записывает полученную информацию и следит за тем, чтобы первый переговорщик не потерял чувства реальности и не стал бы защищать, сам того не осознавая, интересы террористов. Зарубежные и отечественные исследователи отмечают распространенность подобных случаев. Например, в августе 1973 г. в Стокгольме после захвата четырех заложников в банке в самом центре города одна из захваченных женщин стала упрашивать полицию не штурмовать банк и сказала, что она доверяет террористам, обещавшим не трогать своих пленников. Такая «положительная связь» между заложниками и террористами получила название «стокгольмский синдром». Это явление, как определили позднее медики, развивается в течение 3–4 дней, если жертва и насильник не знают друг друга. Потом фактор времени теряет значение, причем «стокгольмский синдром» относится к числу труднопреодолимых и действует довольно долго. История захвата заложников знает немало примеров подобного синдрома. Самым одиозным его проявлением принято считать поведение американца Петти Херста, который после освобождения вступил в террористическую организацию, члены которой его захватили, и принимал участие в вооруженных ограблениях¹.

¹ См.: Варламов А. Стокгольмский синдром // Рос. газ. 2002. 25 окт.

Третий переговорщик находится на командном пункте, собирает и анализирует всю информацию, поступающую от оперативных групп и непосредственных переговорщиков.

Для объективной оценки обстановки необходимо предельно полно выяснять выдвигаемые преступниками требования, которых может быть множество.

В ходе переговоров не следует угрожать применением силы, проявлять озлобленность и строгую официальность. Целью переговоров должна быть переориентация криминальной установки лиц, захвативших заложников. Важно создать у них компромиссное настроение путем удовлетворения допустимых требований, а затем усилить давление на них до тех пор, пока они не убедятся, что единственный выход из создавшейся обстановки – это освободить заложников без кровопролития.

Переговоры дают возможность выиграть время, которое используется для организации проведения операции по освобождению заложников. Кроме того, они изматывают преступников, усыпляют их бдительность.

Однако переговорный процесс не может быть бесконечен – он либо имеет перспективу, либо нет, но в любом случае переговоры должны быть организованы и вестись в интересах сохранения жизни заложников.

При неудачном исходе переговорного процесса, невменяемости преступников или возникновении непосредственной угрозы жизни и здоровью заложников применяются силовые методы.

Перед началом силовой операции ее руководитель обязан провести следующие организационные мероприятия: выработать с членами оперативного штаба решение о проведении операции; определить численность и состав сил и средств, проверить их готовность; разработать систему взаимодействия, способы связи, условные сигналы управления; провести инструктаж участников операции, разъяснить порядок действий, меры обеспечения личной безопасности и безопасности заложников; проверить ресурсное обеспечение операции (специальными и другими средствами, используемыми для внезапного проникновения к преступникам, подавления их активности и обезвреживания, а также средства-

ми безопасности участников операции, медицинскими средствами).

Тактика освобождения заложников зависит от конкретной обстановки, складывающейся на месте происшествия, и других факторов, которые связаны с местом осуществления этих действий. Готового рецепта не существует. Однако их учет необходим для того, чтобы свести на нет риск причинения вреда заложникам, участникам операции и иным лицам. Это связано и с тем, что Закон РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», Федеральный закон «О противодействии терроризму» и Закон РФ «О милиции» в операциях по освобождению заложников дают право сотрудникам спецподразделений применять оружие и спецсредства. Вот почему проведение операции предполагает ее предельно четкую организацию. Только строгая дисциплина, взаимодействие и полное исключение неоправданной самостоятельности могут привести к успеху в операции по освобождению заложников.

Однако анализ мероприятий, проводимых в исправительных учреждениях по освобождению заложников, показывает, что из-за игнорирования данных принципов руководители операций нередко допускают ошибки в разработке мероприятий по обезвреживанию преступников. В итоге это приводит к потерям как среди заложников, так и участников операций или их ранению. К наиболее распространенным недостаткам относятся: неопределение оптимальной достаточности сил, специальных средств боевой и другой техники, оружия; неполный учет особенностей объекта, в котором находятся преступники, неотработка вариантов комплексного использования боевых способов подавления их активности; использование вооружения, специальной техники, автотранспортных средств, средств связи устаревшей модификации; неоперативность профессионального мышления по принятию вариантов эффективных решений по освобождению заложников, обезвреживанию преступников; отсутствие в исправительных учреждениях специально подготовленных, профессионально обученных, натренированных, физически и психологически готовых к внезапным си-

ловым действиям групп; неготовность специальных подразделений к оперативным действиям из-за потери времени на прибытие и слабого ориентирования на объекте проведения операции; отсутствие схем планировки зданий и сооружений, помещений, их инженерно-технической характеристики; организация действий личного состава учреждения по решениям и алгоритмам, выработанным путем проведения тренировок и учений и не проверенных на практике; преобладание силовых подходов к проведению операции, а также применения огнестрельного оружия, неиспользование возможностей переговорного процесса и других вариантов освобождения заложников, включая применение специальных средств подавления активности преступников¹.

Как будет развиваться ситуация с захватом заложников в учреждениях пенитенциарной системы в будущем, покажет время. Однако уже сейчас можно сказать, что исследуемое явление, как и преступность в целом, носит объективный характер. Причины, побуждающие осуществлять захват заложников, остаются неизменными. Лица, находящиеся в исправительных учреждениях, заключенные под стражу, будут читать прессу, смотреть телевидение, поэтому во многом места лишения свободы будут отражать процессы, происходящие в обществе. Не исключено, что с ростом числа преступлений террористического характера в условиях свободы возрастет количество захватов заложников в исправительных учреждениях и следственных изоляторах.

Библиографический список

1. *Барабанов, Н. П.* Предупреждение и пресечение чрезвычайных ситуаций криминального характера в исправительных учреждениях : в 2 ч. / Н. П. Барабанов. – Рязань, 1999.
2. *Ляхов, Е. Г.* Терроризм и межгосударственные отношения / Е. Г. Ляхов. – М., 1991.
3. *Артюх, А. Г.* Управление силами и средствами при освобождении заложников из ИТУ и СИЗО / А. Г. Артюх, Н. М. Якушин. – М., 1993.

¹ См.: *Барабанов Н. П.* Предупреждение и пресечение чрезвычайных ситуаций криминального характера в исправительных учреждениях: В 2 ч. Рязань, 1999. Ч. 2. С. 40.

А. И. Абатуров,
адъюнкт
научно-исследовательского института
Федеральной службы исполнения наказаний

**ОСОБЕННОСТИ ПРОФИЛАКТИКИ
ЗЛОСТНЫХ НАРУШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ
С ОРГАНИЗАЦИЕЙ ГРУППИРОВОК ОСУЖДЕННЫХ
В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ**

Положительные изменения в современной социально-экономической ситуации в России закономерно сориентировали уголовно-исполнительную политику государства на переход от жестких карательных мер к гуманизации условий и порядка исполнения наказаний, а также стимулированию правопослушного поведения осужденных. Однако гуманизм по отношению к лицам, отбывающим уголовные наказания, не имеет ничего общего с безнаказанностью, вседозволенностью и всепрощенчеством. Поэтому к нарушителям режима содержания в исправительных учреждениях (далее: ИУ) следует применять все законные методы принуждения, которые могут быть реализованы не только путем предупреждения об ответственности, но и непосредственно наложения дисциплинарного взыскания.

Как известно, любое нарушение режима отбывания наказания, с одной стороны, характеризует личность осужденного, с другой, отрицательно влияет на оперативную обстановку в ИУ. Именно поэтому очень важно, чтобы ни один проступок осужденного не оставался вне поля зрения сотрудников и всякий раз получал своевременную и правильную с точки зрения закона оценку. Такой подход, безусловно, позволит достичь положительных результатов.

Наиболее серьезные нарушения установленного порядка отбывания наказания законодатель перечислил в ст. 116 УИК РФ.

Однако следует отметить, что на практике возникает ряд проблем при применении ст. 116 УИК РФ. В связи с этим необходимо проанализировать некоторые недостатки редакции указанной статьи, а также вопросы профилактики такого вида злостных нарушений, как организация группировок осужденных, направленных на совершение указанных в ст. 116 УИК РФ правонарушений или активное участие в них.

В виду высокой степени общественной опасности, а также значимости решения проблемы создания группировок осужденных средовые особенности их общности, специфика взаимоотношений между лицами, отбывающими наказания, всегда были в центре внимания ученых и практиков.

По результатам исследования А. В. Даудова, 87 % осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы, входят в различные неформальные группы, которые без должного оперативно-профилактического и воспитательного воздействия трансформируются в группы отрицательной направленности¹.

По данным Н. П. Барабанова и Л. А. Березенко, в ИУ действует 650 группировок отрицательной направленности осужденных, насчитывающих свыше 2,5 тысяч активных членов, 2 тысячи лидеров и «авторитетов» преступной среды, 800 лиц, осужденных за бандитизм, и 30 – за совершение террористических актов². Социальная угроза функционирования таких структур заключается в том, что преступные лидеры и их соратники ставят криминальные цели исходя из повседневно формирующейся в ИУ криминогенной ситуации. Искаженные представления и понятия об общечеловеческих ценностях претворяются ими в жизнь путем совершения жестоких преступлений, направленных против осужденных и иных лиц, находящихся в ИУ, а также сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Анализ данного вида злостных нарушений позволяет предположить, что их количество в будущем останется на прежнем уровне, так как за 7 лет динамика их совершения остается стабильной. Так, в 2000 г. организация группировок осужденных, направленных на совершение злостных нарушений, а равно активное участие в них составляли 0,05 % от общего количества злостных нарушений, 2001 г. – 0,16 %,

¹ См.: Даудов А. В. Криминогенный процесс конфликтов в среде осужденных // Человек: преступление и наказание. 2005. № 4. С. 120.

² См.: Барабанов Н. П., Березенко Л. А. Криминологические, уголовно-правовые и организационные меры предупреждения формирования преступных групп и их криминальной деятельности в исправительных колониях: Моногр. Рязань, 2004. С. 185.

2002 г. – 0,0029 %, 2003 г. – 0,03 %, 2004 г. – 0,06 %, 2005 г. – 0,06 %, 2006 г. – 0,003 %, 2007 г. – 0,007 %¹.

Как справедливо отмечает Н. И. Брезгин, исходным моментом в определении понятия преступной группировки осужденных является то, что это сообщество, созданное в целях осуществления преступной деятельности и использующее для ее достижения противоправные, в том числе насильственные, методы².

Группировкой осужденных применительно к ст. 116 УИК РФ следует считать устойчивую группу из двух или более лиц, создаваемую с целью оказания отрицательного воздействия на осужденных, вовлечения их в указанные в этой статье противоправные действия. Степень общественной опасности создаваемых группировок может быть различной. Перечень злостных нарушений в законе – тому подтверждение. Однако при этом необходимо учитывать цели группировок, конкретные обстоятельства их деятельности, состав участников, степень авторитета и роль организаторов и другие факторы. Законодатель неслучайно ограничивает цели и масштабы деятельности группировок направленностью на совершение указанных в ст. 116 УИК РФ правонарушений, тем самым причисляя организацию группировок и активное участие в них к правовым основаниям феномена злостности. Создание группировок с иными целями, даже противоправными, не дает возможности наказать осужденных по ст. 116 УИК РФ, а соответственно признать их злостными нарушителями и изолировать от основной массы осужденных в отряд со строгими условиями содержания.

Безусловно, группировки могут создаваться и с другими преступными целями (в частности, нападения на осужденных, сотрудников и иных лиц). В этом случае их формирование должно рассматриваться не как злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания, а как созда-

ние, например, банды или преступного сообщества (преступной организации). Ответственность за такие действия предусмотрена ст. 209 и 210 УК РФ.

Механизм возникновения группировок осужденных достаточно подробно изучен. Так, в процессе непосредственного общения и взаимодействия у осужденных складывается своя статусно-функциональная иерархия, наиболее ярко проявляющаяся в сплоченных группах отрицательной направленности³. В исследованиях структуры групп особое внимание уделялось такому явлению, как лидерство, поскольку, по мнению Л. Д. Гаухмана и С. В. Максимова, определяющий признак организованной группы, характеризующий ее устойчивость, – это наличие организатора или руководителя⁴. В контексте рассматриваемой проблемы (злостные нарушения и их профилактика) знание о лидерстве и лидерах вдвойне важно, поскольку лидер – прежде всего и в основном организатор, а лидерство – это один из механизмов интеграции групповой деятельности, когда индивид или часть социальной группы выполняет роль лидера, т. е. объединяет, направляет действия всей группы, организует и сплачивает их. Лидерство выступает как процесс сложного взаимодействия людей в социальных группах, на который влияют характер группы, сфера ее жизнедеятельности, специфические признаки ситуации, психологические особенности участников, цель деятельности и личность лидера⁵.

Характер проявления общих социально-психологических закономерностей, свойственных институту лидерства, в местах лишения свободы исключительно сложен, так как практически все компоненты, влияющие на содержание этого явления (характер группы, сфера ее жизнедеятельности, пси-

¹ См.: Отчет о состоянии дисциплинарной практики среди осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях: Приказ Минюста России от 3 мая 2007 г. № 86. Документ опубликован не был.

² См.: Брезгин Н. И. Преступные группировки в местах отбывания уголовных наказаний // Ведомости УИС. 2001. № 5 (11). С. 22–23.

³ См.: Шмаров И. В. Социологические проблемы исполнения уголовного наказания. Рязань, 1980. С. 42; Шмаров И. В., Галкин Е. Б., Поздняков В. И., Сафронов А. Д. Конфликты среди осужденных и профилактика правонарушений в местах лишения свободы. М., 1981. С. 41; Мокрецов А. И., Шмаров И. В. Микросреда осужденных в ИТУ. М., 1979. С. 52.

⁴ См.: Гаухман Л. Д., Максимов С. В. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации). М., 1997. С. 9.

⁵ См.: Большая Советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1978. Т. 14. С. 433.

хологические особенности участников и т. п.), весьма специфичны.

Не менее важен вопрос о факторах, оказывающих влияние на достижение лидирующего положения в малых группах осужденных. Наиболее значимыми факторами являются организаторская способность, интеллектуальная развитость, высокий уровень инициативы и активности, достаточно высокая степень информированности и коммуникабельности, богатый криминальный опыт, эмоционально-волевые черты, личная привлекательность, физическая сила. Важную роль играют также длительность срока наказания, количество прежних судимостей, совершение группового преступления и отбывание за него наказания и целый ряд других факторов.

Известный интерес представляет и тот факт, что среди лидеров до одной трети составляют психопаты. В связи с этим полагаем уместным привлекать к профилактическим мероприятиям психиатров и психологов.

Итак, лидеры или организаторы создают группировку и руководят действиями ее участников, умышленно используют возможности психологического воздействия массового общения для формирования больших групп, распределения ролей, выработки единых плана, целей и действий, способов их осуществления. С этой целью данные лица распускают слухи и ведут агитационную работу.

Активный участник группировки обладает правом отдавать указания, совершает подстрекательство к осуществлению каких-либо действий, может предоставлять информацию о ситуации в учреждении, отряде, настроениях в среде осужденных, слабостях сотрудников и т. д., распределяет доходы от деятельности группировки, принимает в группировку и исключает из нее участников, принимает меры по поддержанию жизнедеятельности группировки.

Важно помнить, что деятельность именно этих субъектов несет в себе наибольший отрицательный заряд, чреватый наступлением соответствующих последствий. Поэтому по закону дисциплинарное взыскание несут только организатор и активные участники группировки.

Отсюда следует, что личность лидера должна являться самостоятельным объектом воспитательно-профилактических усилий, от

результативности которых в значительной степени зависит дальнейшее существование тех группировок, которые они возглавляют. При этом индивидуальное воздействие на лидеров во многом должно быть сосредоточено на их мотивационной сфере, что, конечно, не означает игнорирования других особенностей личности¹. Кроме общепрофилактических мер, в данном случае уместно использовать приемы и методы индивидуальной профилактики, такие как своевременное выявление указанных лиц с последующей постановкой их на учет (на наш взгляд, это один из самых трудных шагов, но он является своего рода предпосылкой успеха всей дальнейшей работы); дискредитация лидеров в глазах не только членов группировки, но и всех остальных осужденных через привлечение этих лиц к сотрудничеству с администрацией учреждения в различных формах и тем самым лишение их возможности занимать лидирующее положение.

В дискредитации асоциальных лидеров и формировании положительно настроенной части осужденных немаловажную роль играют сотрудники воспитательного аппарата ИУ, в частности, начальники отрядов, поскольку именно от их деятельности в определяющей степени зависит результативность процесса позитивных изменений в структуре взаимоотношений осужденных. В противном случае преобразование отношений угрожает расколоть отряд на две враждующие части и привести к непредсказуемым последствиям в борьбе за власть.

Постепенное уменьшение негативного влияния неформальных норм должно происходить происходит на всех уровнях сложившейся иерархии. Отсюда одним из основных показателей построения конструктивного типа отношений выступает сокращение численности осужденных, разрешающих свои проблемы через посредничество криминальных лидеров.

Таким образом, снижение криминальной активности преступных лидеров за счет изменения структуры взаимодействия осужденных является основой предотвращения и сокращения числа злостных нарушений.

¹ См.: Антонян Ю. М. Особо опасные лидеры в ИТУ и воспитательное воздействие на них: Учеб. пособие. М., 1989. С. 61–63, 70.

Мероприятия по уменьшению негативных последствий неформальной дифференциации отношений предполагают наличие достоверной информации о расстановке сил в отряде и вероятных тенденциях ее изменения. Сведения об этом необходимы также для анализа влияния на оперативную обстановку в учреждении внешних причин (например, одновременное освобождение из ИУ или прибытие этапом неформальных лидеров, изоляция их в ШИЗО, ПКТ). Совпадение хотя бы двух из указанных событий приводит к дисбалансу сформировавшихся отношений и может вызвать рост числа нарушений.

Последствия воздействия как негативных, так и позитивных факторов во многом зависят от характера их сочетания во времени и способности активизировать действия насильственного характера. Вследствие этого профилактика такого злостного нарушения, как организация группировок осужденных, должна опираться на учет типичных жизненных ситуаций, которые прямо связаны с субъектами взаимодействия и могут при определенных обстоятельствах модифицироваться в уголовно наказуемые.

Следует учитывать, что эта работа обладает весьма существенной спецификой, проявляющейся в ее характере, формах и методах, и по ряду оснований закономерно может считаться одним из наиболее сложных аспектов проблемы предупреждения преступлений и злостных нарушений. Важное значение для профилактической деятельности имеют также те неформаль-

ные правила и ценности, которые составляют нормативную основу деятельности группировок. В данном контексте существенную помощь сотруднику могут оказать знание и понимание неформальной структуры отношений среди осужденных, основанные на личном опыте работы, применении рекомендаций и советов, выработанных отечественной наукой и практикой¹.

В заключение еще раз подчеркнем, что нельзя привлечь осужденного к дисциплинарной ответственности только за простое участие в группировке, необходимо обязательное подтверждение активности его в ней, что достаточно сложно, а иногда невозможно осуществить, поскольку определение проявления в действиях лица активности в группировке носит элемент субъективной оценки.

Библиографический список

1. Барабанов, Н. П. Криминологические, уголовно-правовые и организационные меры предупреждения формирования преступных групп и их криминальной деятельности в исправительных колониях : монография / Н. П. Барабанов, Л. А. Березенко. – Рязань, 2004.
2. Брезгин, Н. И. Преступные группировки в местах отбывания уголовных наказаний / Н. И. Брезгин // Ведомости УИС. – 2001. – № 5.
3. Гаухман, Л. Д. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) / Л. Д. Гаухман, С. В. Максимов. – М. 1997.

Г. В. Артамонов,
преподаватель кафедры
уголовно-исполнительной системы
и информационных технологий
Псковского юридического института
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НА ОБЪЕКТАХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

В современной криминогенной обстановке в стране оперативно-розыскная деятельность является одним из эффективных средств борьбы с преступностью. При этом использование негласных, специфических

средств и методов – один из существенных неотъемлемых компонентов их деятельности по решению задач обеспечения безопасности личности, общества и государства².

Вопросы борьбы с хищениями и злоупотреблениями в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы (УИС) приобретают особую актуальность в связи с утверждением Федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнитель-

¹ См.: Анисимков В. М. Методические рекомендации по работе с осужденными, придерживающимися уголовных традиций. М., 1992.

² См.: Вертухин А. Военная прокуратура и ФСБ: взаимодействие в борьбе с преступностью // Законность. 2003. № 10 (828). С. 7–10.

ной системы (2007–2016 годы)»¹ (далее: Программа), предусматривающей реконструкцию и строительство следственных изоляторов с условиями содержания подследственных в соответствии с законодательством РФ; реконструкцию и строительство исправительных учреждений с условиями содержания осужденных в соответствии с законодательством РФ; строительство 26 следственных изоляторов с условиями содержания подследственных в соответствии с международными стандартами. На реализацию данного проекта предполагается из средств федерального бюджета выделить 54 588,2 млн руб.

Государственному заказчику – ФСИН России – ежегодно в установленном порядке необходимо представлять в Министерство экономического развития и торговли РФ и Министерство финансов РФ доклады о ходе выполнения Программы, целевом и эффективном использовании финансовых средств.

На наш взгляд, немалую роль в обеспечении последнего требования должны сыграть оперативные аппараты УИС во взаимодействии с подразделениями по борьбе с экономическими и налоговыми преступлениями МВД России.

Вопросы взаимодействия в борьбе с преступностью и в первую очередь с органами внутренних дел (далее: ОВД) остаются в числе приоритетных направлений деятельности оперативных аппаратов УИС². Последние выполняют основной объем работы по обеспечению экономической безопасности учреждений и органов УИС. По нашему мнению, борьба с экономическими преступлениями, совершаемыми сотрудниками УИС, относится к проблеме обеспечения национальной безопасности в целом. Объективную необходимость сотрудничества в процессе обеспечения национальной безопасности обосновывает В. М. Мирошниченко: «Обеспечение национальной безопасности определяется взаимоотношениями многих министерств и ведомств, осуществляющих функции по защите госу-

дарственных, общественных и личных интересов. Высокий уровень защищенности одного из интересов при низком уровне другого не обеспечивает необходимый уровень национальной безопасности Российской Федерации в целом»³.

Подобной точки зрения придерживается А. Вертухин: «Очень важно не замыкаться в ведомственных рамках проблемы, а активно участвовать в реализации федеральных и региональных программ борьбы с преступностью, наладить взаимодействие с территориальными правоохранительными органами при выявлении и раскрытии преступлений»⁴.

На современном этапе проблема организации взаимодействия в области обеспечения личности, общества, государства, УИС в теоретическом плане решена не полностью. Имеющиеся недостатки и возможные пути их решения нашли свое отражение в научных разработках многих ученых, а также в практической деятельности правоохранительных органов.

Вопросы организации деятельности оперативных подразделений УИС, подразделений по борьбе с экономическими преступлениями органов внутренних дел, их взаимодействия, а также обеспечения экономической безопасности в той или иной мере рассматривали многие известные ученые (например, В. М. Аتماжитов, Н. П. Барабанов, А. С. Вандышев, Т. К. Синилов и др.

Вместе с тем большинство исследований указанных авторов осуществлялось в иной социально-экономической и криминальной ситуации, в основном рассматривалась тактическая сторона деятельности оперативных аппаратов.

Таким образом, исследование нормативно-правовых основ деятельности и взаимодействия подразделений, относящихся к разным ведомствам, представляет практический интерес, поскольку их знание дает возможность разграничить компетенцию по обеспечению экономической безопасности, исключить дублирование в их деятельности. Анализ действующего законодательства позволил определить направления

¹ См.: О Федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы): Постановление Правительства Российской Федерации от 05.09.06 № 540 // СЗ. 2006. № 39. Ст. 4075.

² Краев В. Грани взаимодействия // Ведомости УИС. 2000. № 1. С. 20–22.

³ Мирошниченко В. М. Организация управления и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации. М., 2002. С. 6–8.

⁴ См.: Вертухин А. Указ. соч.

совершенствования механизма взаимодействия УИС и ОВД по предупреждению и выявлению экономических преступлений, заключающиеся в выработке конкретных предложений и практических рекомендаций, что будет способствовать повышению эффективности обеспечения экономической безопасности УИС.

Согласно ст. 84 УИК РФ наиболее важными задачами оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях является выявление, предупреждение и раскрытие готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях преступлений. При рассмотрении данных задач прежде всего необходимо определить субъектов преступлений, а также уточнить понятие «в исправительных учреждениях». Для этого, на наш взгляд, целесообразно проанализировать уголовно-исполнительное законодательство, установившее указанные дефиниции.

В соответствии со ст. 1 УИК РФ целями уголовно-исполнительного законодательства РФ являются исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Задачи уголовно-исполнительного законодательства РФ состоят: в регулировании порядка и условий исполнения и отбывания наказаний, определении средств исправления осужденных, охране их прав, свобод и законных интересов, оказании осужденным помощи в социальной адаптации.

Достижение указанной цели ведется по двум направлениям. Первое – недопущение преступлений со стороны осужденных во время отбывания ими наказаний. Для этого предусмотрена система специальных мероприятий. Они особенно разнообразны, когда исполняются такие виды наказаний, как лишение свободы, арест (вооруженная охрана, надзор, контроль и другие меры по обеспечению режима). При исполнении прочих наказаний применяется иная система профилактических мероприятий, в ряде случаев вообще не связанная с использованием специальных средств и методов.

Вторым направлением является предупреждение преступлений со стороны бывших осужденных и иных лиц. В отношении бывших осужденных применяется система мер социальной реабилитации, контроля и

надзора, ориентированных на недопущение данными лицами новых преступлений. Что касается профилактики совершения преступлений иными лицами (так называемая общая превенция), то механизм, инструментарий выявления и определения степени ее эффективности практически отсутствуют, научные рекомендации в этом отношении весьма несовершенны. Существует мнение, согласно которому, чем жестче, суровее превентивные меры, тем они эффективнее. Однако многовековая практика его опровергает.

Кроме вышеуказанных задач, стоящих перед уголовно-исполнительным законодательством, в нормах УИК РФ содержится ряд других более частных задач. Они регулируют конкретные правоотношения или отдельные правовые институты (например, режим в исправительных учреждениях, воспитательную работу с осужденными, функционирование самостоятельных организаций осужденных к лишению свободы)¹.

Согласно ч. 2 ст. 2 УИК РФ уголовно-исполнительным законодательством РФ устанавливаются общие положения и принципы исполнения наказаний, применения иных мер уголовно-правового характера, предусмотренных УК РФ; порядок и условия исполнения и отбывания наказаний, применения средств исправления осужденных; порядок деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания; порядок участия органов государственной власти и органов местного самоуправления, иных организаций, общественных объединений, а также граждан в исправлении осужденных; порядок освобождения от наказания; порядок оказания помощи освобождаемым лицам.

Уголовно-исполнительный кодекс РФ является правовым актом, регулирующим исполнение всех видов уголовных наказаний. Предмет уголовно-исполнительного законодательства РФ – установление общих положений и принципов исполнения наказаний и применения иных мер уголовно-правового характера. Основное внимание уделяется правовой регламентации порядка и условий исполнения и отбывания наказаний и применения основных средств

¹ См.: Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. А. И. Зубкова. М., 2001.

исправления осужденных. На основе этого реализуются карательные и принудительные элементы наказания и определяется порядок обращения с осужденными. При этом следует заметить, что требования по исполнению наказаний законодатель адресует государственным органам, должностным лицам и иным субъектам, связанным с этой сферой, либо имеющим те или иные правоотношения с осужденными. Все, что касается порядка и условий отбывания наказания, относится к осужденным¹.

Таким образом, можно предположить, что деятельность оперативных аппаратов исправительных учреждений по выявлению и предупреждению совершенных и готовящихся преступлений в исправительных учреждениях выходит за рамки оперативного обслуживания исключительно осужденных.

Субъектами готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях преступлений могут являться и должностные лица УИС.

В числе преступлений, совершаемых должностными лицами пенитенциарных органов и учреждений, имеются и преступления, выявление которых относится к компетенции подразделений по борьбе с экономическими преступлениями.

Например, шесть из девяти преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, указанных в УК РФ, можно рассматривать как общие преступления против государственной службы, субъектами которых могут быть должностные лица исправительных учреждений.

Указанные преступления отличаются от иных преступных посягательств специальными признаками. Во-первых, они совершаются специальными субъектами – должностными лицами, к которым относятся сотрудники исправительных учреждений, осуществляющие постоянно, временно или по специальному полномочию функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания. Во-вторых, их совершение пенитенциарными работниками возмож-

но лишь благодаря занимаемому служебному положению или с использованием служебных полномочий. В-третьих, рассматриваемые деяния существенно нарушают нормальную деятельность учреждений и органов, исполняющих наказания, либо содержат реальную угрозу такого нарушения².

Необходимо отметить, что большинство должностных лиц исправительных учреждений честно и добросовестно выполняют свой служебный долг³. Однако встречаются случаи, когда должностные лица этих органов злоупотребляют должностными полномочиями, недобросовестно относятся к исполнению служебных обязанностей, вступают в незаконные связи с осужденными и их родственниками, берут взятки, совершают подлоги и другие правонарушения⁴. Анализ преступных деяний, совершенных должностными лицами исправительных учреждений в 2007 г., показал, что в их структуре 24,5 % составляют злоупотребления и превышения должностных полномочий (ст. 285, 286 УК РФ), 15,2 % – взяточничество (ст. 290, 291 УК РФ)⁵.

Уголовно-правовая борьба с указанными деяниями является одним из средств укрепления деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы, повышения качества и эффективности их работы.

Использование сотрудниками исправительных учреждений должностных полномочий предполагает, что содеянное формально входит в круг их прав, должностных полномочий и обязанностей, а также в пределы их служебной компетенции. Однако противоправные деяния со стороны должностных лиц во всех случаях нарушают принципы, порядок и правила выполнения должностных функций, искажают ос-

² См.: Андреев Ю. В. Сотрудники исправительных учреждений как субъекты преступлений против государственной власти и интересов государственной службы (уголовно-правовой и криминологический аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2002. С. 58.

³ См.: Филиппов В. Любая система сильна людьми // Преступление и наказание. 1999. № 3–4. С. 22–24.

⁴ См., напр.: Горобцов В. И. Правовое регулирование борьбы с недозволенными связями с лишенными свободы: Лекция. Омск, 1988; Чепелев А. В. Предупреждение незаконных связей с осужденными. Вопросы правоприменения. М., 1991.

⁵ О состоянии дисциплины среди личного состава уголовно-исполнительной системы в 2007 г. / Письмо ФСИН от 15 февр. 2008 г.

¹ См.: Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный).

новную суть и содержание служебной деятельности исправительных учреждений¹.

Экономические и должностные преступления подрывают финансово-экономическую основу реализации задач, стоящих перед пенитенциарной системой и существенно затрудняют выполнение возложенных на нее обязанностей. Поэтому деятельность подразделений по борьбе с экономическими преступлениями на объектах УИС посредством ОРД является одновременно и правом, и обязанностью.

Таким образом, действующее уголовно-исполнительное законодательство наделяет оперативные подразделения УИС полномочиями в сфере борьбы с экономическими преступлениями. Тем не менее, говоря о преступлениях в сфере экономики, следует иметь в виду систему общественных отно-

Б. В. Васильчиков,
соискатель кафедры
организации оперативной работы
ВЮИ ФСИН России

**ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫЕ МЕРЫ,
НАПРАВЛЕННЫЕ НА РОЗЫСК ОСУЖДЕННЫХ,
СОВЕРШИВШИХ ПОБЕГ
ИЗ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЙ:
ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУЩНОСТИ**

Анализ специальной литературы по теории оперативно-розыскной деятельности (далее: ОРД) показывает, что в настоящее время у ученых нет единого мнения по вопросу соотношения понятий «оперативно-розыскные мероприятия», «оперативно-розыскные меры», «оперативно-розыскные действия» и т. п. Сложившееся положение вполне закономерно, поскольку теория ОРД не стоит на месте, она развивается, на нее влияют происходящие социально-экономические и иные преобразования в обществе. При этом не теряет своей актуальности мысль Г. Гегеля о требовании к язы-

шений, складывающихся в сфере экономической деятельности общества. Эффективно решать задачу обеспечения экономической безопасности УИС позволяет осуществление оперативно-розыскной деятельности ОВД органами внутренних дел по предупреждению и раскрытию преступлений в сфере экономики². Однако рассмотрение правовых основ организации взаимодействия между указанными подразделениями требует дополнительного исследования.

Библиографический список

1. Краев, В. Грани взаимодействия / В. Краев // Ведомости УИС. 2000.
2. Мирошниченко, В. М. Организация управления и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации / В. М. Мирошниченко. – М., 2002.

ку науки: «Нельзя ни усовершенствовать язык без усовершенствования науки, ни науку без усовершенствования языка, как бы ни были достоверны факты, как бы ни были правильны представления, вызванные последними, они будут выражать лишь ошибочные впечатления, если у вас не будет точных выражений для их передачи»³.

Существующие в теории ОРД точки зрения ученых по затронутой проблеме позволяют нам в качестве исходных посылок для ее обсуждения принять следующие положения:

1) под оперативно-розыскными мероприятиями понимается совокупность отдельных оперативно-розыскных действий, основанных на использовании сил, средств и методов ОРД, объединенных целью защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств и направленных на решение задач ОРД;

2) оперативно-розыскные мероприятия являются одним из основных элементов (частей) ОРД. Хотя они и не исчерпывают

¹ См.: Андреев Ю. В. Сотрудники исправительных учреждений как субъекты преступлений против государственной власти и интересов государственной службы (уголовно-правовой и криминологический аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2002. С. 59.

² См.: Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: Науч.-практ. коммент. (постат.) / Под ред. И. Н. Зубова, В. В. Николука. М., 1999.

³ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1975. Т. 1.

всего ее содержания, тем не менее составляют сердцевину этой деятельности¹;

3) термин «оперативно-розыскные меры» является базовым. Он включает в себя совокупность действий субъекта организации ОРД, направленных на достижение определенных целей, связанных с осуществлением ОРД. Эти действия не ограничиваются оперативно-розыскными мероприятиями. Они могут носить организационно-управленческий, организационно-тактический и оперативно-тактический характер, быть связаны с применением методов ОРД, оперативной техники, оперативных учетов и т. д.²

Более глубокое уяснение сущности исследуемых нами понятий возможно через рассмотрение определения организации ОРД.

Анализ научных трудов ведущих теоретиков в сфере ОРД³ позволяет нам констатировать, что при определении организации ОРД обращают на себя внимание три существенных аспекта.

Во-первых, одним из основополагающих элементов организации ОРД является система комплексных управленческих мер, направленных на создание оптимальных предпосылок, обеспечивающих готовность функционирования оперативных подразделений.

Во-вторых, эта организация находится в тесной взаимосвязи с оперативно-розыск-

ной тактикой использования специальных сил, средств и методов.

В-третьих, эффективность результатов их применения зависит от многих факторов (условий), игнорирование которых влияет на показатели ОРД в целом.

Таким образом, можно утверждать, что в основе организации ОРД лежат такие государственно-правовые меры, которые в состоянии обеспечить достижение поставленных целей путем решения специализированных задач. При этом первостепенная роль в системе государственно-правовых мер по борьбе с преступностью принадлежит именно мерам оперативно-розыскного характера. И мы солидарны с мнением Д. В. Гребельского, который считает, что «для быстрой ликвидации преступности недостаточно только мер, объективно устраняющих причины этого социального явления. Нужны еще и меры, специально направленные на борьбу с преступностью. К таким специальным мерам относятся и оперативно-розыскные, как предупреждающие и пресекающие преступления, так и рассчитанные на раскрытие преступлений и установление лиц, их совершивших. Именно с их помощью практически осуществляется непосредственная борьба с преступностью»⁴.

На основании вышеизложенного и с учетом ранее принятых положений под оперативно-розыскными мерами по розыску осужденных, совершивших побег из исправительной колонии, нами понимается базирующаяся на законах и подзаконных нормативных правовых актах совокупность действий, направленных на установление местонахождения совершивших побег осужденных путем принятия соответствующих управленческих решений.

Проблема применения оперативно-розыскных мер, на наш взгляд, может быть понята глубже, если будет обеспечено строгое соблюдение системного подхода к ее изучению. При этом, реализуя данный подход, нами в качестве объекта будет рассмотрена система оперативных подразделений учреждений и органов, исполняю-

¹ См.: Бобров В. Г. О правовой природе оперативно-розыскных мероприятий: исходные положения к исследованию проблемы // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: Сб. науч. тр. Акад. упр. МВД России. М., 2001. С. 65.

² См.: Атамжитов В. М., Бобров В. Г. Об основных направлениях дальнейшего развития теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: Сб. науч. тр. Акад. упр. МВД России. М., 2001. С. 21.

³ См.: Лекарь А. Г. Научные основы организации предотвращения преступлений органами внутренних дел. М., 1969. С. 49; Гребельский Д. В. Теоретические основы и организационно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. М., 1977. С. 38; Лукашов В. А. Сущность и задачи научной организации оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. Омск, 1982. С. 6; Утевский А. Б. Организация и тактика оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел на транспорте и научно-практические меры повышения ее эффективности: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1986. С. 22.

⁴ Гребельский Д. В. Теоретические основы и организационно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. М., 1977. С. 19.

щих уголовные наказания в виде лишения свободы, одним из важнейших свойств которой является их иерархичность. Это свойство предопределяет наличие самостоятельных задач и соответствующей им структуры оперативного подразделения на разных организационных уровнях.

В свою очередь, наличие самостоятельных задач у оперативных подразделений на разных организационных уровнях предполагает реализацию ими специфических оперативно-розыскных мер.

На основании вышеизложенного и анализа научных публикаций по данной проблеме¹, оперативно-розыскные меры, осуществляемые оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы по розыску совершивших побег осужденных на разных организационных уровнях, нами подразделяются на меры организационно-управленческого, организационно-тактического и оперативно-тактического характера.

Так, на уровне ФСИН России преимущественно осуществляются меры организационно-управленческого характера; на уровне УФСИН субъектов РФ – меры организационно-тактического характера; на уровне исправительной колонии – меры оперативно-тактического характера.

При этом использование оперативными подразделениями на уровне ФСИН организационно-управленческих мер не исключает применения ими мер организационно-тактического и оперативно-тактического характера. Данная зависимость присуща и оперативным подразделениям на двух других уровнях организации, так как только при комплексном подходе к реализации оперативно-розыскных мер возможно мак-

симально эффективное достижение поставленных задач.

Итак, опираясь на проведенные нами исследования², мы пришли к выводу, что в оперативных подразделениях ФСИН, УФСИН субъектов РФ для обеспечения розыска осужденных, совершивших побег из исправительной колонии, применяются следующие организационно-управленческие меры: изучение и оценка оперативной обстановки в учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания на уровне субъектов РФ; подготовка проектов нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность оперативных аппаратов исправительной колонии по розыску осужденных, совершивших побег; получение и обработка статистической оперативной информации о деятельности на местах по розыску осужденных, совершивших побег из исправительной колонии; получение, анализ и проверка оперативной информации о деятельности на местах по розыску осужденных, совершивших побег из исправительной колонии; принятие на основе результатов анализа оперативной информации управленческих решений по совершенствованию организации ОРД в целях розыска осужденных, совершивших побег из исправительной колонии; подготовка текущих планов работы с включением мероприятий по розыску осужденных, совершивших побег из исправительной колонии; управленческая деятельность по непрерывному руководству силами и средствами ОРД; организация проведения совместных совещаний, коллегий, заседаний координационных советов по взаимодействию оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы с оперативными подразделениями иных правоохранительных органов по розыску осужденных, совершивших побег из исправительной колонии; постановка на контроль деятельности оперативных отделов исправительной колонии, из которых за отчетный период совершены побег; оказание руководству исправительной колонии практической помощи в стабилизации оперативной обстановки, связанной с побегом; обеспечение не-

¹ См., напр.: Лукашов В. А. Введение в курс «Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел»: Учеб. пособие. Киев, 1976. С. 24; Лукашов В. А. Организация и методика планирования оперативно-розыскных мер борьбы с преступностью: Лекция. М., 1982. С. 7; Лекарь А. Г. Научные основы организационно-тактических мер повышения эффективности борьбы органов внутренних дел с преступностью: Учеб. пособие. М., 1992. С. 4–5; Токарев Е. В. Основы организации оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел и пути ее совершенствования: Лекция. М., 1994. С. 13; Бордюловский Э. И. Раскрытие преступлений, регистрируемых по линии уголовного розыска. М., 1994. С. 21 и др.

² Опрос проводился среди 300 оперативных сотрудников УИС, которые проходили курс повышения квалификации во Владимирском юридическом институте.

обходимых условий для создания и эффективного функционирования профессионального кадрового ядра оперативных отделов исправительной колонии; подготовка обзоров, инструкций, методических рекомендаций, типовых программ по вопросам предупреждения побегов.

Среди организационно-тактических мер следует назвать такие: организация на межрегиональном уровне передачи негласных сотрудников на временную (параллельную) связь оперативным подразделениям других исправительных колоний для использования их разведывательных возможностей в деятельности по предупреждению побегов и розыску осужденных, совершивших побег из исправительной колонии; организация перевода негласных сотрудников из одной исправительной колонии в другую на межрегиональном уровне в целях наиболее эффективного решения задачи розыска совершивших побег осужденных.

Оперативные аппараты ФСИН и УФСИН субъектов РФ прибегают в своей работе к таким оперативно-тактическим мерам, как: подбор и направление в исправительные колонии лиц, оказывающих содействие на конфиденциальной основе, для выполнения заданий по выявлению причин и условий совершения побегов из исправительной колонии; приобретение негласных сотрудников по линии розыска.

В свою очередь оперативные сотрудники исправительных колоний в целях предупреждения побегов и розыска бежавших осужденных применяют следующие меры организационно-управленческого характера: изучение и оценка оперативной обстановки в исправительной колонии, определение конкретных задач в сфере розыска осужденных, совершивших побег, тактических способов их решения; организация системы поиска, сбора и обработки информации, представляющей оперативный интерес в деятельности по розыску осужденных; анализ получаемой оперативной информации; принятие на основе результатов анализа самостоятельных управленческих решений, направленных на повышение эффективности ОРД по розыску осужденных; организация исполнения указаний вышестоящих органов, исполняющих наказания,

по совершенствованию организации и тактики ОРД при розыске осужденных; организация текущего планирования деятельности исправительной колонии в целом и оперативного отдела, в частности, с обязательным включением мероприятий по профилактике и предупреждению побегов, розыску бежавших осужденных; организация и проведение служебных расследований обстоятельств совершения побегов из исправительной колонии; составление по результатам деятельности предусмотренных форм отчетности и направление их в оперативные подразделения вышестоящих органов; формирование профессионального кадрового ядра, способного решать задачи ОРД по розыску бежавших осужденных.

Меры организационно-тактического характера на уровне исправительных колоний включают в себя: координацию взаимодействия отделов и служб исправительной колонии при организации и проведении оперативно-розыскных и иных мероприятий по розыску совершивших побег осужденных; взаимодействие с оперативными аппаратами СИЗО, тюрем, других исправительных учреждений, подразделений ОВД при проведении мероприятий по розыску совершивших побег осужденных; взаимодействие с подразделениями розыска территориальных органов, исполняющих наказания.

Меры оперативно-тактического характера, применяемые оперативными подразделениями исправительных колоний. Могут быть следующие: инициативный поиск оперативной информации в целях постоянного контроля и анализа текущей оперативной обстановки; приобретение источников оперативной информации по линии борьбы с побегами и розыска осужденных; выявление лиц, склонных к совершению побега, принятие на основе анализа их поведения решений о постановке на профилактический учет и заведения дела оперативного учета; разработка мер контроля за данными лицами (в первую очередь через негласный аппарат) и мер профилактического воздействия; выявление, анализ и принятие необходимых мер к устранению причин и условий, способствующих совершению побегов осужденных; оптимизация схемы расстановки негласных сотрудников в целях повышения

эффективности их деятельности по выявлению побеговых намерений среди осужденных; оптимизация схемы расстановки негласных сотрудников в целях повышения эффективности их деятельности по получению информации, способствующей быстрому розыску совершивших побег осужденных; планирование работы по делам оперативного учета, проведения отдельных оперативно-розыскных мероприятий и оперативных комбинаций по розыску совершивших побег осужденных; применение средств оперативной техники с целью розыска совершивших побег осужденных.

Таким образом, нами была рассмотрена сущность оперативно-розыскных мер, применяемых оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы, а также изложены основные из них, осуществляемые на различных организационных уровнях управления и направленные на розыск осужденных, совершивших побег из исправительной колонии.

А. А. Гофман,

*заместитель начальника кафедры
боевой и тактико-специальной подготовки
ВЮИ ФСИН России
доцент*

ФОРМЫ И МЕТОДЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ И КАЧЕСТВА УЧЕБНЫХ ЗАНЯТИЙ ПО ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКЕ

Современные требования к подготовке специалистов для правоохранительных органов требуют от преподавателей поиска эффективных путей и методов проведения учебных занятий, направленных на формирование профессиональных качеств курсантов.

В процессе образовательной деятельности коллектив учебного заведения должен стремиться к достижению целей обучения в установленные сроки при соответствующих усилиях со стороны преподавателя и курсанта. Безусловно, результативность учебного процесса в большой степени зависит от ответственности курсантов, их желания и умения учиться. Однако преподавателю надо быть постоянно готовым к стимулированию познавательной активности курсантов. Это очень важный и сложный элемент педагоги-

Библиографический список

1. *Атмажитов, В. М.* Об основных направлениях дальнейшего развития теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел / В. М. Атмажитов, В. Г. Бобров // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности : сб. науч. тр. Акад. упр. МВД России. – М., 2001.

2. *Гребельский, Д. В.* Теоретические основы и организационно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : учеб. пособие / Д. В. Гребельский. – М., 1977.

3. *Лекарь, А. Г.* Научные основы организационно-тактических мер повышения эффективности борьбы органов внутренних дел с преступностью : учеб. пособие / А. Г. Лекарь. – М., 1992.

4. *Лукашов, В. А.* Сущность и задачи научной организации оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : лекция / В. А. Лукашов. – Омск, 1982.

ческого процесса. Фундаментом активизации познавательной деятельности является настрой обучающихся на серьезную, кропотливую работу, грамотное выполнение практических заданий, самостоятельное изучение учебного материала¹.

Образовательный процесс развивается по двум направлениям: традиционному и инновационному. При этом первое уже давно подтвердило свое право на существование, является достаточно консервативным и предельно освоенным, а второе – более системно, мобильно, открыто для нововведений.

Именно поэтому во Владимирском юридическом институте серьезное внимание уделяется инновационному направлению. Так, при проведении занятий преподаватели кафедры боевой и тактико-специальной подготовки умело сочетают и грамотно применяют различные формы и методы обучения (в том числе нетрадиционные),

¹ См.: *Медвецкий А. Ф.* Инновационные технологии и процесс активизации познавательной активности курсантов и слушателей // Пути дальнейшего повышения эффективности и качества образовательного процесса в высшей школе: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., 6–7 февр. 2003 г. / Самар. юрид. ин-т. Самара, 2003. С. 34.

передовые методики преподавания, широко используют технические средства и наглядные пособия.

Огневая подготовка – одна из основных дисциплин, преподаваемых на кафедре. Чтобы достигнуть высоких результатов в стрельбе из табельного оружия, курсанты должны иметь глубокие теоретические знания, хорошую техническую, тактическую и физическую подготовку, высокие морально-волевые и психологические качества.

Необходимыми условиями повышения качества огневой подготовки курсантов являются достаточное учебно-методическое обеспечение преподаваемой дисциплины, современная материальная база (класс огневой подготовки, тир, стрельбище), которые позволяли бы проводить теоретические, тренировочные занятия, а также практические стрельбы с использованием последних достижений в огневой подготовке. На кафедре за основу принята принципиально новая концепция обучения курсантов, которая научно и экспериментально обоснована нашими преподавателями, ведущими специалистами кафедр других учебных заведений, передовой практикой правоохранительных органов.

Материальная часть оружия, теоретические основы стрельбы из стрелкового оружия, как правило, изучаются на занятиях в классе огневой подготовки с использованием учебного оружия, приборов, действующих макетов, тренажеров, плакатов и других наглядных пособий. Приемы и правила стрельбы отрабатываются на учебных стрельбах, проводимых в стрелковом тире и на стрельбище. Особое внимание при этом обращается на усвоение каждым обучающимся принципов взаимодействия частей и механизмов оружия, правил и мер безопасности при обращении с ним и боеприпасами, быструю и правильную подготовку к стрельбе, отработку нормативов, а также проверку усвоения курсантами знаний по правовым основам применения оружия.

Материальная база института позволяет проводить занятия по огневой подготовке на высоком уровне. В частности, 50-метровый стрелковый тир оснащен системой управляемых мишенных установок со световыми эффектами, которые играют большую роль в подготовке квалифициро-

ванных сотрудников правоохранительных органов, способных успешно применять табельное оружие в экстремальных ситуациях. Курсанты выполняют стрельбы из пистолета Макарова по поднимающимся, поворотным, двигающимся и качающимся мишеням.

Кроме того, уровень огневой подготовки выпускников зависит от количества и качества проводимых занятий. Ввиду того, что процесс обучения ограничен во времени, преподаватели ищут оптимальное соотношение теоретических и практических занятий, определяют их логическую последовательность, чтобы теоретические знания сразу получали практическое подтверждение, и, наоборот, приобретение теоретических знаний основывалось на практическом опыте. Дело в том, что при традиционной последовательности проведения занятий обучающиеся, переходя к практическим стрельбам, быстро забывают материал, изученный на теоретических занятиях, и нередко не могут применить на практике теоретические положения основ стрельбы.

Исходя из этого занятия должны проходить в обстановке, которая побуждает курсантов самостоятельно мыслить и принимать решения. Этому способствуют введение элементов состязательности, выполнение упражнений в условиях, максимально приближенных к реальной обстановке, осуществление контроля действий обучающихся и подробный анализ выполняемых упражнений.

Чувство уверенности при обращении с оружием достигается путем показа курсантам оружия в действии, освоения ими теоретических и практических основ стрельбы, материальной части, способов выявления возможных неисправностей и их устранения.

В учебных заведениях правоохранительных органов, в том числе ВЮИ ФСИН России, обучаются лица женского пола. Девушки наряду с юношами осваивают огневую подготовку, которая требует от них проявления не только физических, но и профессионально важных психических качеств.

Вместе с тем до настоящего времени отсутствует научно обоснованная единая методика обучения девушек огневой подготовке, поэтому перед преподавателями стоит задача разработать такую методику с учетом психологических и физиологических особенностей женщин.

В частности, по нашему мнению, целесообразно на начальном этапе подготовки девушек стрельбе из пистолета Макарова использовать стрельбу с упора, с двух рук, с близкого расстояния (10–15 м), а также применять оптико-электронный тренажер и малокалиберный пистолет, что поможет им наиболее быстро и безболезненно адаптироваться к стрельбе.

Достаточно эффективными, на наш взгляд, следует считать комплексные занятия по огневой и физической подготовке, цель которых заключается в формировании навыков ведения огня из пистолета в различной обстановке и различными способами, в условиях повышенных физических и психологических нагрузок, а задача курсантов – поразить цель (цели) после физической нагрузки и психологического воздействия.

Комплексное занятие включает в себя преодоление специальной полосы препятствий, рва, забора, лабиринта, разрушенной лестницы, рукохода, фасада дома с окнами, бревна, прыжки по «кочкам» и т. д.

Несомненно, что содержание полосы препятствий должно быть максимально приближено к реальным ситуациям, которые могут возникнуть в будущей профессиональной деятельности курсантов.

В целях использования элементов состязательности полоса препятствий подготовлена для двух участников, при этом один из курсантов становится исполнителем роли убегающего преступника, другой – роли сотрудника, преследующего его. По окончании полосы препятствий они проводят поединок по правилам рукопашного боя. Затем им необходимо снять с себя снаряжение, за ограниченное время добежать до тира и быстро поразить мишень (стрельба в ограниченное время).

Стрельба по преступнику осложняется тем, что сотрудник правоохранительных органов должен преодолеть психологический барьер, так как огонь приходится вести не по мишени, а по человеку. Поэтому в процессе обучения практикуются «дуэли» обучающегося с одним или несколькими условными противниками. При мнимой стрельбе каждый из участников будет стремиться избежать поражения «противником», т. е. первым достать оружие из кобуры и сделать «выстрел» на опережение.

Для преодоления отрицательных эмоций у обучающихся в ходе занятий преподаватели

кафедры вносят в тактическую обстановку элементы психологического воздействия, т. е. наряду с физическими препятствиями устанавливают различные световые и шумовые эффекты, сильно действующие на психику человека. К ним относятся: абсолютная темнота или слабое освещение, фигура преступника, имитация стрельбы, вспышки света, вой сирены, проблесковые маячки, имитация нападения и т. д. Элементы психологического воздействия необходимо усложнять, совершенствовать и постоянно изменять последовательность установок.

Одной из эффективных составляющих процесса обучения является самостоятельная работа курсантов. Увеличение ее объема в структуре учебной деятельности позволит максимально дифференцировать профессиональную подготовку, осуществить индивидуальный подход к каждому курсанту с учетом его физических и психических особенностей.

Возможными направлениями использования самостоятельной работы в процессе обучения курсантов стрельбе из пистолета Макарова выступают занятия с учебным оружием и «холостая тренировка». Последняя заключается в том, что курсант в результате многократных повторений одних и тех же действий с оружием формирует и совершенствует двигательные навыки и умения в стрельбе.

Занимающиеся «вхолостую» последовательно отрабатывают: элементы техники производства выстрела; принятие изготавки; производство выстрела «вхолостую» после изготавки и комплексное выполнение упражнения в целом. Применение данного метода в процессе обучения стрельбе дает положительные результаты.

Для разносторонней подготовки курсантов на кафедре применяются передовые технические средства обучения, в частности, оптико-электронный тренажер в комплексе с компьютером (ОЭТ-МА). Данная установка позволяет использовать пистолет Макарова при условной стрельбе по тренировочной мишени в различных вариантах, что открывает широкие возможности как в обучении курсантов первоначальным навыкам стрельбы, так и техническом совершенствовании навыков и умений стрелков, уверенно владеющих оружием. Компьютер

в системе «пистолет – мишень» оперативно выводит данные о характере прицеливания на экран дисплея, автоматически анализирует обработку спускового крючка, графически отмечает положение мушки и целика относительно мишени в процессе прицеливания и в момент выстрела, указывает место попадания воображаемой пули в мишень. Эти функции позволяют на ранней стадии обучения вскрыть ошибки при стрельбе, объективно контролировать действия обучающихся в процессе ведения огня, сократить время формирования устойчивых динамических стереотипов изготовления, прицеливания, обработки и отметки выстрела. Практика показала, что такой подход снижает психологическую нагрузку, качественно ускоряет приобретение твердых навыков владения оружием, особенно у курсантов со слабым типом нервной системы, а также у девушек.

Кроме того, использование установки ОЭТ-МА экономит расход боеприпасов. Единственный ее недостаток заключается в том, что обучающиеся при «стрельбе» не ощущают отдачи и звука выстрела.

Элементы техники выполнения выстрела из табельного оружия можно формализовать в схему опорных точек (ОТ). При их выделении учитывалось, что контроль человека за своими действиями осуществляется в соответствии с определенными закономерностями, поэтому для более качественного осознания и контроля действий в ОТ предусмотрено одновременное получение информации от зрительного и проприорецептивного анализаторов.

Известно, что при формировании двигательного умения чрезвычайно важную роль играет метод речевого сопровождения действия, позволяющий организовать действие и облегчающий ориентировку в возникающих ощущениях, а также фиксацию внимания на нужном ощущении. Громкая речь – наиболее действенный путь осознания ощущений, формирования представлений об изучаемом действии. Поэтому содержание ОТ выполнения выстрела представлено в виде условных фраз, которые на начальном этапе подготовки проговариваются вслух. Их стихотворная форма способствует быстрому запоминанию, обеспечивает однозначность понимания и воспроизведения конкретной ОТ. В результате курсанты усваи-

вают элементы техники стрельбы и выстрела в целом и избегают ошибок в обучении.

С целью проверки степени усвоения схемы ОТ сначала производится письменный опрос. Затем обучающимся задаются контрольные вопросы, на которые они должны дать исчерпывающие ответы как по действию в целом, так и по отдельным его фазам. После этого отрабатываются действия по схеме ОТ с учебным оружием на тренировке без патрона. Завершается данный период принятием зачета, в ходе которого курсанты произносят вслух стихотворные фразы и одновременно выполняют действия по ОТ¹.

Анализ опыта использования подобных опорных схем способствовал разработке учебно-тренировочных карт (УТК) для изучения материальной части пистолета Макарова.

При работе с опорной схемой активно задействуются надежные механизмы запоминания: вербальный (словесный, устный) и зрительный – и происходит не просто созерцание, а глубокое осмысление. Поэтому удачно составленная УТК благодаря доступному содержанию, оригинальности и привлекательной форме легко запоминается.

Преимущество УТК заключается еще и в том, что нарисованные в блокноте, тетради, на отдельных карточках, они могут быть всегда под рукой, в отличие от плаката, макета оружия и его частей.

Быстрому усвоению курсантами материальной части пистолета Макарова способствует также применение такого нетрадиционного средства обучения, как решение кроссвордов. На занятиях каждому курсанту выдаются билеты с кроссвордами и ставится задача – ответить на поставленные вопросы, используя для этого необходимую литературу, плакаты, наглядные пособия. Процесс усвоения и запоминания учебного материала происходит быстро в непринужденной игровой форме.

В целях повышения интереса к изучаемому предмету целесообразно проводить викторины по пройденным темам во время контрольных занятий. Указанная форма способствует развитию духа коллективизма, повы-

¹ См.: Хвастунов А. А. Обучение стрельбе из пистолета с учетом особенностей применения табельного оружия сотрудниками органов внутренних дел. М., 1996. С. 7–8.

шению личной ответственности каждого курсанта перед товарищами. Поэтому к таким занятиям обучающиеся готовятся с большим старанием и заинтересованностью.

В конце обучения уровень теоретической подготовки курсантов проверяется с помощью персональных ЭВМ по специально подготовленной программе. В ней заложены вопросы, охватывающие весь учебный курс по материальной части пистолета Макарова. Каждый курсант должен правильно ответить на 20 вопросов. Компьютер выдает результат проверки знаний курсантов и выставляет оценку. При этом ни у кого не возникает никаких сомнений в ее объективности.

Таким образом, использование вышеперечисленных и подобных им нетрадиционных методов обучения при опоре на высокий профессиональный уровень преподавателей кафедры позволяет готовить во ВЮИ

М. Л. Добрынина,

*доцент кафедры уголовного права и процесса
факультета права и психологии
Владимирского государственного
университета
кандидат юридических наук*

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Соблюдение и защита общепризнанных прав граждан Российской Федерации является конституционной обязанностью государства. При этом Конституция РФ содержит полный перечень прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Уголовно-исполнительное законодательство и международные обязательства Российской Федерации содержат дополнительный перечень прав подозреваемых и обвиняемых, находящихся под стражей, осужденных к лишению свободы, а также состав льгот для персонала указанных учреждений. Государство обязано обеспечить гуманные условия содержания лиц, изолированных от правопослушных слоев общества. При этом порядок обращения с лицами, лишенными свободы, должен оказывать на них исправительное воздействие.

ФСИН России специалистов для правоохранительных органов, способных решать любые служебно-боевые задачи с применением огнестрельного оружия.

Библиографический список

1. *Медвецкий, А. Ф.* Инновационные технологии и процесс активизации познавательной активности курсантов и слушателей / А. Ф. Медвецкий // Пути дальнейшего повышения эффективности и качества образовательного процесса в высшей школе : материалы всерос. науч.-практ. конф., 6–7 февр. 2003 г. / Самар. юрид. ин-т. – Самара, 2003. – С. 30–36.
2. *Хвастунов, А. А.* Обучение стрельбе из пистолета с учетом особенностей применения табельного оружия сотрудниками органов внутренних дел : учеб.-метод. пособие / А. А. Хвастунов. – М., 1996.

Впервые на законодательном уровне льготы для сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) и механизм реализации права осужденных на труд были установлены в Законе РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 21 июля 1993 г. № 5473-1¹, с момента принятия которого прошло уже почти 15 лет.

После вступления в силу 23 февраля 1996 г. Федерального закона «О присоединении Российской Федерации к Уставу Совета Европы» № 19-ФЗ², наша страна приняла на себя ряд обязательств, одним из которых стало приведение национального законодательства в соответствие с общепринятыми международными нормами и стандартами в сфере соблюдения прав человека.

Российской Федерацией были ратифицированы Конвенция о защите прав человека и основных свобод³, Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего человеческого достоинства обращения или наказания⁴ и ряд других правозащитных документов, которые пре-

¹ См.: Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316.

² См.: Рос. газ. 1996. 24 февр.

³ См.: СЗ РФ. 2001. № 22. Ст. 163.

⁴ См.: <http://low.edu.ru>.

дусматривали формы международного контроля за деятельностью УИС.

При этом в связи с вхождением УИС в состав учреждений Министерства юстиции Российской Федерации перед исправительными учреждениями и следственными изоляторами в полном объеме встала задача по защите прав и свобод человека и гражданина, предусмотренная в Указе Президента РФ «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации» от 13 октября 2004 г. № 1313¹.

Сразу после вступления России в Совет Европы УИС активно обратилась к международному опыту соблюдения прав человека, накопленному в пенитенциарных системах европейских стран, стала более открытой для правозащитных организаций, в том числе для международных органов, осуществляющих контроль за местами лишения свободы.

За последние годы у ФСИН России сложились деловые контакты с Европейским комитетом по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (далее: ЕКПП), Европейским судом по правам человека и Международным Комитетом Красного Креста (далее: МККК).

При этом УИС использует международное сотрудничество для достижения поставленных перед ней целей, а именно – создание механизма, условий для выполнения обязательств, взятых на себя государством, в части реализации прав подозреваемых, обвиняемых, осужденных, а также сотрудников и вольнонаемных работников УИС.

МККК, контролирующий соблюдение Женевских конвенций от 12 августа 1949 г. об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, об обращении с военнопленными, о защите гражданского населения во время войны, а также дополнительных протоколов к ним, касающихся защиты жертв вооруженных конфликтов международного и немеждународного характера, в мае 2000 г. подписал с Российской Федерацией первое соглашение, касающееся условий посещения лиц, задержанных в связи с операциями по обеспечению безопасности на Северном Кавказе. Сроки действия этого соглашения регулярно продлеваются.

В соответствии с международными документами, представители МККК имеют право:

- посещать любые учреждения ФСИН России, беседовать с содержащимися в указанных учреждениях свободно, в том числе наедине с любым лицом, причем без ограничения во времени;

- осуществлять повторные посещения на регулярной основе настолько часто, насколько МККК сочтет необходимым.

Кроме того, по запросам МККК предоставляются сведения о лицах, содержащихся в пенитенциарных учреждениях России, чтобы следить за их судьбой на протяжении длительного времени.

Главная цель посещений состоит в том, чтобы проверить условия содержания задержанных и удостовериться, что с ними обращаются гуманно.

В ходе посещений и обследований следственных изоляторов членов делегаций МККК в основном интересует медицинское и материально-бытовое обеспечение содержащихся под стражей. Члены делегации осматривают медицинские части, пищевые блоки, банно-прачечные комплексы, а также режимные корпуса. С арестованными проводятся беседы без ограничения во времени и без свидетелей.

В результате такого сотрудничества с МККК УИС самостоятельно корректирует свою деятельность в соответствии с международными требованиями.

Согласно Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ратифицированной Российской Федерацией, в юрисдикции Европейского суда по правам человека находится рассмотрение жалоб граждан Российской Федерации о нарушении прав человека, в том числе лиц, находящихся в следственных изоляторах и исправительных учреждениях УИС.

В соответствии с Европейской конвенцией по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего человеческого достоинства обращения или наказания ЕКПП посредством посещений исправительных учреждений изучает обращение с лицами, лишенными свободы. В обязанности российской стороны входят решение всех организационных вопросов, связанных с визитами членов ЕКПП, предоставление последним возможности посетить любое место, где со-

¹ Рос. газ. 2004. 19 окт.

держатся лица, лишённые свободы органами публичной власти. Как показали визиты делегаций ЕКПП ст. 2 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней» от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ¹, обязывающая предусмотреть в федеральном бюджете, начиная с 1998 г., необходимое увеличение расходов федеральной судебной системы и пенитенциарной системы органов юстиции РФ, органов прокуратуры РФ и органов внутренних дел РФ в целях приведения правоприменительной практики в полное соответствие с обязательствами Российской Федерации, вытекающими из участия в вышеуказанной Конвенции и протоколах к ней, в полном объеме не выполняется.

В основном внимание членов делегации ЕКПП сконцентрируется на следующих направлениях деятельности УИС.

Помещения в местах лишения свободы:

- применение различных мер (строительство новых и реконструкция действующих следственных изоляторов и тюрем, ограничение применения меры пресечения в виде содержания под стражей и сокращение времени нахождения под стражей), способствующих сокращению переполнения следственных изоляторов и тюрем;
- обеспечение каждого заключенного (отбывающего наказание или находящегося под стражей) индивидуальной кроватью и чистыми постельными принадлежностями;
- принятие мер к тому, чтобы камеры имели доступ к естественному свету и соответствующую вентиляцию;
- соблюдение установленной нормы в 4 кв. м камерной площади на каждого заключенного под стражу;
- доведение минимальной нормы жилой площади на каждого осужденного к лишению свободы до 4 кв. м;
- обеспечение поэтапного перехода на размещение подозреваемых, обвиняемых и осужденных в маломестных камерах и комнатах;
- установление жалюзи на окнах в камерах, предназначенных для содержания только тех подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, которых необходимо строго изолировать от общества. В

случаях, когда признана необходимость установки жалюзи в той или иной камере, требуется предусмотреть возможность свободного доступа в помещение естественного света и свежего воздуха;

– принятие мер по обеспечению того, чтобы внутрикамерные туалеты были отгорожены от основного помещения;

– улучшение условий содержания в подразделениях УИС подозреваемых, обвиняемых и осужденных, следующих транзитом к месту назначения.

Личная гигиена:

– предоставление всем заключенным и осужденным средств личной гигиены (мыло, зубная паста, туалетная бумага и т. д.) и чистящих средств для уборки камер в необходимом количестве.

– предоставление возможности всем заключенным-женщинам приобретать гигиенические средства;

– предоставление возможности всем заключенным по крайней мере раз в неделю принимать душ.

Одежда и постельные принадлежности:

– обеспечение всех заключенных чистым постельным бельем;

– создание условий для поддержания заключенными своей личной одежды в чистом состоянии.

Питание заключенных:

– улучшение обеспечения исправительных учреждений и следственных изоляторов продуктами питания, в частности, путем развития собственных сельскохозяйственных производств.

Медицинское обслуживание:

– увеличение числа среднего медицинского персонала во всех исправительных учреждениях, а также повышение эффективности снабжения учреждений УИС всеми необходимыми медикаментами;

– при регистрации врачом наличия травм у заключенного правильное внесение в медицинский журнал и личное дело пациента медицинского заключения о том, как могла быть получена выявленная травма, и соответствие параметров травмы заявлениям, сделанным заключенным о причинах ее получения; пересмотр существующих процедур по обеспечению при регистрации врачом травм соответствия заявлений заключенных о плохом обращении;

¹ См.: Рос. газ. 1998. 7 апр.

систематическое представление данных записей соответствующему прокурору;

- введение в подразделения УИС международных стандартов в области борьбы с туберкулезом и обеспечение учреждений УИС противотуберкулезными лекарственными препаратами в достаточных количествах;

- создание необходимого количества лечебных исправительных учреждений для содержания осужденных, больных туберкулезом;

- разработка всеобъемлющей образовательно-информационной программы по туберкулезу, предназначенной как для заключенных, так и для сотрудников УИС;

- соблюдение врачебной тайны в отношении ВИЧ-инфицированных;

- разработка политики борьбы с инфекционными заболеваниями (гепатитом, кожными болезнями и др.) в местах отбывания наказаний на основе образовательно-информационной программы (и для тюремного персонала, и для заключенных);

- обеспечение экстренного вывоза заключенных, в отношении которых установлена их невменяемость, в психиатрические медицинские учреждения, имеющие соответствующее оборудование и обученный персонал;

- проведение медицинских осмотров заключенных всех категорий, включая тех, которые отбывают пожизненное заключение, вне пределов слышимости и (если только в конкретном случае врач не запросит иного) видимости работников охраны.

Дисциплина и наказания:

- обеспечение в ночное время всех заключенных, помещенных в дисциплинарные камеры, матрацами и одеялами;

- обеспечение заключенных, помещаемых в дисциплинарные камеры, материалами для чтения.

Общение с внешним миром:

- пересмотр правил, определяющих посещения и разговоры, для того чтобы была существенно расширена возможность человеческого общения для заключенных с пожизненным сроком лишения свободы;

- уравнивание прав на посещение для заключенных, отбывающих пожизненное заключение, заключенных, отбывающих наказания в тюрьмах, и тех заключенных, которые содержатся в помещениях камерного типа (далее: ПКТ) или единых помещениях

камерного типа (далее: ЕПКТ), с соответствующими правами тех заключенных, которые содержатся в колониях общего режима.

Сотрудники уголовно-исполнительной системы:

- значительное увеличение количества персонала следственных изоляторов и исправительных учреждений;

- запрет на ношение масок сотрудниками отделов специального назначения (далее: ОСН) в любых случаях при исполнении ими своих служебных обязанностей;

- усиление контроля за обоснованностью и правомерностью применения сотрудниками ОСН физической силы, специальных средств и оружия;

- усовершенствование порядка поощрения персонала исправительных учреждений и следственных изоляторов за установление положительных отношений с осужденными к пожизненному лишению свободы и усиление психолого-воспитательного воздействия;

- недопустимость словесных оскорблений подозреваемых, обвиняемых и осужденных и необоснованного или неправомерного применения физической силы, специальных средств и оружия персоналом исправительных учреждений и следственных изоляторов;

- налаживание конструктивных и позитивных отношений между персоналом и заключенными;

- в ходе подготовки тюремного персонала существенное внимание должно быть уделено приобретению и развитию навыков общения среди персонала. Образование положительных отношений с заключенными должно быть признано важным для профессии тюремного работника; это особенно важно для того персонала, который имеет дело с особыми категориями заключенных, например отбывающими длительные сроки, а также содержащимися в специальных тюрьмах, камерах типа ПКТ или ЕПКТ;

- рассмотрение возможности скрытного ношения сотрудниками исправительных учреждений дубинок (например, в английской пенитенциарной системе короткие деревянные дубинки носят во внутреннем кармане форменных брюк);

- передача функций по обеспечению режима, охраны и надзора в психиатрических больницах (стационарах) специализи-

рованного типа с интенсивным наблюдением из компетенции Минюста России в ведение Минздравсоцразвития России.

Отбывание наказания, режим:

- возможное сокращение в действующем законодательстве сроков перевода осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, из строгих условий отбывания наказания в обычные условия, а из обычных условий – на облегченные.

Труд:

- создание дополнительных рабочих мест для лиц, содержащихся в исправительных учреждениях и следственных изоляторах;

- развитие новых видов производственной деятельности (в том числе земледелия и животноводства), а также занятие большего числа заключенных на работах по благоустройству территорий учреждений и улучшению условий содержания;

- принятие мер по улучшению доступа естественного света и свежего воздуха в «рабочие камеры», расположенные в блоках, где содержатся заключенные, отбывающие пожизненное заключение.

Обучение:

- разработка программ среднего (полного) общего образования и профессиональной подготовки в каждом исправительном учреждении и следственном изоляторе;

- принятие мер по разнообразию курсов обучения и образования; поощрению заключенных за посещение курсов обучения (вплоть до оплаты);

- создание в каждом исправительном учреждении библиотеки, обеспечение всем заключенным гарантированного доступа к материалам для чтения (книгам, учебным пособиям, журналам, газетам). Обновление книжных фондов в имеющихся библиотеках.

Физкультура, спорт и досуг:

- предоставление возможности всем заключенным проводить значительную часть дня за пределами своих спальных комнат (камер) в занятиях полезными видами деятельности разнообразного характера;

- принятие мер по развитию способностей заключенных в спорте;

- создание в исправительных учреждениях комнат для развлечений;

- использование дворов учреждений для занятий физкультурой с учетом того, чтобы все заключенные при выполнении упраж-

нений имели реальную возможность физического развития;

- добровольное проведение прогулок заключенных.

Комитет министров Совета Европы считает, что установление общих принципов в сфере уголовно-правовой политики имеет большое значение для всех государств – членов Совета Европы и рекомендует правительствам государств – членов Совета Европы учитывать их при совершенствовании своего законодательства.

Однако механизм реализации многих рекомендаций ЕКПП, которые требуют решения на законодательном уровне или на уровне Правительства РФ, за все время взаимодействия с ЕКПП полностью не выработан.

Для исправления такого положения Министерство юстиции РФ предложило Министерству иностранных дел РФ создать межведомственную рабочую группу, как это предусмотрено Указом Президента РФ «Вопросы межведомственной комиссии Российской Федерации по делам Совета Европы» от 28 декабря 1996 г. № 1783¹, с дополнительным урегулированием вопросов безопасности членов делегации и организацией выполнения рекомендаций ЕКПП на правительственном уровне.

В целях координации деятельности федеральных органов государственной власти по выполнению обязательств, вытекающих из членства в Совете Европы была создана Межведомственная комиссия Российской Федерации по делам Совета Европы (далее: МВК). По итогам каждого визита делегация ЕКПП представляет Правительству РФ подробный доклад с перечнем выявленных нарушений прав человека и рекомендациями по их устранению и недопущению в дальнейшем.

Во исполнение рекомендаций ЕКПП разработан и осуществлен ряд управленческих решений по совершенствованию деятельности УИС.

Так, в связи с тем, что ЕКПП обратил внимание на демонстративно-открытое ношение сотрудниками УИС резиновых палок и их частое применение, заместитель министра юстиции РФ (в настоящее время – директор ФСИН России) Ю. И. Калинин издал указания от 25 ноября 2002 г. № 18/6/2-621т и

¹ См.: Рос. газ. 1997. 9 янв.

от 6 декабря 2002 г. № 18/5/4-145 о порядке ношения специальных средств. С этого времени постоянное ношение спецсредства «палка резиновая» разрешается сотрудникам дежурных смен учреждений УИС только при выполнении служебных обязанностей в запираемых помещениях штрафного изолятора, ПКТ, ЕПКТ, а также на особом и тюремном режиме (при этом палка резиновая должна находиться в зачехленном состоянии в специальных креплениях на поясных ремнях), а также в случае осложнения оперативной обстановки в учреждении по решению начальника учреждения с последующим докладом начальнику территориального органа УИС.

Поскольку естественное освещение и свежий воздух являются основными элементами жизни, на которые имеет право любой заключенный, то отсутствие этих элементов создает благоприятные условия для распространения инфекционных заболеваний, в частности туберкулеза. Учитывая мнение ЕКПП, в целях устранения технических ограничений на поступление в камеры всех следственных изоляторов УИС Минюста России естественного освещения и свежего воздуха заместитель министра юстиции РФ Ю. И. Калинин издал указание от 25 ноября 2002 г. № 18/6/2-617т о снятии с окон камер всех видов жалюзи и установлении вместо них отсекающих решеток.

В целях усиления мер по выполнению санитарно-эпидемиологического надзора на объектах УИС руководителям подразделений УИС направлено соответствующее указание Минюста России от 2 декабря 2002 г. № 18/11296-юк. При этом руководство территориальных органов УИС проинформировано (от 1 июля 2002 г. № 18/29-266) о применении мер административного воздействия за нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения в соответствии с требованиями Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ¹.

Повышенное внимание государства к соблюдению прав человека в УИС стало проявляться в связи с принятием Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения сво-

боды», которым установлен механизм реализации такого права осужденных, как право на труд. Кроме того, впервые на законодательном уровне были регламентированы многие права и обязанности работников УИС. Федеральным законом «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ были достаточно широко продекларированы права подозреваемых и обвиняемых, но механизма их соблюдения закон не предусматривал².

В течение 2005 г. с участием ФСИН России были разработаны и приняты 7 федеральных законов, 5 постановлений и 3 распоряжения Правительства РФ, направленные на совершенствование деятельности УИС и соблюдения прав человека в местах заключения. Совместно с федеральными органами исполнительной власти проведена работа по сопровождению и доработке 13 законопроектов, в том числе федеральных законов: «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии общественных объединений их деятельности», «Об оказании социальной помощи лицам, освободившимся из мест лишения свободы», «О правоохранительной службе Российской Федерации», «О введении в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы и внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации», «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации, связанных с исключением положений о наказании в виде ареста»³.

В целях совершенствования правозащитной деятельности по решению министра юстиции РФ для координации усилий всех служб УИС по выполнению обязательств, взятых на себя государством, в УИС создана вертикаль управления процессом обеспечения прав и законных интересов лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, следственных изоляторах, а также всех сотрудников и вольнонаемных работников УИС.

² См.: СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2759.

³ Итоги работы учреждений и органов уголовно-исполнительной системы за 2005 год: Распоряжение ФСИН России от 25 апр. 2006 г. № 72р.

¹ См.: Рос. газ. 2001. 31 дек.

Приказом ФСИН России от 1 июня 2005 г. № 398 утверждены Типовая должностная инструкция помощнику начальника территориального органа по соблюдению прав человека в УИС Федеральной службы исполнения наказаний и Положение об отделе по соблюдению прав человека в УИС организационно-инспекторского управления ФСИН России.

Следует отметить тот факт, что в вопросах организации ведомственного контроля прослеживаются некоторые элементы дублирования и имеются отдельные проблемы организационного характера, касающиеся координации деятельности подразделений Минюста России при исполнении международных обязательств Российской Федерации по защите прав и законных интересов граждан Российской Федерации, а также при взаимодействии Минюста России с другими правоохранительными органами в сфере контроля за деятельностью мест лишения свободы.

Чаще всего встречаются нарушения таких прав и законных интересов лиц, лишенных свободы, как:

- право на личную безопасность;
- право на вежливое обращение со стороны персонала исправительных учреждений и следственных изоляторов;
- право на охрану здоровья, в том числе бесплатное и квалифицированное лечение;
- право на питание, достаточное для поддержания здоровья и сил;
- право пользования индивидуальным спальным местом (отдельной кроватью) в течение восьми часов в ночное время;
- право получения от администрации постельных принадлежностей (матрас, одеяло, подушка, наволочка, простыня);
- право получения от администрации посуды и столовых приборов (миски, кружки, ложки);
- право на санитарную норму жилой площади;
- право на необходимые санитарно-гигиенические условия содержания;
- право на труд и справедливое вознаграждение за его результаты;
- право на получение среднего (полного) общего образования;
- право обжалования любые нарушения прав и законных интересов.

В целом же, рассматривая количество обращений осужденных, мы видим, что наиболее часто осужденные обращаются по вопро-

сам, связанным с неправомерным водворением в штрафной и дисциплинарный изоляторы, переводом в ПКТ, ЕПКТ, строгими условиями отбывания наказаний, что, на наш взгляд, связано с влиянием на основную массу осужденных лидеров уголовной среды. Уголовные авторитеты пытаются внушить другим осужденным, что только они являются неформальными лидерами, берут на себя роль арбитров в решении различных конфликтов, предпринимают попытки вмешательства в деятельность администрации исправительных учреждений путем продвижения на должности хозяйственного сектора (дневальных, бригадиров и др.) своих людей. В связи с этим наблюдается тенденция к скрытому сопротивлению администрации исправительных учреждений, проявляющаяся в неисполнении режимных требований, игнорировании мероприятий воспитательного характера (массовые отказы от работы, приема пищи, членовредительство). Во избежание этого нужно совершенствовать управление воспитательным процессом (например, применение методов психолого-педагогического воздействия, оказание сторонней социальной помощи), обеспечение контроля за работой самостоятельных организаций, недопущение бесконтрольной передачи им властных полномочий. Кроме того, осужденные обращаются по вопросам, связанным с неоказанием медицинской помощи, а именно с непредоставлением медикаментов. Этот факт обуславливается недофинансированием учреждений и органов, исполняющих наказания в виде лишения свободы.

Имеются претензии к осуществлению медицинской деятельности в учреждениях УИС. В настоящее время многие следственные изоляторы и исправительные учреждения в нарушение требований Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 8 августа 2001 г. № 128-ФЗ¹, постановлений Правительства РФ «Об организации лицензирования отдельных видов деятельности» от 26 января 2006 г. № 45², «Об утверждении Положения о лицензировании медицинской деятельности» от 22 января 2007 г. № 30³ и приказа Минздравсоцразвития России «Об утверждении порядка организации работ (услуг), выполняемых при осуще-

¹ См.: Рос. газ. 2001. 10 авг.

² См.: там же. 2006. 17 февр.

³ См.: там же. 2007. 31 янв.

ствлении доврачебной, амбулаторно-поликлинической скорой и скорой специализированной (санитарно-авиационной), высокотехнологичной, санаторно-курортной медицинской помощи» от 10 мая 2007 г. № 323¹ не имеют права осуществлять медицинскую деятельность на законных основаниях.

Другой серьезной проблемой остается обеспечение трудовой занятости осужденных. Более 90 тыс. из них – а это каждый восьмой – не обеспечены трудом или работают неполную рабочую неделю. Так, 349 человек не работали из-за отсутствия охраны. Не имея заработка, они фактически лишены возможности приобретать в местах лишения свободы продукты питания и предметы первой необходимости, выписывать газеты и журналы, вести телефонные переговоры с родными и близкими, получать дополнительные медицинские услуги и т. д.

Тем не менее намечаются положительные тенденции в области образования и профподготовки лиц, лишенных свободы. Совместно с органами управления образования обеспечено функционирование вечерних (сменных) образовательных школ, учебно-консультативных пунктов. В 2005 г. дополнительно открыты 6 учебно-консультативных пунктов при учреждениях ГУФСИН, УФСИН России².

На современном этапе важной проблемой остается проблема обеспечения прав и законных интересов персонала учреждений и подразделений ФСИН России. Лица, несущие такого рода службу, выполняют конституционно значимые функции, чем обуславливаются их правовой статус, а также содержание и характер обязанностей государства по отношению к ним. Мировой опыт показывает, что граждане, выполняющие не самую привлекательную, но очень важную функцию государства по борьбе с преступностью, нуждаются в повышенном внимании государства к обеспечению их законных интересов. Однако на практике эту обязанность государство не всегда выполняет.

В отношении сотрудников УИС наиболее часто нарушаются требования закона о соблюдении установленного порядка прохождения службы в УИС и увольнения со службы, обеспечению сотрудников УИС жилой площадью в течение трех лет и др.

¹ См.: Рос. газ. 2007. 20 июня.

² См.: Итоги работы учреждений и органов уголовно-исполнительной системы за 2005 год.

Таким образом, представляется целесообразным развитие следующих направлений в деятельности УИС России.

Во-первых, изменить условия отбывания наказания и содержания в исправительных учреждениях в соответствии с международными требованиями. В этой связи особое внимание следует уделить проблеме содержания ВИЧ-инфицированных, больных туберкулезом и осужденных с психическими отклонениями.

Во-вторых, основой воспитательной работы с лицами, осужденными к лишению свободы, должен стать индивидуальный подход. В каждом заключенном сотрудник обязан видеть человека. Такое отношение должно быть нормой общения для всего персонала системы. В этой связи изучение личности осужденного представляется актуальным.

В-третьих, работать с личностью осужденного надо не столько формально – во исполнение наказания, сколько неформально, как с будущим полноценным членом общества. В этой связи целесообразно развивать социальную работу в процессе наказания и дальнейшей ресоциализации после отбывания наказания.

В-четвертых, развивать систему применения наказаний без изоляции от общества, т. е. альтернативных лишению свободы в виде исправительных работ, обязательных работ, штрафов.

В-пятых, осуществлять качественно новый подход к кадровому обеспечению пенитенциарной системы. Это тем более важно, поскольку непосредственная реализация принципов уголовно-исполнительной политики, разработанных на законодательном уровне, замыкается на персонале пенитенциарных учреждений. В условиях реформирования отечественной УИС усложнились задачи, стоящие перед ее сотрудниками. Особую актуальность приобретает задача повышения уровня гражданской ответственности сотрудников УИС.

Библиографический список

1. О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней : федер. закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ // Рос. газ. – 1998. – 7 апр.
2. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : федер. закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ // СЗ РФ. – 1995. – № 29. – Ст. 2759.

А. Б. Елизаров,
*начальник кафедры государственно-
правовых дисциплин и гражданского права
Ивановского филиала ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

Л. Е. Щетнев,
*преподаватель кафедры уголовно-правовых
и специальных дисциплин
Ивановского филиала ВЮИ ФСИН России*

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РОЗЫСКА И ПРИВОДА ЛИЦ, ПОДКОНТРОЛЬНЫХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫМ ИНСПЕКЦИЯМ ФСИН РОССИИ

Деятельность по осуществлению контрольных функций уголовно-исполнительными инспекциями (далее: УИИ) ФСИН России основывается на комплексе законов и подзаконных нормативных правовых актов РФ, среди них: УК РФ, УИК РФ, приказ Минюста России «Об утверждении Инструкции о порядке исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» от 12 апреля 2005 г. № 38¹ и др.

Статья 44 УК РФ закрепляет следующие основные виды наказаний, не связанные с изоляцией от общества (введенные в действие на сегодняшний день): штраф; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград; обязательные работы; исправительные работы; ограничение по военной службе; ограничение свободы.

Мерами уголовно-правового характера, несмотря на отсутствие их прямого нормативного закрепления, принято считать условное осуждение (ст. 73 УК РФ) и отсрочку отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей (ст. 82 УК РФ).

В рамках настоящей статьи мы остановимся лишь на тех видах наказаний и мерах уголовно-правового характера, которые исполняются и контролируются УИИ.

В соответствии с нормами УИК РФ УИИ осуществляют контроль за следующими категориями лиц, осужденных: к обязательным работам (ч. 3 ст. 25), к лишению права занимать определенные должности

или заниматься определенной деятельностью (ч. 3 ст. 33), к исправительным работам (ч. 3 ст. 40), а также за теми, к кому применены меры уголовно-правового характера: беременные женщины и женщины, имеющие малолетних детей, с отсрочкой отбывания наказания (ч. 7 ст. 177) и условно-осужденные (ч. 1 ст. 187).

При осуществлении контроля за лицами, осужденными к обязательным и исправительным работам, возникают следующие проблемы.

На основании положений УИК РФ предусмотрена **возможность объявления в розыск** лиц, злостно уклоняющихся от отбывания наказания в виде обязательных работ, местонахождение которых неизвестно (ч. 2 ст. 30), и лиц, осужденных к исправительным работам, но скрывшихся с места жительства, местонахождение которых неизвестно (ч. 4 ст. 46). Закон закрепляет именно **возможность** объявления в розыск, а сама процедура объявления в розыск и механизм розыска таких категорий осужденных законодательно не закреплены.

В ведомственных приказах, регламентирующих основания и процедуру осуществления розыска различных категорий лиц, одним из оснований проведения розыскных мероприятий является постановление «о розыске» органа дознания, следователя прокуратуры или суда.

Глава 47 УПК РФ, регламентирующая порядок процессуального производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, не закрепляет за судом объявление в розыск осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания в виде обязательных или исправительных работ.

Сотрудники УИИ статуса органа дознания не имеют (ст. 40 УПК РФ) и, следовательно, вынести такое постановление не могут.

К компетенции прокурора и следователя решение вопросов исполнения приговора в соответствии с УПК РФ не относится, значит, выносить постановление о розыске таких категорий они не могут.

Проанализировав законы, регламентирующие деятельность оперативных подразделений ОВД, мы пришли к следующему выводу.

В соответствии с положениями Закона РФ «О милиции» от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 органы криминальной милиции организуют и осуществляют розыск лиц, уклоняющихся

¹ См.: Рос. газ. 2005. 11 мая.

от исполнения уголовного наказания (ст. 8), разыскивают лиц, уклоняющихся от исполнения уголовного наказания (ст. 10), имеют право задерживать и содержать в милиции на основаниях и в порядке, предусмотренных законодательством, лиц, уклоняющихся от исполнения уголовного наказания, для последующей передачи их соответствующим органам и учреждениям (ст. 11)¹.

Кроме того, в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ основанием для проведения оперативно-розыскных мероприятий являются ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведения о лицах, уклоняющихся от уголовного наказания (п. 3 ч. 2 ст. 7)².

Следовательно, в отношении лиц, уклоняющихся от отбывания наказаний, поводом и основанием проведения оперативно-розыскных мероприятий будет являться информация, направленная начальником УИИ об осужденном, скрывшемся с места жительства. Учитывая, что сотрудники оперативных подразделений ОВД являются также органом дознания (ст. 40 УПК РФ), то постановление об объявлении данной категории осужденных в розыск является их компетенцией. Однако пока, к сожалению, начальники территориальных подразделений ОВД при решении данного вопроса не идут навстречу сотрудникам УИИ.

Сегодня в Ивановской области эта проблема решается через взаимодействие суда с УИИ. Выносятся постановления об объявлении в розыск указанной категории скрывшихся осужденных и на его основании уже оперативные подразделения ОВД осуществляют их розыск. Кроме того, руководством УФСИН России по Ивановской области совместно с прокуратурой Ивановской области обсуждается вопрос о реализации вышеуказанного механизма объявления и осуществления розыска правами и силами оперативных подразделений ОВД.

Считаем целесообразным отметить еще одну проблему в указанной сфере правоприменения. Так, осужденные к уголовным наказаниям в виде обязательных и испра-

вительных работ, скрывшиеся с места жительства, местонахождение которых неизвестно, объявляются в розыск и могут быть задержаны на срок до 48 часов. Данный срок может быть продлен судом до 30 суток (ч. 2 ст. 30, ч. 4 ст. 46 УИК РФ). Однако места содержания задержанных осужденных данной категории ни в ст. 90–91 УПК РФ, ни в Федеральном законе «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ³ не определены.

При осуществлении контроля за лицами, осужденными к исправительным работам, в предусмотренных законом случаях УИИ в соответствии с нормами УИК РФ «принимают решение о приводе осужденных к исправительным работам, не являющихся по вызову или на регистрацию без уважительных причин» (ч. 3 ст. 39).

В соответствии с Положением об уголовно-исполнительных инспекциях⁴ УИИ имеют право выносить в установленном порядке постановления о приводе осужденных, состоящих на учете в инспекции и не являющихся по вызову в инспекцию без уважительных причин. Однако в нормах УИК РФ нет понятия «привод» как меры государственного принуждения в отношении лиц, нарушающих условия и порядок исполнения наказаний, альтернативных лишению свободы, а также законодательно не урегулированы: форма решения, порядок осуществления привода и непосредственный его исполнитель.

Анализируя смежное законодательство России, где содержится понятие «привод», мы установили следующее.

В УПК РФ приводу посвящена ст. 113, на основании которой в случае неявки по вызову без уважительных причин приводу могут быть подвергнуты лишь подозреваемый, обвиняемый, потерпевший и свидетель. Причем привод состоит в принудительном доставлении лица к дознавателю, следователю, прокурору или в суд на основании постановления или определения о принудительном приводе. Данные постановления или опреде-

³ См.: там же. № 29. Ст. 2759.

⁴ См.: Об утверждении Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и норматива их штатной численности: Постановление Правительства РФ от 16 июня 1997 г. № 729 // Рос. газ. 1997. 25 июня.

¹ См.: Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1996. № 25. Ст. 2964.

² См.: СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

ления исполняются органами дознания или судебными приставами.

КоАП РФ также содержит статью «Привод» (ст. 27.15), согласно которой органы внутренних дел осуществляют приводы только тех граждан, в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении. Приводы осуществляются милицией на основании определения судьи, органа, должностного лица, рассматривающих дело об административном правонарушении.

То есть понятие «привод» должно предусматривать комплекс данных (информации) о том, кого, на каком основании, куда (к кому), в какие сроки принудительно доставляют.

На основании вышеизложенного считаем целесообразным включить в УИК РФ само понятие привода, его порядок, а также перечень лиц, полномочных оформлять указанную меру принуждения, и лиц, ее исполняющих. Например, закрепить право вынесения постановления о приводе за УИИ, исполнение которого осуществлять совместно (при содействии) с милицией общественной безопасности, действующей в соответствии с п. 18 ст. 10 Закона РФ «О милиции» («...участвовать в предусмотренных законом случаях в контроле за поведением осужденных, которым назначены виды наказания, не связанные с лишением свободы, либо наказание назначено условно»).

При неявке без уважительных причин условно осужденный также может быть подвергнут приводу (ч. 4 ст. 188 УИК РФ), следовательно, описанные выше проблемы возникают и с приводом данной категории осужденных.

Кроме того, согласно ч. 3 ст. 74 УК РФ и ч. 4 ст. 190 УИК РФ по факту сокрытия условно осужденного от контроля предусмотрена на основании судебного решения возможность отмены условного осуждения и исполнения наказания, назначенного приговором суда.

С принятием 11 января 2007 г. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» № 2¹ при решении вопросов в отношении осужденных, скрывшихся с места жительства с целью уклонения от исполнения

наказаний и контроля за условно осужденными, возникают проблемы рассмотрения представлений УИИ об отмене условного осуждения. Так, п. 46 указанного Постановления указывает судьям на возможность отмены условного осуждения и принятия окончательного решения **только в присутствии осужденного**. Таким образом, при сокрытии условно осужденного от контроля для того, чтобы отменить условное осуждение, вначале необходимо найти скрывшегося условно осужденного. Однако в отношении условно осужденных, скрывающихся от контроля УИИ, ни уголовным, ни уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации объявление в розыск не предусмотрено.

Представляется возможным осуществлять розыск данной категории лиц, используя описанную выше схему, основанную на нормах Закона РФ «О милиции» и Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», так как они хоть и осуждены условно, но все же наказание уже исполняют.

В соответствии с ч. 3, 4 ст. 178 УИК РФ, если женщина, имеющая малолетних детей, которой при отбытии наказания в виде лишения свободы судом было отсрочено исполнение данного вида наказания, скрылась, то УИИ выносит в суд представление об отмене отсрочки отбывания наказания и о направлении осужденной для отбывания наказания, назначенного судом. Исходя из содержания п. 46 вышеупомянутого Постановления Пленума Верховного Суда РФ, можно утверждать, что до того, пока женщина не будет найдена, решить вопрос об отмене отсрочки невозможно. Следовательно, необходимо объявлять ее в розыск, но об этом ничего не говорится ни в УК РФ, ни в УПК РФ, ни в УИК РФ.

Объявление в розыск (после безрезультатного осуществления первоначальных розыскных мероприятий УИИ) предусмотрено и в отношении беременной женщины и женщины, имеющей малолетних детей, которой при отбытии наказания в виде лишения свободы судом было отсрочено исполнение данного вида наказания, в случае ее неприбытия в двухнедельный срок со дня освобождения в УИИ (ч. 1 ст. 178 УИК РФ).

Однако в данном случае применить вышеуказанные нормы Закона РФ «О милиции» и Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» для розыска данной категории лиц не представляется воз-

¹ См. Рос. газ. 2007. 24 янв.

возможным. Проблема заключается в том, что сотрудники ОВД в соответствии с данными законами осуществляют розыск лиц, уклоняющихся от отбывания наказания. А в случае отсрочки речь идет об освобождении от наказания (гл. 12, ст. 82 УК РФ). Следовательно, на настоящий момент нормативного обоснования механизма осуществления розыска женщин, к которым была применена отсрочка отбывания наказания, не существует.

Необходимо отметить, что директором ФСИН России Ю. И. Калинин 2 мая 2007 г. было дано указание об организации взаимодействия УИИ, оперативных подразделений УФСИН России и органов внутренних дел по розыску лиц, уклоняющихся от контроля УИИ и объявленных в розыск. Тем самым оперативные подразделения УФСИН России стали уполномочены разрешать обозначенную проблему.

Таким образом, на основании вышеизложенного, считаем целесообразным предложить внести изменения в ведомственные приказы, утверждающие инструкции по проведению розыскных мероприятий, и привести их в

соответствие с действующим законодательством, либо дополнить ст. 40 УПК РФ, включив в перечень органов дознания сотрудников уголовно-исполнительных инспекций.

Библиографический список

1. Об утверждении Инструкции о порядке исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества : приказ М-ва юстиции Рос. Федерации от 12 апреля 2005 г. № 38 // Рос. газ. – 2005. – 11 мая.

2. Об утверждении Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и нормативах их штатной численности : постановление Правительства Рос. Федерации от 16 июня 1997 г. № 729 // Рос. газ. – 1997. – 25 июня.

3. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : федер. закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ // СЗ РФ. – 1995. – № 29. – Ст. 2759.

4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. – М., 2008.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М., 2007.

М. Х. Ефаров,

адъюнкт кафедры

организации оперативной работы

ВЮИ ФСИН России

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ И ОРГАНАХ УИС

В ходе реформ, проводимых в нашей стране, начиная с 90-х гг. XX в., произошли коренные изменения во всех отраслях государственной системы, в том числе и в сфере экономической деятельности. Переход к рыночной экономике обусловил появление большого количества хозяйствующих субъектов, одним из которых в настоящее время выступают учреждения и органы уголовно-исполнительной системы (далее: УИС). Согласно статистическим данным в системе УИС России создан достаточно мощный промышленный потенциал, включающий в себя более 750 предприятий (промышленных, ремонтных, торговых и т. п., а также баз снабжения, автохозяйств, ведомственных железных дорог и пр.), в том числе около 50 со-

вместных предприятий, созданных с долевым участием подразделений УИС, свыше 100 лесозаготовительных предприятий и более 40 сельскохозяйственных. Предприятия расположены практически во всех регионах Российской Федерации, оснащены многопрофильным оборудованием по переработке лесопроductии, металлообработке, камнеобработке, швейному производству, переработке изделий из пластмасс и т. д., используют значительные сырьевые ресурсы. По данным оперативного управления ФСИН России, в исправительных учреждениях на настоящий момент насчитывается около 7,2 тыс. объектов хранения товарно-материальных ценностей. Кроме того, в обороте учреждений УИС как субъектов производственно-хозяйственной деятельности практически постоянно находятся значительные финансовые средства. Так, за 2006 г. в УИС произведено продукции на сумму 14 740,8 млн руб. Об интенсивности экономической деятельности свидетельствует тот факт, что органами и учреждениями УИС только в течение 2006 г. заключен 130 571 договор на сумму 32 271 158 697 руб. в качестве заказчиков (покупателей) и 48 884 договора на

сумму 14 841 284 421 руб. в качестве поставщиков (продавцов)¹.

Руководством УИС прилагается максимум усилий к укреплению экономического потенциала учреждений, совершенствованию механизма использования всех резервов производства, усилению режима экономики и бережливости, недопущению хищений денежных средств, сырья, материалов и готовой продукции, однако преступления экономической направленности в пенитенциарной системе по-прежнему имеют место. Постоянно фиксируются случаи хищения и растраты товарно-материальных ценностей, виновные привлекаются к материальной, дисциплинарной и уголовной ответственности. В этой связи борьба с правонарушениями и преступлениями в сфере экономики приобретает все большую актуальность.

Однако оперативные подразделения исправительных учреждений и органов УИС на данном этапе их деятельности оказались не полностью готовыми к надежной защите экономических интересов УИС. Как показывают исследования, анализ производственно-хозяйственной деятельности учреждений УИС оперативными подразделениями в ряде случаев не осуществляется, работа по установлению лиц, совершивших хищения имущества, в некоторых случаях проводится на недостаточно высоком уровне².

Складывающаяся ситуация усугубляется имеющимися проблемами нормативно-правового характера, недостаточным образовательным уровнем и профессиональной подготовкой оперативного состава УИС, а также трудностями материально-технического обеспечения, которые испытывают сотрудники исправительных учреждений при организации борьбы с преступлениями экономической направленности.

Указанные выше обстоятельства свидетельствуют об особой актуальности задач, связанных с предупреждением и раскрытием преступлений в сфере экономики и обу-

словливают необходимость поиска новых подходов к организации оперативно-розыскной деятельности оперативных подразделений УИС по предупреждению данного противоправного деяния.

Следует отметить, что предупреждение преступности в юридической литературе рассматривается, как правило, в двух значениях: как общее и специальное предупреждение преступлений³. Оно включает в себя ряд взаимосвязанных и взаимозависимых элементов, рассмотрение и правильный подход к которым имеет большое значение не только для теории, но и для практики работы правоохранительных органов. При этом четкое определение этапов предупредительной работы, основных субъектов осуществления тех или иных видов деятельности, разграничение функций различных служб по ее осуществлению во многом будет способствовать целенаправленному предупредительному процессу.

Деятельность оперативных подразделений исправительных колоний по предупреждению преступлений экономической направленности заключается в осуществлении ими комплекса мер гласного и негласного характера, осуществляемых с использованием оперативно-розыскных сил, средств и методов в следующих направлениях:

- выявление причин указанных преступлений и условий, способствующих их совершению, принятие мер по их устранению (общая профилактика);
- установление лиц, склонных к совершению преступлений экономической направленности, и воздействие на них в целях недопущения реализации их преступных замыслов (индивидуальная профилактика);
- предотвращение замышляемых и пресечение подготавливаемых преступлений, а также покушений на них.

На наш взгляд, общую и индивидуальную профилактику объединяет то обстоятельство, что действия по недопущению преступлений предпринимаются ранее, чем формируется умысел на совершение конкретного преступления. В связи с этим нам представляется допустимым объединить их еди-

¹ См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь – декабрь 2006 года): Информ.-аналит. сб. Тверь, 2007.

² См., напр.: *Баландин Д. А.* Меры борьбы с преступлениями экономической направленности в учреждениях УИС // *Ведомости УИС.* 2001. № 6. С. 17–25.

³ См., напр.: *Курс советской криминологии* / Под ред. В. Н. Кудрявцева, И. И. Карпеца, Б. В. Коробейникова. М., 1986. С. 18–19.

ным понятием оперативно-розыскной профилактики. Разделяя точку зрения В. В. Кутковского, отметим, что под оперативно-розыскной профилактикой пенитенциарной преступности в целом мы понимаем основанную на законах и регулируемую ведомственными нормативными актами научно обоснованную деятельность, проводимую должностными лицами, заключающуюся в комплексном применении гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятий в целях выявления и устранения причин преступлений и условий, им способствующих, установления лиц, от которых можно ожидать совершения преступлений и оказания на них предупредительно-профилактического воздействия¹.

Подтверждением обоснованности комплексного рассмотрения общей и индивидуальной профилактики выступает то обстоятельство, что при проведении мероприятий, направленных на выявление причин и условий, способствующих совершению конкретных преступлений, и принятие мер к их устранению, не учитывают индивидуальных особенностей личности осужденного, являющейся носителем конкретных взглядов, навыков и привычек. Поэтому для достижения максимально эффективных результатов нам представляется необходимым тесно сочетать общепрофилактические мероприятия с индивидуальными предупредительными мерами, направленными на своевременное выявление и изучение лиц, от которых можно ожидать совершения преступлений экономической направленности.

Что же способствует их совершению? Помимо общего несовершенства деятельности различных отделов и служб, которое является причиной подавляющего большинства пенитенциарных преступлений, мы считаем целесообразным выделить ряд специфических недостатков:

- при подборе, расстановке и воспитании кадров, связанных с материальной ответственностью;

- в осуществлении контроля деятельности материально ответственных лиц и счетно-бухгалтерских работников;

- в организации охраны объектов хранения материальных ценностей;

- в оборудовании складских помещений (отсутствие необходимых емкостей, стеллажей, холодильников и т. п.);

- в организации учета товарно-материальных ценностей и денежных средств, в том числе в контрольно-ревизионной работе;

- в применении и использовании технически и экономически обоснованных норм расхода сырья и материалов, слабый технический контроль;

а также слабые оперативные позиции на объектах товарно-материальных ценностей.

Не останавливаясь подробно на их рассмотрении, подчеркнем, что большинство указанных недостатков не требует финансовых затрат для их устранения, а лишь знания и неукоснительного исполнения должностными лицами своих служебных обязанностей. Вместе с тем следует отметить, что эффективность борьбы оперативных аппаратов учреждений УИС с преступными проявлениями в целом и данным видом преступлений, в частности, зависит от множества факторов, среди которых основными являются высокий профессионализм сотрудников оперативных подразделений, владение ими необходимым объемом теоретических знаний и практически навыками решения конкретных оперативно-служебных задач.

Библиографический список

1. *Баландин, Д. А.* Меры борьбы с преступлениями экономической направленности в учреждениях УИС / Д. А. Баландин // Ведомости УИС. – 2001. – № 6.

2. Курс советской криминологии / под ред. В. Н. Кудрявцева, И. И. Карпеца, Б. В. Коробейникова. – М., 1986.

3. *Кутковский, В. В.* Особенности профилактических мероприятий по предупреждению правонарушений в местах лишения свободы, осуществляемых оперативными подразделениями ФСИН России / В. В. Кутковский // УИС России: стратегии развития. В 2 ч. Ч. 2. – М., 2005.

¹ См.: *Кутковский В. В.* Особенности профилактических мероприятий по предупреждению правонарушений в местах лишения свободы, осуществляемых оперативными подразделениями ФСИН России // УИС России: стратегии развития: В 2 ч. М., 2005. Ч. 2. С. 64.

Д. В. Зиборов,
начальник научного центра
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

**ЗАДАЧИ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УИС
ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФИЛАКТИКИ
УКЛОНЕНИЙ ОСУЖДЕННЫХ
ОТ ОТБЫВАНИЯ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ**

Ответственность за умышленное, без уважительных причин, невозвращение лица, осужденного к лишению свободы, которому разрешен выезд за пределы места лишения свободы, предусмотрена ст. 314 УК РФ «Уклонение от отбывания лишения свободы».

Исследование результатов деятельности исправительных учреждений за 2004–2006 гг. свидетельствует, что данные преступления стабильно имеют место в общей структуре преступности и составляют в среднем по всем исправительным учреждениям 9,7 % от общего количества зарегистрированных преступлений.

Так, в 2004 г. в местах лишения свободы было совершено 834 преступления, из них 85 – уклонений от отбывания лишения свободы; в 2005 г. всего было зарегистрировано 1019 преступлений, в том числе 108, квалифицируемых по ст. 314 УК РФ; в 2006 г. – 1361 и 111 преступлений соответственно.

Рассматриваемые преступные деяния, как свидетельствует статистика, совершаются во всех видах исправительных учреждений. Вместе с тем в первую очередь они характерны для колоний-поселений (около 85 % случаев).

Таким образом, совершение в местах лишения свободы преступлений, квалифицируемых по ст. 314 УК РФ, предопределяет необходимость организации и осуществления профилактической работы оперативными подразделениями учреждений и органов уголовно-исполнительной системы и в этом направлении.

Следует напомнить, что в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством РФ (ст. 97, 104 УИК РФ) осужденным к лишению свободы, содержащимся в исправительных и воспитательных колониях, а также оставленным в установленном по-

рядке в следственных изоляторах и тюрьмах для ведения работ по хозяйственному обслуживанию, могут быть разрешены как краткосрочные, так и длительные выезды за пределы исправительных учреждений.

Необходимо отметить, что осужденный должен знать, что нормы, заложенные в ст. 97 УИК РФ, не являются безусловным основанием для его выезда за пределы исправительного учреждения. Данное право ему может быть предоставлено по решению администрации, для чего осужденный пишет заявление, в котором указывает:

- причины выезда;
- конкретный адрес, по которому осужденный будет проживать;
- фамилию, имя, отчество и степень родства, проживающего по этому адресу родственника;
- маршрут движения (пункт отправления, промежуточные пункты следования, на которых осужденный будет делать пересадки, пункт прибытия).

При рассмотрении вопроса о выезде осужденного личность последнего должна быть всесторонне изучена всеми службами исправительного учреждения:

- оперативной (проведение оперативно-розыскного мероприятия с задействованием конфиденентов, наведение справок в территориальном ОВД по месту предполагаемого убийства и месту совершения преступления);
- режимной (осуществление постоянного контроля за соблюдением осужденным установленного порядка отбывания наказания);
- воспитательной (систематическое проведение профилактических бесед, контроль за соблюдением общепринятых правил общежития и нравственными нормами поведения);
- производственной (постоянный контроль за соблюдением режима на производстве и оценка его отношения к общественно полезному труду);
- медицинской (метод диагностики состояния его здоровья);
- психологической (метод диагностики его психологического состояния).

Сотрудник оперативного отдела исправительного учреждения, которому поручено проведение проверки осужденного, подавшего заявление на выезд, должен:

– провести с ним беседу, в ходе которой выяснить цель выезда, наличие его родственных связей и кого из них он намеревается посетить, наличие дружеских связей по месту проведения предполагаемого выезда;

– составить на осужденного поисковую карту (аналогичную картам на расконвоированных осужденных) и представить ее в отдел розыска территориального УФСИН;

– провести видеосъемку осужденного, в ходе которой последний должен назвать свои биографические данные, своих родственников и знакомых, с которыми поддерживает отношения в настоящее время, продемонстрировать татуировки и шрамы, пояснить их значение и происхождение;

– подготовить и направить за подписью начальника исправительного учреждения запрос в территориальный ОВД по месту предполагаемого выезда (ответ на данный запрос приобщается к материалам, представляемым в комиссию исправительного учреждения).

Если место проведения предполагаемого выезда находится за пределами субъекта РФ, вышеуказанный запрос направляется через отдел розыска территориального УФСИН.

После убийства осужденного за пределы исправительного учреждения, оперативный дежурный данного учреждения передает информацию о нем в дежурную часть УФСИН.

Сотрудник отдела розыска УФСИН в течение суток с момента убийства осужденного должен проконтролировать его прибытие к месту предполагаемого выезда. Для этого он, используя телефонную связь, устанавливает время регистрации осужденного в территориальном ОВД.

Если осужденный в течение суток не зарегистрировался в ОВД по месту предполагаемого выезда, начальник отдела розыска УФСИН информирует об этом начальника исправительного учреждения.

Начальник исправительного учреждения, из которого убыл осужденный, направляет опергруппу для установления местонахождения осужденного и его возвращения под конвоем в учреждение (при отсутствии уважительных причин). Если местонахождение не будет установлено, старший опергруппы докладывает об этом начальнику учреждения (оперативному дежурному) исправительного учреждения, оперативному дежурному

УФСИН и, взаимодействуя с сотрудниками территориального ОВД, принимает все возможные меры по розыску и задержанию осужденного. Последующие оперативно-розыскные мероприятия по установлению местонахождения уклоняющегося от отбывания лишения свободы проводятся исправительным учреждением совместно с отделом розыска УФСИН.

Если осужденный своевременно прибыл к месту предполагаемого выезда и зарегистрировался в территориальном ОВД, сотрудник отдела розыска УФСИН сообщает об этом оперативному дежурному исправительного учреждения, а тот в свою очередь – начальнику учреждения.

С целью осуществления дальнейшего контроля за поведением и образом жизни осужденного в период нахождения его за пределами исправительного учреждения, начальник учреждения направляет сотрудников для проведения проверки его по месту предполагаемого выезда:

– не менее 2 раз при предоставлении длительного выезда;

– не менее 1 раза при предоставлении краткосрочного выезда.

Данная проверка производится учреждением самостоятельно либо совместно с отделом розыска УФСИН путем непосредственного посещения адреса проживания осужденного, опроса соседей и встречи с участковым уполномоченным милиции.

Своевременное возвращение осужденного в исправительное учреждение контролирует сотрудник отдела розыска УФСИН. С этой целью он в день прибытия осужденного выясняет время снятия его с регистрационного учета в территориальном ОВД и время прибытия в учреждение.

Если осужденный к назначенному времени не вернулся, оперативный дежурный докладывает об этом начальнику исправительного учреждения и оперативному дежурному УФСИН.

Организация оперативно-розыскных мероприятий по установлению его местонахождения и задержанию осужденного возлагается на отдел розыска УФСИН, которые он проводит во взаимодействии с учреждениями уголовно-исполнительной системы и ОВД области.

При выезде осужденного за пределы субъекта РФ организация контроля за его поведением и своевременным возвращением возлагается на отдел розыска соответствующего территориального органа уголовно-исполнительной системы. Розыск данного осужденного проводится отделом розыска УФСИН и исправительного учреждения совместно с отделом розыска УФСИН и территориальным ОВД соответствующего субъекта РФ.

В заключение необходимо отметить, что осуществление оперативными аппаратами учреждений и органов уголовно-исполнительной системы необходимых мер при рассмотрении вопроса о возможности выезда осужденных за пределы исправительных учреждений и последующей организации контроля за ними совместно с иными заинтересованными структурными подразделениями

Л. А. Исаева,
соискатель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

В работах отечественных правоведов¹ общеправовые вопросы правоприменения, правоисполнительной деятельности освещены достаточно полно. Однако, на наш взгляд, такое специфическое направление правоисполнительной деятельности как деятельность уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) требует более детального исследования. Это связано с тем, что она занимает основополагающее место в реализации правоохранительной функции государства.

¹ См., напр.: *Карташов В. Н.* Введение в общую теорию правовой системы общества: Текст лекций. Ярославль, 2000; *Теория юридического процесса* / Под ред. В. М. Горшенева. Харьков, 1985; *Лазарев В. В.* Социально-психологические аспекты применения права. Казань, 1983; *Боннер А. Т.* Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. М., 1992; *Коробов С. А.* Правоисполнительная деятельность в современном российском обществе: проблемы теории: Дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006 и др.

уголовно-исполнительной системы и ОВД будет способствовать, на наш взгляд, повышению эффективности профилактики уклонений осужденных от отбывания лишения.

Библиографический список

1. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / общ. ред. И. Л. Трунова ; рук. авт. кол-ва О. В. Филимонов. – М., 2006.
2. Научно-практическое пособие по применению УК РФ / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Председателя Верхов. Суда Российской Федерации В. М. Лебедева. – М., 2005.
3. Уголовно-исполнительное право : учебник : в 2 т. / под общ. ред. Ю. И. Калинина ; науч. ред. А. Я. Гришко, М. П. Мелентьев. – 2-е изд., испр. – Рязань, 2005. – 2 т.

Несмотря на внешнее терминологическое сходство, рассматриваемые понятия не являются тождественными, хотя близки по содержанию. Для внесения ясности в данный вопрос необходимо уточнить, какое содержание вкладывается в понятие «правоисполнительная деятельность» в рамках отечественной теории права.

Правоисполнительная деятельность представляет собой одно из направлений деятельности государственных органов по обеспечению реализации правоохранительной функции государства. Последняя обычно понимается как совокупный результат деятельности различных государственных органов, которые объединяет направленность на защиту интересов личности, общества и государства.

К числу государственных органов, обеспечивающих реализацию правоохранительной функции, принято относить суд, прокуратуру, органы внутренних дел, а также ряд федеральных служб (ФСБ, ФСИН, ФССП и др.²). Каждый из этих органов в рамках отведенных ему полномочий осуществляет собственные функции во исполнение функций государства. Правоохранительная функция, в свою очередь, распадается на ряд более

² См.: О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти: Указ Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 // Рос. газ. 2004. 12 марта.

дробных направлений деятельности – государственных правоохранительных функций. Соответственно субъектами, осуществляющими задачи по реализации тех или иных государственных правоохранительных функций, являются различные государственные органы.

В механизме реализации правоохранительной функции каждый из органов призван решать определенный круг задач, для чего он наделяется соответствующей компетенцией. Органы внутренних дел, ФСБ и другие предупреждают, выявляют и раскрывают правонарушения и преступления, проводят предварительное расследование, создавая необходимые предпосылки для принятия по ним решений судом. Прокуратура осуществляет контроль за предварительным расследованием (а по определенной категории дел и сама производит предварительное расследование). Суды, которые многими учеными рассматриваются в качестве собственно правоприменительных органов, осуществляют решение юридических дел, связанных с преступлениями и правонарушениями.

Учреждения и органы ФСИН (по уголовным делам¹) и ФССП (по гражданским делам) обеспечивают исполнение вынесенных судами правоприменительных решений.

Таким образом, в правоохранительной системе (подсистеме механизма государства) выделяются органы, функцией которых выступает исполнение правоприменительных актов. Соответственно деятельность этих органов является правоисполнительной. Среди них важное место занимают учреждения и органы УИС Российской Федерации.

Ряд представленных рассуждений позволяет заключить, что правоисполнительная деятельность не сводится только к деятельности УИС по исполнению уголовных наказаний, так как указанные понятия соотносятся между собой как общее и частное. В данной связи заметим, что именно в рамках деятельности УИС наиболее ярко

прослеживается сочетание собственно-юридических и организационно-юридических форм деятельности.

Таким образом, правоисполнительная деятельность, понимаемая как практическая реализация соответствующей правоохранительной функции компетентными субъектами, представляет собой деятельность соответствующих субъектов по организации (обеспечению) исполнения и непосредственному исполнению правоприменительного решения вне конкретного правоприменительного процесса. Ее существование обусловлено необходимостью «разделения государственно-властного труда» в механизме государства и обособлением в нем подсистемы органов, основной задачей которых является исполнение (организация, обеспечение непосредственного исполнения) правоприменительных актов, фиксирующих решения по конкретным юридическим делам.

Эта деятельность лежит за пределами конкретного правоприменительного процесса и непосредственно не связана с конкретными правоприменительными отношениями. Она протекает в рамках специфических правоисполнительных отношений, участниками которых выступают, с одной стороны, государственные органы и их должностные лица (субъекты правоисполнительной функции), с другой – непосредственные адресаты правоприменительных актов. Это – лица, в отношении которых вынесено решение или приговор суда (решение иного юрисдикционного органа) в порядке уголовного, гражданского судопроизводства или производства по делам об административных правонарушениях.

Она диалектически связана с государственным принуждением. Связь эта состоит в том, что правоисполнительная деятельность является средством государственного принуждения. Основной целью правоисполнительной деятельности выступает обеспечение правомерного поведения лица, в отношении которого вынесено правоприменительное решение. Это своего рода деятельность по принуждению к исполнению позитивной юридической обязанности. Главным образом, она связана с обеспечением такой разновидности государственного принуждения, как юридическая ответственность.

¹ В соответствии со ст. 16 УИК РФ, к числу органов, исполняющих уголовные наказания, кроме органов и учреждений УИС, относятся и иные органы, структурно в уголовно-исполнительную систему не входящие, например, гарнизонные гауптвахты и дисциплинарные батальоны Министерства обороны.

Кроме того, связь с государственным принуждением проявляется и в том, что применение мер государственного принуждения есть средство правоисполнительной деятельности. Например, применение физической силы при противодействии законным действиям должностного лица, исполняющего судебное решение, или дисциплинарных наказаний при нарушении режима отбывания наказания. Правоисполнительная деятельность не сводится собственно к правоприменению, а включает в себя последнее в качестве одной из сторон в той мере, в которой это необходимо для обеспечения исправительного воздействия на непосредственного адресата правоприменительного акта.

Таким образом, правоисполнительная деятельность представляет собой относительно самостоятельный вид государственной деятельности, обеспечивающий реализацию государственной правоисполнительной функции (относительно самостоятельного направления реализации правоохранительной функции государства), и характеризуется спецификой цели (завершение цикла поднормативного регулирования), специфическим кругом субъектов, образующих относительно обособленную подсистему механизма государства, и относительно самостоятельной нормативно-правовой основой.

Правоисполнительная деятельность выступает элементом правоприменительной деятельности и видом государственной деятельности по реализации одной из государственных правоохранительных функций – правоисполнительной.

Правоисполнительная деятельность может быть классифицирована по следующим основаниям.

По *отраслевым формам юридического процесса* выделяется деятельность, осуществляемая в рамках: гражданского процесса; уголовного процесса; производства по делам об административных правонарушениях; исполнительного производства по гражданским делам; исполнительного производства по делам, вытекающим из гражданских правонарушений; уголовно-исполнительного процесса.

По *месту в механизме реализации права*: по исполнению правоприменительных ре-

шений в рамках процесса применения права, обеспечивающих решение юридического дела; по исполнению правоприменительных актов, содержащих решение по делу.

В свою очередь деятельность по исполнению правоприменительных решений в рамках процесса применения права разделяется:

- на деятельность органов внутренних дел и их должностных лиц по исполнению решений и постановлений суда, прокурора, следователя о производстве следственных и иных процессуальных действий;

- деятельность по исполнению решений и постановлений суда, прокурора, следователя о применении мер пресечения (ИВС, СИЗО);

- деятельность органов внутренних дел и их должностных лиц по исполнению решений и постановлений суда, прокурора, следователя.

Деятельность по исполнению правоприменительных актов, содержащих решение по делу, классифицируют:

- в зависимости от характера исполняемых правоприменительных актов на деятельность по исполнению;

- судебных решений по гражданским делам; по исполнению приговоров суда по уголовным делам;

- постановлений судьи по делам об административных правонарушениях;

- постановлений по делам об административных правонарушениях органов, осуществляющих административную юрисдикцию.

По *субъектам, осуществляющим правоисполнительную деятельность*:

- деятельность учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, и их должностных лиц, входящих в УИС (исправительные колонии, тюрьмы, воспитательные колонии, уголовно-исполнительные инспекции); деятельность судебных приставов;

- деятельность учреждений, исполняющих уголовные наказания, структурно входящих в ведение Министерства обороны РФ (гарнизонные гауптвахты и дисциплинарные батальоны).

По *отраслям права, нормы которых исполняются*: деятельность по исполнению гражданско-правовых, уголовно-правовых, административно-правовых; уголовно-исполнительных норм.

По интенсивности государственного принуждения, осуществляемого в процессе исполнения: кратковременная (арест имущества должника) и длительная (лишение свободы).

Данная классификация не носит исчерпывающего характера и выступает необходимой предпосылкой для дальнейшего анализа.

Итак, можно резюмировать, что деятельность УИС по исполнению уголовных наказаний является разновидностью правоисполнительной деятельности. Соотношение правоисполнительной деятельности и деятельности УИС отражается в следующих положениях.

Как и правоисполнительная, деятельность УИС по исполнению уголовных наказаний выступает в качестве формы реализации правоохранительной функции государства.

Деятельность УИС также характеризуется наличием относительно самостоятельной нормативно-правовой базы, которую составляют, прежде всего, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (далее: УИК РФ), Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ¹, Закон РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 21 июля 1997 г. № 5473-1², указы Президента РФ, определяющие правовой статус ФСИН³.

Цели деятельности УИС четко обозначены в уголовно-исполнительном законодательстве: это – исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами (ч. 1 ст. 1 УИК РФ). Целью же правоисполнительной деятельности является практическое обеспечение реализации прав, законных интересов и юридических обязанностей граждан в общем.

Субъектами деятельности УИС по исполнению уголовных наказаний являются определенные УИК РФ учреждения и орга-

ны, исполняющие уголовные наказания, а также их должностные лица (гл. 3).

Как и правоисполнительная, деятельность УИС: производна от правоприменения, но не сводится к последнему, а включает его в качестве средства, необходимого для достижения ее целей; является специфической формой реализации специального и отраслевого правовых статусов ее субъектов; осуществляется в рамках правоприменительных и правоисполнительных отношений; представляет собой непосредственную профессиональную деятельность учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания; основное содержание ее составляют активные действия по применению к осужденным мер государственного принуждения; практически обеспечивает процесс непосредственной реализации прав, законных интересов и юридических обязанностей граждан.

Таким образом, сущность деятельности УИС состоит в реализации целей уголовного наказания посредством применения к осужденным мер государственного принуждения. Осужденные в данном случае выступают в качестве непосредственных адресатов правовых норм.

Деятельность УИС по исполнению уголовных наказаний – это установленная нормами уголовно-исполнительного права деятельность учреждений и органов УИС, направленная на реализацию целей уголовного наказания посредством применения к осужденным мер государственного принуждения⁴.

С учетом вышесказанного можно констатировать, что деятельность УИС – это относительно самостоятельная разновидность правоисполнительной деятельности, осуществляемая учреждениями и органами УИС, обеспечивающая исполнение уголовных наказаний.

Библиографический список

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. – М., 2008.
2. Карташов, В. Н. Применение права / В. Н. Карташов. – Ярославль, 1990.
3. Уголовно-исполнительное право / под ред. А. С. Михлина. – М., 2007.

⁴ См.: Уголовно-исполнительное право / Под ред. А. С. Михлина. М., 2007. С. 145.

¹ См.: Рос. газ. 2007. 6 окт.

² См.: СЗ РФ. 2002. № 52. Ст. 5132.

³ См., напр.: О некоторых вопросах Федеральной службы исполнения наказаний: Указ Президента РФ от 21 марта 2005 г. № 317 // СЗ РФ. 2005. № 13. Ст. 1136; Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний: Указ президента РФ от 13 окт. 2004 г. № 1314 // Рос. газ. 2004. 19 окт.

Т. С. Кожевников,
старший преподаватель
Кировского филиала
Академии права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний

**КРИМИНАЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА
В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ:
СУЩНОСТЬ И МЕРЫ ПРОФИЛАКТИКИ**

Раскрывая механизм возникновения криминальной субкультуры как объективной реальности, имеющей собственные закономерности развития в уголовно-исполнительной системе, остановимся на главной, на наш взгляд, ее составляющей – криминальной идеологии. В социологическом понимании сущность данной идеологии представляет собой систему идей, понятий, взглядов, складывающихся в процессе деятельности преступных формирований. По мнению В. С. Разинкина, исследовавшего рассматриваемую проблему, криминальная, или воровская, идеология – упорядоченная система негативных взглядов, ценностей и ориентаций, содержащая критику внутренней, особенно уголовной, политики государства и умело культивирующая антиобщественные обычаи и традиции применительно не только к криминальному, но и к нормальному образу жизни¹. Уточним, что криминальная система взглядов и убеждений существует не сама по себе, а в преступных формированиях, она трансформируется, упорядочивается, становится все более изощренной, политизированной, проникает во все слои общества. Причем она проявляется не только в преступных сферах, но и в обывденной, повседневной жизни, легализуется в социокультурном пространстве. В результате в средствах массовой информации негативное социальное поведение приобретает определенную привлекательность, а воровской мир и его идеология представляются частью российской культуры².

Именно преступная идеология является цементирующим, объединяющим началом организованных преступных формирований,

действующих в обществе. Данные закономерности идеологии проявляются и в местах лишения свободы в силу того, что к концу 60-х гг. XX столетия в них сформировалась единая субкультура со сложной социальной иерархией, неформальными нормами, правилами, атмосферой конфронтации между администрацией и осужденными³.

Живучесть и устойчивость идеологии, присущей сообществам осужденных, обусловлены тем, что в повседневной жизни между социальной организацией мест лишения свободы и закономерностями социальной организации постсоветского общества наблюдается известное сходство⁴. Возможно, это не очевидно, однако последовательный анализ ценностных ориентаций, взглядов, убеждений, присущих перечисленным категориям граждан, позволяет выявить причинно-следственную связь в массовом сознании населения и лиц, находящихся в местах лишения свободы. Именно на эту особенность в последние годы ученые обращают внимание⁵. Дело в том, что в Российской Федерации отмечается большая пораженность населения «клеймом судимости». По данным В. В. Лунеева, за три поколения (по 20 лет) в России число осужденных составляло до 75 млн чел., т. е. уровень пораженности судимостью приближается к 35–45 % всего взрослого населения страны⁶. По самым осторожным оценкам, бывшие осужденные среди взрослого населения страны составляют 15 %, что свидетельствует об активной призонизации населения (от англ. prison – тюрьма). Это во многом объясняет довольно широкое использование криминального арго в повседневном русском языке⁷, стереотипов поведения и ценностей, характерных для асоциальной среды.

³ См.: Поиски выхода. Преступность, уголовная политика, места заключения в постсоветском пространстве. М., 1996. С. 163.

⁴ См.: Олейник А. Н. Тюремная субкультура: от повседневной жизни до государственной власти. М., 2001. С. 5.

⁵ См.: Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М., 1997. С. 420–428; Зубков А. И. Карательная политика России на рубеже тысячелетий. М., 2000. С. 25–26.

⁶ См.: Лунеев В. В. Указ. соч. С. 419.

⁷ См., напр.: Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. М., 1991; Кронгауз М. Язык – враг мой? // Новый мир. 2002. № 10. С. 135–141.

¹ Источник: Криминология: Учеб. / Под ред. А. И. Долговой. М., 1997. С. 610.

² См.: Организованная преступность. М., 1998. С. 15.

Об исчезновении жестких границ между сознанием части населения и лиц, находящихся в местах лишения свободы, можно судить и по известному «тождеству» конструирования властных отношений, существующих между осужденными и администрацией, государством и обычными людьми.

Субкультура, основанная на тюремном законе, – феномен не только широко распространенный, но и обладающий устойчивостью, способный к самовоспроизведению, самовозрождению и регенерации. Иными словами, феномен не только социальный, но теперь уже и культурный. А с культурными явлениями можно бороться и пытаться воздействовать на них только культурными же средствами. И это вполне возможно, потому что основная часть этой субкультуры является составляющей культуры, которая гораздо объемней по количеству и качеству принципиальных ценностей и установок. Ее патологичность и ряд негативных черт вызваны адаптацией этих ценностей к суровым условиям жизни в учреждениях пенитенциарной системы.

Есть такой культурологический постулат, гласящий, что если официальная культура до определенного предела догматизируется и рационализируется, то в противовес ей появляется контркультура. Нечто подобное сработало и в тюремной культуре. Даже те из осужденных, кто ранее презирал интересы окружающих его людей, не был ограничен необходимостью следовать принятым в человеческом обществе нормам взаимоотношений, попадая в зависимое положение и приобретая статус жертвы, очень остро и болезненно начинает реагировать на малейшую несправедливость в отношении себя и очень быстро вспоминает о той самой нравственной составляющей человеческих взаимоотношений. Поскольку официальные нормы жизни заключенных вступили в явное противоречие с общепринятыми в человеческом обществе нравственными нормами, превратились в манипулятивные стратегии администрации, в противовес этому стала возрождаться тюремная субкультура, «тюремный закон».

Интересная деталь: в обширном потоке тюремной мемуаристики 30–50-х гг. XX в. (известных произведениях прошедших лагеря классиков) мы сталкиваемся с весьма резким неприятием блатного мира и его «авто-

ритетов» – «воров в законе», с самыми уничижительными их оценками («Блатной мир должен быть уничтожен!.. Это особый мир людей, переставших быть людьми», – утверждает В. Шаламов; «Урки – не Робин Гуды! Когда нужно воровать у доходяг – они воруют у доходяг. Когда нужно с замерзающего снять последние портянки – они не брезгают и ими. Их великий лозунг – «умри ты сегодня, а я завтра!» – вторит ему А. И. Солженицын)¹. Однако в более поздний период начинает вдруг проявляться романтизация блатного мира. Попытаемся разобраться в причинах этого явления.

В середине 50-х гг. XX в. происходит значительное смягчение режима во всех тюрьмах и лагерях. В частности, осужденным стали выдавать на руки деньги, появились коммерческие столовые и ларьки, была введена система зачетов: людям, выполнявшим и перевыполнявшим норму на лагерных работах, день работы мог быть засчитан за два и три дня – таким образом им сокращали срок заключения. При такой системе поощрения человек имел объективные критерии для собственной оценки. Следует отметить, что эти критерии были практически одинаковыми и для заключенного, и для администрации; осужденный осознавал, что он *сам*, не причиняя вреда другим осужденным, имеет возможность сократить срок своего наказания. В результате «блатные» окончательно лишились какого-либо влияния; осужденные выгоняли их из бараков на улицу, из жилых зон, если те осмеливались напомнить о своем существовании. Таким образом, в середине 1950-х гг. окончательно меркнут «блеск и слава» блатного мира. Обескровленный «сучьей войной», не находя поддержки и сочувствия у основного лагерного населения, он уходит со сцены активной жизни пенитенциарной системы, чтобы вернуться назад через некоторое время, приняв щедрый «подарок» государства.

В 1961 г. происходит реформа пенитенциарной системы, в ходе которой была отменена система зачетов, а вместо нее вводится условно-досрочное освобождение. Как известно, в доктрине «перековки преступного мира» идея самоуправления осужденных и ранее являлась стержневой: еще

¹ Цит. по: Скалах С. Актуальные вопросы реформы УИС: Аналит. зап. М., 2006. С. 26.

с 1930-х гг. существовала система административных должностей, которые могли занимать заключенные (бригадиры, нарядчики, дневальные и т. п.), т. е. персонал лагерей как бы делегировал часть своих полномочий самим осужденным. Но совершенно новое качество приобрела идея самоуправления после возникновения в 1961 г. института членства в самодеятельных организациях осужденных. Заключенный, подавший заявление с просьбой принять его в такую организацию, становился не временным сотрудником с ограниченными его должностными функциями (как при старой системе самоуправления), а постоянным и всесторонним помощником администрации. Ему теперь вменялись в обязанности доклады о нарушениях других заключенных, наблюдение за порядком и т. п. Кроме того, участие в работе самодеятельных организаций становилось теперь необходимым условием для признания заключенного лицом, вставшим на путь исправления¹.

Такой «номенклатурный» осужденный *может иметь хоть десяток судимостей, но каждый свой срок будет отбывать как «вставший на путь исправления»* со всеми преимуществами, которые дает принадлежность к руководству учреждения. Вместе с тем, несмотря на весьма выгодное положение, желающих стать членами самостоятельных организаций среди заключенных находилось мало. Интересны причины такого упорного сопротивления тому, что на языке администрации называется «встать на путь исправления». Понятно, почему блатные не хотят на этот путь становиться – у них свои принципы. Но обычный человек, отбывающий наказание за кражу с предприятия, поля, за пьяную драку или бытовой скандал, никаких заранее внушенных «воровских» принципов не имеет. Самое поразительное заключается в том, что человек отказывается от «пути исправления», который предлагает ему администрация, именно потому, что хочет остаться человеком. Это известно каждому педагогу: чтобы воспитать полноценную личность, необходимо прежде всего отучить ребенка ябедничать, передавать сплетни, наущничать. Основой всякой культуры и всех социальных отношений является запрет на предательство. Однако следует оговориться.

Безусловно, существует такое понятие, как «оперативно-розыскная деятельность», которая не может быть эффективной без агентурной сети осведомителей, где бы она ни осуществлялась – на воле или в колонии. Вместе с тем даже дети, хотя бы из шпионских романов, знают, что работа с агентурой – это нечто тайное и секретное. Поэтому предлагать человеку исправляться, публично и открыто становясь наущником, – совершенно несостоятельная логика². Принять условия этой игры – значит поставить под вопрос мораль как таковую, стать аморальным, потерять себя как личность, уважение людей и самоуважение. И поскольку администрация исправительных учреждений никакого другого «пути исправления» предложить осужденным не могла, система, построенная на таких основаниях, в конечном счете оказалась лишенной всякого морального авторитета, а следовательно, – всякого сочувствия и поддержки основной массы осужденных. В результате возникла массовая реакция осужденных на репрессивную политику и произвол администрации. Люди, включенные в эту систему, стали самостоятельно, на свой страх и риск, строить новую, параллельную административной, культурную систему. Данные обстоятельства способствовали тому, что представители блатного мира – носители «воровских традиций» и захватили неформальное руководство над сообществом осужденных, расширив некоторые положения «воровского закона» на всю массу тюремного населения и взяв на себя функции по реализации его норм. В более широком смысле можно сказать, что тюремная субкультура возникла как ценностная реакция масс осужденных на тяжелые условия жизни в советской тюрьме, реакция живого сознания и личного достоинства на омертвелую авторитарную систему исправительных учреждений.

Таким образом, чтобы изменить сложившуюся ситуацию, сегодня в пенитенциарной системе крайне необходимо вновь объединить два элемента: власть и нравственность. Только тогда можно получить культурную социальную систему, которая будет пользоваться у своих участников уважением и поддержкой, и такие понятия, как «честь», «совесть», «достоинство», «благородство», вновь обретут в ней свое

¹ См.: Скалах С. Указ. соч. С. 27.

² См.: там же. С. 28.

изначальное значение. Только так можно отобрать у профессионального криминалиста моральные основания иметь влияние на основную массу осужденных и не дать ему пополнять свои ряды.

Кроме того, необходимо вернуть систему зачетов для осужденных, занимающихся трудом в исправительных учреждениях, с тем чтобы они могли самостоятельно выбрать свой путь, почувствовать себя личностью и вполне вероятно получить специальность. Не зря у психологов существует мнение, что тюрьма – прекрасная модель, демонстрирующая неэффективность нака-

О. А. Кравченко,
*соискатель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

**УЧРЕЖДЕНИЯ И ОРГАНЫ, ИСПОЛНЯЮЩИЕ
УГОЛОВНЫЕ НАКАЗАНИЯ
В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ,
КАК СУБЪЕКТЫ ПРАВООТНОШЕНИЙ**

В теории права категория «правоотношения» – одна из самых фундаментальных и вместе с тем одна из самых сложных и дискуссионных. Во многом это объясняется неоднозначностью данного явления как правовой реальности. Достаточно сказать, что некоторые ученые считают всю теорию права, по сути, теорией правоотношений (И. Сабо)¹.

Прежде, чем мы рассмотрим вопрос о специфике правоотношений, участниками которых выступают пенитенциарные учреждения, остановимся на классификации правоотношений в целом. Это позволит нам выявить те из них, которые немыслимы вне участия органов уголовно-исполнительной системы (УИС). Однако мы не ставим своей целью воспроизвести довольно обширный классификационный арсенал теории правоотношений, а только проанализируем специфику взаимосвязи охранительных и регулятивных правоотношений в деятельности УИС.

Деление правоотношений на охранительные и регулятивные представляет собой достаточно распространенную классификационную модель в отечественной тео-

логии. Если осужденный ничему новому не научился, то нет никакой гарантии, что в той же среде с теми же соблазнами он не будет вести себя по-прежнему².

Библиографический список

1. Криминология : учебник / под ред. А. И. Долговой. – М., 1997.
2. Лунев, В. В. Преступность XX в. Мировые, региональные и российские тенденции / В. В. Лунев. – М., 1997.
3. Скалаух, С. Актуальные вопросы реформы УИС : аналит. зап. / С. Скалаух. – М., 2006.

рии права. Это одно из важнейших делений правоотношений, соответствующее основной группировке специально-юридических функций права и подразделению юридических норм. Критериями разграничения в данном случае могут выступать:

- характер и содержание юридических (правовых) функций права, воплощающихся в правоотношении (Н. Г. Александров, В. К. Бабаяев, Л. А. Морозова, Т. Н. Радько и др.);
- вид (характер) правового поведения (правомерное или противоправное) (Н. И. Матузов, В. И. Червонюк и др.).

Охранительные отношения – это общественные отношения, выступающие проводником охранительной функции права. Они представляют собой отношения, при помощи и в рамках содержания которых реализуется юридическая ответственность и применяются меры защиты (компенсации и восстановления) нарушенных прав. Вытеснение негативных, социально нежелательных проявлений (правонарушений, особенно преступлений) путем репрессивной реакции со стороны общества и представляющего его на публичном уровне государства составляют телеологическую сторону охранительных правоотношений. Их нормативной основой выступают нормы (управомочивающие и запрещающие) охранительной направленности. Фактическую основу охранительных правоотношений могут образовывать: а) отклонения субъекта права от установленных правил; б) споры между субъектами права и по по-

¹ См.: Радько Т. Н. Теория государства и права. М., 2004. С. 313.

² См.: Литвак М. Е. Принцип сперматозоида: Учеб. пособие. Ростов н/Д, 2003. С. 317.

воду права; в) прямые нарушения норм права¹.

Вполне очевидно, что любое право, даже самое, казалось бы, совершенное, рано или поздно будет нарушено. Государство, устанавливая юридические запреты и санкции за их нарушение, выполняет в данном случае функцию общей превенции и тем самым заранее закладывает в механизм правового регулирования особую стадию – охранительные правоотношения, в рамках которых происходят, как уже было отмечено выше, защита права и реализация юридической ответственности в отношении лица, нарушившего государственно-властное веление, в форме запрета.

Классическим и, на наш взгляд, самым наглядным отраслевым видом юридической ответственности выступает ответственность, возникающая вследствие нарушения уголовно-правовых норм (запретов) и реализующаяся в рамках уголовно-правовых отношений. При этом УИС к рассматриваемому виду правоотношений имеет самое непосредственное отношение.

Мы разделяем точку зрения И. С. Крамского, по мнению которого, одним из этапов реализации уголовно-правовых отношений выступают уголовно-исполнительные отношения, возникающие в случае, когда рассмотрение уголовного дела заканчивается вступлением в силу обвинительного приговора, содержащего вид и размер уголовного наказания². Структура и особенности данных правоотношений обусловлены нормами УИК РФ. При этом самым распространенным и чаще всего применяемым на практике видом уголовного наказания является лишение свободы на определенный срок (п. «л» ст. 44 УК РФ) и пожизненное лишение свободы (п. «м» ст. 44 УК РФ). Казалось бы, вопрос о том, какие правоотношения – охранительные или регулятивные – доминируют в деятельности УИС, становится очевидным.

Однако идентификация правоотношений, одним из субъектов которых выступает УИС, только как охранительных в целом и уголовно-правовых (уголовно-исполнительных), в частности, не достаточно адекватно и всеобъемлюще отражает реальную картину.

¹ См.: Крамской И. С. Соотношение материальных и процессуальных правоотношений (на примере деятельности органов внутренних дел): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 53; Радько Т. Н. Указ. соч. С. 334.

² См.: Крамской И. С. Указ. соч. С. 134.

На первый взгляд само наименование системы органов и институтов, к которым принадлежит УИС (в данном случае мы имеем в виду систему правоохранительных органов), снимает всякие сомнения в том, в каких правоотношениях – охранительных или регулятивных – принимают участие пенитенциарные учреждения. Если мы соглашаемся с признанием уголовно-правовых отношений охранительными, то с той же уверенностью мы должны согласиться и с тем, что уголовно-исполнительные правоотношения, выступая их компонентом и формой, также характеризуются охранительной направленностью.

Однако не все так просто и методологически безупречно. Достаточно ознакомиться с содержанием УИК РФ, в ст. 1 которого обозначены цели и задачи уголовно-исполнительного законодательства России. Так, в п. 2 данной статьи недвусмысленно говорится о том, что одной из задач уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации является «...регулирование (выделено нами – О. К.) порядка и условий исполнения и отбывания наказаний...». Дальнейшее толкование норм УИК РФ позволяет более убедительно аргументировать наш тезис. В частности, целая глава УИК РФ содержит нормы, закрепляющие правовое положение осужденных.

Исходя из этого мы делаем вывод, что УИС в большей степени участвует в регулятивных правоотношениях, поскольку именно регулятивные нормы составляют основной массив норм уголовно-исполнительного законодательства. Охранительные правоотношения возникают лишь в том случае, когда нарушаются охранительные нормы (например, в случае нарушения осужденным режима содержания в исправительном учреждении).

Более того, анализ таких структурных компонентов УИК РФ, как гл. 13 «Условия отбывания наказания в исправительных учреждениях», гл. 14 «Труд, профессиональное образование и профессиональная подготовка осужденных», а также целого ряда отдельных статей и норм, еще раз подтверждает наш тезис о том, что охранительные отношения во все не доминируют в деятельности УИС.

Таким образом, право – весьма сложное и противоречивое явление, характеризующееся наличием множества прямых и обратных связей, взаимопроникновением составляющих его элементов друг в друга.

Эти свойства права в целом вполне процируемы и на важнейшую его форму (ипостась) – правоотношения, которые, в свою очередь, также характеризуются наличием прямых и обратных связей между составляющими их элементами, сложными взаимопереходами и взаимопроникновениями регулятивного и охранительного начал. «Возникновение этих (охранительных правоотношений – О. К.), – отмечает Т. Н. Радько, – объясняется необходимостью урегулировать (упорядочить) отношения, возникающие вследствие неправомерных поступков субъектов права»¹. Как видим, даже известные теоретики признают присутствие регулятивного начала в сущности ох-

В. Д. Крачун,

*заместитель начальника кафедры
уголовно-исполнительного права
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЙ ПО БОРЬБЕ
С НЕЗАКОННЫМ ПРОНИКНОВЕНИЕМ
ЗАПРЕЩЕННЫХ ПРЕДМЕТОВ**

Процесс формирования независимого демократического государства, продолжающийся в России, предполагает отлаженный механизм правового регулирования различных сторон жизни общества и направлений деятельности государственных органов, общественных и иных негосударственных формирований. Одной из основных задач этого процесса является выработка новых, гуманных подходов к решению вопросов борьбы с преступностью, соблюдению законности, приведение правовых норм в соответствие с общепризнанными стандартами по правам человека и современными политическими и социально-экономическими реалиями.

В теории и практике оперативно-розыскной деятельности (ОРД) существует ряд проблем, решение которых в значительной степени будет способствовать повышению эффективности борьбы с преступностью. Одной из таких проблем являются недостатки юридической регламентации рассматри-

рательных правоотношений. И это, на наш взгляд, вполне соотнобразуется с инструментальной ценностью права – выступать регулятором общественных отношений.

Библиографический список

1. *Крамской, И. С.* Соотношение материальных и процессуальных правоотношений (на примере деятельности органов внутренних дел) : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006.
2. *Радько, Т. Н.* Теория государства и права / Т. Н. Радько. – М., 2004.
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : [федер. закон : принят Гос. Думой 18 дек. 1996 г.]. – М., 2007.

ваемой деятельности. Нами был проведен опрос оперативных сотрудников ФСИН России с целью выяснения их мнения относительно нормативно-правового регулирования данного вида деятельности. Результаты опроса показали, что, по мнению 64 % респондентов, недостаточное правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности оперативных подразделений ФСИН России препятствует реализации в полной мере решению задач по выявлению, предупреждению и раскрытию готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания; 14 % опрошенных оперативных сотрудников считают, что нормативное правовое регулирование ОРД соответствует современным требованиям; 22 % затруднились ответить. При этом 23 % респондентов связывают перспективы улучшения нормативной правовой основы предупреждения проникновения запрещенных предметов к осужденным с внесением изменений в оперативно-розыскное законодательство и 75 % – с ужесточением уголовной ответственности за данное правонарушение. Мы не разделяем точку зрения большинства респондентов по двум причинам: во-первых, ужесточение уголовно-правовой ответственности не согласуется с проводимой в настоящее время либерализацией уголовной политики и, в частности, демократизацией пенитенциарной системы; во-вторых, несмотря на то, что данная государственно-правовая мера будет косвенно способствовать предупреждению проникновения запрещенных

¹ Радько Т. Н. Указ. соч. С. 334.

предметов к осужденным, принципиально не может изменить существующее положение.

Оперативно-розыскная деятельность, обеспечивая реализацию уголовной политики, функционирует в правовых рамках. Однако в силу организационных и тактических особенностей она, в отличие от уголовного процесса, опирается и на законы, и на ведомственные нормативные правовые акты.

Ввиду того что на законодательном уровне определение правовой основы ОРД (ст. 4 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ) не регламентировано должным образом и, как следствие, не раскрывается в полной мере его сущность, заслуживает внимания его научное определение. Мы разделяем точку зрения В. М. Атмажитова¹ и под правовой основой деятельности оперативных подразделений по предупреждению преступлений предлагаем понимать систему правовых норм, содержащихся в законах и подзаконных нормативных актах, которые создают юридические предпосылки (условия) для реализации оперативно-розыскных мер либо непосредственно регламентируют организационные и тактические вопросы применения оперативно-розыскных сил, средств, мероприятий, методов и форм в целях предупреждения преступлений.

В юридической литературе приводится различная классификация правовых норм вне зависимости от методов и способов противодействия преступности. Однако пока нельзя утверждать, что законотворческий процесс закончен и определены как оптимальные границы правового регулирования ОРД, так и его уровни.

Базовый уровень правового регулирования ОРД характеризуется регламентацией деятельности федеральными и иными законами. Общественные отношения, характерные для ОРД ФСИН России регулируются прежде всего Конституцией РФ, а также общими правилами, включенными в уголовное, уголовно-процессуальное, административное, гражданское, уголовно-исполнительное законодательство.

Несмотря на то, что законодательство непосредственно не регламентирует ОРД, в нем содержатся общие положения, имею-

щие для нее принципиальное, основополагающее значение.

К правовой основе ОРД относится ряд законов, включающих правовые нормы, содержащие предписания о возможности применения оперативно-розыскных мер или регулирующих отдельные общие вопросы ОРД ФСИН России.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) содержит ряд нормативных положений, непосредственно относящихся к вопросам организации и осуществления ОРД.

Обозначенные в качестве правовой основы ОРД нормы УПК РФ обозначают возможность деятельности оперативных подразделений по раскрытию уже совершенных преступлений. При этом следует согласиться с мнением ряда ученых, что отдельные из них сформулированы не совсем четко и в какой-то мере даже противоречиво². Кроме того, не урегулировано решение некоторых вопросов.

В отличие от ст. 118 УПК РСФСР 1961 г. в действующем УПК РФ отсутствует норма, обязывающая органы дознания принимать необходимые оперативно-розыскные меры в целях обнаружения преступлений и лиц, их совершивших, а также для предупреждения и пресечения преступлений. В связи с этим требуют разрешения следующие вопросы.

Согласно Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» оперативно-розыскные мероприятия могут осуществляться только при наличии определенных оснований. В соответствии с п. 2.1 ч. 1 ст. 7 данного Закона одними из них являются ставшие известными органам, осуществляющим ОРД, сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших.

Такие сведения могут стать известными указанным органам независимо от принимаемых ими мер по обнаружению этих данных (заявления отдельных граждан, сообщения

¹ См.: Атмажитов В. М. Правовая основа оперативно-розыскной деятельности: Материалы к лекции. М., 1998. С. 2.

² См.: Бобров В. Г. О некоторых вопросах оперативно-розыскной деятельности, связанных с принятием нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Актуальные проблемы совершенствования оперативно-розыскной деятельности: Тр. Академии МВД РФ. М., 2003. С. 3–23.

должностных лиц и т. д.). Однако получение подобной информации о посягательствах, совершаемых замаскированным способом, весьма проблематично. Как правило, они выявляются путем проведения оперативно-розыскных мероприятий разведывательно-поискового характера. Их цель состоит в обнаружении первичных сведений о таких деяниях и лицах, причастных к их совершению. Однако проведение данных мероприятий также должно базироваться на соответствующей норме права (в ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» она не предусмотрена). С этой точки зрения проведение таких мероприятий противоправно. Их законность в известной степени обосновывалась предписаниями ч. 1 ст. 118 УПК РСФСР, которая возлагала на органы дознания обязанность по применению таких мер (мероприятий) в целях обнаружения преступлений и лиц, их совершивших. В связи с принятием УПК РФ утратило силу основание для проведения указанных мероприятий. В связи с этим возникает вопрос об их правомерности, о том, какая норма и какого закона может служить правовым основанием для осуществления таких мероприятий.

В ответе на данный вопрос следует согласиться с мнением Н. Н. Васильева и Ю. Ф. Кваши¹ о необходимости корректировки ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». В частности, она должна быть дополнена пунктом, устанавливающим такое основание для проведения оперативно-розыскных мероприятий, как необходимость добывания информации, использование которой обеспечивает правопорядок и законность в пенитенциарных учреждениях, безопасность содержащихся в них осужденных, а также персонала, должностных лиц и граждан, находящихся на территории данных учреждений. Представленное мнение соответствует требованиям ст. 84 УИК РФ и ст. 13 и 14 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 21 июля 1993 г. № 5473-1².

¹ См.: Кваши Ю. Ф., Васильев Н. Н. Основные направления (концепция) оперативно-розыскной деятельности оперативных подразделений органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания: Учеб.-метод. материалы по курсу «Организация и тактика ОРД органов, исполняющих наказания». М., 1994. С. 22–23.

² См.: СЗ РФ. 1993. № 25. Ст. 2964.

Законодательное регулирование ОРД осуществляется также нормами уголовного права. Так, А. Ф. Возный мотивировал такую постановку вопроса совпадением задач ОРД с задачами уголовного законодательства³. В свою очередь, А. И. Алексеев, Г. К. Синилов, В. Г. Самойлов, разделяя данную точку зрения, подчеркивали, что эти задачи имеют прямое отношение к ОРД, так как обязывают оперативные аппараты осуществлять оперативно-розыскные меры для поиска лиц, в отношении которых должны быть применены меры уголовно-правового характера; принимать оперативно-розыскные меры с целью изобличения таких лиц, а также благоприятствуют разрешению ряда частных задач ОРД.

Следует согласиться с точкой зрения тех ученых, которые считают, что нормы уголовного права, являясь основополагающими и целеуказующими, имеют фундаментальное значение, тем самым создают правовые предпосылки и определяют границы предмета для осуществления ОРД. В связи с этим необходимость осуществления ОРД прежде всего обусловлена наличием общественно опасных деяний, ответственность за совершение которых устанавливается уголовным законом. При определении содержания организации и тактики ОРД по предупреждению проникновения запрещенных предметов к осужденным необходимо учитывать нормы Общей части УК РФ. Так, оперативным отделам исправительных колоний при разработке лиц, намеренных изготовить, приобрести, переслать либо сбыть наркотические средства или психотропные вещества, огнестрельное оружие, незаконно сбыть газовое и холодное оружие, в том числе метательное, необходимо иметь в виду, что ст. 15 УК РФ относит деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 228, ч. 1, 4 ст. 222, ч. 4 ст. 223 УК РФ (уголовная ответственность за приобретение, передачу, сбыт, хранение, перевозку или ношение гражданского гладкоствольного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему, в редакции Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ исключена) к преступлениям средней тяжести, а ч. 2 соот-

³ См.: Возный А. Ф. Уголовно-правовые и этические проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. М., 1980. С. 19–20.

ветственно к тяжким преступлениям. При этом согласно ст. 30 УК РФ уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям, а уголовная ответственность за покушение на преступление наступает независимо от того, к какой категории относится совершаемое лицом умышленное преступление. Исходя из правовой характеристики рассматриваемых преступлений, можно утверждать, что в диспозициях составов преступлений (ст. 222, 223, 228 УК РФ) необоснованно отсутствует упоминание о специальных субъектах, а именно осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Это обуславливает необходимость дополнить ч. 1 ст. 228, ч. 1, 4 ст. 222, ч. 4 ст. 223 УК РФ пунктом следующего содержания «совершенные осужденным во время отбывания наказания в виде лишения свободы».

Отдельные аспекты ОРД по предупреждению проникновения запрещенных предметов к осужденным в исправительной колонии, как было отмечено, имеют законодательную регламентацию в Законе РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы». В указанном Законе среди задач уголовно-исполнительной системы указаны также следующие: обеспечение правопорядка и законности в учреждениях, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы, а также содействие органам, осуществляющим ОРД. В ст. 13 данного Закона создание условий для обеспечения правопорядка и законности, а также оказание такого содействия вменяются в обязанность учреждениям, исполняющим наказания. При этом в ст. 14 рассматриваемого Закона закреплено право органов, исполняющих наказания (далее: ОИН) «осуществлять в соответствии с законодательством Российской Федерации оперативно-розыскную деятельность».

Законодательное регулирование ОРД отличается также тем, что отдельные оперативно-розыскные подразделения в своей деятельности опираются на нормы, имеющиеся в соответствующих ведомственных нормативных актах и касающиеся определенных аспектов осуществляемой ими оперативно-розыскной работы. Так, в ст. 84 УИК РФ нашли свое отражение задачи ОРД применительно к деятельности исправительных учреждений, а также определены субъекты

ОРД уголовно-исполнительной системы. Прежде всего называется задача обеспечения безопасности осужденных, персонала исправительных учреждений и иных лиц. Выявление, предупреждение и раскрытие готовящихся и совершаемых преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания выступает также в качестве задачи ОРД. Результатом решения данной задачи являются изъятые запрещенные предметы и вещества, перекрытие каналов их поступления в исправительные учреждения.

При рассмотрении проблем законодательного регулирования деятельности оперативных подразделений в целом и исправительных учреждений, в частности, приоритет среди правовых актов, элементов правовой основы ОРД, безусловно, следует признать за Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», так как именно он назвал и закрепил правовой статус оперативных подразделений, государственных органов исполнительной власти, осуществляющих ОРД. При этом ст. 3 Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с реформированием уголовно-исполнительной системы» от 21 июля 1998 г. № 117-ФЗ предусмотрено, что в число субъектов ОРД, указанных в ст. 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», входят оперативные подразделения ФСИН России, которые олицетворяются оперативной службой уголовно-исполнительной системы¹.

Для того чтобы ОРД выполняла роль гаранта стабильности в исправительных учреждениях, подлежат соблюдению условия правового, организационного и тактического характера.

Как было отмечено выше, в правовую основу ОРД входят нормативные правовые акты Президента РФ, Правительства РФ и Федерального Собрания Российской Федерации. Как правило, нормативные акты данной группы посвящены деятельности ФСИН России в целом и вопросы ОРД затрагиваются в общем виде. В своей основе эти нормы содержат оценочные характеристики складывающейся во ФСИН России криминогенной ситуации, общие организа-

¹ См.: Об оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ // Рос. газ. 2003. 1 июля.

ционные указания. Таким образом, нормы данных правовых актов в части, касающейся деятельности оперативных подразделений ФСИН России по предупреждению преступлений в целом и проникновения запрещенных предметов, в частности, носят общий, направляющий характер.

Следует отметить, что в настоящее время вопросы ОРД ОИН регулируются как нормативными правовыми актами, изданными ранее МВД РФ, так и издаваемыми нормативными правовыми актами ФСИН России.

В свою очередь, руководствуясь приказами и распоряжениями Минюста России, ФСИН России самостоятельно издает приказы, инструкции, указания, обзоры, распоряжения, методические рекомендации, имеющие непосредственное значение для предупреждения проникновения запрещенных предметов осужденных.

В системе нормативных актов ФСИН России в области ОРД ведущую роль играют приказы. В них сформулированы нормы, регламентирующие те или иные вопросы применения оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы сил, средств, форм и методов указанной деятельности в предупреждении преступлений как в целом, так и по отдельным направлениям этой работы.

Самостоятельное значение для предупредительной деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы имеют указания руководства ФСИН России. В отличие от других ведомственных нормативных правовых актов они носят более узкий, частный, характер и имеют конкретную сферу применения. Поэтому, как правило, в них содержится не система правовых норм, а одна или несколько, детально регламентирующие определенный участок работы оперативных аппаратов среди осужденных.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что ОРД учреждений уголовно-исполнительной системы регламентируется недостаточно четко и как следствие этого появляется двусмысленность по важным направлениям оперативно-розыскной работы органов, исполняющих наказания.

В подтверждение этого показателем тот факт, что лишь 16 % опрошенных сотрудников оперативных подразделений ФСИН России удовлетворены нормативными правовыми актами, регламентирующими по-

рядок организации и тактики деятельности оперативных подразделений ФСИН России по профилактике и предупреждению проникновения запрещенных предметов к осужденным; 57 % удовлетворены ими частично; 27 % не удовлетворены ими полностью, указывая на отсутствие законодательно урегулированного основания осуществлять оперативно-розыскные мероприятия по фактам допущенных осужденными нарушений режима содержания, которые впоследствии могут спровоцировать совершение преступления. При этом деятельность оперативных аппаратов ФСИН России может стать надежным гарантом в поддержании стабильной обстановки в исправительных учреждениях лишь при наличии оптимальной системы законодательных норм, исполнение которых может благоприятствовать разрешению возложенных на оперативные подразделения ФСИН России задач.

Реформирование уголовно-исполнительной системы потребовало изменения законодательной базы ее деятельности прежде всего в плане дальнейшей гуманизации порядка и условий отбывания наказания, приведения их в соответствие с международными нормами и стандартами обращения с осужденными. Однако произошедшие изменения существенным образом отразились и на такой сфере деятельности уголовно-исполнительной системы, как оперативно-розыскная. Поэтому для того, чтобы указанная деятельность по-прежнему выполняла свою роль гаранта стабильности в исправительных учреждениях, одной из первостепенных задач реформирования уголовно-исполнительной системы является устранение имеющихся пробелов и недостатков ее правового регулирования.

Библиографический список

1. *Барабанов, Н. П.* Предупреждение и пресечение чрезвычайных ситуаций криминального характера в исправительных учреждениях : монография / Н. П. Барабанов. – Рязань, 1999.
2. *Киреев, М. П.* Уловки, применяемые в ИТУ для передачи запрещенных предметов / М. П. Киреев, В. А. Овчинников, А. В. Чепелев. – М., 1980.
3. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / под ред. К. К. Горяинова. – М., 1997.

Л. Л. Кругликов,
заведующий кафедрой
уголовного права и процесса
Ярославского государственного
университета им. П. Г. Демидова
доктор юридических наук, профессор

Е. А. Тимофеева,
аспирант кафедры
уголовного права и процесса
Ярославского государственного
университета им. П. Г. Демидова

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ЗЛОСТНОГО УКЛОНЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ

В действующем уголовном законодательстве раскрываются следующие признаки деяния, признаваемого преступлением: общественная опасность, уголовная противоправность, виновность и наказуемость (ст. 14 УК РФ, далее: УК). Примечательно, что уголовное правонарушение, именуемое злостным уклонением осужденного от отбывания наказания, с формально-юридической точки зрения обладает рядом признаков, присущих преступлению: оно общественно опасно, виновно и запрещено соответствующими нормами Общей и Особенной частей УК.

В настоящей работе мы предприняли попытку обоснования необходимости именно такого понимания злостного уклонения от отбывания наказания.

В науке уголовного права уклонение осужденного от отбывания наказания традиционно рассматривается как акт негативного, неправомерного поведения, что, полагая, обусловлено его социальной сущностью: уклонение осужденного от отбывания наказания представляет собой новый конфликт этого лица с законом. В юридическом же отношении уклонение от отбывания наказания – это уже новое посткриминальное (возникающее после совершения преступления) правонарушение, поскольку его характер и последствия регламентируются уголовным законом¹. Сле-

дует особо отметить, что ответственность за их конкретные виды в УК дифференцируется. Так, если побег из мест лишения свободы (ст. 313 УК), а также уклонение от отбывания этого наказания (ст. 314 УК) признаются самостоятельными преступлениями (гл. 31 УК) со всеми вытекающими отсюда последствиями: необходимостью возбуждения уголовного дела, судебного рассмотрения, постановления приговора суда, обеспечения права обвиняемому на защиту; то, напротив, применительно к иным видам наказания в случаях злостного уклонения от их отбывания предусматривается упрощенный (регламентированный в Общей части УК) порядок замены первоначального наказания более строгим². При этом относительно последних – к ним относятся: штраф, обязательные и исправительные работы, ограничение свободы – в юридической литературе нет единства мнений при определении степени их общественной опасности и рассматриваются они соответственно в качестве *преступления* либо *проступка* (уголовного правонарушения).

По мнению некоторых исследователей, основания считать упомянутые виды злостного уклонения от отбывания наказания преступлением отсутствуют. Так, В. Д. Филимонов аргументирует это тем, что, во-первых, ни в одной статье Особенной части УК ответственности за злостное уклонение от уплаты штрафа, отбывания обязательных и исправительных работ, ограничения свободы не предусмотрено; во-вторых, указанные правонарушения не обладают той степенью общественной опасности, которая свойственна преступному поведению; в-третьих, уголовную ответственность за то или иное деяние (поскольку она связана с серьезными ограничениями прав человека) можно устанавливать только в условиях крайней необходимости³. Вместе с тем

² Следует отметить также, что ответственность за уклонение от некоторых наказаний в законе вообще не регламентируется.

³ См.: Филимонов В. Д. Правовая природа злостного уклонения от отбывания наказания // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы: Материалы IV Междунар. науч. конф., посвящ. 250-летию образования Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова. М., 2005. С. 606 и далее.

¹ См.: Тюшкова О. Механизм обеспечения исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы // Уголовно-исполнительное право. 2006. № 3. С. 89.

ученый полагает, что рассматриваемые виды злостного уклонения от отбывания наказания должны считаться уголовными проступками, поскольку являются лишь близкими по степени своей общественной опасности к преступлениям¹.

Необходимость разделения уклонения от отбывания наказания на два вида (уголовный проступок и преступление) обосновывается С. И. Ивановой². При этом под уголовным проступком она понимает злостное уклонение от отбывания наказаний, не связанных с изоляцией от общества.

Соглашаясь с тем, что злостное уклонение от уплаты штрафа, отбывания обязательных и исправительных работ, ограничения свободы в целом нарушают требования уголовного законодательства и, таким образом, являются уголовно-противоправными, отметим следующее. Уклонение осужденного от отбывания наказания, назначенного ему приговором суда, несомненно, представляет собой серьезное препятствие для реализации принципа справедливости и достижения целей уголовного наказания. Данный тип неправомерного посткриминального поведения, во-первых, свидетельствует о том, что осужденный не сделал необходимых выводов из факта вынесения обвинительного приговора; во-вторых, способен порождать пессимизм среди граждан (включая потерпевших от преступления) при оценке эффективности правосудия (умаляет авторитет соответствующих правоохранительных органов); в-третьих, серьезно подрывает идею неотвратимости уголовной ответственности, порождает чувство безнаказанности за предшествующую преступную деятельность и, наконец, укрепляет решимость уклониться от отбывания наказания. Следовательно, тот факт, что уклонение от отбывания наказаний следует рассматривать в качестве самостоятельных видов преступления, поскольку такое уклонение характеризуется общественной опасностью, которая наносит *существенный вред* общественным от-

ношениям, находящимся под охраной уголовного закона, не вызывает сомнений.

Вместе с тем показательно, что иные виды злостного уклонения (побег из мест лишения свободы и уклонение от этого вида наказания) уже законодательно признаны в качестве самостоятельных преступлений. Применительно к этому интересна позиция И. А. Тарханова, согласно которой побег осужденного из места лишения свободы (как разновидность преступления) и злостное уклонение от отбывания, например, исправительных работ (как вид уголовного правонарушения) являются юридическими разновидностями уклонения от отбывания наказания. По представлению этого ученого, их существенно отличает характеристика самого субъекта неправомерной деятельности (личность преступника), но не форма, поскольку и в том и в другом случае имеют место отказ осужденного от исполнения предписаний приговора, его стремление избежать уголовной ответственности³. Из этого следует, что присущая каждому из видов уклонения от отбывания наказания общественная опасность, по существу, – *равноценна*. Тем не менее отметим, что замена назначенного приговором суда наказания другим, более строгим, его видом, с точки зрения И. А. Тарханова, есть особая по своей функции разновидность ответственности осужденного в уголовном праве, в основе которой лежит юридический факт, непосредственно не связанный с совершением преступления⁴. Данную точку зрения разделяют и другие авторы⁵. Оценка же уклонения в качестве самостоятельного преступления против правосудия некоторым ученым представляется радикальным решением⁶.

³ См.: Тарханов И. А. Уклонение от наказания как вид уголовного правонарушения: дискуссионные вопросы юридической природы // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы: Материалы IV Междунар. науч. конф., посвящ. 250-летию образования Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова. М., 2005. С. 573.

⁴ См.: Тарханов И. А. Поощрение позитивного поведения в уголовном праве. Казань, 2001. С. 188.

⁵ См., напр.: Сундуков Ф. Р. Наказание и альтернативные меры в уголовном праве. Казань, 2005. С. 241.

⁶ См.: Тарханов И. А. Уклонение от наказания как вид уголовного правонарушения: дискуссионные вопросы юридической природы. С. 575.

¹ См.: Филимонов В. Д. Указ. соч. С. 608.

² См.: Иванова С. И. Уклонение от отбывания уголовного наказания: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. С. 7.

В связи с этим отметим, что такое неоднозначное понимание юридической природы злостного уклонения от отбывания наказания обусловлено, на наш взгляд, различными законодательными подходами к регламентации последствий такого уклонения: в одних случаях они не имеют уголовно-правового регулирования (ст. 47, 48, 51, 55 и 59 УК); в других устанавливаются в Общей части уголовного законодательства (ст. 46, 49, 50 и 53 УК); а в третьих – в его Особенной части (ст. 313, 314 и 315 УК). Данное положение, как справедливо подчеркивает Е. В. Благов, нормальным признать нельзя¹.

Резюмируя изложенное (учитывая, прежде всего, взгляды ученых), полагаем, что имеющиеся в действительности случаи злостного уклонения от отбывания наказания в целом оцениваются как преступные; законодательный же вариант решения рассматриваемой проблемы – как неудачный, требующий совершенствования.

Существенное влияние, с нашей точки зрения, на понимание природы рассматриваемого правонарушения (выделение проступков – уклонений от отбывания наказаний, которые не связаны с изоляцией от общества и предусматриваются Общей частью УК, и преступлений) оказывает и такой признак преступления, как уголовная противоправность, который, по мнению некоторых ученых, означает, что преступлением может быть признано только то деяние, которое прямо запрещено нормой Особенной части УК². Безусловно, что такое положение справедливо. Тем не менее заметим, что уголовная противоправность как признак преступления обозначена в УК через формулу «деяние, запрещенное настоящим Кодексом». Иными словами, уголовная противоправность преступления – это запрещение его непосредственно в нормах УК, которые, вероятно, могут содержаться как

в Общей, так и Особенной его части. В результате складывается двойственная ситуация: с одной стороны, научно обоснована и законодательно признана общественная опасность уклонения от отбывания наказания, причиняющая существенный вред охраняемым уголовным законодательством общественным отношениям, с другой – неоднозначные законодательные подходы, которые лишь вносят путаницу и противоречия, побуждая ученых констатировать необходимость их устранения. Уклонение от отбывания наказания, как уже указывалось, посягает на интересы правосудия. Поэтому считаем, что данные предписания по своей природе ничем не отличаются от аналогичных предписаний, содержащихся в гл. 31 УК «Преступления против правосудия». Обобщая вышеизложенное, можно сказать, что уголовная противоправность уклонения от отбывания наказания, выступая в качестве юридического выражения общественной опасности, определена на законодательном уровне, но в незавершенном и требующем дальнейшего решения виде.

Библиографический список

1. *Иванова, С. И.* Уклонение от отбывания уголовного наказания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2004.
2. *Сундуров, Ф. Р.* Наказание и альтернативные меры в уголовном праве / Ф. Р. Сундуров. – Казань, 2005.
3. *Тарханов, И. А.* Уклонение от наказания как вид уголовного правонарушения: дискуссионные вопросы юридической природы / И. А. Тарханов // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы : материалы IV Международ. науч. конф., посвящ. 250-летию образования Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова. – М., 2005.
4. *Филимонов, В. Д.* Правовая природа злостного уклонения от отбывания наказания / В. Д. Филимонов // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы : материалы IV Международ. науч. конф., посвящ. 250-летию образования Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова. М., 2005.

¹ См.: *Благов Е. В.* Проблемы конструкции наказания // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники. М., 2004. С. 90.

² См., напр.: *Уголовное право России. Части Общая и Особенная: Учеб. / Под ред. А. И. Рарога.* М., 2004. С. 34.

А. В. Кудрявцев,
*старший преподаватель кафедры
организации оперативной работы
ВЮИ ФСИН России*
кандидат юридических наук

Б. В. Васильчиков,
*соискатель кафедры
организации оперативной работы
ВЮИ ФСИН России*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОРГАНИЗАЦИИ РОЗЫСКНОЙ РАБОТЫ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Проблема организации розыска скрывшихся преступников существует очень давно. Понятие «розыск» в российской юридической терминологии имеет глубокие исторические корни, и его содержание изначально было весьма широким и многозначным. В одном из древнейших памятников отечественного права – Русской Правде Ярослава Мудрого уже встречаются упоминания о таких формах розыска, как «свод» и «гонение следа».

Термин «розыск» получил свое законодательное закрепление в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. как один из видов полицейского дознания, основанного на тайных методах полицейского расследования, которые включали в себя словесные расспросы, негласное наблюдение, а также другие допустимые меры по установлению преступников. То есть по своему содержанию он был близок современному понятию оперативно-розыскной деятельности (далее: ОРД).

В середине XX в. учеными в области ОРД (в частности, В. А. Лукашовым) была предпринята попытка сузить понятие розыска за счет ограничения его содержания лишь поиском уже известных правоохранительным органам объектов: скрывшихся преступников, лиц, пропавших без вести, и иных категорий разыскиваемых. Такой подход к розыскной работе в настоящее время и закрепился в теории и практике ОРД. Система розыска претерпела множество реорганизаций и преобразований, и на настоящий момент представляет собой сложную многоуровневую и многофункциональную структуру.

Одним из факторов, отрицательно влияющим на эффективность розыскной работы оперативных аппаратов уголовно-исполни-

тельной системы, является не отвечающий потребностям современной практики уровень организационного обеспечения данной деятельности.

Понятие организации достаточно подробно разработано в науке, и основной целью организации является достижение максимальных результатов при наименьших затратах сил и средств.

В различных источниках термин «организация (организовать)» определяется по-разному. С. И. Ожегов понимает под ним «организованность, планомерное, продуманное устройство; государственное учреждение; объединение для какой-нибудь цели; упорядочить что-нибудь»¹.

В теории социального управления под данной дефиницией понимается: а) государственный или общественный орган; б) состояние объекта или субъекта управления, их упорядоченность в функциональном и структурном отношении; в) основная функция управления, деятельность, направленная на упорядочение той или иной системы².

Определенный интерес представляет точка зрения Л. Н. Калинковича, который всю совокупность практических организационных мер в соответствии с современными научными представлениями об организации подразделяет на две группы, называя одну из них мерами организационно-структурного обеспечения, другую – мерами организационно-функционального обеспечения³.

В. Г. Афанасьев и А. М. Омаров считают, что организация – самостоятельная общая функция управления, состоящая в формировании управляющей и управляемой систем, создании состояния как их упорядоченности, так и определенных отношений между ними⁴.

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70000 слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. 22-е изд., стер. М., 1990. С. 456.

² См.: Маяков В. Д. Теория социального управления / Акад. МВД СССР. М., 1988. С. 45.

³ См.: Калинкович Л. И. Сущность, правовые и организационные основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел / ВШ МВД СССР. Киев, 1988. С. 46–47.

⁴ См., напр.: Афанасьев В. Г. Научное управление обществом (опыт системного исследования). М., 1973. С. 221; Омаров А. М. Социальное управление. Некоторые вопросы теории и практики. М., 1980. С. 111.

В. Д. Малков, разделяя точку зрения об отнесении организации к самостоятельной функции управления, полагает, что она решает задачу «формирования в системе соответствующих отношений и поддержания их на требуемом уровне, обеспечивается проектированием организационных структур, подбором, расстановкой, обучением и воспитанием кадров, текущим распорядительством, координированием и т. п.»¹.

Применительно к превентивной деятельности органов внутренних дел И. В. Шалахин предлагает понимать под термином «организация» особую деятельность органов и должностных лиц по формированию системы предупреждения преступлений и обеспечению процесса ее функционирования. При этом он подчеркивает, что «всякая организация начинается с определения целей и задач предстоящей деятельности, выбора организационной формы их реализации»².

По мнению А. Г. Лекаря, организация ОРД – это «наиболее целенаправленная при данных условиях система использования органом (аппаратом) сил, средств и методов»³.

Д. В. Гребельский, в целом поддерживая данное определение, вводит в него комплексность в применении оперативно-розыскных сил, средств и методов решения задач⁴.

В работах В. А. Лукашова она рассматривается как «...целенаправленная деятельность руководителей органов внутренних дел по созданию оптимальных условий функционирования служб и подразделений, осуществляющих оперативно-розыскные функции, по организации взаимодействия ...путем объективной и глубокой оценки складывающейся оперативной обстановки, принятию научно обоснованных управленческих решений...»⁵.

¹ Малков В. Д. Функции управления в органах внутренних дел // Вопросы теории и практики управления органами внутренних дел. М., 1985. С. 20.

² Криминология и организация предупреждения преступлений: Учеб. пособие. М., 1995. С. 161–162.

³ См.: Лекарь А. Г. Научные основы организации предотвращения преступлений органами внутренних дел. М., 1977. С. 38.

⁴ См.: Гребельский Д. В. Теоретические основы и организационно-правовые проблемы ОРД ОВД / Акад. МВД СССР. М., 1977. С. 38.

⁵ Лукашов В. А. Сущность и задачи организации оперативно-розыскной деятельности ОВД / ВШ МВД СССР. Омск, 1982. С. 6.

Несмотря на большое количество определений понятия «организация», можно говорить об общих составляющих, которые свойственны разным вариантам дефиниции организации.

Организация – это:

1) коллектив людей, объединенных определенным образом снизу доверху для достижения определенных целей;

2) самостоятельное учреждение, представляющее собой коллектив, обладающий средствами материального обеспечения для выполнения определенных функций;

3) структура системы, состояние, определенное структурно и функционально соотношением частей (по отношению друг к другу и к целому);

4) функция управления.

Указанные разночтения в понятии «организация» свидетельствуют, на наш взгляд, о существовании достаточно широкого спектра деятельности, в которых функционируют социальные системы. Вот почему нельзя не согласиться с точкой зрения В. Б. Аверьянова, который считает, что нужно ставить вопрос не о понятии «организация» вообще, а об «организации соответствующего социального явления или процесса: организация государства, организация государственного аппарата, организация управленческой деятельности, организация работы служащих аппарата ...»⁶.

В контексте настоящей статьи речь должна идти соответственно об упорядочении организации оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы по реализации ими одной из своих функций – розыскной.

С содержательной стороны организация управленческого аппарата, а именно к этой категории следует отнести упомянутые оперативные подразделения, должна, на наш взгляд, рассматриваться как структурное устройство системы ее органов.

Данная точка зрения находит свое подтверждение в работах ученых-юристов, анализирующих организацию различных субъектов государственного управления. Так, В. Г. Вишняков пришел к выводу, что все ас-

⁶ Аверьянов В. Б. Организация аппарата государственного управления (структурно-функциональный аспект). Киев, 1985. С. 37.

пекты организации, понимаемой как состояние упорядоченности управляющей системы, охватываются понятием структуры. При этом в организацию аппарата государственного управления он включал как систему его органов, так и структуру каждого из них¹.

Наибольший интерес для нас в рамках данной статьи представляет получившая признание точка зрения, согласно которой к ним относятся:

- 1) цели и задачи;
- 2) государственно-властное начало, решение задач путем комплекса управленческих функций: прогнозирования, планирования, формирования, регулирования, учета, контроля, координации;
- 3) методы воздействия на управляемый объект².

Таким образом, на основании вышеизложенного мы пришли к следующему за-

С. И. Кузьмин,
профессор кафедры юридических дисциплин
факультета внебюджетного образования
ВЮИ ФСИН России
доктор юридических наук, профессор

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА РОССИИ

Перемены, произошедшие в России, последовательные усилия, направленные на построение гражданского общества, отказ от прежней советской идеологии, переоценка ценностей и т. п. заставляют нас по-новому взглянуть на путь, пройденный страной, пересмотреть подходы к различным явлениям, в том числе к науке.

Наука уголовно-исполнительного права, являясь составной частью юридической науки, подчиняется ее законам и принципам развития, имеет свои особенности, выступая в качестве средства научного обеспечения правового регулирования общественных отношений, возникающих при исполнении уголовных наказаний.

¹ См.: Вишняков В. Г. Структура и штаты органов советского государственного управления. М., 1972. С. 16, 4.

² См.: Лазарев Б. М. Государственное управление на этапе перестройки. М., 1988. С. 145–162.

ключению: под организацией розыскной работы в уголовно-исполнительной системе следует понимать базирующуюся на нормативных правовых актах целенаправленную систему использования оперативными подразделениями ФСИН России имеющихся сил, средств и методов для решения задачи по розыску осужденных.

Библиографический список

1. Гребельский, Д. В. Теоретические основы и организационно-правовые проблемы ОРД ОВД / Д. В. Гребельский. – М., 1977.
2. Лекарь, А. Г. Научные основы организации предотвращения преступлений органами внутренних дел / А. Г. Лекарь. – М., 1977.
3. Лукашов, В. А. Сущность и задачи организации оперативно-розыскной деятельности ОВД / В. А. Лукашов. – Омск, 1982.

Придавая важное значение науке, еще в XIX в. известный российский юрист Н. С. Таганцев писал: «Если мы желаем изучить какой-нибудь юридический институт, существующий в данное время, то для правильного уяснения себе мы должны проследить историческую судьбу его, т. е. те поводы, в силу которых появилось данное учреждение, и те видоизменения, которым подвергалось оно в своем историческом развитии»³.

Данная точка зрения, на наш взгляд, весьма актуальна, а поэтому игнорирование исторического опыта российской пенитенциарной системы не только подрывает ее стабильность, но и компрометирует законодателей, навязывающих те или иные виды наказаний, особенно на переломных этапах развития общества. Так, например, большие финансовые затраты и неисследованная эффективность наказаний в виде ареста вызвали необходимость его исключения из УК РФ, УИК РФ и других законодательных актов⁴.

³ Таганцев Н. С. Курс уголовного права. Спб., 1874. Вып. 1. С. 21.

⁴ См.: Шамсунов С. Х. Реформирование уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции России в современных условиях // Пути повышения эффективности деятельности Министерства юстиции России в современный период: Материалы междунар. науч.-практ. конф., 20 нояб. 2003 г. Владимир, 2003. С. 11.

В свое время немало усилий было затрачено учеными и практическими работниками на разработку и обоснование критериев степени исправления осужденного, на которых базировалась прогрессивная система отбывания наказания в виде лишения свободы. Разработчики УИК РФ, действуя по принципу «разрушим до основания, а на обломках прошлого построим новое», отказались от прежних критериев оценки личности, но и взамен не предложили новых, а проблема осталась, и ее надо решать. Усилия одних юристов здесь недостаточны. Решение данной проблемы необходимо совместно с представлениями психолого-педагогической науки и практики.

За длительный период функционирования советской исправительно-трудовой системы был накоплен огромный арсенал средств, форм, методов исправления и перевоспитания правонарушителей в исправительно-трудовых домах, лагерях, колониях, тюрьмах. Безусловно, многие из них утратили свое практическое значение в новых условиях функционирования пенитенциарной системы России. Поэтому, на наш взгляд, следует изучить накопленный арсенал, отобрать все представляющие ценность с точки зрения достижения поставленных перед исправительной системой задач и обеспечить их научное внедрение.

Предмет особого внимания науки – исполнение пожизненного лишения свободы. Здесь имеется большой блок экономических, социальных, психолого-педагогических, нравственных, организационных и иных проблем. Особую озабоченность вызывает территориальное размещение учреждений для лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы. Сотрудники таких учреждений и их семьи должны проживать в нормальных условиях, исключающих деградацию личности. В решении данного вопроса, а также вопроса кадрового обеспечения таких учреждений, наука имеет большое значение.

Следует признать, что организованные преступные группировки в местах лишения свободы и на свободе связаны между собой и по сути подчинили своему влиянию всю внутреннюю жизнь мест заключения. В связи с этим первостепенной задачей ве-

домственной науки является разработка организационно-правовых мер по нейтрализации влияния организованных преступных сообществ на осужденных и сотрудников исправительных учреждений.

В системе ФСИН России функционирует Научно-исследовательский институт, в ряде учебных заведений созданы адъюнктуры и ведется подготовка научно-педагогических кадров, защищаются докторские и кандидатские диссертации. Однако по-прежнему много сложностей вызывает внедрение научных исследований в практическую деятельность исправительных учреждений. На это обратил внимание Ю. И. Калинин на международной научно-практической конференции, посвященной актуальным проблемам пенитенциарной науки и практики: «наука уголовно-исполнительного права может успешно выполнять поставленные перед ней задачи, если обеспечивается оперативная реализация всего комплекса работ: от научных исследований до внедрения результатов в практику деятельности по исполнению уголовных наказаний»¹. Вместе с тем результаты научных исследований, в том числе содержащиеся в диссертациях, или остаются невостребованными, или длительное время не находят применения.

Необходимо отметить, что процесс внедрения научных разработок требует длительного согласования и часто зависит от субъективного усмотрения должностного лица. На наш взгляд, целесообразно при Научно-исследовательском институте создать экспертный совет, в котором бы концентрировались все научные идеи в сфере исполнения уголовных наказаний, способные заинтересовать практических работников на местах. Рекомендации экспертного совета следовало бы в обязательном порядке учитывать при разработке ведомственных нормативных актов, регулирующих многогранную деятельность исправительных учреждений.

По нашему мнению, главная задача заключается в изучении и обобщении пере-

¹ Калинин Ю. И. Краеугольная задача реформирования уголовно-исполнительной системы // Актуальные проблемы пенитенциарной науки и практики: Материалы междунар. науч.-практ. конф., 20–21 мая 2004 г. М., 2004.

дового опыта деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы. Дело в том, что не все научные достижения пропагандируются в приказах, директивах и иных нормативных актах. Однако вряд ли следует этим ограничиваться. Экспериментальная работа должна занять достойное место в уголовно-исполнительной системе. В связи с этим, на наш взгляд, необходимо строительство пенитенциарного учреждения нового типа, рассчитанного на реализацию современной исправительно-трудовой политики, предусматривающей организацию отбывания наказания в регионе по месту жительства. Это учреждение могло бы представлять из себя специальный комплекс, рассчитанный на раздельное содержание всех категорий осужденных. Оно могло бы стать крупной научно-исследовательской базой, позволяющей отрабатывать все прогрессивные идеи в сфере борьбы с преступностью.

Еще одной проблемой для нашей пенитенциарной науки является критическое отношение к зарубежному опыту. Вряд ли кто станет отрицать обоюдную пользу от вошедшего в практику общения практических

и научных работников различных пенитенциарных систем. Однако необходимо учитывать, что не все может оказаться полезным для российских пенитенциарных систем.

В рамках данной статьи рассмотрены некоторые проблемы науки уголовно-исполнительного права, требующие отдельного дальнейшего исследования.

Библиографический список

1. *Калинин, Ю. И.* Краеугольная задача реформирования уголовно-исполнительной системы / Ю. И. Калинин // Актуальные проблемы пенитенциарной науки и практики : материалы междунар. науч.-практ. конф., 20–21 мая 2004 г. – М., 2004.

2. *Таганцев, Н. С.* Курс уголовного права / Н. С. Таганцев. – Спб., 1874. – Вып. 1.

3. *Шамсунов, С. Х.* Реформирование уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции России в современных условиях / С. Х. Шамсунов // Пути повышения эффективности деятельности Министерства юстиции России в современный период : материалы междунар. науч.-практ. конф., 20 нояб. 2003 г. – Владимир, 2003.

О. А. Кучерявых,

преподаватель кафедры гуманитарных, экономических и финансово-правовых дисциплин Краснодарского филиала ВЮИ ФСИН России

РОЛЬ АНАЛИЗА ЛИКВИДНОСТИ В ПЛАНИРОВАНИИ И РЕГУЛИРОВАНИИ ВНЕБЮДЖЕТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

На современном этапе в результате проводимой реформы производственного сектора УИС в исправительных учреждениях (далее: ИУ) создаются подразделения трудовой адаптации осужденных: в воспитательных колониях и лечебных исправительных учреждениях – производственные (трудовые) мастерские (далее: ПМ); в исправительных колониях (далее: ИК) – центры трудовой адаптации (далее: ЦТА). В соответствии с Законом РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные

наказания в виде лишения свободы» от 21 июля 1993 г. № 5473-1¹ ЦТА и ПМ являются структурными подразделениями мест лишения свободы. Их деятельность представляет собой инициативную самостоятельную производственную деятельность учреждений, осуществляемую на свой риск и под установленную законом ответственность в целях исполнения требований УИК РФ об обязательном привлечении осужденных к труду. ЦТА и ПМ функционируют в рамках предпринимательской и иной приносящей доход деятельности ИУ. Они должны функционировать на основе самоокупаемости, не допуская образования убытков (ст. 18 Закона РФ от 21 июля 1993 г. в ред. ФЗ от 6 июня 2007 г. № 91-ФЗ²).

¹ См.: СЗ РФ. 2002. № 52. Ст. 5132.

² См.: О внесении изменений в ст. 103 и 104 УИК РФ и Закон РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»: Федер. закон от 6 июня 2007 г. № 91-ФЗ // Рос. газ. 2007. 9 июня.

Широкое внедрение принципов самофинансирования в хозяйственную практику учреждений УИС обуславливает необходимость применения экономического анализа, способного оперативно удовлетворять потребности руководителей различного уровня в аналитической информации, необходимой для принятия управленческих решений в области планирования, контроля и регулирования предпринимательской деятельности ИУ. В настоящее время данное направление в отечественной пенитенциарной системе развито слабо. Причина такого положения дел кроется в отсутствии каких-либо рекомендаций по проведению финансового анализа предпринимательской деятельности бюджетных учреждений.

При проведении анализа финансового состояния организаций различных отраслей обычно используют форму (далее: ф.) 1 «Бухгалтерский баланс» и ф. 2 «Отчет о прибылях и убытках», а также другие формы бухгалтерской отчетности. Мы предлагаем при анализе финансового состояния внебюджетной деятельности ИУ воспользоваться ф. 0503130 «Баланс главного распорядителя (распорядителя), получателя средств бюджета» и ф. 0503121 «Отчет о финансовых результатах деятельности», установленными приказом Минфина России от 24 августа 2007 г. № 72н¹.

Показателями, характеризующими финансовое состояние любой организации, независимо от ее организационно-правовой формы и вида деятельности, являются: ликвидность (оплатность, кредитоспособность), платежеспособность, финансовая устойчивость, деловая активность (оборачиваемость) и рентабельность (результативность) хозяйственной деятельности.

В рамках данной статьи более подробно остановимся на ликвидности как одном из основных показателей финансового состояния учреждения. Ликвидность – это качественное состояние имущества организации, его способность превращаться в

платежные средства² или способность отдельных видов имущественных ценностей обращаться в денежную форму без потерь своей балансовой стоимости³.

По отношению к предпринимательской деятельности бюджетных учреждений понятие «ликвидность» может применяться в вышеуказанных формулировках.

В соответствии с классической моделью анализ ликвидности по ф. 0503130 будет заключаться в сравнении средств по активу, сгруппированных и расположенных в порядке убывания ликвидности, с обязательствами по пассиву, сгруппированными по срокам их погашения и расположенными в порядке возрастания сроков.

Поэтому в зависимости от степени ликвидности т. е. скорости превращения в денежные средства, активы учреждения, отраженные в графе «внебюджетные средства» по соответствующим строкам (далее: стр.), предлагаем подразделить на следующие группы:

1. А1 – наиболее ликвидные активы:

$$A1 = \text{стр. 170} + \text{стр. 210}.$$

К ним относятся все статьи денежных средств учреждения, а именно: денежные средства на банковских счетах в рублях (стр. 171) и валюте (стр. 177), в пути (стр. 173), в кассе (стр. 174), денежные документы (стр. 175) и аккредитивы (стр. 176); финансовые вложения (депозиты, акции и иные формы участия в капитале, облигации и векселя).

2. А2 – менее ликвидные активы:

$$A2 = \text{стр. 260} + \text{стр. 310} + \text{стр. 320}.$$

К данной группе мы отнесли: расчеты по выданным авансам; расчеты с подотчетными лицами; расчеты по недостачам.

3. А3 – медленно реализуемые активы:

$$A3 = \text{стр. 080} + \text{стр. 094} + \text{стр. 123} + \\ + \text{стр. 230} + \text{стр. 290} + \text{стр. 330}.$$

Данные активы включают: материальные запасы; изготовление материалов, готовой продукции (работ, услуг); материалы в пути; расчеты с дебиторами по доходам;

¹ См.: Об утверждении Инструкции о порядке составления годовой, квартальной и месячной отчетности об исполнении бюджетов бюджетной системы Российской Федерации: Приказ Минфина РФ от 24 авг. 2007 г. № 72н // Финансовая газ. 2007. 18 окт., 25 окт., 1 нояб., 8 нояб.

² См.: Прудников А. Г. Анализ и оценка финансового состояния предприятия: Учеб. пособие. Краснодар, 1999. С. 8.

³ См.: Вакуленко Т. Г., Фомина Я. Ф. Анализ бухгалтерской (финансовой) отчетности для принятия управленческих решений. СПб., 2003. С. 43.

расчеты с дебиторами по бюджетным кредитам, ссудам; расчеты с прочими дебиторами (по НДС на приобретенные материальные ценности, работы, услуги; по операциям с наличными денежными средствами получателя бюджетных средств).

4. А4 – труднореализуемые активы:

$$А4 = \text{стр. 030} + \text{стр. 060} + \text{стр. 070} + \text{стр. 091} + \text{стр. 092} + \text{стр. 093} + \text{стр. 121} + \text{стр. 122}.$$

В группу внеоборотных активов входят: основные средства; нематериальные активы; произведенные активы (земля, недра, другие природные ресурсы); капитальные вложения в основные средства, нематериальные активы и произведенные активы; основные средства в пути; нематериальные активы в пути.

Объекты пассива баланса мы группируем следующим образом.

1. П1 – наиболее срочные обязательства:

$$П1 = \text{стр. 490} + \text{стр. 510} + \text{стр. 532} + \text{стр. 533}.$$

Эта группа состоит: из расчетов с поставщиками и подрядчиками; расчетов по платежам в бюджеты (по налогам, социальному и пенсионному страхованию); расчетов с депонентами; расчетов по удержаниям из заработной платы.

2. П2 – срочные обязательства:

$$П2 = \text{стр. 470} + \text{стр. 534}.$$

В группу вошли: расчеты с кредиторами по долговым обязательствам; внутренние расчеты между главными распорядителями (распорядителями) и получателями средств.

3. П3 – долгосрочные обязательства:

$$П3 = \text{стр. 680}.$$

К этой группе мы отнесли доходы будущих периодов.

Кроме того, при анализе ликвидности коммерческих организаций в данную группу входят также резервы предстоящих расходов и долгосрочные кредиты и займы. Резервы предстоящих расходов бюджетные учреждения не создают, их основная деятельность финансируется из бюджета, а внебюджетная располагает полученной прибылью и формируемым резервным фондом. Получение банковских кредитов не стало распространенным явлением в бюджетных учреждениях, в частности в ИУ. Основная причина этого заключается в следующем: субсидиарная ответственность

федерального бюджета по обязательствам бюджетных учреждений создает возможности для накопления задолженности перед банками и предъявления обязательств учреждений УИС к оплате за счет средств федерального бюджета. Однако отсутствие долгосрочных и краткосрочных кредитов, на наш взгляд, является недостатком в организации производственно-хозяйственной деятельности учреждений УИС. Например, нехватка оборотных средств и срочность их приобретения для ведения непрерывного производственного процесса часто требуют дополнительных финансовых активов.

4. П4 – постоянные, или устойчивые, пассивы:

$$П4 = \text{стр. 620} + \text{стр. 670}.$$

К ним следует отнести: финансовый результат учреждения; финансовый результат прошлых отчетных периодов.

Уставный капитал (фонд) в балансе учреждений не указывается, его размер зафиксирован в соответствующем бюджете. Добавочный капитал также отсутствует, так как результаты переоценки основных средств и нематериальных активов списываются на финансовый результат учреждения.

По общепринятому алгоритму баланс считается абсолютно ликвидным, если имеют место следующие соотношения:

$$\left\{ \begin{array}{l} А1 \geq П1 \\ А2 \geq П2 \\ А3 \geq П3 \\ А4 \leq П4 \end{array} \right.$$

Первые три неравенства свидетельствуют о необходимости соблюдения неизменного правила ликвидности – превышение активами обязательств. Четвертое неравенство говорит о том, что величина собственного капитала и других видов постоянных активов должна быть достаточна по стоимости труднореализуемых активов. Это означает, что за счет собственных средств учреждения должны быть полностью сформированы внеоборотные активы и частично (не менее 10 %) удовлетворена потребность в оборотных активах¹. Недоста-

¹ См.: Экономика предприятия: Учеб. для вузов / Под ред. проф. В. Я. Горфинкеля, проф. В. А. Швандара. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 629.

ток средств по одной группе активов компенсируется их избытком по другой группе в стоимостной оценке, но при этом менее ликвидные активы не могут заменить более ликвидные.

Анализ ликвидности баланса, при котором определяются абсолютные величины платежных излишков или недостатков за первые 6 месяцев 2007 г. по трем ИУ Краснодарского края, представлен в табл. 1.

Таблица 1

АНАЛИЗ ЛИКВИДНОСТИ БАЛАНСА ИУ

Актив	На начало 2007 г.	На 1 июля 2007 г.	Пассив	На начало 2007 г.	На 1 июля 2007 г.	Платежный излишек (+) или недостаток (-)*	
						На начало периода	На конец периода
1	2	3	4	5	6	7 (графы 2 и 5)	8 (графы 3 и 6)
ИК-4							
A1	146 890,83	1 060 851,26	П1	318 065,39	6 424 990,07	-171 174,56	-5 364 138,81
A2	5 554,32	35 849,10	П2	—	—	5 554,32	35 849,10
A3	165 620,24	6 375 083,45	П3	—	1 008 196,45	165 620,24	5 366 887,00
A4	—	357 552,98	П4	—	396 150,27	0,00	-38 597,29
Баланс	318 065,39	7 829 336,79		318 065,39	7 829 336,79	—	—
ИК-9							
A1	123 647,87	1 198 529,78	П1	602 103,65	7 149 557,28	-478 455,78	-5 951 027,50
A2	-81 807,66	136 719,42	П2	—	—	-81 807,66	136 719,42
A3	710 070,30	5 518 690,79	П3	—	—	710 070,30	5 518 690,79
A4	406 501,50	403 232,30	П4	556 308,36	107 615,01	-149 806,86	295 617,29
Баланс	1 158 412,01	7 257 172,29		1 158 412,01	7 257 172,29	—	—
ИК-14							
A1	41 413,00	1 506 669,00	П1	1 338 286,00	5 929 885,00	-1 296 873,00	-4 423 216,00
A2	23 738,00	8 816,00	П2	—	—	23 738,00	8 816,00
A3	1 222 890,00	4 621 438,00	П3	—	—	1 222 890,00	4 621 438,00
A4	91 864,00	195 824,00	П4	41 619,00	402 862,00	50 245,00	-207 038,00
Баланс	1 379 905,00	6 332 747,00		1 379 905,00	6 332 747,00	—	—

* Жирным курсивом выделены значения, не соответствующие допустимым критериям оценки платежеспособности.

Данные табл. 1 позволяют сделать вывод: ликвидность балансов рассматриваемых ИУ можно охарактеризовать как недостаточную. Во всех ИУ наблюдается недостаток наиболее ликвидных средств для покрытия своих наиболее срочных обязательств. Платежный излишек по краткосрочным обязательствам, на наличие которого указывает второе неравенство, также является недостаточным для погашения наиболее срочных обязательств. Это свидетельствует о том, что в ближайшее к рассматриваемому периоду время ИУ не удастся поправить свою платежеспособность. Также отметим, что перспективная ликвидность учреждений, которую отражает третье неравенство, говорит о наличии достаточно большого платежного излишка.

Сформированные в ИК-9 внеоборотные активы не покрываются за счет собственных средств (последнее неравенство не соответствует требуемому значению, а именно 403232,30 (A4) > 107 615,01 (П4), это означает невыполнение главного условия финансовой устойчивости. Из всех анализируемых ИУ ИК-9 имеет наихудший результат с точки зрения ликвидности.

Наряду с расчетом абсолютных значений и их сравнением, ликвидность (оплатность) также характеризуется следующими относительными показателями.

1. Коэффициент абсолютной ликвидности, $L_{аб}$. Показывает, какую часть краткосрочной задолженности учреждение сможет погасить в ближайшее время за счет денежных средств и краткосрочных финансовых вложений.

2. Коэффициент «критической оценки» (критической ликвидности, промежуточного покрытия), $L_{кр}$. Свидетельствует о том, какую часть краткосрочных обязательств учреждение может немедленно погасить за счет средств на различных счетах, в краткосрочных финансовых вложениях, а также поступлений по краткосрочной дебиторской задолженности.

3. Коэффициент текущей ликвидности (покрытия), $L_{тек}$. Содержит информацию о

том, насколько текущие обязательства покрываются оборотными активами учреждения, а именно: денежные средства в кассе и на счетах; долгосрочная и краткосрочная дебиторская задолженность; материальные запасы. Уменьшение данного показателя за анализируемый период свидетельствует о снижении уровня ликвидности активов или о росте убытков организации.

Показатели оплатности рассматриваемых ИУ по ф. 0503130 приведены в табл. 2.

Таблица 2

РАСЧЕТ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЛИКВИДНОСТИ (ОПЛАТНОСТИ) ИУ
ЗА 6 МЕСЯЦЕВ 2007 Г.*

Критерий ликвидности	ИУ	На начало 2007 г.	На 1 июля 2007 г.	Относительный показатель
1. $L_{аб}$ Рекомендуемые значения: $L_{аб} \geq 0,2 \div 0,5$	ИК-4	0,46	0,17	-0,29
	ИК-9	0,21	0,17	-0,04
	ИК-14	0,03	0,25	0,22
2. $L_{кр}$ Рекомендуемое значение: $L_{кр} \geq 1,0$	ИК-4	0,48	0,17	-0,31
	ИК-9	0,07	0,19	0,12
	ИК-14	0,05	0,26	0,21
3. $L_{тек}$ Необходимое значение: $L_{тек} = 2,0$	ИК-4	1,00	1,16	0,16
	ИК-9	1,25	0,96	0,29
	ИК-14	0,96	1,03	0,07

* Жирным курсивом выделены значения, не соответствующие допустимым критериям оценки платежеспособности.

Из табл. 2 следует, что значения показателей критической и текущей ликвидности ниже допустимых критериев. Кроме того, наблюдается отрицательная тенденция по следующим коэффициентам:

1) коэффициент абсолютной и критической ликвидности в ИК-4;

2) показатель абсолютной ликвидности в ИК-9.

Коэффициент текущей ликвидности обобщает все показатели ликвидности.

Чтобы реально оценить финансовое состояние внебюджетной деятельности ИУ, проанализировать ее сильные и слабые стороны, выявить причинно-следственные связи, необходимо синтезировать показатели финансового состояния, т. е. применять рейтинговую оценку, что будет являться предметом уже другого исследования.

Многие ученые и специалисты считают, что получение достаточной прибыли на предприятиях УИС нельзя рассматривать в качестве цели деятельности ИУ, а проведение анализа финансового состояния и ре-

зультатов внебюджетной деятельности ИУ само по себе недопустимо, так как это противоречит целям и задачам пенитенциарной системы. Однако, по нашему мнению, в данном случае необходимо различать понятия «смысл существования» (значение, миссия) и «цели» ИУ. Исправление осужденных и их адаптация к жизни на свободе является основным направлением в работе ИУ. Получение же прибыли, развитие материально-технической и производственной базы ИУ, трудовое использование осужденных ни в коей мере не противоречат основной цели УИС, а наоборот, способствуют успешному исправлению осужденных и предупреждению совершения новых преступлений осужденными и другими лицами.

Для того чтобы успешно решать многообразные социальные, экономические и другие задачи, стоящие сегодня перед УИС, необходимо повысить эффективность внебюджетной (предпринимательской) деятельности ИУ. Этого можно достичь только благодаря организации управления финансами и произ-

водством на строго научной основе, в полном соответствии с требованиями системы объективных экономических законов.

Библиографический список

1. Вакуленко, Т. Г. Анализ бухгалтерской (финансовой) отчетности для принятия управленческих решений / Т. Г. Вакуленко, Я. Ф. Фомина. – СПб., 2003.

2. Об утверждении Инструкции о порядке составления годовой, квартальной и ме-

сячной отчетности об исполнении бюджетов бюджетной системы Российской Федерации : приказ Минфина РФ от 24 авг. 2007 г. № 72н // Финансовая газ. – 2007. – 18 окт., 25 окт., 1 нояб., 8 нояб.

3. Прудников, А. Г. Анализ и оценка финансового состояния предприятия : учеб. пособие / А. Г. Прудников. – Краснодар, 1999.

4. Экономика предприятия : учеб. для вузов / под ред. В. Я. Горфинкеля, В. А. Шварца. – 4-е изд., перераб. и доп. – М., 2006.

Т. В. Мартынова,

*старший преподаватель кафедры
уголовно-правовых и специальных
дисциплин Краснодарского филиала
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОТБОРА В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Социальная политика многих демократических государств в современном мире имеет сложную структуру. Она реализуется в виде многосторонней деятельности в различных направлениях, одним из которых является политика государства в сфере борьбы с преступностью. Стратегию, основные формы и методы уголовной политики определяет комплекс факторов: социально-политическое и экономическое состояние общества, структура и динамика преступности в стране.

Следует отметить, что в России в 2007 г. сократилось количество тяжких и особо тяжких преступлений, изнасилований, террористических актов, посягательств с использованием оружия, разбойных нападений, грабежей, фактов вымогательства. Вместе с тем в обществе появляются новые угрозы общественным отношениям и налаживание системы профилактики правонарушений в сфере экономики, компьютерных технологий, межнациональных и религиозных отношениях и др. Это потребует от правоохранительных органов правильной расстановки акцентов и определение приоритетов деятельности с целью противодействия им.

Борьба с преступностью – сложная, многоаспектная деятельность, самостоятельная сфера социального управления. Реализация принципа неотвратимости ответственности предполагает применение предусмотрен-

ных уголовным законом мер к лицам, совершившим преступления, устранение преступного вреда и возмещение ущерба.

Поскольку в России применяются наказания, связанные с лишением свободы, одной из задач исправительных учреждений Федеральной службы исполнения наказаний является задача качественного функционирования.

По информации Федеральной службы исполнения наказаний, в учреждениях уголовно-исполнительной системы России на конец 2007 г. содержалось 890 тыс. человек¹. Учитывая, что численность населения страны составляет около 142 млн человек, то фактически каждый четвертый взрослый мужчина в России имеет тот или иной тюремный опыт.

Современное понятие «содержание под стражей» включает подготовку осужденного к возвращению в общество, от которого он временно изолирован. Следовательно, персонал учреждений исполнения наказаний должен усвоить новые принципы и подходы в решении этой задачи.

Для уголовно-исполнительной системы остро стоит проблема кадрового состава. Согласно ч. 5 ст. 77 «Администрация и персонал» Европейских пенитенциарных правил администрации пенитенциарного учреждения при подборе нового персонала следует уделять повышенное внимание необходимости обеспечения его честности, гуманности, владению профессиональными навыками и личной пригодности к выполнению сложной работы².

С учетом международных стандартов требования, предъявляемые к персоналу

¹ См.: Самодуров В. Тюрьма для «чайников» // Аргументы недели. 2007. 13 дек. С. 16.

² См.: Рекомендации Рес (2006)2 Комитета министров Совета Европы к государствам-членам. Европейские пенитенциарные правила. М., 2007.

пенитенциарного учреждения, приобретают особую актуальность.

Проведенное нами исследование свидетельствует о продолжающемся влиянии социально-экономических факторов на кадровое обеспечение уголовно-исполнительной системы. По-прежнему основными источниками комплектования служб традиционно являются военнослужащие, уволенные в запас, сотрудники других силовых структур, гражданские лица.

В исправительные учреждения часто приходят лица, которые не имеют достаточной профессиональной подготовки, обладают невысоким интеллектуальным уровнем, имеют психофизические и другие индивидуальные особенности, которые требуют постоянной коррекции в целях обеспечения устойчивой социальной адаптации сотрудников к условиям работы.

В проведенном нами исследовании с целью изучения и анализа количественного состава кадров уголовно-исполнительной системы приняли участие 160 человек (сотрудников учреждений исполнения наказаний ГУФСИН России по Краснодарскому краю).

На вопрос «Качественно ли, на Ваш взгляд, осуществляется отбор сотрудников в уголовно-исполнительную систему?» 37 (23,1 %) респондентов дали положительный ответ; 121 (75,6 %) – отрицательный. В ответе на вопрос о причинах некачественного осуществления данного отбора сотрудников 91 (56,9 %) опрошенный указали на отсутствие желающих работать в уголовно-исполнительной системе; 38 (23,8 %) отметили отсутствие другой работы; 14 (8,8 %) – перевод сотрудников из других учреждений с ранее наложенными взысканиями. По мнению 81 (50,6 %) сотрудника учреждений исполнения наказаний

ГУФСИН России по Краснодарскому краю, при отборе сотрудников уголовно-исполнительной системы необходимо оценивать уровень интеллектуального развития; с точки зрения 76 (47,5 %) респондентов, – уровень нравственного воспитания; на желание добросовестно выполнять свои обязанности указали 115 (71,9 %) опрошенных.

Таким образом, очевидно, что задачей профессионального отбора сотрудников уголовно-исполнительной системы является подбор лиц с отсутствием психофизиологических противопоказаний, способных справляться с профессиональными нагрузками.

В условиях реформирования уголовно-исполнительной системы необходимо стремиться к формированию нового поколения сотрудников, закреплению их на службе, улучшению условий несения службы.

По нашему мнению, перспективной в научном и практическом плане является разработка обоснованных профессиональных требований с учетом индивидуально-психологических и социально-психологических особенностей кандидатов и квалификационных требований к различным направлениям служебной деятельности.

В конечном итоге это будет влиять на эффективность деятельности уголовно-исполнительной системы.

Библиографический список

1. Рекомендации Rec (2006)2 Комитета министров Совета Европы к государствам-членам. Европейские пенитенциарные правила. – М., 2007.

2. Самодуров, В. Тюрьма для «чайников» / В. Самодуров // Аргументы недели. – 2007. – 13 дек.

С. В. Назаров,

начальник кафедры

организации оперативной работы

ВЮИ ФСИН России

кандидат юридических наук, доцент

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В УЧРЕЖДЕНИЯХ И ОРГАНАХ ФСИН РОССИИ

Проведенный анализ нормативных правовых актов, регулирующих борьбу с преступ-

ностью, позволяет сделать вывод о том, что существующее законодательство способно обеспечить достаточно эффективную борьбу с различными ее проявлениями. Однако это не означает, что деятельность правоохранительных органов полностью урегулирована в правовом отношении и, в частности, в вопросах борьбы с коррупцией.

Несмотря на неоднократные попытки систематизации правовых и организационных мер борьбы с использованием должностными и иными лицами, выполняющими управленче-

ские функции, своего служебного положения в целях получения незаконного вознаграждения, в законодательстве Российской Федерации отсутствует правовое определение понятия и признаков коррупции, коррупционного преступления и коррупционного правонарушения; не определен круг предусмотренных законодательством норм об ответственности за преступления и правонарушения, охватываемые понятием коррупции; не установлен объем допустимых мер контроля и правового воздействия, необходимых и достаточных для пресечения и предупреждения коррупционной деятельности; не закреплены полномочия институтов государства и общества по обеспечению функционирования системы антикоррупционного воздействия и т. д. В связи с чем существует настоятельная потребность в устранении правовых пробелов, позволяющих коррупции проникать во все сферы жизни общества.

Борьба с этим опасным социально-правовым явлением требует создания целостной общегосударственной системы антикоррупционного воздействия, предусматривающей консолидацию необходимых для этого сил и средств, которыми располагает государство.

Федеральная служба исполнения наказаний не является исключением, наряду с фиксацией преступлений данного вида осуществляются мероприятия, направленные на устранение причин и условий, способствующих распространению коррупции, предпринимаются шаги по недопущению данных фактов.

Главной задачей в стратегии действий ФСИН России и, прежде всего, оперативных служб должно являться разрушение организационной структуры такой преступности, где основным объектом уголовного преследования и индивидуального профилактического воздействия должно стать руководящее звено преступных группировок, т. е. их лидеры и авторитеты, особенно те, кто имеет значительный криминальный опыт и коррупционные связи и находится как в исправительных учреждениях, так и на свободе.

В немалой степени это связано с проблемой взяточничества как ядра, вокруг которого возникает коррупционная преступность¹.

¹ См.: Могачев М. И. Результаты социологических исследований коррупции в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации // Проблемы изучения современной российской коррупционной преступности: Материалы науч.-практ. конф. «Социология коррупции», 20 марта 2003 г. М., 2003. С. 158.

Взяточничество превращается в способ обогащения, решения материальных проблем, достижения преступных целей, устранения препятствий и др. В современных условиях его доля в регистрируемых должностных преступлениях весьма значительна.

Согласно результатам ранее проведенных исследований² и полученных итогов экспертных оценок³ в 70 % случаев действия должностного лица, за совершение которых предполагалась дача взятки, входили в его служебные полномочия и были вполне законными, но не выполнялись надлежащим образом или в установленный срок без получения обусловленных выгод. Тем самым такие лица обеспечивали наименьшую угрозу для себя в случае задержания работниками правоохранительных органов. Соответственно в 30 % случаев действия (бездействие) должностного лица были незаконными.

Не вдаваясь в детали уголовно-правовой составляющей данного преступного деяния, необходимо отметить, что по своей сути взятка может выступать как в форме подкупа, так и в форме вознаграждения. В частности, должностное лицо получает ценности или услуги не за конкретно совершенные им действия, а за общее покровительство или попустительство по службе.

Более чем в 75 % случаев предметом взятки являются наличные денежные суммы, которые не оставляют каких-либо компрометирующих документальных следов, а следовательно, есть возможность надежно укрыть полученный доход от какого-либо контроля (налогообложения и др.).

Наряду с этим в последнее время стали также распространенными подношениями: компьютерная техника, мобильные телефоны, бытовая техника, трудоустройство близких и дальних родственников взяточника.

Для предупреждения разоблачения предмету взятки может придаваться «законный» характер, например, путем зачисления в штат предприятия или учреждения взяточполучателя либо его родственников, знакомых и т. п., заключения фиктивного договора на выполнение работ или оказа-

² См.: Криминологическая обстановка в Российской Федерации и прогноз ее развития / Под общ. ред. С. И. Гирько. М., 2006. С. 20.

³ Проведен опрос сотрудников оперативных подразделений из 17 регионов, проходивших обучение в 2007 г. на ФППиПК ВЮИ ФСИН России.

ние услуг; оформления дарственной, «наследства» и т. д. Как правило, неформальные договоренности взяточдателя и взяточполучателя подкрепляются официальными документами (заявление, ходатайство, договор, гарантийное письмо и т. д.).

В ряде случаев зафиксированы следующие формы взяточничества: оплата дорогих зарубежных поездок, льготное кредитование, оказание различных услуг, предоставление высокооплачиваемых должностей в коммерческих структурах после увольнения, включение в состав советов таких структур или соучредителей служащих или их родственников, оплата разного рода «фазовых» консультативных и других услуг.

Как правило, коррупционные преступления носят законспирированный, неочевидный характер, и поэтому относятся к числу высоколатентных и трудновывяемых. В этой связи решающее значение в борьбе с коррупцией приобретает комплексное использование сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности.

С учетом высокой эффективности и практической значимости оперативно-розыскной деятельности Конвенцией ООН против коррупции (п. 1 ст. 50)¹ рекомендовано проведение таких специальных методов расследования, как: контролируемая поставка, электронные и другие виды наблюдения, агентурные операции, т. е. методы, которые охватывают совокупность предусмотренных Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности»² оперативно-розыскных мероприятий³.

ФСИН России располагает в своей структуре оперативными подразделениями, которые наравне с другими органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность на территории нашей страны, реализуют свои функции в едином правовом пространстве, чья работа направлена на достижение общих целей и задач. При этом используются специфические возможности,

схожие средства и методы в решении проблем, касающихся борьбы с коррупцией.

В частности, деятельность оперативных подразделений ФСИН России предусматривает:

- проведение разведывательно-поисковых мероприятий, направленных на сбор сведений о коррупции, в том числе и оперативное внедрение;
- ведение оперативных разработок коррумпированных должностных лиц;
- формирование банков данных о коррупционерах;
- обеспечение документирования преступной деятельности коррумпированных должностных лиц;
- проведение мероприятий по защите интересов государства при заключении контрактов на закупку или реализацию продукции с документированием противоправной деятельности коррумпированных должностных лиц и т. п.

В этой связи немаловажным направлением работы является взаимодействие оперативных подразделений правоохранительных органов. Практика свидетельствует, что условием успешного раскрытия и расследования таких преступлений выступают наличие полной оперативной информации обо всех сторонах деятельности коррупционера и ее умелое использование в сборе доказательств. Однако работа по организации взаимодействия различных ведомств часто носит бессистемный, эпизодический характер и сведена лишь к проверке поступающей единичной информации.

По-прежнему отдельные сотрудники других ведомств, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, недостаточно используют возможности оперативных аппаратов следственных изоляторов и исправительных учреждений. Их взаимодействие с подразделениями уголовно-исполнительной системы может заключаться в предоставлении последним оперативной информации об арестованных и осужденных к лишению свободы коррумпированных лицах, их криминальных связях и иных обстоятельствах, представляющих интерес для оперативной проверки либо оперативной разработки таких лиц.

Кроме того, для более эффективного и целенаправленного ведения борьбы с коррупцией в уголовно-исполнительной сис-

¹ См.: Конвенция ООН против коррупции от 31 марта 2003 г. // Рос. юстиция. 2004. № 4. С. 17–40.

² См.: Об оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

³ См.: Болотский Б. С., Зимин О. В. Правовое регулирование противодействия легализации доходов от преступлений в свете международных соглашений Российской Федерации: Лекция. М., 2007. С. 17.

теме необходим комплексный подход к решению данной проблемы, чему будет способствовать осуществление следующих мероприятий:

1. Разработка антикоррупционной программы во ФСИН России, включающая в себя такие разделы, как: правовые механизмы обеспечения (пересмотреть критерии приема на службу и постановки на должность), организационные механизмы обеспечения (с целью улучшения социальных, бытовых вопросов), контрольно-надзорные механизмы обеспечения.

2. Ужесточение требований к отбору кадров для работы в учреждениях и органах ФСИН России с учетом специфики службы (высокий уровень эмоционально-стрессовых нагрузок, наличие факторов риска, повышенное внимание к морально-нравственному облику и т. д.).

3. Обеспечение комплексного использования сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности, так как коррупционные преступления носят, как известно, законспирированный, неочевидный характер.

4. Вывод подразделений собственной безопасности территориальных органов ФСИН России из подчинения оперативных управлений территориальных органов с последующим прямым подчинением начальникам этих органов с целью расширения круга полномочий и их независимости в принятии решений в сфере борьбы с коррупцией.

С. В. Образцов,

адъюнкт кафедры

организации оперативной работы

ВЮИ ФСИН России

**ОБЩАЯ ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ –
ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАБОТЫ
ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ**

В последние годы проблема предупреждения и пресечения преступлений, совершаемых осужденными, а также персоналом учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (далее: УИС), прочно входит в число наиболее приоритетных направлений деятельности оперативных аппаратов

5. С целью обеспечения комплексного подхода к проведению общепрофилактических мероприятий создание при каждом учреждении и органе уголовно-исполнительной системы службы, в задачи которой входило бы рассмотрение проблем, связанных с материальными, жилищными и иными социально-бытовыми условиями жизни сотрудников и их семей, обеспечение гарантий их социальной защищенности и личной безопасности. Обеспечение максимальной гласности при разрешении указанных вопросов.

6. Пересмотр критериев оценки деятельности сотрудников оперативных подразделений, осуществляющих функции обеспечения собственной безопасности во ФСИН России, в целях усиления борьбы с коррупцией.

Библиографический список

1. Криминологическая обстановка в Российской Федерации и прогноз ее развития / под общ. ред. С. И. Гирько. – М., 2006.

2. Могачев, М. И. Результаты социологических исследований коррупции в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации / М. И. Могачев // Проблемы изучения современной российской коррупционной преступности : материалы науч.-практ. конф. «Социология коррупции», 20 марта 2003 г. – М., 2003.

3. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ // СЗ РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.

подразделений ФСИН России, так как криминальная ситуация в местах лишения свободы России продолжает оставаться сложной. Только в первом полугодии 2007 г. количество зарегистрированных преступлений в исправительных колониях составило 579 случаев¹, причем по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (далее: АППГ) наблюдается рост на 9,2 %.

Несмотря на то, что преступления против жизни и здоровья, совершаемые в исправительных учреждениях (далее: ИУ), составляют небольшую долю (4,7 %) от общего количества совершаемых в ИУ преступлений, тем не менее они представляют значительную общественную опас-

¹ Здесь и далее статистические данные предоставлены НИИИИПТ ФСИН России.

ность. Анализ статистических данных показал, что за первое полугодие 2007 г. было совершено 27 преступлений против жизни (АППГ – 21) и 48 преступлений против здоровья (АППГ – 41). Данные обстоятельства вызывают вполне понятную озабоченность как руководства ФСИН России, так и руководителей оперативных подразделений на местах. Очевидно, что оперативные подразделения УИС должны в первую очередь обращать внимание на предупреждение данного вида преступлений, предпринимать все меры, направленные на охрану жизни граждан, являющейся высшей ценностью (ч. 1 ст. 20 Конституции РФ).

Общественная опасность преступлений против жизни и здоровья заключается еще и в том, что их совершение не только приносит вред жизни или здоровью конкретного потерпевшего, но и дестабилизирует психологический климат, оперативную обстановку в ИУ, препятствует обеспечению нормальной деятельности учреждения, снижает эффективность воспитательной (в том числе профилактической) деятельности сотрудников ИУ.

В теории оперативно-розыскной деятельности существуют разные подходы к пониманию оперативно-розыскной профилактики¹. Проанализировав различные точки зрения, мы предлагаем следующее авторское определение данного понятия: оперативно-розыскная профилактика пенитенциарной преступности – это основанная на законах и подзаконных актах деятельность оперативных подразделений УИС, которая представляет собой комплекс мер гласного и негласного характера, проводимых с использованием опера-

тивно-розыскных сил, средств и методов в следующих направлениях:

- выявление причин (под ними мы понимаем основания) и условий (обстоятельства), способствующих совершению преступлений, принятие мер по их устранению (общая профилактика);

- выявление лиц, склонных к совершению преступлений, и воздействие на них в целях недопущения реализации их преступных замыслов (индивидуальная профилактика);

- предотвращение замышляемых и пресечение подготавливаемых преступлений, а также покушений на них.

При изучении вопроса о выявлении причин и условий совершения преступлений против жизни и здоровья необходимо учитывать, что это есть основа разработки мер профилактического характера. Совершенно справедливо в правовой литературе подчеркивается, что причины преступности выступают наивысшим уровнем широкой системы источников антисоциального поведения². Следовательно, процесс профилактического воздействия должен направляться на источники и причины преступности, причины и условия конкретных преступлений и факторы, способствующие формированию личности. Действительно, не располагая информацией о явлениях, находящихся в причинной связи с преступными деяниями, невозможно правильно организовать оперативно-профилактическую работу, обеспечить достижение ее целей.

Причины и условия совершения пенитенциарных преступлений в целом ничем не отличаются от причин и условий общей преступности. Однако пенитенциарная преступность имеет ряд особенностей, обусловленных спецификой функционирования мест лишения свободы. Так, например, интенсивность криминогенных явлений и процессов в ИУ отличается большей активностью, что объясняется, в частности, психологической напряженностью в среде осужденных, стереотипами поведения, представлениями о дозволенности насилия и т. п. В связи с этим необходимо отметить,

¹ См.: Галахов С. С. Организационно-тактические и правовые основы оперативно-розыскной профилактики и пути ее совершенствования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1988. С. 12; Самойлов В. Г. Некоторые проблемы совершенствования форм оперативно-розыскной деятельности // Тр. Высш. шк. МВД СССР. М., 1972. Вып. 9. С. 135; Лекарь А. Г., Волынский А. Ф., Гребельский Д. В., Самойлов В. Г. Методологические проблемы теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Актуальные проблемы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: Тр. Киев. высш. шк. МВД СССР. Киев, 1976. С. 33.

² См.: Козаченко И. П. Оперативно-розыскная профилактика: (Правовые и организационно-тактические вопросы). Киев, 1991. С. 3–4.

что причины и условия совершения преступлений против жизни и здоровья в местах лишения свободы имеют, по нашему мнению, многочисленные отличия от аналогичных действий, совершаемых вне ИУ.

Мы солидарны с мнением тех ученых, которые считают, что совершение преступлений против жизни и здоровья является следствием социально-психологической дезадаптации личности в условиях переживаемого микросоциального конфликта¹. При этом непосредственным поводом убийства, причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью может являться конкретная неблагоприятная жизненная ситуация: бытовые конфликты среди осужденных; конфликты с представителями администрации ИУ, в том числе связанные с антисоциальным поведением субъекта; постоянное воздействие осужденных отрицательной направленности, подкрепленное наличием криминальной субкультуры; психические заболевания и т. п.

Необходимо подчеркнуть, что сам факт осуждения к лишению свободы оценивается личностью как значимая длящаяся психотравмирующая ситуация. Лишение свободы оказывает влияние на психику осужденного в силу специфики пенитенциарного учреждения:

- факт изоляции от привычной среды;
- нарушение сложившихся социально полезных контактов и связей;
- ограничение прав и свобод; появление новых обязанностей по выполнению предписаний и требований режима;
- отсутствие возможности принимать самостоятельные решения по многим вопросам;
- наличие криминальной субкультуры;
- постоянное окружение другими осужденными, невозможность остаться в одиночестве.

Таким образом, прибывший или находящийся в ИУ осужденный испытывает тревожные чувства, в основе которых лежат беспокойство, страх за свою жизнь и безопасность, боязнь потерять себя как личность. В сочетании со спецификой мест

лишения они провоцируют агрессивное поведение осужденного.

Условия, способствующие совершению преступлений в ИУ, мы классифицируем следующим образом.

1. Объективные условия, связанные со спецификой функционирования ИУ:

- а) большая концентрация на ограниченной площади проживания лиц с криминальным опытом;
- б) наличие лиц, ранее совершавших убийства и иные преступления против личности;
- в) объективная сложность осуществления систематического контроля за большим количеством осужденных со стороны администрации ИУ;
- г) особенности режима содержания осужденных (совместное содержание большинства осужденных; вывод на работы, связанные с использованием колюще-режущих предметов и т. д.)

2. Условия, связанные с особенностями лиц, содержащихся в ИУ:

- а) наличие групп отрицательной направленности, оказывающих психологическое и физическое давление на отдельных осужденных с целью подчинения их своему влиянию;
- б) существование криминальной субкультуры, традиции и обычаи которой вынуждено соблюдать подавляющее большинство осужденных;
- в) периодическое возникновение в ИУ конфликтных ситуаций, с участием как отдельных осужденных, так и групп отрицательной направленности;
- г) употребление осужденными алкогольных напитков и наркотических средств в случае их незаконного проноса на территорию ИУ и как следствие – возникновение немотивированной агрессивности;
- д) наличие среди осужденных лиц, страдающих психическими расстройствами, не исключающими вменяемости.

3. Условия, связанные с недостатками в организации и деятельности ИУ.

1) Недостатки в деятельности оперативного отдела и отдела безопасности:

- а) недостаточный уровень оперативного прикрытия объектов ИУ;
- б) слабо организованная работа с конфидентами;

¹ См.: Амбрумова А. Г. Социальная дезадаптация и суицид // Тр. НИИ психиатрии им. Асатиани. Тбилиси, 1974. Т. 19–20. С. 47–49.

в) низкий уровень оперативно-профилактической деятельности с лицами, склонными к совершению преступлений против жизни и здоровья, а также слабая работа по их выявлению;

г) недостаточный надзор за осужденными, в том числе на производстве;

д) наличие построек, позволяющих осужденным уединяться для игры «под интерес», распития алкогольных напитков, употребления наркотических средств;

е) низкое качество обысковой работы;

ж) недостаточный контроль за соблюдением осужденными требований режима содержания.

2) Недостатки в деятельности отдела воспитательной работы, психологов:

а) недочеты в работе по изучению лиц, склонных к совершению преступлений против жизни и здоровья, а также слабая организация их выявления;

б) низкий уровень трудовой занятости осужденных;

в) слабая организация воспитательной работы – стимулирования социально положительного и запрета противоправного поведения путем применения мер поощрения и взыскания;

г) недостатки в формировании у осужденных психологической установки на недопущение в дальнейшем совершения преступлений.

3) Недостатки в деятельности кадрового аппарата:

а) штатная некомплектованность личного состава;

И. В. Пикин,
*старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Исследование проблем, связанных с определением правового положения осужденных к лишению свободы в РФ, принято выделять в качестве самостоятельного направления в юридической науке.

б) низкий уровень общей подготовки сотрудников;

в) отсутствие подготовки по отдельным направлениям (психология, медицина – признаки психических патологий).

В заключение необходимо отметить, что преступления, совершаемые против жизни и здоровья в условиях ИУ, представляют собой значительную общественную опасность. Оперативные подразделения учреждений и органов УИС обязаны в первую очередь осуществлять их профилактику, используя для этого как собственные силы и средства, так и возможности других отделов и служб ИУ.

Библиографический список

1. *Галахов, С. С.* Организационно-тактические и правовые основы оперативно-розыскной профилактики и пути ее совершенствования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1988.

2. *Козаченко, И. П.* Оперативно-розыскная профилактика: (Правовые и организационно-тактические вопросы) / И. П. Козаченко. – Киев, 1991.

3. Методологические проблемы теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел / А. Г. Лекарь [и др.] // Актуальные проблемы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : тр. Киев. высш. шк. МВД СССР. – Киев, 1976.

4. *Самойлов, В. Г.* Некоторые проблемы совершенствования форм оперативно-розыскной деятельности / В. Г. Самойлов // Тр. Высш. шк. МВД СССР. – М., 1972. – Вып. 9.

Однако оно характеризуется слабой степенью разработанности, неполнотой законодательных установок, которые давали бы объективное представление о реальном месте рассматриваемой категории лиц в системе правовых отношений, а также отсутствием комплексного подхода в существующих научных публикациях. Вплоть до настоящего времени среди ученых не выработана единая позиция по вопросу о том, что представляет собой правовое положение осужденных к лишению свободы, каковы содержание данной юридической категории, элементы, входящие в указанное понятие.

Одним из наиболее дискуссионных в юридической литературе до настоящего времени остается вопрос о соотношении понятий «правовое положение» и «правовой статус» личности, об установлении их содержательной стороны. Подобного рода ситуация обусловлена сложностью исследуемых правовых явлений, привлекающих к себе пристальное внимание большого количества ученых.

Большинство ученых воспринимает юридические категории «правовой статус» и «правовое положение» как научные термины, обладающие идентичным содержанием. Так, В. М. Баранов считает, что выделение этих понятий в качестве самостоятельных юридических категорий абсолютно безосновательно, не обладает ни теоретической ценностью, ни практической значимостью. По его мнению, такой подход является искусственным и обусловленным, прежде всего, желанием исследователей наполнить новым содержанием имеющиеся теоретические разработки в данной области¹.

Вместе с тем многие ученые рассматривали указанные понятия как сложные явления правовой действительности, объединяющие множество элементов. Кроме традиционно включаемых в них прав и свобод, юридических обязанностей и законных интересов², они включают и иные компоненты. Так, М. С. Строгович, помимо названных, причислял к элементам правового положения также правовые гарантии и правовую ответственность³, Л. Д. Воеводин – правоспособность, принципы права, гражданство и гарантии реализации прав и обязанностей⁴.

Своеобразным отражением противоречивости вывода о включении в одно понятие нескольких элементов являются ком-

промиссные позиции ученых, заключающиеся в выделении правового положения личности в узком и широком смысле. На их фоне наиболее объективной и аргументированной представляется точка зрения Н. В. Витрука, разграничивающая юридические категории «правовое положение» и «правовой статус». По его мнению, в содержание правового статуса входят права и свободы, юридические обязанности и законные интересы личности. Понятие же правового положения включает в себя такие понятия, как: гражданство и правосубъектность, выступающие в качестве необходимых предпосылок правового статуса, сам правовой статус, а также юридические гарантии прав и свобод личности⁵. Такая позиция, на наш взгляд, обосновывается наличием некоторых юридических категорий и элементов правовой системы (помимо непосредственно влияющих на определение места субъекта в системе общественных отношений – прав, свобод, законных интересов и обязанностей и поэтому входящих в его правовой статус), которые служат своеобразной оболочкой, обеспечивающей само наличие либо максимально эффективную реализацию правового статуса.

Весьма неоднозначные точки зрения высказываются в юридической литературе относительно проблемы разграничения различных видов правового положения личности. В теории права их традиционно выделяют три: а) общее, или конституционно-правовое положение гражданина; б) специальное, или родовое положение определенных категорий граждан; в) индивидуальное положение конкретного лица. Общее правовое положение личности служит основой специального положения, обусловленного наличием у человека различных социальных характеристик (женщина; иностранный гражданин; осужденный к лишению свободы и пр.). Оно, в свою очередь, является базой для индивидуального правового положения, соответствующего определенным условиям и об-

¹ См.: Баранов В. М. Правовое положение личности // Общая теория права: Курс лекций / Под общ. ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 56–60.

² См., напр.: Витрук Н. В. Правовой статус личности в СССР. М., 1985. С. 7–23.

³ См.: Строгович М. С. Вопросы теории прав личности // Философия и современность. М., 1976. С. 33–35.

⁴ См.: Воеводин Л. Д. Понятие правового положения личности и особенности статуса различных категорий лиц в СССР // Советское государственное право / Под ред. С. С. Кравчука. М., 1985. С. 139–150.

⁵ См.: Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979. С. 27–34.

стоятельствам, в которых оказывается то или иное конкретное лицо.

В целом поддерживая общепринятую правовую доктрину и учитывая ее специфику, мы хотим предложить несколько иную точку зрения по данному вопросу, аргументировав ее соответствующими доводами. Система правового положения личности, на наш взгляд, может выглядеть следующим образом:

1) общий вид, который включает в себя два уровня:

- а) конституционный;
- б) ограниченный конституционный;
- 2) специальный вид;

3) индивидуальный вид правовых положений. Причем и второй, и третий виды зависят от первого.

Несмотря на то, что теоретически конституционное правовое положение является узловой категорией и в сфере своего воздействия находятся абсолютно все члены общества, наличие у лица тех или иных социально-правовых характеристик может являться фактором, значительно влияющим на определение конкретного содержания рассматриваемого понятия. Указанные характеристики (в частности, осуждение лица к лишению свободы) влекут за собой трансформацию некоторых элементов их общего правового положения (например, конституционных обязанностей), которая, в свою очередь, обуславливает изменение порядка осуществления данных элементов или вовсе ведет к их утрате. Так, например, лица, содержащиеся в исправительных учреждениях, в силу факта изоляции от общества не в состоянии исполнить конституционную обязанность по несению военной службы.

Подобное положение вещей, при котором элементы правового положения субъекта утрачиваются либо приобретают особые формы осуществления, некоторые авторы именуют правовым модусом¹. К термину «правовой модус» в юридической науке наблюдается также неоднозначное отношение. Так, Н. И. Матузов оценивает его как неудачный, не вполне «элегант-

ный», стилистически избыточный, тогда как Р. П. Мананкова, напротив, отмечает точность и полноту рассматриваемой категории в условиях нашего небогатого понятийного аппарата и считает ее оптимальным видом правовой информации о правах и обязанностях граждан².

Мы же считаем целесообразным согласиться с наиболее приемлемой в данном случае точкой зрения Н. В. Витрука, который предпочитает категорию специального правового положения как более оправданную и необходимую³. Это понятие, исходя из его смыслового значения, на наш взгляд, в наибольшей степени верно отражает особенности правового положения лица, обладающего различными социальными характеристиками.

Анализ юридических и литературных источников позволяет сделать вывод, что правовое положение осужденных к лишению свободы, в силу факта вхождения последних в особую категорию лиц, обладающих принадлежащими исключительно им социальными особенностями, имеет трехуровневую систему.

В качестве параметров мы предлагаем выделять следующие:

1) юридическая природа элементов, входящих в правовое положение лиц, содержащихся в исправительных учреждениях. Основываясь на предложенной нами модели исследуемого понятия, можно прийти к выводу, что в качестве его элементов выступают исключительно правовые явления, признаки, качества и характеристики личности, с помощью которых законодатель фиксирует ее место в системе общественных отношений. На этом основании в него не могут входить категории, не нашедшие своего отражения в законодательстве, а также иные неправовые явления (общие гарантии прав и свобод, социальная ответственность и др.)⁴;

² См.: Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 1972. С. 194; Мананкова Р. П. Правовой статус членов семьи по советскому законодательству. Томск, 1991. С. 11–17.

³ См.: Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. С. 187.

⁴ См.: там же.

¹ См., напр.: Ровный В. В. О категории «правовой модус» и ее содержании // Государство и право. 1998. № 4. С. 26–29.

2) связь с включенностью лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, в систему правовых отношений, определяющих место осужденного в их структуре. Причем это место находится в прямой зависимости от наличия взаимных юридических связей между осужденными к лишению свободы и иными субъектами права;

3) связь с реализацией тех или иных правовых возможностей, направленных на удовлетворение своих жизненных потребностей, либо с необходимостью осуществления каких-либо мер должного поведения в интересах иных лиц.

Установив общие черты, характеризующие элементный состав правового положения осужденных к лишению свободы, перейдем к содержательной характеристике каждого из них. Одними из важнейших элементов анализируемого понятия являются правосубъектность и гражданство. Данные правовые категории следует рассматривать в качестве необходимых предпосылок другого элемента правового положения осужденных к лишению свободы – их правового статуса. Несмотря на то, что правосубъектность и гражданство непосредственно не включаются в структуру правового статуса лиц, находящихся в исправительных учреждениях, они являются своего рода условиями, обеспечивающими его существование. Указанные правовые категории в силу своей юридической природы служат как бы формами закрепления элементов, входящих в правовой статус осужденных к лишению свободы, без которых наличие последнего было бы просто невозможно.

Правосубъектность, т. е. возможность лица выступать в качестве субъекта правовых отношений, включает в себя два элемента: 1) правоспособность, которую можно определить как закрепленную нормами права способность осужденных к лишению свободы быть носителями прав; 2) дееспособность, т. е. возможность реализовывать их своими действиями¹. Разграничение указанных элементов правового положения

является, безусловно, необходимым и свидетельствует о важности отводимой им законодателем роли, связанной с закреплением прав и свобод². Так, например, являясь формальными носителями права на образование, т. е. обладая по отношению к нему правоспособностью, осужденные к лишению свободы не могут реализовать его в полном объеме (например, обучаться очно в высшем учебном заведении). Иными словами, их дееспособность носит ограниченный характер.

Гражданство следует рассматривать как устойчивую правовую связь лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, с государством, характеризующую наличием их взаимных юридических прав и обязанностей. В зависимости от степени устойчивости этой правовой связи все осужденные к лишению свободы делятся на собственных граждан, лиц без гражданства и иностранных граждан. В соответствии со ст. 24 УИК РФ осужденные к лишению свободы иностранные граждане и лица без гражданства пользуются теми же правами и несут те же обязанности, которые установлены для обычных лиц данной категории, за исключением изъятий и ограничений, предусмотренных законодательством РФ. Исходя из этого определяется и перечень тех прав, свобод и обязанностей, которые будут принадлежать к рассматриваемой категории лиц в сравнении с осужденными к лишению свободы – гражданами РФ.

Гражданство, как и правосубъектность, кроме того, следует рассматривать в качестве элемента правового положения осужденных, который как бы пронизывает все другие элементы, но при этом одновременно выполняет вполне самостоятельную функцию – обеспечивает связь между государством и анализируемой категорией лиц при помощи закрепленных в законодательстве прав, свобод и обязанностей³.

² См.: Колташов А. И. Проблемы гуманизации деятельности ОВД по обеспечению прав и свобод граждан // Совершенствование борьбы с преступностью в условиях Дальнего Востока: Материалы межвуз. науч.-практ. конф. Хабаровск, 1997. С. 38.

³ См.: Дерюга Н. Н. Гражданские права и обязанности осужденных. Хабаровск, 1992. С. 6.

¹ См.: Общая теория права и государства: Учеб. для вузов / Под ред. В. В. Лазарева. М., 1999. С. 123–126.

Говоря о правовом статусе не только как о теоретически самостоятельном и важнейшем элементе юридической конструкции правового положения, но и реально существующей правовой действительности, на наш взгляд, следует остановиться на его функциональном юридическом предназначении. По данному вопросу в научной литературе нет единого мнения. Так, В. А. Патюлин предлагает рассматривать его в неразрывном единстве со звеньями правовой системы, направленными на установление юридических взаимоотношений субъекта с государством¹, а Н. В. Витрук связывает его наличие с необходимостью отражения места личности в системе общественных отношений².

Следующим элементом правового положения лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, являются юридические гарантии. Вообще проблема гарантированности прав и свобод не только осужденных к лишению свободы, но и любых других лиц, как нам представляется, носит довольно специфичный характер. Многоаспектность и неоднозначность проявлений данного понятия свидетельствуют, с одной стороны, о его важной роли в системе обеспечения реализации прав и свобод, а с другой – о значительных проблемах теоретической исследованности и законодательной регламентации этого элемента правового положения осужденных к лишению свободы³. Значение юридических гарантий как для структуры исследуемого нами понятия, так и для правовой системы в целом, на наш взгляд, необходимо рассматривать в двух плоскостях: 1) влияние на целостность системы и гармоничность взаимодействия всех элементов правового положения осужденных к лишению свободы и 2) влия-

ние на реализацию правового статуса, а точнее, его основного звена – прав и свобод лиц, содержащихся в исправительных учреждениях.

В первом значении юридические гарантии выступают в качестве определенных средств, обуславливающих комплексность структуры правового положения рассматриваемой нами категории лиц, и тем самым являются механизмом обеспечения его функционирования⁴. Так, например, существование правосубъектности и гражданства, а также юридических признаков, характеризующих данные правовые категории (правоспособность, механизм корреспонденции и др.), невозможно рассматривать в отрыве от юридических гарантий, которые в данном случае выступают как свойства, обеспечивающие и их наличие, и полноту отражения в законодательстве, и, в необходимых случаях, защиту.

Во втором случае юридические гарантии выполняют узкоспециализированные функции по осуществлению осужденными к лишению свободы своих прав. Выступая в данном качестве, они приобретают свойство условий и средств по обеспечению максимально эффективной поддержки и защите прав и свобод лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, как бы становясь благоприятной средой их реализации. Так, например, возможность осуществления рассматриваемой нами категорией лиц права на свободу совести и вероисповеданий обеспечено целым арсеналом средств (наличием соответствующей нормативно-правовой базы, ее полнотой и непротиворечивостью, существованием разветвленных механизмов его защиты – обращение в прокуратуру, суд и др.).

Проведенный нами теоретический анализ существующих точек зрения, касающихся общего учения о правовом положении личности и его некоторых законодательных аспектах, а также самостоятельные выводы, полученные в ходе собственных умозаключений, осмысление норм действующего законодательства, затрагивающего стороны исследуемой нами

¹ См.: Патюлин В. А. Государство и личность в СССР. М., 1978. С. 25–28.

² См.: Витрук Н. В. Правовой статус личности в СССР. С. 29.

³ См.: Колташов А. И. Гарантии реализации и защиты прав и свобод молодежи в РФ // Юридические механизмы защиты прав и свобод человека и гражданина: региональные проблемы: Сб. материалов межрегион. науч.-практ. конф. Хабаровск, 1998. С. 21.

⁴ См.: Энтин М. Л. Международные гарантии прав человека. М., 1992. С. 139.

проблемы, позволили достаточно достоверно, на наш взгляд, определить основные элементы структуры правового положения лиц, содержащихся в исправительных учреждениях. К ним мы отнесли правосубъектность, гражданство, выступающие в качестве предпосылок другого элемента – правового статуса, и юридические гарантии.

Т. В. Попова,

*старший преподаватель кафедры
экономических и финансово-правовых
дисциплин ВЮИ ФСИН России
кандидат экономических наук*

ПРОБЛЕМА ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

В соответствии с уголовно-исполнительным законодательством общественно полезный труд является основным средством исправления осужденных и каждый осужденный обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительного учреждения. Вместе с тем администрация исправительного учреждения часто сталкивается с ситуацией, когда осужденные отказываются от работы или ищут всевозможные способы, чтобы уклониться от нее. Наличие брака, отсутствие рационализаторских предложений со стороны осужденных свидетельствуют не только об их низкой квалификации, но и о халатном отношении осужденных к труду и результатам труда по причине их незаинтересованности.

В настоящее время осуществляется реформирование федеральных государственных унитарных предприятий учреждений, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы, и на их базе создаются центры трудовой адаптации осужденных и производственные (трудовые) мастерские, которые призваны осуществлять реализацию требований уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации в части организации профессиональной подготовки осужденных, привлечения их к труду и закрепления у

Библиографический список

1. Баранов, В. М. Правовое положение личности / В. М. Баранов // Общая теория права : курс лекций / под общ. ред. В. К. Бабаева. – Н. Новгород, 1993.
2. Витрук, Н. В. Правовой статус личности в СССР / Н. В. Витрук. – М., 1985.
3. Строгович, М. С. Вопросы теории прав личности / М. С. Строгович. – М., 1976.

них трудовых навыков. Одной из задач центра (мастерской) является привитие осужденным необходимых трудовых навыков и уважительного отношения к труду, создание условий для моральной и материальной заинтересованности осужденных в результатах труда¹. Для обеспечения успешной реализации поставленной задачи на базе одного из исправительных учреждений Владимирской области было проведено исследование, цель которого заключалась в выявлении мотивов, побуждающих, по мнению самих осужденных, к осуществлению их трудовой деятельности, и возможных путей повышения их заинтересованности в результатах труда. В исследовании принимали участие более 40 % осужденных, занятых на оплачиваемых работах.

Результаты проведенного исследования были систематизированы по возрасту осужденных, оставшемуся сроку лишения свободы и представлены на рис. 1 и 2.

На указанных рисунках цифрами обозначены следующие мотивы:

- 1 – желание получить специальность, развить трудовые навыки, которые будут полезны осужденным после освобождения;
- 2 – принуждение (боязнь наложения взыскания);
- 3 – возможность условно-досрочного освобождения от отбывания наказания;
- 4 – желание заработать деньги;
- 5 – возможность провести время, т. е. желание чем-нибудь заняться;
- 6 – иное (труд – это обязанность).

¹ См.: Основы трудовой адаптации осужденных к лишению свободы: Учеб.-метод. пособие. М., 2007. С. 63.

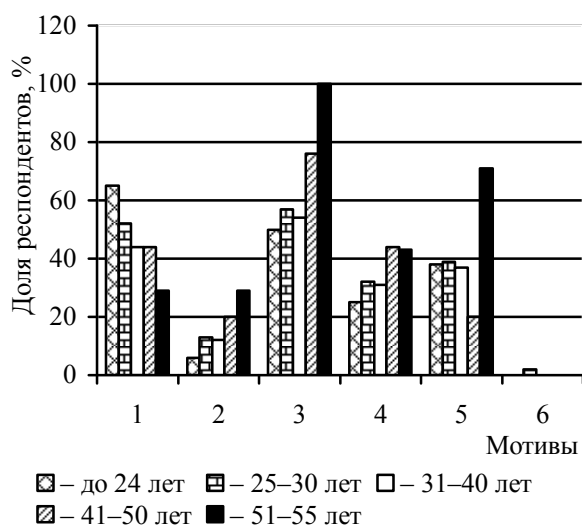

Рис. 1. Мотивы осуществления трудовой деятельности осужденных (по возрасту)

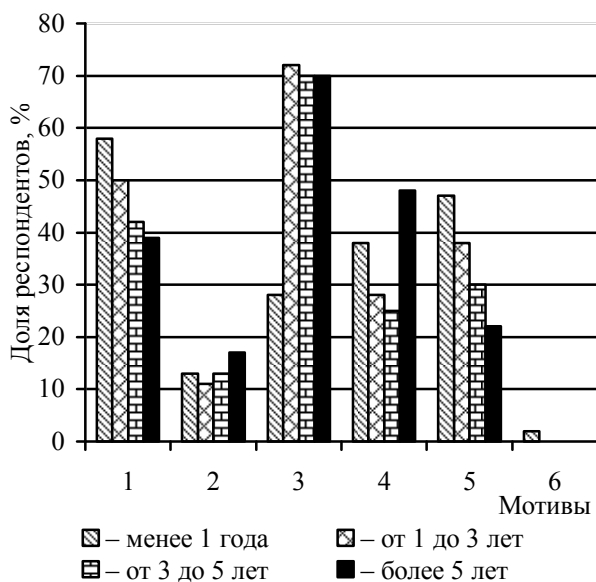

Рис. 2. Мотивы осуществления трудовой деятельности осужденных (по оставшемуся сроку лишения свободы)

Такая систематизация позволила выявить ряд особенностей и характерных тенденций.

Во-первых, необходимо рассмотреть изменение мотивов к осуществлению трудовой деятельности в зависимости от возраста осужденных. В нижеприведенной таблице мотивы распределены по уменьшению их значимости для осужденных соответствующего возраста (наиболее значимому мотиву присваивается цифра 1, наименее значимому – 5).

Таблица

Мотив	Возраст осужденных к лишению свободы			
	до 24 лет	от 25 до 40 лет	от 41 до 50 лет	от 51 до 55 лет
Желание получить специальность, развить трудовые навыки	1	2	2-3	4-5
Возможность условно-досрочного освобождения от отбывания наказания	2	1	1	1
Возможность провести время, чем-нибудь заняться	3	3	4-5	2
Желание заработать деньги	4	4	2-3	3
Принуждение (боязнь взыскания)	5	5	4-5	4-5

На основе анализа мотивов осужденных по возрастным группам можно выявить следующие тенденции:

1. С возрастом желающих получить специальность, развить трудовые навыки, которые будут полезны осужденным после освобождения, становится меньше.

2. Желание получить условно-досрочное освобождение от отбывания наказания является сильным мотивом для 59 % осужденных и с возрастом оно усиливается.

3. Значение материальной заинтересованности в результатах труда с течением времени возрастает.

4. Труд как занятие, дело, времяпрепровождение рассматривается 37 % осужденных. Желание чем-нибудь заняться является стабильным мотивом среди осужденных всех возрастов.

5. По принуждению (из-за боязни наложения взыскания) работают в среднем 13 % осужденных. Данный мотив имеет значение для осужденных более старшего возраста (старше 41 года).

Следует отметить, что проведенные исследования показали, что труд как обязанность признается только 2 % осужденных в возрасте от 25 до 30 лет. Это очень низкий показатель.

В зависимости от оставшегося срока лишения свободы значение тех или иных мотивов изменяется.

Так, для большинства осужденных (58 %) с оставшимся сроком лишения свободы

менее 1 года на первое место выступает желание получить специальность, развить трудовые навыки, далее возможность себя чем-нибудь занять, заработать деньги, возможность условно-досрочного освобождения от отбывания наказания и на последнем – принуждение (боязнь взыскания).

Для осужденных с оставшимся сроком лишения свободы от 1 года до 3 лет и от 3 до 5 лет трудовые мотивы имеют соответствующее значение: прежде всего это возможность условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, далее желание получить специальность, развить трудовые навыки, возможность провести время, заработать деньги и последнее – принуждение (боязнь взыскания).

Для осужденных с оставшимся сроком лишения свободы более 5 лет действенный мотив – возможность условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, на втором месте – желание заработать деньги, на третьем – развить трудовые навыки, на четвертом – возможность провести время, на пятом – принуждение (боязнь взыскания).

На основе анализа мотивов осужденных по оставшемуся сроку лишения свободы можно выявить следующие тенденции:

1. Чем больше срок лишения свободы, тем меньше желание получить специальность, развить трудовые навыки и в целом трудиться.

2. Возможность условно-досрочного освобождения от отбывания наказания имеет стимулирующее действие для осужденных со сроком лишения свободы более 1 года.

3. Материальный стимул имеет значение для осужденных со сроком лишения свободы менее 1 года и более 5 лет.

Проведенные исследования показали, что, по оценкам осужденных, повысить заинтересованность в труде и его результатах возможно при применении мер экономического, организационно-технического и социально-психологического характера.

Среди экономических стимулов наиболее действенным является повышение заработной платы осужденным. В процессе реформирования производственного сектора уголовно-исполнительной системы изменяются показатели рейтинговой оцен-

ки результатов производственно-хозяйственной деятельности подразделений территориальных органов ФСИН России. Среди основных показателей, оценивающих результаты работы производственного сектора уголовно-исполнительной системы, особое место занимает величина заработной платы осужденных. Поэтому увеличение заработной платы, с одной стороны, будет положительно характеризовать работу исправительного учреждения, с другой – способствовать повышению заинтересованности осужденных в труде. В настоящее время, как показывают исследования, заработная плата для 68 % осужденных не является эффективным стимулом к труду.

Психологическое состояние осужденных оказывает огромное влияние на их работоспособность. Формирование устойчивого морально-психологического климата в трудовом коллективе способствует преодолению отрицательного настроения и отношения осужденных к работе. Среди социально-психологических методов повышения заинтересованности осужденных в труде были отмечены следующие: создание благоприятных условий труда, методов гуманизации труда (внедрение элементов творчества в трудовой процесс, использование музыки), применение методов психологического побуждения и др.

Среди методов организационно-технического характера обозначены: рациональная организация труда, обновление парка машин и оборудования, обеспечение объемов работы на полную загрузку, снижение уровня действующих норм.

В заключение следует отметить, что результаты проведенного исследования могут стать основой для разработки и применения эффективных методов трудовой мотивации осужденных в зависимости от возраста, срока лишения свободы и желания самих осужденных.

Библиографический список

1. Основы трудовой адаптации осужденных к лишению свободы : учеб.-метод. пособие. – М., 2007.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. – М., 2006.

А. В. Сенатов,
*преподаватель кафедры
организации оперативной работы
ВЮИ ФСИН России*

**ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ТЮРЬМАХ:
ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ**

Тюрьмы являются одним из видов исправительных учреждений, где сотрудники оперативных аппаратов Федеральной службы исполнения наказаний в соответствии с законодательством Российской Федерации¹ в полном объеме выполняют свои обязанности: по обеспечению личной безопасности осужденных, персонала исправительных учреждений и иных лиц; выявлению, предупреждению и раскрытию готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания; розыску в установленном порядке осужденных, совершивших побег из исправительных учреждений, а также осужденных, уклоняющихся от отбывания лишения свободы; содействию в выявлении и раскрытии преступлений, совершенных осужденными до прибытия в исправительное учреждение.

Оперативная работа в тюрьмах играет важную роль, так как позволяет выявить и предупредить более 70 % преступлений и нарушений режима содержания, 98 % недозволенных связей и каналов поступления запрещенных предметов. Вместе с тем оперативные аппараты тюрем выполняют и профилактическую функцию, выявляя лиц, склонных к различным правонарушениям, и проводя с ними определенную воспитательную работу, направленную на отказ данного осужденного от совершения правонарушения и преступления.

¹ См.: Об оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349; Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. М., 2006; Положение о Федеральной службе исполнения наказаний: Указ Президента РФ от 13 окт. 2004 г. № 1314 // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2004. № 1; Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 // СЗ РФ. 2002. № 52. Ст. 5132.

Статья 1 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее: ФЗ об ОРД) определяет ОРД как вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то настоящим Федеральным законом в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Законодательное определение понятия ОРД является базовым для уяснения сущности и содержания как указанной деятельности в целом, так и ее отдельных элементов и видов (направлений).

В приведенном определении четко прослеживается мысль о самостоятельном, глубоко специфическом характере оперативно-розыскной функции, отличной от административно-правовой, уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной функций. Причем обособление оперативно-розыскной от иных функций прослеживается по всем государственно-правовым параметрам: и по правовым основаниям осуществления, и по оперативно-тактическим формам и методам решения поставленных задач, и по комплексу организационно-структурного, информационного, кадрового и ресурсного обеспечения².

К. К. Горяинов и В. С. Овчинский трактуют ОРД в узком и широком смысле слова³.

В узком смысле ОРД – это основанный на федеральном законодательстве вид социально полезной юридической государственной деятельности уполномоченных на то законодателем субъектов, представляющий собой систему поведенческих актов конспиративного и гласного применения специальных сил, средств и методов, а также совершения оперативно-розыскных мероприятий и оперативно-тактических действий и принятие оперативно значимых решений, осуществляемых с целью защиты

² См.: Лукашов В. А. Проблемы оперативно-розыскной деятельности. М., 2005. С. 10.

³ См.: Горяинов К. К., Овчинский В. С., Синилова Г. К., Шумилова А. Ю. Оперативно-розыскная деятельность: Учеб. М., 2004. С. 6.

человека и общества от преступных посягательств при наличии объективного затруднения или невозможности достижения этой цели посредством реализации иных законных средств.

При широком толковании ОРД изменяется содержание одного из основных ее субъективных элементов – цели. Вместо ее узкой направленности (защита охраняемых законом объектов от преступных посягательств) на первый план выступает обеспечение безопасности человека и общества (разумеется, включая и государство).

А. Ю. Шумилов определяет ОРД как комплексный вид государственной сыскной деятельности, содержанием которой является система поведенческих актов ее участников, осуществляемых в соответствии с ФЗ об ОРД, как правило, негласно, для достижения целей и решения задач, в нем предусмотренных¹.

Оперативно-розыскная деятельность в исправительных учреждениях является разновидностью ОРД, имеет свою специфику. Одним из ее отличий является то, что она проводится в отношении осужденных к лишению свободы и имеет ряд характерных задач, отраженных в ст. 84 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации.

По мнению Н. П. Барабанова и Е. Н. Билоуса, ОРД в исправительных учреждениях – это базирующаяся на законах и подзаконных нормативных актах научно организованная система оперативно-розыскных мероприятий разведывательно-поисковой направленности, осуществляемых преимущественно негласно специально уполномоченными субъектами с применением определенных средств, методов и форм решения задач борьбы с преступностью и нарушениями установленного порядка отбывания наказания².

Проанализировав приведенные определения, автор пришел к выводу, что они не отражают специфики осуществления ОРД в тюрьмах, так как последняя имеет ряд специфических черт, чем существенно отличается от аналогичной работы, проводимой

как аппаратами криминальной милиции, так и оперативными аппаратами исправительных колоний.

Осуществление ОРД оперативными подразделениями криминальной милиции существенно отличается от аналогичной работы оперативных аппаратов тюрем.

Отличия заключаются в следующем:

1. Объектами оперативной работы подразделений криминальной милиции выступают граждане, обладающие всей полнотой прав, права же осужденных в тюрьмах согласно уголовно-исполнительному законодательству ограничены.

2. Оперативные аппараты тюрем ведут борьбу со всеми видами правонарушений, совершенных в их расположении, а также имеют специфические задачи, отраженные в ст. 84 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации.

3. В отличие от оперативных работников криминальной милиции оперативные аппараты тюрем привлекают к негласному сотрудничеству лиц, которые совершили преступление либо обвиняются в его совершении.

4. В тюрьмах затруднены организация встреч с конфидентами, их обучение и воспитание.

5. Оперативная работа в тюрьмах проводится в основном среди лиц, в прошлом уже неоднократно отбывавших наказания в виде лишения свободы, многие из которых в той или иной мере осведомлены о методах негласной работы ОВД.

6. Оперативные аппараты тюрем исходя из специфики осуществления оперативной работы не могут использовать все оперативно-розыскные мероприятия, перечисленные в ст. 6 ФЗ об ОРД.

7. Оперативные аппараты тюрем имеют значительно больше возможностей в предупреждении преступлений, так как обслуживаемый контингент осужденных находится на территории учреждения.

Осуществление ОРД оперативными аппаратами тюрем и оперативными аппаратами исправительных колоний также имеет специфические отличия.

1. Особенности осуществления негласной работы в тюрьмах обуславливаются психологическим фактором, который находит свое выражение в поведении и реакции

¹ См.: Шумилов А. Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности: Учеб. для вузов. М., 2006. С. 7.

² См.: Казак Б. Б., Барабанов Н. П. Оперативно-розыскная деятельность в исправительных учреждениях: В 2 т. Рязань, 2003. Т. 1: Общая часть. С. 18.

ях на различные возникающие ситуации лиц, длительное время содержащихся в помещениях камерного типа, в социально-психологических механизмах взаимодействия осужденных в условиях принудительного общения друг с другом и т. д.

2. В тюрьмах активнейшим образом проявляет себя криминальная субкультура, оказывать противодействие которой значительно труднее и сложнее, чем в условиях исправительных колоний.

3. В отличие от исправительных колоний отработка конкретных лиц осуществляется преимущественно в локальных условиях камеры, что создает определенные трудности в организации встреч с конфидентами, их обучении и воспитании, соблюдении конспирации.

4. Оперативные аппараты тюрем при проведении оперативно-розыскных мероприятий используют специальные технические средства значительно чаще, чем в исправительных колониях, так как камерная система дает преимущества в установке и использовании данных технических средств.

Таким образом, изучив имеющиеся определения ОРД и выявив особенности осуществления оперативной работы в

тюрьмах, автор дает свое определение ОРД в тюрьмах.

Оперативно-розыскная деятельность в тюрьмах – это базирующийся на законах и подзаконных нормативных актах вид социально полезной юридической государственной деятельности, осуществляемой гласно и негласно в локальных условиях камер оперативными аппаратами в отношении осужденных посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий с применением определенных средств, методов и форм для решения задач борьбы с преступлениями и нарушениями установленного порядка отбывания наказания.

Библиографический список

1. *Казак, Б. Б.* Оперативно-розыскная деятельность в исправительных учреждениях / Б. Б. Казак, Н. П. Барабанов. – Рязань, 2003.
2. *Лукашов, В. А.* Проблемы оперативно-розыскной деятельности / В. А. Лукашов. – М., 2005.
3. Оперативно-розыскная деятельность : Учебник / К. К. Горяинов [и др.]. – М., 2004.
4. *Шумилов, А. Ю.* Курс основ оперативно-розыскной деятельности : учеб. для вузов / А. Ю. Шумилов. – М., 2006.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Д. А. Баландин,
*начальник кафедры экономических
и финансово-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*
кандидат юридических наук, доцент

Р. Р. Северин,
*студент факультета
внебюджетного образования
ВЮИ ФСИН России*

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖИ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ во Владимирской области

Предпринимательство в России тесно связано с деятельностью государственного аппарата, поскольку роль государства всегда была определяющей в его регулировании. Данная связь прослеживается на всех этапах развития российской экономики. С течением времени поддержка предпринимательства в России превратилась в одну из основных экономических функций государства.

Предпринимательская деятельность в современных условиях требует государственного регулирования, благодаря которому частные интересы ее конкретных субъектов будут сочетаться с публично-правовыми интересами всего общества. В системе мер такого регулирования в Российской Федерации широкое распространение получило лицензирование данной деятельности.

Лицензирование предпринимательства – сравнительно новое явление в российском законодательстве, однако в применении лицензионного механизма наметились определенные правовые проблемы. Их решение становится условием его эффективного функционирования.

Несмотря на то, что лицензирование является одним из стержневых регуляторов предпринимательской деятельности, оно не может охватить все стороны указанной деятельности. Поэтому было бы ошибочным не брать во внимание иные, не менее важ-

ные способы государственного регулирования предпринимательской деятельности.

В рамках настоящей статьи рассмотрена особенность одного из видов лицензирования – лицензирования розничной продажи алкогольной продукции на территории Владимирской области.

В настоящее время основным нормативным правовым актом, устанавливающим перечень лицензируемых видов деятельности и регулирующим порядок предоставления лицензии, является Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 8 августа 2001 г. № 128-ФЗ. Однако данный Закон лишь фрагментарно регулирует деятельность по розничной продаже алкогольной продукции.

Базовым нормативным актом, регламентирующим деятельность по производству и обороту этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, является Федеральный закон «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ. Согласно ст. 18 данного Закона к одному из видов деятельности, подлежащих лицензированию, относится розничная продажа алкогольной продукции.

В Российской Федерации в соответствии с указанным Законом принимаются другие законы и иные нормативные правовые акты субъектов РФ. Так, во Владимирской области таким нормативным правовым актом является постановление губернатора Владимирской области «О лицензировании розничной продажи алкогольной продукции на территории Владимирской области» от 27 ноября 2002 г. № 595.

В соответствии со ст. 73 Конституции РФ и ст. 7 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» компетенция субъекта Российской Федерации в сфере лицензирования вне пределов ведения Российской Федерации и совместного ведения Российской Фе-

дерации и субъектов Российской Федерации характеризуется осуществлением собственно-го правового регулирования в области производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции.

В соответствии с постановлением губернатора Владимирской области «О Департаменте развития предпринимательства, торговли и сферы услуг администрации Владимирской области» от 16 декабря 2005 г. № 725 лицензирующим органом, осуществляющим лицензирование отдельных видов деятельности на территории Владимирской области, является Департамент развития предпринимательства, торговли и сферы услуг администрации Владимирской области (далее: ДРП).

Федеральные законы «О лицензировании отдельных видов деятельности», «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» содержат ряд требований и условий, которые необходимо соблюдать. К их числу относятся следующие:

1. Производство и оборот алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции осуществляются организациями при наличии соответствующих лицензий.

2. Для производства алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции разрешается использовать этиловый спирт, произведенный только из пищевого сырья. Кроме того, организации, использующие оборудование для производства этилового спирта и алкогольной продукции, обязаны иметь на данное оборудование сертификат соответствия и положительное заключение государственной экологической экспертизы.

3. Алкогольная продукция, находящаяся в розничной продаже на территории Российской Федерации, сопровождается информацией на русском языке.

4. Алкогольная продукция с содержанием этилового спирта более 9 % объема готовой продукции подлежит обязательной маркировке.

5. Производство, поставки и розничная продажа питьевого спирта разрешаются только в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях в соответствии с перечнем, утвержденным Правительством РФ.

6. Организации, осуществляющие в городах розничную продажу алкогольной

продукции с содержанием этилового спирта более 13 % объема готовой продукции, должны иметь для таких целей стационарные торговые и складские помещения общей площадью не менее 50 м², охранную сигнализацию, сейфы для хранения документов и денег, кассовые аппараты.

Одним из важнейших требований для поставки и розничной продажи алкогольной продукции является наличие соответствующих лицензий у организаций, осуществляющих данный вид деятельности, и у индивидуальных предпринимателей, занимающихся розничной продажей данной продукции. Однако даже при наличии лицензии существует ряд ограничений, при которых данный вид деятельности осуществлять не допустимо, в частности, запрещается продажа алкогольной продукции в детских, учебных, культовых и лечебно-профилактических учреждениях и на прилегающих к ним территориях.

Законодательное Собрание Владимирской области приняло Закон «Об ограничении времени розничной продажи алкогольной продукции с содержанием этилового спирта более 15 процентов объема готовой продукции на территории Владимирской области» от 9 октября 2006 г. № 131-ОЗ, которым предусмотрен запрет торговли алкогольными напитками крепче 15° с 23.00 до 07.00. Исключение сделано только для предприятий общественного питания. Данный Закон разработан с учетом пожеланий и жалоб жителей домов, в которых расположены магазины, осуществляющие круглосуточную торговлю алкогольной продукцией.

Во Владимирской области ужесточены условия торговли алкоголем: Законодательное Собрание Владимирской области приняло Закон «О сборах за выдачу лицензий на розничную продажу алкогольной продукции на территории Владимирской области» от 10 февраля 2006 г. № 8-ОЗ. Согласно данному Закону стоимость лицензии составляет 15 тыс. руб. (ранее – 1300 руб.). Указанная цифра определена согласительной комиссией с учетом многочисленных мнений и опыта других субъектов РФ. В соответствии с Законом Владимирской области «Об установлении требований к минимальному размеру оплаченного уставного капитала для организаций, осуществляющих розничную продажу

алкогольной продукции на территории Владимирской области» от 13 февраля 2006 г. № 10-ОЗ минимальный размер оплаченного уставного капитала в городах составляет 100 тыс. руб., иных территориях – 50 тыс. руб. Данные ограничения не распространяются на предприятия общественного питания. Минимальные размеры оплаченного уставного капитала были определены с учетом пожеланий муниципальных образований.

Лицензия на розничную продажу алкогольной продукции на территории Владимирской области выдается сроком на 5 лет. Для сравнения можно привести следующий пример. В г. Великий Новгород лицензии на право торговли алкогольной продукцией выдаются только юридическим лицам, причем размер уставного капитала для предприятия торговли должен быть не менее 200 тыс. руб. Стоимость лицензии на реализацию алкогольной продукции установлена в размере 25 тыс. 300 руб.

Приведенные цифры свидетельствуют о том, что данная проблема решается на законодательном уровне. Таким образом, ее решение, с точки зрения законодательства, заключается в ужесточении регулирования продажи алкогольной продукции. По нашему мнению, увеличение сбора на выдачу лицензий не будет препятствовать поступлению в продажу некачественной продукции, т. е. способствовать достижению одной из целей лицензирования – защиты здоровья граждан.

Результаты лицензионной деятельности, касающейся розничной торговли алкогольной продукцией, ДРП администрации Владимирской области в 2007 г. (за период с 10 мая по 31 августа) характеризуются следующими показателями:

- подано 601 заявление о выдаче лицензии;
- выдано 583 лицензии;
- отказано в выдаче лицензии 18 заявителям;
- приостановлены действия 34 лицензий.

В целях повышения качества реализуемой алкогольной продукции на потребительском рынке области, недопущения реализации в торговой сети контрафактной продукции с 1 июля 2006 г. введено декларирование розничной продажи алкогольной продукции.

Во Владимирской области действуют следующие нормативные правовые акты, регламентирующие процесс декларирования:

– Закон Владимирской области «О декларировании розничной продажи алкогольной продукции на территории Владимирской области» от 2 июня 2006 г. № 70-ОЗ;

– Постановление губернатора Владимирской области «О представлении деклараций о розничной продаже алкогольной продукции на территории Владимирской области» от 20 июля 2006 г. № 528.

Согласно данным, предоставленным ДРП администрации Владимирской области, всего за август 2007 г. во Владимирской области снято с реализации более 2 тыс. л вина.

В ходе проверки алкогольной продукции на лабораторные исследования было направлено 69 образцов вина, 3 образца винноматериала и 2 – коньяка. По данным информационного агентства «Владимирская служба новостей», в 40 пробах были найдены запрещенные пестициды. Больше половины так называемых стойких загрязнений обнаружены в винах производства Молдавии, также не соответствуют нормам 12 образцов грузинских и 3 образца российских вин. Сотрудниками территориального управления Роспотребнадзора РФ по Владимирской области было забраковано и снято с реализации 40 партий вина. Наличие осадка, винного камня, а также отсутствие информации о производителе на этикетке стало причиной изъятия более 1200 литров вина. За нарушение правил розничной продажи алкогольной продукции сотрудники управления Роспотребнадзора РФ по Владимирской области составили 33 протокола об административных правонарушениях. Документы были переданы на рассмотрение мировым судьям. В дальнейшем на территории региона алкогольная продукция также будет подвергаться проверке.

В связи с этим организации, имеющие лицензии на розничную продажу алкогольной продукции, обязаны ежеквартально предоставлять в уполномоченный орган администрации области декларации, содержащие сведения об алкогольных напитках, полученных для продажи, информацию о поставщиках, а также данные об объемах и ассортименте продаж. Предприятия, имеющие несколько точек розничной торговли алкогольной продукцией, обязаны представлять как общую декларацию, так и подавать сведения отдельно по каждому объекту.

Количество лиц, не подавших декларацию за 2-й и 3-й кварталы 2007 г. (154 человека), по нашему мнению, свидетельствует о непроработанности данного института, его недавнем введении. Поэтому задача законодательных органов состоит в решении возникшей проблемы на законодательном и организационном уровнях в ближайшие сроки, поскольку от этого зависит дальнейшее регулирование продажи алкогольной продукции.

Таким образом, институты лицензирования и декларирования розничной продажи алкогольной продукции являются особо значимыми регуляторами данного вида деятельности. От совершенства указанных институтов зависят законные интересы, здоровье граждан и безопасность государства.

Анализ имеющегося эмпирического материала по рассматриваемой теме позволил сделать вывод о существовании следующих аспектов данной проблемы, которые, на наш взгляд, необходимо пересмотреть.

1. Срок действия лицензии правильно было бы уменьшить до трех лет. Во-первых, это позволит увеличить поступления в бюджет; во-вторых, у лицензирующих органов появится дополнительная возможность осуществлять контроль над хозяйствующими субъектами путем проверки предоставляемых для получения лицензии документов на предмет соответствия лицензионным требованиям и условиям.

2. Ранее действующее законодательство устанавливало размеры всех платежей, включавших лицензионный сбор, плату за рассмотрение заявления, предоставление информации из реестра и т. д., в величинах, кратных существующему минимальному размеру оплаты труда. В Федеральном законе «О сборах за выдачу лицензий на осуществление видов деятельности, связанных с производством и оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» от 21 июля 2005 г. № 114-ФЗ установлен фиксированный размер платы за аналогичные действия. По нашему мнению, данная позиция неверна, так как законодательство последних лет при назначении каких-либо выплат не определяет твердых цен, а руководствуется минимальным размером оплаты труда, установленным федеральным

законом, поскольку в сложной экономической ситуации, сложившейся в стране, при растущей инфляции нецелесообразно устанавливать фиксированную плату.

3. В ст. 23 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» предусмотрено ежегодное обследование лицензирующим органом организаций на соответствие установленным условиям осуществления розничной торговли алкогольной продукцией. Однако, с точки зрения К. Тотьева, на практике количество проведенных проверок в соотношении с количеством выданных лицензий составляет лишь 0,6 %¹. Исходя из этого, представляется необходимым увеличение штатной численности сотрудников ДРП, что, в свою очередь, позволит увеличить количество проводимых проверок, с выездом сотрудников ДРП по месту осуществления деятельности лицензиатами.

Таким образом, на уровне субъектов РФ, в частности, во Владимирской области, идет динамичный процесс правового регулирования розничной продажи алкогольной продукции. Для обеспечения данного вида деятельности функционируют институты лицензирования и декларирования, которые, являясь важными инструментами государственного регулирования предпринимательской деятельности, по нашему мнению, требуют нормативного совершенствования.

Библиографический список

1. О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции : федер. закон от 22 нояб. 1995 г. № 171-ФЗ // Рос. газ. – 1999. – 19 янв.
2. О лицензировании отдельных видов деятельности : федер. закон от 8 авг. 2001 г. № 128-ФЗ // Рос. газ. – 2001. – 10 авг.
3. *Тотьев, К.* Лицензирование по новым правилам, необходимость и перспективы реформ / К. Тотьев // *Хозяйство и право.* – 2005. – № 12.

¹ См.: *Тотьев К.* Лицензирование по новым правилам, необходимость и перспективы реформ // *Хозяйство и право.* 2005. № 12. С. 7.

А. В. Баринов,
заместитель начальника кафедры
гражданско-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент

А. И. Гудков,
заведующий кафедрой юридических дисциплин
факультета внебюджетного образования
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ РАЗМЕРА ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ЖИЗНИ ГРАЖДАНИНА

Жизнь человека является высшей ценностью. Не случайно в перечне нематериальных благ как объектов личных неимущественных прав она поставлена на первое место (ч. 1 ст. 150 ГК РФ). Охрана жизни человека обеспечивается совокупностью правовых средств различных отраслей права, основой которых являются гарантии, установленные Конституцией РФ (ст. 2, 18, 20). Однако, несмотря на столь мощный правовой механизм, включающий нормы уголовного, административного и гражданского законодательства, он не обеспечивает адекватной защиты жизни и здоровья граждан.

В современной России сложилась непростая демографическая ситуация, на чем постоянно делает акцент Президент РФ в своих посланиях Федеральному Собранию¹. Данная проблема, непосредственно влияющая на экономическое и социальное развитие страны, обусловлена не только низкой рождаемостью, но и высокой смертностью граждан трудоспособного возраста. Среди причин смерти в трудоспособном возрасте значительную долю (более 30 %) составляют внешние обстоятельства: убийства, транспортные происшествия, несчастные случаи и т. п. На снижение уровня смертности лиц трудоспособного возраста направлена и недавно принятая Концепция демографической политики РФ на

период до 2025 г.² Однако поставленные в ней задачи в интересующей нас части ограничиваются лишь мерами, направленными на уменьшение травматизма в результате дорожно-транспортных происшествий и несчастных случаев на производстве.

О сложности данной проблемы можно судить по рубрикам «происшествие» или «криминальная хроника», имеющимся практически в любой российской газете. Дикость, с которой один россиянин лишает жизни другого или других, а также элементарная беспечность в различных ситуациях со смертельным исходом не просто потрясают, но и свидетельствует о низком моральном, нравственном уровне воспитания наших граждан и духовной деградации общества целом. В этом случае говорить о правовом сознании и правовой культуре вообще не имеет смысла. Исправить ситуацию возможно не только воспитательными, но и экономическими мерами воздействия на потенциальных правонарушителей путем ужесточения экономических (имущественных) санкций³, лежащих в области правового регулирования гражданского законодательства.

В связи с этим нуждается в совершенствовании механизм регулирования деликтных обязательств, который выполняет охранительную, компенсационную (восстановительную) и предупредительно-воспитательную функции⁴, реализующиеся через применение к правонарушителю мер гражданско-правовой ответственности в виде санкций, носящих имущественный характер. В свою очередь, мерой имущественной ответственности является размер возмещаемого вреда.

Что касается вреда, причиненного жизни гражданина, то размер возмещения в пользу потерпевших должен включать не только их имущественные потери, носящие компенсационный (восстановительный) харак-

² См.: Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 9 окт. 2007 г. № 1351 // СЗ РФ. 2007. № 42. Ст. 5009.

³ Об эффективности таких мер свидетельствуют результаты увеличения штрафов за нарушение Правил дорожного движения.

⁴ См.: Гражданское право: учеб. для студентов вузов: В 4 т. / В. В. Витрянский и др.; Отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2006. Т. 4: Обязательственное право. С. 615–616.

¹ См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 25 апр. 2005 г. // Рос. газ. 2005. 26 апр.; Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 10 мая 2006 г. // Рос. газ. 2006. 11 мая.

тер, но и устанавливать еще и штрафные санкции для правонарушителя, обеспечивающие превентивную функцию. Только в этом случае будет достигнута и цель деликтного права, которая в наши дни, по мнению исследователей зарубежного права, «состоит в создании стимулов для предотвращения несчастных случаев посредством угрозы наложения ответственности на тех, кто нарушает принцип соблюдения мер предосторожности, принять которые обязан каждый разумный человек»¹.

Конечно, погибшего человека не вернешь и боль утраты от неожиданно прерванной жизни близким родственникам не возместишь никаким денежным эквивалентом. Однако установление достойной денежной компенсации необходимо не только для возмещения имущественных последствий, вызванных смертью. В первую очередь она должна быть «призвана вызвать положительные эмоции, которые помогут сгладить негативные изменения в психологической сфере личности»² от потери близкого человека. Более того, в условиях рыночной экономики размер возмещения вреда, причиненного жизни, как бы аморально это ни звучало, показывает социально-экономическую оценку человеческой жизни в данном обществе. Несмотря на то, что жизнь человека является личным немущественным правом и благом нематериальным, в рыночных условиях она, как и материальные объекты, может быть подвергнута денежной оценке (в качестве примера можно привести такое распространенное в современной России преступление как заказное убийство). Поэтому сейчас российское общество как никогда волнует вопрос о справедливой «цене» человеческой жизни, о чем свидетельствуют и многочисленные публикации в средствах массовой информации. Каким же образом решается данный вопрос в гражданском законодательстве?

Лишение человека жизни, умышленное или по неосторожности, влечет для лица,

совершившего такое деяние, не только уголовно-правовые последствия, но и возникновение гражданско-правовой обязанности по возмещению вреда. Причем определение размера возмещения представляет наибольшую сложность в правоприменительной практике: из чего должен складываться размер возмещения потерпевшим при причинении вреда жизни.

В случае смерти человека его близкие родственники несут, как правило, имущественные и немущественные потери. Имущественный вред включает в себя расходы на погребение (ст. 1094 ГК РФ) и ущерб в виде доли от доходов умершего (кормильца), которую указанные в законе лица (члены семьи и иждивенцы) получали или могли бы получать при его жизни (ст. 1089 ГК РФ). Указанные нормы ГК РФ, определяющие размер возмещения имущественного вреда в случае смерти, основаны на господствовавшем в советской доктрине принципе полного возмещения только «положительного ущерба»³ и отрицавшего возмещение морального вреда.

В отличие от советского права, российское законодательство, помимо имущественных потерь, предусматривает и возмещение немущественного или морального вреда, под которым понимаются нравственные и физические страдания. Несмотря на нематериальную природу морального вреда, его компенсация также осуществляется в денежной форме (ч. 1 ст. 1101 ГК РФ).

В каких суммах будет выражаться размер возмещения, присуждаемый потерпевшим за причинение вреда жизни, при рассмотрении уголовных и гражданских дел?

Так, по одному из уголовных дел несовершеннолетний был признан виновным в убийстве двух лиц, которое он совершил с особой жестокостью. Суд постановил взыскать с виновника, а в случае отсутствия у него доходов или иного имущества, достаточных для возмещения вреда, с его матери, в пользу потерпевших компенсацию морального вреда в сумме 500 тыс. руб. Однако кассационная инстанция снизила

¹ Гражданское и торговое право зарубежных государств: Учеб.: В 2 т. / Отв. ред. Е. А. Васильев, А. С. Комаров. М., 2006. Т. 2. С. 326.

² Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда в России и за рубежом. М., 1997. С. 133–140.

³ См., напр.: Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2001. С. 349; Иоффе О. С. Избранные труды: В 4 т. СПб., 2004. Т. 3: Обязательственное право. С. 795–799.

сумму компенсации до 200 тыс. руб.¹ В другом деле в пользу потерпевшего с каждого из двух осужденных за убийство было присуждено по 200 тыс. руб. в счет компенсации морального вреда, и солидарно 16 803 руб. 76 коп., составляющих расходы на погребение и поминальный обед².

В других решениях по уголовным делам были следующие размеры компенсации: с двух осужденных, признанных виновными в убийстве группой лиц в равных долях взыскано 10 168 руб. в возмещение причиненного преступлением материального ущерба и 150 тыс. руб. в возмещение морального вреда, всего 160 168 руб.³; с двух других осужденных в убийстве взыскано солидарно 19 614 руб. в возмещение ущерба, и с них же в качестве компенсации морального вреда по 125 тыс. руб. с каждого из осужденных в пользу каждого из потерпевших⁴; с четырех лиц в пользу одной потерпевшей взыскано солидарно 12 388 руб. в возмещение материального ущерба и 300 тыс. руб. в качестве компенсации морального вреда⁵. Таким образом, в делах об убийствах суды удовлетворяют иски потерпевших о компенсации морального вреда в сумме от 125 до 300 тыс. руб. Однако такие суммы присуждаются только в последние три года. В период же с 2000 по 2003 г. размер компенсации морального вреда по делам об убийствах не превышал пределов от 20 до 50–100 тыс. руб.

В других же случаях, не связанных с умышленным лишением человека жизни, а обусловленных, как правило, стечением обстоятельств и неосторожными действиями причинителя вреда (авиакатастрофы, дорожно-транспортные происшествия, действия

медицинских работников и иные действия, лежащие в рамках гражданско-правовых отношений), размер возмещения имущественного вреда ничем не отличается от вышеуказанных случаев, а вот размер компенсации морального вреда имеет значительный разброс в присуждаемых суммах. Особенно велики суммы, которые требуют потерпевшие.

В качестве примеров можно привести следующие случаи. В результате дорожно-транспортного происшествия погибли родители истца, у которых он находился на иждивении. Решением суда было взыскано солидарно в пользу истца: 51 134 руб. 60 коп. в счет возмещения материального ущерба; 400 тыс. руб. в счет компенсации морального вреда (просил взыскать 600 тыс. руб.); в счет возмещения вреда, причиненного смертью кормильцев, одновременно 247 577 руб. 27 коп. и ежемесячно по 8 323 руб. 94 коп. до окончания учебы по очной форме обучения, но не более чем до достижения 23 лет⁶. Таким образом, общая сумма составила более 700 тыс. руб. (значительно больше, чем присуждается за убийство).

Вдова и двое детей жителя г. Норильска – пассажира самолета Ту-154, который потерпел крушение в результате террористического акта 24 августа 2004 г., – по решению Обского городского суда должны получить по 250 тыс. руб. в счет возмещения морального вреда. Причем адвокат семьи утверждал: «250 тысяч за жизнь человека – это ничтожно мало»⁷.

В другом случае Л. Зозулина за гибель своей сестры в результате авиакатастрофы аэробуса А-310, который сгорел в г. Иркутске, требовала в счет компенсации морального вреда сначала 3 млн руб., затем уменьшила сумму до 1 млн руб., а в итоге суд удовлетворил иск в размере 200 тыс. руб.⁸

В делах, связанных с медицинской практикой, в августе 2006 г. были вынесены два уникальных для России решения: в одном случае, когда мать и ребенок умерли от инфекции на следующий день после родов,

¹ См.: Кассационное определение Верховного Суда РФ от 22 мая 2007 г. № 46-о07-31.

² См.: Кассационное определение Верховного Суда РФ от 8 дек. 2005 г. № 7-о05-26СП. Документ опубликован не был.

³ См.: Кассационное определение Верховного Суда РФ от 29 нояб. 2006 г. № 50-о06-16. Документ опубликован не был.

⁴ См.: Кассационное определение Верховного Суда РФ от 31 июля 2006 г. № 47-о06-31. Документ опубликован не был.

⁵ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 8 авг. 2007 г. № 308-П07. Документ опубликован не был.

⁶ См.: Определение Верховного Суда РФ от 23 июня 2006 г. № 69-В06-1. Документ опубликован не был.

⁷ Сибирь заплатит // Рос. газ. 2007. 23 окт.

⁸ См.: Двести тысяч за смерть сестры // Рос. газ. 2007. 2 марта.

суд обязал роддом компенсировать моральный вред на сумму 1 млн 600 тыс. руб. В другом случае, когда умер новорожденный ребенок, сумма морального вреда составила 750 тыс. руб.¹ До этих случаев размеры компенсации за врачебные ошибки, приведшие к смерти больного, составляли от 100 до 200 тыс. руб.

Приведенные примеры убедительно свидетельствуют о том, что в отличие от имущественного определение размера компенсации морального вреда всегда является предметом ожесточенных споров сторон. Как свидетельствует корреспондент «Российской газеты», присутствовавший на одном из судебных заседаний по взысканию морального вреда (дело по иску Л. Зозулиной), спор сторон больше «походил на торг, предметом которого были глубоко интимные вещи». И если пенсионерка заявила иск на 3 млн руб., то авиакомпания предлагала сумму от 75 до 100 тыс. руб., оценивая таким образом «духовную близость» между двумя сестрами².

Таким образом, основная проблема справедливого размера возмещения вреда, причиненного жизни, лежит в определении размера компенсации морального вреда, состоящего в оценке нравственных страданий родственников потерпевшего. Трудности судебной инстанции в этом вопросе обусловлены тем, что российское законодательство не предлагает, хотя бы даже приблизительных, критериев определения такого вреда. Причем при установлении размера компенсации суд должен учитывать: характер причиненных физических и нравственных страданий с учетом фактических обстоятельств и индивидуальных особенностей потерпевшего, степень вины причинителя вреда, если она является основанием возмещения вреда, а также требования разумности и справедливости (ч. 2 ст. 1101 ГК РФ). Чтобы учесть все эти требования, судья должен обладать широким кругом знаний, в том числе по медицине и психологии или привлекать эксперта по этим вопросам. Но если при причинении вреда здоровью возможно найти объективные критерии оценки неимущественного вреда (например, физические и нравственные страдания можно оценивать через сте-

пень тяжести вреда здоровью, установленную в уголовном процессе), то нравственные страдания потерпевших, потерявших близкого человека, настолько тонкие материи, что очень трудно оценить их объективно, но еще труднее перевести их в денежный эквивалент.

В многочисленных исследованиях, посвященных проблемам компенсации морального вреда, предлагались различные методики определения ее размера³, в частности, зависимость от санкции нормы уголовного права, в виде математической формулы, учитывающей требования ч. 2 ст. 1101 ГК РФ и др. Однако до настоящего времени ни законодатель, ни судебная практика не восприняли предложения ученых. Таким образом, данный вопрос до сих пор не имеет однозначного решения ни в теории, ни в законодательстве, ни в судебной практике.

Как отмечалось выше, советская наука гражданского права и законодательство, как и дореволюционная цивилистика, отвергали саму идею денежной компенсации морального (нравственного) вреда⁴. Это объяснялось тем, что нравственный вред, причиненный личности, «не поддается оценке на деньги, так как между нравственным вредом и материальным вознаграждением нет общего мерила»⁵, а потому определить в данном случае размер возмещения вреда практически невозможно.

³ См., напр.: *Понарин В. Я.* Защита имущественных прав личности в уголовном процессе России. Воронеж, 1994; *Голубев К. И., Нарисанный С. В.* Компенсация морального вреда как способ защиты неимущественных благ личности. СПб., 2000; *Климович Е. С.* Методика определения размеров денежной компенсации морального вреда // Закон и право. 2001. № 7; *Будякова Т.* Индивидуальные особенности потерпевшего как критерий степени нравственных и физических страданий // Рос. юстиция. 2003. № 2; *Клочков А. В.* Компенсация морального вреда как мера гражданско-правовой ответственности: Дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004; *Эрделевский А. М.* Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. М., 2004.

⁴ Надо отметить, что еще в 1939 г. проф. М. М. Агарков в содокладе на первой научной сессии ВИЮН по проблемам обязательств из причинения вреда предлагал в определенных случаях ввести возмещение неимущественного вреда (см.: *Агарков М. М.* Избранные труды по гражданскому праву: В 2 т. М., 2002. Т. 2. С. 233).

⁵ *Шершеневич Г. Ф.* Курс гражданского права. Тула, 2001. С. 509.

¹ См.: Смерть по ошибке // Рос. газ. 2007. 31 янв.

² См.: Двести тысяч за смерть сестры.

«Он всегда был бы либо приблизительным, либо символическим»¹. Это мнение, высказанное профессором В. П. Грибановым, подтверждает современная российская судебная практика, которая за жизнь человека взыскивает возмещение в размере не больше стоимости российского автомобиля. Поэтому «исследователи гражданского права зарубежных стран отмечают, что уплата денег в виде «утешения» все больше рассматривается зарубежными авторами как «моральное унижение», а в судах наблюдается отход от практики возмещения морального вреда»². Таким образом, возможно настало время отказаться от компенсации морального вреда в отношениях, связанных с причинением вреда жизни гражданина. Одновременно целесообразно упразднить и взыскания периодических платежей в пользу иждивенцев погибшего гражданина, заменив их единой денежной суммой, носящей компенсационный и одновременно штрафной характер в размере, установленном в законе.

Для определения размера такой компенсации мы проанализировали нормы российского законодательства, устанавливающие размеры страхового возмещения в случае гибели человека, при различных видах страхования, а также законодательство зарубежных государств.

Анализ норм законов, предусматривающих обязательное страхование жизни и здоровья граждан от несчастных случаев, не отличается единообразием в определении размеров возмещаемых сумм.

Если смерть гражданина наступила в результате несчастного случая на производстве, то лицам, имеющим право на получение страховых выплат³, назначается и выплачивается как единовременная, так и ежемесячная страховая выплата⁴. Размер единовременной страховой выплаты равен

размеру максимальной суммы, установленной Федеральным законом «О бюджете Фонда социального страхования РФ на очередной финансовый год» (на 2007 г. эта сумма не может превышать 36,0 тыс. руб.⁵). Размер же ежемесячных страховых выплат исчисляется исходя из среднего месячного заработка умершего и средств, приходящихся на лиц, которые состояли у него на иждивении. Причем страховая выплата учитывает только имущественный вред, а моральный вред возмещается отдельно причинителем вреда в соответствии с нормами ГК РФ.

Более значительные размеры возмещения предусмотрены для военнослужащих, а также граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел РФ, Государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы. В случае их гибели (смерти), каждому выгодоприобретателю⁶ выплачиваются 25 окладов, включающих в себя месячные оклады по занимаемой должности и месячные оклады по воинскому (специальному) званию⁷. Кроме того, члены семьи погибшего военнослужащего имеют право на получение в равных долях единовременного пособия в размере 120 окладов денежного содержа-

⁵ См.: О бюджете Фонда социального страхования Российской Федерации на 2007 год: Федер. закон от 19 дек. 2006 г. № 234-ФЗ. Ст. 16 // СЗ РФ. 2006. № 52, ч. I. Ст. 5500.

⁶ К ним относятся супруг (супруга), родители (усыновители) застрахованного лица, дедушка и бабушка – при условии отсутствия родителей, если они воспитывали или содержали застрахованное лицо не менее трех лет, отчим и мачеха – при условии, если они воспитывали или содержали его не менее пяти лет, дети, не достигшие 18 лет или старше этого возраста, если они стали инвалидами до достижения 18 лет, а также обучающиеся в образовательных учреждениях до окончания обучения или до достижения ими 23 лет, подопечные застрахованного лица.

⁷ См.: Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы и сотрудников федеральных органов налоговой полиции: Федер. закон от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ. Ст. 5 // СЗ РФ. 1998. № 13. Ст. 1474.

¹ Грибанов В. П. Указ. соч. С. 330.

² Гражданское право: В 4 т. / В. В. Витрянский и др.; Отв. ред. Е. А. Суханов. Т. 4: Обязательственное право. С. 626.

³ Перечень таких лиц, а также порядок и срок таких выплат практически аналогичны нормам ГК РФ, предусмотренным для возмещения вреда лицам, понесшим ущерб в результате смерти кормильца (ст. 1088 ГК РФ).

⁴ См.: Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний: Федер. закон от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ. Ст. 8–12 // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3803.

ния (т. е. денежное содержание за 10 лет)¹. Для сотрудников милиции и уголовно-исполнительной системы такое единовременное пособие установлено также в размере десятилетнего денежного содержания².

Наибольшее страховое возмещение предусмотрено действующим законодательством для судей, прокуроров и следователей Следственного комитета при прокуратуре РФ. В случае гибели указанных должностных лиц их наследникам выплачивается страховая сумма в размере, равном 180-кратному размеру среднемесячного денежного содержания (т. е. денежное содержание за 15 лет)³. До конца не решенным в перечисленных положениях остается вопрос о том, кто является субъектами, имеющими право на компенсации. Так, для военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов это члены семьи и иждивенцы. В отношении судей, прокуроров и следователей такими субъектами являются наследники, круг которых значительно шире, чем члены семьи погибшего. На наш взгляд, определять перечень лиц, имеющих право на компенсацию в случае гибели гражданина, его наследниками вряд ли является справедливым, поскольку завещанием могут быть исключены любые наследники, в том числе и близкие родственники.

Иные выплаты установлены в отношениях, связанных с транспортной деятельностью. Так, если смерть гражданина наступила в результате дорожно-транспортного происшествия, то в силу обязательного страхования гражданской ответственности

владельцев транспортных средств страховая компания должна выплатить в части возмещения вреда жизни 160 тыс. руб. на одного потерпевшего и 240 тыс. руб., если их несколько (причем эта сумма делится между всеми потерпевшими)⁴. Однако этот размер включает только имущественный вред, а моральный не относится к страховому риску, поэтому его возмещение необходимо производить в общем порядке в соответствии с нормами ГК РФ.

При смерти гражданина от несчастного случая, если он являлся пассажиром воздушного, железнодорожного, морского, внутреннего водного и автомобильного транспорта, а также туристом и экскурсантом, совершающим междугородные экскурсии, его наследникам выплачивается страховая сумма по обязательному личному страхованию пассажиров (туристов, экскурсантов) в размере 120 установленных законом на дату приобретения проездного документа минимальных размеров оплаты труда (сейчас 12 тыс. руб.)⁵. Эта мизерная сумма установлена была достаточно давно и до сих пор никем не пересматривалась. Более существенная компенсация предусмотрена для пассажиров воздушного транспорта. По общему правилу ответственность авиаперевозчика за вред, причиненный при воздушной перевозке жизни пассажира, определяется нормами гл. 59 ГК РФ. Кроме того, перевозчик также обязан застраховать свою ответственность за вред, причиненный жизни пассажира, а страховая сумма должна составлять не менее 1000 минимальных размеров оплаты труда (100 тыс. руб.) на день продажи билета на каждого пассажира. Аналогичная сумма устанавливается и при страховании членов экипажа воздушного судна⁶.

¹ См.: О статусе военнослужащих: Федер. закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ. Ст. 18 // СЗ РФ. 1998. № 22. Ст. 2331.

² См.: О милиции: Закон РФ от 18 апр. 1991 г. № 1026-1. Ст. 29 // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 16. Ст. 503; О порядке возмещения ущерба в случае гибели (смерти) или причинения увечья сотруднику уголовно-исполнительной системы, а также ущерба, причиненного имуществу сотрудника уголовно-исполнительной системы или его близких: Приказ Минюста России от 28 окт. 2005 г. № 198. П. 6 // Ведомости УИС. 2006. № 9.

³ См.: О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: Федер. закон от 20 апр. 1995 г. № 45-ФЗ. Ст. 20 // СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1455; О прокуратуре Российской Федерации: Федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1. Ст. 45 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 8. Ст. 366.

⁴ См.: Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: Федер. закон от 25 апр. 2002 г. № 40-ФЗ. Ст. 7 // СЗ РФ. 2002. № 18. Ст. 1720.

⁵ См.: Об обязательном личном страховании пассажиров: Указ Президента РФ от 7 июля 1992 г. № 750 // Собрание актов Президента и Правительства РФ 1992. № 2. Ст. 35; Устав железнодорожного транспорта РФ: Федеральный закон от 10 янв. 2003 г. № 18-ФЗ. Ст. 113 // СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 170.

⁶ См.: Воздушный кодекс РФ: Федер. закон от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 12. Ст. 1383.

Настоящей революцией в области определения размера компенсации вреда, причиненного жизни, стало принятие Федерального закона «О внесении изменений в Воздушный кодекс РФ» от 4 декабря 2007 г. № 331-ФЗ¹. Принятые изменения принципиально меняют подход к определению размера компенсации в случае гибели пассажира на воздушном транспорте, отдавая приоритет нормам международного права, которые были установлены Конвенцией для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок (Варшава, 12 октября 1929 г.)², и ратифицированы СССР еще в 1934 г. Согласно внесенным изменениям авиаперевозчик обязан обеспечить выплату компенсации в счет возмещения вреда, причиненного жизни пассажира, гражданам, имеющим право на возмещение вреда в случае смерти кормильца в соответствии с гражданским законодательством, а при отсутствии таких граждан – родителям, супругу, детям умершего пассажира, в случае смерти пассажира воздушного судна, не имевшего самостоятельного дохода, – гражданам, у которых он находился на иждивении. И впервые размер такой компенсации для указанных лиц установлен в сумме 2 млн руб.³ Такая компенсация должна распределяться пропорционально между перечисленными гражданами. Кроме того, на указанную сумму перевозчик обязан застраховать риск своей гражданской ответственности перед пассажиром путем заключения договора обязательного страхования. Страховая сумма также составляет не менее 2 млн руб. Однако этим же законом введена и страховая выплата, включающая необходимые расходы на погребение, ее размер не должен превышать 25 тыс. руб. Это станет уже достаточно определенным ориентиром для судебной практики. Но эти изменения, за исключением изменений по страхованию ответственности перевозчика на указанные суммы, к сожалению, вступят в силу лишь с 1 января 2010 г.

¹ См.: Рос. газ. 2007. 8 дек.

² См.: Сборник законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1934. Отд. II. № 20. Ст. 176; Закон. 2000. № 6.

³ В ст. 22 Варшавской конвенции установлено, что при перевозке пассажиров ответственность перевозчика в отношении каждого пассажира ограничивается суммой двести пятьдесят тысяч франков (примерно 20 тыс. долл.).

Если проанализировать размеры компенсации, выплачиваемой родственникам погибших в зарубежных странах, то они, как правило, на несколько порядков выше российских и соответствуют уровню развития экономики европейского государства.

В ФРГ, например, владельцы источников повышенной опасности, в том числе и владельцы автомобилей, несут ответственность за вред, причиненный жизни, здоровью, возникший в ходе эксплуатации транспортного средства, в том числе и за вред, произошедший по непредвиденным обстоятельствам. За ущерб, причиненный жизни и здоровью пострадавшего, единовременное возмещение может составлять 600 тыс. евро, либо выплата может носить периодический характер, а ее размер составлять 36 тыс. евро в год. В случае гибели нескольких пострадавших максимальный размер единовременного возмещения может достигать до 3 млн евро. Периодические платежи могут быть установлены в размере 45 тыс. евро в год⁴. В США «стоимость жизни условного американца» в случае гибели в результате авиакатастрофы оценивается в 3 млн долл.⁵ Таким образом, в развитых зарубежных странах выгодно соблюдать правила дорожного движения и осуществлять авиаперевозки на современных технически исправных самолетах, чем возмещать вред, причиненный жизни человека.

На наш взгляд, по такому пути должна пойти и российская правовая система в части, касающейся установления размера возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью гражданина. По своей природе такой размер компенсации относится к мерам ответственности (штрафу) и является способом защиты неимущественного права⁶. Поэтому при дальнейшем совершенствовании законодательства необходимо отказаться от определения размера возмещения через подсчет доли заработка умершего, приходящегося на указанных в законе лиц, и непонятно как определяемой компенсации морального вреда. Вместо этого

⁴ См.: Гражданское и торговое право зарубежных государств. Т. 2. С. 339–340.

⁵ См.: Трунов И. Возмещение вреда жертвам авиакатастроф // Законность. 2006. № 12. С. 19.

⁶ См.: Бакунин С. Н. Защита жизни и здоровья граждан (гражданско-правовой аспект): Моногр. Рязань, 2005. С. 57.

необходимо установить конкретный размер денежной суммы, подлежащий взысканию с правонарушителя при причинении вреда жизни. Причем мы согласны с С. Н. Бакуниным в том, что эта сумма не должна быть твердой¹, следует определять лишь минимальный размер возмещения, который могут требовать потерпевшие. Размер такого минимального возмещения, на наш взгляд, должен составлять размер средней заработной платы, рассчитанный для конкретного субъекта РФ за десять лет, на момент вынесения решения судом. Причем при умышленном лишении человека жизни этот размер должен быть увеличен как минимум вдвое. Так, например, если средняя заработная плата в регионе составляет 10 тыс. руб., то размер возмещения при неосторожном причинении вреда жизни составит 1 млн 200 тыс. руб. Учитывая немецкий опыт, взыскание этой суммы может производиться либо единовременно, либо в виде периодических ежегодных платежей.

Такой размер компенсации при причинении вреда жизни практически соответствует и современному социально-экономическому положению в стране, и ожиданиям наших граждан относительно оценки жизни человека в России. В частности, по оценкам экспертов Центра стратегических исследований Росгосстраха россияне оценивают свою жизнь в 3 млн руб. Это исследование было проведено с тем, чтобы выявить размер справедливой, по мнению большинства граждан, компенсации родственникам погибших в катастрофах².

Преимущество предложенной минимальной суммы, взыскиваемой при причинении вреда жизни, состоит в ее универсальном характере, что проявляется в следующем.

Во-первых, при взыскании такой достаточно большой суммы реализуются функции гражданско-правовой ответственности. Как мера ответственности она не только компенсирует потерпевшим причиненный имущественный и нравственный вред, но и несет штрафную функцию, являясь средством устрашения для потенциальных последователей причинителя вреда. В этом слу-

чае будут достигнуты и цели деликтной ответственности.

Во-вторых, предложенный размер не зависит от заработка погибшего (даже в случае смерти ребенка его родителям будет выплачена указанная сумма) и будет расти вместе с ростом заработной платы.

В-третьих, указанный размер возмещения должен быть установлен в законе, в отличие от имущественного вреда, который рассчитывается по рыночной стоимости. Как справедливо заметил Д. И. Мейер, при «законной мере вознаграждения нет необходимости доказывать, что лицо действительно потерпело такой ущерб, а достаточно доказать только факт нарушения»³. При этом условии деятельность судов значительно упростится, и они будут освобождены от попыток определения нравственных страданий потерпевшего.

В-четвертых, установление такой суммы является частью общей стратегии развития российского законодательства, которое постепенно приводится в соответствие с международными нормами, о чем свидетельствует и указанный выше закон о внесении изменений в Воздушный кодекс РФ.

В-пятых, применять минимальный размер возмещения суд должен только по требованию потерпевшего, если он его заявляет в установленном размере или выше. Здесь мы согласны с С. Н. Бакуниным в том, что если потерпевший заявит меньший размер, то суд должен удовлетворить требование в соответствии с иском⁴. Аналогичным образом должен поступить суд и в случае, если истец и ответчик достигнут мирового соглашения о меньшем размере возмещения.

И последнее, о чем необходимо сказать. В 2006 г. в результате дорожно-транспортного происшествия, которое произошло по вине мэра г. Пятигорска, погибли пять человек. Ему удалось избежать уголовного наказания, так как он примирился с потерпевшими, выплатив каждой семье погибшего по 1 млн руб.⁵ Почему семьи пошли на такое примирение? Ответ один – только

¹ См.: Бакунин С. Н. Указ. соч.

² См.: Ставка жизни – три миллиона // Рос. газ. 2007. 8 мая.

³ Мейер Д. И. Русское гражданское право. М., 2000. С. 248.

⁴ См.: Бакунин С. Н. Указ соч. С. 58.

⁵ См.: После наезда – амнистия. Бывший мэр Пятигорска, задавивший пятерых человек, избежал наказания // Рос. газ. 2006. 19 дек.

потому, что при действующем ныне законодательстве в судебном порядке они получили бы в 3–4 раза меньше. Поэтому, устанавливая минимальный размер возмещения при причинении вреда жизни, выплата этой суммы не должна рассматриваться как примирение и освобождать лицо, причинившее вред, от уголовной ответственности, если в его действиях содержатся признаки состава преступления, а должно рассматриваться как обстоятельство, смягчающее ответственность.

Д. О. Бибик,

соискатель кафедры государственно-правовых дисциплин

Владимирского государственного гуманитарного университета

АТИПИЧНЫЕ НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ В СИСТЕМЕ ПРАВОВЫХ АКТОВ

В словарях русского языка атипичный определяется как не характерный для какого-либо явления, нетипичный¹. Большое количество нормативных правовых актов не вписываются в стройную систему правовых актов, предложенную и поддержанную многими выдающимися учеными-юристами² и состоящую из нормативных правовых, правоприменительных, правореализующих и интерпретационных актов. В связи с этим необходимо определить нормативные правовые акты, которые имеют не характерные для таких актов признаки.

Нормативный правовой акт является одним из основных источников права современной России. В нем закрепляются нормы, которые учитывают интересы общества в целом, координируют их в зависимо-

Библиографический список

1. *Грибанов, В. П.* Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанов. – М., 2001.

2. *Иоффе, О. С.* Обязательственное право // Избранные труды. В 4 т. Т. 3 / О. С. Иоффе. – СПб., 2004.

3. *Эрделевский, А. М.* Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики / А. М. Эрделевский. – 3-е изд., испр. и доп. – М., 2004.

сти от конкретных экономических, социальных, национальных и международных отношений в данный исторический период.

В юридической литературе существует множество определений нормативного правового акта.

С. С. Алексеев называет нормативный юридический акт «официальным актом-документом правотворчества компетентного органа, содержащим юридические нормы (предписания)»³. В. С. Нерсисянц к нормативным правовым актам относит «письменный правоустановительный акт государства, содержащий новые нормы действующего права»⁴. В. Н. Карташов определяет нормативный правовой акт как «официальный акт-документ компетентного органа, устанавливающий (изменяющий, отменяющий и т. п.) нормы права и иные нормативно-правовые предписания»⁵. В разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ по вопросам применения законодательства под нормативным правовым актом понимается «изданный в установленном порядке акт уполномоченного на то органа государственной власти, органа местного самоуправления или должностного лица, устанавливающий правовые нормы (правила поведения), обязательные для неопределенного круга лиц, рассчитанные на неоднократное применение и действующие независимо от того, возникли или прекрати-

¹ См., напр.: *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000. С. 63.

² См.: *Алексеев С. С.* Общая теория права. В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 192; *Тихомиров Ю. А., Котелевская И. В.* Правовые акты: Учеб.-практ. и справ. пособие. М., 1990. С. 17; *Правотворчество в СССР* / Под ред. А. В. Мицкевича. М., 1974; *Сырых В. М.* Теория государства и права. М., 1988. С. 173, 265; *Шопина О. В.* Система правовых актов в современной России: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 38 и др.

³ *Алексеев С. С.* Проблемы теории права. М., 1995. С. 201.

⁴ *Нерсисянц В. С.* Общая теория права и государства. М., 2001. С. 402.

⁵ *Карташов В. Н.* Теория государства и права. Начальный курс. Кострома, 2002. С. 63.

лись конкретные правоотношения, предусмотренные актом»¹.

Вышеприведенные определения позволяют отметить основные особенности нормативного правового акта.

1. Нормативные правовые акты представляют собой особую разновидность правовых актов, занимая свое специфическое место среди актов применения, толкования и реализации права.

2. Нормативные правовые акты носят государственный, властный характер. Государство наделяет определенный круг лиц (органы, организации, должностные лица) правотворческой компетенцией, т. е. правом готовить и принимать нормативные правовые акты. Государственная воля воплощается в нормативных правовых актах при помощи специальных средств их оформления.

3. Это акт нормативного характера, т. е. он выражает государственную волю, направленную на установление, изменение или отмену юридических норм. В этом признаке выражается одна из главных функций нормативных правовых актов, так как нормативный акт является средством развития, изменения правовой системы и прежде всего способом введения в нее новых юридических предписаний².

4. Нормативный юридический документ принимается не всеми, а строго определенными субъектами, специально уполномоченными на то государством. При этом каждый субъект правотворческой деятельности связан рамками своей компетенции.

5. Нормативные правовые акты принимаются с соблюдением определенной процедуры, а также требований к содержанию и форме и представляют собой официальный акт-документ.

6. Нормативные правовые акты могут иметь временные, пространственные и субъективные пределы действия.

7. Нормативные правовые акты являются общими, поскольку адресуются неопределенному кругу субъектов, регламенти-

руют наиболее типичные ситуации и действуют непрерывно.

8. Важным свойством нормативного правового акта является его юридическая сила, которая предполагает определенную сопоставимость и иерархию нормативных юридических актов. Высшей юридической силой обладает закон. Все другие нормативные акты (подзаконные) не должны противоречить законам.

Данными признаками нормативный правовой акт отличается как от актов применения (приложение нормы к конкретному случаю), толкования (разъяснение действующей нормы) права, так и от правореализующих актов (соблюдение и исполнение нормы права).

Однако не все нормативные правовые акты соответствуют данным признакам. Например, в настоящее время принимаются такие нормативные правовые акты, в которых наряду с нормативными предписаниями содержатся также интерпретационные, и/или правореализующие, и/или правоприменительные элементы. Одним из первых данную проблему обозначил выдающийся ученый С. А. Голунский, отмечавший, что «нормы права отнюдь не исчерпываются абстрактными предписаниями, запретами и дозволениями, но включают в себя и многое другое, в частности, постановку определенных задач и указание путей их разрешения»³. В. Н. Карташов относит такие документы к «смешанным юридическим актам», считая их «квазинормативными»⁴. Т. В. Кивленок называет такие правовые акты «нетрадиционными»⁵ и разделяет точку зрения В. Н. Карташова в том, что они являются смешанными по своей сути. Выделяя признаки данных нормативных правовых актов, Т. В. Кивленок отмечает, что они:

– «выражены в документальном виде, имеют специфические структуры, содержание и формы;

¹ О некоторых вопросах, возникших в связи с принятием и введением в действие гражданского процессуального кодекса РФ: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 янв. 2003 г. № 2 // Рос. газ. 2003. 25 янв.

² См.: Алексеев С. С. Указ. соч. С. 25.

³ Голунский С. А. К вопросу о понятии правовой нормы в социалистическом праве // Сов. государство и право. 1961. № 4. С. 26.

⁴ См.: Карташов В. Н. Указ. соч. С. 67.

⁵ См.: Кивленок Т. В. К вопросу о «нетрадиционных» нормативных правовых актах // Правовая политика и правовая жизнь. 2006. № 3(24). С. 153.

- содержат в себе определенные юридические предписания. Причем в силу их специфики можно встретить переплетение различных видовых предписаний в одном правовом акте;
- закрепляют результаты различных видов юридической практики (правотворческой, правоприменительной, интерпретационной, правореализующей и т. д.);
- принимаются строго установленными субъектами права и лишь по вопросам, входящим в их компетенцию;
- обладают волевым характером (воля всегда направлена на достижение определенных целей и юридических результатов);
- являются важнейшим средством смешанного регулирования, правового воспитания и правовой пропаганды, так как они более полно и точно по сравнению с обычными выражают волю субъектов права;
- отражают различные элементы правовой системы общества и взаимодействуют с ними»¹.

Таким образом, нетрадиционные, или смешанные, нормативные правовые акты являются нетипичными, но правильными. Следовательно, с точки зрения юридиче-

ского (а не медицинского) лексикона, понятия «атипичный» и «атипический» не являются синонимами. И в нашем случае нетрадиционные нормативные правовые акты являются атипичными.

В рамках настоящей статьи рассмотрен лишь один из возможных видов атипичных нормативных правовых актов – смешанные нормативные правовые акты с интерпретационными и/или правореализующими, и/или правоприменительными элементами. Однако к атипичным также можно отнести комплексные нормативные правовые акты и другие, обладающие нехарактерными признаками нормативных правовых актов.

Библиографический список

1. *Алексеев, С. С.* Проблемы теории права // С. С. Алексеев. – М., 1995.
2. *Кивленок, Т. В.* К вопросу о «нетрадиционных» нормативных правовых актах / Т. В. Кивленок // Правовая политика и правовая жизнь. – 2006. – № 3(24).
3. *Кивленок, Т. В.* Смешанные правовые акты : монография / Т. В. Кивленок. – Владимир, 2007.

В. В. Богатырёв,

*заместитель начальника кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент
С. М. Эльмурзаев,
курсант ВЮИ ФСИН России*

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ У ЧЕЧЕНСКОГО НАРОДА

Современный мир находится в поиске новой парадигмы своего развития под воздействием процессов, проходящих в его недрах. Право как составная часть человеческой деятельности напрямую подвержено данному явлению. Особенно актуален этот процесс для народов Северного Кавказа, в частности, чеченского народа. Важность этого вопроса для указанного региона обусловлена длительным периодом со-

циальной нестабильности, которая может устояться под воздействием грамотно продуманной и научно обоснованной правовой политики. Для этого необходимо исследовать особенности традиционного нормативного регулирования у чеченского народа и норм права, возникших в данном районе Кавказа под воздействием внешних факторов, обусловленных принятием данным народом мусульманства, а также фактором вхождения Чечни в состав России. Необходимо соотнести нормы чеченских адатов, мусульманского права и государственного регулирования России, особенности их взаимодействия и иерархии.

В настоящее время центральное место в нормативном регулировании у чеченского народа занимают обычные нормы вайнахов – адаты (от араб. «адат» – обычай). Адат представляет собой совокупность обычаев и народной юридической практики в самых разнообразных сферах имущественных, семейных и других отношений.

Обычное право (адат) как идея и система принципов и норм складывалась в течение

¹ *Кивленок Т. В.* Смешанные правовые акты: Моногр. Владимир, 2007. С. 65–67.

длительного исторического периода. Большая часть адатов происходит от обычая как формы передачи социальных норм от одного поколения к другому¹.

В современной российской юридической науке активно исследуются понятие «обычное право», его структура, содержание, история становления². В целом под обычным правом понимаются правила поведения консенсуального или конвенционального характера, сложившиеся на групповой основе среди лиц, объединенных по разным основаниям практической деятельностью, например, на основе совместного воспитания и т. п. Выполнение данных правил осуществляется добровольно и в сложившейся группе, общине тщательно соблюдается. Санкцией за их несоблюдение является отторжение и исключение из членов группы, которое влечет потерю безопасности и преимуществ, гарантированных группой каждому своему члену. Создание таких правил имеет целью обеспечить согласованные действия, основанные на доверительных отношениях и осознании общности интересов, происхождения, связей и т. д. Для этого используются, реконструируются или заново создаются ценностные ориентации, позволяющие устанавливать взаимосвязь, предпочтения, последовательность действий³.

Адат является нормативной ценностью, обеспечивающей социальный порядок и справедливость. Адат не рассматривается как нечто высшее, навязанное человеку, он как нечто ему имманентное. Поэтому подчинение адату, исполнение его норм понимается как нравственный долг.

Одно из главных отличий обычного права от более разработанных правовых систем иных обществ заключается в том, что в осно-

ве горского адата лежит нераздельность гражданского и уголовного институтов обычного права. С одной стороны, адатский суд применяет одни и те же нормы наказания при рассмотрении как гражданских, так и уголовных преступлений; с другой – процедура рассмотрения таких дел в судах практически не отличается. Особо следует подчеркнуть то, что гражданские и уголовные преступления рассматриваются в адатах прежде всего как причинение ущерба, который требуется обязательно возместить. При этом, по мнению Н. Рулана, задача традиционного адатского правосудия – «не прибегать к заранее установленным нормам, а добиваться восстановления общественного равновесия, нарушенного каким-либо потрясением, а спорные вопросы решать примирением сторон»⁴.

Как правило, адаты большинства народов Северного Кавказа не имели письменных записей применявшихся норм, что было связано, с одной стороны, с неразработанностью письменности на местных языках или слабой популярностью иных, в частности, арабского или староосманского; с другой – с отсутствием государственности на Северном Кавказе. Однако имеются и исключения. Так, записи адатов народов Дагестана были сделаны в XVIII в. на арабском языке (адаты даргинских обществ и южно-дагестанских обществ), а в Чечне сборник адатов был создан во второй половине XIX в. Благодаря указанным письменным источникам можно судить о содержании и особенностях данной нормативной системы.

В настоящее время адаты занимают центральное место в нормативном регулировании чеченского социума. Это связано с тем, что в современном чеченском обществе в основном господствуют родоплеменные отношения, поскольку отсутствуют собственная аристократия и государственность. Причины этого явления описаны Э. Сулеймановым в статье «Общество и менталитет чеченцев», этому же посвящены труды известного этнолога Я. Чеснова. По мнению ученых, причины данного явления заключаются в том, что у чеченского народа развился своеобразный вариант общественной структуры с несколько комплиментарным самоназванием – «горская демократия». Вместе с тем существует и родовой (тейпо-

¹ См.: Мальцев Г. В. Очерк теории обычая и обычного права / Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов н/Д, 1999. С. 13.

² См.: там же; Семенов Ю. И. Формы общественной воли в доклассовом обществе: табуитет, мораль и обычное право // Этнограф, обозрение. 1997. № 4. С. 11–12; Волгина Л. П. Обычное право народов Северного Кавказа в системе российского права в XIX–XX вв.: Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004; Мисроков З. Х. Адатское и мусульманское право народов Северного Кавказа в российских правовых системах (XIX–XX вв.): Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003 и др.

³ См.: Селюков Ф. Т. Обычное право: основные понятия, структуры, функции, методы изучения. М., 1991. С. 36.

⁴ Рулан Н. Юридическая этнология. М., 2000. С. 20.

вый) строй, и всякую попытку формирования регулярной государственности они расценивают как чужеземное нововведение, которому нужно или сопротивляться или мимикрировать для собственной (тейповой) выгоды.

Существует несколько подходов к определению причин сложившейся ситуации. По мнению некоторых ученых (В. Крыж), молодой чеченский этнос еще не дошел в своем историческом развитии до стадии государственности; другие (Э. Сулейманов) считают, что в связи с чудовищным по жестокости нашествием Тамерлана произошли постепенное переселение предков чеченцев с равнин в горы и их переход от земледелия к скотоводству, поэтому у них исчезли ленные отношения, а следовательно, потребность в иерархии и аристократии. В Чечне были организованы родовые общины-тейпы с выборными старейшинами. Из государственных зачатков у жителей Чечни остались только тейповые суды-кхел, которые спорадически функционируют на основе обычного права – адата.

Исследователь адатов народов Северного Кавказа Ф. И. Леонтович указывал в адате еще на одну особенность: «в праве мусульманских народов адат противопоставляется не только шариату, ...но и общему государственному праву как закон местный, имеющий обязательное действие лишь в данной местности, по внутренним делам данной общины или народа. Таково именно значение у восточных мусульман адата»¹.

Второй и универсальной нормативной системой у чеченского народа является шариат. Ислам появился на Кавказе в VIII в., укрепился в его сообществах в конце XVII в. и стал не только связующим звеном между его народами, но и принес новую систему нормативного регулирования. С появлением шариата возник целый комплекс институтов, охвативших большой пласт социально-духовной жизни кавказских народов и оказавших сильное влияние на их культурные, национальные и юридические традиции.

Шариат (мусульманское право) – свод мусульманских правовых и теологических нормативов, закрепленных прежде всего в

Коране и сунне, содержащих нормы государственного, наследственного, уголовного и брачно-семейного права. Таким образом, шариат представляет собой правовые предписания, неотъемлемые от теологии ислама, тесно связанные с его религиозно-мистическими представлениями. Ислам рассматривает правовые установления как частицу единого божественного закона и порядка. Отсюда и придание божественного значения велениям и запретам, составляющим нормы шариата.

Основная задача шариата заключается в оценке различных жизненных обстоятельств с точки зрения религии. Поэтому нормы шариата применяются только к мусульманам и регулируют отношения только между ними. Кодекс шариата подразделяется на три основные части: ибадат (обязанности, относящиеся к религиозному культу), муамалат (чисто юридические нормы) и укубат (система наказаний)².

Тесная связь права с теологией ислама нашла свое выражение в установлении в шариате пяти видов действий мусульманина, которым придавался в равной мере правовой и морально-религиозный смысл:

- обязательные;
- рекомендуемые;
- дозволенные;
- предосудительные, но не влекущие за собой применения наказания;
- запрещенные и подлежащие наказанию³.

Предписания шариата многочисленны и строги. Они определяют все нормы взаимоотношений человека в семье и обществе, регулируют гражданские правоотношения, порядок разрешения имущественных споров. За нарушение норм шариата предусмотрена очень жесткая система наказаний.

Особенностью шариата, отличающего его от канонического права в странах Европы, является то, что он регулирует не строго очерченные сферы общественной и церковной жизни, а выступает в качестве всеохватывающей и всеобъемлющей нормативной системы. Шариат утвердился в Средней Азии и части Закавказья, Север-

² См.: Галазны П. Н. История государства и права зарубежных стран. М., 1980. С. 48.

³ См.: Васильев Л. С. История религий востока. М., 1983. С. 96.

¹ Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Одесса, 1882. С. 94.

ной, частично Восточной и Западной Африке, а также ряде стран Юго-Восточной Азии. Однако столь бурное и широкое распространение ислама и шариата повлекло за собой и все большее проявление в нем местных особенностей и различий при толковании отдельных правовых институтов. Так, с утверждением двух главных направлений в исламе соответствующим образом произошел раскол и в шариате, где наряду с нормами ортодоксального направления – суннизма возникли нормы и другого направления – шиизма¹.

В чеченский социум ислам пришел довольно поздно. Первым в XV в. был исламизирован восточный район, прилегающий к Дагестану². Дальнейшее распространение ислама происходило поэтапно. Так, в XVI в. были исламизированы плоскостные селения восточной части края. Во второй половине XVII в. ислам проник в горные районы Чечни. По утверждению Я. З. Ахмадова, в высокогорных районах западной части Чечни ислам был принят только во второй половине XVIII в. с началом переселения на равнину³. Из-за незначительного времени существования на территории Чечни широкого распространения нормы ислама в социальной системе вайнахов не получили.

При этом Коран на территории Чечни был подвергнут своеобразной интерпретации. Особенность данной мутации ислама в Чечне заключается прежде всего в своеобразном менталитете горского народа, сложившемся в результате не простой истории становления чеченской нации. Формирование чеченского этноса проходило в постоянной борьбе за свое существование с ордами Тамерлана и воинственными отрядами других кавказских этносов. Постоянное ожидание набегов, необходимость всегда быть в полной боевой готовности не только милитаризовали сознание, но и воспитывали отвагу, презрение к смерти.

В битвах даже одна сабля играла большую роль, поэтому каждый мальчик воспитывался жестко и сурово, как будущий во-

ин. По словам ученого-этнолога Г. Заурбековой, в настоящее время чеченская этика также запрещает баловать детей, потакать их капризам. Дети традиционно воспитываются на старинных песнях, восхваляющих воинскую доблесть, отвагу, доброго коня, хорошее оружие. Дух горской свободы и демократии превратил в культ чувство личного достоинства, что легло в основу существующего чеченского менталитета. Слова, которыми чеченцы исстари провожают друг друга, отражают дух личной независимости – «Приходи свободным!»

Поэтому ислам, пришедший на Кавказ в форме суфизма, не мог привлечь горское население, обладающее особыми традициями духовной жизни, к малопрактичным, с его точки зрения, образцам мудрости. Ислам с его жесткими моральными нормами даже в примитивном его истолковании не мог послужить органичной заменой адатного (обычного) права. Попытки имама Шамиля во время Кавказской войны ликвидировать адаты и сформировать единую для горцев систему нравственных установлений встретили сопротивление со стороны чеченских сообществ. Поэтому традиционной для Кавказа стала превращенная форма ислама, в которой адаты признаны имеющими право на существование. Древние верования чеченцев настолько смешались с мусульманскими, что их трудно отличить друг от друга.

Ислам сыграл на Северном Кавказе двойственную роль. С одной стороны, обеспечил некоторые признаки этнической консолидации вечно враждовавших горских сообществ; с другой – направил традиционную для горцев агрессивность вовне. Ярким примером являются решения шариатских судов в период существования так называемой Республики Ичкерия против немусульманского населения. Именно поэтому принято считать, что для Северо-Восточного Кавказа характерна своеобразная разновидность суфизма – «воинствующий тарикатизм»⁴. Общинный тип традиции обеспечил формирование тарикатов (духовных орденов), которые в упрощенной форме становились источником идеологии мюридизма – особого духовного со-

¹ См.: Жидков О. П. История государства и права зарубежных стран. В 2 ч. Ч. 1. М., 1996.

² См.: Ахмадов Я. З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М., 2001. С. 284.

³ См.: там же. С. 285.

⁴ См.: Савельев А. «Параллельный ислам» – идеология бандитизма // <http://www.rusk.php?idar=5373>.

стояния, в котором мюршид (учитель) безраздельно владел жизнью мюрида (ученика). Одной из причин формирования именно такой формы ислама были условия, созданные в Чечено-Ингушетии советской властью. В республике не было официально действующих мечетей, практически отсутствовало духовенство. Государство осуществляло целенаправленную борьбу против религии, в частности, против ислама, что привело к разделению последнего на два пласта. Один представлен официальным исламом, функционирующим через мусульманское духовенство и связанным с властью через формы институционализации: духовные управления мусульман различных регионов страны. Другой – неофициальный ислам, который был рассредоточен в различных разрозненных религиозных группах, существовавших нелегально. К ним относились достаточно многочисленные суфийские братства (или мюридские группы). Именно второй пласт стал играть главную роль в распространении ислама в Чечне, при котором шариат поглощался горскими общинными традициями и довольно своеобразно им толковался. Восприятие ислама в Чечне имеет свою особенность: он принимается не в качестве глубокой духовной и правовой традиции, а в качестве идеологического оформления политических притязаний ряда элитных группировок на власть.

Кроме того, в исторических событиях конца XX в. отчетливо и быстро проявилась структура конфликта, которую мы наблюдали на протяжении столетий, структура, воплощенная в радикальной позиции ислама в двух направлениях: борьбе с традиционными типами мышления и верованиями и государственно-политической системой, которую лидеры радикального исламского движения традиционно трактуют как враждебную.

Третьей правовой системой, действующей на территории Чечни с XVIII в., является государственное право Российской империи, затем Союза Советских Социалистических Республик, а в настоящее время Российской Федерации.

Необходимо отметить, что государственное право не достаточно укрепилось в социальной системе вайнахов. Данное ут-

верждение можно аргументировать сферой его применения, ограниченной только сферой публичных отношений при взаимодействии с федеральными органами государства. Внутри чеченского общества регуляция в основном осуществлялась с помощью обычного права. При этом следует помнить, что данная сфера нормативного регулирования воспринималась как орудие порабощения враждебных сил и автоматически отторгалась и отторгается и сейчас.

В рамках данной статьи следует сделать акцент на взаимодействии нормативной системы вайнахов с правом современной России. В целом отношение данных правовых систем характеризуется повышенным уровнем конфликтности. Главная причина конфликта права вайнахов и современных правовых норм государственно-правовой системы Российской Федерации заключается в закрепленных в них ценностях. Основой современного права России являются либеральные ценности, характерные для западной цивилизации, в которой значительный акцент делается на защите прав человека и его приоритета над обществом. Совершенно очевидно, что данные концепции столкнулись с отчетливо иерархичной моделью традиционного правового регулирования в северокавказском регионе. Идеи прав отдельной личности и, напротив, обязанностей общества, не выполняемых перед этой личностью, оказывают разлагающее воздействие на чеченскую общину, вызывая негативную реакцию. Традиционная, веками складывающаяся, согласуемая, образованная многими усилиями, феноменологическая платформа этико-религиозного сознания чеченцев нарушалась вторжением чужеродных идей, что подрывает доверие к государственному праву вообще и «заводит» механизм индивидуально-волюнтаристского подхода к правовой сфере России.

При этом в современной правовой системе России заложен положительный потенциал, который позволит координировать государственное нормативное регулирование с традиционными нормативными системами субъектов РФ, закрепленный в ст. 73 Конституции РФ. Данное положение характеризуется предоставлением возможностей субъектам РФ вне пределов ведения

Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации обладать всей полнотой государственной власти, а следовательно, самостоятельно формировать содержание своей правовой системы. Данная норма позволит адаптировать положение ряда норм адатов и шариата в правовом регулировании Чеченской Республики.

Таким образом, в настоящее время главная роль в нормативном регулировании у чеченского народа принадлежит адатам. Нормы шариата используются при условии непротиворечия обычному праву, при этом они прошли адаптацию к применению в

социальной системе вайнахов. Государственное право Российской Федерации используется только во внешних публичных отношениях при взаимодействии с федеральными властями и иными субъектами РФ, и должного распространения внутри чеченского общества оно не получило.

Библиографический список

1. Ахмадов, Я. З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века / Я. З. Ахмадов. – М., 2001.
2. Васильев, Л. С. История религий востока / Л. С. Васильев. – М., 1983.
3. Леонтович, Ф. И. Адаты кавказских горцев / Ф. И. Леонтович. – Одесса, 1882.

А. В. Веденин,

*соискатель кафедры организации
оперативной работы
ВЮИ ФСИН России*

ПОНЯТИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Исследование понятия результатов оперативно-розыскной деятельности (далее: ОРД) необходимо начать с выяснения сущности термина «результат».

Согласно словарю В. И. Даля результат означает следствие чего-либо, последствие, конечный вывод, итог, развязку, исход, конец дела¹.

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова под результатом понимается то, что получено в завершении какой-нибудь деятельности, работы, в итоге, в процессе какого-нибудь исследования².

В «Малом толковом словаре русского языка» результат определяется как достигнутое с завершением какого-нибудь действия или следствие какого-нибудь состояния³.

«Словарь русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой трактует «результат» как конечный итог, ради которого осуще-

ствляется какое-либо действие; как показатель чего-либо и то, что вытекает как следствие какого-либо действия, явления и т. п.; последствие⁴.

Таким образом, проанализировав вышеприведенные определения, можно сделать вывод, что результатом является итог, следствие какой-либо деятельности.

Что же касается результатов ОРД, то прежде всего необходимо обратиться к имеющимся трактовкам данного понятия в различных источниках права.

Так, в соответствии с п. 36.1 ст. 5 УПК РФ результатом ОРД являются сведения, полученные в соответствии с Федеральным законом «Об ОРД», о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда.

Оперативно-розыскная деятельность и уголовное судопроизводство представляют собой единство процессуального и непроцессуального, которое заключается не только в проведении следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий (далее: ОРМ), т. е. включает не только процедурные вопросы, но и предполагает наряду с добытием информации ее использование, принятие решений как процессуального, так и оперативно-розыскного характера.

¹ См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб., 1998. Т. 3. С. 1671.

² См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1990. С. 673.

³ См.: Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Малый толковый словарь русского языка. М., 1990. С. 503.

⁴ См.: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981. Т. 3. С. 700.

Например, результаты наблюдения могут служить основанием для принятия процессуальных решений (возбуждение уголовного дела) и (или) проведения следственных действий (обыск, выемка, осмотр места происшествия). Здесь результат ОРД, по существу, отождествляется с результатом проведения отдельного ОРМ, а непроцессуальное получение информации служит основой для последующего использования в рамках уголовного судопроизводства.

В ОРД при проведении даже одного ОРМ может достигаться решение конкретной оперативно-розыскной задачи, например, выявление признаков преступления. При этом результатом служит наличие конкретной и достоверной информации о преступлении, которой может быть достаточно для возбуждения уголовного дела, проведения отдельных следственных действий или их совокупности, хотя такая информация не обязательно должна быть использована в уголовно-процессуальном порядке либо используется не сразу.

Так, принятие процессуальных решений, основанных на результатах ОРД, либо проведение следственных действий может осуществляться лишь после проведения ряда (совокупности) ОРМ, например, наблюдения, оперативного внедрения, проверочной закупки, прослушивания телефонных переговоров, даже если результаты любого из них уже сами по себе могли служить основанием для процессуальных решений и действий. Результаты ОРД могут рассматриваться как система проверенных и оцененных оперативных данных либо сведений о фактах. Именно с этой целью заводится дела оперативного учета¹.

Вместе с тем результаты ОРД имеют не только процессуальное, но и самостоятельное оперативно-розыскное значение, на что в ст. 11 Федерального закона «Об ОРД» прямо указывает законодатель. В ч. 1 этой статьи отмечается, что результаты ОРД могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, проведения ОРМ по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступле-

ний, выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, а также для розыска лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от исполнения наказания и без вести пропавших. Процессуальное значение результатов ОРД в этом случае имеет место лишь в перспективе. Кроме того, в ч. 4 ст. 11 сказано, что результаты ОРД в отношении лиц, перечисленных в пп. 1–4 и 6 ч. 2 ст. 7 Федерального закона «Об ОРД», вообще не имеют уголовно-процессуальной направленности и предназначены для решения внутренних целей и задач оперативно-розыскного органа, а именно для принятия решений о допуске данных лиц к указанным видам деятельности.

Продолжая рассмотрение вопроса о понятии результатов ОРД, следует отметить, что если речь идет о фактических данных (так, например, законодатель в уже утратившей силу Инструкции о порядке представления результатов ОРД органу дознания, следователю, прокурору или в суд от 13 мая 1998 г., ассоциировал результаты ОРД с фактическими данными), то они должны соответствовать объективной действительности и не могут вызывать сомнения с точки зрения их достоверности. Однако не все результаты ОРД и не всегда можно признавать в качестве достоверных, поскольку их необходимо проверять при помощи других данных, и только по их совокупности с достаточной долей вероятности можно утверждать, что эти данные являются объективными и достоверными.

Информация может быть неконкретной, неполной, ориентирующей, предположительной, а иногда непроверяемой, содержать определенную долю субъективизма, исходящего от предоставившего ее источника. В частности, информация, поступающая от конфиденанта, подлежит проверке не только в силу ее субъективности, но и потому, что конфиденант мог быть специально дезинформирован, не преследует интересов оперативно-розыскного органа, сознательно вводит в заблуждение оперативного работника и т. д. Соответствующая оперативная информация не отражает фактических данных, тем не менее нельзя не признать, что она также является результатом ОРД.

¹ См.: Теория оперативно-розыскной деятельности: Учеб. / Под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. М., 2006. С. 552–553.

Следует отметить и то, что отсутствие реального (фактического) результата тоже есть результат, потому что опровержение информации либо ее неподтверждение позволяет, например, сократить круг версий, определить новые направления работы и др. Поэтому как получение первичной информации, так и ее дальнейшее опровержение в равной мере могут являться результатом ОРД.

В определении Конституционного Суда РФ также отмечается, что результаты ОРД являются лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований Федерального закона «Об ОРД», могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона, т. е. так, как это предписывается ч. 1 ст. 49 и ч. 2 ст. 50 Конституции РФ¹. Соответственно в процессуальном смысле о результатах ОРД как о фактических данных говорить преждевременно, а речь может идти лишь о сведениях, фактах, которые предстоит установить.

В новой межведомственной Инструкции о порядке представления результатов ОРД дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд, в отличие от прежней Инструкции от 13 мая 1998 г., определение результатов ОРД отсутствует². В ней лишь в п. 4 указывается, что результаты ОРД могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства, регламентирующими со-

бирание, проверку и оценку доказательств. Видимо, в данном случае законодатель, учитывая расхождения, касающиеся результатов ОРД между прежней Инструкцией и Федеральным законом «Об ОРД», решил таким образом устранить имевшие место правовые противоречия.

Однако с таким решением нельзя согласиться, поскольку Федеральный закон «Об ОРД» также конкретно не определяет результаты ОРД, а лишь указывает в ст. 11 на основные направления их использования. В целях устранения образовавшегося пробела, мы предлагаем внести изменения в п. 4 Инструкции о порядке представления результатов ОРД от 17 апреля 2007 г., сформулировав его следующим образом: *«Результаты ОРД, представляемые дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд и соответствующие установленным требованиям настоящей Инструкции являются сведениями, полученными оперативными подразделениями в установленном Федеральным законом «Об ОРД» порядке, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от исполнения наказания и без вести пропавших, о событиях или действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности РФ, а также об иной юридически значимой информации, связанной с реализацией целей и задач, поставленных перед оперативно-розыскными органами. Данные сведения могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства, регламентирующими соби-*

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

– результаты ОРД в процессуальном их значении представляют собой некий ин-

¹ См.: Определение Конституц. Суда РФ от 4 февр. 1999 г. № 18-О по жалобе граждан М. Б. Никольской и М. И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Вестн. Конституц. Суда РФ. 1999. № 3.

² См.: Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов ОРД дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд: Приказ МВД РФ, ФСБ РФ, ФСО РФ, ФТС, СВР РФ, ФСИН, ФКСН РФ, Минобороны РФ от 17 апр. 2007 г. № 368/185/164/481/32/184/97/147 // Рос. газ. 2007. 16 мая.

формационный продукт, основанный, как правило, на совокупности данных, полученных из различных источников и проведенных оперативным путем;

– в оперативно-розыскном значении результатами ОРД могут быть и конкретные события, действия, и их последствия в виде предупреждения, пресечения конкретного преступления, разоблачения преступной группы, ликвидации условий для совершения преступления, дезинформация преступников и др. Такого рода результаты ОРД в реальной практике далеко не всегда имеют своей направленностью уголовный процесс и не являются собственно информационным продуктом, а скорее результатом, следствием практического использования информации¹.

Библиографический список

1. Комментарий к Федеральному закону «Об ОРД». С приложением решений Кон-

ституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека / вступит. статья В. Д. Зорькина. – М., 2006.

2. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов ОРД дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд: приказ МВД РФ, ФСБ РФ, ФСО РФ, ФТС, СВР РФ, ФСИН, ФСКН РФ, Минобороны РФ от 17 апр. 2007 г. № 368/185/164/481/32/184/97/147 // Рос. газ. – 2007. – 16 мая.

3. Определение Конституц. Суда РФ от 4 февр. 1999 г. №18-О по жалобе граждан М. Б. Никольской и М. И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Вестн. Конституц. Суда РФ. – 1999. – № 3.

4. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Силилова. – М., 2006.

В. В. Волченков,

старший научный сотрудник

научно-исследовательского отделения

факультета внебюджетного образования

ВЮИ ФСИН России,

доктор юридических наук, профессор

ТЕРРОРИЗМ

И ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Вопросы теории и практики борьбы с терроризмом и преступлениями террористического характера сегодня приобрели для нашей страны исключительно важное значение. Однако прежде чем подробно остановиться на них, необходимо дать краткую характеристику состояния преступности в Российской Федерации за 2007 г.

Так, в 2007 г. органами внутренних дел рассмотрено 20,53 млн заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях, что на 6,6 % больше, чем за 2006 г. Почти по каждому седьмому сообщению (14,6 %) принято решение о возбуждении уголовно-

го дела, а всего возбуждено 2 991,4 тыс. уголовных дел, что на 8,3 % меньше показателя прошлого года.

Кроме того, в 2007 г. зарегистрировано 3 582,5 тыс. преступлений, что на 7,1 % меньше, чем за 2006 г. Рост регистрируемых преступлений отмечен в 12 субъектах Российской Федерации, в то время как снижение – в 73 субъектах.

Удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в общем количестве зарегистрированных в 2007 г. преступлений снизился и составил 26,8 % (в 2006 г. – 27,9 %).

Более половины всех зарегистрированных преступлений (53,2 %) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем: кражи – 1 567,0 тыс. (– 6,6 % по сравнению с 2006 г.), грабежа – 295,1 тыс. (– 17,4 %), разбоя – 45,3 тыс. (– 24,2 %). Почти каждая третья кража (34,0 %), каждый двадцать шестой грабеж (3,8 %) и каждое пятнадцатое разбойное нападение (6,6 %) были сопряжены с незаконным проникновениями в жилище, помещение или иное хранилище.

Каждое семнадцатое зарегистрированное преступление (5,9 %) – квартирная

¹ См.: Комментарий к Федеральному закону «Об ОРД». С приложением решений Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека / Вступит. ст. В. Д. Зорькина. М., 2006. С. 230–231.

кража. Следует отметить, что в 2007 г. их число снизилось на 10,6 % по сравнению с 2006 г.

Количество выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, выросло на 0,6 % и составило 30,2 тыс., а количество выявленных фактов хищения и вымогательства оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств снизилось на 15,9 % (1 854 факта). В целом в 2007 г. с использованием оружия совершено 13 835 преступлений (– 26,1 % по сравнению с 2006 г.).

Кроме того, в 2007 г. выявлено 231,2 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 9,1 % больше, чем за прошлый год.

Что касается раскрываемости, то в 2007 г. раскрыто 1 115,2 тыс. преступлений, в том числе 814,7 тыс. – следствие по которым обязательно и 960,5 тыс. – следствие по которым необязательно.

Не раскрыто 1 863,9 тыс. преступлений, что на 8,3 % меньше, чем в 2006 г. Из этого количества на тяжкие и особо тяжкие преступления приходится 25,1 % (в 2006 г. – 27,6 %). Остались нераскрытыми 3 341 убийство и покушение на убийство (– 31,3 %), 10 471 умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (– 19,4 %), 1 009,4 тыс. краж (– 7,0 %), 209,8 тыс. грабежей (– 16,7 %), 22,6 тыс. разбойных нападений (– 29,9 %).

Выявлено 1 317,6 тыс. лиц, совершивших преступления, что меньше на 3,2 % по сравнению с 2006 г., удельный вес лиц без постоянного источника дохода и ранее судимых не изменился и составил 59,6 % и 23,2 % соответственно.

Почти каждое третье оконченное расследованием преступление (30,1 %) совершено лицами, ранее совершавшими преступления, почти каждое седьмое (14,8 %) – в состоянии алкогольного опьянения, каждое тринадцатое (7,8 %) – несовершеннолетними или при их соучастии.

Иностранцами гражданами и лицами без гражданства на территории России совершено 50,1 тыс. преступлений, что на 5,4 % меньше, чем в 2006 г., в том числе гражданами стран СНГ – 45,3 тыс. преступлений (– 4,5 %), т. е. их удельный вес составил 90,4 %. Количество преступлений в отношении иностранных граждан и лиц без

гражданства возросло на 2,4 % и составило 15 985 преступлений¹.

Очевидно, что еще рано говорить о благополучной криминогенной ситуации в нашей стране. На этом фоне серьезную озабоченность вызывают террористические преступления. Анализ криминальных проявлений терроризма в России осуществляется с учетом принятия Федерального закона «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ² и действия в течение определенного времени Федерального закона «О борьбе с терроризмом» от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ³.

В Федеральном законе «О противодействии терроризму» понятие «преступления террористического характера» отсутствует, однако его можно сформулировать на основании содержания ст. 24 данного Закона:

«1. В Российской Федерации запрещаются создание и деятельность организаций, цели или действия которых направлены на пропаганду, оправдание и поддержку терроризма или совершение преступлений, предусмотренных ст. 205–206, 208, 211, 277–280, 282.1, 282.2 и 360 Уголовного кодекса Российской Федерации.

2. Организация признается террористической и подлежит ликвидации (ее деятельность – запрещению) по решению суда на основании заявления Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненного ему прокурора в случае, если от имени или в интересах организации осуществляются организация, подготовка и совершение преступлений, предусмотренных статьями 205–206, 208, 211, 277–280, 282.1, 282.2 и 360 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также в случае, если указанные действия осуществляет лицо, которое контролирует реализацию организацией ее прав и обязанностей...».

В связи с принятием Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ были внесены изменения в УК РФ, в частности, в название ст. 205, которая стала теперь называться не «Терроризм», а «Террористический акт», и криминализирован ряд фак-

¹ См.: Состояние преступности в России в январе-декабре 2007 г. / ГИАЦ МВД России. М., 2008. С. 71.

² См.: Рос. газ. 2006.10 марта.

³ См.: там же. 1998. 4 авг.

тических террористических деяний — введена новая ст. 205.2 УК РФ¹.

Таким образом, перечень террористических преступлений в соответствии с действующими в России с 2006 г. правовыми актами существенно расширился. Причем расширение произошло преимущественно за счет ряда преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства. Это позволяет сделать вывод об оценке современного терроризма в России как явления, непосредственно угрожающего не только общественной безопасности, но и безопасности государства.

Следует отметить, что, по данным ГИАЦ МВД России, в 2007 г. продолжалось резкое снижение числа зарегистрированных террористических актов (– 57,1 %). Всего за этот год по ст. 205 УК РФ было зарегистрировано 48 преступлений (в 2006 г. – 112), раскрыто 54 преступления (в 2006 г. – 83).

Заметно возросло число выявленных лиц, совершивших преступления террористического характера. Это могло быть отчасти связано с явкой с повинной террористов в Чеченской Республике в рамках амнистии.

Однако, оценивая террористическую преступность, следует учитывать, что статистическая отчетность ГИАЦ МВД России остается неполной, так как не включает данных о фактах и лицах по уголовным делам, расследовавшимся органами ФСБ России.

Поскольку терроризм в России и мире имеет угрожающие тенденции, его проявления носят многообразный характер, а организаторы, как правило, остаются в тени, необходимо, на наш взгляд, более полно исследовать в соответствии со ст. 60 УК РФ и ст. 73 УПК РФ характеристики как террористов, так и организаций, в которых они проходили подготовку и в составе которых совершили преступления, руководителей таких организаций, их зарубежные связи, а также обстоятельства, способствующие террористической деятельности.

Несмотря на то, что Федеральный закон «О противодействии терроризму» содер-

жит много важных и необходимых нововведений, которые, безусловно, будут способствовать повышению эффективности контртеррористической деятельности, он не лишен ряда недостатков. В связи с этим полагаем, что было бы целесообразно внести на рассмотрение Федерального собрания РФ предложения о совершенствовании данного Закона. В частности, обращает на себя внимание отсутствие в новом Федеральном законе «О противодействии терроризму» статьи, аналогичной ст. 9 Федерального закона «О борьбе с терроризмом» «Содействие органам, осуществляющим борьбу с терроризмом». Тем самым, на наш взгляд, ослаблена правовая основа предупреждения терроризма и, в частности, реагирования прокуроров на факты не оказания содействия органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями и организациями независимо от форм собственности, должностными лицами, гражданами органам, осуществляющим борьбу с терроризмом.

Кроме того, опыт борьбы с терроризмом свидетельствует о том, что проблема противодействия финансированию террористической деятельности в Российской Федерации, несмотря на некоторые позитивные сдвиги в этой области, стоит пока остро.

В заключение подчеркнем, что борьба с терроризмом в России – это не кратковременная, преходящая кампания, она требует значительных человеческих и материально-технических ресурсов, серьезных научных исследований и разработок.

Библиографический список

1. Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма. – Режим доступа : <http://uristik.info/htm/library/mp/1.htm>.

2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» : федер. закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ // Рос. газ. – 2006. – 29 июля.

3. О противодействии терроризму : федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Рос. газ. – 2006. – 10 марта.

¹ См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»: Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ // Рос. газ. 2006. 29 июля.

А. В. Воронков,
заместитель начальника
ВЮИ ФСИН России
по учебной работе
кандидат педагогических наук, доцент

ГОРОДСКАЯ СУБКУЛЬТУРА КАК СРЕДА СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Субкультура – совокупность специфических социально-психологических признаков (норм, ценностей, стереотипов, вкусов и т. п.), влияющих на стиль жизни и мышления определенных номинальных и реальных групп людей и позволяющих им осознать и утвердить себя в качестве «мы», отлично от «они» (остальных представителей социума)¹.

Выраженность отдельных признаков субкультуры связана с возрастом и степенью экстремальности условий жизни ее носителей (юношеские субкультуры более заметные и яркие, чем взрослые; у моряков, геологов условия жизни более экстремальные, чем у библиотекарей, архивариусов и т. д.).

Социальную базу формирования определенной субкультуры могут представлять гендерные, возрастные, социальные, профессиональные страты населения, сексуальные меньшинства, неформальные организации (готы, скинхеды, феминистки), криминальные слои, аддикты (геймеры-компьютерщики, увлекающиеся психоактивными веществами, занимающиеся экстремальными видами спорта и пр.).

Внутри каждой номинальной группы могут «произрастать» субкультуры контактных (реальных) групп. Например, в рамках подростково-юношеской номинальной группы существует большое количество полуноминальных – полуреальных групп, обладающих специфическими субкультурами (рейверы, экстремалы, битники, панки и др.), а также реальных групп, имеющих собственные субкультурные отличия по различным признакам от общей подростково-юношеской субкультуры. То же самое можно сказать об обществе, в частности российском, где при подвижности и нестабильности его социальной структу-

ры происходят расслоение общества и обособление слоев, групп, что ведет к увеличению субкультур и достаточной кратковременности их существования.

Ценностные ориентации носителей определенной субкультуры зависят от ценностей и социальной практики общества, более того, они интерпретированы и трансформированы в соответствии с характером субкультуры (группы милосердия, экологи, пацифисты имеют просоциальную направленность; хиппи, готы, брэйкеры – асоциальную; панки, скинхеды – антисоциальную), зависят от возрастных и иных специфических потребностей, от стремлений и нравственности ее носителей.

Так, например, в сформировавшейся в последнее десятилетие субкультуре молодых бизнесменов существует своя система ценностей, не противоречащая общепризнанной, но характерная именно для ее носителей: трудоголизм, ценность индивидуализации в способах самореализации, раскрепощенность и креативность. Стремление общаться с себе подобными привело к появлению системы закрытых клубов, где собираются люди, имеющие идентичные интересы: лица, занимающиеся рекламным бизнесом, шоу-бизнесмены, нефтяники и пр. Необходимо отметить, что свои так называемые клубы имеют и носители уголовно-лагерной или более широкой криминальной субкультуры, которых также объединяют ценности, в данном случае антисоциальные.

Анализируя ценностные установки личности, необходимо отметить, что кроме фундаментальных есть и более простые ценности. Нередко то, что значимо для детей, подростков, юношей взрослыми оценивается как «безделица» (увлечение определенной музыкой, техникой, спортом). В этих случаях признание своих ценностей они находят в среде сверстников с присущей ей субкультурой². Интересы современной молодежи многообразны и дифференцированы. Они выступают в качестве ценностей, которыми обмениваются молодые люди, которые часто выступают основой возникновения многочисленных групп со специфическими субкультурами, далеко не всегда имеющими позитивную

¹ См.: Город как мезофактор социализации подрастающих поколений: Моногр. / Под ред. В. Д. Иванова, А. В. Мудрика. М., 2007. С. 37.

² См.: Кон И. С. Психология ранней юности. М., 2001. С. 28.

социальную направленность (готы, хиппи), а порой и прямо антисоциальны (панки, скинхеды и т. д.).

Достаточно часто и в образовательной среде, например в школе, ребенок не может себя найти, его интересы не признаются ценностью. В этом случае для таких подростков школа становится лишь местом посещения учебных занятий, а сферой реализации их ценностей выступает референтная группа сверстников-носителей субкультуры, где, в знак протеста против непринимавшего их общества, возможно и совместное распитие спиртных напитков и употребление психоактивных веществ.

Нормы поведения, взаимодействия и взаимоотношений, присущие субкультурам, существенно отличаются по содержанию, сферам и мере их регулятивного влияния.

В просоциальных субкультурах (пацифисты) нормы содержательно не противостоят общественной нравственности, а дополняют ее, отражая специфические условия жизни и ценностные ориентации носителей субкультуры.

В армейской субкультуре, например, нормы взаимоотношений во внеслужебной обстановке довольно жестко дифференцируются служебным положением ее конкретных носителей. С одной стороны, они довольно демократичны во взаимоотношениях офицеров, занимающих идентичные должности, а с другой – могут отличаться в процессе взаимодействия младших офицеров со старшими и, наоборот, старших с младшими.

В асоциальных субкультурах нормы противостоят общественным и четко делятся на нормы, принятые во взаимодействии со «своими» и «чужими». Возникшая сравнительно недавно субкультура готов приняты в их среде нормы взаимодействия с окружающими (в целом вполне общепринятые) дополнила такими, как готовность не нравиться людям своим внешним видом, безразличие к чужому мнению, стремление шокировать своим поведением (ритуалы на кладбищах как средство самовыражения).

В антисоциальных субкультурах нормы прямо противоположны общественным (пропаганда расовой дискриминации и т. п.). Такие неформальные группы создают для своих членов лишь иллюзию добровольности и

свободы. В действительности лидеры этих групп имеют ярко выраженный авторитарный склад характера, нацелены на подавление всех остальных членов, порой даже лишая их права выхода из группы.

Немаловажным фактором, характеризующим субкультуру (особенно молодежную) является организация досуга. Одной из отличительных черт молодежи последних десятилетий выступает массовое увлечение музыкой. По данным различных исследований¹, ежедневно слушают музыкальные записи более 70 % подростков, музыкальные радиостанции – более 40 %. Выбор того или иного музыкального стиля определяется социально-возрастными особенностями. Среди поклонников «тяжелого рока» и «хэви-металла» много 14–17-летних юношей и девушек, учащихся ПТУ, молодых рабочих. «Битломаны», как правило, старше. Бардовская песня и джаз – увлечения в основном более образованных слоев молодежи.

Свободное времяпрепровождение зависит от меры оформленности субкультуры. На одном полюсе субкультура бомжей и представителей социального дна, которые основную часть времени проводят в поисках пищи, ночлега и т. п., на другом – «богемная элита», большую часть досуга проводящая в закрытых клубах, кофейнях, кинотеатрах, за чтением гламурных журналов, занимающаяся пейнтболом, картингом, дельтапланеризмом, горными лыжами и т. д.

В подростково-юношеских автономных субкультурах досуг определяется характером ценностей их носителей: агрессивный поиск приключений – у панков и скинхедов, созерцательный экзистенциальный вакуум – у хиппи и пр.

В своей совокупности субкультуры представляют собой специфический способ дифференциации развитых национальных культур, их трансляции на определенные общности, а также маркирования (наглядного обозначения) социальной и возрастной стратификации общества. Просоциальные и, в какой-то мере, асоциальные способствуют стабилизации общества и личности, напротив, антисоциальные – их дезорганизации. Одни субкультуры – контркультуры (уголовные),

¹ См.: Городская среда. Технология развития: Настол. кн. / Под ред. В. Л. Глазычева и др. М., 1995.

другие – креативные, инновационные, способствующие включению своей культуры в культуру общества.

Библиографический список

1. Город как мезафактор социализации подрастающих поколений : монография /

А. Г. Горшенков,

*заместитель начальника кафедры
оперативно-розыскной деятельности
органов внутренних дел
Нижегородской академии МВД России
кандидат юридических наук*

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ В СПЕЦИАЛЬНОМ ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Понятие «специальное предупреждение преступлений» можно определить как деятельность, специально направленную на выявление, изучение, описание и оценку криминологических факторов, а также разработку и реализацию мер управленческого воздействия на данные факторы в целях минимизации преступности¹.

При этом, на наш взгляд, под криминологическими факторами необходимо понимать следующие: 1) детерминирующие преступность (криминогенные, виктимогенные); 2) препятствующие совершению преступлений (антикриминогенные, антивиктимогенные). Такое распределение факторов носит условный характер, поскольку в определенных ситуациях они могут по-разному менять функциональность.

Традиционно в криминологии принято изучать преимущественно преступное и виктимное поведение. Однако идея изучения причин правомерного поведения имеет не меньшее значение. Как справедливо отмечает А. И. Долгова, «криминолог не может и не должен игнорировать явления, которые приводят к снижению преступности. Он обязан иметь в виду не только кримино-

под ред. В. Д. Иванова, А. В. Мудрика. – М., 2007.

2. Городская среда. Технология развития : настол. кн. / под ред. В. Л. Глазычева [и др.]. – М., 1995.

3. Кон, И. С. Психология ранней юности / И. С. Кон. – М., 2001.

генные обстоятельства... но и антикриминогенные...»².

Именно на такой вариант поведения ориентируется субъект специального предупреждения, осуществляя контроль за лицами, совершившими преступления, а также склонными к совершению преступлений (лица, осужденные за совершенное преступление, а также состоящие на профилактическом и ином учете в органах внутренних дел).

Речь идет о специальном (прежде всего правовом и организационном) механизме управленческого воздействия, в котором его субъекты наделены правами и обязанностями по предупреждению преступлений. Данная деятельность субъектов является основной. Может показаться алогичным совмещение специального предупреждения с неспециальным, социально-политическим контролем.

Однако осуществляемая в стране уголовная политика, основанная на принципах гуманизации и либерализации, предполагает активное участие в этом не только государства в лице правоохранительных органов, но и гражданского общества, «возможности всех заинтересованных государственных и общественных институтов»³. В качестве примера можно привести совещание рабочей группы при правовом управлении администрации полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе. В совещании приняли участие руководители управления, сотрудники региональной инспекции управления Федеральной службы исполнения наказаний, уполномоченный по правам человека по Нижегородской области, представители

¹ См.: Алексеев А. И. Предупреждение преступности специально-криминологическое // Российская криминологическая энциклопедия / Под общ. ред. А. И. Долговой. М., 2000. С. 539–540.

² Криминология: Учеб. для вузов / Под общ. ред. А. И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 24.

³ Шинкарев А. И. Социальный контроль в системе обеспечения правопорядка органами внутренних дел: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 5.

правозащитных и других общественных организаций.

Участники совещания рассматривали возможности по оптимизации социально-политического контроля в области обеспечения прав и законных интересов субъектов правоотношений, возникновение которых связано с применением уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных мер.

В связи с этим нами были высказаны предложения о разработке концепции такого рода контроля. Для реализации указанной цели, на наш взгляд, целесообразно:

- 1) предусмотреть понятие и содержание социально-политического контроля (СПК), его функции, цели и задачи;

- 2) определить функции, цели, задачи, права и обязанности, виды и формы общественного органа (комитета, группы, комиссии и т. п.) по координации и взаимодействию общественных институтов, имеющих то или иное отношение к деятельности в области реализации уголовно-правового, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства;

- 3) определить приоритетные направления (сферы) функционирования СПК;

- 4) разработать общий алгоритм функционирования СПК.

Данный вид контроля в сфере управленческого воздействия на преступность и ее причинный комплекс не формализован и является консультативным. Субъектом контроля может быть любой (индивидуальный, коллективный) субъект правоотношений, занимающий гражданскую позицию по отношению к преступности, т. е. заинтересованный в укреплении правопорядка и борьбе с преступностью.

Субъект не наделен особыми правами и освобожден от юридических обязанностей в сфере контроля над преступностью и противодействующей ей системой. Контролирующий характер могут иметь оценки, предложения, высказанные лидерами, иными представителями политических сил, общественными деятелями, уполномоченным по правам человека, журналистами, учеными по отношению к преступности, отдельным ее компонентам, тенденциям, органам власти и управления, правоохранительным органам и различным социальным институтам. Деятельность субъекта осуществляется в соот-

ветствии с нормами международного права, национального законодательства и соответствующих подзаконных актов, регламентирующих взаимодействие гражданского общества и правового государства.

Представляется, что СПК в системе специального предупреждения предполагает объектом наблюдения и оценки все элементы данной системы с позиции соответствия их функционирования, поведения закону. К ним относятся субъекты управления, например, должностные лица органов внутренних дел, учреждений исполнения наказаний; объекты управления, например, лица, осужденные (условно или к реальному наказанию) или состоящие на профилактическом учете, и др.

Однако предметом контроля выступают не только внутренние, но и внешние правоотношения системы, ее взаимосвязи, в числе которых могут оказаться источники угрозы их юридической безопасности, в частности, нарушения их прав и законных интересов.

В СПК следует обязательно использовать общественное мнение и правонастроение. В данных взаимосвязанных социально-психологических факторах сокрыта большая сила идеологического воздействия. На формирование, коррекцию указанных факторов активно влияют средства массовой информации, оказывая существенное влияние на государственно-правовую политику в сфере борьбы с преступностью, условия реализации этой политики, всю юридическую практику.

При этом особое внимание следует обращать на конструктивный характер критики и недопустимость ее одностороннего использования.

По нашему мнению, к числу приоритетных необходимо отнести следующие три сферы правоотношений функционирования СПК.

1. Правоотношения, в которых возникают права и обязанности участников ввиду решения вопросов:

- привлечения к уголовной ответственности, доказывания и последующего установления виновности лица в совершенном деянии;

- освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних, применения к ним принудительных мер воспитательного воздействия и обеспечения реализации названных мер (при этом следует обратить внимание на положения ст. 90, 91

УК РФ; ст. 431, 432 УПК РФ; Постановления Верховного Суда «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» от 14 февраля 2000 г. № 7).

2. Правоотношения, в которых реализуются права и обязанности их участников ввиду исполнения наказания, особенно такого его вида, как лишение свободы.

При этом необходимо обратить внимание на выполнение обязанностями лицами требований и создание условий, направленных на реализацию целей наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ; ч. 1 ст. 1 УИК РФ):

- восстановление социальной справедливости (в том числе восстановление правового положения пострадавших от преступления, возмещение материального ущерба, компенсация морального вреда жертве общественно опасного деяния);

- исправление осужденного (прежде всего коррекция мотивирующего поведение личностных факторов, создание и поддержание необходимых для этого условий, привлечение лиц, способных оказывать такое воздействие на данное лицо и т. п.);

- предупреждение совершения новых преступлений как осужденным, так и иными лицами (в частности, обеспечение информационного воздействия о факте наказания и его исполнения на относительно определенный и неопределенный круг лиц).

3. Правоотношения, в которых реализуются права и обязанности их участников ввиду освобождения от наказания и применения мер принудительного характера:

- обеспечение прав и обязанностей субъектов правоотношений в сфере контроля за условно осужденными и условно-досрочно освобожденными;

В. А. Грунина,

*старший преподаватель кафедры
гражданско-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

ФЕНОМЕН САМООРГАНИЗАЦИИ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА: СУЩНОСТЬ, ПОНЯТИЯ И ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

В понятие «правовое поведение» входят как правомерные, так и противоправные

– обеспечение прав и обязанностей лиц, отбывших наказание (особенно тех, кто имеет судимость).

Группа СПК как элемент механизма реализации информационно-аналитической функции системы управления не может продуктивно влиять на оптимизацию системы специального предупреждения преступлений без наличия необходимой и достаточной информации. Соответствующая информация в целом необходима для аналитических оценок, выводов и соответствующих прогнозов, на основе чего осуществляются программирование, координация и взаимодействие субъектов управления.

Важную роль в информационно-аналитической деятельности следует отвести социально-правовому или криминологическому мониторингу, своего рода механизму регулярных замеров состояния наблюдаемого объекта путем сбора, обработки и оценки информации по определенным устойчивым критериям¹.

Библиографический список

1. *Горшенков, А. Г.* Мониторинг в криминологическом контроле исполнения наказаний / А. Г. Горшенков, Г. Г. Горшенков, Г. Н. Горшенков // Пенитенциарная преступность : история и современность : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Владимир, 2003.

2. Криминология : учеб. для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2005.

3. *Шинкарев, А. И.* Социальный контроль в системе обеспечения правопорядка органами внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2006.

действия участников регулируемых правом общественных отношений. Являясь государственно-властным регулятором общественных отношений, право регламентирует лишь поступки людей и не вмешивается в сферу их сознания. Следует отметить, что в

¹ См.: Горшенков А. Г., Горшенков Г. Г., Горшенков Г. Н. Мониторинг в криминологическом контроле исполнения наказаний // Пенитенциарная преступность: история и современность: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Владимир, 2003. С. 50–53.

настоящее время не потеряли своей актуальности слова К. Маркса о том, что «помимо своих действий, я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом»¹. Вместе с тем правовые предписания воздействуют на сознание и волю, однако регулируют не психические процессы, а их результаты – объективно совершенные поступки. Объективная невозможность однозначно регламентировать психические процессы порождает феномен самоорганизации субъектов в условиях той или иной правовой ситуации. Таким образом, правовой порядок как согласованность и упорядоченность общественных отношений возникает в качестве следствия, во-первых, действия на сознание индивидов требований правовых предписаний, а во-вторых, самоорганизации людей в их повседневной жизни.

Изучение проблем самоорганизации представляется крайне важным для повышения эффективности механизма правового регулирования. Игнорирование указанной проблематики способствует повышению риска, неопределенности, вероятности в правовом регулировании, что негативно сказывается на его качестве.

Переходя к рассмотрению самоорганизации в рамках проблемы реализации права, необходимо обратить внимание на существующий в юридической литературе подход, согласно которому право реализуется только и исключительно в правомерном поведении адресатов правовых норм. Соответственно в зависимости от характера правовых предписаний и правореализующих действий принято выделять такие формы реализации права, как исполнение, соблюдение, использование и применение.

Проблема самоорганизации является многоаспектной, и вполне закономерно, что в зависимости от той или иной формы правореализации, приобретает специфическое содержание.

Говоря о такой форме, как *использование* (прав), прежде всего следует отметить, что как в советский период, так в настоящее время особое внимание уделяется именно

правам и свободам личности, их практической реализации².

По мнению Л. В. Афанасьевой, «закрепленное в законе право (свобода) человека по существу состоит из двух компонентов. С одной стороны, субъект имеет право выбора: использовать (и в каком объеме) или вообще не использовать свое право; во-вторых, при положительном решении этого вопроса он имеет право на осуществление активных действий (предъявление требования, осуществление самостоятельных действий или обращения за защитой)»³. В связи с этим есть основания утверждать, во-первых, о субъектном и темпоральном (временном) аспектах самоорганизации; во-вторых, о предметно-деятельностном аспекте.

Субъектный и темпоральный аспекты отражают вероятностно-статистическую сущность процесса самоорганизации. Законодатель при закреплении тех или иных прав рассчитывает, что их реализация будет носить массовый, а не единичный характер. Вместе с тем невозможно предугадать, кто и когда использует предоставленное право.

Наибольший интерес представляет предметно-деятельностный аспект самоорганизации. В общем виде его содержание сводится к тому, что субъект посредством совершения активных действий, имеющих юридическое значение, получает возможность пользоваться определенным благом и удовлетворить в известной степени некоторые потребности и интересы. Таким образом, самоорганизация имеет место там, где отсутствуют тотальный контроль и внеш-

² См.: Рудинский Ф. М. Личность и социалистическая законность. Волгоград, 1976; Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979; Права личности в социалистическом обществе / Отв. ред. В. Н. Кудрявцев, М. С. Строгович. М., 1981; Росовицков И. В. Реализация прав личности и деятельность органов внутренних дел. Волгоград, 1996; Эбзеев Б. С. Конституция. Демократия. Права человека. М., 1992; Матузов Н. И. Правовая система и личность. Саратов, 1987; Бутылин В. Н. Конституционные основы правового положения личности. М., 1995; Прудников А. С. Безопасность личности и ее обеспечение органами внутренних дел (теоретико-правовое исследование): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999 и др.

³ Афанасьева Л. В. Нормы права и их действие: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 118–119.

¹ Источник: Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С. 79.

нее принуждение и существует некоторая возможность выбора. При этом, если обнаруживается совпадение между интересами и потребностями лица и теми интересами, которые выражают и защищают правовые нормы, самоорганизация приобретает правомерные формы. Однако самоорганизация может приобретать и противоправные формы, в частности, такое возможно в случае злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ). Так, ГК РФ определяет злоупотребление правом как совершение действий исключительно с намерениями причинить вред другому лицу, использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, злоупотребление доминирующим положением на рынке. В качестве общего последствия злоупотребления правом в законодательстве установлена санкция – отказ в судебной защите права. В ст. 69 Семейного кодекса РФ содержится норма, предусматривающая лишение родительских прав в случае злоупотребления ими со стороны родителей.

Процессы самоорганизации, как правило, происходят спонтанно, но всегда в соответствии либо с индивидуальными интересами самого субъекта, либо общими интересами системы, составным элементом которой является данный субъект (таковой системой может считаться учреждение (предприятие), где он работает, либо относительно замкнутая группа людей, относительная устойчивость которой поддерживается вследствие общих потребностей, интересов, родства, землячества и т. д.). При этом самоорганизация, источником которой является общий интерес системы, по отношению к индивиду вполне может рассматриваться как некоторое внешнее принуждение, следствием которого может быть отказ субъекта от использования предоставленных ему законодательством прав. В качестве примера можно привести следующий. В соответствии со ст. 111 УИК РФ участие осужденных к лишению свободы в деятельности самодеятельных организаций учитывается при определении степени их исправления. При этом норма о самодеятельных организациях – управомочивающая, т. е. реализуется в форме использования. В соответствии с приказом Минюста России «Об утверждении Положения о

порядке формирования и деятельности самодеятельных организаций осужденных в исправительном учреждении Федеральной службы исполнения наказаний» от 8 июня 2005 г. № 79 прием в члены самодеятельных организаций осуществляется на основе письменного заявления осужденного, подаваемого в совет коллектива отряда. Однако существующие в исправительных учреждениях группы осужденных, придерживающиеся воровских традиций и понятий, оказывают противодействие администрации учреждения, в том числе посредством убеждения других осужденных не вступать в самодеятельные организации. Характер взаимоотношений осужденных в исправительных учреждениях нередко приобретает острые формы противостояний и как следствие подобное «убеждение» нередко сопровождается применением силовых мер воздействия. В результате подобной самоорганизации, источником которой является интерес узкой группы осужденных, характерно пассивное отношение отдельных осужденных к деятельности самодеятельных организаций, выражающееся в отказе от использования предоставляемого им права.

Таким образом, в понимании самоорганизации является исходной категория «интерес». Интерес всегда есть отношение субъекта к результатам деятельности, связанной с удовлетворением потребности¹. Однако не всякая потребность, т. е. объективная необходимость в социальной деятельности субъекта, представляет для него интерес. Интерес – полезная в данный момент и при данных условиях для жизнедеятельности субъекта субъективная необходимость². Потребность удовлетворения определенного интереса выступает в качестве своеобразной флуктуации, определяющей спектр возможных альтернатив развития системы в точке бифуркации.

Следующей формой реализации права является *исполнение*. В ней реализуются обязывающие нормы, которые закрепляют обязанность совершения адресатом активных действий. Здесь у субъекта нет права

¹ См.: Иванчук А. И. Механизм взаимодействия правосознания и социальной среды: Дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2001. С. 153.

² См.: там же. С. 154.

выбора варианта поведения: в норме устанавливается мера (вид, объем) необходимого поведения субъекта, которое он должен совершить. Виновное неисполнение или ненадлежащее исполнение этой обязанности является правонарушением и влечет за собой юридическую ответственность¹.

В рамках данной формы реализации происходят процессы самоорганизации, которые приобретают правомерные и противоправные формы. В качестве правомерной формы самоорганизации может выступать, например, досрочное исполнение должником своих обязательств кредитору.

Особенностью исполнения как формы реализации права является то, что, как правило, подтверждением исполнения обязательств, т. е. совершения активных действий в пользу управомоченного лица, являются различные документы, имеющие юридическое значение. В связи с этим возможно проявление отрицательной самоорганизации в виде формализма в юридической деятельности, т. е. посредством оформления отчетных документов, неадекватно отражающих реальное положение дел. Причинами подобной самоорганизации являются: завышенные требования, реальная возможность остаться безнаказанным, недостаточная материальная заинтересованность, недостаточный уровень правовой культуры. Однако ключевой среди указанных причин по-прежнему остается категория «интерес». Именно интерес и потребность его наиболее оптимального удовлетворения побуждает субъекта самоорганизовываться.

В ряде случаев самоорганизация субъекта в процессе исполнения обязанностей может приводить к уголовно значимым последствиям. Так, УК РФ предусмотрена ответственность за злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285), т. е. использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из ко-

рыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

В рамках такой формы реализации права, как соблюдение, реализация норм осуществляется в пассивной форме, т. е. субъект обязан воздерживаться от совершения действий, запрещенных в законе. Процессы самоорганизации в целом аналогичны вышерассмотренным.

Правоприменение рассматривается большинством авторов в качестве особой формы реализации права, которая имеет место в тех случаях, когда для правоприменения требуется властное государственное вмешательство².

И. Я. Дюрягин определяет правоприменение как осуществляемую в специально установленных законом формах государственно-властную организующую деятельность компетентных государственных органов и уполномоченных государством органов общественности по вынесению индивидуально-конкретных правовых предписаний и рассматривает его как специфическую форму реализации права³.

Одной из отличительных черт правоприменения является творческий характер. Еще в советский период в юридической литературе отмечалось, что правоприменение следует рассматривать как «властную деятельность компетентного органа, которому государство дало полномочия на самостоятельную, творческую реализацию норм применительно к отдельному случаю»⁴.

² См.: *Ткаченко Ю. Г.* Применение норм советского социалистического права. М., 1955. С. 3–5; *Алексеев С. С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. С. 96–101; *Лазарев В. В.* Применение советского права. Казань, 1972. С. 9–12; *Дюрягин И. Я.* Применение норм советского права. Свердловск, 1973. С. 7–9; *он же.* Право и управление. М., 1981; *Карташов В. Н.* Применение права. Ярославль, 1980. С. 5–6; *Лазарев В. В., Левченко И. П.* Правоприменительная деятельность органов внутренних дел. М., 1989; *Малько А. В.* Теория государства и права в вопросах и ответах. М., 1997; *Венгеров А. Б.* Теория государства и права. М., 1998 и др.

³ См.: *Дюрягин И. Я.* Применение норм советского права. С. 19, 31.

⁴ *Алексеев С. С., Дюрягин И. Я.* Функции применения права // Правоведение. 1972. № 2. С. 28.

Творческая природа правоприменительной деятельности, детерминированная существованием правоприменительного усмотрения, свидетельствует о том, что для нее характерны черты неоднозначности, неопределенности, вероятности, а следовательно, процессы самоорганизации.

Процесс самоорганизации может быть охарактеризован с внутренней и внешней сторон. С внутренней стороны самоорганизация в рамках правоприменения характеризуется внутренними психическими процессами, в результате которых у правоприменителя формируется ясность относительно сущности конкретной правовой ситуации и своих действий по ее разрешению. С внешней стороны – в совершении либо воздержании от совершения активных действий, имеющих юридическое значение.

Творческий характер правоприменения, безусловно, указывает на существование процессов самоорганизации, однако встречаются случаи, когда в процессе разрешения юридических дел и применения права все структурные элементы правовых норм четко и ясно определены, – в такой ситуации говорить о творческом характере правоприменения крайне сложно. Так, например, нормы трудового права обязывают администрацию оформлять прием на работу служащих приказом (распоряжением) и объявлять этот приказ (распоряжение) поступающим на работу под расписку, нормы уголовно-процессуального права при наличии соответствующего повода и основания обязывают органы следствия и прокуратуры возбудить уголовное дело и т. д. В данных случаях содержание норм обязывает правоприменителя принять однозначное решение и ничего творческого правоприменитель в процесс реализации права не вносит.

По нашему мнению, отсутствие творческого характера при совершении подобного рода действий в процессе правоприменения не может однозначно свидетельствовать об отсутствии процессов самоорганизации. Данные процессы, безусловно, происходят, однако поскольку фактически отсутствует возможность реализации правоприменительного усмотрения, то они приобретают, как правило, неправомерный характер. В качестве примера подобной самоорганизации могут выступать действия оперативно-

го дежурного дежурных служб правоохранительных органов, принявшего заявление о совершенном преступлении, однако отказавшегося зарегистрировать его и выдать заявителю соответствующий талон. Если же заявление о преступлении не зарегистрировано, то фактически данное преступление переходит в разряд латентных.

Однако, по справедливому замечанию О. П. Сауляка, общее количество абсолютно определенных правовых норм в действующем нормативно-правовом массиве в основном незначительно¹, поэтому в целом правоприменительная деятельность – это творческая деятельность. Наиболее характерно процессы самоорганизации проявляют себя в условиях нетипичных правоприменительных ситуаций.

В юридической литературе отмечается, что понятие нетипичной ситуации в правоприменении «противостоит представлению о правоприменительной деятельности как системе логически взаимосвязанных и типично развивающихся последовательных действий, из которых складывается процедура рассмотрения и разрешения по существу юридических дел»².

Основная особенность нетипичных ситуаций в правоприменительном процессе заключается в том, что «они отклоняются от идеальной модели правоприменения и поэтому требуют от субъектов правоприменительной деятельности приложения дополнительных интеллектуальных, волевых, творческих усилий»³.

Нетипичные ситуации в правоприменении, хотя и не составляют массового явления, достаточно разнообразны. В качестве таких ситуаций должны рассматриваться случаи применения права при следующих обстоятельствах: 1) коллизии юридических предписаний; 2) одновременная конкретизация абстрактных и относительно определенных правовых норм; 3) пробельность действующего законодательства; 4) допущение значительного усмотрения правоприменителя; 5) действие международно-

¹ См.: Сауляк О. П. Законность в правоприменительной деятельности: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 40.

² Вопленко Н. Н. Социалистическая законность и применение права. Саратов, 1982. С. 74.

³ Сауляк О. П. Указ. соч. С. 125.

правовых актов; 6) проведение государственно-правового эксперимента¹.

Таким образом, вне зависимости от особенностей конкретной ситуации разрешение юридического дела по существу непосредственно зависит от характера самоорганизации субъекта правоприменения. При этом в качестве параметров порядка, определяющих процесс самоорганизации, следует рассматривать, во-первых, объем профессиональных знаний и умений (правовую культуру); во-вторых, степень (характеризуется приоритетностью интереса) и характер (определяется в процессе соотношения личного и профессионального интереса) заинтересованности правоприменителя в разрешении конкретного дела.

Так, грамотное и компетентное применение аналогии закона требует соблюдения ряда условий: полное или частичное отсутствие правового регулирования; сходство в определенных признаках общественных отношений, не урегулированных законодательством, но находящихся в сфере правового воздействия с общественными отношениями, которые урегулированы правовыми нормами; полное и точное соблюдение определенных процессуальных правил; принятие решения на основе и в границах имеющейся правовой нормы данной отрасли законодательства, его целей, принципов и общего смысла². Точное выполнение данных условий предъявляет высокие требования к уровню юридической подготовки правоприменителя. В случае недостаточности юридических знаний правоприменительные ошибки практически неизбежны.

В идеале правоприменитель не должен иметь личной заинтересованности в том или ином разрешении дела по существу. Однако игнорировать интерес субъекта правоприменения было бы неверно уже хотя бы по тому основанию, что эффектив-

ность его работы во многом определяется различного рода отчетами, которые позволяют выявить некоторые тенденции состояния процесса применения права в том или ином государственном органе. Поэтому субъект правоприменения, не имея интереса в конкретном деле, всегда учитывает свой интерес при формировании общей картины правоприменения, отражающейся в отчетных документах.

Результатом процессов самоорганизации всегда выступает определенный порядок новых структур. С точки зрения режима законности самоорганизация в процессе правоприменения может привести как к правомерным, так и противоправным последствиям. Возможно также возникновение правоприменительной ошибки. Несмотря на то, что последняя представляет собой объективно противоправное явление в правовой действительности, препятствующее правомерной реализации правовых норм, она обусловлена непреднамеренными и неправильными действиями, и поэтому характеризуется отсутствием виновности субъекта правоприменения.

Следует отметить, что на характер самоорганизации влияют различного рода флуктуации: нагрузка правоприменителей, размер их материального стимулирования, наличие должного материально-ресурсного обеспечения, физическое насилие или угрозы такового со стороны преступной среды, уровень правовых знаний и правовой культуры, наличие достоверных (недостоверных) сведений о фактических обстоятельствах конкретной правовой ситуации, подлежащей разрешению по существу в рамках правоприменения и др.

Подводя предварительный итог рассмотрению феномена самоорганизации применительно к формам реализации права, выделим следующие наиболее характерные признаки данного явления.

Самоорганизация всегда происходит в сфере правового регулирования. Как правило, спонтанный, непредсказуемый характер процессов самоорганизации указывает на то, что они подчиняются вероятностно-статистическим законам. Самоорганизация всегда происходит на основе и в строгом соответствии с интересом субъекта, реали-

¹ См.: Лазарев В. В. Понятие и разновидности нетипичных ситуаций правоприменительного процесса // Применение советского права. Свердловск, 1970. Вып. 40. С. 9–10; Вопленко Н. Н. Теоретические проблемы режима законности в применении норм социалистического права. Волгоград, 1982. С. 16; Логинов А. Л. Нетипичные ситуации в правоприменительном процессе и их разрешение: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. С. 57.

² См.: Сауляк О. П. Указ. соч. С. 140.

зующего право, либо общим интересом той системы, элементом которой выступает данный субъект. Подобных систем в принципе существует неограниченное количество, в данном случае аналогом поведения элемента данной системы – субъекта, реализующего право, являются социальные роли, которые выполняют люди в своей повседневной деятельности (семьянин, служащий, избиратель и т. д.). В результате самоорганизации возникает определенный порядок в общественных отношениях, который характеризуется специфическим распределением прав, обязанностей, а также реальных возможностей в отношении пользования конкретными благами. При этом складывающийся в процессе самоорганизации порядок может способствовать как укреплению правопорядка, так и его ослаблению. Процесс самоорганизации внешне проявляет себя посредством совершения либо отказа от него активных действий, имеющих юридическое значение. При этом с точки зрения режима законности действия могут быть как правомерными, так и противоправными.

В соответствии с выделенными признаками процесс самоорганизации в правовом поведении в самом общем виде можно опреде-

лить как происходящее в сфере правового регулирования и подчиняющееся действию вероятностно-статистических закономерностей упорядочение общественных отношений на основе личного интереса субъекта (элемента системы) либо общего интереса системы, в которую оказывается включен данный субъект, выражающееся в совершении либо отказе от совершения активных действий, имеющих юридическое значение.

Таким образом, процесс реализации права, воплощения его требований в фактическом поведении неразрывно связан с процессами самоорганизации.

Библиографический список

1. *Алексеев, С. С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С. С. Алексеев. – М., 1966.
2. *Байтин, М. И.* Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М. И. Байтин. – Изд. 2-е, доп. – М., 2005.
3. *Матузов, Н. И.* Актуальные проблемы теории права / Н. И. Матузов. – Саратов, 2004.
4. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие / под ред. М. Н. Марченко. – М., 2002.

А. И. Гудков,

*заведующий кафедрой юридических дисциплин
факультета внебюджетного образования
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ ПРИЗНАНИЯ СДЕЛОК НИЧТОЖНЫМИ

Сделки входят в число важнейших институтов гражданского права. Согласно ст. 153 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

Сделки широко применяются в самых различных отраслях экономической деятельности и весьма разнообразны по своему содержанию. Кроме того, они находят широкое применение в самых различных

отношениях: между юридическими лицами, юридическими лицами и гражданами, гражданами.

Как юридические факты сделки представляют собой наиболее распространенную группу правомерных действий, т. е. действий, отвечающих требованиям закона, других правовых актов. Этим сделки отличаются от неправомерных действий как действий, противоречащих требованиям гражданского законодательства. Такие действия называются недействительными сделками.

Существует ряд классификаций отдельных составов недействительных сделок. Традиционным является деление недействительных сделок на ничтожные и оспоримые. Данные понятия использовались еще в римском праве. Законодательство Российской империи и ГК РСФСР 1922 и 1964 гг. не различало ничтожности и оспариваемости сделок.

Цивилистические понятия ничтожной и оспоримой сделки впервые включены законодателем в новый Гражданский кодекс РФ.

Законодательством РФ установлен исчерпывающий перечень недействительных сделок: не соответствующая закону или иным правовым актам (ст. 168 ГК РФ); совершенная с целью, противной основам правопорядка и нравственности (ст. 169 ГК РФ); мнимая и притворная сделки (ст. 170 ГК РФ); совершенная под влиянием заблуждения (ст. 178 ГК РФ) и др.

При переходе государства от командно-административной системы регулирования экономики к рыночной и выборе новой правовой стратегии России возникало много проблем в применении норм, касающихся недействительных сделок на практике. Кроме того, в отличие от советского времени, когда в литературе отмечалось, что в социалистическом обществе нет почвы для сделок, совершенных под влиянием обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой стороной или стечения тяжелых обстоятельств¹, а если они и встречаются, то представляют исключительно редкое явление, в настоящее время такие сделки существуют в большом количестве.

Несмотря на то, что в российском законодательстве институт недействительности сделок используется уже давно, в науке гражданского права отсутствует единое мнение в определении понятия недействительных сделок. В связи с этим актуальны вопросы о том, является ли недействительная сделка юридическим фактом вообще и сделкой в особенности, а также правомерное это действие или неправомерное.

В настоящее время законодательно закреплено общее правило о ничтожности сделки при несоответствии ее требованиям закона или иным правовым актам. На наш взгляд, целесообразно изменить данное правило и установить в качестве общего

последствия несоблюдения при совершении сделки требований закона или иных правовых актов оспоримость такой сделки. При этом необходимо также закрепить четкий перечень ничтожных сделок. В связи с этим следует рассмотреть теоретические и практические основания изменения действующего законодательства в данном направлении.

Действующее правило о ничтожности сделки, не соответствующей требованиям закона или иным правовым актам, указанное в ст. 168 ГК РФ, не способствует стабильности гражданского оборота и не отвечает интересам ее сторон, поскольку все подпадающие под данные признаки сделки в императивной форме признаются недействительными. Однако далеко не каждое несоответствие сделки отдельным нормам закона и иным правовым актам должно выступать основанием ее ничтожности и являться столь значимым с юридической точки зрения для действительности сделки. В интересах гражданского оборота целесообразно в каждом конкретном случае исследовать обоснованность и аргументированность признания соответствующей сделки недействительной.

Необходимо отметить, что в результате указанного правила происходит не только нарушение стабильности гражданского оборота, но и ставятся под угрозу общие принципы гражданского права, зафиксированные в п. 1 ст. 1 ГК РФ: недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав. Оправданность подобного вмешательства в частные дела участников гражданского оборота сомнительна, поскольку, как уже указывалось, несоответствие сделки отдельным положениям закона или иных нормативных актов может являться не столь существенным, чтобы признавать ее ничтожной. Кроме того, с учетом противоречивых положений самого законодательства и наличием общих норм, позволяющих толковать их неоднозначно, возможность необоснованно указывать на ничтожность определенной сделки значительно расширяется. При этом существ-

¹ См.: Новицкий И. Б. Сделки. Исковая давность. М., 1954. С. 120; Рабинович Н. В. Недействительность сделок и ее последствия. Л., 1960. С. 74; Иоффе О. С. Советское гражданское право: Курс лекций. В 2 т. Т. 1. Л., 1958. С. 220.

вующее правило о недействительности ничтожной сделки независимо от признания ее таковой судом (п. 1 ст. 166 ГК РФ) делает сложившуюся ситуацию еще более интересной. В таких условиях недобросовестный контрагент, не желая исполнять требования заключенной им сделки, может сослаться на любое общее положение законодательства и заявить, что, по его мнению, данная сделка ему не соответствует, и игнорировать ее, а другая сторона в сделке будет обязана приложить массу усилий и времени, чтобы доказать действительность сделки и соответствие ее нормам закона.

Законодательное закрепление оспоримости сделок, не соответствующих требованиям закона или иным правовым актам, позволит обеспечить стабильность гражданского оборота и предоставить его участникам возможность по своему усмотрению осуществлять принадлежащие им гражданские права, в том числе право на судебную защиту. В результате заинтересованное лицо будет обладать правом предъявить иск о признании оспоримой сделки недействительной, и суд будет исследовать обоснованность предъявленных требований, реальное наличие несоответствия сделки требованиям закона и иным правовым актам и значимость таких несоответствий для признания ее недействительной. Возможность недействительности сделки без судебного признания ее таковой в данном случае недопустима¹.

При введении предлагаемого изменения целесообразно предусмотреть и специальные нормы об оспоримости конкретных составов сделок, поскольку оспоримость сделки предполагает наличие определенных в законе лиц, имеющих право требовать признания ее недействительной, а также ряд существенных обстоятельств (например, известность стороне сделки конкретных фактов – наличия ограничения правоспособности другой стороны и т. д.). Данные обстоятельства можно будет указать в отдельных нормах об оспоримости конкретных видов сделок. Так, оспоримыми также будут являться сделки с пороками

воли; совершенные лицами, ограниченными в дееспособности.

Кроме того, введение общего правила об оспоримости сделок, не соответствующих требованиям закона или иным правовым актам, предполагает установить круг лиц, обладающих правом в этом случае предъявить требование о признании оспоримой сделки недействительной. В связи с этим, на наш взгляд, существующую норму п. 2 ст. 166 ГК РФ целесообразно изложить в следующей редакции: «Требование о признании оспоримой сделки недействительной может быть предъявлено лицами, непосредственно указанными в законе, а если отсутствует специальное указание – заинтересованными лицами». В данном контексте заинтересованными прежде всего следует считать стороны сделки, а также иных лиц, чьи права или законные интересы нарушаются этой сделкой.

Также необходимо в новой редакции ст. 168 ГК РФ указать, что при наличии в законодательстве специальных норм, устанавливающих ничтожность отдельных составов сделок, не соответствующих требованиям закона или иных правовых актов, подлежат применению данные специальные правила.

Таким образом, ничтожность конкретных составов недействительных сделок должна быть четко указана в законе, что обеспечит стабильность гражданского оборота и исключит противоречие законодательства о недействительности сделок с принципами гражданского права.

На основании изложенного предлагается законодательно изменить общее правило о ничтожности сделок, не соответствующих требованиям закона или иным правовым актам, и установить оспоримость таких сделок, а также закрепить четкий перечень ничтожных сделок.

Библиографический список

1. Рабинович, Н. В. Недействительность сделок и ее последствия / Н. В. Рабинович. – Л., 1960.
2. Черярин, А. В. Последствия недействительных сделок / А. В. Черярин // Рос. судья. – 2006. – № 8.

¹ См.: Черярин А. В. Последствия недействительных сделок // Рос. судья. 2006. № 8. С. 32.

С. И. Давыдов,
*начальник кафедры оперативно-розыскной
деятельности ОВД
Барнаульского юридического института
МВД России
кандидат юридических наук, доцент*

МОДЕЛИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА В ПРОЦЕССЕ РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Познавательный по своей сущности процесс оперативно-розыскной деятельности по раскрытию преступлений предполагает использование целого ряда методов познания, одним из которых является моделирование.

Идеи моделирования в следственной практике были заложены в трудах таких основоположников криминалистики, как Г. Гросс, В. И. Громов и И. Н. Якимов, которые рекомендовали следователям мысленно воссоздавать картину преступления и использовать ее для установления виновного.

Закономерности моделирования, проявляющиеся в раскрытии и расследовании преступлений, обстоятельно изучались в трудах Л. Е. Ароцкера, Р. С. Белкина, А. Н. Винберга, Г. А. Густова, Г. А. Зорина, А. А. Леви, И. М. Лузгина, В. А. Образцова, А. Р. Ратинова и других ученых-криминалистов. Благодаря их исследованиям сущность моделирования в криминалистике понимается в целом однозначно – использование в процессе познания не того или иного объекта, а заменяющей его модели, которая является средством получения информации об объекте-оригинале, заменяет его при постановке опытов и в иных познавательных процедурах.

В практике оперативных аппаратов применяются два вида моделирования: материальное и мысленное, заключающееся в конструировании модели в форме мысленного образа.

В процессе раскрытия преступлений в качестве такой конструируемой модели выступает ситуация преступной деятельности, которая учеными-криминалистами определяется как «криминальная ситуация»¹. Данное понятие служит для обозначения систе-

мы условий и обстоятельств, локализуемых пространством, временем, материальной обстановкой места происшествия, субъектом преступления и иными компонентами, в которых осуществлялась подготовка, совершение и сокрытие преступления.

Центральным звеном криминальной ситуации является субъект преступления, который характеризуется целым рядом свойств и качеств, присущих личности: антропологических, социально-демографических, криминологических, психологических.

Целью моделирования криминальных ситуаций в процессе раскрытия преступлений является поэтапная реконструкция ситуации совершения преступления и ее исследование, изучение взаимосвязей и взаимовлияний составляющих ее элементов.

Моделирование криминальной ситуации осуществляется поэтапно по следующей схеме:

- 1) постановка проблемы, определение задач моделирования;
- 2) определение существенных для исследования элементов ситуации;
- 3) заполнение структурных элементов ситуации конкретным содержанием;
- 4) изучение и оценка полученной модели ситуации;
- 5) получение дополнительной модельной информации (нового знания).

Новое знание, полученное в процессе ситуационного моделирования, носит приближенный характер и может трактоваться как теоретическая модель, имеющая определенное сходство с действительностью.

С помощью ситуационного моделирования в процессе раскрытия преступлений могут быть решены следующие задачи:

- объяснение фактов, имеющих признаки преступления;
- объяснение фактов, связанных с преступлениями и сопутствующих им;
- установление происхождения и связи между фактами, их временной последовательности;
- получение сведений, характеризующих личность преступника;
- поиск и обнаружение следов преступления и других материальных источников информации;
- выявление свидетелей, потерпевших;
- устранение противоречий между фактами;

¹ См.: Волчецкая Т. С. Криминалистическая ситуация: Моногр. / Под ред. проф. Н. П. Яблокова. М., Калининград, 1997. С. 61.

– определение направления раскрытия преступления;

– решение иных тактических задач.

В теории оперативно-розыскной деятельности на главную роль моделирования в раскрытии преступлений обращает внимание Е. Г. Самовичев, полагая, что конструктивная основа поиска преступника связана с анализом криминального события через призму поведения людей, действия или бездействия которых его породили. Пока эти люди остаются неизвестными, сотрудники оперативных подразделений вынуждены оперировать не конкретными людьми, а их более или менее гипотетическими моделями. Даже конкретные подозреваемые первоначально являются лишь абстрактными моделями виновных, но по мере наполнения реальным содержанием модели могут стать или не стать таковыми. Этот процесс «материализации» и персонализации предполагаемого преступника может занять от нескольких мгновений до нескольких лет, но именно он составляет содержание процесса раскрытия преступления. В этом смысле криминальная ситуация обладает таким свойством, как розыскной потенциал¹. Розыскной потенциал является оценкой элементов криминальной ситуации, в скрытом виде несущих информацию о характере их связи с признаками объекта поиска (преступника).

Информация о каждом структурном элементе криминальной ситуации формирует ее модель в целом. При этом все элементы ситуации должны рассматриваться не как «автономные образования», а как факторы, взаимно влияющие друг на друга в рамках единого процесса, в конкретных условиях места и времени².

Структуру модели криминальной ситуации в самом общем виде можно представить в виде следующих основных блоков:

- информация о субъекте преступления;
- информация об иных участниках преступных действий;
- информация об объекте посягательства;
- информация о деятельностной стороне ситуации (средствах и способах совершения преступления, действиях потерпевшего);

– информация о мотивах, целях и результатах преступных действий;

– информация о времени, месте и обстановке совершения преступления.

Моделирование личности преступника является основной задачей в процессе построения модели криминальной ситуации в целом.

Схема создания информационной модели личности преступника может выглядеть следующим образом:

1. Анализ исходной информации, позволяющий первоначально смоделировать криминальную ситуацию в целом.

2. Выделение в структуре модели криминальной ситуации информации о личности преступника (его анатомических, функциональных, социальных и интеллектуальных признаках, а также свойствах его личности), выявление недостающей информации для построения модели личности преступника.

3. Анализ и оценка потенциала информации об известных элементах модели криминальной ситуации с точки зрения возможного информационного наполнения модели личности преступника.

4. Получение информации о личности преступника на основе анализа известных взаимосвязей и взаимообусловленностей элементов модели криминальной ситуации.

5. Построение модели личности преступника, оценка возможности ее использования при проведении поисковых мероприятий.

6. Выявление источников недостающей информации о личности преступника.

7. Получение дополнительной информации, заполнение пробелов в информационной модели преступника.

Содержание моделирования информационного портрета преступника имеет свои особенности, требующие рассмотрения.

Знания об одной части признаков, связей, отношений преступника оперативный сотрудник может получить непосредственно в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий (например при опросе очевидцев).

Знания о другой, неизвестной на момент познания, части признаков преступника могут быть получены опосредованно, на основе анализа мысленных моделей других элементов криминальной ситуации (време-

¹ См.: Самовичев Е. Г. Оперативно-розыскное моделирование в раскрытии преступлений // Оперативник (сыщик). 2006. № 1 (6). С. 25–26.

² См.: Волчецкая Т. С. Указ соч. С. 158–159.

ни, места, мотивов, целей, способов, средств совершения преступления и т. д.).

Кроме того, для конструирования поискового портрета преступника полезным может быть моделирование механизма развития криминальной ситуации и уяснение следующих обстоятельств: определение количества лиц, участвовавших в совершении преступления, способа прибытия преступника на место происшествия, последовательность совершения преступных действий. Также может быть выяснено, в каком направлении скрылся преступник, принес ли с собой средства достижения преступной цели или взял их на месте преступления, какие ценности или вещи унес собой, не было ли сопротивления со стороны потерпевшего и др.

На основе анализа имеющихся сведений об элементах модели криминальной ситуации при построении модели преступника важно выяснить ряд его признаков: пол, возраст; приметы, в том числе особые, является он местным жителем или приезжим; отношения с потерпевшим; какие следы могут быть оставлены на его теле, одежде при совершении преступления; какие физические недостатки имеет и т. п.

Смоделировать преступника, точнее его поисковый портрет, максимально приближенный к оригиналу, возможно лишь на основе комплексного анализа информации об элементах криминальной ситуации, которые находятся во взаимосвязи и взаимообусловленности.

Частично такая информация может содержаться в исходных материалах (заявлениях, сообщениях о преступлении; оперативных сообщениях). Как правило, исходная информация по неочевидным преступлениям позволяет построить модель преступника лишь схематично. Она лишь приблизительно соответствует реальному облику оригинала, поэтому в процессе дальнейшей работы по раскрытию преступления модель преступника совершенствуется, наполняется новыми деталями.

Развитие информационной модели преступника возможно лишь при осуществлении практических действий по поиску новых источников информации. В данных целях:

– организуется преследование преступника по горячим следам по возможности с использованием служебно-розыскной собаки;

– при наличии потерпевших производится опрос с целью выяснения характерных примет преступника, особенностей одежды, его поведения, речи, других поисковых признаков;

– осуществляются заградительные мероприятия, направленные на поиск и задержание преступника (засады, проверки транспортных средств, выставление постов наблюдения на вокзалах, аэропортах; блокирование, прочесывание участков местности и т. д.), в том числе с использованием возможностей оперативно-поисковых подразделений;

– выявляются и опрашиваются лица, находившиеся в районе совершения преступления, проводятся подворные и поквартирные обходы;

– на поиск и задержание преступников ориентируется личный состав органов внутренних дел, включая другие регионы;

– производится проверка сообщений, поступивших от негласных сотрудников, а также официальным путем, включая публикации в средствах массовой информации;

– через средства массовой информации о совершенном преступлении информируется население, высказываются просьбы об оказании помощи в поиске и задержании преступников;

– ориентируется негласный аппарат оперативных подразделений;

– анализируются дела оперативного учета, уголовные дела для выявления схожих обстоятельств, способов совершения преступлений;

– проверяются лица, состоящие на учете и склонные к совершению преступлений;

– проводятся проверочные закупки, оперативные эксперименты и другие оперативно-розыскные мероприятия, направленные на выявление преступников;

– проводятся оперативно-технические, оперативно-поисковые мероприятия;

– проводятся исследования следов, обнаруженных на месте происшествия, в первую очередь материальных (следов рук, ног, микроследов);

– осуществляются поиск, осмотр, исследование предметов и документов, несущих в себе информацию о преступнике (орудия и средства совершения преступления, похищенные деньги и ценности; предметы, сохранившие на себе следы преступления;

предметы и документы, использованные для сокрытия преступления; письма, записные книжки, фотоснимки);

– реализуется комплекс иных оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий.

Поиск дополнительных источников информации о преступнике – это процесс, включающий специфическую интерпретацию, обнаружение логических связей между явлениями, которые, по точному определению ученых, «породили преступление (его ближайшие причины), сопутствовали преступлению (обстоятельства его совершения) и порождены преступлением (изменения в среде, наступившие в результате события преступления)»¹.

Указанные закономерности образования информации о преступлении определяют содержание деятельности оперативного сотрудника по ее обнаружению. Так, ориентация негласных сотрудников осуществляется с учетом тех сфер социальной жизни, где информация о преступлении может возникнуть. По такому же принципу устанавливаются контакты с населением, осуществляются поисковые мероприятия личным сыском, например, в местах возможного сбыта похищенного.

Процесс моделирования личности преступника часто предполагает обращение к сведениям из типовых оперативно-розыскных характеристик отдельных видов преступлений, выявленным закономерным

связям между такими ее элементами, как преступник-потерпевший, способ-преступник, преступник-обстановка.

В литературе предлагается методика построения розыскных версий на основе применения психологического портрета предполагаемого преступника².

Определенные знания предположительно характера относительно личности преступника могут храниться в памяти оперативного сотрудника, их объем и качество зависят от его профессионального опыта.

Изложенные теоретические положения являются результатом обобщения большой группы дел оперативного учета по нераскрытым преступлениям. В результате их изучения выявлено, что процесс установления личности преступника по нераскрытым преступлениям полностью совпадает с обобщенной моделью, полученной в результате теоретического исследования.

Библиографический список

1. Волчецкая, Т. С. Криминалистическая ситуалогия : монография / Т. С. Волчецкая ; под ред. проф. Н. П. Яблокова. – М., 1997.
2. Лекарь, А. Г. Правовые и методологические основы раскрытия преступлений / А. Г. Лекарь, Р. К. Безруких. – М., 1976.
3. Самовичев, Е. Г. Оперативно-розыскное моделирование в раскрытии преступлений / Е. Г. Самовичев // Оперативник (сыщик). – 2006. – № 1 (6).

Е. В. Дежурова,

адъюнкт кафедры

юридической психологии и педагогики

Академии права и управления ФСИН России

ПРОБЛЕМЫ ПОЛОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Качественное преобразование общества как результат внутренней и внешней политики России неизбежно приводит к трансформации отношений между людьми, характера их межличностных взаимодействий (общения внутри отдельных групп социума).

Современные отношения мужчин и женщин приобретают более широкий диапазон проявлений. Доминирование маскулинных качеств у женщины делает ее более агрессивной, властной, доминирующей. Феминизация мужской части населения приводит к ослаблению в целом их сильной позиции, развитию пассивности. Поскольку традиционная задача женщины – создание семьи – в данной ситуации отходит на задний план, уступая место карьерной реализации, возникает нарушение привычной системы распределения ролей. Свободные

¹ Лекарь А. Г., Безруких Р. К. Правовые и методологические основы раскрытия преступлений. М., 1976. С. 47.

² См., напр.: Лаговский А. Ю., Бегунова Л. А., Басенко М. С. Построение розыскных версий по делам о серийных изнасилованиях и убийствах, совершенных по сексуальным мотивам: Учеб. пособие / Под ред. А. И. Скрипникова. Изд. 2-е. М., 1998.

отношения становятся нормой жизни так же, как и отношения «мужчина – мужчина», «женщина – женщина».

Возможно, выбранный Эллис Росси в конце XVIII – начале XIX в. путь уравнивания в правах женщин и мужчин не предполагал такого, в какой-то степени гиперболизированного, характера: не только равенства, но и даже доминирования женщин над мужчинами.

Безусловно, маскулинность во многом помогает женщине в деловых контактах, достижении поставленных целей, однако, надо заметить, данная черта снижает свою полезность и продуктивность в личных, частных отношениях.

С целью анализа гендерных свойств женщин и мужчин, являющихся сотрудниками исправительных учреждений, где, как традиционно считается, преобладают маскулинные черты и включаются именно мужские качества, мы провели исследование. В эксперименте приняли участие сотрудники исправительных учреждений ФСИН России Республики Мордовия, Рязанской, Московской, Тульской, Липецкой областей. Всего участвовало 178 респондентов (86 сотрудников женского пола: 42 – в женских ИУ, 44 – в мужских ИУ; 92 сотрудника мужского пола: 43 – в женских ИУ, 49 – в мужских ИУ).

По результатам письменного опроса, анкетирования и применения психодиагностической методики С. Бем «Фемининность – маскулинность» были получены следующие результаты (см. таблицу).

Гендерные свойства	Сотрудники ИУ, %	
	женского пола	мужского пола
Фемининные	18	–
Маскулинные	22	23
Андрогинные	60	77

Итак, у представителей обоих полов выявлено наличие маскулинных (22 % – среди женщин, 23 % – среди мужчин) и андрогинных качеств (60 % – среди женщин, 77 % – среди мужчин). Фемининные качества присущи исключительно женщинам. Важно отметить, что маскулинность и андрогинность проявляются по-разному в зависимости от пола. Так, маскулинность у мужчин выражается в силе, доминантно-

сти, активности, тогда как маскулинные женщины характеризуются твердостью, ригидностью, изолированностью, отсутствием эмоций («separative self»).

Андрогинные качества (т. е. сочетание традиционно женских и мужских свойств) у женщин свидетельствуют о развитии больше маскулинного начала (высокой самостоятельности, независимости, активности), тогда как мужская андрогинность говорит о тенденции заимствования мужчинами женского поведения (пластичность, экспрессивность, деликатность, уступчивость, стремление к взаимопознанию и взаимопониманию партнера по общению, установлению близких отношений, а также желание видеть у окружающих стремление к установлению с ним доверительных отношений).

Фемининность у женщин проявляется в мягкости, слабости, гибкости. У мужчин данный параметр не выявлен. Однако может выразиться в слабости, мягкости, «поглощенности» социумом, нормативности, отсутствии свободы выбора.

В своих исследованиях С. Бем пришла к выводу, что человек, соединяющий в себе как мужскую, так и женскую роли, т. е. обладающий андрогинными свойствами личности, психологически более благополучен¹. Однако, по нашему мнению, андрогинность, т. е. приближение мужского и женского полюсов в сознании и поведении человека, таит в себе определенную угрозу утраты внутренней идентичности человека и приводит к внутренним конфликтам.

Весьма интересно влияние географического фактора на гендерные проявления.

Так, сотрудникам женского пола, работающим в загородных исправительных учреждениях, свойственны андрогинные черты (39 %), приближенные к маскулинным (0,3...0,8 – средние значения по методике С. Бем), тогда как женщины, работающие в лесных исправительных учреждениях, обладают как андрогинными (21 %), так и фемининными (18 %) качествами (0,3...0,7). Маскулинные качества также выявлены у женщин в загородных (12 %) и лесных исправительных учреждениях (10 %). У мужчин, сотрудников загородных и лесных ис-

¹ См.: Bem S. L. The Lenses of Gender: Transforming the Debate on Sexual Inequality. New Haven, 1993.

правительственных учреждений, преобладают андрогинные качества (33 и 44 % соответственно). Наряду с этим в лесных исправительных учреждениях 19 % мужчин-сотрудников обладают маскулинными чертами. Это объясняется, по нашему мнению, тем, что понятие «фемининность–маскулинность» в районах, отдаленных от крупных городов и районных центров, имеет более четкие полоролевые границы, где преобладают традиционные представления о том, каким должен быть мужчина и какой – женщина в конкретном обществе, тогда как в городе эти границы чаще всего размыты.

Таким образом, мы пришли к выводу, что трансформирование общественных отношений происходит за счет смещения гендерных особенностей. Пол, играющий важную роль в определении функций ин-

дивида в жизни, в настоящее время уступает место более глубинному понимаю сущности человека – гендерному аспекту.

Несомненно, новые роли мужчин и женщин позволяют выработать качественно иной путь развития общества. Тем не менее необходимо задуматься, насколько данный путь будет совместим с приоритетными задачами общества – рождением и воспитанием молодого поколения.

Библиографический список

1. Бендас, Т. В. Гендерная психология : учеб. пособие / Т. В. Бендас. – СПб., 2005.
2. Практикум по гендерной психологии / под ред. И. С. Клециной. – СПб., 2003.
3. Bem, S. L. The Lenses of Gender: Transforming the Debate on Sexual Inequality / S. L. Bem. – New Haven, 1993.

Д. В. Долотова,
адъюнкт очной формы обучения
ВЮИ ФСИН России

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫХ АКТОВ-ДОКУМЕНТОВ

Язык – важнейшее средство передачи информации, общения, обмена мыслями. Он характеризует людей как разумных существ: с помощью слов систематизируется опыт освоения окружающего мира и формируются мысли, без языка невозможно человеческое общежитие.

Миссия юристов как профессиональной группы состоит в том, чтобы на основе установок, задаваемых государственной властью, разрабатывать и применять правовые нормы, одновременно способствующие разделению труда и сотрудничеству между людьми. В юридической деятельности необходимо заботиться о том, чтобы применяемые нормы права точно отражали объективную реальность.

Правовые установления адресуются людям, привыкшим свои сознание и мысли облекать в языковую форму. Вот почему именно язык служит средством передачи информации о содержании правовых предписаний. Однако среди населения юридический язык имеет плохую репутацию:

«...это язык для одурачивания простаков»¹. Несмотря на то, что он обращен ко всем гражданам, иногда им трудно его понять. С одной стороны, юридический язык должен совпадать с обиходным, чтобы его понимали и принимали все, с другой – одновременно должен быть точным, поэтому не применять юридических терминов нельзя.

Языком права как одним из аспектов юридической техники занимались многие ученые-правоведы, такие как: Н. А. Власенко, Т. В. Губаева, А. С. Пиголкин, А. Ф. Черданцев и др. Выдвинутые ими идеи были восприняты юридической наукой.

Т. В. Кашанина предложила выделить в системе языковых правил четыре группы:

- 1) общелингвистические (ясность, точность, доступность, краткость, отсутствие пафосности, официальность, экономичность, соблюдение грамматических правил и др.);
- 2) терминологические. Термин – это слово или словосочетание, выражающее какой-либо факт, явление и обладающее однозначностью;
- 3) синтаксические. Это правила, касающиеся построения предложений;
- 4) стилистические. Стил – это правила употребления, сочетания и соотношения

¹ Бержель Ж. Л. Общая теория права. М., 2000. С. 385.

языковых элементов, т. е. их функционирования¹.

Одним из наиболее общих юридико-технических средств является терминология. Проблема терминологии рассматривалась до недавнего времени лишь в рамках законодательной техники, несмотря на то, что терминология правоприменительного акта имеет свои особенности и требует изучения.

Все правоприменительные акты: приказы и распоряжения руководителя организации; приговоры, решения, определения суда; постановления прокурора, следователя, органа дознания, — имеют прямую зависимость от такого средства юридической техники, как терминология. Неточное употребление слова, непонятная фраза могут привести к лишним запросам, спорам, бюрократизму, к необходимости давать дополнительные разъяснения, к ошибкам в применении правового акта². Чтобы избежать подобных проблем, составителю актов необходимо знать признаки терминологии правоприменительных актов и требования, предъявляемые к ним. В противном случае правоприменитель может совершить ошибки, не допустимые для юридической практики. Так, Т. В. Губаева приводит пример неправильного употребления термина «орган». «Ильиным нанесен сильный удар лезвием топора в жизненно важный орган — по голове Тимошина, причинены тяжкие телесные повреждения, опасные для жизни». Орган — это часть организма, выполняющая определенную функцию, голова — часть тела, поэтому правильно было бы написать: «Ильин нанес удар лезвием топора по голове Тимошина, причинив тяжкие телесные повреждения, опасные для жизни»³. Такие и похожие ошибки правоприменители допускают очень часто, потому что термин как элемент языка и инструмент, средство юридической техники — явление крайне противоречивое и сложное.

Язык правоприменительных актов по своей терминологии, стилю не должен рас-

ходиться с языком нормативных актов. Слово играет ключевую роль как в нормативном тексте, так и в акте применения права. Существуют определенные требования к словам, касающиеся их использования в документах: ясность, однозначность, апробированность, самообъяснимость, экономичность и др.

Термин — слово или сочетание слов, точно обозначающее определенное понятие, применяемое в науке, технике, искусстве⁴.

С позиций юридической техники термин — это одно из важных нематериальных средств фиксации определенного понятия⁵, с помощью которого формулируется акт. В связи с этим он входит в группу средств словесно-документального изложения содержания акта.

А. С. Пиголкин отмечает такие признаки термина:

- 1) адекватность отражения содержания понятия, смысловая однозначность;
- 2) логическая соотнесенность его с другими родовидовыми терминами (родовидовая системность);
- 3) профессиональный уровень практического употребления⁶.

Следует добавить еще и такой признак, как отсутствие экспрессивности.

Термин в отличие от основной массы слов имеет более узкую сферу применения, он более точен и, следовательно, более четко отображает объект. Термин всегда однозначен, и поэтому далеко не каждое слово является термином. Многозначность слова — естественное явление, в художественной литературе оно даже поощряется. Иное дело в юридической сфере, где правовой акт всегда требует однозначности, поскольку здесь точность выражения мыслей имеет особое значение. Некоторое расширение границ допустимо в оценочных понятиях, но все же они обязательно конкретизируются в актах применения права.

Терминология подвержена систематизации, так как всегда принадлежит той или

¹ См.: *Кашанина Т. В.* Юридическая техника: Учеб. М., 2007. С. 237.

² См.: *Боголюбов С.* Язык правоприменительных актов // Сов. государство и право. 1973. № 15. С. 23.

³ *Губаева Т. В.* Стиль постановления следователя // Соц. законность. 1990. № 5. С. 27.

⁴ См.: *Словарь иностранных слов.* 15-е изд., испр. М., 1988. С. 492.

⁵ См.: *Захарян Ф. Г.* О терминологии правоприменительных актов. Свердловск, 1974. С. 128.

⁶ См.: *Язык закона* / Под ред. А. С. Пиголкина. М., 1990. С. 60.

иной области знаний и разбивается по родам и видам. Каждый род и вид терминов находят свое применение в конкретной профессиональной сфере, что обуславливает практическую значимость термина и делает слово или несколько слов термином.

Юридическая терминология, по мнению С. С. Алексеева, – это выраженное непосредственно в тексте акта словесное обозначение определенного понятия¹. Более подробное определение дал А. С. Пиголкин: «Юридический термин – это слово (или словосочетание), которое употреблено в законодательстве, является обобщенным наименованием юридического понятия, имеющего точный и определенный смысл, и отличается смысловой однозначностью, функциональной устойчивостью»².

Как мы уже отмечали, не каждое слово является термином. Термин – это область специальной или профессиональной лексики, ее основа. Он служит для точного обозначения понятия и его отграничения от других близких по смыслу понятий.

Понятие – это отражение определенного жизненного явления в сознании людей, которое возникает на базе слов и вне их существовать не может. Термин фиксирует уже устоявшееся, конкретное понятие в одном или нескольких словах.

Состав терминов правоприменительных актов очень разнообразен, а процесс его формирования зависит от многих факторов: исторических условий, изменений в культурной среде и т. д., которые накладывают отпечаток на них и особенности нормативных актов и делопроизводство. Терминология постоянно пополняется вновь созданными в каждый исторический отрезок времени словами и выражениями.

Классификация терминов индивидуальных актов принципиально не отличается от классификации юридической терминологии. В самом общем плане термины принято делить: на общеупотребительные; общеупотребительные, имеющие в правовом акте более узкое однозначное значение; специальные юридические и технические. Кроме того, различают термины родного

языка и иностранные; простые (имеющие один корень) и сложные (имеющие два и более корней); состоящие из одного слова или нескольких слов; термины, определенные в каком-либо правовом акте и не имеющие юридических определений; межотраслевые и отраслевые. В зависимости от способа обозначения соответствующего понятия можно выделить термины точного значения и термины оценочные³.

Требования, предъявляемые к терминам правоприменительных актов, можно разделить на общие (относящиеся ко всем правовым актам) и специальные (относящиеся только к актам применения права).

Общими требованиями являются:

1. Употребление термина только в прямом, непосредственном, общеизвестном значении, т. е. всякое переносное, иноязычное значение юридического термина в принципе исключено.

2. Простота и понятность термина. Необходимо исключать употребление чрезмерно сложных и непонятных терминов.

3. Точное и недвусмысленное отражение в термине содержания обозначаемого понятия.

Следует избегать применения неясных, многозначных и недостаточно определенных терминов. Так, в актах встречаются информативно избыточные, тавтологические словосочетания. Например, словосочетание «опасное преступление» избыточно, так как опасность входит как необходимый признак в дефиницию данного понятия. Поскольку преступления отличаются степенью опасности, то правильным следует считать словосочетание «менее, более или особо опасное преступление».

4. Недопустимость использования устаревших и полностью вышедших из употребления терминов, а также неудачных канцеляризмов, штампов.

5. Стабильность терминологии. Не следует без особой на то необходимости отказываться от старых, устоявшихся и вполне удачных терминов и вводить новые.

6. Умеренность при употреблении в тексте правоприменительного акта терминов-аббревиатур.

¹ См.: Алексеев С. С. Общая теория права: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 273.

² Язык закона / Под ред. А. С. Пиголкина. С. 65.

³ См.: Тенетко А. А. Юридическая техника правоприменительных актов: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 71–72.

7. Единство употребления терминов. Недопустимо обозначение разных, не совпадающих между собой понятий в рамках одного текста, одним и тем же термином.

Среди специальных требований к терминологии правоприменительных актов необходимо назвать следующие:

1) более широкое использование терминологии тех нормативных актов, на реализацию которых направлен правоприменительный акт;

2) необходимое и достаточное использование современных технических терминов;

3) соответствие терминологии акта применения права терминологии той нормы, на реализацию которой он направлен.

Лицу, создающему правовой акт, необходимо внимательно отбирать употребляемые слова, выверять их истинное значение. Желательно как можно чаще руководствоваться современными словарями русского языка, пособиями по составлению документации, а также сверять язык составляемого документа с языком нормативных актов.

Из содержания вышеизложенного следует, что при языковой подготовке юристов необходимо обращать внимание на возможные варианты подбора терминологии, грамотное в стилистическом плане их оформление.

Подобрать правильный термин, добиться однозначности – одна из сложнейших проблем, с которой сталкивается правоприменитель при оформлении правового акта.

Еще одной важной составляющей юридической техники правоприменительных актов-документов являются стилистические правила, поскольку оформление текста акта осуществляется с помощью языковых средств, а стилистика охватывает все уровни языка: лексику, морфологию, синтаксис.

Правоприменительные акты относятся к тем документам, в которых используется официально-деловой стиль. Термином «официально-деловой стиль» принято обозначать особенность языка служебных, в первую очередь организационно-распорядительных (акт, отчет, служебное письмо, постановление, приказ и т. п.), а также дипломатических документов¹.

Официально-деловой стиль вместе с научным и публицистическим образуют группу функциональных стилей. Последние состоят из комбинаций нейтральных, книжных и разговорных языковых средств.

Социальная функция делового стиля заключается в том, что он обслуживает отношения людей в процессе производства; с помощью деловой речи осуществляется связь между учреждениями и организациями, а также контакт властей с населением. Сферой применения языковых средств делового стиля являются и тексты, составляемые в процессе деятельности органов милиции, прокуратуры, суда. Данное своеобразие социальной функции официально-делового стиля определяет его языковую специфику.

В качестве основных черт, присущих стилю актов применения права, можно назвать следующие:

1. Объективность, т. е. речь должна носить обобщенный характер при отсутствии субъективизма.

2. Официальность, которая предполагает полное отсутствие эмоциональности речи.

3. Стандартизированность, проявляющаяся в наличии большого числа повторяющихся языковых средств и форм документов.

4. Краткость, что предполагает компактность изложения и экономичное использование языковых средств.

Законы стилистики предписывают документу, в том числе акту применения права, быть строгим, точным, объективным, по возможности кратким, а достигнуть этого можно, лишь применяя соответствующие языковые средства и зная правила их употребления.

В самом общем виде стиль актов применения права отличают следующие языковые особенности:

1) преобладание стилистически нейтральных книжных слов, отсутствие элементов просторечия и жаргона, а также эмоциональных слов и оборотов (междометий, слов с уменьшительными и увеличительными суффиксами, восклицаний, риторических вопросов и т. п.);

2) широкое употребление профессиональной (юридической) терминологии;

3) частое использование отглагольных существительных (например, «осуществление», «вынесение», «возбуждение», «преследование», «задержание», «изъятие» и т. п.);

¹ См.: Рахманин Л. В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов. М., 1988. С. 12.

4) распространенность клише, таких, например, как: «произвести обыск», «подвергнуть штрафу», которые по правилам делового стиля обычно не замещаются соответствующими глаголами («обыскать», «оштрафовать»);

5) использование глаголов и оборотов со страдательным значением, например: «вина подсудимого подтверждается следующими обстоятельствами» (а не «следующие обстоятельства подтверждают вину подсудимого»);

6) строгий порядок слов в предложении: а) подлежащее чаще всего стоит в начале предложения и, как правило, предшествует сказуемому: «Гражданин Иванов П. В. признал себя виновным в предъявленном обвинении и полностью возместил причиненный ущерб»; б) определения, даже распространенные, с зависимыми от них словами, стоят перед определяемыми существительными: «Вызванный для дачи свидетельских показаний гражданин Сидоров в районный отдел внутренних дел не явился»; в) дополнения стоят после управляющего ими слова; г) обстоятельства (наречия) обычно стоят как можно ближе к слову, к которому они относятся по смыслу; д) вводные слова и обороты в основном находятся в начале предложения: «Кроме собственных показаний обвиняемого, его вина подтверждается и другими материалами дела, среди которых...»;

7) количественное преобладание сложных предложений над простыми;

8) широкое употребление причастных и деепричастных оборотов, придающих речи лаконизм и динамичность;

9) правоприменительный акт должен быть написан от третьего лица¹.

Синтаксические правила, используемые в правотворчестве, аналогичны и для формирования правоприменительных актов, поскольку они касаются построения предложений – основной смысловой единицы любого текста. Именно от предложения во многом зависит степень адекватности выражения содержания права, что и определяет эффективность правового регулирования.

Предложение как единица текста правоприменительного акта должно отвечать следующим требованиям²:

1) точно выражать мысль правоприменителя, в противном случае возникнут проблемы с доведением его требований до адресата и соответственно обеспечением порядка в обществе. Чтобы отвечать этому правилу, предложение должно быть согласованным (имеются в виду прежде всего падежи, спряжения глаголов). Необходимо правильно употреблять служебные члены предложения. Для этой цели надо избегать использования союзов «а», «но», «да», «хотя» и т. п.;

2) быть простыми и доступными, но без ущерба для полноты и ясности предписания, а также без «упрощенчества» и примитивизма. Конструкции предложений не должны быть чрезмерно сложными. Для этой цели надо разбивать сложные предложения на несколько простых, избегать по возможности употребление причастных и деепричастных оборотов, стараться не перегружать однородными членами (лучше оформлять их в виде перечня, обозначив каждый пункт цифрами или буквами) и т. п.;

3) адекватно выражать суть правоприменительного акта. Для этой цели необходима соответствующая организация предложения. Оно должно быть: констатирующее, повествовательное, утвердительное, без вопросов, без побудительных слов и т. п.

Одной из важнейших характеристик, онтологическим свойством языка являются полисемичность (многозначность), неточность языкового знака. Юристы пытаются устранить неточность при создании правовых документов, однако полностью это сделать невозможно.

Для того чтобы язык смог отразить бесконечно разнообразные явления окружающего мира, слово должно быть гибким, следовательно, не может быть абсолютно точным. Многообразие мира «сжимается» через слово, в значении фиксируются лишь главные характеристики явления. Слово обобщает типичное, а обобщение всегда субъективно: что важно и что должно войти в значение – это определяет человек. Но в одной ситуации существенно одно, в дру-

¹ См.: Зубарев В. С., Крысин Л. П., Статкус В. Ф. Язык и стиль обвинительного заключения. М., 1987. С. 9.

² См.: Власенко Н. А. Язык права. Иркутск, 1997. С. 114–119.

гой – иное, что не нашло отражения при первичной категоризации. Слово преодолевает эту трудность, приобретая гибкое значение и развивая дополнительные (становится полисемичным)¹.

Помимо этого, смысл слова формируется в ходе взаимодействия адресанта и адресата. Причем смысл заключается не в комбинации букв, а в схожем реагировании различных субъектов на такую комбинацию. В связи с этим объективного смысла как такового нет, он раскрывается лишь субъектом, воспринимающим знак (в нашем случае правоприменителем). При осмыслении же знака субъект обязательно использует жизненный опыт, который может быть специфичным. Следовательно, слово может быть понятно для одного индивида и непонятно (или иначе понято) для другого.

По указанным причинам язык (объективное выражение нормы права) не может быть абсолютно точен. Однако неточность – это не всегда неизбежное зло, она дает языку гибкость, возможность охватить безграничную реальность, бесчисленное число уникальных явлений. Законодатель и правоприменитель также используют это преимущество языковой формы. Полное устранение неточности нежелательно, поскольку приведет к отрыву правотворчества и правоприменения от реальной жизни.

Ю. Г. Евстафьева,
*юрист Департамента
общественных связей, молодежной
и информационной политики
Правительства Ивановской области*

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПАЛАТЫ В ДОСТИЖЕНИИ ЮРИДИЧЕСКОГО КОНSENSУСА

Одним из признаков демократического правового государства является соблюдение принципа приоритета прав и свобод человека и гражданина. Общественная палата как новый общественно-государственный институт призвана обеспечить гармонизацию отношений «человек – общество –

Влияние законов языка на право неизбежно, поэтому при правотворчестве и правоприменении необходимы их учет, использование полезных для права качеств языковой формы и снижение влияния нежелательных.

Необходимость грамотного использования языковых средств в процессе формирования правоприменительных актов-документов не вызывает сомнения. Слабое развитие профессионально необходимых языковых навыков, неумение юриста абстрактно мыслить и адекватно выражать мысль всегда могут обернуться (и нередко оборачиваются) ущемлением прав и законных интересов граждан. В любой сфере юрисдикции это приводит к крайне нежелательным, негативным последствиям, которые отрицательно влияют как на судьбу отдельного человека, так и на правосознание и правовую культуру общества в целом.

Библиографический список

1. *Губаева, Т. В.* Язык и право. Искусство владения словом профессиональной юридической деятельности / Т. В. Губаева. – М., 2007.
2. *Кашанина, Т. В.* Юридическая техника : учебник / Т. В. Кашанина. – М., 2007.
3. Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. – М., 1990.

государство», способствовать достижению консенсуса в отношениях развивающегося гражданского общества и государства.

Термин «консенсус» используется в трех аспектах: юридическом, политическом и социологическом. Политологи понимают под консенсусом в узком смысле способ политического разрешения различных споров и конфликтов, а в широком – гражданское согласие. Толкование политологами консенсуса в широком смысле близко к социологическому, с позиции которого консенсус – это согласие значимого большинства людей любого сообщества, относительно наиболее важных аспектов его социального порядка, выраженное в действии. Так, Н. П. Медведев, с одной стороны, рассматривает консенсус как определенное состояние социальной общности (граждан-

¹ См.: *Вавилова А. А.* Некоторые теоретические аспекты соотношения права и языка // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11, Право. 2006. № 5. С. 129.

ское согласие), с другой – как метод принятия решений (разрешение конфликта).

Среди юристов до недавнего времени термином «консенсус» пользовались в основном специалисты в области международного права, рассматривая его как метод выработки и принятия международно-правовых актов¹. Академик В. Н. Кудрявцев отмечает, что консенсус в таком понимании подразделяется на юридический (когда консенсуальные методы и процедуры предусмотрены нормативными актами и порождают определенные правовые последствия) и неюридический (неформальные способы разрешения конфликтов). Юридический консенсус может быть обязательным (если допустимо только консенсуальное решение) и факультативным (если наряду с консенсуальным допускается и другой порядок принятия решений: «круглые столы», переговоры, посредничество и т. п.). «Консенсус имманентен демократии, ибо она обеспечивает свободу членов политического сообщества, а только в условиях свободы и может сформироваться подлинное гражданское согласие. Более того, консенсус характеризует зрелые, развитые формы демократии», – отмечает В. Н. Кудрявцев². Общим принципом разрешения конфликтов в условиях консенсуальной демократии является ориентация на компромисс, а не на подчинение (тем более уничтожение) противоборствующей стороны³.

Юридический консенсус как устоявшийся термин используется не только в международном праве, но и в других отраслях права. Так, например, О. И. Юдина считает, что консенсус является междисциплинарным понятием. Она полагает, что наиболее широкой и эффективной основой юридической конфликтологии является гражданское согласие как социально-правовое явление, правовой институт консенсуса более узок и конкретен, хотя используется на разных уровнях – от глобального междуна-

родного до первичных структур в семье, отношений партнеров в фирме. Общественное согласие, считает она, невозможно без развития юридических основ. Гражданское согласие – это цель, а консенсус – это механизм. О. И. Юдина предлагает использовать понятие «социально-правовой консенсус», под которым понимает социальное согласие, оформленное юридически (в виде договора, соглашения) и достигнутое с помощью регламентированных правом процедур. Внутригосударственный консенсус представляет собой определенную степень гражданского согласия в отношении политико-правового устройства и проблем развития данной страны. О. И. Юдина выделяет типологию консенсуса: 1) как состояние; 2) как метод разрешения конфликта. В соответствии с видами общественных отношений она говорит о политическом, юридическом, экономическом консенсусах и т. д.⁴ Интересной представляется модель механизма урегулирования спора по стадиям, предложенная О. И. Юдиной: выяснение сути конфликта, позиции интересов сторон; переговоры с контрагентом с целью выяснения его позиции, интересов; в случае невозможности решить спор самостоятельно – привлечение экспертов, изучение ими проблемы и предложение пути ее решения; подготовка проекта решения; обсуждение проекта решения обеими сторонами; принятие решения с учетом высказанных пожеланий, на этой стадии возможно также принятие временного решения; оформление окончательного решения в виде мирового соглашения и т. п.

Юридический консенсус, как считает И. П. Кожокар, представляет собой основанное на нормах действующего законодательства согласие участников правовых отношений, выраженное в консенсуальном правовом акте, в целях удовлетворения их прав и законных интересов, а также устранения противоречий между ними⁵. Он может выступать в различных формах: дого-

¹ См.: *Медведев Н. П.* Консенсуальные аспекты современного российского федерализма // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. «Политология». 2001. № 3. С. 66–79.

² *Кудрявцев В. Н.* Юридическая конфликтология. М., 1995. С. 211.

³ См.: там же. С. 213.

⁴ См.: *Юдина О. И.* Консенсус в демократическом государстве (теоретико-правовой анализ): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 3.

⁵ См.: *Кожокар И. П.* Правовой консенсус: общетеоретический анализ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 7.

вор, соглашение, примирение сторон, мировое партнерство, контракт и т. д. И. П. Кожокар указывает, что юридический консенсус является особой разновидностью социального консенсуса и выделяет правовой консенсус в двух смыслах: в широком – результат достигнутого согласия и в узком – юридическая процедура.

Консенсус как результат достигнутого согласия представляет собой цель, ради которой стороны вступают в консенсуальные правоотношения, и обладает рядом характерных черт:

- это фундаментальная основа любого правового соглашения сторон (в форме договора (сделки), социального партнерства, контракта, соглашения и т. д.);

- правовой консенсус – связующее звено всех форм выражения правового согласия;

- консенсус выступает основным условием правомерности достигнутых договоренностей;

- выражает согласованную волю равноправных, право дееспособных участников правоотношений;

- правовой консенсус основан на нормах действующего законодательства;

- его результат закрепляется в консенсуальном акте, который представляет собой достигаемое посредством консенсуальной процедуры правовое согласие субъектов, выражаемое в установленной законом форме, направленное на регулирование отношений определенного круга лиц, влекущее юридические последствия.

Консенсус как юридическая процедура представляет собой законодательно закрепленный порядок достижения и реализации согласия субъектов, порождающий юридические последствия и обладающий рядом специфических признаков: порядок ее осуществления регламентируется процедурными нормами права; она предусматривает юридические последствия; уровень использования субъектами правоотношений консенсуальных процедур отражает специфику правового развития общества, способность субъектов договориться между собой по спорным вопросам, использовать цивилизованные методы устранения конфликта. Среди норм действующего права закреплены виды консенсуальных процедур: третейское судопроизводство; претензия; пе-

реговоры; посредничество; ратификация; утверждение; присоединение; подписание; обмен документами; заключение.

Мировой опыт свидетельствует, что гражданское согласие, консенсус, компромисс являются фундаментальной основой высокоразвитого общества и демократического правового государства. Гражданское согласие на основе юридического консенсуса усиливает легитимный характер политической системы, делает ее более стабильной, укрепляет взаимосвязь с гражданским обществом.

Политический и юридический консенсусы представляют собой особые сферы, тесно взаимосвязанные, но все же разные по существенным параметрам: особенностям сфер государственно-правового регулирования и характеру отношений, в одном случае социально-политических, в другом – правовых; правовым и политическим институтам, нормам; специфике процедур и используемых технологий; формам и методам разрешения споров и т. д.

Политическая и юридическая разновидности консенсуса тесно смыкаются, между ними существует неразрывная органическая связь. Юридический консенсус в обществе, где возникают социальные конфликты и преобладает конфронтационный менталитет (т. е. нет политического консенсуса), весьма непрочен, регулярно срывается деятельность самих правомочных комиссий, комитетов, сторон переговоров с самыми широкими правами и полномочиями. Однако социальный и политический консенсусы нуждаются в юридическом закреплении, регламентации, чтобы получить необходимую степень прочности и устойчивости. Можно привести немало примеров достигнутого политического консенсуса, который был поставлен под угрозу именно ввиду пренебрежения сторон юридическим оформлением согласия. Равенство интересов в плане их равной защиты – основа консенсуса, формы компромисса могут быть разные, но они и обеспечивают приоритет, например, общественным интересам. Первичная юридизация конфликта интересов на базе их правового паритета исключительно важна¹.

¹ См.: Медведев Н. П. Указ. соч. С. 66–79.

Объединяющей основой юридического консенсуса являются базовые ценности, например, принцип верховенства права, приоритет прав и свобод личности. Специфика юридического консенсуса, прежде всего, проявляется в процедуре принятия решения, обязательного для сторон. Это может быть и политический акт, принятый посредством определенного юридического порядка путем согласований позиций участников.

Внутри государства сфера юридического консенсуса встречает больше препятствий, особенно при отсутствии базовых основ для гражданского согласия. Поэтому законодатель, как правило, не устанавливает требований решать какие-либо вопросы исключительно консенсуальным методом. Сфера применения консенсуального метода расширяется по мере упрочения гражданского согласия в обществе. Смысл демократии не в том, чтобы исключить политические конфликты из жизни общества, а в том, чтобы обеспечить гуманистическое решение проблем общественного развития.

Одной из институциональных форм решения этой задачи призвана быть Общественная палата. Ее работа строится во многом на консенсуальных способах принятия решений (налицо правовой консенсус в узком его значении, т. е. юридическая процедура). Если использовать по отношению к Общественной палате понятие юридического консенсуса в широком смысле, то цель данного института – достижение максимально возможного гражданского согласия.

Идея создания и функционирования в России Общественной палаты, претерпев несколько этапов реформирования, укоренилась в представлениях граждан, политиков и ученых в качестве необходимого и эффективного института гражданского общества. Первоначально была создана Общественная палата при Конституционном совещании¹, которая после принятия Конституции РФ 12 декабря 1993 г. и выборов в Государственную Думу была в соответствии с Указом Президента РФ от 17 февраля

1994 г. № 78-рп² преобразована в Общественную палату при Президенте РФ. Указом от 25 июня 1996 г. № 989³ она была преобразована в Политический консультативный совет. Принятие Федерального закона «Об Общественной палате Российской Федерации» было инициировано Президентом РФ в его Послании Федеральному Собранию РФ от 26 мая 2004 г.⁴ и Указе «О неотложных мерах по повышению эффективности борьбы с терроризмом» от 13 сентября 2004 г. № 1167⁵. Сейчас можно говорить о наличии такого явления в российской науке и практике, как институт общественных палат. Опыт работы Общественной палаты Российской Федерации и общественных палат в субъектах РФ является положительным этапом в формировании российской государственности. Исследователями отмечается, что создание Общественной палаты как органа, позволяющего обеспечивать учет общественного мнения и связь между общественными объединениями граждан и органами власти, является необходимым. Как институт гражданского общества она должна объединить на демократических принципах граждан и представителей их объединений для достижения взаимопонимания с властными структурами всех уровней, выработки согласованных позиций по ключевым, жизненно важным вопросам, касающимся большей части населения. Очевидно, что при отсутствии общественного согласия при решении важнейших социальных и политических вопросов невозможна консолидация сил государства и гражданского общества и, следовательно, поступательное, динамичное развитие государства в целом⁶.

² См.: Об Общественной палате при Президенте Российской Федерации: Указ Президента РФ от 16 февр. 1994 г. № 78-рп // САПП РФ. 1994. № 8. Ст. 592.

³ См.: О Политическом консультативном совете: Указ Президента РФ от 25 июня 1996 г. № 989 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 27. Ст. 3232.

⁴ См.: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 26 мая 2004 г. // Рос. газ. 2004. 27 мая.

⁵ См.: О неотложных мерах по повышению эффективности борьбы с терроризмом: Указ Президента РФ от 13 сент. 2004 г. № 1167 // Рос. газ. 2004. 16 сент.

⁶ См.: Панов А. А. Общественная палата Российской Федерации как новый субъект гражданского общества // Право и государство: теория и практика. 2005. № 6. С. 22–30.

¹ См.: Об образовании Общественной палаты Конституционного совещания: Распоряжение Президента РФ от 24 сент. 1993 г. № 659-рп // Собрание актов Президента и Правительства РФ (далее: САПП РФ). 1993. № 39. Ст. 3674.

Несмотря на продолжающиеся дебаты по вопросу роли и значения института общественных палат, в настоящее время сформирован новый состав Общественной палаты Российской Федерации. Высказываются предложения по внесению изменений в действующее законодательство в части укрепления статуса данного института. В сентябре 2006 г. Общественная палата Российской Федерации вступила в Международную ассоциацию экономических и социальных советов и схожих институтов. Членами ассоциации, образованной в 1999 г., являются около 50 национальных и международных советов по экономическим и социальным вопросам, в том числе подобные организации из почти всех европейских стран, Китая, государств Африки и Латинской Америки. Вступление России в данную организацию послужит, по словам председателя комиссии по международному сотрудничеству и общественной дипломатии Общественной палаты Российской Федерации В. Никонова, более глубокой интеграции России с мировым сообществом¹. Как отмечает председатель комиссии Общественной палаты по вопросам толерантности и свободы совести В. Тишков, Россия имеет шанс возглавить Международную ассоциацию экономических и социальных советов и схожих институтов. Намерения расширить функции Общественной палаты продиктовано, как считают эксперты, не только желанием усилить ее международный статус. Общественная палата может стать еще одним механизмом, с помощью которого В. Путин сможет контролировать властные структуры после своего ухода. Недаром на повестке дня стоит вопрос о расширении компетенции Общественной палаты, увеличении сроков полномочий с двух до четырех лет². Структуры, подобные Общественной палате Российской Федерации, действуют во Франции, Италии, Греции и других странах. Статус таких органов неодинаков. Так, в Италии и Греции палаты имеют право законодательной инициативы, создание Экономического

и социального совета во Франции предусмотрено Конституцией страны.

В условиях конфликтности всех сторон общественной жизни важная роль в развитии демократии принадлежит институтам гражданского общества, и, прежде всего, институту общественных палат. Общественная палата как структура, представляющая мнение общества по тем или иным вопросам проводимой политики, осуществляющая общественный контроль за деятельностью органов власти, располагает механизмом сдерживания роста как негативных проявлений во власти, так и в обществе. Общественные палаты выступают своеобразным третьим сектором, третьей стороной во взаимоотношениях государства и общества. Уже само такое положение, юридически закрепленное на законодательном уровне, придает Общественной палате статус органа, с помощью которого возможно достижение взаимопонимания по ключевым моментам управления, а также в идеале возможно достижение всеобщего гражданского согласия. Полномочия Общественной палаты дают основания определить данный орган как переговорный, способный достичь консенсуса на любом уровне (как на федеральном, региональном, местном уровнях, так и в общегосударственном масштабе).

Таким образом, мы рассматриваем Общественную палату как один из механизмов юридического консенсуса в двух значениях: в узком – юридический механизм принятия решений; в широком – цель гражданского согласия. Согласно Федеральному закону «Об Общественной палате Российской Федерации»³ Общественная палата призвана обеспечить согласование общественно значимых интересов граждан, общественных объединений, органов власти для решения наиболее важных вопросов экономического и социального развития, обеспечения национальной безопасности, защиты прав и свобод граждан, конституционного строя и демократических принципов развития гражданского общест-

¹ См.: Общественную палату ждет расширение // <http://www.newsru.com/russia>.

² См.: <http://www.interfax.ru/>.

³ См.: Об Общественной палате Российской Федерации: Федер. закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ (ред. от 30 июня 2007 г. № 121-ФЗ) // Рос. газ. 2005. 7 апр.; 2007. 3 июля.

ва в России. В качестве юридического механизма принятия решений Общественная палата располагает достаточно широкими возможностями. Достижение гражданского согласия осуществляется путем: привлечения граждан и общественных объединений к реализации государственной политики; выдвижения и поддержки гражданских инициатив, направленных на реализацию конституционных прав, свобод и законных интересов граждан и общественных объединений; проведения общественной экспертизы; осуществления общественного контроля за деятельностью органов власти; выработки рекомендаций органам власти; привлечения граждан, общественных объединений и представителей средств массовой информации к обсуждению вопросов, касающихся соблюдения свободы слова в средствах массовой информации, реализации права граждан на распространение информации законным способом, обеспечения гарантий свободы слова и свободы массовой информации, и выработки по данным вопросам рекомендаций и др.

К процедурной стороне юридического консенсуса можно отнести основные формы работы Общественной палаты: пленарные заседания, заседания совета, комиссий и рабочих групп. Общественная палата по актуальным вопросам общественной жизни организует и проводит гражданские форумы, слушания, прием граждан, может привлекать к своей работе граждан, общественные организации, средства массовой информации. В целях реализации функций, возложенных на Общественную палату законом, она также вправе: давать заключения о нарушениях законодательства и направлять их в компетентные органы или должностным лицам; вступать в международные организации, заключать с ними соглашения о сотрудничестве, направлять членов Общественной палаты для участия в работе международных конференций, совещаний и в других мероприятиях; участвовать в работе общественных палат субъектов Российской Федерации, а также направлять членов Общественной палаты для участия в мероприятиях, проводимых общественными объединениями. Все перечисленные правовые механизмы (т. е. пре-

дусмотренные на нормативном уровне), применяемые в деятельности Общественной палаты, способствуют выработке единого общественного мнения.

Для осуществления взаимного диалога с органами власти Общественная палата вправе направлять запросы, а также участвовать в работе государственных органов (путем направления уполномоченных членов, а также посредством вхождения в состав общественного совета при соответствующем органе), приглашать руководителей органов государственной власти и местного самоуправления принять участие в пленарных заседаниях Общественной палаты. Так, примером действующего общественного представительства при органах власти является Общественный совет при УФСИН России по Ивановской области по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) Ивановской области. Приказом УФСИН России по Ивановской области от 4 апреля 2007 г. № 187 утверждено Положение об Общественном совете. Данный совет является постоянно действующим совещательно-консультативным органом при УФСИН России по Ивановской области и подконтролен и подотчетен начальнику УФСИН. Его основной целью является привлечение общественности к участию в решении задач, стоящих перед УИС Ивановской области, по защите прав и законных интересов сотрудников, работников и ветеранов УИС, а также осужденных и лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в следственных изоляторах. В компетенцию Общественного совета входит, в частности, рассмотрение следующих вопросов:

– координация взаимодействия между международными неправительственными и российскими общественными организациями (объединений), религиозных конфессий, средств массовой информации с учреждениями и органами, исполняющими уголовные наказания, в работе по реформированию УИС и созданию условий для правовой и социальной защищенности сотрудников, работников и ветеранов УИС, а также осужденных и лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в следственных изоляторах;

– информирование общественности и средств массовой информации о реформировании и деятельности УИС для формирования у населения объективного представления об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания;

– взаимодействие с органами государственной власти и участие в обсуждении вопросов совершенствования нормативной правовой базы, а также созданию условий для соблюдения прав и законных интересов сотрудников, осужденных, лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в следственных изоляторах;

– распространение положительного опыта работы учреждений и органов УИС в решении вопросов по защите прав и законных интересов указанных категорий граждан.

Положение об Общественном совете, его количественный и персональный состав утверждаются начальником УФСИН. На организационном заседании Общественного совета открытым голосованием избираются его председатель, заместитель (заместители) председателя и секретарь. Состав Общественного совета обновляется на одну треть один раз в три года. В состав Общественного совета не могут входить лица, замещающие должности в государственных и муниципальных органах власти. Общественный совет осуществляет свою деятельность в соответствии с планом основных мероприятий, составленным на год, утвержденным председателем данного Совета и согласованным с руководством УФСИН. Основной формой деятельности являются заседания, которые проводятся не реже одного раза в полугодие. Принятые решения носят рекомендательный характер и отражаются в протоколах заседаний Общественного совета. В настоящее время в состав Общественного совета при УФСИН России по Ивановской области входят три члена Общественной палаты Ивановской области.

Таким образом, данный пример проиллюстрировал степень участия общественности в решении проблем, возникающих не только на общегосударственном уровне, но и в рамках отдельных ведомств.

Общественная палата путем выяснения сути конфликта, позиций и интересов сторон способствует процессу переговоров между обществом и государством. Для более эффективного осуществления консен-

сусных механизмов возможно привлечение экспертов, которые изучают проблему с профессиональной точки зрения. Общественная палата по результатам своей работы оформляет все действия соответствующими актами. Все ее заседания протоколируются. Принимаемые Общественной палатой решения оформляются в виде заключений, предложений и обращений. Кроме того, ежегодно Общественная палата публикует на основании проведенной аналитической работы доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации. Несмотря на то, что данные решения Общественной палаты носят рекомендательный характер, они являются одним из источников достоверной информации о процессах, развивающихся в обществе, об общественной оценке проводимого политического курса.

В заключение необходимо отметить, что использование принципа консенсуса, в том числе юридического консенсуса, несомненно, является одним из приоритетных способов разрешения конфликтов и достижения состояния согласия. Институт общественных палат можно считать тем механизмом, с помощью которого возможно достижение правового консенсуса во взаимоотношениях государства и общества, гражданского согласия, легитимности власти, снижения конфликтности, стабильности развития государства. Для реализации указанных целей в законодательстве предусмотрен порядок работы (методы, формы) Общественной палаты, очерчен круг полномочий, виды принимаемых решений, т. е. юридически урегулирована процедура консенсуса.

Библиографический список

1. *Кожокар, И. П.* Правовой консенсус: общетеоретический анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005.
2. *Кудрявцев, В. Н.* Юридическая конфликтология / В. Н. Кудрявцев. – М., 1995.
3. *Медведев, Н. П.* Консенсуальные аспекты современного российского федерализма / Н. П. Медведев // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Серия «Политология». – 2001. – № 3.
4. *Юдина, О. И.* Консенсус в демократическом государстве (теорет. правовой анализ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1999.

О. А. Егорова,
председатель Московского городского суда

**ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ
ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ РЕБЕНКОМ
ПРАВА ВЛАДЕНИЯ ЖИЛЫМ ПОМЕЩЕНИЕМ**

Согласно ч. 1 ст. 30 ЖК РФ собственник жилого помещения осуществляет права владения, пользования и распоряжения принадлежащим ему на праве собственности жилым помещением в соответствии с его назначением и пределами использования, установленными в ст. 17 ЖК РФ. Остановимся на некоторых вопросах правоприменения при осуществлении ребенком права владения жилым помещением.

В соответствии с действующим жилищным законодательством владение жилым помещением возможно не только в случаях, когда данное помещение принадлежит гражданину на праве собственности, но и тогда, когда он обладает жилым помещением на ином законном основании.

Дети в возрасте до 14 лет осуществляют указанное правомочие только через законных представителей, а по достижении 14 лет – самостоятельно, но с помощью последних.

Следует отметить, что понятие «владение жилым помещением» означает не только обладание данным помещением, но и его содержание, поддержание в благоприятном состоянии, перепланировку и переустройство, уплату налоговых платежей, уплату коммунальных услуг, содержание общего имущества в многоквартирном доме и т. д.

В этой связи возникает вопрос: если владельцем жилого помещения является ребенок, то кто будет нести указанные выше расходы – ребенок или его родители? По нашему мнению, в данном случае следует исходить из нормы, установленной в п. 1 ст. 60 и п. 1 ст. 80 СК РФ, относящейся к ситуации, когда ребенок не обладает достаточными средствами на содержание жилого помещения.

Вместе с тем в семейном законодательстве не закреплена обязанность родителей кроме расходов, направленных непосредственно на обеспечение ребенка, выделять

средства на содержание жилого помещения, которым владеет несовершеннолетний. Полагаем, данное обстоятельство обусловливает необходимость дополнить соответствующим положением ст. 81 СК РФ.

На наш взгляд, установление такой нормы будет свидетельствовать об особой заботе государства о реализации и защите жилищных прав ребенка, их приоритете над правами совершеннолетних лиц, а также подчеркивать особенность правового статуса несовершеннолетних детей.

Кроме того, в правоприменительной практике возникает вопрос о том, возможно ли возложение на родителей (лиц, их заменяющих) обязанности по несению расходов на содержание имущества, принадлежащего ребенку (например, доли в праве собственности на дом, приобретенной в порядке приватизации), а также расходов по оплате коммунальных услуг.

Согласно семейному законодательству (ст. 60, 61, 80 СК РФ) родители обязаны содержать своих детей, что предполагает, как представляется, и возмещение расходов по оплате коммунальных услуг, предоставляемых ребенку, владеющему жилым помещением.

Вместе с тем, на наш взгляд, обязанность по содержанию имущества ребенка возникает у родителей не непосредственно в силу закона, а опосредованно – через обязанность предоставлять содержание своим детям.

В ст. 60 СК РФ закреплён принцип раздельности имущества родителей и детей. В связи с этим на содержание имущества, принадлежащего ребенку, средства необходимо изыскивать за счет имущества ребенка и другого имущества, в частности, содержания, предоставляемого родителями ребенку.

Лица, заменяющие родителей, кроме усыновителей, не могут быть привлечены к исполнению такой обязанности.

В этой связи предлагаем закрепить в СК РФ норму о том, что в случае наличия жилого помещения у ребенка, принадлежащего ему на праве собственности или на ином законном основании, и отсутствия доходов, за счет которых могут быть покрыты обязательные платежи на жилое помещение, с

родителей подлежат взысканию денежные средства, предусмотренные на покрытие расходов по оплате коммунальных услуг и иных обязательных платежей на жилое помещение, в полном объеме (т. е. доли от заработка, установленные ч. 1 ст. 81 СК РФ, увеличиваются).

Таким образом, на основании изложенного можно сделать вывод, что законодательство и правоприменительная практика, связанные с осуществлением несовершеннолетними детьми права владения жилым помещением, нуждаются в совершенствовании.

Б. Ю. Житников,

заместитель начальника

ВЮИ ФСИН России по научной работе

доктор технических наук, доцент

А. В. Косов,

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин

Московского нового юридического института

кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУКЦИИ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 198 И 199 УК РФ

Преступления в сфере экономической деятельности всегда вызывали особый интерес у ученых в области уголовного права. И это не случайно. В период перехода Российской Федерации от командно-административной экономики к рыночным отношениям серьезно поменялись не только гражданское законодательство (регламентирующее соответствующую сферу деятельности), но и нормы УК РФ, охраняющие, помимо прочего, и общественные отношения в сфере экономики. Предусмотренные гл. 22 УК РФ составы преступлений (с учетом изменившихся общественных отношений) потребовали своего научного изучения. Указанной проблематике посвящено немало трудов отечественных ученых. По многим составам преступлений в сфере экономики имеется богатая судебная практика, в том числе разъяснения Пленума Верховного Суда РФ. Однако, несмотря на это, утверждать, что все проблемные моменты изучены, было бы преждевременно. При уяснении (толковании) отдельных признаков тех или иных преступлений в сфере экономической деятельности и их квалификации в

Библиографический список

1. Жилищный кодекс Российской Федерации : [Федер. закон. : принят Гос. Думой 22 дек. 2004 г.]. – М., 2007.

2. Семейный кодекс Российской Федерации : [Федер. закон : принят Гос. Думой 8 дек. 1995 г.]. – М., 2007.

3. Система защиты прав несовершеннолетних и молодежи в регионах Российской Федерации: проблема, тенденции, перспективы : материалы всерос. науч.-практ. конф., 27–28 окт. 2006 г., Башкортостан // Вопросы ювенальной юстиции. – 2006. – № 4.

конкретных (частных) случаях остается немало трудных вопросов. Поэтому в данной статье мы остановимся на определении вида состава по конструкции преступлений, предусмотренных ст. 198, 199 УК РФ¹.

В современной науке на вопрос о конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 198 УК РФ, нет единого ответа. Как справедливо отмечают профессора Л. В. Иногамова-Хегай, А. И. Рарог и А. И. Чучаев, данная тема в науке уголовного права является дискуссионной². Так, ученые Л. Л. Кругликов, И. Н. Соловьев, Б. В. Волженкин, М. А. Клепицкий³ считают, что состав ст. 198 УК РФ сконструирован как материальный. Другие ученые – Г. А. Есаков, Г. Г. Криволапов, Н. Г. Кадников, Л. А. Прохоров и М. Л. Прохорова⁴ – полагают, что уклонение от уплаты нало-

¹ Далее по тексту мы будем ссылаться на ст. 198, однако соответствующие размышления будут в равной степени относиться и к ст. 199 УК РФ, так как данные составы по конструкции сформулированы в УК РФ одинаково.

² См.: Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учеб. / Под ред. Л. В. Иногамова-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. М., 2006. С. 289.

³ Уголовное право России. Часть Особенная / Под ред. Л. Л. Кругликова. М., 2005. С. 222; Уголовное право России. Особенная часть / Отв. ред. О. Г. Ковалев. М., 2007. С. 341; Волженкин Б. В. Экономические преступления. СПб., 1999. С. 228; Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. С. 289.

⁴ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А. И. Рарога. М., 2007. С. 368; Уголовное право. Часть Общая. Часть Особенная / Под ред. Н. И. Ветрова и Ю. И. Ляпунова. М., 2007. С. 498; Уголовное право. Общая и Особенная части / Под ред. Н. Г. Кадникова. М., 2006. С. 574; Прохоров Л. А., Прохорова М. Л. Уголовное право. 2-е изд. М., 2004. С. 422.

гов есть формальный состав. Последней точки зрения придерживается также и кафедра уголовного права Московской государственной юридической академии¹.

Причины такого подхода к обозначенной проблеме носят объективный характер: законодатель в диспозиции ч. 1 ст. 198 УК РФ сконструировал рассматриваемый состав так, что однозначно ответить на данный вопрос не просто.

С одной стороны, в формулировке ст. 198 УК РФ – «уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица путем непредставления налоговой декларации или иных документов, представление которых в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах является обязательным, либо путем включения в налоговую декларацию или такие документы заведомо ложных сведений, совершенное в крупном размере...» – не содержится никаких последствий. Но, с другой стороны, при уклонении от уплаты налогов в бюджет государства не поступают денежные средства, что может расцениваться как последствие в виде имущественного ущерба, т. е. упущенная выгода². На непоступление денежных средств указывает и Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» от 28 декабря 2006 г. № 64: «...общественная опасность уклонения от уплаты налогов и сборов, то есть умышленное невыполнение конституционной обязанности каждого платить законно установленные налоги и сборы, заключается в непоступлении денежных средств в бюджетную систему Российской Федерации»³. Предыдущее (ныне утратившее силу) постанов-

ление давало схожую, хотя и не тождественную формулировку: «Общественная опасность уклонения от уплаты налогов заключается в умышленном невыполнении конституционной обязанности каждого платить законно установленные налоги и сборы (статья 57 Конституции Российской Федерации), что влечет непоступление денежных средств в бюджетную систему Российской Федерации»⁴.

В настоящей статье мы предлагаем свою точку зрения на исследуемую проблему, и наша позиция в основном совпадает с мнением авторов, считающих данный состав преступления формальным.

Попытаемся аргументировать свою позицию.

Как было указано выше, в диспозиции ст. 198 УК РФ ничего не говорится о последствиях. То есть там только названо деяние (соответствующее бездействию) и указаны способы его совершения (что составляет объективную сторону этого преступления). В связи с этим встает вопрос: возникает ли от непоступления денег в доход государства имущественный ущерб в виде упущенной выгоды? Ответ – возникает, по крайней мере, формально. Однако о последствиях в ст. 198 УК РФ ничего не говорится. То есть можно предположить ситуацию, в которой ущерб может не наступить. Например, человек может уплатить налог на следующий день после последнего дня уплаты налога. Таким образом, в предыдущий день преступление уже будет окончено⁵, а ущерба не наступит, так как деньги уплачены. Но при этом налицо состав преступления. А последующая уплата денег может расцениваться как деятельное раскаяние, но не исключать состава преступления. Однако в качестве контраргумента можно привести следующий пример: человек совершил кражу, принес

¹ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации: Науч.-практ. коммент. проф.-преподават. состава каф. уголов. права МГЮА / Под ред. А. И. Рарога. М., 2006. С. 339.

² В теории и практике уголовного права упущенная выгода также признается последствием, например, в ст. 165, 146, 147 УК РФ и др. Это разъясняется и Пленумом Верховного Суда РФ в различных постановлениях (см., например: О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака: Постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 26 апр. 2007 г. № 14 // Рос. газ. 2007. 5 мая.

³ Рос. газ. 2006. 31 дек.

⁴ О некоторых вопросах применения судами Российской Федерации уголовного законодательства об ответственности за уклонение от уплаты налогов: Постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 4 июля 1997 г. № 8 // Рос. газ. 1997. 19 июля.

⁵ Относительно момента окончания преступления по ст. 198 УК РФ принципиальных расхождений в науке нет. Преступление считается оконченным с момента фактической неуплаты налогов (сборов) в срок, установленный налоговым законодательством, т. е. в последний день уплаты налога. Об этом, в частности, говорит и постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 декабря 2006 г. № 64.

домой украденное имущество, а потом передумал и отнес его обратно. Состав преступления здесь, естественно, будет, так как имущественный ущерб уже причинен (и с этого момента преступление будет оконченным), возврат вещей не исключает имущественного ущерба. Почему же тогда в последний день уплаты налога нельзя считать ущерб причиненным? Отвечая на этот вопрос, следует сказать следующее: согласно ст. 158 УК РФ ответственность наступает за хищение, в составе которого закон (п. 1 примечания к ст. 158 УК РФ) предусматривает имущественный ущерб (наступающий по сложившейся судебной практике с момента, когда лицо имело реальную возможность распорядиться похищенным имуществом). То есть относительно имущественного ущерба, якобы наступающего именно по истечении последнего дня уплаты налога, в уголовном праве ничего подобного не выработано (в отличие от хищений, где практика четко установила, с какого момента признается причиненным имущественный ущерб). Поэтому мы считаем, что нет оснований утверждать о наступлении в таких случаях (уплата налога на следующий день после установленного срока) имущественного ущерба¹.

Данный момент необходимо дополнительно пояснить, используя материалы постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 декабря 2006 г. № 64. В названном документе указывается, что общественная опасность в соответствии со ст. 198 УК РФ заключается в непоступлении денежных средств в бюджет. Из этого следует, что их поступление исключает общественную опасность (один из признаков преступления), а преступность деяния отсутствует и уголовная ответственность не может наступить. Однако ниже в данном постановлении говорится, что по ст. 198 УК РФ преступление считается оконченным с момента истечения срока уплаты налога. Вернемся к примеру уплаты налога на следующий день после установленного срока уплаты налога. В этом случае деньги поступают в бюджет (только, возможно, на день позже). Тем не менее пре-

ступление уже окончено в последний день уплаты налога. То есть общественная опасность налицо с момента перечисления денег в последний день и не исключается последующим перечислением². Таким образом, последующее перечисление налога ущерба не образует, так как деньги поступили, но не исключает уголовной ответственности, поскольку преступление уже было окончено.

И последний, на наш взгляд, самый важный момент – это параллель со ст. 165 УК РФ³. На первый взгляд и в ст. 198, и в ст. 165 УК РФ говорится об одном и том же: причиняется имущественный ущерб, только эти слова («причинение ущерба») в ст. 165 есть, а в ст. 198 нет. В этом и заключается суть. Данные формулировки, по нашему мнению, имеют большое значение, разграничивая содержание этих составов (в исследуемой части). Так, согласно ст. 198 УК РФ ответственность наступает не за причинение имущественного ущерба, а за неисполнение конституционной обязанности уплатить налог. С точки зрения описания диспозиции ст. 198 УК РФ ущерб значения не имеет – ответственность наступает за неисполнение обязанности. А по ст. 165 УК РФ ответственность наступает не за неисполнение обязанности, а за причинение имущественного ущерба. Статья 165 УК РФ не называет, в результате каких действий или бездействия этот имущественный ущерб причиняется, т. е. он может причиняться при совершении абсолютно любых действий (бездействия), которые влекут наступление имущественного ущерба (естественно, только особым способом – путем обмана или злоупотребления доверием). Сами действия (бездействие) в ст. 165 УК РФ не преступны, а таковыми они становятся только при причинении вреда. То есть акцент в законе делается на вред. А согласно ст. 198 УК РФ ответственность наступает не за вред, а за неисполнение обязанности⁴.

² Эта мысль прослеживается и в разъяснениях ст. 198 УК РФ профессора П. С. Яни (см.: *Пастухов И. Н., Яни П. С.* Неуплата налогов и незаконное предпринимательство: уголовная ответственность: В 2 кн. М., 2002. Кн. 2. С. 12–15.

³ Ст. 165 УК РФ признается преступлением с материальным составом.

⁴ Кстати, равно как и в ст. 157 УК РФ ответственность наступает не за вред, а за неисполнение предусмотренной в Семейном кодексе РФ обязанности (то же, на наш взгляд, состав формальный).

¹ Однако следует оговориться, что это субъективное мнение авторов. Так как ни в законе, ни в общепринятой практике нет единого мнения на предмет момента наступления ущерба по ст. 198 УК РФ.

Таким образом, мы полагаем, что состав ст. 198 УК РФ сконструирован (описан) в законе как формальный, хотя в абсолютном большинстве случаев вред причиняется. Однако формальный состав, как известно, в отдельных случаях не исключает последствий, тем не менее не требует их в качестве обязательного признака объективной стороны.

Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, что данная проблема актуальна только для теории (науки) уголовного права. Для практики же принципиально не важно, как назвать рассматриваемый состав (материальным или формальным), так как в данном случае для основания уголовной ответственности нужно установить наличие всех соответствующих признаков ст. 198 УК РФ, и с момента истечения последнего дня уплаты налога преступление будет оконченным (а считать, причинен

здесь ущерб или нет, для практической деятельности не принципиально). Таким образом, вид состава по конструкции в данном случае не оказывает влияния на определение формы вины (так как это преступление исходя из смысла диспозиции и общевыработанной судебной практики совершается только с прямым умыслом) и на момент его окончания.

Библиографический список

1. Волженкин, Б. В. Экономические преступления / Б. В. Волженкин. – СПб., 1999.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. И. Рапога. – М., 2007.
3. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / под ред. Л. В. Иногамова-Хегай, А. И. Рапога, А. И. Чуцаева. – М., 2006.

Н. С. Калинина,

*начальник отдела нормативного правового обеспечения государственной военной и правоохранительной службы
Департамента бюджетной политики
в сфере государственной военной
и правоохранительной службы
и государственного оборонного заказа
Минфина России*

Правоохранительная служба: ПРОБЛЕМА ОТГРАНИЧЕНИЯ ОТ ИНЫХ ВИДОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Одной из главных целей проводимой административной реформы в Российской Федерации является создание целостной системы правового регулирования государственной службы Российской Федерации, позволяющей достичь максимальной эффективности государственного управления.

Законодательной основой дальнейшего развития и совершенствования правового регулирования государственной службы стал Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации» от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ¹, в котором дано определение системы государственной службы, включающей государственную гражданскую, военную и правоохранитель-

ную службу. При этом дефиниция правоохранительной службы на законодательном уровне сформулирована впервые, хотя термин «правоохранительная служба» широко используется в нормативных актах Российской Федерации. Так, согласно ст. 7 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» правоохранительная служба есть вид федеральной государственной службы, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан на должностях правоохранительной службы в государственных органах, службах и учреждениях, осуществляющих функции по обеспечению безопасности, законности и правопорядка, борьбе с преступностью, защите прав и свобод человека и гражданина. Таким гражданам присваиваются специальные звания и классные чины.

Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации» закрепил необходимость разработки самостоятельного федерального закона о правоохранительной службе Российской Федерации, где были бы определены основные положения организации и функционирования правоохранительной службы Российской Федерации.

Одним из самых важных является вопрос отнесения тех или иных государственных органов к правоохранительным и введения в них правоохранительной службы.

¹ См.: СЗ РФ. 2003. № 22. Ст. 2063.

Ряд нормативных правовых актов некоторые федеральные органы исполнительной власти однозначно относят к правоохранительным. Это, прежде всего, органы внутренних дел Российской Федерации, основные положения организации и деятельности которых закреплены в Положении о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденном Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 23 декабря 1992 г. № 4202-1¹, в Законе Российской Федерации «О милиции» от 18 апреля 1991 г. № 1026-1². Действие Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации распространено на сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, Государственной противопожарной службы МЧС России, Государственной фельдъегерской службы Российской Федерации. Согласно Федеральному закону «О службе в таможенных органах» от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ³ таможенные органы также входят в систему правоохранительных органов Российской Федерации, а в соответствии с Положением о правоохранительной службе в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 5 июня 2003 г. № 613⁴, правоохранительная служба в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ является видом государственной службы граждан Российской Федерации, замещающих должности правоохранительной службы в Федеральной службе Российской Федерации по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ и ее территориальных органах.

Вместе с тем функции, перечисленные в определении правоохранительной службы, не позволяют четко отграничить правоохранительную службу от иных видов службы. Так, например, функцию по обеспечению безопасности выполняют также Федеральная служба безопасности Российской Федерации, Федеральная служба охраны Российской Федера-

ции, Служба внешней разведки Российской Федерации, в которых законодательством предусмотрена военная служба. А если рассматривать такую функцию, как борьба с преступностью, то перечень органов будет ограничен органами, в компетенцию которых входит борьба с преступностью. Так, если иметь в виду деятельность по дознанию и предварительному следствию по уголовным делам, то данный перечень будет состоять из Министерства внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Федеральной таможенной службы, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, Прокуратуры России, Федеральной службы судебных приставов, Государственной противопожарной службы МЧС России. Кроме того, деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, осуществляющих исполнение уголовных наказаний в виде лишения свободы и организацию содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении правонарушений, также может быть признана составной частью борьбы с преступностью. Борьба с преступностью является составной частью деятельности по обеспечению законности и правопорядка. При этом определения указанных терминов законодательство не содержит, а понятие «законность» как принцип построения и функционирования системы государственной службы является общим для всех видов государственной службы. Что же касается функции по защите прав и свобод человека и гражданина, то это в первую очередь прерогатива судебной ветви власти.

Таким образом, достаточно трудно определить универсальные критерии правоохранительной службы.

Возможен вариант законодательного перечисления органов государственной власти, в которых будет предусмотрено введение правоохранительной службы, что и явится основанием для формирования системы правоохранительной службы.

В настоящее время подобный подход осуществлен в Федеральном законе «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ⁵, в котором опре-

¹ См.: Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 2. Ст. 70.

² См.: там же. 1991. № 16. С. 503.

³ См.: Рос. газ. 1997. 31 июля.

⁴ См.: там же. 2003. 11 июня.

⁵ См.: там же. 1998. 2 апр.

деление военной службы не содержит каких-либо критериев или признаков военной службы. В нем лишь перечисляются войска и формирования, в рамках которых осуществляется военная служба.

Следует отметить, что Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации» однозначно определил, что финансирование федеральной государственной службы осуществляется за счет средств федерального бюджета. Вместе с тем до настоящего времени в Российской Федерации деятельность органов внутренних дел Российской Федерации и Государственной противопожарной службы МЧС России частично финансируется за счет средств субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. В этой связи в целях сохранения статуса правоохранительных органов и соответственно введения правоохранительной службы подразделения указанных органов, финансируемые из региональных и местных бюджетов, должны быть переведены на содержание за счет средств федерального бюджета. Иначе речь может идти только о государственной гражданской службе субъекта Российской Федерации и муниципальной службе, а лицам, проходящим службу в таких подразделениях, не смогут быть присвоены специальные звания.

Как было сказано выше, самостоятельный федеральный закон о правоохранительной службе Российской Федерации должен закрепить основные положения организации и функционирования правоохранительной службы Российской Федерации.

В настоящее время самым детальным нормативным правовым актом Российской Федерации, регулирующим порядок и условия прохождения службы сотрудниками, которым присваиваются специальные звания, является Положение о службе в органах внутренних дел Российской Федерации.

В связи с этим представляется, что в федеральном законе о правоохранительной службе Российской Федерации должны найти отражение применимые к отношениям на правоохранительной службе и зарекомендовавшие себя на практике действующие механизмы регулирования службы прежде всего в органах внутренних дел, с учетом механизмов, используемых в орга-

нах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, в таможенных органах, в федеральной противопожарной службе и, конечно, на государственной гражданской службе.

Преимущество норм действующего законодательства в проекте федерального закона о правоохранительной службе Российской Федерации следует сочетать с введением применительно к правоохранительной службе положений о системности государственной службы Российской Федерации и соотносительности ее видов. Таким образом, должны быть установлены обязательность служебных отношений на контрактной основе, конкурсный порядок отбора на замещение отдельных должностей, категорирование и группировка должностей правоохранительной службы, служебных регламентов, урегулирование конфликта интересов, антикоррупционные и другие механизмы, основанные на Концепции реформирования системы государственной службы Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации 15 августа 2001 г. № Пр-1496¹.

Представляется, что федеральный закон о правоохранительной службе Российской Федерации должен регулировать исключительно вопросы правоохранительной службы и не затрагивать особенности собственно деятельности правоохранительных органов, определяемые отдельными федеральными законами (например такие, как: процессуальная самостоятельность, порядок применения оружия и специальных средств и др.). Количество запретов и ограничений, учитывая специфику правоохранительной службы, должно превышать количество запретов и ограничений на государственной гражданской службе. Дополнительные ограничения прав и свобод в отношении государственного служащего правоохранительной службы устанавливаются в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации в той мере, в какой это необходимо для выполнения задач, связанных с защитой основ конституционного строя, прав и законных интересов граждан.

В целях компенсации вводимых ограничений, а также обеспечения обязанностей го-

¹ Документ официально опубликован не был.

сударственного служащего правоохранительной службы федеральный закон о правоохранительной службе Российской Федерации должен содержать нормы, предусматривающие единые социальные гарантии и компенсации служащему и членам его семьи.

Следует иметь в виду, что в настоящее время для сотрудников различных федеральных органов исполнительной власти, имеющих специальные звания, действующими нормативными правовыми актами Российской Федерации установлен разный уровень социальных гарантий. Так, имеются различия в порядке оплаты стоимости проезда членов семей сотрудников правоохранительных органов к месту проведения основного отпуска и обратно. Если в Федеральной службе Российской Федерации по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ и Федеральной таможенной службе оплата проезда сотрудникам и членам их семей к месту проведения отпуска и обратно осуществляется один раз в год, то члены семей сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службы исполнения наказаний, Государственной противопожарной службы МЧС России, Государственной фельдъегерской службы Российской Федерации имеют право на оплату проезда один раз в два года. Кроме того, требуют унификации гарантии по медицинскому и санаторно-курортному обеспечению служащих правоохранительной службы и членов их семей, нормы, предусматривающие выплату компенсации за использование личного транспорта, право на денежную компенсацию в размере фактически учтенных земельного налога и налога на имущество физических лиц, уволенных с правоохранительной службы с правом на пенсию и имеющих выслугу 20 лет и более (в календарном исчислении). Решению подлежит вопрос о приведении к единообразию норм, связанных с обязательным государственным страхованием служащих правоохранительной службы. В настоящее время на большинство сотрудников правоохранительных органов распространяется действие Федерального закона «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел

Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы и сотрудников федеральных органов налоговой полиции» от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ¹. Однако, если рассматривать Федеральную таможенную службу и Федеральную службу судебных приставов в качестве органов, в которых будет введена правоохранительная служба, то на сотрудников указанных органов не распространяются нормы данного Федерального закона. Механизм страхования сотрудников указанных органов, зафиксированный в ст. 418 Таможенного кодекса Российской Федерации и ст. 20 Федерального закона «О судебных приставах» от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ², отличается от механизма, закрепленного в Федеральном законе от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ.

При включении норм в федеральный закон о правоохранительной службе Российской Федерации вышеуказанных положений эта диспропорция должна быть устранена.

Таким образом, федеральный закон о правоохранительной службе Российской Федерации позволит не только реализовать требования Федерального закона «О системе государственной службы», но и прежде всего системно и единообразно урегулировать порядок прохождения служащими правоохранительной службы, унифицировать меры социального обеспечения в целях повышения эффективности профессиональной служебной деятельности служащих по осуществлению функций, возложенных на правоохранительные органы.

Библиографический список

1. Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации : постановление Верх. Совета Рос. Федерации от 23 дек. 1992 г. № 4202-1 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. – 1993. – № 2. – Ст. 70.
2. О системе государственной службы Российской Федерации : федер. закон от 27 мая 2003 г. № 53-ФЗ // СЗ РФ. – 2003. – № 22. – Ст. 2063.

¹ См.: Рос. газ. 1998. 7 апр.

² См.: там же. 1997. 5 авг.

А. В. Киселев,
преподаватель кафедры криминалистики
ВЮИ ФСИН России

**НЕКОТОРЫЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА
СЛЕДСТВЕННОГО ОСМОТРА
В ФОРМЕ ТАКТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ**

Следственный осмотр – это следственное действие, заключающееся в непосредственном восприятии, исследовании и фиксации объектов материальной обстановки, предметов и документов в целях обнаружения следов преступления, вещественных доказательств, выяснения обстановки происшествия и других обстоятельств, имеющих отношение к происшедшему событию¹.

Уголовно-процессуальный закон предусматривает следующие виды следственного осмотра: места происшествия; местности, жилища, иного помещения, не являющихся местом происшествия; трупа; предметов и документов; почтово-телеграфных отправок; фонограмм записи переговоров. Специфическим видом осмотра является освидетельствование живых лиц. Кроме того, существует еще осмотр животных и их трупов².

Исследуя проблему раскрытия и расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, на наш взгляд, следует отметить, что следственный осмотр при расследовании указанных преступлений, целесообразно проводить в форме тактической операции. Очевидность данной рекомендации обусловлена, по нашему мнению, следующими обстоятельствами:

Во-первых, о производстве осмотра следователь заранее знает из материалов оперативно-розыскной деятельности, с которыми знакомится на стадии доследственной проверки. Поэтому все действия до на-

чала производства осмотра места происшествия тщательно спланированы.

Во-вторых, следователь определяет состав участников следственно-оперативной группы (кроме понятых) заблаговременно, особое внимание уделяет специалистам. Возможны инструктаж и разъяснение прав и обязанностей как до, так и после прибытия на место.

В-третьих, осмотр будет производиться параллельно с комплексом оперативно-розыскных мероприятий. При этом следователь должен заранее спланировать свою розыскную деятельность, определить ее цели и задачи.

В-четвертых, в зависимости от ситуации может быть проведена рекогносцировка осмотра. Нельзя не учитывать, что при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, следственный осмотр – это динамичное следственное действие, поэтому возможные варианты изменения обстановки на месте происшествия следователем должны быть учтены.

В процессе исследования по указанной проблеме нами было опрошено более 200 следователей ФСКН России из шести субъектов Российской Федерации (Владимирская, Вологодская, Ивановская, Московская, Самарская области, Республика Татарстан).

Цель данного опроса заключалась в выяснении уровня знаний и практических навыков следователей в использовании следственного осмотра в форме тактической операции при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств.

Из общего количества опрошенных 91,08 % имеют высшее юридическое образование, 3,97 % – незаконченное высшее и 4,95 % – среднее специальное образование, что свидетельствует о качественном подборе кадров.

Согласно опросу следователи ФСКН России в своей практической деятельности применяют следующие виды следственных осмотров: осмотр места происшествия – 19,81 %; осмотр места задержания сбытика наркотических средств – 68,31 %; осмотр места незаконного культивирования растений, содержащих наркотические вещества, – 46,53 %; осмотр подпольной лаборатории для изготовления наркотических средств – 32,67 %; осмотр мест употребления и склонения к употреблению наркоти-

¹ См.: Криминалистика: Учеб. / Отв. ред. Н. П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 429.

² См.: Васильев В. А. Психология осмотра места происшествия. Л., 1986; Криминалистика: Учеб. для вузов / Под ред. засл. деят. науки РФ проф. Р. С. Белкина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006; Баев О. Я. Тактика следственных действий: Учеб. пособие. Воронеж, 1992; Криминалистика: Учеб. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. В. А. Образцова. М., 1999.

ческих средств (притонов) – 48,51 %; осмотр мест хранения наркотических средств – 4,95 % и осмотр мест сбыта наркотических средств – 2 %. Особое внимание следователями на практике уделяется осмотру предметов (документов), а именно: осмотру рецептов на получение наркотических средств – 48,51 %; осмотру рецептов на изготовление наркотических средств – 18,81 %; осмотру денежных средств, используемых в оперативно-розыскной деятельности, – 77,22 %; осмотру наркотических средств – 76,73 %; осмотру упаковки наркотических средств – 4 %; осмотру мобильных телефонов, принадлежащих участникам незаконного оборота наркотических средств, – 3 %; осмотру персональных компьютеров, содержащих необходимую информацию, – 1 %; осмотру аудио-, видеоносителей и аппаратуры – 8,91 %; осмотру растений, содержащих наркотические вещества, – 1 %; осмотру одежды, участников незаконного оборота наркотиков – 1 %; осмотру лабораторного оборудования, используемого для изготовления наркотических средств, – 1 %; осмотру и прослушиванию фонограмм телефонных переговоров и результатов негласного видеодокументирования – 1 %; осмотру транспортных средств – 65,34 %.

Результаты опроса позволяют судить о том, что некоторые виды осмотра, такие как: осмотр места задержания сбытчика наркотических средств, осмотр места незаконного культивирования растений, содержащих наркотические вещества, осмотр подпольной лаборатории для изготовления наркотических средств, осмотр мест употребления и склонения к употреблению наркотических средств (притонов), осмотр рецептов на получение наркотических средств, осмотр денежных средств, используемых в оперативно-розыскной деятельности, осмотр наркотических средств и осмотр транспортных средств, производятся почти каждым опрошенным сотрудником. Это, на наш взгляд, свидетельствует о необходимости дальнейшего развития основ и разработки алгоритма практических действий подготовительного, рабочего и заключительного этапов следственного осмотра во всех его формах и видах.

Ответы респондентов относительно понятия и сущности следственного осмотра в форме тактической операции при расследо-

вании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, можно сгруппировать следующим образом: сущность понятна 75,25 % опрошенным; не понятна – 18,81 % и затруднились ответить на данный вопрос 5,94 %. По нашему мнению, ответы многих респондентов предопределялись в большей степени их знанием о существовании формы тактической операции, а не применением ее в ходе расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Не случайно эти данные не согласуются с ответами на другие поставленные перед ними вопросы, которые также касаются следственного осмотра в форме тактической операции при расследовании преступлений рассматриваемой категории. Данное обстоятельство также свидетельствует об актуальности разрабатываемой нами проблемы, как в теории, так и в практической деятельности по расследованию преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств.

Мы солидарны с мнениями ведущих ученых-криминалистов Р. С. Белкина, Т. В. Аверьяновой, А. Ф. Волынского¹ и других по вопросу о зависимости максимальной эффективности применения самых сложных и новейших технологий в раскрытии и расследовании любого преступления от профессиональной подготовки лиц, участвующих в этом процессе.

В этой связи представляется целесообразным уделять больше внимания при подготовке следственных работников в рамках общего юридического образования по специальности «Юриспруденция» таким узкопрофильным специальностям, как, например, расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Это позволит обеспечить дополнительную подготовку по вопросам реализации следственного осмотра в форме тактической операции, а также тактики и организации не только самого

¹ См.: Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / Под ред. проф. Т. В. Аверьяновой, проф. Р. С. Белкина. М., 1997. С. 64; Волынский А. Ф. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: проблемы и пути их решения // Проблемы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений. М., 1994. С. 9.

следственного действия, но и взаимодействия с другими службами, организациями, средствами массовой информации и т. д.

Библиографический список

1. Громов, В. И. Дознание и предварительное расследование: Методика расследования преступлений: Осмотр места происшествия : сб. науч. тр. / В. И. Громов. – М., 2003. – (Антология криминалистики).

2. Колмаков, В. П. Следственный осмотр / В. П. Колмаков. – М., 1969.

3. Криминалистика : учебник / под ред. А. Г. Филиппова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2004.

4. Осмотр места происшествия : практ. пособие / под ред. А. И. Дворкина. – М., 2001.

5. Следственный осмотр : учеб. пособие / отв. ред. Н. И. Кулагин. – Волгоград, 1983.

О. Н. Коломытцева,

*редактор редакционно-издательского
отдела научного центра
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

ВЫБОРЫ И РЕФЕРЕНДУМ В МЕХАНИЗМЕ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ НАД ГОСУДАРСТВОМ

Прямой общественный контроль позволяет разрешать возникающие проблемы между гражданами и государством путем использования определенных законом каналов взаимодействия и взаимной ответственности, служит важнейшим условием реализации провозглашенного Конституцией РФ принципа народовластия. В современных условиях значительную роль призван играть прямой общественный контроль, который служит неперенным условием оптимизации контрольной деятельности в масштабах всего государства¹.

Нами был проведен опрос сотрудников уголовно-исполнительной системы, органов внутренних дел, психологических служб с целью выяснения вопросов о необходимости формирования общественного контроля над государством. Результаты проведенного исследования показали, что 14 % респондентов положительно ответили на данный вопрос; 20 % опрошенных экспертов не согласны с этим; затруднились ответить – 15 %². В связи с этим целесообразно предложение о том, что основой для стабилизации обстановки в России должен стать комплекс контрольных мер.

Согласно ст. 3 Конституции РФ высшим выражением власти народа являются свободные выборы и референдум. Данное конституционное положение и широкая распространенность указанных форм предопределили их особую значимость в механизме реализации общественного контроля над государством.

В мировой практике референдум представляет собой осуществляемое путем тайного голосования утверждение (неутверждение) гражданами проекта документа или решения, согласие (несогласие) с действиями органов государства³. Референдум РФ есть всенародное голосование граждан Российской Федерации, обладающих правом на участие в референдуме, по вопросам государственного значения⁴. Законодательством РФ предусмотрены три вида референдума: общероссийский, на уровне субъекта РФ и местного самоуправления.

Следует отметить, что в ст. 6 Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации» закреплено положение, согласно которому вопрос, выносимый на референдум, не должен противоречить Конституции РФ. По нашему мнению, данная норма содержит явное противоречие, поскольку Конституция РФ провозглашает многонациональный народ страны носителем суверенитета и единственным источником власти, а референдум – высшим и непосредственным выражением

³ См.: Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: Учеб. для вузов. 4-е изд. М., 2005. С. 418.

⁴ См.: О референдуме Российской Федерации: Федер. конституц. закон от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2710; Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федер. закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

¹ См.: Комарова В. Формы непосредственной демократии в России: Учеб. пособие. М., 1998. С. 45.

² См. подробнее: Коломытцева О. Н. Контроль общества над государством: Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 213.

воли народа¹. В связи с этим акт, принятый путем референдума, занимает особое место в иерархии источников права². Следовательно, отказ народу с помощью референдума принимать решения, требующие в последующем внесения изменений и дополнений в Основной закон, не является правомерным. Более того, ч. 3 ст. 135 Конституции РФ предусматривает возможность замены действующей Конституции РФ с помощью референдума. Использование данной формы контроля ограничено и требует значительных финансовых, материальных и организационных ресурсов. На наш взгляд, действующий порядок проведения общероссийского референдума существенно ущемляет конституционное право граждан страны участвовать в управлении делами государства и нуждается в соответствующей коррекции.

Кроме того, конституционный пробел в вопросах народовластия исключил из государственно-правовой практики такие формы участия народа в управлении делами государства, как наказы избирателей и регулярные отчеты депутатов перед ними. Все эти факты свидетельствуют о том, что население ограничено в возможности действительно влиять на процесс досрочного прекращения полномочий федеральных органов власти и их должностных лиц.

Управление делами государства наиболее эффективно осуществляется в результате достижения оптимального баланса различных форм народовластия³. Так, в соответствии с мировым опытом по определенным вопросам нецелесообразно проводить референдумы, поскольку эти вопросы решаются органами государственной власти самостоятельно. Однако в определенных ситуациях только проведение референдума может решить политически значимые, в том числе конституционные, проблемы.

Исходным принципом организации системы органов государственной власти и местного самоуправления выступает непосредственное осуществление власти народа путем проведения свободных выборов⁴. Воля народа, выраженная на выборах, позволяет осуществить демократическую организацию власти в стране.

«Выборы» и «демократия» – взаимозависимые, но не совпадающие категории. Исторической практике известно множество примеров использования данного института в ситуациях, не предполагающих ротацию и передачу власти по итогам голосования⁵. Демократические, свободные, открытые и конкурентные выборы – итог длительной эволюции социальных, политических и правовых институтов.

Выборы являются одним из важнейших способов легальной легитимации государственной власти, который заключается в наделении народом своих представителей властными полномочиями, а также деятельностью граждан, общественных объединений, государственных органов и органов местного самоуправления по составлению списков избирателей, выдвижению и регистрации кандидатов, голосованию и подведению его итогов, проведению иных избирательных действий. В рамках демократической системы выборы обеспечивают конкурентный политический процесс, через который проявляет себя народный суверенитет, действительное народовластие и гражданское представительство интересов⁶.

Основная проблема электоральной демократии состоит в том, что сама по себе административно и юридически обеспеченная, формализованная процедура выборов не гарантирует демократическое качество государственной власти⁷. Фундаментальное значение в становлении действительно демократических институтов публичного властвования приобретают со-

¹ См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Под ред. Г. Д. Садовникова. М., 2006. С. 157.

² См. подробнее: Толстик В. А. Иерархия источников российского права: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 13.

³ См.: Комментарий к Федеральному закону «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 20 декабря 2002 г. № 175-ФЗ (постатейный) / Отв. ред. Е. И. Колюшин. М., 2003. С. 142.

⁴ См.: Комментарий к Федеральному закону «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации». М., 1995. С. 15, 26.

⁵ См.: Парламентаризм и многопартийность в современной России. М., 2000. С. 71.

⁶ См.: Веденеев Ю. А. Развитие избирательной системы Российской Федерации: проблемы правовой институционализации. М., 2002. С. 47, 57.

⁷ См.: Чиркин В. Е. Конституционные проблемы власти народа // Государство и право. 2004. № 9. С. 8.

стояние и уровень развития политической и правовой культуры граждан, их реальной способности действительно быть субъектами избирательного процесса.

Утверждение в политической культуре и политике понимания легитимации государственной власти через выборы свидетельствует об уровне развития демократии в данном обществе¹.

Развитие демократии неотделимо от политической стабильности и эффективной работы государственного аппарата и указывает на то, что демократический процесс и его институты являются одним из важных факторов социально-экономического прогресса в целом и человеческого развития, в частности². Политическая конкуренция, осуществляемая в ходе выборов и других демократических процедур, вынуждает политиков полнее учитывать потребности и желания людей.

Выборы дают возможность не только отбирать наиболее достойных кандидатов, но и обеспечивают поддержку соответствующему курсу со стороны большинства граждан. Избирательный процесс самым тесным и непосредственным образом связан с процессом легитимации власти³.

Органы государственной власти и их должностные лица, являясь носителями публичной власти, несут ответственность перед населением⁴. Если решения, принимаемые выборными должностными лицами, явно противоречат интересам избирателей, то необходимо прибегнуть к такой форме прямого контроля, как отзыв депутата.

Право отзыва депутата гарантирует действительную ответственность депутата перед избирателями. Данный способ открывает путь для справедливого разрешения противоречий в обществе, позволяет народу выразить свое мотивированное мнение.

¹ См.: Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 172.

² См.: Вайнберг А. В. Легитимация и делегитимация выборной государственной власти в современной России: Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 59.

³ См.: Карташов В. Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. Саратов, 1989. С. 32; Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учеб. В 4 т. Т. 2 / Отв. ред. Б. А. Страшун. М., 1995. С. 15–16.

⁴ См.: Савин В. Н. Ответственность государственной власти перед обществом // Государство и право. 2000. № 12. С. 66.

Истинное народовластие без права избирателей на отзыв депутата невозможно.

Депутат по решению большинства избирателей соответствующего избирательного округа должен быть в любое время отозван, если он не оправдал их доверия или совершил действия, не достойные высокого звания депутата. В настоящее время российское законодательство предусматривает отзыв депутата только на уровне местного самоуправления⁵. Такая позиция законодателя объясняется следующим. Обязательным условием действия института отзыва депутата избирателями является мажоритарная система избрания депутатов; при других системах избрания депутатов в условиях свободных выборов данный институт может быть неосуществимым и даже недопустимым⁶. Так, институт отзыва депутата на федеральном уровне может привести к нарушению стабильности нормотворческого процесса и служить при определенных обстоятельствах инструментом борьбы против политического меньшинства. Полномочия депутатов представительного (законодательного) органа могут быть прекращены только по основаниям, указанным в законе самим представительным (законодательным) органом. Федеральным законом «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ отзыв депутата не предусмотрен в качестве основания прекращения депутатских полномочий. Учитывая тот факт, что выборы в Государственную Думу РФ проходят по пропорциональной избирательной системе, совершенно логичным станет положение об отзыве всей политической партии⁷.

Таким образом, по нашему мнению, институт отзыва депутата должен быть пре-

⁵ См.: Белоусова Е. В. Муниципальное право Российской Федерации: Курс лекций. СПб., 2004. С. 99; Постовой Н. В. Муниципальное право России. М., 1998. С. 193.

⁶ См.: Конституционный строй России. Вопросы парламентского права / Ред. кол.: Е. К. Глушко и др. М., 1995. С. 36.

⁷ См. подробнее: Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Н. В. Витрука // По делу о проверке конституционности Закона Московской области от 28 апреля 1995 года «О порядке отзыва депутата Московской областной Думы»: Постановление Конституционного Суда РФ от 24 дек. 1996 г. № 21-П // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 348.

дусмотрен на федеральном уровне в виде права отзыва избирателями политической партии. Поэтому на федеральном уровне необходимо законодательно закрепить право отзыва политической партии из Государственной Думы РФ. Данный нормативный акт должен урегулировать процедуру отзыва партии, аналогичную процедуре отзыва депутата представительного законодательного органа посредством сбора голосов избирателей и дальнейшим голосованием.

Институт отзыва депутатов необходимо предоставить избирателям субъектов РФ¹. Выборы депутатов в представительный орган субъекта должны проходить полностью или частично по мажоритарной системе, а отзыв депутата должен быть предусмотрен

в качестве основания досрочного прекращения депутатских полномочий в законе конкретного субъекта федерации. В субъектах РФ, где законодательные органы формируются только по пропорциональной избирательной системе, избирателям должно быть предоставлено право отзыва политической партии.

Библиографический список

1. Вайнберг, А. В. Легитимация и делегитимация выборной государственной власти в современной России : дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2006.

2. Конституционный строй России. Вопросы парламентского права / ред. кол.: Е. К. Глушко [и др.]. – М., 1995.

А. С. Колосов,

*старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
ВЮИ ФСИН России*

кандидат юридических наук

Т. Е. Колосова,

*адвокат Центральной коллегии
адвокатов г. Владимира*

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ АДВОКАТОВ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Происшедшие за последние два десятилетия коренные преобразования в политической и экономической системе страны повлекли за собой глобальные изменения во всех сферах жизни российского государства и общества. В результате к началу XXI в. сложилась принципиально новая правовая ситуация, требующая коренного пересмотра организационных принципов и законодательных основ деятельности адвокатуры как одного из основных механизмов защиты прав человека в правовом демократическом государстве².

Принятие нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в декабре 2001 г.³ ознаменовало существенное изменение статуса адвоката, расширив его процессуальные права, а Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»⁴ (далее: Закон об адвокатуре) юридически оформил принадлежность адвокатуры к институтам гражданского общества и возложение на нее отдельных публично-правовых функций. С введением данного Закона в действие утратили силу Закон РСФСР «Об утверждении Положения об адвокатуре РСФСР»⁵ и Закон СССР «Об адвокатуре в СССР»⁶, препятствовавшие развитию адвокатуры как корпорации профессионалов в сфере оказания юридической помощи в современных условиях.

³ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. Федер. закона от 6 дек. 2007 г. № 335-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федер. закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (в ред. федер. законов от 28 окт. 2003 г. № 134-ФЗ, 22 авг. 2004 г. № 122-ФЗ, 20 дек. 2004 г. № 163-ФЗ, 24 июля 2007 г. № 214-ФЗ, с изм., внесен. Федер. законом от 3 дек. 2007 г. № 320-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Об утверждении Положения об адвокатуре РСФСР: Закон РСФСР от 20 нояб. 1980 г. // Ведомости Верхов. Совета СССР. 1980. № 48. Ст. 1596.

⁶ См.: Об адвокатуре в СССР: Закон СССР от 30 нояб. 1979 г. // Ведомости Верхов. Совета СССР. 1979. № 49. Ст. 846.

¹ См.: Особые мнения судей Конституционного Суда РФ М. В. Баглая и Т. Г. Морщаковой // По делу о проверке конституционности Закона Московской области от 28 апреля 1995 года «О порядке отзыва депутата Московской областной Думы»: Постановление Конституц. Суда РФ от 24 дек. 1996 г. № 21-П // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 348.

² См.: Хоменя А. В. Особенности формирования правового статуса адвокатуры в России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 3.

С принятием Закона об адвокатуре последняя официально получила статус главного субъекта реализации конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи. В Законе об адвокатуре перечень видов юридической помощи, оказываемой в рамках адвокатской деятельности, существенно расширен по сравнению с Положением об адвокатуре 1980 г. Помимо традиционных видов юридической помощи, к которым относятся консультирование и составление различного рода заявлений и ходатайств, в настоящее время актуальны участие адвоката в качестве представителя физического или юридического лица, осуществляющих предпринимательскую деятельность, в налоговых органах, и подготовка пакета документов для обращения физического лица, не получившего, по его мнению, надлежащей защиты в рамках национальной юрисдикции, в Европейский суд по правам человека. При этом в правовой литературе отмечается, что, учитывая возникающие в обществе новые виды правоотношений, перечень видов юридической помощи, оказываемой адвокатами, не может быть исчерпывающим¹.

В соответствии с ч. 2 ст. 7 Закона об адвокатуре за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную данным законом. В то же время закон не содержит ни отдельной главы, ни специальной статьи, которые бы прямо и непосредственно были посвящены вопросу ответственности адвоката. Если проанализировать действующее законодательство и подзаконные нормативные правовые акты, так или иначе затрагивающие те или иные стороны адвокатской деятельности, возможно сделать вывод о том, что адвокат за ненадлежащее исполнение своих обязанностей может нести дисциплинарную, гражданско-правовую и уголовную ответственность.

Дисциплинарная ответственность адвоката перед адвокатским сообществом выражается в прекращении статуса адвоката в случае совершения проступка, порочащего честь и достоинство адвоката или умаляющего авторитет адвокатуры, неисполнения или ненадлежащего исполнения адвокатом

своих профессиональных обязанностей перед доверителем, а также неисполнения решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Физические и юридические лица могут обратиться с жалобой на действия адвоката в адвокатскую палату того субъекта РФ, в региональный реестр которого внесены сведения об этом адвокате. Территориальный орган юстиции, располагающий сведениями об обстоятельствах, которые являются основаниями для прекращения статуса адвоката, направляет представление о прекращении статуса адвоката в соответствующую адвокатскую палату.

Рассмотрение жалоб и представлений возложено на квалификационные комиссии, в состав которых входят семь представителей от адвокатского сообщества и шесть представителей от органа юстиции, законодательных и судебных органов субъекта РФ. Квалификационная комиссия по результатам рассмотрения жалобы дает заключение о наличии или отсутствии в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм кодекса профессиональной этики адвоката, о неисполнении или ненадлежащем исполнении им своих обязанностей. Заключение принимается простым большинством голосов членов комиссии, участвующих в ее заседании, путем голосования именными бюллетенями. На основании заключения квалификационной комиссии совет соответствующей адвокатской палаты принимает решение о прекращении статуса адвоката либо об отказе в удовлетворении представления или жалобы на действия адвоката. В случае, если совет адвокатской палаты в месячный срок со дня поступления соответствующего представления не принял решения о прекращении статуса адвоката, территориальный орган юстиции вправе обратиться в суд с заявлением о прекращении статуса адвоката².

² Подробнее о дисциплинарной ответственности адвокатов см.: *Баев Н. А.* Дисциплинарная ответственность адвоката // Воронеж. криминалист. чтения: Сб. науч. тр. Воронеж, 2005. Вып. 6. С. 10–16; *Грудцина Л. Ю.* Дисциплинарная ответственность адвоката // Дела судебные. Адвокаты делятся опытом: Сб. ст. М., 2004. Вып. 2. С. 101–115; *Гончарова Н. Н.* Особенности взаимоотношений адвоката и доверителя при осуществлении адвокатской деятельности (вопросы дисциплинарной ответственности) // Адвокатура. Государство. Общество: Сб. материалов III Всерос. науч.-практ. конф. М., 2006. С. 106–119.

¹ См.: *Нинцзева Т. М.* Правовое регулирование организации адвокатуры в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 14–15.

Институт гражданско-правовой ответственности адвоката регулируется одновременно гражданским законодательством и законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре¹. Отношения между адвокатом и доверителем регламентируются нормами Гражданского кодекса РФ (далее: ГК РФ), относящимися к договору поручения и договору возмездного оказания услуг, лишь в той мере, в какой они не противоречат Закону об адвокатуре. Так, адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты (п. 6 ч. 4 ст. 6 Закона об адвокатуре), а поверенный по договору поручения, в свою очередь, может в любое время отказаться от исполнения поручения (ч. 1 ст. 977 ГК РФ). Адвокат не имеет права занимать по делу позицию, противоречащую воле доверителя, за исключением случаев, когда он убежден в наличии самооговора доверителя (п. 3 ч. 4 ст. 6 Закона об адвокатуре), а поверенный вправе отступить от указаний доверителя, если это необходимо в интересах доверителя и поверенный не мог предварительно запросить доверителя либо не получил в разумный срок ответа на свой запрос (ч. 2 ст. 973 ГК РФ).

Основания гражданско-правовой ответственности адвоката в договорных и внедоговорных отношениях между адвокатом и клиентом разнятся. При договорном регулировании отношений адвоката и клиента основанием ответственности адвоката перед доверителем является нарушение им договора, выражающееся в неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом поручения либо в неоказании или ненадлежащем оказании услуг, т. е. тех обязанностей, которые возложены на него соответствующим договором.

Согласно ст. 25 Закона об адвокатуре отношения между адвокатом и клиентом строятся на основе гражданско-правового договора (соглашения): представительство адвокатом своего клиента в суде и других государственных органах, в отношениях с физическими лицами осуществляется на

основании договора поручения, иные виды юридической помощи адвокат оказывает по договору возмездного оказания услуг. Закон об адвокатуре и ГК РФ (ч. 3 ст. 421) не запрещают заключения смешанного договора в том случае, если юридическая помощь, оказываемая адвокатом клиенту, предполагает как отношения по представительству, так и иные виды юридической помощи. Главное, чтобы этот договор содержал существенные условия, указанные в ч. 4 ст. 25 Закона об адвокатуре, и базировался на нормах подразд. 2 ГК РФ («Общие положения о договоре»).

В соответствии с п. 5 ч. 4 ст. 25 Закона об адвокатуре в соглашении должны быть обязательно указаны предмет поручения, а также размер и характер ответственности адвоката, принявшего исполнение поручения. Такая ответственность может возлагаться на адвоката за причинение убытков доверителю в результате оказания юридической помощи, а также за моральный вред, причиненный доверителю. Кроме того, соглашением может быть предусмотрена неустойка (штраф, пени), применяемая к адвокату за ненадлежащее исполнение поручения. Следовательно, ответственность адвоката перед доверителем всегда конкретна и вытекает из заключенного соглашения.

Гражданско-правовая ответственность адвокатов, участвующих в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, предварительного следствия, прокурора или суда, и адвокатов, оказывающих бесплатную юридическую помощь гражданам РФ, является внедоговорной, деликтной, так как между клиентом и адвокатом отсутствует соглашение, и юридическая помощь оказывается по постановлению либо определению соответствующего государственного органа или должностного лица.

К таким правоотношениям применяются нормы гл. 59 ГК РФ об обязательствах вследствие причинения вреда. Основанием ответственности адвоката в таких правоотношениях выступает причинение личности или имуществу гражданина вреда, не связанного с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств по договору.

¹ См.: Намзалов Р. Б. Некоторые аспекты гражданско-правовой ответственности адвоката // Российское право: Информ.-аналит. журн. 2007. № 9. С. 54–55.

Размер гражданско-правовой ответственности адвоката также имеет свою специфику в договорных и деликтных отношениях между адвокатом и клиентом. Ответственность адвоката перед доверителем в рамках исполнения соглашения об оказании юридической помощи устанавливается в договоре, причем стороны абсолютно свободны в установлении пределов такой ответственности и условий ее ограничения¹.

При внедоговорных отношениях адвоката с клиентом в отношении размера имущественной ответственности адвоката действует правило, предусмотренное ч. 1 ст. 1064 ГК РФ. Согласно данной норме адвокат обязан возместить в полном объеме вред, причиненный личности или имуществу гражданина в результате оказания юридической помощи, т. е. имущественная ответственность адвоката в деликтных обязательствах не может быть ограничена.

Уголовная ответственность адвоката может наступать в следующих случаях:

- фальсификация им доказательств по гражданскому или уголовному делу (ст. 303 УК РФ);

- подкуп или принуждение к даче ложных показаний, ложного заключения, к неправильному переводу либо уклонению от дачи показаний, заключения (ст. 309 УК РФ);

- разглашение данных предварительного расследования (ст. 310 УК РФ).

При этом необходимо отметить, что ряд авторов выделяет более широкий круг «адвокатских преступлений»².

¹ См.: *Просвиркин А. Н.* Проблемы института ответственности адвокатов // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2005. № 2. С. 230–233.

² См.: *Гармаев Ю. П.* Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве: Учеб. / Науч. ред. В. Н. Карагодин. М., 2005; *Сурдин Г. В.* Проблемы привлечения адвоката к уголовной ответственности за совершение преступлений, связанных с выполнением своих профессиональных обязанностей // Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступностью: Сб. науч. тр. Иркутск, 2006. Вып. 3. С. 68–73; *Ташинов А. В.* Ответственность частных нотариусов, а также адвокатов, частных детективов и охранников по уголовному и налоговому законодательству // Преступность, криминология, криминологическая защита. М., 2007. С. 175–183.

По мнению Ю. А. Цветкова, существующих уголовно-правовых средств недостаточно для предотвращения случаев недобросовестной деятельности адвокатов³. При этом он предлагает дополнить действующее законодательство нормой об уголовной ответственности адвокатов. Она, по мнению автора, должна предусматривать ответственность за адвокатскую халатность, выражающуюся в ненадлежащем исполнении адвокатом принятых на себя обязательств перед клиентом, злоупотреблении своими полномочиями и превышении полномочий. Обязательным условием наступления уголовной ответственности Ю. А. Цветков предлагает считать наступление общественно опасных последствий в виде значительного нарушения прав клиентов и других лиц и существенного вреда интересам правосудия⁴. По нашему мнению, данная позиция заслуживает безусловного внимания.

В заключение необходимо оговориться, что настоящая статья носит в большей степени постановочный характер, и проблемы, в ней обозначенные, нуждаются в дальнейшем глубоком исследовании.

Библиографический список

1. *Баев, Н. А.* Дисциплинарная ответственность адвоката / Н. А. Баев // Воронеж. криминалист. чтения : сб. науч. тр. – Воронеж, 2005. – Вып. 6. – С. 10–16.

2. *Намзалов, Р. Б.* Некоторые аспекты гражданско-правовой ответственности адвоката / Р. Б. Намзалов // Рос. право : информ.-аналит. журн. – 2007. – № 9. – С. 54–55.

3. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : федер. закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ : [в ред. федер. законов от 28 окт. 2003 г. № 134-ФЗ, 22 авг. 2004 г. № 122-ФЗ, 20 дек. 2004 г. № 163-ФЗ, 24 июля 2007 г. № 214-ФЗ : с изм., внесенными федер. законом от 3 дек. 2007 г. № 320-ФЗ] // СПС «КонсультантПлюс».

4. *Цветков, Ю.* Уголовная ответственность адвокатов / Ю. Цветков // Уголовное право. – 2002. – № 4. – С. 50–52.

³ См.: *Цветков Ю.* Уголовная ответственность адвокатов // Уголовное право. 2002. № 4. С. 50–52.

⁴ См.: там же. С. 52.

Д. С. Кучков,
*аспирант кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО И ЧАСТНОПРАВОВОГО НОРМАТИВНОГО И НЕНОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Традиционно в литературе публично-правовое и частноправовое регулирование общественных отношений характеризуется комплексами специфических признаков, отличающих их друг от друга и позволяющих установить единство. Например, для публично-правового регулирования свойственно: преобладание императивного метода регулирования; преобладание таких способов регулирования, как позитивное обязывание и запрещение; направленность на охрану публичных интересов; регламентация отношений, в которых присутствует публичный интерес и участники которых часто неравноправны, и т. д. Данные признаки не обязательно должны присутствовать одновременно (например, отношения между субъектами федерации строятся на равноправной основе, несмотря на то, что эти отношения являются публично-правовыми), но должны преобладать.

Частноправовое регулирование характеризуется, в отличие от публично-правовой регламентации общественных отношений, преобладанием диспозитивного метода регулирования и дозволительного способа регулирования, а также направленностью на охрану частных интересов.

С учетом названных признаков к публичному праву обычно относят следующие отрасли права: конституционное, муниципальное, финансовое, налоговое, уголовное, административное, гражданско-процессуальное, уголовное процессуальное, арбитражно-процессуальное. В данных отраслях преобладают публично-правовые начала и им свойственны перечисленные признаки. Кроме того, сфера публичного права включает в себя также элементы публичного в частном праве. Например, семейное право, традиционно относящееся к сфере частного права, содержит в себе целый блок предписаний и отношений публично-правового характера, связанных с участием государства в защите прав и интересов детей.

К отраслям частного права относят такие отрасли, как гражданское, предпринимательское, семейное право и др. К сфере частного права также можно отнести большой блок частноправового характера в публично-правовых отраслях. Вместе с тем следует отметить, что вышеназванные признаки частноправового и публично-правового регулирования не в полной мере учитывают специфику ненормативного правового регулирования.

В связи с этим, на наш взгляд, необходимо пояснить следующее. Ненормативное правовое регулирование представляет собой особую форму социальной деятельности, направленную на создание, реализацию, толкование и применение правил поведения людей с целью упорядочения их отношений. Ненормативное правовое регулирование осуществляется посредством издания правоприменительных актов и интерпретационных актов уполномоченными органами и должностными лицами. Учитывая данное обстоятельство, частноправовое ненормативное регулирование будет направлено на «привязку» к конкретным жизненным условиям норм частноправового характера, при этом далеко не всегда используя диспозитивный метод регулирования. Более того, данный метод не будет преобладающим, поскольку издание правоприменительных актов не предполагает усмотрения участников правоотношений. В качестве примера рассмотрим такую форму ненормативного регулирования общественных отношений, как государственная регистрация юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (далее: государственная регистрация). В соответствии с Федеральным законом «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ¹ под государственной регистрацией следует понимать акты уполномоченного федерального органа исполнительной власти, осуществляемые посредством внесения в государственные реестры сведений о создании, реорганизации и ликвидации юридических лиц, приобретении физическими лицами статуса индивидуального предпринимателя, прекращении физическими лицами деятельно-

¹ См.: СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. 1). Ст. 3431.

сти в качестве индивидуальных предпринимателей, иных сведений о юридических лицах и об индивидуальных предпринимателях. С одной стороны, уполномоченный на регистрацию орган издаст правоприменительный акт и внесет сведения о регистрации в реестр лишь при условии представления всех необходимых документов заявителем и соблюдении всей процедуры. В этом проявляется императивность данной формы ненормативного регулирования. С другой стороны, заявителю дозволено самостоятельно определять органы управления создаваемого юридического лица, сферы его деятельности, что свидетельствует о наличии начал диспозитивности.

В целом использование дозволительного способа регулирования и направленность на охрану общественных отношений сохраняются при ненормативном частнопроводном регулировании.

Следует заметить, что на уровне ненормативного правового регулирования различия между частнопроводным и публично-правовым регулированием заметно сокращаются.

Выделяются *две основные формы взаимодействия* частнопроводного и публично-правового регулирования.

1. *Субсидиарное регулирование* (использование при регламентации публично-правовых отношений дополнительно частнопроводных норм, содержащихся в иных нормативных правовых актах, и наоборот, использование при регламентации частнопроводных отношений предписаний публично-правового характера). Данная форма взаимодействия обеспечивается за счет различных способов связи между нормативными правовыми актами, например, путем использования отсылочных или бланкетных норм. Однако часто такая отсылка может быть и не явной, а носить скрытый характер или, иначе говоря, просто подразумеваться.

Проиллюстрируем данную форму взаимодействия на конкретном примере. Отношения по поводу осуществления предвыборной агитации в целом и проведения публичных агитационных мероприятий, в частности, относятся к сфере публичного права и соответственно урегулированы публично-правовыми предписаниями (Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федера-

ции» от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ). Вопросы проведения агитационных публичных мероприятий подробно отражены в ст. 53 данного Закона. Однако при проведении такого рода агитационных мероприятий кандидатам и их представителям необходимо использовать помещения, которые на время проведения публичных агитационных мероприятий они арендуют. В связи с этим согласно п. 6 ст. 53 указанного Закона для проведения агитационных публичных мероприятий кандидаты, избирательные объединения, инициативная группа по проведению референдума и иные группы участников референдума вправе арендовать на основе договора здания и помещения, принадлежащие гражданам и организациям независимо от формы собственности. Таким образом, в данной норме имеется скрытая отсылка к положениям ГК РФ, регулирующим порядок и условия заключения договора аренды недвижимого имущества. Предписания ГК РФ о договоре аренды, безусловно, носят частнопроводной характер и будут применяться к регулированию публично-правовых отношений по осуществлению предвыборной агитации субсидиарно.

2. *Проникновение публично-правовых предписаний в акты частнопроводного характера, с одной стороны, и проникновение частнопроводных предписаний в акты публично-правового характера, с другой.* Например, ГК РФ, бесспорно, является частнопроводным актом, поскольку основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты. Однако это вовсе не означает, что все положения ГК РФ носят частнопроводной характер. Так, в п. 2 ст. 1 ГК РФ содержится норма, которую в полной мере можно отнести к сфере публично-правового регулирования: гражданские права могут быть ограничены на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопас-

ности государства. Е. М. Макеева обращает внимание на то, что начало диспозитивности в уголовном праве проявляется также в необходимости получения согласия руководителей коммерческих и иных организаций, без которого не допускается привлечение к уголовной ответственности сотрудников этих организаций, совершивших преступления, предусмотренные гл. 23 УК РФ (ст. 201–204), если преступление не причинило вреда интересам других организаций, а также интересам граждан, общества и государства¹. Речь идет о злоупотреблениях полномочиями, допускаемыми работниками коммерческих и иных негосударственных организаций, частными нотариусами и аудиторами, превышении полномочий служащими охранных или детективных служб и коммерческом подкупе. Тем самым государство передает коммерческим и иным негосударственным организациям решение вопроса об уголовном преследовании своих сотрудников за преступления, причинившие вред только данной организации.

Вторая форма взаимодействия предполагает «вкрапление» предписаний частноправовых в публично-правовые акты и публично-правовых предписаний в частноправовые акты. Причем существует множество форм такого рода проникновений. В литературе их называют элементами публично-правового регулирования в частном праве, т. е. правилами публично-правового характера, которые интегрированы в структуру норм и институтов гражданского (частного) права и направлены на обеспечение публичных интересов в сфере его применения².

Выделяются *причины, побуждающие законодателя использовать разные формы взаимодействия частноправового и публично-правового регулирования*. Их можно разделить на несколько групп: объективные и субъективные, вызванные интересами частноправового и публично-правового регулирования.

К объективным причинам активного взаимодействия частноправового и публично-правового регулирования можно отнести усложнение общественных отношений, усиление роли государства в различных сферах

жизни общества, необходимость защиты разного рода интересов. К субъективным можно отнести стремление отдельных личностей или групп влияния увеличить или, напротив, сократить роль публичной власти в тех или иных сферах. С. Э. Гудков выделяет несколько причин применения публично-правового регулирования в частной сфере:

- необходимость определения границ экономической свободы в целях предотвращения произвола;

- необходимость обеспечения достаточного уровня определенности в частноправовых отношениях;

- частное право способно быть не только выразителем частных интересов, но и создает необходимые предпосылки для реализации и защиты публичных интересов;

- технико-юридические факторы³.

Мы согласны с выделенными ученым причинами взаимодействия публично-правового и частноправового регулирования. Вместе с тем следует заметить, что данный перечень является открытым.

Анализ развития российского законодательства позволяет выявить тенденцию увеличения удельного веса публично-правового регулирования. На это обращается внимание как учеными-юристами, так и законодателями. На наш взгляд, основной причиной служит увеличение роли органов публичной власти в жизни общества, что связано с необходимостью решать социальные, экономические, экологические проблемы, обеспечивать высокий уровень жизни и безопасности граждан.

В литературе неоднократно предпринимались попытки выделить *основные сферы*, в которых наблюдается наиболее активное взаимодействие различных типов регулирования.

В. Ф. Яковлев выделяет следующие сферы частного права, в которых наиболее ярко выражено применение публично-правового регулирования: отношения владения, пользования и распоряжения землей и другими природными ресурсами, отношения между экономически неравными субъектами, отношения по обеспечению свободы конкуренции, отношения внешней торговли, отношения по осуществлению права публичной собственности⁴.

¹ См.: Макеева Е. М. Защита субъективных прав участников частноправовых и публично-правовых отношений // Рос. судья. 2005. № 12.

² См.: Гудков С. Э. Элементы публично-правового регулирования в гражданском праве: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 8.

³ См.: там же. С. 75–96.

⁴ См.: Яковлев В. Ф. Россия: экономика, гражданское право (вопросы теории и практики). М., 2000. С. 180.

Можно также выделить сферы публичного права, в которых наблюдается активное применение частноправового регулирования. Это отношения по поводу участия субъектов публичного права (органов государственной власти и органов местного самоуправления, политических партий, профсоюзов и др.) в хозяйственных отношениях; отношения при внедрении механизма аутсорсинга в деятельности органов публичной власти; отношения по осуществлению примирительных процедур в гражданском, арбитражном и уголовном процессе; отношения по альтернативному внесудебному разрешению споров и др. Например, ГПК РФ в ст. 39 закрепляет право истца изменить основание или предмет иска, увеличить или уменьшить размер исковых требований либо отказаться от иска. Сторонам предоставляется возможность окончить дело мировым соглашением. В качестве другого примера можно привести следующий. Спорящие стороны могут передать спор на разрешение третейского суда при наличии заключенного между ними третейского соглашения. Третейское соглашение может быть заключено сторонами в отношении всех или определенных споров, которые возникли или могут возникнуть между сторонами в связи с каким-либо конкретным правоотношением. Данные отношения урегулированы Федеральным законом «О третейских судах в Российской Федерации» от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ¹.

Следует заметить, что взаимодействие частноправового и публично-правового регулирования может характеризоваться как взаимной поддержкой и однонаправленностью, так и конфликтом, противоречиями. Выбор того или иного типа правового регулирования (частноправового или публично-правового) обусловлен множеством факторов (необходимость защиты публичных, государственных или частных интересов, особый статус субъектов общественных отношений и др.). Законодатель часто сталкивается с конфликтом интересов при регулировании той или иной сферой общественных отношений. В свою очередь, это приводит к конфликту частноправового и публично-правового регулирования. При-

ведем один из самых ярких примеров такого противоречия, на которое неоднократно обращалось внимание как учеными-правоведами, так и практическими работниками. Согласно п. 1 ст. 857 ГК РФ банк гарантирует тайну банковского счета и банковского вклада, операций по счету и сведений о клиенте. Однако в этой же статье в п. 2 указывается, что государственным органам и их должностным лицам такие сведения могут быть предоставлены исключительно в случаях и в порядке, которые предусмотрены законом. Например, В. В. Богданов, юрисконсульт ООО «ХОУМ БАНК», отмечает, что именно эти два пункта являются предпосылкой существования конфликта частноправового интереса, выразившегося, собственно, в институте банковской тайны и интересов публичных, интересов государства в лице его уполномоченных органов². В ГК РФ закреплены основные правила разрешения этого конфликта отсылкой на законодательно установленный перечень случаев и порядок предоставления информации, составляющей банковскую тайну. Однако в дальнейшем данное положение не реализуется достаточно четко в других законах. В. В. Богданов подчеркивает, что если в отношении перечня случаев ст. 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» от 2 декабря 1990 г. № 395-1³ внесена определенная ясность, то нормы, касающиеся порядка предоставления информации, содержащей банковскую тайну, очень запутаны. Ввиду отсутствия четко установленного законодателем порядка вышеуказанный конфликт интересов на практике перерастает в коллизию норм действующего законодательства. Наиболее актуальна проблема в противостоянии банков с налоговыми органами и органами внутренних дел в связи с запросами данных уполномоченных органов о предоставлении сведений, составляющих банковскую тайну: в запросах содержится требование о предоставлении выписки по расчетному счету, документов из досье клиента, копий карточек образцов подписей и печатей и т. п., а не справок по операциям и счетам юридическо-

¹ См.: СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3019.

² См.: Богданов В. В. Банковская тайна: конфликт публичного и частноправового интереса // Банковское право. 2006. № 4.

³ См.: СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492; Рос. газ. 1996. 10 февр.

го лица. Однако Федеральным законом «О банках и банковской деятельности» не предусмотрена обязанность банков предоставлять какие-либо иные, чем справки по операциям и счетам клиентов, документы (в частности, выписки по расчетному счету, копии учредительных документов, карточек образцов подписей и оттисков печатей и т. п.). Данный пример не единичен. В действующем российском законодательстве достаточно часто наблюдается конфликт частного и публично-правового регулирования. Законодателю не всегда удается избежать противопоставления частного и публично-правового компонентов в регулировании общественных отношений. В связи с этим, по нашему мнению, актуальна выработка дополнительных рекомендаций (помимо действующих коллизионных норм) по разрешению такого рода конфликтов.

Подводя итог рассмотрению основных аспектов взаимодействия частного и публично-правового регулирования общественных отношений можно сделать следующие выводы:

1) нормативное и ненормативное частное и публично-правовое регулирование отличаются заметной спецификой;

2) на уровне ненормативного правового регулирования различия между частным и публично-правовым регулированием заметно сокращаются;

В. Е. Лапшин,

первый заместитель начальника

Ивановского института Государственной

противопожарной службы МЧС России

кандидат юридических наук

МОДЕЛЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Употребление алкоголя, наркотических и психотропных веществ несовершеннолетними и молодежью, являющееся одной из форм деструктивного поведения, приводит к деградации и социальной дезадаптации личности. В последнее десятилетие это стало серьезной проблемой, приобретающей все более угрожающий характер для здоровья нации в целом.

3) выделяются две основные формы взаимодействия частного и публично-правового регулирования: субсидиарное регулирование и взаимное проникновение предписаний частного и публично-правового характера;

4) анализ развития российского законодательства позволяет выявить тенденцию увеличения удельного веса публично-правовых предписаний в системе правового регулирования общественных отношений;

5) взаимодействие частного и публично-правового регулирования может характеризоваться как взаимной поддержкой и однонаправленностью, так и конфликтом, противоречиями.

Библиографический список

1. *Богданов, В. В.* Банковская тайна: конфликт публичного и частного интереса / В. В. Богданов // *Банковское право*. – 2006. – № 4.

2. *Гудков, С. Э.* Элементы публично-правового регулирования в гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005.

3. *Макеева, Е. М.* Защита субъективных прав участников частных и публично-правовых отношений / Е. М. Макеева // *Рос. судья*. – 2005. – № 12.

4. *Яковлев, В. Ф.* Россия: экономика, гражданское право (вопросы теории и практики) / В. Ф. Яковлев. – М., 2000.

По данным различных исследований, уровень алкоголизации учащихся девятых классов достигает 50 %, десятых – 60 %, одиннадцатых – 75 %. При этом уровень алкоголизации и наркотизации юношей составляет 72–92 %, девушек – 80–95 %¹.

Следует отметить, что более 90 % обучающихся, регулярно употребляющих психоактивные вещества, испытывают серьезные трудности в освоении знаний².

Наряду со школьной дезадаптацией к особенностям поведенческих нарушений у несовершеннолетних, потребляющих спиртные напитки, наркотики и страдающих токсико-

¹ См.: Проблемы потребления психоактивных веществ несовершеннолетними // Отдел специальных и реабилитационных учреждений России. Н. Новгород, 2000. С. 13.

² См.: там же. С. 14.

манией, относятся отклонения в поведении, обусловленные семейной дезадаптацией (конфликты с родителями, бродяжничество, суицид, сексуальные девиации, беспорядочные половые связи), а также принадлежностью подростков к социальным группам с криминальной направленностью. В поведении несовершеннолетних с указанными отклонениями преобладают корыстно-насильственные преступления, а также преступления, связанные с участием в изготовлении, хранении и сбыте наркотических веществ.

Данный феномен требует комплексного подхода к его решению с обеспечением межведомственного взаимодействия, координирующегося на федеральном уровне.

Однако в современной отечественной системе профилактики деструктивного поведения молодежи наблюдается ряд недостатков, и одним, наиболее существенным, из них является неразработанность ее педагогического аспекта. Между тем именно данное направление связано с формированием у подростка личностного социального иммунитета и поэтому выступает самым перспективным при решении задач превентивной деятельности. Педагогическую профилактику деструктивного поведения несовершеннолетних мы рассматриваем как особый способ организации их окружающей среды и в связи с этим разделяем точку зрения академика Д. В. Колесова, что педагогическая профилактика и антинаркотическое воспитание – это не синонимы. Антинаркотическое воспитание – это процесс формирования особой личностной структуры антинаркотической направленности, предотвращающей обращение индивида к одурманиванию как способу достижения субъективно положительного внутреннего состояния и обеспечивающего ему возможность реализовать собственную потребность в получении удовольствия за счет социально ценных источников¹.

Опираясь на концепцию социализации А. В. Мудрика², можно сделать вывод, что в зависимости от степени вовлеченности в среду педагогической профилактики факторов социализации ребенка модель данного вида профилактики приобретает различную структуру: макромодель (рассматривается в

рамках страны, общества, государства), мезомодель (действует на уровне этноса, типа поселения), микромодель (охватывает ближайшую среду обитания – школу, семью, референтную группу сверстников). Следует отметить, что модель может рассматриваться на любом уровне, но функционировать должна по определенным законам.

Прежде всего, педагогическая профилактика должна носить конструктивно-позитивный характер. Смысл заключается в том, что такой подход предполагает не только запрещение поведенческих форм, связанных с одурманиванием, но и обеспечивает развитие индивидуальных механизмов, ориентирующих подростка на успешную социальную адаптацию. Освоение разнообразных социально-позитивных методов взаимодействия со средой, альтернативных наркотизации, выполняет роль эффективного личностного барьера, не оставляющего в сознании ребенка ниши для формирования деструктивных установок.

Все формы деструкции должны охватывать содержательный компонент педагогической профилактики. Многообразные формы деструктивного поведения связаны между собой. Традиционная ориентация существующей системы профилактики только на медицинские и социальные аспекты одурманивания, «жесткие» формы его проявления оказываются малоэффективной. Вне понимания остаются психологические, культурологические аспекты наркотизма, «легальные» формы его существования в обществе. Это, в свою очередь, создает социальный фундамент функционирования и дальнейшего развития наркотических традиций.

Кроме того, педагогическая профилактика наркотизма, алкоголизма и токсикомании должна носить «опережающий» характер. Иными словами, приоритетным в ее структуре является направление, связанное с предотвращением первичного обращения несовершеннолетних к одурманиванию. Первичная профилактика ориентирована не столько на реальные пробы наркосодержащих препаратов, сколько на устранение наркотической установки. Поэтому в содержании педагогической профилактики должна быть отражена возрастная динамика наркотизма и алкоголизма несовершеннолетних: антинаркотическое воспитание следует начинать заблаговременно, до того возрастного периода, когда возникает реальная возможность испол-

¹ См.: Колесов Д. В. Модель педагогической профилактики наркотизма несовершеннолетних. Н. Новгород, 2001. С. 9.

² См.: Мудрик А. В. Социальная педагогика. М., 2002.

зовать тот или иной одурманивающий препарат. Характеризуя структуру модели педагогической профилактики, мы выделяем в ней три основных блока: первичная профилактика, связанная с предотвращением реального наркогенного заражения подростков; вторичная профилактика, предотвращающая развитие наркогенного заражения несовершеннолетних, имеющих опыт использования одурманивающих веществ; педагогическая реабилитация подростков, систематически использовавших одурманивающие препараты.

Реализация этих трех блоков может происходить по нескольким направлениям:

- общая воспитательная работа с подростками, как имеющими опыт наркотизации, так и без него. Основная цель данного направления заключается в формировании у несовершеннолетних антинаркотических и антиалкогольных установок;

- просветительская и консультационная работа с педагогами и родителями. Подготовка специалистов для организации педагогической профилактики наркотизма, алкоголизма и токсикомании. Это направление выполняет две важнейшие функции – воспитательную (формирование у педагогов и родителей чувства личной ответственности за здоровье детей) и образовательную (освоение приемов и методов реализации профилактических задач);

- первичная помощь несовершеннолетним, использовавшим наркотические, психо-

активные вещества и употребляющим алкоголь. Ее основная цель заключается в том, чтобы убедить подростка в необходимости отказа от пагубного пристрастия, определить характер и содержание помощи, в которой он нуждается, а также обеспечить его взаимодействие с организациями, где ему может быть оказана эта помощь;

- коррекционная работа с несовершеннолетними, употребляющими спиртные напитки, психоактивные и наркотические вещества. Она направлена на нивелирование личностных деструктов, обусловленных длительной наркотизацией, и должна являться неотъемлемым компонентом медицинской и социальной реабилитации подростков.

Таким образом, проблема деструктивного поведения несовершеннолетних является чрезвычайно актуальной, решить которую можно только посредством применения комплекса мер, способных реально предотвратить саморазрушение личности молодых людей.

Библиографический список

1. Колесов, Д. В. Модель педагогической профилактики наркотизма несовершеннолетних / Д. В. Колесов. – Н. Новгород, 2001.
2. Мудрик, А. В. Социальная педагогика : учеб. пособие / А. В. Мудрик. – М., 2002.
3. Проблемы потребления психоактивных веществ несовершеннолетними // Отдел специальных и реабилитационных учреждений России. – Н. Новгород, 2000.

О. В. Маркина,
*старший преподаватель кафедры
гуманитарных дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

НАЗНАЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАЗДНИКА «ДЕНЬ НАРОДНОГО ЕДИНСТВА»

Государственный праздник «День народного единства», отмечаемый 4 ноября, имеет глубокие исторические корни (XVII в.). Однако в дореволюционный период преобладало религиозное содержание, так как в этот день чествовали икону Казанской Божьей Матери в благодарность за оказанное покровительство в деле освобождения Москвы от интервентов силами народного ополчения Минина и Пожарского.

Содержание первой главы Конституции РФ характеризует современную Россию как светское государство, поэтому государственная власть постаралась наполнить день 4 ноября новым содержанием. По нашему мнению, название нового праздника отражает суть относящихся к нему событий. Действительно, смутное время поколебало не только устои государства, но и основы самого общества. Тяжелое экономическое положение, отсутствие легитимности власти, иностранное вмешательство во внутренние дела России привели нацию на грань распада и угрозы исчезновения. Только объединив усилия, русский народ смог с честью преодолеть тяжелые испытания и подняться на новую ступень развития.

Следовательно, установившаяся практика наполнения нового праздника нацио-

нальным содержанием является обоснованной. День народного единства становится Днем национального единства.

В связи с этим, по нашему мнению, необходимо определить понятия «нацизм» и «национализм».

В политической науке понятие «нацизм» возникло в первой половине XX в. в связи с деятельностью национал-социалистической партии А. Гитлера. Содержательную сторону данного понятия определяет прежде всего идея исключительности немцев-арийцев, их физического и интеллектуального превосходства по отношению к представителям иных наций, которое должно воплотиться в превосходстве экономическом и политическом. В связи с этим А. Гитлер отмечал: «Со спокойной совестью мы можем встать на грань бесчеловечности, если мы при этом обеспечим счастье немецкого народа»¹. Французский историк Ж. Деларю, участник движения «Сопротивление» дает следующую характеристику идеям нацизма: «Торжество "расы господ", которая призвана заставить "недочеловеков" из низших, выродившихся, рас жить по предложенным ею законам»².

Понятие «национализм» в отечественной политической науке долгое время определялось, исходя из коммунистических принципов интернационализма. Оно рассматривалось как реакционная буржуазная и мелкобуржуазная идеология и политика, направленная на разжигание национальной вражды под лозунгом защиты своих национальных интересов, национальной исключительности и практически служащая интересам эксплуататорских классов в развитых капиталистических странах, и как движение, направленное на борьбу против империализма за национальную независимость в поработанных и зависимых странах³.

В постперестроечный период произошел отказ от многих догм марксизма-ленинизма, однако отношение к понятию «национализм» по-прежнему оставалось настороженным. Например, политологический словарь определяет «национализм» как идею национальной исключительности и превосходства, стремления к национальной замкнутости, недоверия к

другим нациям⁴. Толковый словарь русского языка также раскрывает это понятие через идеи национального превосходства, национального антагонизма, национальной замкнутости⁵. Совершенно очевидны параллели, которые в таком контексте могут быть проведены между «нацизмом» и «национализмом».

Однако современная политическая ситуация в России и во всем мире доказывает, что недооценка национальных чувств, национального самосознания ведет к очень серьезным конфликтам, поэтому термин «национализм» нуждается в переоценке и переосмыслении.

Российские ученые дореволюционного периода проводили исследования по данной проблематике. П. И. Ковалевский в работе «Русский национализм и национальное воспитание в России» обращает внимание на то, что само слово «нация» является иностранным и не имеет прямых аналогов в русском языке. Слово «народ», с его точки зрения, является либо более широким, либо более узким понятием. «Словом "русский народ" обозначают или состав жителей всего Российского государства, и тогда в это государственное понятие входит 150 наций, составляющих Российскую империю, или словами "русский народ" обозначают сословие, класс людей, простой класс народонаселения ... В последнем случае, все-таки народ будет частью нации и для пополнения всей нации нужно добавить дворян, духовенство, купцов и проч.»⁶.

Отсюда вытекает и проблема с определением термина «национализм». Так, в XIX в. официальная идеология звучала как «Православие. Самодержавие. Народность». А в толковом словаре русского языка В. Даля понятие «национализм» отсутствует.

П. Н. Милюков в своем труде «Очерки по истории русской культуры» разграничивает понятие «народное самосознание» на две составные части: «национальное самосознание» и «общественное самосознание», считая, что в национальном самосознании запечатлевается то, что составляет отличие данной национальности от соседних с це-

¹ Источник: Деларю Ж. История Гестапо. Смоленск, 1993. С. 23.

² Там же.

³ См.: Словарь иностранных слов. М., 1988.

⁴ См.: Политологический словарь / Под ред. В. Ф. Халилова. М., 1995.

⁵ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003.

⁶ Ковалевский П. И. Русский национализм и национальное воспитание в России. М., 2006. С. 52.

лю защиты традиционного типа от всяких покушений на его изменение, в то время, как общественное сознание призвано понять требования современности, сформировать активное к ним отношение для преобразований во имя лучшего будущего. «Таким образом, только что отмеченные два оттенка в содержании "народного самосознания" знаменуют собой в то же время два последовательных момента в развитии этого самого содержания. Национальное самосознание является при этом, психологически и хронологически, первым моментом, а общественное самосознание – вторым»¹.

Указанные исследователи отводят очень важное значение национальному самосознанию в жизни государства. По мнению П. Н. Милюкова, только развитое общественное сознание может стать залогом будущего процветания. Для более полной эволюции общественного сознания он называет необходимым условием свободное и мирное общение между представителями различных национальностей: «Ближайшее знакомство с чужим национальным типом бывает на практике первым толчком, вызывающим перемены в сложившейся форме национального сознания. Эпоха самовозвеличения сменяется эпохой самокритики. Внимание части общества, наиболее заинтересованной в переменах, обращается от внешней национальной борьбы к внутреннему общественному строю»².

В. В. Меркурьев,
профессор кафедры
уголовного права и криминологии
ВЮИ ФСИН России
доктор юридических наук, доцент

**ИДЕЯ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА
НА ЗАЩИТУ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА
И ЕГО БЕЗОПАСНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ
В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Физического существования в таких условиях, когда отсутствуют угрозы, в том числе в виде противоправных посягательств, спо-

П. И. Ковалевский подчеркивает, что межнациональное общение должно строиться на принципах уважения личности оппонента, в основе которого лежит уважение к самому себе: «Для проявления национального самосознания требуется прежде всего сознание своего собственного достоинства, сознание человеческого достоинства. Нужно, чтобы человек прежде осознал, что он человек, и признал в другом человеке такого же человека. Уважая самого себя в себе, человек и в другом человеке уважает самого себя. И только уважая другого, он может требовать уважения к самому себе»³.

Только национальные чувства, поставленные на прочную основу знаний и политических традиций уважения законных прав любого человека могут сформировать национализм в его лучшем проявлении. И только такой национализм способен объединить россиян для новых и славных свершений. По нашему мнению, День народного единства как государственный праздник имеет богатейший потенциал для воплощения данных перспектив.

Библиографический список

1. Ковалевский, П. И. Русский национализм и национальное воспитание в России / П. И. Ковалевский. – М., 2006.
2. Милюков, П. Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 ч. Ч. 3. Национализм и общественное мнение / П. Н. Милюков. – СПб., 1901.

собных повлечь смерть человека, в реальной действительности достичь невозможно.

Однако субъективное право на личную неприкосновенность человека и гражданина, обеспеченное обязанностью государства защищать права и свободы граждан и подкрепляемое правом самому защищать свои права и свободы всеми способами, которые не запрещены законом (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ), выполняет гарантийную функцию по отношению к ряду других субъективных прав граждан.

Поэтому право на гражданскую самозащиту является одним из реальных гарантов безопасного существования граждан и наиболее важных предпосылок жизнедеятельности члена общества, своеобразным индикатором гражданской инициативности.

¹ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 ч. Ч. 3. Национализм и общественное мнение. СПб., 1901. С. 3.

² Там же. С. 10.

³ Ковалевский П. И. Указ. соч. С. 38.

Продолжение спора относительно того, самостоятельно ли право на защиту, в том числе путем применения актов крайней необходимости и необходимой обороны, или оно есть правомочие субъективного права в условиях нового правового поля, созданного в Российской Федерации, является неактуальным и бессодержательным.

Право человека на защиту права установлено Конституцией РФ (ст. 45–48), ГК РФ (ст. 11), УК РФ (ст. 37, 38, 39), многими федеральными законами, международно-правовыми актами и существует объективно, т. е. независимо от того, нуждается в нем человек или нет.

В уголовном праве, как мы уже отмечали, происходит детализация ст. 45 Конституции РФ, в ч. 2 которой определено, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Следует отметить, что вопрос о юридической природе норм уголовного права, регламентирующих обстоятельства, которые исключают преступность деяния, и правовой статус лиц, осуществляющих данный вид легального насилия, в доктрине остается весьма спорным.

Почему государство наделяет граждан правом на применение легального насилия, которое внешне схоже с преступлением? В научной литературе по этому вопросу существуют различные точки зрения.

Одни авторы полагают, что в подобного рода деяниях отсутствует общественная опасность, другие признают их правомерными. Достаточно распространенной является позиция, в соответствии с которой подобные деяния расцениваются как общественно полезные. Так, по мнению Б. Т. Разгильдиева, совершенно очевидно, что действия лица в состоянии необходимой обороны, крайней необходимости, причинения вреда при задержании преступника являются общественно полезными. Именно это обстоятельство и следует зафиксировать в соответствующих уголовно-правовых нормах¹.

Другие ученые по данной проблеме высказываются более осторожно. Например, С. Г. Келина считает, что общественная полезность, безусловно, имеет место при задержании пре-

ступника, необходимой обороне от общественно опасного посягательства, поскольку в этих случаях речь идет о своеобразных методах борьбы с общественно опасным или преступным поведением. Однако нельзя признать такую «общественную полезность» ни при каком другом обстоятельстве, например, при крайней необходимости, когда вред причиняется третьему лицу, не виновному в возникновении опасности. Нельзя говорить об общественной полезности также и в случае причинения вреда в связи с исполнением незаконного приказа или при обоснованном риске².

Более категоричен в оценке данной проблемы В. И. Михайлов. Рассматривая сущность необходимой обороны, крайней необходимости и задержания преступника, он указывает, что не может быть признано общественно полезным лишение жизни другого человека, даже если он сам угрожал смертью другому.

Согласиться с таким положением значит отвергнуть принцип, согласно которому жизнь человека есть высшая ценность, а личность, ее материальные интересы, права и свободы в системе ценностей, защищаемых законом, являются главенствующими³.

Эту позицию поддержал А. А. Лакеев, по мнению которого ни одно из деяний, совершенных при обстоятельствах, исключаящих их преступность, не будет полезным, поскольку в любом случае объективно оно приносит тот или иной вред обществу в целом либо отдельным его представителям. Однако государство вынуждено предоставить или санкционировать гражданам право на причинение вреда.

Это обусловлено необходимостью гарантировать естественное право граждан на жизнь и здоровье либо обеспечить достижение определенных общественно полезных целей⁴. А. А. Лакеев считает, что природа права применять легальное насилие при обстоятельствах, исключаящих преступность деяния, различна и зависит от вида обстоятельства.

² См.: Келина С. Г. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния: понятие и виды // Уголовное право. 1999. № 3. С. 6.

³ См.: Михайлов В. И. О социально-юридическом аспекте содержания обстоятельств, исключаящих преступность деяния // Государство и право. 1995. № 12. С. 63.

⁴ См.: Лакеев А. А. Виды субъектов уголовного права: Моногр. Рязань, 2003. С. 113.

¹ См.: Разгильдиев Б. Т. Общественно полезные деяния, предусмотренные УК // Законность. 1993. № 12. С. 19.

Мы полагаем, что юридическое право человека на необходимую оборону основано на естественном и неотчуждаемом праве, получаемом человеком от рождения. Оно реализуется субъектом уголовного права объективно, непосредственно и удовлетворяет потребности в самосохранении и безопасных условиях существования, исходящих из природы человека. Субъективное юридическое право граждан на необходимую оборону от общественно опасных посягательств на их личную неприкосновенность регулирует сферу наиболее жизненно важных общественных отношений между личностью и обществом. Обеспечивая физическую, нравственную и социальную неприкосновенность личности, оно является абсолютным субъективным правом человека и гражданина, которое в связи с этим выполняет гарантийную функцию по отношению к ряду других субъективных прав: праву на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, защиты чести и достоинства, собственности, праву на неприкосновенность жилища и др. В силу своей особой значимости, таким образом, право на необходимую оборону включено в содержательную структуру общего правового статуса личности, основы которого закреплены в гл. 2 Основного закона Российской Федерации¹.

В принципе А. А. Лакеев придерживается такой же точки зрения. Однако он акцентирует внимание на социальной обусловленности права на необходимую оборону в зависимости от адресности криминального посягательства. Если оно направлено на личность и ее права, считает он, то право отражать посягательство является естественным и обусловлено существованием у каждого из индивидов инстинкта самосохранения.

В том случае, когда легальное насилие осуществляется с целью защиты других лиц, интересов общества и государства, то это право по своей сущности – субсидиарное².

Такое уточнение является справедливым и заслуживает внимания, но с учетом высказанных нами ранее суждений о природе института необходимой обороны.

Мы уже отмечали производность этого института: 1) от актуализирующейся в ситуации

преступного нападения потребности человека в самосохранении в широком смысле слова: сохранении себя, своих чести и достоинства, экономической основы существования, системы ценностей и той объективной ситуации, в которой оказалась жертва нападения; 2) естественного права человека на самосохранение, которое принадлежит каждому от рождения; 3) правового статуса человека и гражданина в Российской Федерации.

Проведенное нами социологическое исследование, относящееся к практической реализации института необходимой обороны, показало, что право на необходимую оборону используется гражданами редко (свыше 52 % респондентов) или крайне редко (почти 38 % опрошенных). Среди причин такого положения названы: незнание данного права – 15,5 %, незнание конкретных правил поведения в таком состоянии – 23,4 %, боязнь наступления нежелательных правовых последствий – 53 %, известный гражданину негативный опыт наступления подобных последствий для обороняющихся – 13,6 % и только 6,5 % опрошенных недооценивают собственные силы и возможности при отражении посягательства. Характерно, что из числа опрошенных, кто ранее сам применял данное право, почти две трети на момент отражения посягательства сомневались в законности своих действий.

Отсюда следует неутешительный вывод: люди не столько боятся столкновения с правонарушителем, сколько дальнейшего разбирательства, в котором обороняющийся часто выступает в роли подозреваемого, обвиняемого или подсудимого. При этом посягающий подчас выглядит жертвой, а его общественно опасное деяние, послужившее поводом для защиты, лишь в редких случаях получает соответствующую уголовно-правовую оценку. Разумеется, данное положение не способствует эффективному применению рассматриваемого института, и сложившаяся практика должна быть скорректирована³.

³ Показательно в этом смысле уголовное дело по обвинению москвички Александры Иванниковой в совершении убийства гражданина Багдасаряна в состоянии аффекта, которое получило большой общественный резонанс. Люблинский суд г. Москвы, признав, что насилие со стороны потерпевшего имело место, решил, что состояние самообороны не доказано, зато счел доказанным умысел Александры на убийство. Суд приговорил Иванникову к 2 годам лишения свободы условно (см.: <http://www.forum.wec.ru/in-dex.php?showtopic=45094&st=40>).

¹ См.: Меркурьев В. В. О праве на необходимую оборону: Исторические и социально-правовые аспекты: Учеб. пособие. Владимир, 1999. С. 36–40.

² См.: Лакеев А. А. Указ. соч. С. 114–115.

Масштабы реализации права на необходимую оборону во многом зависят от того, насколько население почувствует свою правовую защищенность, а значит, от грамотной и четкой работы системы правосудия – в строгом соответствии с идеей и буквой закона. Мы считаем, что институт гражданской самозащиты является отражением государственной политики, направленной на вовлечение граждан в борьбу с преступностью и добровольное участие в аварийно-спасательных и других неотложных работах, проводимых при возникновении чрезвычайных ситуаций и направленных на спасение жизни и сохранение здоровья людей, снижение размеров ущерба окружающей природной среде и материальных потерь. Поэтому должно быть совершенно ясно, что действия в состоянии гражданской самозащиты не только правомерны, но и общественно полезны, морально поощряемы и в ряде случаев весьма желательны.

Все вышеизложенное подводит нас к вопросу о том, как практически реализовать регламентацию идеи естественного права самозащиты жизни и безопасного существования в уголовно-правовых нормах. В какую текстуальную форму облечь эту идею в уголовном законе, чтобы она стала жизнеспособной? Другими словами, речь должна идти именно о том, какой нормативный материал по своему содержанию действительно гарантирует практическую реализацию естественного права самозащиты.

Например, в отношении обороны ответ на этот непростой вопрос И. Э. Звечаровский и С. В. Пархоменко предлагают изложить по следующей схеме: 1) Кто является субъектом реализации естественного права обороны? 2) Почему и насколько эта оборона необходима? 3) На оборону каких благ имеет право субъект и при каких условиях? 4) Что вызывает такую оборону или против чего она осуществляется? 5) Какими способами?

В ответах на каждый из поставленных вопросов, по их мнению, должно присутствовать главное: способность права-закона формализовать предполагаемую ситуацию обороны для оценки ее с точки зрения правомерности¹.

¹ См.: Звечаровский И. Э., Пархоменко С. В. Уголовно-правовые гарантии реализации права на необходимую оборону. Иркутск, 1996. С. 92.

На основании анализа различных отечественных и зарубежных уголовно-правовых нормативных актов, регламентирующих необходимую оборону, можно привести следующие варианты ответа на вопрос о субъекте реализации права обороны: «безличностная форма определения такого субъекта» (ст. 13 УК РСФСР 1960 г.); «каждый» (ст. 13 УК РСФСР в редакции Федерального закона от 1 июля 1994 г.); «личностная форма определения не только субъекта обороны, но и “посягающего”» (ст. 37 УК РФ); «лицо» (УК Франции); «исполнитель» (УК Пенсильвании, США); «тот, кто действовал в защиту собственной личности или прав» (УК Испании). Имея в виду, что нормативные установления о необходимой обороне по кругу своих адресатов имеют более широкое значение в сравнении с другими уголовно-правовыми нормами (запретами, обязываниями, дозволениями, поощрениями) и существует необходимость отражения в исском определении точного юридического смысла, по мнению И. Э. Звечаровского и С. В. Пархоменко, наиболее удачно в данном случае слово «каждый». Введение именно его в текст уголовного закона, как никакой другой словесной формы обращения, изначально создает психологический комфорт для адресата, раскрепощает его для реализации права обороны.

Тем самым уже на данном этапе акцент смещается на лицо, реализующее право обороны или задержания преступника, а не на того, кто будет в последующем давать правовую оценку такой реализации. Использование безличностной формы определения субъекта гражданской самозащиты означает отсутствие определения такого субъекта вообще, и не только его, но и правоприменителя. При таком подходе нормативные установления о необходимой обороне, крайней необходимости или причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление, близко по значению норме, определяющей понятие преступления. Их применение при том, что они не являются нормами-дефинициями, практически невозможно без дополнительных разъяснений высшими судебными инстанциями. Употребление слова «лицо», хотя и более определенно, тем не менее не

совсем точно выражает юридическую природу того явления, которое оно обозначает. Общеизвестно, что за этим термином могут стоять не только физические, но и юридические лица. Слово «исполнитель» уже используется в тексте уголовного закона в совершенно ином значении в рамках института соучастия в преступлении. Поэтому слово «каждый» наиболее удачно при обозначении субъекта обороны.

По нашему мнению, ч. 3 ст. 37 УК РФ в этой связи должна быть изложена в следующей редакции: «Каждый имеет право на необходимую оборону, т. е. защиту от общественно опасного посягательства личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства, независимо от профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения. Это право принадлежит человеку независимо от возможности избежать посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти». По логике данная нормативная установка должна найти свое место в ч. 1 статьи о необходимой обороне, а не в ч. 3, как это сделано сейчас. Тот же подход, полагаем, применим к материальным нормам о крайней необходимости и задержании преступника.

При этом подчеркнем следующее: поскольку в данном случае речь идет о реализации естественного права самозащиты, личной по своей сути, постольку и приведенная характеристика субъекта обороны касается частных, а не публичных или должностных лиц. Не случайно практически ни в одном из рассмотренных нами зарубежных нормативных актов вопрос о так называемых «специальных субъектах» необходимой обороны или крайней необходимости даже не затрагивался. Если они и упоминаются, например, при регламентации необходимой обороны, то лишь в связи с характеристикой оборонительных действий субъекта обороны (например, в связи с констатацией неправомерности обороны — использования силы — против правомерно используемой силы должностным лицом). Поэтому широко распространенная на страницах отечественной юридической литературы дискуссия о правомерности вы-

полнения специальными субъектами действий по защите правоохраняемых интересов, использованию ими специальных средств и методов защиты должна, по нашему мнению, рассматриваться за рамками институтов необходимой обороны, крайней необходимости или задержании преступника и только в аспекте выполняемых ими функций, регламентированных в специальных (как правило, ведомственных) нормативных актах. Это не имеет отношения к некоторым категориям обороняющихся, например осужденным, естественное право на оборону которых все же ограничено в силу особого правового статуса.

Предваряя ответ на второй из поставленных вопросов «Почему и насколько эта самозащита необходима?», следует внести ясность: о праве на что в данном случае идет речь — о праве на защиту или о праве на оборону? Как показывают материалы следственной и судебной практики, а это характерно и для большинства научных публикаций, в употреблении данных слов отсутствует какая-либо строгость. В то время как в Конституции РФ говорится о личной «защите» прав и свобод человека и гражданина, в уголовном и административном законодательстве традиционно используется слово «оборона» с предикатом «необходимая». Отсутствует единообразие в употреблении слов «защита» и «оборона» и в зарубежном уголовном законодательстве. Здесь также формулировка «действие, необходимое для защиты» в одном и том же нормативном акте соседствует с формулировкой «считается действующим в состоянии правомерной обороны» (ст. 122-6, 122-7 УК Франции). Более избирательно в этом вопросе американское уголовное законодательство США, в котором слово «защита» («самозащита») используется для определения цели, на достижение которой направлено «использование силы».

Очевидно, что употребление слов «оборона» и «защита» для обозначения одного и того же явления допустимо только в том случае, когда они являются синонимами и несут одинаковую смысловую нагрузку. Между тем «защита» — это «то, что защищает, служит обороной»; «защищать» значит, «охраняя, оградить от посягательства,

от враждебных действий, от опасности; предохранить, обезопасить от чего-нибудь»; защитник – «тот, кто защищает, охраняет, оберегает кого-, что-нибудь»¹. «Оборона» же – это «совокупность средств, необходимых для отпора врагу»; «оборонять» значит «защищать, отражая нападение противника»². Таким образом, «оборона» является одним из средств «защиты». Защищаться можно и посредством использования средств нападения. Учитывая же, что слово «защита» в юриспруденции имеет и другое распространенное значение (например, судебная, правовая защита), а также то, что глагол «обороняться» несет в себе более точный смысл в плане отражения взаимодействия обороняющегося с посягающим (нападающим), представляется, что использование слова «оборона» в норме, заключенной в ст. 37 УК РФ, более целесообразно и соответствует тем реалиям, которые имеют место в процессе реализации рассматриваемого естественного права. Поэтому при синонимичности в обыденном значении, по крайней мере, в тексте нормативного правового акта должно употребляться именно слово «оборона». Другой вопрос, следует ли сопровождать это слово предикатом «необходимая»? Почему и насколько оборона является «необходимой»?

Употребление предиката «необходимая» в зарубежном уголовном законодательстве, как мы уже убедились, имеет отличие от употребления его в отечественном правоведении. Сама по себе оборона (защита) не называется «необходимой». Это слово присутствует в тексте закона несколько в другом контексте: «если исполнитель полагает, что такая сила необходима для защиты», «действие, продиктованное необходимостью законной обороны». Тем самым оборона здесь характеризуется предикатами качественно иного порядка – «законная», «правомерная», из чего можно сделать вывод, что решение вопроса о том, насколько необходима оборона, относится к «компетенции» самого обороняющегося. И, действительно, с точки зрения значения «необходимый» – это такой, без которого нельзя обойтись; нужный,

обязательный, неизбежный³. Уместно задаться вопросом: кому? – обороняющемуся или государству, не способному обеспечить полноценную охрану прав и свобод личности? Если оборона называется «необходимая» с позиции интересов государства, то совершенно очевидно, что решение вопроса о том, насколько она была необходима в конкретной жизненной ситуации, государство оставляет за собой, если же оборона называется необходимой с точки зрения признания ее таковой самим обороняющимся, то государству остается ответить только на один вопрос: была ли эта реализованная необходимая оборона законной (правомерной)? Решение этой проблемы, по мнению И. Э. Звечаровского и С. В. Пархоменко, имеет отнюдь не этимологическое или теоретическое значение. Оно важно в плане гарантированности интересов обороняющегося от произвольной оценки его действий. Поэтому, как они считают, от традиционного названия рассматриваемого института следует отказаться, а если его и сохранить, то только как название статьи закона, в содержании которой слово «оборона» должно употребляться без предиката «необходимая»⁴.

Какие общественные отношения должны попадать в круг объектов самозащиты при реализации естественного права? Вот вопрос, дискуссии вокруг которого не прекращаются до настоящего времени.

Прежде всего обратим внимание на недопустимость объединения двух вопросов в одном: вопроса о тех общественных отношениях, которые входят в круг объектов самозащиты, и вопроса о способах их защиты в конкретных жизненных ситуациях. Недооценка этого обстоятельства и в правоприменительной деятельности, и в теоретических исследованиях нередко приводит к созданию искусственных проблем. Так, например, на вопрос о том, возможна ли охрана отношений общественной безопасности путем причинения посягающему вреда средней тяжести, следует ответить так: да, возможна, поскольку на этот объект самозащиты указано в частях первых ст. 37, 38, 39 УК РФ; вопрос же о способах их защиты может ре-

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1981. С. 203.

² Там же. С. 381.

³ См.: там же. С. 358.

⁴ См.: Звечаровский И. Э., Пархоменко С. В. Указ. соч. С. 96.

шаться как на основании ч. 1 ст. 37 УК РФ в случае отражения посягательства, опасного для жизни обороняющегося либо другого лица, так и ч. 2 ст. 37 УК РФ, если оно таким не являлось, либо согласно правилам, установленным в ст. 38 и 39 УК РФ.

Действующее уголовное законодательство включает в круг объектов самозащиты всю совокупность общественных отношений, охраняемых уголовным законом. Другое было бы нелогичным, поскольку самозащита в названных нормативных актах допустима против любых общественно опасных угроз и посягательств. Отсюда можно сделать вывод, что круг объектов самозащиты даже шире круга объектов уголовно-правовой охраны. Не случайно определение первых (ст. 37, 38, 39 УК РФ) и вторых (ст. 2 УК РФ) количественно и качественно различно: даже описание объектов обороны в тексте уголовного закона носит более общеправовой характер. Так, объектами уголовно-правовой охраны согласно ст. 2 УК РФ выступают: права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок, общественная безопасность, окружающая среда, конституционный строй РФ.

В качестве объектов самозащиты в ст. 37 и 39 УК РФ называются личность и права обороняющегося или другого лица, охраняемые законом интересы общества и государства, а в ст. 38 УК РФ говорится о пресечении возможности совершения преступником новых преступлений как цели вредоприводящих действий при задержании.

Как отмечалось некоторыми авторами, вряд ли целесообразно, а в конечном итоге малоэффективно закрепление в качестве объектов личной обороны того, что в приведенной статье законодатель назвал «интересами общества и государства». «Если это не политическая декларация, – пишут в своей работе И. Э. Звечаровский и С. В. Пархоменко, – то ее реализация на практике стоит под большим вопросом. К тому же в редакции ст. 37 УК РФ оборона этого объекта представлена в таком виде, что скорее напоминает не право, а обязанность его охраны. Отсутствует указание на этот объект защиты и в ч. 2 ст. 45 Конституции РФ»¹.

¹ Звечаровский И. Э., Пархоменко С. В. Указ. соч. С. 98.

Большая часть опрошенных ими путем анкетирования граждан (72 %) в числе возможных объектов необходимой обороны называли и интересы государства и общества, конкретные примеры такого рода обороны называли только 17 %, при этом 9 % из них таким способом защиты называют обращение в органы милиции.

Для того, чтобы нормативные установления о необходимой обороне, содержащиеся в уголовном законодательстве, сделать эффективными с точки зрения реализации естественного права обороны, нужно либо описать в законе все возможные и конкретные объекты обороны, сопроводив каждый из них «своим» набором способов, средств и последствий защиты, либо первоначально дифференцировать эти объекты на общие и специальные с последующим определением общего и специального правового механизма защитных действий.

Несмотря на всю заманчивость первого варианта, он вряд ли может быть освоен современной российской правотворческой (прежде всего законодательной) техникой и осуществим на законодательном уровне хотя бы потому, что предусмотреть все варианты криминальной ситуации «посягательство – защита» или все виды опасности (чрезвычайных ситуаций) практически невозможно. Не забывая о приоритете интересов личности (человека и гражданина) и с точки зрения законодательной техники, и с точки зрения удобства применения большинство авторов отдают предпочтение второму варианту, поскольку он позволяет регламентировать в законе более широкий круг вопросов, связанных с реализацией права самозащиты. Именно по этому пути, впервые предложенному отечественным законодателем в Законе от 1 июля 1994 г.², пошла Государственная дума в принятом ею 8 февраля 2002 г. Законе³, предусмотрев в ч. 1 ст. 37 УК РФ исключение из общих правил об условиях правомерности причинения вреда посягающему, когда речь идет об отражении

² См.: О внесении изменений и дополнений в УК РСФСР и УПК РСФСР: Федер. закон от 1 июля 1994 г. № 10-ФЗ // Рос. вести. 1994. 6 июля.

³ См.: О внесении изменения и дополнения в УК РФ в части усиления уголовной ответственности за преступления на рынке ценных бумаг: Федер. закон от 4 марта 2002 г. № 23-ФЗ // Рос. газ. 2002. 6 марта.

посягательства с применением насилия, опасного для жизни обороняющегося или другого лица. Только при отражении такого посягательства либо при непосредственной угрозе применения такого насилия обороняющийся не связан в выборе средств обороны и может причинить любой вред посягающему.

Формулировки «свои права и законные интересы» и «права и законные интересы другого лица» наиболее оптимальны для обозначения в тексте закона общего объекта самозащиты. По существу, они включают в себя все права человека и гражданина, предусмотренные гл. 2 Конституции РФ. Проблема только в том, чтобы на уровне правоприменения соблюдать Основной закон государства при решении вопроса о правомерности или неправомерности самозащиты того или иного права. Что касается установления «законности интересов», то для решения и этой задачи существуют общепринятые процедуры. Например, обороняющемуся заведомо известно о том, насколько законны те интересы, которые он защищает, а посягающему – насколько противозаконны его действия.

С установлением объектов самозащиты встает вопрос об определении того, что ее вызывает и против чего она направлена, т. е. собственно об обосновании защитных действий. На наш взгляд, употребление в данном случае терминов «посягательство», «опасность», «преступление» вполне оправданно, поскольку эти термины уже используются в тексте уголовного закона при регламентации других вопросов (в частности, при определении задач УК РФ). Применяются эти термины и при обозначении понятия преступления.

Нельзя согласиться с И. Э. Звечаровским и С. В. Пархоменко, которые полагают, что сохранение предиката «общественно опасное» в сочетании с термином «посягательство» вольно или невольно у адресатов уголовного закона об обороне по-прежнему сохраняет впечатление о допустимости обороны только против преступных деяний. По мнению ученых, такого рода ассоциации, впитанные на протяжении длительного периода, сохранились и по настоящее время. Они являются серьезным сдерживающим фактором в свободе выбора вариантов поведения при реализации права обороны. Около 70 % опрошенных учеными граждан пола-

гают, что реализовать это право они могут только против преступных посягательств.

В тех же жизненных ситуациях, когда посягательство не носит ярко выраженного общественно опасного характера (как ни странно, примером такого посягательства опрошенные называли обычно хулиганство), чаще всего избирается такой способ «оборон», как оставление места происшествия, в лучшем случае сопровождаемое репликами¹.

Наши собственные исследования доказывают обратное: слово «посягательство» исходя из его значения более точно отражает то явление, против которого допустима защита, и оно уже правильно воспринимается в общественном сознании потенциальных адресатов уголовного закона об обороне. В связи с этим представляется нецелесообразным при описании основания обороны в тексте уголовного закона использовать слово «нападение», противоположное по значению слову «оборона».

Поскольку соответствие позитивных законов тому, что рассматривается как суть права, реализуется не иначе как в рамках действующего законодательства, постольку уголовное законодательство о гражданской самозащите, отвечающее нормам естественного права, создает надежный режим правопорядка и стимулирования индивидов, их сообщностей и прочно обеспечивает существование прав человека на жизнь и безопасное существование, их охрану и защиту.

Библиографический список

1. *Звечаровский, И. Э.* Уголовно-правовые гарантии реализации права на необходимую оборону / И. Э. Звечаровский, С. В. Пархоменко. – Иркутск, 1996.
2. *Келина, С. Г.* Обстоятельства, исключаящие преступность деяния: понятие и виды / С. Г. Келина // Уголовное право. – 1999. – № 3.
3. *Лакеев, А. А.* Виды субъектов уголовного права : монография / А. А. Лакеев. – Рязань, 2003.
4. *Меркурьев, В. В.* О праве на необходимую оборону: Исторические и социально-правовые аспекты : учеб. пособие / В. В. Меркурьев. – Владимир, 1999.

¹ См.: Звечаровский И. Э., Пархоменко С. В. Указ. соч. С. 102.

М. В. Новиков,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

**ПОНЯТИЕ ФУНКЦИЙ ПРАВА
КАК ОТРАЖЕНИЕ ЕГО СУЩНОСТИ
НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА**

Современная юридическая терминология отличается большим количеством терминов, задействованных в различных нормативных правовых актах. Данное обстоятельство является следствием динамичного развития правовой сферы общества и государства, которое привело к резкому увеличению объема нормативно-правового массива¹. Поэтому в настоящее время особую важность приобретают проблемы, связанные с качеством выработки понятийно-категориального аппарата.

Применительно к исследованию общеправовых функций права данное указание требует отграничить их от близких категорий, например, функций государства, науки права и т. п.

В специальной литературе существуют следующие определения функций: «роль, выполняемая определенным объектом социальной системы в ее организации как целого, зависимость между социальными процессами; характеристики, свойственные объекту, входящему в ансамбль, части которого взаимозависимы»²; «устойчивый способ активного взаимоотношения вещей, при котором изменение одних объектов приводит к изменениям других; стандартизированное социальное действие, регулируемое определенными нормами и контролируемое социальными институтами»³; «совокупность порождающих систему процессов в снятом виде»⁴.

Исследуя функции социальных явлений, ряд авторов отождествляют функцию с самой деятельностью, некоторыми ее видами,

сторонами, аспектами⁵, ролью, социальным назначением (государства, права, деятельности и др.)⁶, исходя из этимологического значения понятия функции. Так, в толковом словаре русского языка «функция» определяется как работа, роль, значение чего-либо, обязанность, круг деятельности⁷. Ряд авторов определяют функции как «ведущие, важнейшие для социальной системы, определяющие процессы, осуществляемые всей системой в целом»⁸. А. П. Глебов включает в понятие «функции государственно-правовых явлений» их социальное назначение («должное») и практическую деятельность по реализации социального назначения («сущее»)⁹.

Отождествление функций с социальным назначением в юридической литературе неоднократно подвергалось критике¹⁰. Социальное назначение права отражает его потенциальную роль, возможность, то, для чего оно существует, является ориентиром его воздействия на общественные отношения.

Следует отметить, что понятие функции применительно к любой системе дает нам описание, характеристику именно направления должного воздействия. Поэтому функцию права следует отличать от его реального, фактического воздействия. Деятельность представляет собой реализацию функций, воздействие субъектов права на реальную действительность.

⁵ См., напр.: Курашвили Б. П. Очерк теории государственного управления. М., 1987. С. 170; Хечурiani Д. Г. Функции советского гражданского права. Тбилиси, 1990. С. 7 и др.

⁶ См.: Самощенко И. С. Правовые формы осуществления функций советского государства // О научном единстве проблем общей теории права и трудового права. М., 1978. С. 21. (Тр. ВЮЗИ). Т. 56; Ткаченко Ю. Г. Методологические основы теории правоотношений. М., 1980. С. 34.

⁷ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 1994. С. 847.

⁸ Правовая система социализма. В 2 т. Т. 2. Функционирование и развитие / Отв. ред. А. М. Васильев. М., 1987. С. 11–12.

⁹ Глебов А. П. Сущностно-субстанционный и функциональный подход в исследовании государственно-правовых явлений // Проблемы теории государства и права: Учеб. пособие. М., 1999. С. 144.

¹⁰ См.: Карташов В. Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. Ярославль, 2001. С. 123; Радько Т. Н., Толстик В. А. Функции права. Н. Новгород, 1995. С. 23.

¹ См.: Туранин В. Ю. Что скрывает текст закона? // Юрист. 2003. № 2. С. 2.

² Мендра А. Основы социологии: Учеб. пособие. М., 1998. С. 326.

³ Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г. В. Осипова. М., 1998. С. 603.

⁴ Марков Ю. Г. Функциональный подход в современном научном познании. Новосибирск, 1982. С. 17.

Неточным представляется сведение функции права к роли, которую оно играет по отношению к целому¹, выполняет относительно потребностей общественной системы более высокого уровня организацию интересов составляющих ее классов, социальных групп и индивидов². Роль отражает лишь важнейшую сторону функционирования права, будучи близкой по смыслу с социальным назначением.

Мы не разделяем мнения тех авторов, которые под функциями понимают последовательно сменяющиеся стадии производства³. Такой подход означает отождествление функции с элементами процессуальной формы деятельности, что, как справедливо отмечается в юридической литературе, неверно по существу и вносит путаницу в категориально-понятийный аппарат науки⁴.

Некоторые исследователи определяют функции как цели и задачи⁵. Однако данные понятия не совпадают, хотя и тесно связаны между собой. Цель – это то, к чему стремятся, что надо осуществить. В философии указанное понятие определяется как «идеальный образ желаемого результата, выстраиваемый сознанием и предпосылаемый реальным операциям по достижению задуманного»⁶. В свою очередь, задача требует исполнения, разрешения. Цели и задачи определяют наличие и существование определенных функций, их конкретное содержание.

Иногда говорят о ценности социальных явлений, фактически не проводя различий между «ценностью» и «функцией»⁷. Несмот-

ря на то, что данные понятия взаимосвязаны, они обозначают неоднородные явления. Ценность представляет собой «свойство того или иного общественного предмета удовлетворять потребности, желания, интересы»⁸. Обладая определенными свойствами, право оказывается способным выполнять те или иные функции. Указанные свойства являются ценностными характеристиками права. Изучение ценности права требует обращения к потребностям субъектов и т. д.

Анализ источников, в которых определяется понятие функции, показывает, что в большинстве случаев с ним так или иначе связано «направленное избирательное воздействие системы (структуры, целого) на определенные стороны внешней среды»⁹.

На наш взгляд, наиболее верной является точка зрения, согласно которой при определении функций следует исходить из того, что, во-первых, функции – это направления воздействия явления на сознание и поведение людей, разнообразные сферы общественной жизни; во-вторых, функции должны отражать сущность явления, его назначение и закономерности развития¹⁰.

По нашему мнению, функции предполагают не любое, а лишь прогрессивное воздействие на общественные отношения.

Обращаясь к историческому аспекту рассматриваемой проблемы, необходимо отметить, что теорию функций права представители юриспруденции начали активно разрабатывать в конце прошлого столетия, введя вначале понятие социальных функций права (И. Карнер, К. Реннер). Выделяя более десятка различных функций, ученые не разделяли их по каким-либо критериям, смешивая чисто юридические и общесоциальные направления правового воздействия¹¹, глубоко не вдаваясь в понятие «функции права». Так, выделялись экономическая, производственная, распределительная, потребительная и иные функции

¹ См.: Реутов В. П. О функциях права и правовом регулировании // Актуальные проблемы теории социалистического государства и права. М., 1974. С. 136.

² См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 751.

³ См.: Афанасьев В. Г. Научное управление обществом. М., 1968. С. 197; Тихомиров Ю. А. Управленческое решение. М., 1972. С. 15; Зайцев И. М. Процессуальные функции гражданского судопроизводства. Саратов, 1990. С. 13.

⁴ См.: Карташов В. Н. Профессиональная юридическая деятельность (вопросы теории и практики). Ярославль, 1999. С. 36.

⁵ См.: Гурней Б. Введение в науку управления. М., 1969. С. 35; Куценко В. И. Социальная задача как категория исторического материализма. Киев, 1972. С. 101.

⁶ Манджян К. Х. Введение в социальную философию: Учеб. пособие. М., 1997. С. 187.

⁷ См.: Рабинович П. М. Социалистическое право как ценность. Львов, 1985. С. 25.

⁸ Радулин А. А., Радулин К. А. Социология: Курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999. С. 47.

⁹ Радько Т. Н. Функции права // Общая теория государства и права. Академический курс. В 2 т. Т. 2. Теория права / Под ред. М. Н. Марченко. М., 1998. С. 53.

¹⁰ См.: Байтин М. И. Сущность и основные функции социалистического государства. Саратов, 1979. С. 197; Алексеев С. С. Общая теория права. В 2 т. Т. 1. М., 1981. С. 191.

¹¹ См.: Реннер К. Теория капиталистического хозяйства. М., 1926.

права. Впоследствии учеными (в отечественной науке Л. Петражицким, Н. М. Коркуновым) эти исследования были переработаны и критически осмыслены. Л. Петражицкий обосновал наличие распределительной и организационной функций права; Н. М. Коркунов – существование разделяющей функции (разграничивающей потребности и желания людей); А. М. Горовцев – соединительной функции права (единение всех членов общества).

В дальнейшем данные разработки были проанализированы и обобщены такими советскими учеными, как С. С. Алексеев, В. Г. Смирнов¹, В. Н. Карташов, Т. Н. Радько.

Так, по мнению С. С. Алексеева, под функциями права следует понимать его юридическое назначение для тех или иных общественных отношений, которое выражается главным образом в результатах правового регулирования. В соответствии с этим основными функциями права являются статическая и динамическая, а дополнительной – охранительная функция².

В. Н. Карташов выделил общесоциальные (экономическую, политическую, социальную, воспитательную, экологическую, демографическую и т. д.) и специально-юридические (регулятивные и охранительные) функции права³.

Т. Н. Радько все функции права подразделяет на две большие группы: общесоциальные (экономическая, политическая и воспитательная) и специально-юридические (регулятивная и охранительная)⁴. В более поздних своих работах Т. Н. Радько собственно-юридические функции права классифицирует на пять основных групп (подсистем), в частности, общеправовые, межотраслевые, отраслевые, функции правовых институтов и функции норм права⁵.

¹ См.: Смирнов В. Г. Функции советского уголовного права. Л., 1965.

² См., напр.: Алексеев С. С. Проблемы теории права. Свердловск, 1973.

³ См.: Карташов В. Н. Профессиональная юридическая деятельность (вопросы теории и практики). Ярославль, 1999. С. 93; он же. Введение в общую теорию правовой системы общества. Ярославль, 2006. Ч. 1. С. 93.

⁴ См.: Радько Т. Н. Основные функции социалистического права. Волгоград, 1970; он же. Социальные функции советского права. Волгоград, 1971.

⁵ См.: Радько Т. Н., Толстик В. А. Функции права. Н. Новгород, 1995. С. 46; Радько Т. Н. Функции права // Общая теория права / Под ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 272.

Следует отметить, что социальное назначение права и основные направления его воздействия на общественные отношения, взятые в отдельности, не исчерпывают понятия функции права. Если под функцией права понимать только его социальное назначение, то подобное понятие будет носить слишком общий характер.

Назначение характеризует право с социальной стороны, с точки зрения задач, которые призвано решать право. При понятии функции права только как основного направления воздействия на общественные отношения теряется направляющий момент этого воздействия.

По нашему мнению, основные направления воздействия права на общественные отношения всегда осуществляются в соответствии с его социальным назначением. Поэтому невозможно полностью раскрыть назначение права, если не обратиться к анализу основных направлений его воздействия на общественные отношения. Исследование направлений этого воздействия предполагает первоначально выяснение социального назначения права, которое является своеобразным указателем основных направлений правового воздействия. Именно из социального назначения права логически вытекают основные направления его воздействия на общественные отношения.

Таким образом, понятие функции права характеризует одновременно как назначение права, так и вытекающие из этого направления его воздействия на общественные отношения. Поэтому, раскрывая содержание какой-либо функции права, необходимо постоянно учитывать связь назначения права с основными направлениями его воздействия, и наоборот, зависимость последних от назначения права.

Понятие «функция права», характеризующая назначение права в обществе, выражает одновременно и основные направления его воздействия на общественные отношения в соответствии с задачами, стоящими перед правом. Функция права по существу является конкретизацией задач и проявлением роли права в определенный период. Однако это не означает, что функция есть какое-либо конкретное, частное (не главное) направление воздействия права на общественные отношения.

Таким образом, в науке выделяются следующие особенности функций права⁶:

⁶ Синуков В. Н. Теория государства и права. Саратов, 1995. С. 132.

1. Функции права производны от его сущности и определяются назначением права в обществе. Функции – это проявление сущности права в общественных отношениях. Поэтому через функции можно познать сущность права, его многосторонние связи с обществом.

2. Функции права – это основные направления его воздействия на общественные отношения, в которых конкретизируется и получает необходимую целенаправленность правовое регулирование.

3. Функции выражают наиболее существенные, главные черты права и направлены на осуществление коренных задач, стоящих перед правом на данном этапе развития общества.

4. Функции права представляют направления его активного действия, упорядочивающего определенный вид общественных отношений. Поэтому они придают праву и правовому регулированию необходимые постоянство и динамизм.

5. Функции права взаимосвязаны друг с другом и образуют единую систему.

6. Функции права по своей сути объективны, они обусловлены взаимодействием общества и права. В них конкретизируется регулирующая и превентивно-охранительная роль права, предметно проявляется глубинное, устойчивое в праве – его содержание и сущность.

Однако, по нашему мнению, в общей теории права правильнее будет говорить об основных функциях права, а не просто о функциях, поскольку имеются такие фор-

мы и направления воздействия права на общественные отношения, к которым не относятся указанные нами признаки, т. е. они не направлены на осуществление главных задач, стоящих перед правом, не определяются непосредственно назначением права и т. п.

Таким образом, основными функциями права следует считать такие его функции, которые являются прямым и непосредственным выражением назначения права в целом, соответствуют его главным задачам и присущи ему в период существования и развития, т. е. имеют для него постоянный характер.

Следовательно, понятие «функция права» собирательно. Его нельзя сводить или только к назначению, или только к направлениям воздействия. Функциями права являются основные направления юридического воздействия на общественные отношения, определяемые сущностью, социальным назначением права в жизни общества и целями правового регулирования. При объединении и анализе накопленных юридической наукой знаний о функциях права складывается система функций права.

Библиографический список

1. *Радько, Т. Н.* Методологические вопросы познания функций права / Т. Н. Радько. – Волгоград, 1974.
2. *Синюков, В. Н.* Теория государства и права / В. Н. Синюков. – Саратов, 1995.

И. М. Пеньков,

*начальник ССО по расследованию ДТП
СУ при УВД по Владимирской области*

А. В. Агарков,

*старший преподаватель кафедры
организации оперативной работы
ВЮИ ФСИН России*

кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЯХ

Ежегодно на дорогах России погибает более 30 тыс. человек, что составляет население города, аналогичного г. Собинка. Во Владимирской области в 2007 г. погибло 595 человек (+12,1 % к аналогичному периоду прошлого года, далее: АППГ), полу-

чили ранения 4877 человек (+6,8 % к АППГ). Поэтому проблема безопасности дорожного движения является одной из приоритетных задач деятельности правоохранительных органов и государства в целом.

Решение данной задачи усложняется ростом числа транспортных средств, используемых в повседневной деятельности как юридическими, так и физическими лицами (ежегодный прирост грузового транспорта составляет 4 %, легкового – 12 %), и снижением качества и пропускной способности транспортных магистралей.

За 12 месяцев 2007 г. специализированным следственным отделом (далее: ССО) по расследованию дорожно-транспортных происшествий (далее: ДТП) СУ при УВД по Владимирской области только в суд с обвинительным заключением направлено уголов-

ных дел на 35,2 % больше, чем за АППГ (без учета материалов доследственной проверки).

Государство данной проблеме уделяет особое внимание, поэтому не случайно, что преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта выделены в особую главу УК РФ.

Одной из основных специфических черт расследования дел о ДТП является следующий факт: 99 % успеха расследования дела закладывается в первые часы и минуты после совершения факта ДТП. Все недоработки и нарушения, допущенные следователем или лицом, проводящим дознание, как правило, носят невосполнимый характер. Так, например, осмотр места ДТП имеет ряд особенностей, которые вытекают из самого характера ДТП и в основном заключаются в следующем.

Дорожно-транспортное происшествие скоротечно, оно развивается и заканчивается в течение нескольких секунд. Обстановка места ДТП не может сохраняться в течение длительного времени в связи с тем, что проезжая часть должна быть как можно быстрее освобождена от транспортных средств; следы на месте происшествия быстро уничтожаются либо проходящим транспортом, либо в результате атмосферных воздействий. Не исключается возможность умышленного или случайного внесения изменений в дорожную обстановку со стороны лиц, находящихся на месте ДТП. В связи с этим результаты и качество расследования ДТП во многом зависят от своевременного выезда следственно-оперативной группы на место происшествия, тщательного и квалифицированного его осмотра и правильного закрепления результатов осмотра в соответствующих документах. Однако изучение материалов уголовных дел, поступающих в СУ при УВД по Владимирской области, показало, что при составлении протоколов осмотра места происшествия (далее: ОМП) в нарушение требований п. 26.8 КоАП РФ следователями и сотрудниками органов дознания используются средства измерения, не имеющие сертификатов качества и не прошедшие поверку в центрах метрологии и стандартизации. Поэтому использование таких контрольно-измерительных приборов (рулеток, измерительных линеек, секундомеров, манометров и т. д.) при составлении процессуальных документов приводит к тому, что последние не могут рассматри-

ваться в качестве допустимых доказательств. Кроме того, недопустимыми доказательствами могут быть признаны и проведенные на основе таких процессуальных документов заключения экспертиз (автотехнических, трасологических, дактилоскопических и т. д.), что также ведет к безвозвратной утере доказательственной базы по уголовным делам всех категорий, особенно по делам о ДТП.

Необходимо отметить, что в соответствии с требованиями приказа МВД РФ от 20 июня 1996 г. № 334¹ руководителем следственно-оперативной группы при выезде на место ДТП является следователь, который отвечает за качество собранного материала доследственной проверки. Однако по сложившейся следственной практике осмотр транспортных средств по поручению следователя проводят сотрудники ГИБДД, которые, как правило, имеют более высокую техническую подготовку, чем следователи, но, к сожалению, меньший опыт процессуального оформления документов. Кроме этого, из-за нехватки экспертов-автотехников не всегда удается осмотреть транспорт с участием специалиста. Поэтому мы предлагаем для сохранения вещественных доказательств и воспрепятствования умышленной утраты доказательств помещать участвовавший в ДТП транспорт на специальные охраняемые стоянки. Помимо решения вышеуказанных задач, данные меры могут помочь следователю (в порядке ст. 115 УПК РФ) обеспечить исполнение приговора суда в части гражданского иска, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества. Наше предложение подкрепляется тем фактом, что в настоящее время, к сожалению, в ССО по расследованию ДТП СУ при УВД по Владимирской области имеется печальная практика, когда утрата вещественных доказательств (автомобилей или их узлов и агрегатов) позволила преступникам избежать справедливого наказания за содеянное.

Мы также считаем целесообразным указать на основные ошибки и нарушения методик, наиболее часто встречающиеся при проведении доследственной проверки по фактам ДТП:

¹ См.: Об утверждении Инструкции по организации взаимодействия подразделений и служб ОВД в расследовании и раскрытии преступлений: Приказ МВД РФ от 20 июня 1996 г. № 334. Документ опубликован не был.

– при осмотре места происшествия (далее: МП) лица, оформляющие протокол, не проверяют паспортные данные понятых, привлекаемых к осмотру. В результате у суда и следствия отсутствует возможность их допроса в качестве свидетелей (в случае необходимости);

– имеют место случаи, когда понятые затрудняются подтвердить правильность составления протокола, так как не следили за показаниями средств измерения (например, из-за плохой погоды наблюдали за ходом осмотра из салона автомобиля) или присутствовали при осмотре не с начала его проведения. В данном случае протокол осмотра и все проведенные на его основе экспертизы признаются недопустимыми доказательствами (ст. 75 УПК РФ);

– при составлении протокола не привязывается место ДТП к километровым знакам или другим постоянным ориентирам;

– при осмотре МП не фиксируется режим работы светофора и факт его исправности (в делах отсутствуют справки об исправности светофорного объекта);

– время составления протокола ОМП накладывается на время осмотра транспорта;

– в протоколы не заносятся участвующие лица (эксперты, сотрудники ГИБДД, водители транспортных средств, участвовавших в ДТП);

– в нарушение требований ст. 26.8 КоАП РФ и указаний СУ средства измерения, используемые при осмотре, не указываются;

– при поступлении в органы предварительного следствия материалов из ГИБДД с вступившими в законную силу решениями о привлечении к административной ответственности виновников ДТП согласно требованиям ст. 30.11 КоАП РФ необходим протест прокурора субъекта РФ на данное решение, который рассматривается председателем суда субъекта РФ;

– при поступлении материалов административного расследования необходимо постановление о прекращении административного производства в связи с наличием в действиях виновного уголовно наказуемого деяния (ст. 29.9, ч. 1, п. 2, подп. 3 КоАП РФ);

– в нарушение требований приказа МВД РФ от 20 июня 1996 г. № 334 следователь не контролирует качество опросов свидетелей, составляемых сотрудниками ГИБДД («скорость приличная, расстояние боль-

шое» и т. д.). Низкое качество первоначального опроса позволяет фигурантам в ходе следствия менять свои показания, имея целью введение органов предварительного следствия и суда в заблуждение и уклонение от ответственности за совершенное преступление.

Вместе с тем при проведении доследственных проверок по фактам ДТП обнаруживаются некоторые пробелы действующего законодательства:

– недостаточное экспертное сопровождение (судебно-медицинское и автотехническое) не позволяет следователю в сроки, предусмотренные ст. 144 УПК РФ, принять решение по материалу доследственной проверки о ДТП;

– неполнота проверки или допущенные нарушения обязывают руководителя следственного органа отменять незаконные или необоснованные постановления следователя (ст. 39 УПК РФ), однако в УПК РФ не указаны сроки проведения повторной проверки;

– действующий УПК РФ не регламентирует взаимодействия следователя с органами дознания – не рассмотрена возможность направления поручений о проведении каких-либо следственных или оперативных действий;

– действующим законодательством при поступлении в органы следствия некачественно собранных материалов не предусмотрено направление их на доработку в орган дознания (ст. 145 УПК РФ).

Весьма значимым для правоприменителей, на наш взгляд, представляется соотношение ст. 264 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств» со ст. 125 УК РФ «Оставление в опасности». Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ¹ признал утратившей силу ст. 265 УК РФ, которая устанавливала уголовную ответственность за оставление места ДТП лицом, управляющим транспортным средством и нарушившим правила дорожного движения, в случае наступления последствий, предусмотренных ст. 264 УК РФ (причинение тяжкого вреда здоровью или смерти человека). Вместе с тем в ст. 125 УК РФ говорится об уголовной ответственности за «за-

¹ См.: О внесении изменений и дополнений в УК РФ: Федер. закон от 8 дек. 2003 г. № 162-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

ведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни или здоровья состоянии и лишенного возможности принять меры к самосохранению... в случаях, если виновный... сам поставил его в опасное для жизни или здоровья состояние». Добавим, что в настоящее время нет единой практики применения ст. 125 УК РФ при ДТП.

По нашему мнению, в настоящее время отмечается отсутствие какой-либо последовательности и логики в реформировании законодательства, касающегося ДТП. С одной стороны, законодателем исключается уголовная наказуемость управления транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, однако, с другой стороны, налицо актуальность данной проблемы, что подтверждается ужесточением административного наказания за правонарушение данного вида.

Далее, с одной стороны, Конституционный Суд РФ признает конституционность ст. 265 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за оставление места ДТП при наличии последствий, предусмотренных ст. 264 УК РФ¹, а с другой стороны, законодатель декриминализирует данный состав (Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ). В настоящее время законодатель лишь ужесточил административную ответственность за оставление места ДТП, введя наказание за указанное правонарушение в виде административного ареста.

Таким образом, по нашему мнению, налицо актуальность и необходимость коренного совершенствования законодательства и правоприменительной практики в сфере расследования уголовных дел о ДТП.

Библиографический список

1. Правила дорожного движения Российской Федерации. – М., 2007.
2. Расследование дорожно-транспортных происшествий / под ред. В. А. Алферовой, В. А. Федорова. – М., 1998.
3. Судебная автотехническая экспертиза / под ред. В. А. Илларионова. – М., 1980.
4. Уголовное право / под ред. А. Кравченко. – М., 1997.

А. Л. Посашкова,
*адъюнкт кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

СОВРЕМЕННЫЕ НЕОРЕЛИГИОЗНЫЕ ДВИЖЕНИЯ И ПРАВО

Нетрадиционные религии и культы получили свое распространение в 50–80-х гг. XX в. в ряде стран Азии и США. На территорию бывшего СССР «новые религии» стали проникать в 1970-е гг., а в начале 1990-х гг. в России появились и стали распространяться многочисленные нетрадиционные культы.

По разным данным, количество неорелигиозных объединений в мире доходит до 8 тысяч. В России в 2005 г. официально было зарегистрировано всего 22 513 религиозных организаций, из них: 12 214 входили в состав Московского патриархата, 3668 являлись исламскими, 1558 – харизматическими организациями, 965 – баптистскими, 740 – евангелическими, 652 – адвентистскими религиозными организациями, 408 относились к секте «Свидетелей Иеговы», старообрядцы представлены

285 общинами, иудеи – 284 организациями, католики – 255, буддисты – 197, методисты – 115, кришнаиты – 78, мормоны – 53, язычники и шаманисты – 22 и др.² Однако современная религиозность отличается тем, что далеко не все религиозные организации стремятся получить официальный статус, а скорее наблюдается тенденция к существованию неформально, потому и статистические сведения не могут свидетельствовать о реальном положении дел.

По мнению П. С. Гуревича, «феномен нетрадиционной религиозности – одно из характерных явлений современной духовной жизни. Суть его состоит в распространении вероучений, не связанных с привычными, традиционными религиями. Спектр этих увлечений довольно широк. Не случайно по-разному обозначаются они и в культурологии: «внеисповедная религиозность», «светский гуманизм», «эзотерическая культура», «бунтарские духовные ис-

¹ См.: По делу о проверке конституционности ст. 265 УК РФ в связи с жалобой гражданина А. А. Шеверова: Постановление Конституц. Суда РФ от 25 апр. 2001 г. № 6-П // Рос. газ. 2001. 15 июня.

² См.: Религиозная статистика Минюста России на конец 2005 г.

кания», «внеконфессиональная религиозность»¹. Таким образом, справедливым будет замечание, что новые религии не являются эволюционными типами традиционных мировых религий, а представляют собой искусственные образования.

Дифференцируя неорелигиозные движения из числа других, необходимо акцентировать внимание на их типичных признаках. Е. Г. Балагушкин среди таких характерных черт выделяет интенсификацию социальных функций религии, пропаганду новых социально-религиозных утопий альтернативной или обновленческой направленности². Л. И. Григорьева дополняет этот перечень разрывом с исторической религиозной традицией³. Мы разделяем ту точку зрения, согласно которой основными чертами неорелигиозных движений, являющиеся своеобразными формами новой религиозности, выступают «нетрадиционность» и «новизна». Считаем, что к типичным признакам неорелигиозных движений можно также отнести и неоднородность вероучения. В сущности, анализируя общую направленность деятельности, структуру и основу, иерархию идеологических тезисов представительств новой религиозности, можно поставить признак новизны под сомнение, так как их вероучение представляет собой сочетание религиозно-философских идей, которые нельзя назвать новыми или оригинальными, поэтому признак новизны трактуется нами как указатель на «все религиозные объединения, представленные на территории верующими первого поколения (прозелитами первой волны)»⁴.

Традиционно говорят о трех периодах активизации нетрадиционной религиозности: первый связан с возникновением пятидесятнических церквей – 1900 г., второй – с появлением харизматического движения в 1960-е гг., последний обычно датируют 1980 г. и соотносят с появлением нового социального феномена «евангелизация с силой».

¹ Гуревич П. С. Культурология. М., 2003. С. 256.

² См.: Балагушкин Е. Г. Нетрадиционные религии в современной России: морфологический анализ: В 2 ч. М., 1999. Ч. 1. С. 17.

³ См.: Григорьева Л. И. Религии «Нового века» и современное государство. Красноярск, 2002. С. 91.

⁴ См.: Кравчук В. В. Новые религиозные движения в современной России // Религия, политика и права человека: Материалы междунар. науч.-практ. конф. – М., 2002. <http://www.rinfo.ru/projects/conf0302/krav-chuk.html>.

Существует несколько классификаций неорелигиозных движений по следующим основаниям:

1. Организации клубного типа.
2. Организации, обладающие признаками секты⁵.

Характер направленности деятельности в соотношении с существующим социальным и правовым порядком:

1. Деструктивные.
2. Аполитичные (не всегда носят деструктивный характер).

Степень интенсивности взаимодействия с обществом:

1. Закрытые (предполагающие психологическую или территориальную изоляцию адептов от внешнего мира).
2. Относительно открытые.

В современном религиоведении нет единой типологии новых культов, однако можно проследить тенденцию к дроблению всего массива неорелигиозных движений по ориентированию на традиционные духовные направления. Так, выделяют новые культы, тяготеющие к христианской традиции («Дети Бога») и восточным религиям (Бахаизм, Ананда марг), использующие концепции иудаизма и буддизма. Кроме перечисленных, принято выделять еще и неоязычество, синкретические религии, психотерапевтические культы, неомистицизм, сатанинские культы и др.

Разработана типология движений и культов по следующим направлениям:

1. «Иудаистско-христианские побуждения».
2. Восточные религии.
3. Эзотерические исследования.
4. Эупсихические терапии.
5. «Неземное исцеление».
6. Телесные терапии.
7. Неопримитивизм и язычество.
8. Органицизм.
9. «Сумасбродная наука».
10. Психоспиритуальные и оккультные группы.
11. Психотроника.
12. Поп-культура⁶.

⁵ См.: Религиоведение для юристов: Учеб. / Под общ. ред. д-ра юрид. наук., проф. О. В. Старкова. СПб., 2007. С. 237.

⁶ См.: Рыжов Ю. В. Ignoto Deo: Новая религиозность в культуре и искусстве. М., 2006. http://www.binetti.ru/studia/ryzhov_11_2.stml.

В любом религиозном движении формируется система ценностей, которая в неорелигиозных движениях способствует установлению жесткой схемы отношений лидера и иных адептов культа, участников движения, при этом стимулируется создание иллюзии личной свободы.

Таким образом, неорелигиозным движениям присущи следующие черты:

- социальная мимикрия;
- эклектизм вероучения;
- строгая организационно-иерархическая структура;
- нацеленность на трансформацию сознания адептов с помощью специальных средств;
- «евангелизация с силой», т. е. активная миссионерская деятельность;
- стремление к получению прибыли.

Анализируя место и роль религии в современном обществе, Г. Д. Берман отмечает: «Религия утратила большую часть своего значения в публичном разрешении главных социальных проблем. Религия все больше становится вопросом частных отношений между верующими и Богом»¹. Считаем, что данное утверждение справедливо для мировых религий и их организаций, тогда как неорелигиозные движения стремятся проникнуть во все сферы жизнедеятельности личности, общества и даже государства. Так, в деятельности почти любого неорелигиозного движения можно выделить основные направления:

1. «Политическое» – идеологическое обоснование деятельности и мероприятий движения, включает принципы взаимоотношений движения в целом, лидера и рядовых членов с органами государственной власти, общественными институтами.

2. «Религиозное» – система верования и культовых практик, обрядов.

3. «Философское» – обоснование закономерностей развития бытия, места человека в мире, построение картины мира. Оно тесно связано с «религиозным» направлением.

При этом в «политическом» направлении неорелигиозные движения нередко используют такие формы социальной активности, которые граничат с правовыми нормами. Проявляется подобная тенденция в различных видах деятельности: через антигражданские установки или построения «общин

ны-утопии» на отдельной территории, где данная религиозная община проживает.

Разрабатывая типологию форм взаимодействия правовых и религиозных норм, необходимо отметить, что из выделенных нами для религиозной общины наиболее характерна пространственная форма взаимодействия. Она включает территориальный и социальный аспекты. Территориальный аспект представлен отдельными религиозными нормами, распространенными и применяемыми в отдельных территориях государства, в том числе, государствовподобных образованиях или в отдельных государствах, где та или иная религия является или традиционной, или государственной.

В социальном аспекте взаимодействие правовых и религиозных норм происходит в социальном пространстве, которым может быть религиозная диаспора, община, чья жизнь и деятельность регламентируются религиозными нормами. Последние замещают официально существующее право, действующее на территории дислокации диаспоры, общины (движения). Правовое регулирование в данном случае является фиктивным, а его признание – вынужденным из-за необходимости социальной адаптации членов общины (движения).

Деятельность некоторых неорелигиозных движений характеризуется отменой отдельных норм морали и права в своих отношениях с миром за пределами общины (движения). Так, отдельные неорелигиозные движения «разрешают» своим адептам не платить налоги «неправильному» государству, нарушать уголовное законодательство для достижения целей движения. Интересы личности, включенной в религиозную группу, понимаются как идентичные интересам самой группы или в целом всего движения.

Отдельные неорелигиозные движения, например оккультные, исповедуют идею воздаяния, «трансцендентной» справедливости, и таким образом понятие ответственности в толковании адептов движения носит космический характер. Потому и право приобретает способность регламентировать не только поступки человека, но и вообще любую сознательную, а в ряде случаев и бессознательную активность личности. По мнению Ю. В. Тихонравова, «оккультное право есть предел тоталитарного права»².

¹ Берман Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М., 1999. С. 271.

² Тихонраов Ю. В. Судебное религиоведение. М., 1998. С. 294.

Последователи новой религиозности не воспринимают позитивное право как общеобязательное, универсальное, так как оно противоречит существующим внутренним нормам неорелигиозного движения, мешает достижению поставленных целей, которые нередко оказываются преступными. Право воспринимается как то, что следует преодолеть.

Однако возникает и вопрос иного порядка: можем ли мы именовать нормы, которые регламентируют жизнедеятельность неорелигиозного движения и отдельных его представителей, религиозными? Не сталкиваемся ли мы с зарождающейся совершенно новой нормативной системой общества, ведь не все неорелигиозные движения можно отнести к религиозным организациям, многие из них представляют психотехнику, коммерческие культы, религиозную философию, но не религию? Считаем, что пока нельзя дать какого-либо строго определенного и вместе с тем категоричного ответа, однако по своим характеристикам существующие нормы неорелигиозных движений ближе к религиозным, так как источником их формирования является либо священная книга, либо волеизъявление лидера движения, которое воспринимается как данное свыше, пророческое, трансцендентного, мистического характера. Традиционно религиозные нормы относят к регулирующим душевное состояние личности, однако правила, которые устанавливаются в неорелигиозных движениях, претендуют на регламентирование и «внешнего» поведения личности, т. е. являются не только культовыми, но и административными.

Деятельность неорелигиозных движений способствует снижению потенциала воспитательной функции права, у граждан, попавших в такие объединения, изменяются психика и поведение, наблюдаются правовой нигилизм, правовая нонконформность.

Следует отметить, что нетрадиционные религиозные направления предлагают проекты радикального переустройства мира, методы исправления людей и общества, которые реализуются при территориальной изоляции. Аспект пространственной изоляции нами был уже затронут, когда мы говорили о пространственной форме взаимодействия религиозных и правовых норм. В качестве типичных примеров можно назвать «Церковь объединения», «Церковь последнего завета», на территориях дислокации которых фактиче-

ски не действует позитивное право, а органы государственной власти обращают на них внимание только в том случае, когда возникает явное нарушение законодательства, в других же случаях в силе принцип «все, что не запрещено законом, — разрешено», однако в действительности это лишь индифферентное отношение к «закону светскому», а основой является «слово учителя». Так, одно из требований «Церкви последнего завета» заключается в необходимости переезда неопита в мир, созданный Учителем, где все вопросы решались руководством организации и непосредственно лидером — Виссарионом. В общине были налажена производственная деятельность, а для решения возникающих проблем создана особая система жизни группы, которая в сущности была системой организации труда. То есть членами общины было уделено внимание юридическому оформлению деятельности, в результате официальные претензии предъявлялись только по поводу нарушения паспортного режима¹.

Общины подобного типа нельзя сравнить даже с существовавшими религиозными, например христианской, ибо последняя представляла собой «полис (функционирующее с характерными для государства принудительными методами правовое сообщество)»², а проблема «полиса» подразумевает проблему права³. А поскольку община неорелигиозного движения также предполагает учреждения и дисциплину, разделение труда и общественные формы, то именно этот феномен и называется «церковное право»⁴. То есть мы можем предположить зарождение «"неорелигиозного" права» с атрибутивными свойствами канонического права. Так, авторитет учителя, лидера движения или общины (община может по численности быть значительно меньше всего движения, а движение состоять из множества общин) является духовным, однако это не лишает его права руководить общиной и применять метод принуждения, который санкционирован «правом общины». Таким образом, община живет и действует в рамках обязательного для всех ее членов «правопорядка», теоретически и практически формирует свое собственное существование, свое

¹ См.: Религиоведение для юристов. С. 254.

² См.: Барт К. Оправдание и право. М., 2006. С. 40–46.

³ См.: там же.

⁴ См.: там же.

устройство и порядок, выступая прообразом того, как надлежит жить, устанавливает нормы должного поведения, которые чаще конфликтуют с существующим законодательством государства, региона, чем повторяют его.

Итак, проведенный нами анализ новой религиозности и деятельности неорелигиозных движений позволяет говорить об их особой роли в культурной, общественной, политической и даже правовой жизни общества. Сегодня происходит легитимация «многоверия», складывается сложная система взаимодействия религиозных, культурных традиций. Мы видим, что носители новой религиозности не просто пользуются свободой вероисповедания, они активно пытаются перестроить не

В. В. Прокофьев,

*начальник службы по организационному обеспечению деятельности мировых судей в Тульской области
администрации Тульской области*

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УБИЙСТВ, СОВЕРШЕННЫХ ПО НАЙМУ

Убийства, совершенные по найму, являются относительно новым для России видом преступлений, однако в своей основе они имеют тот же механизм совершения, что и иные виды убийств.

Криминологические исследования позволили сформулировать некоторые ключевые элементы механизма убийства, суть которых сводится к следующему.

Анализ материалов, отражающих условия и обстоятельства совершения конкретных преступлений, изучение личности преступников позволяют говорить о том, что убийство, как, впрочем, и некоторые иные виды преступлений, представляет собой результат реализации диспозиции личности виновного в определенной ситуации. Криминальная позиция в общем случае формируется у виновного в рамках определенной системы отношений, в которую он включен. Принадлежность виновного к этой системе имеет форму принудительного участия, т. е. такого, когда у него уже нет выбора, участвовать или нет в сложившихся отношениях. Оказавшись включенным в указанную систему отношений, виновный попадает в же-

только свое сознание, но и условия существования, создавая «двойные стандарты» жизни, практикуя построения «рая» в отдельно взятой общине.

Библиографический список

1. *Берман, Г. Дж.* Вера и закон: примирение права и религии / Г. Дж. Берман. – М., 1999.
2. Религиоведение для юристов : учебник / под общ. ред. д-ра юрид. наук., проф. О. В. Старкова. – СПб., 2007.
3. *Рыжов, Ю. В.* Ignoto Deo: Новая религиозность в культуре и искусстве / Ю. В. Рыжов. – М., 2006. – Режим доступа: http://www.binetti.ru/studia/ryzhov_11_2.stml.

сткую зависимость от определенных, как материальных, так и других, факторов. Основным криминогенным эффектом данной системы отношений является то, что она формирует объекты, «системная» ценность которых превышает ценность человеческой жизни или соизмерима с ней¹.

Из этого следует, что конструктивный криминологический анализ конкретного преступления или вида преступлений должен быть в итоге направлен на выявление конкретных характеристик ситуации, обусловивших выбор виновным криминального варианта поведения. Эти ситуации образуются на стыке объективных условий и субъективных предпосылок процесса формирования криминального деликта (нарушения).

В наибольшей степени способствует пониманию указанных ситуаций изучение мотивов совершенных преступлений². В убийствах, совершенных по найму, могут иметь место несколько относительно самостоятельных мотивов. Последние формируются в различных системах отношений, имеют разные источники и характеризуются разными условиями и процессами развития. Иными словами, различны их мотивообразующие сферы. В убийстве по найму эти мотивы не объединяются, а как бы совмещаются на основе единой для них цели. Причем объективной базой, определяющей возможность

¹ См.: Колесников В. И. Проблемы борьбы с убийствами, совершенными по найму: Моногр. М., 2005. С. 36.

² См.: Криминальная мотивация / Под ред. В. Н. Кудрявцева. М., 1986.

такого совмещения, выступает относительно самостоятельный комплекс обстоятельств, носящих, однако, характер фундаментальных социально-экономических, социально- и индивидуально-психологических процессов. Основным является мотив организатора-заказчика. Умысел на лишение жизни конкретного лица зарождается «в недрах» мотивообразующих факторов и обстоятельств, в которые включен заказчик преступления.

Изучение материалов дел о раскрытых наемных убийствах свидетельствует, что к основным побудительным мотивам инициатора-заказчика на лишение жизни конкретного лица по делам этой категории преступлений относятся:

- корысть (желание завладеть наследством, страховой суммой, какими-либо материальными ценностями, сферой экономической и торговой деятельности) – 67,4 %;
- установление или сохранение контроля за сферой влияния на рынке товаров, услуг, производства, распределения материально-сырьевых и денежных потоков – 10,8 %;
- месть на различной почве (кровная, зависть, критика, оскорбление, обидное замечание, неуплата долга, связь с членами организованной преступной группы) – 7 %;
- ревность – 4,5 %;
- желание избавиться от неудобного человека (конкурента, свидетеля, потенциального разоблачителя) – 9,3 %;
- наказание потерпевшего за невыполнение взятых на себя обязательств, обман партнеров по бизнесу, неудачи в бизнесе – 8 %.

Итак, перейдем к рассмотрению основных криминалистических и криминологических признаков, характерных для убийств, совершенных наемными лицами.

Подавляющее большинство (около 90 %) наемных убийств совершается в городах – краевых или областных центрах, поселках городского типа; порядка 10 % – в сельской местности. То есть это преступление, в основном характерное для города.

Анализ уголовных дел показывает, что местом совершения убийства может быть территория государственного или коммерческого предприятия, где работает потерпевший, занимаемое им жилое помещение или территория рядом с ним. Чаще всего убийства и покушения на них совершаются в подъезде, во дворе дома жертвы и (или) людей, связанных с ней (около 40 %), в жи-

лище жертвы (29,5 %), на маршруте передвижения жертвы (20,5 %). Чуть более 7 % этих преступлений совершается в местах проведения досуга или недалеко от них. Концентрация преступных посягательств в указанных местах может быть связана главным образом с возможностью преступников быстро скрыться с места совершения преступления, воспользоваться транспортными средствами. Однако необходимо отметить, что почти в половине случаев транспортные средства не используются или их использование не устанавливается.

Время (момент) совершения преступления связано с режимом работы или с условиями и образом жизни потерпевшего. Так, наиболее предпочтительным является вечернее время – с 18 до 22 часов (40 %). Вместе с тем покушение может быть совершено в утренние или ночные часы (21–24 %), наименее вероятно совершение убийства в дневное время. Некоторые признаки обстановки могут свидетельствовать о том, что поражающее воздействие нанесено из засады, на расстоянии, при этом деньги, иные ценности и одежда потерпевшего остаются нетронутыми.

При совершении убийства по найму в доме потерпевшего преступники, нередко под тем или иным предлогом позвонив в дверь, проникают в квартиру, где и убивают жертву. Иногда прибегают к инсценировке разбойного нападения, изнасилования, несчастного случая. Об этом чаще всего свидетельствуют преувеличенное, не вызванное необходимостью, разбрасывание вещей, взлом замков, ящиков столов, которые можно было открыть рукой либо ключом, похищение малоценных и оставление нетронутыми дорогостоящих предметов, ценностей, посмертное причинение ссадин, царапин потерпевшему.

Известны случаи маскировки убийства по найму под безвестное исчезновение. Таковых, по нашим данным, оказалось около 5 %. Механизм совершения преступления достаточно прост: жертву внезапно убивают либо в обывденной обстановке (дома, на работе), либо заманивают в иное удобное для этого место, а затем избавляются от трупа. Причем для данной ситуации характерно отсутствие явно корыстных целей и намерений немедленного завладения ценностями или имуществом потерпевшего (что типично для нападения с целью ограбления).

При совершении убийств по найму чаще всего используются пистолеты (34,7 %) отечественного производства (69,6 %); на втором месте стоит холодное оружие (20 %); с равной частотой – гладкоствольное оружие и взрывные устройства (10 %). Применяются также автоматическое оружие, винтовки с оптическим прицелом и пр.

Способ причинения смерти – в подавляющем большинстве случаев открытый, дерзкий, демонстративный, с элементами запугивания: расстрел в упор, минирование транспортного средства жертвы. В некоторых случаях действует снайпер. По нашим данным, жертве чаще всего наносится до 4 огнестрельных ранений (29 %), несколько реже (18,9 %) встречается большее их количество и еще реже (12 %) – одно огнестрельное ранение. Нередко жертву душат и (или) наносят ей множество ударов ножом или тупым предметом.

Кроме указанных способов могут использоваться:

- минирование посещаемых жертвой мест, пути ее следования, транспортных средств;
- отравление;
- взрывные устройства.

Анализ уголовного законодательства РФ позволяет сделать вывод, что обстоятельства, характеризующие способ совершения преступления, в качестве квалифицирующих признаков конкретных составов преступлений в уголовно-правовых нормах представлены довольно широко.

В ст. 63 УК РФ также широко представлены обстоятельства, характеризующие способ совершения преступления, в качестве отягчающих наказание. Причем они в большинстве своем идентичны употребляемым в Особенной части УК РФ терминам для обозначения квалифицирующих признаков, означающих способ совершения преступления. Так, например, совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору либо организованной группой (п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ) как квалифицирующий признак предусмотрено в ст. 105, 111, 112, 117 УК РФ и т. д. (всего – в 95 составах¹).

В связи с этим проведенный анализ способов совершения убийств по найму позво-

лил выявить типичные их признаки. Один из них – это характер повреждений на трупе:

- огнестрельные ранения;
- телесные повреждения, полученные в результате взрыва;
- ранения, полученные в результате одиночных выстрелов в голову, шею, сердце;
- колото-резаные раны в области жизненно важных органов человека.

Данный признак во многом характеризует исполнителя, свидетельствует о его профессионализме при владении оружием (например, точность стрельбы и стрельба с глушителем и некоторые другие). Если применяется нож, то удары наносятся в живот снизу вверх (поскольку на жертве, по мнению исполнителя, может быть надет бронежилет). Иногда используются приемы рукопашного боя.

Исследование показало, что практически все заказные убийства, так или иначе связанные с коммерческой деятельностью, инициируются людьми, близко связанными с потерпевшими. Так, 24 % заказчиков принадлежали к сфере частного предпринимательства, 34 % были членами семьи или родственниками погибшего, 12 % являлись руководителями предприятий и 25 % – государственными служащими.

На настоящий момент среди раскрытых убийств по найму преобладают так называемые бытовые наемные убийства. Как правило, смерть потерпевшего выгодна лицам из той же социальной группы или сферы бизнеса, к которой он относился или с которой взаимодействовал. Заказчик в данном случае стремится избавиться от члена семьи (18 %); устранить препятствия к достижению определенной цели, конкурентные отношения в семейной жизни, общественной или служебной деятельности, бизнесе, преступной деятельности (около 20 %). Наниматели принадлежат к среде мелких дельцов, избавляющихся от своих конкурентов за весьма скромные суммы, а исполнители вербуются в среде деградировавших лиц – алкоголиков, нигде не работающих, ранее судимых за насильственные преступления. Иногда в их число попадают граждане, ведущие внешне благополучный образ жизни.

Если был убит ранее судимый, являвшийся, по сведениям милиции, членом молодежной группировки уголовной направленности, которая занимается рэкетом, разбоями, угонами и кражами автомобилей, другими преступлениями, то к его убийст-

¹ См.: Якубович О. Р. Способы совершения преступления и его уголовно-правовое значение: Моногр. / Под ред. А. С. Михлина. М., 2005. С. 90.

ву могут быть причастны лица из числа участников аналогичных группировок, куда входят как наниматель, так и исполнитель. Как правило, члены таких враждующих группировок склонны к внешним эффектам и преступления совершают, подражая экранному герою: со стрельбой из автоматического оружия из окна автомобиля, с расстрелом жертвы, находящейся в автомобиле, с использованием мотоцикла и рокерских атрибутов (черные кожаные куртки и т. д.), матерчатых масок и др.

Исполнителями таких убийств в большинстве случаев являются лица в возрасте от 18 до 25 лет, нигде не работающие и не учащиеся, напрямую или косвенно связанные с преступными группами. Они не уделяют серьезного внимания организации преступления, действуют нагло, открыто.

Убийство «вора в законе» и других авторитетов уголовной среды может свидетельствовать о возможном стремлении представителя криминального мира того же уровня свести счеты с потерпевшим в связи с нарушением договоренности о разделе сфер влияния, из-за передела власти или с целью наживы. Названные конфликты возникают из-за раздела территорий или сфер бизнеса и зарождаются в крупных организованных преступных структурах (сообществах), функционирующих на стыке общеуголовной и экономической преступности:

- незаконный оборот наркотиков;
- торговля оружием, краденными автомобилями и запасными частями к ним;
- игорный и шоу-бизнес, проституция и порнография, экспортно-импортные операции и пр.

Нередко за убийством уголовного авторитета следует упреждающая расправа с его ближайшими сподвижниками, которые ведут «собственное расследование», мотивируемое местью за смерть своего лидера. Если им удастся выявить нанимателя или исполнителя, то велика вероятность возникновения открытых вооруженных столкновений между враждующими группировками.

Целью совершения наемного убийства могут быть устрашение потенциальных соперников и недопущение в последующем с их стороны разбирательств. Исполнителю заказывается совершение дерзкого, открытого нападения в террористической манере. Этот акт – один из способов утверждения нового лиде-

ра. Для его выполнения подбирается соответствующее конкретной обстановке оружие: автомат, пистолет, карабин, боевые гранаты. Убийство совершается, как правило, группой лиц и должно быть исполнено безошибочно.

Если способом убийства является расстрел с близкого расстояния или выстрелами в упор, то в этом случае возникает опасность для спутников или пассажиров, находящихся рядом с жертвой, в том числе детей, которых тоже убивают, чтобы не оставлять живых свидетелей. Результат такой акции – многочисленные огнестрельные ранения на теле потерпевших, контрольные выстрелы в голову (в значительном числе случаев посмертные).

Тщательной подготовкой и изощренностью отличаются заказные убийства, когда к услугам исполнителей прибегают представители крупного бизнеса, коррумпированные чиновники, опасющиеся разоблачения, а также современные «крестные отцы» российской мафии. Преступления в этих случаях носят скрытый характер и совершаются без свидетелей, а преступники, как правило, имеют профессиональную подготовку. Об этом свидетельствуют следующие факты:

- ведение стрельбы из засады; быстрое и точное выполнение выстрелов – в голову, шею или сердце (обычно первый же выстрел является смертельным);
- использование в качестве оружия винтовки с оптическим прицелом, автомата или карабина с глушителем отечественного и иностранного производства;
- оставление оружия на месте преступления;
- отсутствие следов пальцев рук на оружии убийства, что свидетельствует о «работе» стрелка в перчатках.

Исполнителей для совершения заказных убийств данной группы главным образом ищут на стороне, вербуя воинов-«афганцев», уволенных сотрудников спецназа, бывших спортсменов (биатлонистов, стрелков) и т. п. Применение высокоточного оружия и оставление его на месте преступления могут быть признаком того, что заказ на убийство исходит от лиц, не только располагающих крупными суммами денег, но и связанных с контрабандой оружия либо осведомленных о методах и способах действий правоохранительных органов по установлению и идентификации оружия.

Иные мотивы имеют место в случаях, когда жертвами заказных убийств становятся зако-

но послушные граждане с безупречной репутацией: работники банков, бирж, торгово-закупочных или посреднических фирм. Поводами для ликвидации таких людей могут служить неудачные попытки криминальных структур включить их в свою сферу влияния и использовать возможности легального бизнеса для «отмывания» преступно нажитых денег:

- неуплата «налога» преступному сообществу;
- требование предоставления кредита на выгодных условиях или заключения финансовых незаконных сделок.

Материалы дел о раскрытых заказных убийствах показывают, что наниматели (организаторы), а это руководители предприятий частного бизнеса, дельцы теневого бизнеса, коррумпированные должностные лица, лица с преступным прошлым («воры в законе», авторитеты преступной среды), лидеры преступных группировок, в основном имеют высокий уровень материальной обеспеченности, легальные и нелегальные доходы и способны оплатить «труд» наемного убийцы либо заставить его совершить это преступление в силу иных причин и обстоятельств. Для расчета с соучастниками наниматель может использовать российскую и иностранную валюту, ценные бумаги, дорогостоящие вещи, иногда оказывать определенные услуги. Нередко он дает задаток, юридически оформляя его через нотариальную контору. Как правило, вознаграждение выплачивается по частям, в ряде случаев – в течение длительного периода непосредственно заказчиком или через посредника. Эта категория нанимателей не скрывает своего неприязненного отношения к потерпевшему. Характерно, что в большинстве случаев наниматель проживал или вел личный бизнес в одном населенном пункте с потерпевшим, а их отношения накануне убийства имели явно конфликтный характер.

С точки зрения индивидуально-психологических особенностей нанимателей отличает агрессивность, алчность, мстительность, стремление к лидерству.

Действия заказчика по организации убийства различны, но их типовая схема, как правило, следующая:

- он (заказчик) лично или через посредника подыскивает исполнителя своего преступного замысла, руководит его реализацией, в частности, ставит конкретные задачи перед исполнителем;

– изучает и оценивает предложения о способе, месте и времени осуществления замысла, а также о финансовом и материально-техническом обеспечении его реализации;

– информирует исполнителя о личности жертвы;

– определяет степень «вины» жертвы, способ «наказания»;

– принимает меры по обеспечению собственной безопасности;

– осуществляет контроль за поведением исполнителя;

– пресекает факты его возможной «двойной» игры;

– держит под контролем родственные и иные связи жертвы;

– обращает особое внимание на надежность исполнения убийства, гарантированность наступления смерти жертвы.

Согласно оперативным данным жертвами заказных убийств являются предприниматели и коммерсанты, лидеры уголовной среды, граждане, вовлеченные в сферу отношений наследования и приватизации жилья, государственные служащие, лица, занимающиеся финансовой деятельностью, нефтебизнесом, а также депутаты, журналисты, представители органов власти и управления, отдельные граждане, оказавшие активное противодействие антиобщественным проявлениям.

В отдельных случаях жертвами могут стать и сами наемные убийцы, которые своими противоправными действиями (незаконная коммерческая и предпринимательская деятельность, открытые негативные высказывания в адрес должников, угрозы физического уничтожения и т. д.) подталкивали конкурентов, должников или соперников к совершению заказного преступления.

В категорию наемных убийц входят лица с внешне различными социально-демографическими характеристиками (ранее судимые за умышленное убийство, разбойное нападение, причинение телесных повреждений и иные тяжкие преступления, воины-«афганцы», бывшие солдаты и офицеры, служившие в горячих точках; хорошо физически подготовленные охранники, телохранители, боевики-спортсмены, а также члены преступных формирований, профессионально владеющие оружием). В последнее время чаще отмечаются случаи привлечения исполнителей из других регионов, из дальнего или ближнего зарубежья. Среди их индиви-

дуально-психологических особенностей следует назвать: агрессивность, жестокость, нередко пристрастие к алкоголю и наркотикам.

Действия исполнителя (исполнителей) заказа имеют ряд типичных особенностей: убийству предшествуют сбор сведений о поведении сообщников (если таковые имеются), изучение их намерений, психологических и физических возможностей, а также изучение жертвы и ее родственников, их местожительства, средств и маршрутов передвижения, распорядка работы и отдыха. Изучаются планировка помещения, где размещена коммерческая структура, в которой руководитель или работник – намеченная жертва, характер охраны и охранных технических устройств предполагаемого объекта посягательства. Указанные действия характерны для убийств, подготавливаемых и совершаемых вне сферы семейно-бытовых отношений.

К посредникам и пособникам в планировании и совершении преступления относятся лица, содействующие нанимателю в реализации его преступных намерений. Их основные функции – поиск лица, способного выполнить роль наемника-убийцы, заключение с ним сделки от имени нанимателя и на его условиях, поддержание устойчивой связи между ними (опосредованной), сбор необходимой информации об объекте преступного посягательства, контроль за исполнителем и исполнением им взятых на себя обязательств.

Обобщение практики раскрытия убийств, совершенных по найму, позволяет определить следующие характерные для этой категории преступлений обстоятельства:

- отсутствие данных, указывающих на какие-либо элементы случайности и (или) ситуативности данного криминального события;
- инсценировка наемного убийства под разбойное нападение, изнасилование, несчастный случай;
- наличие прямых или косвенных связей лица (группы лиц), непосредственно заинтересованного в его смерти;
- стремление нанимателя незадолго до убийства находиться на глазах у знакомых или зафиксировать свое пребывание в определенном месте документально с целью обезопасить себя на случай разоблачения;
- повышенный интерес к расследованию убийства со стороны отдельных членов преступной группы;

– совпадение места обнаружения труп с местом убийства;

– как правило, время совершения убийства зависит от мотивообразующей сферы: семейно-бытовой – в вечерние часы и ночью, профессионально-деловой и в организованных преступных формированиях – в утреннее и вечернее время;

– применение стрелкового оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств, а также иных средств, специально созданных для причинения смерти;

– применение комбинированных способов убийства, каждый из которых мог бы причинить смерть;

– использование изощренных способов сокрытия следов преступления;

– минимальное количество оставленных на месте преступления следов (несмотря на наличие их предметов-носителей);

– признаки выслеживания жертвы, выбора места и времени совершения преступления.

Проблема правоохранительных органов по раскрытию убийств, совершенных по найму, заключается в выявлении их мотивации и установлении ее конкретных носителей. На первоначальных этапах раскрытия убийств по найму организуются и проводятся мероприятия, аналогичные раскрытию любого другого убийства, совершенного в условиях неочевидности. Версия о его заказном характере может выдвигаться лишь в общей форме, чаще всего в виде предположения, что преступление могло быть совершено на почве того или иного вида деятельности потерпевшего и (или) третьими лицами. Раскрытие преступления как убийства, совершенного по найму, практически начинается только тогда, когда эта версия становится основной, т. е. появляется достаточно оснований для того, чтобы считать его таковым. В случае, когда такие основания появляются, работа по делу приобретает вид, специфичный для данной категории преступлений.

Библиографический список

1. Колесников, В. И. Проблемы борьбы с убийствами, совершенными по найму : монография / В. И. Колесников. – М., 2005.
2. Самовичев, Е. Г. Причины умышленных убийств и проблемы наказания за их совершение : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1991.

Е. В. Пугачев,
*соискатель кафедры
организации оперативной работы
ВЮИ ФСИН России*

**ПРЕДПОСЫЛКИ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЕ
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В КАЧЕСТВЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВ**

Своевременное, полное и объективное раскрытие и расследование преступления возможно лишь на основе соблюдения основополагающих принципов уголовного судопроизводства, законов формальной логики, теории отражения, концепции о принципиальной познаваемости окружающей действительности, а также гносеологии.

Гносеологически раскрытие преступления представляется как процесс познания его сущности, который развивается от обнаружения отдельных признаков преступления к установлению всех присущих ему юридически значимых элементов.

Поиск источников судебных доказательств начинается на стадии обнаружения признаков подготавливаемого, совершаемого и совершенного преступления и выявления лиц, причастных к данному преступлению, посредством осуществления комплекса оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) по фиксации действий подозреваемых лиц. Документирование по своему целевому назначению, стоящим задачам и содержанию прежде всего решает задачи уголовно-процессуального доказывания и одновременно создает оптимальные условия для его осуществления в дальнейшем после принятия должностным лицом уполномоченного на то государственного органа решения о возбуждении уголовного дела.

Вышесказанное позволяет предположить, что идея использования в уголовном процессе результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в качестве судебных доказательств должна найти свое выражение в российском законодательстве, где будут отражены в полном объеме правовые механизмы использования данных ОРМ в уголовном процессе.

По нашему мнению, результаты ОРД уже обладают некоторым доказательственным значением:

– устанавливаются на правовом основании – постановлении руководителя субъекта ОРД;

– в случаях, когда результаты ОРД затрагивают конституционные права граждан, дополнительным гарантом законности их получения выступает судебное решение;

– представляются должностному лицу государственного органа, осуществляющего уголовное судопроизводство, который признает их доказательствами, если они в соответствии со ст. 89 УПК РФ отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам.

Однако следует отметить, что редакция ст. 89 УПК РФ изложена законодателем в неоднозначной для восприятия формулировке, что часто приводит к противоречивому толкованию ее норм. Законодатель в данной статье предусмотрел уголовно-процессуальные нормы о возможности использования результатов ОРД в качестве доказательств, если они отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам. Вместе с тем механизма реализации использования результатов ОРД на практике пока не существует. По нашему мнению, часть уголовно-релевантной информации, полученной оперативно-розыскными средствами, при соблюдении определенных условий может быть обложена доказательственной значимостью и в этом качестве непосредственно включаться в процесс судебного исследования преступлений.

В связи с этим, на наш взгляд, ст. 89 УПК РФ должна содержать в себе бланкетную диспозицию, указывающую, что порядок использования результатов ОРД в доказывании регулируется УПК РФ, а также Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ.

Использование результатов ОРД в уголовном процессе – это предусмотренная оперативно-розыскным законодательством форма реализации отдельных видов информационного и материализованного продукта ОРД в смежном виде юридической государственной деятельности при неукоснительном соблюдении уголовно-процессуальных процедур. Данные требования изложены в ч. 1 ст. 88 УПК РФ, и суть их заключается в оценке доказательств с точки зрения относимости, допустимости и достоверности.

Относимость доказательств представляет собой обязательное свойство сведений (без его наличия нет доказательства), проявляющееся в их связи с исследуемым в уголовном процессе происшествием. Анализируя данное определение, безусловно, можно согласиться с А. П. Рыжаковым, что свойство относимости результатов ОРД аналогично одноименному свойству уголовно-процессуальных доказательств¹.

Допустимость доказательств – это их соответствие нормам нравственности, истинности, а равно требованиям закона относительно источника, способа собирания и вовлечения в уголовный процесс сведений².

Допустимость как свойство результатов ОРД – это их соответствие нормам закона и ведомственным нормативным правовым актам относительно субъекта, задач, средств и методов собирания информации.

Допустимость использования результатов ОРД состоит из двух частей:

1) допустимости – свойства уголовно-процессуального доказательства;

2) допустимости – свойства результатов ОРД, или допустимости именоваться результатом ОРД. Соответственно недопустимыми должны признаваться результаты ОРД, когда ОРМ проводил следователь, под видом его проведения совершалось преступление (например провокация взятки), ОРД осуществлялась для достижения целей и решения задач, не предусмотренных ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», и т. д.³

Как показывает практика, результаты ОРД в основном не принимаются в качестве доказательственной информации по уголовному делу, так как они якобы не отвечают критериям допустимости по тому основанию, что неизвестен источник получения информации. Вместе с тем доказательствами являются любые сведения, на основе которых суд, следователь или дознаватель устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. На наш взгляд,

анализ данного положения позволяет сделать вывод о том, что рапорт должностного лица органа, осуществляющего ОРД, содержащий информацию, полученную в ходе проведения ОРМ или от конфиденнта, может быть принят как доказательство.

Достоверность является одним из основных условий использования результатов ОРД в качестве доказательств. Следует отметить, что достоверность доказательства зависит не столько от объема содержащейся в нем фактической информации, сколько от ее направленности, полноты и глубины освещения конкретных событий. Иными словами, доказательства должны быть убедительными, конкретными, а содержащиеся в них сведения – доказательными. Чем выше степень соотношения преступлений со сведениями об их обстоятельствах, тем более достоверно и убедительно доказательство.

По нашему мнению, основной причиной, по которой результаты ОРД не признаются в качестве доказательств, является недоверие со стороны некоторых представителей ученого мира и законодателя к информации, которая может быть получена с нарушениями закона. Мы разделяем мнение В. Борзова, считающего, что механизм проведения ОРД непосредственно органом дознания в основе своей аналогичен механизму однородного следственного действия (различие только по форме). Причем гарантия достоверности результатов ОРД заключается не в способе получения, а в проверяемости, в том числе с точки зрения законности. В этом смысле уголовно-процессуальный закон предусматривает равные возможности как для оценки результатов ОРД, полученных непосредственно органом дознания, так и опосредованно – следователем в результате следственного действия. Более того, в обоих случаях гарантом соблюдения законности является суд, санкционирующий ОРМ. Различие состоит лишь в том, что один вид ОРД реализуется прямым применением Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», а другой опосредованно, т. е. через УПК РФ. Для устранения данного различия необходимо включить все результаты ОРД в число доказательств, а также поводов и оснований для возбуждения уголовного дела. Что же касается возможных фальсификаций и злоупотреб-

¹ См.: Рыжаков А. П. Комментарий к УПК РФ. М., 2003. С. 301–302.

² См.: там же. С. 301.

³ См.: там же. С. 303.

лений, то они в принципе не исключаются и в процессе реализации любых следственных действий. Задача заключается в том, чтобы свести вероятность подобных явлений до минимума через систему уголовных и уголовно-процессуальных гарантий¹.

Представляется, что результаты ОРД могут не только обладать указанными свойствами, но и в некоторых ситуациях содержать более точную информацию, чем полученная уголовно-процессуальными способами.

На наш взгляд, особое внимание следует уделить достаточности доказательств. В соответствии с ч. 1 ст. 88 УПК РФ все собранные доказательства подлежат оценке в совокупности — достаточности для разрешения уголовного дела. Практически доказать наличие или отсутствие любого обстоятельства по уголовному делу при помощи отдельно взятого доказательства невозможно. В обязательном порядке следует использовать совокупность взаимно проверенных доказательств, поскольку только данное условие способно подтвердить или опровергнуть любое обстоятельство, входящее в предмет доказывания по уголовному делу. Указанная совокупность может состоять из доказательств, которые проверены и оценены субъектом доказывания, т. е. представлять собой систему однородных доказательств, которые взаимосвязаны и дополняют друг друга. Каждое из находящихся в совокупности доказательств должно обладать способностью проверять юридические свойства других доказательств и в связи с этим усиливать их доказательное значение. Таким образом, можно не соглашаться с противниками использования результатов ОРД в качестве доказательств по данной позиции по следующим основаниям:

Во-первых, юридические свойства доказательств, полученные в ходе проведения ОРМ, в обязательном порядке будут проверены другими доказательствами, полученными процессуальными способами. Представляется, что доказательства, полученные в ходе ОРД (если они будут признаны законодателем), должны в совокупности составлять не более половины доказательств, полученных в соответствии с УПК РФ.

Во-вторых, как показывает практика, без признания доказательствами результатов ОРД иногда невозможно доказать то или иное преступление. Особенно данное положение характерно для преступлений экономической направленности, а также связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

Иными словами, в совокупность доказательств может быть включено не любое доказательство, а лишь объективно связанное с другими доказательствами по уголовному делу. Это свидетельствует о существовании такого юридического свойства доказательства, которое способно превратить его из единичного источника оперативно-розыскной информации, не имеющего определенной юридической силы, в полноценное средство доказывания.

Аналогично данный вопрос рассмотрен в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности». Так, согласно ч. 2 ст. 11 результаты ОРД могут использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с требованиями УПК РФ, регламентирующими сбор, проверку и оценку доказательств.

Кроме того, в соответствии со ст. 2 данного Закона одной из задач ОРД является выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших. Безусловно, ее решение невыполнимо без собирания доказательственной информации по уголовному делу.

В-третьих, в настоящее время для использования результатов ОРД в доказывании в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством созданы следующие условия:

1. Согласно ст. 84 УПК РФ доказательствами по уголовному делу являются иные документы, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. По нашему мнению, к таким документам также могут относиться сведения, полученные в ходе оперативной работы, полученные и истребованные или представленные в порядке, установленном ст. 86 УПК РФ.

В соответствии со ст. 84 УПК РФ они могут быть допущены в качестве доказательств, если изложенные в них сведения имеют значение для установления обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ.

¹ См.: Борзов В. Результаты оперативно-розыскной деятельности — статус доказательств в уголовном процессе // Рос. юстиция. 2004. № 4.

2. В отличие от УПК РСФСР действующим уголовно-процессуальным законодательством не установлены субъекты, имеющие право предоставлять документы дознавателю, следователю, прокурору или суду. Однако, по нашему мнению, нет объективных причин для отказа в принятии данных документов от органов дознания.

Тем более, что данное положение эффективно используется в следственной и судебной практике¹. Следует отметить, что в ходе судебного заседания не возникло необходимости ни в допросе оперативных сотрудников, ни в предоставлении сведений о технических характеристиках используемой аппаратуры. Это особенно важно, так как ОРМ проводились штатными негласными сотрудниками.

3. Статья 81 УПК РФ признает вещественными доказательствами не только предметы, которые служили орудиями преступления, сохранили на себе следы преступления или на которые были направлены преступные действия, но и иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела. Данная норма, на наш взгляд, несомненно, также облегчает приобщение результатов ОРМ к материалам уголовного дела.

4. В ходе проведения ОРМ орган дознания часто получает информацию, содержащуюся на аудио-, видео- или иных носителях информации, которая путем предоставления в порядке ст. 86 УПК РФ может стать доказательством по уголовному делу.

5. Действующее уголовно-процессуальное законодательство создало условия для формирования доказательств на основе материалов, полученных оперативным путем, с учетом некоторых условий.

Так, документы и материалы, полученные оперативным путем как доказательства по уголовным делам, необходимо оценивать, исходя из требований ст. 88 УПК РФ, с учетом их относимости, допустимости и достоверности при соблюдении определенных условий. Во-первых, должно быть указано, как полученная информация попала в

материалы уголовного дела. Во-вторых, в этих документах должны содержаться данные о гражданине, от которого исходит данный документ. В-третьих, должен быть указан источник осведомленности составителя документа. В том случае, если вышеперечисленные условия не соблюдаются, составитель данного документа допрашивается в качестве свидетеля².

В связи с этим вызывает сомнение тезис о том, что ОРД является «вспомогательной по отношению к уголовно-процессуальной и обеспечивающей уголовное преследование», а ее результаты не могут выступать в качестве доказательств, поскольку «информация, полученная в ходе оперативно-розыскных мероприятий, не заменяет доказательств по уголовному делу...»³.

Таким образом, результаты ОРД, полученные в строгом соответствии с оперативно-розыскным и уголовно-процессуальным законодательством, безусловно, могут быть признаны доказательствами по уголовному делу. Однако в отечественном уголовно-процессуальном и оперативно-розыском законодательстве сложилась не только коллизия вышеназванных норм, но и присутствуют явные пробелы в правовом регулировании важной для достижения целей правосудия проблемы – проблемы использования оперативных данных в уголовном процессе. Ее решение в методологическом плане основывается на положениях теории доказательств, образующей совокупность соответствующих институтов и их объединений, регулирующих процесс доказывания или уголовно-процессуальное доказывание. Именно поэтому в уголовно-процессуальном законодательстве должны быть установлены определенная последовательность, единообразие общего подхода, согласованность с нормами Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и другими законодательными актами, регулирующими оперативно-розыскную деятельность.

² См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Нов. ред. М., 2002.

³ Земскова А. В. Теоретические основы использования результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений. Волгоград, 2002. С. 29.

¹ См.: Уголовные дела № 64/901-2006, № 64/911-2006, № 64/285-2007 // Архив Ленинского районного суда г. Оренбурга за 2007 год.

Библиографический список

1. Борзов, В. Результатам оперативно-розыскной деятельности – статус доказательств в уголовном процессе / В. Борзов // Рос. юстиция. – 2004. – № 4.

2. Земскова, А. В. Теоретические основы использования результатов оперативно-розыск-

ной деятельности при расследовании преступлений / А. В. Земскова. – Волгоград, 2002.

3. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. – Нов. ред. – М., 2002.

4. Рыжаков, А. П. Комментарий к УПК РФ / А. П. Рыжаков. – М., 2003.

И. И. Романов,

соискатель кафедры

государственно-правовых дисциплин

Владимирского государственного

гуманитарного университета

СООТНОШЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО И ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РЕЖИМОВ

В середине 60-х гг. XX в. развернулась дискуссия о соотношении политического и государственно-правового режимов и соответственно государственной и политической власти.

Поводом для дискуссии послужил тезис из работы К. Маркса «Морализирующая критика и критикующая мораль»: «Современные буржуазные отношения собственности поддерживаются "государственной" властью, которую буржуазия организовала для защиты своих отношений собственности. Следовательно, там, где политическая власть находится уже в руках буржуазии, пролетарии должны ее ниспровергнуть...». И далее: «... если буржуазия политически, т. е. при помощи своей государственной власти, поддерживает несправедливость в отношении собственности, то этим она не создает ее»¹.

Данная мысль К. Маркса дала повод ряду ученых (В. С. Шевцов, М. И. Байтин, И. М. Степанов) приравнять категорию «государственная власть» к категории «политическая власть»². По мнению М. И. Байтина, термины «политическая власть» и «государственная власть», равно как и стоящие за ними понятия, суть синонимы³.

Безусловно, всякая научная позиция заслуживает уважения, но это не означает, что она не может быть подвергнута критическому анализу.

Так, И. М. Степанов отождествляет не только государственную и политическую власть, но и понятия «советская государственная власть» и «советское социалистическое государство». Он переносит все признаки социалистической государственности на признаки советской государственной власти. С этим трудно согласиться, так как, на наш взгляд, понятие государства шире понятия государственной власти.

Сомнение вызывает также вывод, сделанный В. Дорогиным (с которым солидаризируется И. М. Степанов), о том, что «суверенная государственная власть не имеет никаких правовых ограничений: она может принять любое решение, какое считает необходимым. Суверенная власть не имеет обязанностей ни перед какой другой властью, а, наоборот, все другие власти имеют обязанности перед ней. Суверенная государственная власть – источник правоспособности органов государства, общественных организаций и отдельных лиц»⁴.

По нашему мнению, любая (в том числе государственная) власть должна иметь правовые ограничения, чтобы не превратиться в диктаторскую власть, творящую насилие и произвол. Подлинный же суверенитет государственной власти проявляется в ее независимости от вмешательства в ее функции других властей, а также внешних сил при строгом соблюдении правовых норм.

В качестве альтернативных вышеназванной позиции были выдвинуты точки зрения таких ученых, как С. С. Алексеев, В. Е. Чиркин, Ю. А. Тихомиров. В частности, по мнению С. С. Алексеева и В. Е. Чиркина: «"Огосударствление" политической орга-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 298.

² См.: Шевцов В. С. Полновластие – политическая власть советского народа // Сов. государство и право. 1979. № 8. С. 14; Байтин М. И. Государство и политическая власть. Саратов, 1972. С. 134; Степанов И. М. Советская государственная власть. М., 1970. С. 7, 69, 147.

³ См.: Байтин М. И. Указ. соч. С. 134.

⁴ Дорогин В. Суверенитет в советском государственном праве. М., 1948. С. 40.

низации общества неверно даже по отношению к капиталистическому строю. Осуществление диктатуры буржуазии далеко не исчерпывается деятельностью государственного аппарата, хотя последний и составляет здесь важнейшее звено»¹.

Ю. А. Тихомиров также отмечает, что содержание политической власти шире государственной, поскольку последняя является лишь частным ее проявлением².

Данную точку зрения разделяют Ф. М. Бурлацкий, Н. М. Кейзеров, Л. Т. Кривушин, С. А. Комаров, Ю. Г. Чуланов, Ю. А. Дмитриев и др., обосновывая необходимость разграничения понятий «политическая власть» и «государственная власть». Как подчеркивает Ю. Г. Чуланов, «государственная власть» – более узкое понятие и не сводится к первому³.

Такая позиция, на наш взгляд, более предпочтительна. Вместе с тем было бы неверно противопоставлять государственную и политическую власть, поскольку они тесно взаимосвязаны и выступают как часть и целое.

Следует, на наш взгляд, согласиться с С. А. Комаровым в том, что «политическую жизнь (а значит, и функционирование всей политической системы) можно подразделить на две большие сферы: государственную и общественно-политическую», следовательно, «политическую власть можно представить как совокупность государственной и общественно-политической, причем субъектом ее выступает вся политическая система»⁴.

Кроме того, весьма убедительным представляется сравнительный анализ Ю. А. Дмитриева. По его мнению, сходство государственной и политической власти заключается в наличии общей цели – управление делами общества и государства. Эта цель отличает данные виды власти от ее проявлений в иных сферах: семейных, производственных и др. И политическая, и государственная власть

носит публичный характер и в демократическом обществе осуществляется гласно и открыто. И политическая, и государственная власть имеют общий источник в лице своего народа и реализуют волю своих субъектов в рамках, установленных законом⁵.

Тем не менее эти два понятия не совпадают. В качестве различий между государственной и политической властью Ю. А. Дмитриев называет следующие.

Во-первых, различается состав субъектов, обладающих соответствующими властными полномочиями. Непосредственными субъектами государственной власти выступают федеральные государственные органы и органы государственной власти субъектов Федерации. Субъектами политической власти являются политические партии, общественные организации, субъекты избирательного процесса.

Во-вторых, различие состоит в том, что государственная и политическая власть имеют разное поле для реализации своих полномочий. Полем действия государственной власти являются государство и его органы. Власть государства распространяется на гражданское общество лишь в части установления правовых норм, обеспечивающих нормальное его функционирование.

Полем реализации политической власти выступает преимущественно гражданское общество, за рамки которого она выходит только тогда, когда необходимо воздействовать на процесс формирования государственных органов или осуществить давление на них.

В-третьих, различны методы, используемые политической и государственной властью для достижения поставленных целей. Субъекты политической власти не могут непосредственно использовать методы государственно-властного воздействия (принуждения), присущие исключительно субъектам государственной власти.

В-четвертых, различаются они и по объему своих полномочий.

Только субъекты государственной власти имеют право на издание нормативных актов, имеющих общеобязательный характер.

¹ Алексеев С. С., Чиркин В. Е. О системе наук, изучающих проблемы политической организации общества, государства и права // Сов. государство и право. 1965. № 5. С. 46.

² См.: Тихомиров Ю. А. Социализм и политическая власть // Там же. 1974. № 5. С. 17.

³ См.: Чуланов Ю. Г. Политология. СПб., 1993. С. 12.

⁴ Комаров С. А. Советское общенародное государство и личность. Красноярск, 1985. С. 41–42.

⁵ См.: Дмитриев Ю. А. Соотношение понятий политической и государственной власти в условиях формирования гражданского общества // Государство и право. 1994. № 7. С. 31.

На наш взгляд, в пользу разграничения понятий «политическая» и «государственная» власть, помимо уже названных аргументов, свидетельствуют также следующие:

- сфера влияния политической власти может распространяться на территории нескольких государств (в случае, если ее субъектами выступают международные организации);

- государственная власть, нося публичный характер, выступает от имени всего общества, всего народа (а не какой-либо его части и социальной группы, являющейся субъектом политической власти), имеет «публичную» материальную основу (казенное имущество, налоги и т. д.);

- в отличие от политической власти, государственная власть имеет свойственные только ей три ветви (законодательную, исполнительную, судебную) с соответствующими прерогативами;

- одним из субъектов политической власти выступают органы местного самоуправления, которые согласно п. 2 ст. 3, ст. 12 Конституции РФ являются самостоятельными и не входят в систему органов государственной власти.

Все вышеперечисленные черты, на наш взгляд, позволяют провести понятийную дифференциацию политической и государственной власти, а также признать государственную власть составной частью политической власти.

Исходя из проведенного анализа соотношения политической и государственной власти вытекает разграничение в трактовке политического и государственного режимов.

Так, государственный режим – это составная часть политического режима, существующего в обществе. Политический режим – понятие более широкое, поскольку оно включает в себя не только методы государственного властвования, но и характерные способы деятельности негосударственных политических организаций (партий, движений, клубов, союзов).

Государственный режим, как и политический, зависит от организации государственной власти. Поэтому он определяется как способ и характер государственного правления, зависящие от определенной организации государственной власти и ве-

дущие к тому или иному типу политического режима¹.

Справедливо, на наш взгляд, суждение В. В. Лазарева о наличии «обратной связи» между политическим и государственным режимами, так как это соответствует современному пониманию политических процессов, происходящих в обществе в двух основных сферах – государственной и общественно-политической, а также характеру политической системы, включающей в себя государство и негосударственные общественно-политические организации. Все составные части политической системы: политические партии, общественные организации, трудовые коллективы (в том числе «внесистемные» объекты: церковь, массовые движения и т. п.) – испытывают значительное влияние государства, его сущности, характера, функций, форм и методов деятельности и т. д. В то же время, поскольку и государство, в свою очередь, в значительной мере воспринимает воздействие общественно-политической «среды обитания», оно (воздействие) распространяется на его форму, в частности, на политический режим, который опосредует режим государственный (как свою составную часть)².

С. С. Алексеев обращает особое внимание на понятие «правовой режим». По его мнению, это глубокое, содержательное правовое явление, связывающее воедино целый комплекс правовых средств в соответствии со способами правового регулирования (запрет, дозволение или позитивное связывание). Автор выделяет два типа правового регулирования: 1) разрешительное (если существует общий запрет и ему корреспондируют только конкретные дозволения – «запрещено все, кроме дозволенного»); 2) общедозволительное (если законодатель установил общее дозволение и соответствующие ему конкретные запреты – «дозволено все, кроме запрещенного»)³.

Тип правового регулирования является своего рода «лакмусовой бумагой» для определения типа политического режима: в демократических режимах преобладает

¹ См.: Унпелев А. Г. Политология: власть, демократия, личность. М., 1994. С. 57–58.

² Лазарев В. В. Общая теория права и государства. М., 1994. С. 266–267.

³ Алексеев С. С. Теория права. М., 1994. С. 169, 172.

общедозволительное регулирование, в антидемократических – разрешительное.

Кроме того, в каждом государстве существует определенная правовая база, направленная на защиту его власти. Так, п. 4 ст. 3 Конституции РФ указывает: «Никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение властных полномочий преследуются по федеральному закону». УК РФ в ст. 278 предупреждает: «Действия, направленные на насильственный захват власти или насильственное удержание власти в нарушение Конституции Российской Федерации, а равно направленные на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, наказываются лишением свободы на срок от 12 до 20 лет».

Данные положения направлены на защиту демократических конституционных основ государственной власти, являются гарантом принципа разделения властей, институтов прямой и представительной демократии, препятствуют незаконной узурпации власти, изменению вида политического режима.

Федеральный закон «О государственной охране» от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ (в редакции от 4 декабря 2007 г.) предусматривает совокупность организационных, охранных, режимных, оперативно-розыскных, технических и иных мер, осуществляемых органами государственной охраны с целью обеспечения безопасности Президента РФ и лиц, замещающих государственные должности, федеральных государственных служащих, а также глав иностранных государств, пребывающих на территории Российской Федера-

ции. Основными принципами осуществления государственной охраны в соответствии со ст. 3 данного Закона выступают законность, уважение и соблюдение прав и свобод человека и гражданина, централизованное руководство, взаимодействие государственных органов обеспечения безопасности, непрерывность, сочетание гласных и негласных методов деятельности, подконтрольность и поднадзорность¹.

Таким образом, государственный режим реализуется через систему органов государственной власти и их взаимодействие с гражданским обществом, охраняемое правом. Государственный режим является составной частью политического режима и отражает реальную картину взаимоотношений между государством и его гражданами.

Поскольку государственный режим опирается на право, его нередко называют государственно-правовым. И в этом – еще одно его отличие от политического режима, который основывается не только на правовых, но и на иных социальных нормах – моральных, религиозных, политических, партийных и др.

Библиографический список

1. *Байтин, М. И.* Государство и политическая власть / М. И. Байтин. – Саратов, 1972.
2. *Дмитриев, Ю. А.* Соотношение понятий политической и государственной власти в условиях формирования гражданского общества / Ю. А. Дмитриев // Государство и право. – 1994. – № 7.
3. *Унпелев, А. Г.* Политология: власть, демократия, личность / А. Г. Унпелев. – М., 1994.

И. Г. Савицкая,
*соискатель кафедры уголовного права
Воронежского государственного
университета*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СПЕЦИАЛИСТА В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Следы и вещественные доказательства, обнаруженные на месте происшествия, являются важным источником розыскной и

доказательственной информации, используемой в раскрытии и расследовании преступления. Для получения данной информации требуется провести исследование обнаруженных следов и вещественных доказательств с использованием специально разработанных методик, приемов и технических средств. Такое исследование, как правило, производится в двух формах: не-

¹ См.: О государственной охране: Федер. закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ // Рос. газ. 1996. 6 июня; 2007. 8 дек.

процессуальной (предварительное исследование) – путем производства исследования специалистом-криминалистом; процессуальной – путем производства экспертизы экспертом.

В свете новых процессуальных позиций законодателя – признания новым доказательством заключения специалиста – целесообразно рассмотреть проблему предварительных исследований, проводимых им, в первую очередь, в стадии возбуждения уголовного дела.

Проблема предварительных исследований освещалась в работах И. Е. Быховского, А. И. Дворкина, П. П. Ищенко, Н. Л. Корниенко, В. Н. Махова, Н. А. Селиванова, В. А. Снеткова, С. М. Сыркова, А. В. Фефилатьева и др.¹

По мнению П. П. Ищенко, «предварительное исследование следов – это внепроцессуальное применение специальных познаний для определения относимости обнаруженных следов к расследуемому событию, получения данных о механизме их образования, установления признаков следообразующих объектов и сбора сведений о возможных приметах, привычках и других данных, характеризующих лиц, принимавших участие в указанном событии»².

Несмотря на некоторые расхождения, все исследователи данной проблемы едины во мнении о допустимости таких исследований следователем единолично или с участием специалиста. Все авторы подчеркивали, что это не следственный осмотр с участием понятых, это самостоятельное, но не процессуальное действие. Осуществляться предварительное следственное исследование может как следователем единолично, так и с участием специалиста. В ходе исследования могут быть использованы электронно-оптический преобразователь, ультрафиолетовое излучение, фотографирование, светофильтры,

микроскопы и т. п. Главное условие заключается в том, чтобы применяемые методы и приемы соответствовали общим принципам уголовного процесса.

Позиция всех авторов относительно предмета и результатов предварительного исследования была едина:

1) предварительное (доэкспертное) исследование, осуществляемое следователем (специалистом по заданию следователя) не должно влечь какого-либо изменения состояния изучаемого объекта (документа, вещественного доказательства);

2) результаты такого предварительного исследования нигде не фиксируются и не имеют никакого доказательственного значения;

3) результаты предварительных исследований могут быть использованы в оперативно-тактических целях, при назначении экспертизы, при оценке результатов экспертного исследования.

Такой подход к определению сущности предварительного исследования был верным до введения в закон нового вида доказательства – заключения специалиста – на основании Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ³. В данном случае результатом предварительного исследования может быть получение как ориентирующей, так и доказательственной информации.

В связи с этим в научной литературе развернулась дискуссия о придании доказательственного значения предварительным исследованиям специалиста, которые в настоящее время имеют непроцессуальный характер.

Традиционные доводы противников легализации предварительных исследований специалиста, в частности, Л. Лазаревой, Е. Зайцевой, сводятся к следующему:

1) предварительные исследования проводятся до возбуждения уголовного дела, т. е. осуществляются в непроцессуальной форме;

2) результаты этих исследований не являются доказательствами и, следовательно,

¹ См., напр.: *Ищенко П. П.* Получение розыскной информации в ходе предварительного исследования следов преступления. М., 1994. С. 7; *Снетков В. А.* Основы деятельности специалиста экспертно-криминалистических подразделений ОВД. М., 2001. С. 51–55; *Сыров С. М., Фефилатьев А. В.* Проведение предварительных исследований материальных следов на месте происшествия. М., 1986. С. 6.

² *Ищенко П. П.* Указ. соч.

³ См.: Рос. газ. 2003. 10–11 июля.

могут быть включены в процесс доказывания только после их процессуального исследования;

3) специалист, выполняя исследования, не несет никакой ответственности за их результаты¹.

Авторы, разделяющие данную позицию, указывают, что предварительное исследование проводится по иным, более облегченным, чем экспертное исследование, методикам и нацелено на скорейшее получение ориентирующей информации, степень достоверности которой ниже выводов эксперта, а потому она может быть использована лишь для выдвижения следственных и розыскных версий и раскрытия преступления по горячим следам.

По мнению Е. Р. Россинской, никакие экспресс-исследования не могут заменить полноценной судебной экспертизы².

Кроме того, оформление справки о предварительном исследовании по требованиям, соответствующим заключению эксперта, лишит данное исследование главного достоинства – оперативности, из-за чего будет невозможно эффективно использовать полученные результаты.

Вместе с тем придание доказательственного значения предварительным исследованиям является следствием острой необходимости, подтвержденной практикой.

Десятилетиями широко используется назначение до возбуждения уголовных дел предварительных исследований, отличающихся от соответствующих судебных экспертиз только формой и оканчивающихся выдачей непроцессуального документа – справки об исследовании. В ходе такого предварительного исследования нередко изменение свойств объекта, использование его, уменьшение количества исследованного вещества. В подобных случаях при впоследствии назначенном судебно-эксперт-

ном исследовании учитывались и его собственные результаты, и данные, сохранившиеся в памяти сведущего лица, производившего предварительное исследование того же объекта. Поручить экспертизу другому эксперту уже нельзя, а лицо, производящее предварительное исследование, процессуально бесправно.

Ряд ученых, предлагают дополнить ч. 3 ст. 86 УПК РФ нормой о признании справки предварительного исследования объектов, проводимого специалистом, доказательством³.

В связи с этим С. И. Зернов отмечает, что через заключение специалиста могут получить законное признание так называемые предварительные исследования, справки о которых широко распространены в практике проверки заявлений и сообщений о преступлениях⁴.

С точки зрения В. М. Быкова, заключение специалиста может заменить собой так называемые предварительные или специальные исследования вещественных доказательств⁵.

Е. П. Гришина⁶, А. В. Белоусов⁷ предлагают приобщать справку специалиста к материалам уголовного дела в качестве иного документа. С ними созвучно мнение ряда ученых, которые предлагают оформлять

³ См.: *Волынский А. Ф.* Концептуальные основы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999; *Черников А. М.* Экспертно-криминалистическое обеспечение раскрытия, расследования и предотвращения преступлений в условиях мегаполиса. М., 1999; *Белоусов А. В.* Процессуальное закрепление доказательств при расследовании преступлений. М., 2001.

⁴ См.: *Зернов С. И.* Заключение специалиста как новый вид судебных доказательств // Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений: Материалы 2-й Всерос. науч.-практ. конф. по криминалистике и судебной экспертизе, 1–3 марта 2004 г. В 3 т. М., 2004. Т. 1.

⁵ См.: *Быков В. М.* Заключение специалиста // Законность. 2004. № 9. С. 22.

⁶ См.: *Гришина Б. П., Саушкин С. А.* Проблемные вопросы совершенствования правового регулирования производства следственных действий с участием специалиста // Рос. следователь. 2005. № 8. С. 16–19.

⁷ См.: *Белоусов А. В.* Процессуальное закрепление доказательств при расследовании преступлений. М., 2001.

¹ См.: *Лазарева Л.* Процессуальные проблемы доказывания в деятельности специалиста в уголовном судопроизводстве // Уголовный процесс. 2006. № 3. С. 74–78; *Зайцева Е.* К вопросу о заключении специалиста // Уголовный процесс. 2006. № 4.

² См.: *Россинская Е. Р.* К вопросу об отнесении знаний, используемых в судопроизводстве к специальным // Воронежские криминалистические чтения: Сб. науч. тр. / Под ред. О. Я. Баева. Воронеж, 2005. Вып. 6. С. 193–202.

заключением специалиста результаты предварительного исследования материальных следов, выполняемых чаще всего на местах происшествий.

Т. В. Аверьянова отмечает, что заключение специалиста может быть дано в процессе осмотра места происшествия, обыска, выемки¹.

По мнению указанных авторов, предварительные исследования по объектам, методам и средствам анализа практически мало отличаются от производства экспертиз, заключения по ним нередко повторяются при производстве экспертиз после возбуждения уголовного дела. Это служит одним из оснований для вывода о необходимости признания в определенных случаях заключения предварительного исследования самостоятельным средством доказывания или следователю должно быть предоставлено право приобщать к материалам дела эти заключения в качестве иных документов и назначать экспертизы лишь в случаях возникновения сомнений в правильности изложенных в заключении выводов.

Заключение специалиста может являться самостоятельным видом доказательств, истребование которого на стадии возбуждения уголовного дела позволяет исключить различные документы, не предусмотренные процессуальными нормами. Однако следует отметить, что заключение и показания специалиста в качестве еще одной формы использования специальных знаний в уголовном процессе имеют недостатки процессуального обеспечения.

Разрешить данные противоречия возможно, сформировав процессуальный механизм привлечения специалиста именно с целью дачи заключения по канонам функционирования эксперта в уголовном судопроизводстве. В этом случае процессуальным основанием привлечения специалиста для дачи заключения будет являться вынесение постановления, определения.

На наш взгляд, данную проблему можно решить двумя путями: 1) допущение

производства экспертизы до возбуждения; 2) придание результатам предварительных исследований статуса заключения специалиста.

Совершенно справедливо утверждение, что для правильного ответа на поставленный вопрос лицо, производящее исследование, должно использовать практически те же методы и ту же логику исследования, что и при производстве экспертизы. Однако следует помнить, что при проведении предварительных исследований допускается применение только методов, не разрушающих исследуемый объект. Исключением являются случаи, когда от исследуемого объекта можно отделить какую-либо часть без изменения его свойств в целом (например, при исследовании сыпучих, жидких и т. п. веществ). Разрушение (уничтожение в ходе исследования) допустимо только в ходе проведения экспертного анализа.

Если при предварительном исследовании, предшествующем экспертизе, не применялись деструктивные методы либо вещество, представленное на исследование, полностью не использовано и по оставшемуся его количеству можно провести экспертное исследование, то проблем никаких не возникает. Иначе обстоит дело, если вещество полностью израсходовано на стадии доследственной проверки материалов, поскольку ведомственными нормативными актами разрешено при предварительном исследовании применение полностью разрушающих методов². Следует отметить, что практика идет по пути применения этих методов.

По делам о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ на этой стадии часто расходуется все вещество. В случае, когда по материалам предварительного исследования возбуждается уголовное дело и назначается судебная экспертиза, у следователя и сотрудника экспертно-криминалистического подразделения не остается другого выхода, кроме

¹ См.: Аверьянова Т. В. Заключение специалиста как новый вид доказательства в уголовном судопроизводстве // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2004. № 4. С. 261.

² См., напр.: О повышении эффективности экспертно-криминалистического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: Приказ МВД РФ от 1 июня 1993 г. № 261 (в ред. 31 марта 1997 г.). Документ опубликован не был.

как отметить вещество в наличии и оформить его движение по уголовному делу соответствующими процессуальными документами.

В связи с этим возникает вопрос о том, насколько такая практика соответствует действующему законодательству, а также о допустимости подобных действий следователей и экспертов.

При переоформлении справки специалиста в заключение эксперта без проведения исследования явно входит добывание фактических данных из ненадлежащего источника, каковым является справка специалиста, поэтому нарушается процедура получения доказательств, предусмотренная законом. В соответствии с требованиями закона вещественное доказательство должно быть подробно описано в протоколе осмотра и приобщено к делу особым постановлением. При назначении судебной экспертизы следователь обязан представить эксперту материалы, по которым он будет проводить исследование, в том числе исследуемое вещество. Все эти действия совершаются с веществом, которое уже израсходовано при предварительном исследовании на стадии доследственной проверки материалов. Статья 204 УПК РФ требует в заключении эксперта излагать содержание и результаты исследований с указанием примененных методик. Исследование также не проводится по тем же причинам.

Таким образом, если вещество полностью израсходовано при предварительном исследовании, переоформление справки специалиста в заключение эксперта недопустимо с точки зрения закона. К сожалению, это происходит повсеместно. Сложившаяся практика превращает следователей и экспертов в нарушителей закона, а суды – в их пособников¹.

По мнению А. М. Черенкова, при судебном рассмотрении уголовных дел, возбужденных по результатам предварительных исследований наркотических и взрывчатых веществ (когда вещество уничтожено и судебная экспертиза не проводилась), в суд вызывается специалист, проводивший

предварительное исследование. В судебном заседании он излагает свое исследование в ходе допроса, отвечает на вопросы, связанные с примененными методиками. Таким образом, справка специалиста подкрепляется его предупреждением об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний².

Как модификацию этого варианта И. П. Пампушко предлагает после возбуждения уголовного дела запрашивать у специалиста подтверждение выводов и предупреждать его об уголовной ответственности в протоколе приобщения материалов специального исследования к уголовному делу, а сами материалы рассматривать в качестве приложения к нему. При этом, с точки зрения данного автора, специальные исследования могут получить силу доказательств без формально дублирующих их экспертиз³.

По мнению ряда авторов, в самом понятии «предварительное исследование» заведомо заложено право сведущего лица на ошибку, так как есть объективные ограничения в полноте исследований, необходимых для достоверного вывода. Заключение, в которых заведомо может быть ошибка, не могут иметь доказательственного значения. Если бы законодатель не придавал большого значения достоверности доказательственной информации, то процесс проведения экспертизы (вплоть до ее содержания и качества) не был бы так жестко процессуально регламентирован.

Кроме того, отсутствие в справке о предварительном исследовании описательной части и изложение логики исследования не дают следователю возможности самостоятельно оценить аргументированность выводов сведущего лица.

В связи с этим, например, А. В. Кочубей для признания справок о предварительных

¹ См.: Егоров Н. Частные случаи допустимости заключения эксперта // Уголовное право. 2004. № 2. С. 94–95.

² См.: Черенков А. М. Правовые организационные и методические основы деятельности экспертно-криминалистической службы органов внутренних дел в условиях мегаполиса: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 29–30.

³ См.: Пампушко И. П. Совершенствование правовых и организационных основ применения криминалистической техники в раскрытии преступлений: Автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 1996. С. 17.

исследованиях документами, имеющими доказательственное значение, предлагает обеспечить их соответствие общим требованиям допустимости и относимости. Для этого справка должна иметь следующие реквизиты:

- сведения о лице, проводившем предварительное исследование;
- место и время его проведения;
- описание и характеристика материальных следов, в том числе микрообъектов;
- ход исследования – методы, технические средства и т. д. (текст справки полностью должен соответствовать требованиям, предъявляемым к заключению эксперта: полноте, всесторонности, научной обоснованности и законности);
- выводы по проведенному исследованию;
- подпись лица, проводившего это исследование¹.

По результатам предварительного исследования может быть сформулирован предположительный либо окончательный вывод. Для решения вопроса по существу может быть назначена первичная, комиссионная или комплексная экспертиза, на которую направляется исследованный объект. В этом случае действия специалиста будут оформлены не только заключением, но и пояснениями по поводу назначения экспертизы, вплоть до помощи в формулировании вопросов эксперту.

Проведенное И. Н. Подволоцким исследование показало, что решенные в ходе предварительного исследования вопросы повторяются в заключении эксперта². Таким образом, предварительное исследование (а оно может стать и окончательным) может проводить специалист с оформлением результатов исследования своим заклю-

чением, в случаях: если исследование не ставит своей целью установление индивидуального тождества; если они не требуют сложных лабораторных исследований. В результате предварительные исследования с введением в закон категории «заключение специалиста» приобретают новый статус, а получаемые при этом результаты становятся доказательством по делу.

Следует отметить, что стандартизация подходов к деятельности специалиста и эксперта позволяет выработать единый процессуальный подход в условиях состязательности уголовного судопроизводства к оценке заключения эксперта и специалиста, что наиболее актуально в ситуации, когда они представляют разные стороны в процессе.

Библиографический список

1. *Гришина, Б. П.* Проблемные вопросы совершенствования правового регулирования производства следственных действий с участием специалиста / Б. П. Гришина, С. А. Саушкин // Рос. следовател. – 2005. – № 8.

2. *Зернов, С. И.* Заключение специалиста как новый вид судебных доказательств / С. И. Зернов // Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений : материалы 2-й Всерос. науч.-практ. конф. по криминалистике и судебной экспертизе, 1–3 марта 2004 г. В 3 т. Т. 1. – М., 2004.

3. *Кочубей, А. В.* Расширение возможностей использования результатов предварительного исследования в уголовном процессе / А. В. Кочубей, И. В. Макогон // Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений : материалы 2-й Всерос. науч.-практ. конф. по криминалистике и судебной экспертизе, 1–3 марта 2004 г. В 3 т. Т. 1. – М., 2004.

4. *Пампушко, И. П.* Совершенствование правовых и организационных основ применения криминалистической техники в раскрытии преступлений : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. – М., 1996.

5. *Подволоцкий, И. Н.* Теоретические и практические основы использования специальных познаний при осмотре и предварительном исследовании документов : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.

¹ См.: *Кочубей А. В., Макогон И. В.* Расширение возможностей использования результатов предварительного исследования в уголовном процессе // Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений: Материалы 2-й Всерос. науч.-практ. конф. по криминалистике и судебной экспертизе, 1–3 марта 2004 г. В 3 т. М., 2004. Т. 1. С. 86–89.

² См.: *Подволоцкий И. Н.* Теоретические и практические основы использования специальных познаний при осмотре и предварительном исследовании документов: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 140.

Н. А. Сатарова,
соискатель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ: ПОНЯТИЕ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Проблема злоупотребления правом до сих пор однозначно не решена юридической наукой. Критическому анализу подвергается как сам термин, так и его содержание.

Вопрос о злоупотреблении правом рассматривается преимущественно в рамках цивилистики. Интересовал он еще римских юристов, причем сложность проблемы не позволяла решать ее однозначно даже в пределах отдельной отрасли права. С одной стороны, утверждалось, что «тот, кто использует свое право, не ущемляет ничьих прав» (*qui jure suo utitur, nemini facit injuriam*). С другой – один из принципов римского права запрещал шикану, т. е. умышленное осуществление своего права исключительно с целью причинить вред другому лицу (*malitiis non est indulgendum*). Однако суть римского права заключается в предоставлении управомоченному лицу неограниченного простора в осуществлении принадлежащих ему прав, в какой бы форме оно ни происходило и с какими бы последствиями ни было связано. В Дигестах Юстиниана (39.3.1.12) сказано: «Нельзя ничего взыскать с того, кто, копая на своем участке, отвел источник соседа». Собственник земельного участка волен распоряжаться им как ему заблагорассудится, не обращая внимания на интересы соседей. Римское право, как видим, не ограничивало свободы субъекта права, но издержки безмерности порой были так очевидны, что казусы недопущения злоупотребления правом все же имели место: их можно обнаружить в Наставлениях Гая (1.53).

Иначе регламентирован упомянутый выше случай в мусульманском праве. Собственник земельного участка не имеет права рыть колодец в таком месте, где может нанести ущерб собственнику уже существующего соседнего колодца: вокруг каждого колодца есть свой «харим» (араб. – запретный) – расстояние от него, на котором запрещается рыть новые колодцы. На вопрос: может ли

лицо осуществлять права, ничем не ограничивая себя? – мусульманское право, основываясь на «хадисе» (араб. – изречение, одобрение или действие) о воздержании от всякого пользования, способного нанести ущерб другому, отвечает отрицательно и полностью запрещает собственнику злоупотреблять своим правом собственности или использовать его во вред «умме» (араб. – религиозная община), бесцельно уничтожать имущество, без повода грубо обращаться со своими рабами или животными¹.

Рассматриваемое явление известно англосаксонской правовой системе. «В восточных штатах приоритетна доктрина прав на воду владельцев прибрежной полосы с акцентом на норму общего права (*riparian rights*), согласно которой собственник земли, примыкающей к реке, приобретает право пользования водой в силу факта собственности на такую землю. Владельцам неприбрежных земель обычно запрещено пользование водой из такого источника. Собственник, пользующийся водой неприбрежной земли, несет ответственность перед любым прибрежным собственником, которому в результате этого может быть нанесен ущерб. С другой стороны, прибрежные собственники, мешающие использовать воду неприбрежному собственнику, не несут за это никакой ответственности»², т. е. право злоупотребления у них легализовано.

В отдельных правовых памятниках средневековой Европы (Свод общегерманских уголовных законов 1532 г. «Каролина», Прусское земельное уложение 1794 г. и др.) содержались нормы о запрете злоупотребления правом. Данный запрет в качестве общего принципа был закреплен в ст. 4 французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г.: «Свобода состоит в возможности делать все, что не наносит вреда другому: таким образом, осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми пределами, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами. Пределы эти

¹ См.: *Medunarodna konferencia zloupotreba prava*. Nis, 1996. Str. 11.

² *Исмаилов Р. Р.* Злоупотребление правом или право злоупотребления // *Право и политика*. 2000. № 7. С. 26.

могут быть определены только законом». Кроме того, ст. 11 Декларации закрепляла важнейший принцип: «Свободное выражение мыслей и мнений есть одно из драгоценнейших прав человека; каждый гражданин поэтому может свободно высказываться, писать, печатать, отвечая лишь за злоупотребления этой свободой в случаях, предусмотренных законом»¹.

Теория злоупотребления правом известна российской правовой системе, входящей, как известно, в орбиту романо-германского правового семейства. В законодательстве досоветского периода не было специальных норм о запрете злоупотребления правом, однако существовавшая судебная практика выработала единый подход к решению данного вопроса. Так, В. П. Доманжо, исследовавший проблему злоупотребления правом, отмечал, что несмотря на устойчивый принципиальный взгляд кассационной практики, исходившей из того, что в законе «нет правила, чтобы лицо, действовавшее по праву, законом ему предоставленному, могло подвергаться за деяние свое какой бы то ни было ответственности», в практике 70-х гг. XIX в. встречается несколько случаев, когда при нарушении так называемых соседских прав Сенат допускал возмещение вреда по мотивам «превышения законного права». Довольно четкое выражение правовой формулы злоупотребления правом, причем с расширением судебного усмотрения при решении подобного рода вопросов, обнаруживается в решении Сената 1902 г., в котором записано: «Никто не свободен пользоваться его правом. Положить точно определенную грань между свободой пользоваться своим правом и обязанностью уважать право соседа теоретически нельзя; грань эта в каждом спорном случае должна быть определена судом»².

В настоящее время в общем виде недопустимость злоупотребления правом установлена в ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, согласно которому осуществление прав и свобод человека и гражданина (некоторые из которых применимы к юридическим ли-

цам) не должно нарушать права и свободы других лиц³. Иными словами, недопустимость злоупотребления правом является конституционно закрепленным общим (общеправовым) принципом в виде общего запрета, который предопределяет порядок реализации всех прав и свобод. Необходимость включения этого принципа в Конституцию РФ обусловлена тем, что закрепленные в ней права и свободы призваны обеспечить реализацию многообразных интересов индивида в различных сферах общественных отношений. Они предоставляют ему свободу выбора в осуществлении индивидуальных интересов и вместе с тем определяют границы этой свободы. Ни одно общество не может предоставить человеку безграничную свободу, поскольку это привело бы к проявлению эгоистического своеволия и анархизма, к бесконечным столкновениям и конфликтам индивидуальных интересов. Вот почему вся система прав и свобод строится таким образом, чтобы обеспечить законные интересы людей и предотвратить возможные ущемления их прав и свобод в результате злоупотреблений ими со стороны отдельных лиц⁴.

Вопрос о том, что следует понимать под злоупотреблением правом, остается дискуссионным. Можно выделить несколько подходов к определению этого понятия.

Известный русский юрист конца XIX в. И. А. Покровский считал злоупотребление правом гражданским правонарушением: «Шикана есть не что иное, как самый обыкновенный деликт. То обстоятельство, что средством для причинения вреда является здесь осуществление права, никоим образом не может послужить оправданием, так как права представляются для удовлетворения собственных законных интересов, а не для причинения зла другим»⁵. Аналогичную позицию занимают и некоторые современные авторы. Так, по мнению Т. С. Максименко, если вред намеренно причиняется другим лицам путем

³ См.: Рос. газ. 1993. 25 дек.

⁴ См.: Курбатов А. Я. Теоретические основы сочетания частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2001. № 1. С. 109.

⁵ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 118.

¹ Хрестоматия по всеобщей истории государства и права: Учеб. пособие / Под ред. З. М. Черниловского; Сост. Н. В. Садиков. М., 1994. С. 206–207.

² Цит. по: Грибанов В. П. Пределы осуществления и защита гражданских прав. М., 1972. С. 38.

злоупотребления правом, то такое деяние является гражданским правонарушением. Более того, при злоупотреблении правом вред может быть причинен не только другим лицам, но и самому себе, однако общественный интерес требует наказания за совершение таких действий или во всяком случае их пресечения, недопущения впредь (например, несовершеннолетний расточитель может быть лишен права распоряжаться заработком, стипендией и другими доходами)¹. По мнению И. Я. Дюрягина, злоупотребление правом является правонарушением и выражается в искажении назначения права, противопоставлении буквы закона его духу: складывается ситуация, когда формально человек поступает в соответствии с законом, а по существу – вопреки ему (например, фиктивный брак, неосновательные иски)². Таким образом, представители этого подхода считают, что злоупотребление правом есть особый тип гражданского правонарушения, совершаемого управомоченным лицом при осуществлении им принадлежащего ему права, связанный с использованием недозволённых конкретных форм в рамках дозволенного ему общего типа поведения.

Другие ученые придерживаются иного мнения. Так, В. Д. Горобец считает, что злоупотребление правом представляет собой осуществление субъективного права в противоречии с его назначением. В результате злоупотребления правом причиняется ущерб правам и законным интересам граждан, государству и обществу в целом³. С точки зрения В. П. Грибанова, особенность злоупотребления правом состоит в том, что оно возникает на базе осуществления субъективного права, т. е. на базе дозволенного законом поведения. При этом обязанность управомоченного лица состоит в том, чтобы не нарушать пределов осуществления права⁴. Таким образом, согласно второму подходу злоупотребление правом можно определить как недозволённые формы его реализации в рамках

дозволенного ему типа поведения. Представленный подход связывает злоупотребление правом с такими признаками, как наличие причинения вреда и совершение действий, причиняющих вред с умыслом.

Представители третьего подхода под злоупотреблением правом понимают осуществление субъективного права в противоречии с доброй совестью, добрыми нравами. Так, доктор права, профессор Р. Ковачевич-Куштрумович (Югославия) считает, что злоупотребление правом – это осуществление права в противоречии с общепризнанной и защищенной законом целью или в противоречии с господствующей моралью общества⁵. Интересные примеры правомерного злоупотребления коллективными правами и общественными свободами приводит французский ученый П. Сандевуар⁶. Так, по его мнению, злоупотребление некоторыми работниками правом на забастовку затрудняет реализацию другими субъектами права на труд и на собственность в случае занятия забастовщиками служебных помещений (сидячая забастовка, мешающая работать небастующим сотрудникам) или выставления пикетов (становится невозможным проход на рабочее место). Аналогичная картина складывается при блокировании портов, отказе от разгрузки скоропортящихся продуктов.

На наш взгляд, злоупотребление правом – это не особый вид правонарушения, а разновидность неправовых действий, связанных со злоупотреблением правовой свободой, совершением поступков «во зло» и в противоречие с назначением предоставленного права, его духом. Проводя сравнение злоупотребления правом и правонарушения, необходимо выделить их общие признаки: и то и другое деяние совершается под постоянным контролем сознания и воли человека. Уже само выражение «употребление права во зло» свидетельствует о том, что поведение не безусловно с его субъективной стороны. Нельзя злоупотреблять своим правом, не зная об этом. Случайное причинение вреда

¹ См.: Гражданское право России. Часть первая / Под ред. З. И. Цыбуленко. М., 1998. С. 246–249.

² См.: Дюрягин И. Я. Гражданин и закон. М., 1991. С. 112–114.

³ См.: Общая теория права и государства / Под ред. В. В. Лазарева. М., 1994. С. 324.

⁴ См.: Грибанов В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М., 1992. С. 44.

⁵ См.: Интересная книга о злоупотреблении правом // Государство и право. 1997. № 4. С. 122–124.

⁶ См.: Сандевуар П. Введение в право. М., 1994. С. 303.

другому лицу при осуществлении своего права не есть причинение вреда «во зло».

В. И. Гойман считает, что злоупотребление правом основано на эгоистических побуждениях управомоченного субъекта, противоречащих природе права, закрепленной в его нормах цели, либо связанных с привлечением неправовых средств для ее достижения¹. По мнению А. А. Малиновского, подобный подход позволяет утверждать, что субъект будет злоупотреблять любым предоставленным ему правом, свободой, властью, должностным положением в том случае, если он, реализуя свое субъективное право, причинил зло (вред, нанес ущерб) другим участникам общественных отношений².

Противоправность – это тот признак, который отличает правонарушение от злоупотребления правом. Злоупотребление правом не будет являться правонарушением только в том случае, если субъект не нарушает конкретные юридические запреты или обязанности, а действует в пределах субъективных прав. Если при этом он причинил вред охраняемым законом отношениям, то мы имеем дело с противоправным злоупотреблением, правонарушением. Если вред причинен не охраняемым законом общественным отношениям, то перед нами – легальное злоупотребление правом, т. е. такое, при котором субъект либо аморально, безнравственно, нецелесообразно по отношению к другим реализует свое субъективное право, либо не должным образом пользуется своим особым правовым статусом (депутатским или дипломатическим иммунитетом), осуществляя свое субъективное право в противоречии с его назначением. Например, дипломатическим иммунитетом лицо наделяется в целях наиболее эффективного осуществления представительских функций, а не для того, чтобы безнаказанно нарушать Правила дорожного движения в стране пребывания.

Нельзя согласиться с учеными, отвергающими само существование злоупотреб-

ления правом³. По мнению Н. С. Малеина, «идея злоупотребления правом не получила ясного и убедительного обоснования и объяснения в современной литературе. В специальной монографии⁴ о пределах осуществления гражданских прав под злоупотреблением правом понимаются такие случаи, когда управомоченный субъект действует в границах принадлежащего ему субъективного права, в рамках тех возможностей, которые составляют содержание данного права, но использует такие формы его реализации, которые выходят за установленные законом пределы осуществления права. Но одно из двух: или субъект действует в границах "принадлежащего ему права" и тогда не злоупотребляет своим правом, или он выходит "за пределы, установленные законом", и, таким образом нарушая закон, не злоупотребляет правом, а совершает элементарное правонарушение, за которое должна следовать ответственность. В обоих случаях для идеи и общей нормы о злоупотреблении правом нет места»⁵.

По нашему мнению, непризнание категории злоупотребления правом ведет к тому, что всякое отклонение от общего дозволения квалифицируют как деликт, правонарушение, преступление. Очевидно, что в этом случае не учитываются специфика действия правового дозволения, особенности его конструирования в законе. В законодательстве невозможно (да и не должно) расписывать дозволенное поведение «от и до», что входило бы в противоречие с природой права личности. Для предотвращения некорректного поведения правопользователя законодатель использует специальные средства, прием законодательной техники (устанавливает запрет на ограничения по определенному виду деятельности в рамках общего дозволения, определяет принципы поведения управомоченного, конкретизируя цель, назначение предоставляемого права и др.).

³ См.: Азарков М. М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Изв. АН СССР. Отд. экономики и права. 1946. № 6. С. 427.

⁴ Н. С. Малеин имеет в виду следующую работу: Грибанов В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М., 1992.

⁵ Малеин Н. С. Юридическая ответственность и справедливость. М., 1992. С. 160.

¹ См.: Общая теория права и государства / Под ред. В. В. Лазарева. М., 1994. С. 201.

² См.: Малиновский А. А. Злоупотребление правом (новый подход к проблеме) // Право и политика. 2000. № 6. С. 47.

Так, в Гражданском кодексе РФ впервые в отечественном гражданском законодательстве появилась норма, не допускающая злоупотребление правом (ст. 10). Имеются в виду три случая злоупотребления: а) злоупотребление правом с прямым умыслом нанести ущерб интересам других лиц; б) злоупотребление правом, хотя и не имеющее такой цели, но объективно причиняющее вред третьим лицам; в) злоупотребление доминирующим положением на рынке в целях ограничения конкуренции. Первый из упомянутых видов злоупотребления, так называемая шикана, выделен по цели использования права. Это тот случай злоупотребления правом, когда необходимо установить вину субъекта деяния. Классический пример шиканы – постройка гражданином забора с единственной целью – преградить соседу короткий путь к его участку. В этом нет нарушения закона, однако с позиции гражданского законодательства намерение причинить вред другому лицу предосудительно. Другой пример: человек имеет возможность легко затушить начавшийся не по его вине пожар, однако не делает этого; или кредитор правомерно взыскивает долг с должника, хотя сам кредитор в данный момент в деньгах вообще не нуждается, а должник, вынужденный вернуть долг, обязательно разорится.

При втором из отмеченных видов злоупотребления правом прямого умысла ущемить интересы других лиц нет, однако поведение лица объективно приводит к такому результату. Другими словами, для установления злоупотребления нет необходимости выявлять наличие вины, достаточно установить наличие вреда для третьих лиц. Это положение иллюстрируется делом из практики судов общей юрисдикции, хотя очевидно, что аналогичный спор вполне может стать предметом разбирательства в арбитражном суде. Должник, против которого были выданы исполнительные листы по договорам займа, получил жилой дом по наследству. Однако он, подав заявление в нотариальную контору, уклонялся и от принятия наследства, и от регистрации права собственности на дом. Очевидно, что такие действия или, точнее, бездействие преследовали цель избежать обращения взыскания на дом. Еще в римском праве подобное поведение квалифици-

ровалось как злоупотребление, и наследник (не желающий исполнить легат) понуждался к принятию наследства. В данном случае суд также вынес решение о понуждении должника к принятию наследства и регистрации права собственности на дом¹.

Третий случай злоупотребления правом включает запрет на ограничение конкуренции и осуществление монополистической деятельности и адресован прежде всего хозяйствующим субъектам (предпринимателям), занимающим доминирующее положение на товарном рынке. Само доминирующее положение не является противоправным. Статья 10 Гражданского кодекса РФ запрещает злоупотребление им и содержит запрет в общей форме.

Следует констатировать тот факт, что в современной арбитражной практике ст. 10 Гражданского кодекса РФ находит свое применение. Злоупотребление правом с прямым умыслом арбитражные суды РФ обнаруживают, в частности, при применении норм о банковской гарантии. Так, арбитражный суд признал злоупотреблением гражданским правом требование бенефициара к организации-гаранту о выплате гарантии в случае, когда бенефициар, являясь кредитором по основному обязательству, предъявил требование об уплате гарантии после того, как получил оплату за поставленный товар, которая обеспечивалась гарантией. Оплата была произведена третьим лицом². В другом аналогичном случае арбитражный суд расценил как злоупотребление правом требование бенефициара о выплате гарантии в условиях, когда основное обязательство (поставка товара по внешне-торговому контракту) было исполнено на территории иностранного государства удовлетворительным для бенефициара образом³.

¹ См.: Словский К. И. О применении норм о злоупотреблении правом в судебной практике // Вестн. Высш. Арбитраж. Суда РФ. 2001. № 2. С. 17.

² См.: Обзор практики разрешения споров, связанных с применением норм Гражданского кодекса РФ о банковской гарантии: Информ. письмо Президиума Высш. Арбитраж. Суда РФ от 15 янв. 1998 г. № 27 // Вестн. Высш. Арбитраж. Суда РФ. 1998. № 3. С. 89.

³ См.: Обзор судебно-арбитражной практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц: Информ. письмо Президиума Высш. Арбитраж. Суда РФ от 16 февр. 1998 г. № 29 // Вестн. Высш. Арбитраж. Суда РФ. 1998. № 4. С. 41.

Приведем еще несколько примеров. Банк заключил с организацией договор на предоставление кредита. В качестве меры ответственности за несвоевременный возврат кредита в договоре было предусмотрено начисление в размере 300 % годовых. Суд, рассматривая требования банка о взыскании с организации суммы долга и проценты, начисленные за несвоевременный возврат, квалифицировал деятельность банка как злоупотребление, указав следующее: установление в кредитном договоре необоснованно завышенных процентов (300 % годовых) при невозврате кредита в срок по существу является злоупотреблением правом, так как потери банка полностью покрываются ставкой обычных процентов (150 % годовых)¹.

В другом деле в действиях продавца (юридического лица), принявшего часть оплаты как исполненное покупателем по договору купли-продажи и оспаривавшего впоследствии действительность договора на основании его подписания с превышением полномочий (ст. 174 Гражданского кодекса РФ), суд обоснованно усмотрел злоупотребление правом².

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что злоупотребление правом, как и правонарушение, наносит общественный вред, влечет за собой отрицательные последствия для другой стороны правоотношения.

Кроме Гражданского кодекса РФ термин «злоупотребление» содержится в Уголовном (ст. 159), Семейном (ст. 56, 69, 141), Гражданском процессуальном кодексах (ст. 281, 282). Так, Семейный кодекс РФ содержит несколько статей, в которых говорится о злоупотреблении родительскими правами. Например, ст. 56 закрепляет право ребенка, в случае злоупотребления со стороны родителей своими правами, самостоятельно обращаться за защитой своих прав и интересов в орган опеки и попечительства, а по достижении возраста четырнадцати лет – в суд; ст. 69 предусматривает

возможность лишения родителей родительских прав в случае злоупотребления ими; ст. 141 указывает на злоупотребление родительскими правами усыновителями как на одно из оснований отмены усыновления.

Однако Семейным кодексом РФ предусмотрены не все случаи злоупотребления правами. Так, согласно ст. 7 усмотрение сторон при осуществлении каждого права является не беспредельным, оно ограничено правами других лиц. Из этого следует, что осуществление семейных прав не должно нарушать права, свободы и законные интересы других членов семьи и иных граждан. В случаях же нарушения их осуществление не будет пользоваться защитой закона. Например, на практике встречаются случаи, когда мать ребенка, с которой он проживает после расторжения брака родителей, ограничивает права отца на общение с ребенком, чем нарушает права и законные интересы как ребенка, так и его отца. Другой пример: в соответствии со ст. 46 Семейного кодекса РФ супруги, заключившие брачный договор, должны сообщить об этом своим кредиторам, интересы которых могут пострадать от соглашения супругов.

Права и законные интересы других лиц могут быть нарушены сознательно с основной целью причинить им вред. Подобные действия встречаются в семейных отношениях, например, при запрещении ребенку общаться с бабушкой, дедушкой, если у них с родителями ребенка не сложились или испортились отношения. Закон в таких случаях защищает права и интересы как ребенка, так и его родственников (ст. 55 Семейного кодекса РФ). Нарушение прав и свобод других лиц, их законных интересов может иметь место без цели злоупотребления правом. Например, методы воспитания ребенка, применяемые родителями, или оставление детей безнадзорными могут причинять беспокойство соседям. В таких случаях закон защищает интересы лица, права которого нарушены, и отказывает в защите лицу, злоупотребляющему правом или осуществляющему право в противоречии с его назначением.

Актуальной в настоящее время является проблема злоупотребления правами налогоплательщика. При этом злоупотребление

¹ См.: Постановление Президиума Высш. Арбитраж. Суда РФ от 16 дек. 1997 г. № 964/97. Документ опубликован не был.

² Постановление Президиума Высш. Арбитраж. Суда РФ от 3 февр. 1998 г. № 5679/97 // Вестн. Высш. Арбитраж. Суда РФ. 1998. № 5.

правами недобросовестным налогоплательщиком не создает злоупотребления правом гражданским (ст. 10 Гражданского кодекса РФ), а создает проблему устранения последствий такой недобросовестности особыми средствами налогового права. В этой связи возникает вопрос о пределах применения понятия злоупотребления налоговым правом. Если действия налогоплательщика формально опираются на принадлежащее ему право, но последствия осуществления такого права неприемлемы с точки зрения защиты интересов бюджета, то могут ли такие действия налогоплательщика быть признаны незаконными из-за их недобросовестности? При этом под недобросовестностью в самом общем виде понимается умышленное игнорирование интересов государства при осуществлении налогоплательщиком своих прав. Налоговое право, не разрушая действительности сделки, должно использовать свой собственный арсенал средств для борьбы с такими не приемлемыми для бюджета действиями налогоплательщиков и банков. По этому пути и пошел отечественный законодатель, признав в ч. 2 ст. 135 Налогового кодекса РФ незаконным создание ситуации отсутствия денежных средств на счете недоимщика. В силу ч. 2 ст. 135 Налогового кодекса РФ совершение банком действий по созданию ситуации отсутствия денежных средств на счете налогоплательщика, плательщика сбора или налогового агента, в отношении которых в соответствии со ст. 46 данного Кодекса РФ в банке находится инкассовое поручение налогового органа, влечет взыскание штрафа в размере 30 % суммы, не поступившей на счет налогоплательщика в результате таких действий. При этом сделка, в результате которой стороны создали ситуацию отсутствия денежных средств на счете недоимщика, должна остаться действительной.

Другой пример законодательной борьбы со злоупотреблением налогоплательщиком своими правами содержится в ст. 50 Налогового кодекса РФ. По общему правилу при выделении из состава юридического лица одного или нескольких юридических лиц не возникает правопреемства по отношению к реорганизованному юридическому

лицу в части исполнения его обязанностей по уплате налогов. Однако если в результате выделения из состава юридического лица одного или нескольких юридических лиц налогоплательщик не имеет возможности исполнить в полном объеме обязанность по уплате налогов и такая реорганизация была направлена на неисполнение обязанности по уплате налогов, то по решению суда выделившиеся юридические лица могут солидарно исполнять обязанность по уплате налогов реорганизованного лица. При этом очевидно, что такая злонамеренная с точки зрения налогообложения реорганизация не влияет на гражданско-правовую действительность самой реорганизации. Реорганизация остается в силе, однако из-за недобросовестности налогоплательщика налоговые последствия такой реорганизации будут неблагоприятными.

Менее исследована в настоящее время проблема злоупотребления процессуальными правами. В ч. 2 ст. 41 Арбитражного процессуального кодекса РФ предусмотрено, что злоупотребление процессуальными правами влечет за собой для лиц, участвующих в деле, «предусмотренные настоящим Кодексом неблагоприятные последствия». Эта новелла является важной, поскольку в прежнем Административном процессуальном кодексе этой формулировки не было. Однако в Кодексе 2002 г. и процессуальной доктрине, как справедливо отмечалось в правовой литературе, в отличие от зарубежной практики судов третейских, решающих споры экономического характера¹, не раскрыто само понятие «злоупотребление процессуальными правами». В общем виде злоупотребление процессуальными правами определяется как нарушение общих принципов, принятых стандартов ведения процесса, влекущее за собой невозможность достижения справедливого решения по делу.

Злоупотребление процессуальными правами по законодательству других стран может проявиться в двух формах. Первая из них – любое злоупотребление процедурой разрешений спора (затягивание про-

¹ См.: Шабанова К. А. Злоупотребление процессуальными правами // Арбитражная практика. 2002. № 5. С. 49.

цесса, например), вторая – злоупотребление отдельными процессуальными правами, например, правом на иск, когда иск подается без определенных правовых оснований или же без конкретизации нарушений со стороны ответчика; инициируются новые иски по уже разрешенным конфликтам (иск о признании договора недействительным при наличии судебного решения, признавшего неправомерными действия одной из сторон этого договора)¹.

Злоупотребление правом на судебную защиту может проявляться в надуманных выражениях против хорошо обоснованного иска, не имеющих под собой ни фактической, ни законодательной базы. Злоупотребление отдельными процессуальными правами может выражаться также в заявлениях об отводе судьи по искусственно сконструированным основаниям, в неоднократных, немотивированных просьбах принять меры по обеспечению в многократных необоснованных ходатайствах об отложении дела, в безосновательных жалобах на действия суда, других лиц, участвующих в деле.

Что касается неблагоприятных последствий, связанных со злоупотреблением процессуальными правами лиц, участвующих в деле, то некоторые из них были предусмотрены Арбитражным процессуальным кодексом 1995 г. (например, применительно к судебным расходам сторон). Так, в соответствии с ч. 3 ст. 95 этого акта, если дело возникало вследствие нарушения стороной досудебного (претензионного) порядка урегулирования спора, предусмотренного федеральным законом для данной категории споров или договором (оставление претензии без ответа, неотсылка затребованных документов), арбитражный суд вправе был отнести на это лицо судебные расходы, независимо от исхода дела. В ч. 2 ст. 111 Арбитражного процессуального кодекса РФ 2002 г., кроме подобной нормы, арбитражному суду предоставлено право отнести на сторону все судебные расходы, если допущенное ею злоупотребление «привело к срыву судебного заседания, затягиванию судебного процесса, воспрепятствованию нормальному ходу рассмотрения дела и принятию законного и обоснованного су-

дебного акта». В соответствии с ч. 2, 7 ст. 268 Арбитражного процессуального кодекса РФ при рассмотрении дела в апелляционной инстанции арбитражный суд принимает дополнительные доказательства только в том случае, если их предъявитель обосновывал невозможность предоставления таковых в суд первой инстанции по не зависящим от него причинам, а суд должен признать эти причины уважительными.

Проведенный анализ показал, что злоупотребление правом представляет собой отступление субъекта, реализующего свое право, от режима правового дозволения. Злоупотребление правом не является правонарушением, однако это явление правовое, ибо предполагает: а) наличие у лица субъективных прав; б) деятельность по реализации этих прав; в) использование прав в противоречие их социальному назначению или причинение этим ущерба общественным либо личным интересам; г) отсутствие нарушения конкретных юридических запретов или обязанностей; д) установление факта злоупотребления компетентным правоприменительным органом; е) наступление юридических последствий. Нормы, регламентирующие отдельные виды злоупотребления правом, содержат достаточно четкие критерии их применения. Исследуемое явление необходимо рассматривать не только с точки зрения конкретной отрасли права, что неизбежно приведет к односторонности, но и с позиции общей теории права во всем многообразии его проявлений в правовой действительности.

Библиографический список

1. *Исмагилов, Р. Р.* Злоупотребление правом или право злоупотребления / Р. Р. Исмагилов // *Право и политика*. – 2000. – № 7.
2. *Малиновский, А. А.* Злоупотребление правом (новый подход к проблеме) / А. А. Малиновский // *Право и политика*. – 2000. – № 6.
3. *Скловский, К. И.* О применении норм о злоупотреблении правом в судебной практике / К. И. Скловский // *Вестн. Высш. Арбитраж. Суда Рос. Федерации*. – 2001. – № 2.
4. *Шабанова, К. А.* Злоупотребление процессуальными правами / К. А. Шабанова // *Арбитраж. практика*. – 2002. – № 5.

¹ См.: *Шабанова К. А.* Указ. соч. С. 50–51.

А. А. Солодовник,
соискатель кафедры
организации оперативной работы
ВЮИ ФСИН России

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ
ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ПРИЗНАКОВ
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ
РАЗБОЙНЫХ НАПАДЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ
С НЕЗАКОННЫМ ПРОНИКНОВЕНИЕМ
В ЖИЛИЩЕ**

Одним из ключевых вопросов предупреждения, раскрытия и расследования любого вида преступлений является разработка характеристики преступления.

В соответствии со словарем русского языка термин «характеристика» означает описание характерных, отличительных качеств, свойств, черт кого- или чего-нибудь¹.

Понятие «преступление» раскрывается в одном из основных базовых разделов науки уголовного права – учении о преступлении. Взгляды, идеи и представления, которыми руководствуется законодатель, устанавливая запреты и веления, т. е. создавая модель преступного, пронизывают все уголовно-правовые нормы.

Для квалификации разбоя, совершенного с проникновением в жилище, необходимо установить обязательные признаки:

- соответствие места совершения разбоя понятию жилища;
- противоправность проникновения виновных в жилище;
- характер нападения на потерпевшего и применения при этом физического или психического насилия;
- множественность исполнителей, т. е. совместное участие в совершении разбоя двух или более лиц, обладающих юридическими качествами субъекта преступления;
- участие каждого из них в выполнении действий (в полном объеме или частично), охватываемых объективной стороной состава разбойного нападения;
- мотив и цель завладения личным имуществом.

Решая вопрос о наличии в действиях виновных каждого из приведенных выше

квалифицирующих признаков, необходимо уточнить, что понимается под терминами «нападение», «жилище» и «проникновение». Под нападением следует понимать внезапные для потерпевшего агрессивные действия виновного, которые соединены с насилием или угрозой применения насилия. Нападение и непосредственно следующее за ним насилие (угроза) составляют единство двух агрессивных актов, объективно объединенных одной целью – хищение чужого имущества. Поэтому о нападении как самостоятельном объективном признаке разбоя можно говорить весьма условно, имея в виду, что вне насилия или угрозы применения насилия оно теряет уголовно-правовое значение.

Нападение, не соединенное с агрессивным насильственным поведением виновного, лишается всякого смысла, ибо в таком случае оно не может быть средством завладения чужим имуществом, подавления воли и решимости потерпевшего к сопротивлению или, во всяком случае, к воспрепятствованию захвата имеющихся у него материальных ценностей. Эту особенность рассматриваемого признака надо учитывать, устанавливая объективную сторону состава разбоя.

Жилище – помещение, предназначенное для постоянного проживания людей (индивидуальный дом, квартира, комната в гостинице, общежитие, садовый домик), а также те его составные части, которые используются для отдыха, хранения имущества либо удовлетворения иных потребностей человека (балконы, застекленные веранды, кладовые). Не могут признаваться жилищем помещения, не предназначенные и не приспособленные для постоянного или временного проживания (например, обособленные от жилых построек погреба, амбары, гаражи и другие хозяйственные помещения).

Проникновение есть вторжение вопреки воле владельца в его жилище с целью совершения кражи, грабежа или разбоя. Оно может совершаться не только тайно, но и открыто, как с преодолением препятствий или сопротивления людей, так и беспрепятственно. Например, разбой с проникновением в жилище надлежит квалифициро-

¹ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1981. С. 765.

вать в том случае, когда лица вторглись в помещение путем обмана потерпевшего, выдав себя за представителя власти.

В теории оперативно-розыскной деятельности для характеристики преступлений с позиции именно данной науки наряду с «оперативно-розыскной», стал использоваться термин «оперативно-тактическая характеристика преступлений». Так, Ю. М. Худяков под оперативно-тактической характеристикой понимает совокупность определенных признаков, упорядоченных и взаимосвязанных между собой, изучение и знание которых способствует более эффективному решению задач, стоящих перед оперативными аппаратами органов внутренних дел по предупреждению и раскрытию преступлений с использованием оперативно-розыскных средств и методов. Содержание же оперативно-тактической характеристики преступлений составляет комплекс уголовно-правовых, криминологических, криминалистических, психологических и иных (специальных) признаков, рассматриваемых с точки зрения решения оперативно-тактических задач оперативными аппаратами органов внутренних дел¹.

В. П. Шиенок оперативно-тактической характеристикой преступлений называет совокупность данных о специфических признаках, присущих как преступности в целом, так и отдельным видам и конкретным преступлениям, используемых для разработки рекомендаций по принятию эффективных управленческих и тактических решений².

В. П. Перевозник в оперативно-тактическую характеристику преступлений включает только элементы криминологических и криминалистических признаков преступлений³.

Д. В. Гребельский, подчеркивая важность для теории оперативно-розыскной

деятельности раскрытия сущности и функций характеристики преступлений, придерживается другой точки зрения и, в отличие от криминалистической, выделяет общую, или оперативно-розыскную, характеристику. Он отмечает, что «...такая характеристика представляет собой совокупность ряда информационных признаков, упорядоченных и взаимосвязанных между собой, почерпнутых из различных информационных источников (входящих, прежде всего, в криминалистическую, криминологическую, психологическую, социологическую, экономическую и другие характеристики преступлений). В зависимости от характера преступлений она носит динамичный характер и поэтому может дополняться или обходиться без некоторых элементов»⁴. При этом он отмечает, что оперативно-розыскная характеристика преступлений предопределена спектром тактических задач, решаемых оперативными подразделениями правоохранительных органов при раскрытии преступлений, и наиболее результативным применением оперативно-розыскных сил, средств и методов в целях эффективной борьбы с наиболее опасными проявлениями.

Принимая во внимание вышеизложенное, мы пришли к выводу, что наиболее точным будет термин «оперативно-розыскная характеристика». Этой же позиции придерживается и А. Ш. Джуссоев, который под оперативно-розыскной характеристикой понимает комплекс признаков, свойственных конкретным преступлениям и содержащих информацию о личности преступников, о способах подготовки, совершения и сокрытия преступного деяния, знание которых способствует современному и эффективному решению организационно-тактических задач по предупреждению и раскрытию преступлений⁵.

¹ См.: Худяков Ю. М. Оперативно-тактическая характеристика преступлений и лиц, их совершающих // Проблемы совершенствования деятельности аппаратов милиции и криминальных подразделений. М., 1979. С. 45–49.

² См.: Шиенок В. П. Оперативно-розыскная тактика органов внутренних дел. Минск, 1995. С. 41.

³ См.: Перевозник В. П. Предотвращение и раскрытие хищений, совершаемых в предприятиях золотодобывающей промышленности: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1985. С. 3.

⁴ Гребельский Д. В. О соответствии криминалистических и оперативно-розыскных характеристик преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений. М., 1984. С. 72–73.

⁵ См.: Джуссоев А. Ш. Оперативно-розыскное обеспечение предупреждения и раскрытия краж имущества владельцев дачного хозяйства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 13.

В качестве составных частей механизма преступного поведения для рассматриваемой характеристики преступлений данный автор с большей или меньшей степенью детализации рассматривает характеристику личности преступников, характеристику способов подготовки, совершения и сокрытия преступлений, характеристику обстоятельств, способствующих их совершению.

При выборе термина «оперативно-розыскная характеристика преступлений» мы руководствовались следующими обстоятельствами.

Во-первых, рассматриваемая характеристика, прежде всего, ориентирует субъектов оперативно-розыскной деятельности на то, какие из всего арсенала оперативно-розыскных сил, средств и методов являются наиболее целесообразными к применению, как в целях раскрытия конкретного преступления, так и в типичной оперативно-розыскной ситуации. Вопросы тактики применения оперативно-розыскных сил, средств и методов, безусловно, также решаются, но они находятся за рамками оперативно-розыскной характеристики преступлений.

Во-вторых, термины любой отрасли знаний должны соответствовать той науке (теории), к которой они относятся. Термин «оперативно-розыскная характеристика» свидетельствует о том, что данная характеристика исходит из задач, решаемых оперативно-розыскными подразделениями органов внутренних дел посредством применения ими оперативно-розыскных сил, средств и методов. Каждая отрасль знаний, изучающая преступность, определяет ее направленность, учитывая одноименность своего предмета. В теории ОРД как самостоятельной отрасли науки правомерно и необходимо рассматривать специфическую характеристику изучения преступлений в качестве оперативно-розыскной. Мы исходим из той логической посылки, согласно которой интегрированный признак этой теории предопределяет максимальное использование видов информации, позволяющих сделать эффективным применение оперативно-розыскных возможностей субъектов оперативно-розыскной деятельности.

Интегрированный характер оперативно-розыскного подхода к исследованию разбойных нападений, совершаемых с про-

никновением в жилище, предопределяется также всем спектром задач, решение которых возложено на оперативно-розыскные подразделения органов внутренних дел.

В-третьих, термин «розыскная» наиболее точно передает непроцессуальный, негласный ее характер, в то время как термин «тактическая» используется не только в теории оперативно-розыскной деятельности, но и других отраслях знаний.

Таким образом, под оперативно-розыскной характеристикой разбойных нападений, совершенных с незаконным проникновением в жилище, следует понимать совокупность следующих признаков: уголовно-правовые, криминологические, криминалистические, разведывательно-поисковые, нравственно-психологические, виктимологические – учет которых в оперативно-розыскной деятельности обеспечивает наиболее эффективное планирование и осуществление агентурно-оперативных и иных мероприятий (организационных и тактических) по предупреждению и раскрытию разбойных нападений.

Мы полагаем, что для успешного решения задач, стоящих перед оперативными подразделениями органов внутренних дел, крайне важно, чтобы оперативно-розыскная характеристика разбойных нападений охватывала как можно больше поисковых идентификационных признаков, на основе которых создаются предпосылки для определения и реализации программы действий оперативных сотрудников на этапах предупреждения и раскрытия данных преступлений, выбора наиболее эффективных оперативно-розыскных и иных мероприятий и методов их осуществления при выявлении и документировании преступных действий.

Библиографический список

1. Гребельский, Д. В. О соответствии криминалистических и оперативно-розыскных характеристик преступлений / Д. В. Гребельский // Криминалистическая характеристика преступлений. – М., 1984.
2. Джуссоев, А. Ш. Оперативно-розыскное обеспечение предупреждения и раскрытия краж имущества владельцев дачного хозяйства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1999.

С. В. Сртлян,
преподаватель-методист
Краснодарского филиала
ВЮИ ФСИН России

ЮРИДИЧЕСКИЕ ГАРАНТИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА ТРАДИЦИОННЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Традиционный образ жизни законодательно определен Федеральным законом «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ (в ред. ФЗ от 26 июня 2007 г. № 118-ФЗ). Согласно п. 1 ст. 1 данного нормативного акта, традиционный образ жизни – это исторически сложившийся способ жизнеобеспечения малочисленных народов, основанный на историческом опыте их предков в области природопользования, самобытной социальной организации проживания, самобытной культуры, сохранения обычаев и верований¹. Таким образом, понятие традиционного образа жизни формулируется исключительно применительно к коренным малочисленным народам.

В соответствии с указанным законом, а также Федеральным законом «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» от 20 июля 2000 г. № 104-ФЗ (в ред. ФЗ от 2 февраля 2006 г. № 19-ФЗ)² коренными малочисленными народами считаются народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие менее 50 тыс. чел. и осознающие себя самостоятельными этническими общностями.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 марта 2000 г. № 255 (в ред. постановления Правительства РФ от 30 сентября 2000 г. № 740) был утвержден Единый перечень малочисленных народов Российской Федерации, который включил сорок пять коренных малочисленных народов России с указанием субъектов Федерации, на территории которых они прожива-

ют³. Кроме того, распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 апреля 2006 г. № 536-р был утвержден перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, насчитывающий сорок наименований⁴.

Коренные народы Севера и Сибири не всегда составляли меньшинство населения указанных регионов и еще в начале XX в. численно преобладали на обширных территориях. Так, по переписи 1926 г. в Коми Области доля коренного населения составляла около 94 %, а в регионах Крайнего Севера туземные (нерусские) жители насчитывали 120 тыс. чел. при численности постоянного русского населения 44 тыс. чел.⁵

Социальное и экономическое развитие царской России сопровождалось процессами самоорганизации северных сообществ, укрепления их экономической самостоятельности и самоуправления. Эти явления, особенно заметные в XIX – начале XX в., имели чрезвычайное значение для сохранения традиционного образа жизни народов Севера. Освоение Севера в советский период происходило в условиях доминирования интересов государства и переселенцев в вопросах использования природных ресурсов. При этом коренные народы и старожильческие общности не рассматривались властями как партнеры, имеющие неотъемлемые права на традиционный образ жизни, землю, ресурсы, территориальное самоуправление, а в обществе переселенцев принадлежность к северным народам считалась ничего не значащей или постыдной. Без реализации указанных прав коренные жители не смогли защитить своих экономических, социальных и культурных интересов. Закономерным результатом стало социально-экономическое неблагополучие народов Севера и русских старожильческих общностей, отличающееся от общего неблагополучия в России не только особен-

³ См.: СЗ РФ. 2000. № 14. Ст. 1493; № 41. Ст. 4081.

⁴ См.: Рос. газ. 2006. 25 апр.

⁵ См.: Максимов А. А. Реализация интересов народов Севера в условиях промышленного развития: от зарубежного опыта к российской модели: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. Сыктывкар, 2007. С. 3.

¹ См.: Парламент. газ. 2007. 3 июля.

² См.: Рос. газ. 2000. 25 июля; 2006. 8 февр.

ностями формирования, но и остротой многих показателей.

Активное освоение топливно-энергетических и лесных ресурсов северных территорий остается одним из приоритетных направлений экономической политики России в XXI в. В то же время коренные народы Севера, оказавшись в численном меньшинстве не только в регионах проживания, но и в большинстве административных районов, не имеют адекватных механизмов выражения и реализации своих интересов. При этом права на традиционный образ жизни, земли, ресурсы и самоуправление в определенной мере признаются Конституцией Российской Федерации и действующим законодательством. Так, за последнее десятилетие в России были приняты важнейшие законы о правах коренных народов, к числу которых относятся федеральные законы: «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», а также «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ (в ред. ФЗ от 26 июня 2007 г. № 118-ФЗ)¹. Однако в средствах массовой информации отмечается, что формально существующая правовая защищенность малочисленных народов, гарантировавшая их право на традиционный образ жизни, практически никак не повлияла на их судьбу². Современная нормативно-правовая база во многом противоречива и декларативна и не может преодолеть сложившихся отношений доминирования и ассимиляции³. Право на традиционный образ жизни все более ограничивается существующими социально-экономическими реалиями.

Наиболее показательными в этом отношении являются положения Лесного кодекса Российской Федерации от 4 декабря

2006 г. № 200-ФЗ (далее: ЛК РФ)⁴ и Водного кодекса Российской Федерации от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ (в ред. ФЗ от 19 июня 2007 г. № 102-ФЗ) (далее: ВК РФ)⁵.

Так, ч. 2 ст. 30 ЛК РФ устанавливает, что лица, относящиеся к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации и ведущие традиционный образ жизни, в местах своих традиционного проживания и хозяйственной деятельности имеют право бесплатно осуществлять заготовку древесины для собственных нужд исходя из нормативов, установленных законами субъектов Российской Федерации.

Кроме того, в ст. 48 ЛК РФ закреплено, что в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности лиц, относящихся к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, при использовании лесов обеспечиваются защита исконной среды обитания этих народов и их традиционный образ жизни.

В то же время формально провозглашенное право коренных народов на лесопользование с учетом традиционного образа их жизни фактически перечеркивается другими статьями ЛК РФ, поскольку по процедуре предоставления лесных земель коренные народы уравниваются с коммерческими структурами, осуществляющими лесопользование с целью извлечения прибыли⁶.

Аналогичные противоречия заложены и в ВК РФ. С одной стороны, ст. 3 ВК РФ в качестве одного из основных принципов водного законодательства называет использование водных объектов в местах традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации для осуществления традиционного природопользования, а ст. 54 гарантирует коренным малочисленным народам использование водных объектов в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности в целях обеспечения

¹ См.: Парламент. газ. 2001. 12 мая; 2007. 3 июля.

² См.: Кез С. Жизнь – тайга, медведь – хозяин // Независимая газ. 2005. 17 янв.

³ См.: Максимов А. А. Указ. соч. С. 4.

⁴ Рос. газ. 2006. 8 дек.

⁵ СЗ РФ. 2006. № 23. Ст. 2380; Рос. газ. 2007. 22 июня.

⁶ Новик Н. Права коренных народов на традиционный образ жизни // http://www.bellona.ru/russian_import_area/international/ecopravo/39488.

защиты их исконной среды обитания и традиционного образа жизни.

С другой стороны, ни одна из статей ВК РФ не предусматривает конкретного порядка предоставления водных ресурсов, обеспечивающих традиционный образ жизни, в пользование общин малочисленных народов.

Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» закрепил право коренных народов на создание территорий традиционного природопользования (далее: ТТП). Однако данное право, являющееся неотъемлемой составляющей права на традиционный образ жизни, нередко нарушается Правительством РФ. В связи с принятием данного закона по формальным признакам ликвидированы существовавшие ранее ТТП, а создание ТТП по новому закону не допускается. Ярким примером является ситуация, сложившаяся вокруг ТТП «Тхсаном» (Камчатка). В настоящее время в Европейском суде по правам человека обжалуется отказ Правительства РФ в воссоздании этой ТТП, существовавшей многие годы. После принятия вышеуказанного закона не было создано ни одной ТТП федерального значения. На все обращения об их образовании Пра-

вительство РФ ответило отказами, а все судебные дела по жалобам на отказы в образовании ТТП решены в пользу последнего¹.

Таким образом, действующее законодательство и правоприменительная практика далеко не в полной мере гарантируют и обеспечивают право на традиционный образ жизни. Кроме того, данное право гарантируется прежде всего коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока, в то время как применительно к другим коренным народам, населяющим территорию Российской Федерации, данное право законодательно не закрепляется и не гарантируется. В связи с этим российское законодательство о гарантиях права на традиционный образ жизни нуждается в дальнейшей разработке и совершенствовании, а проблемы, изложенные в рамках настоящей статьи, – в глубоком изучении и осмыслении.

Библиографический список

1. *Максимов, А. А.* Реализация интересов народов Севера в условиях промышленного развития: от зарубежного опыта к российской модели : автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Сыктывкар, 2007.
2. *Новик, Н.* Права коренных народов на традиционный образ жизни. – Режим доступа: http://www.bellona.ru/russian_import_area/international/eco-pravo/39488.

И. Н. Федотова,

*доцент кафедры гуманитарных дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат исторических наук*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ АНАСТАСИИ ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

В настоящей статье на примере Владимирской области рассматривается культ Анастасии и дается правовая оценка деятельности его приверженцев. Избранная тема является актуальной не только с теоретической, но и с прикладной точки зрения и представляет интерес для сотрудников учреждений государственной власти, местного самоуправления и правоохранительных органов.

Учение В. Н. Мегре, изложенное в серии книг под общим названием «Звенящие кедры

России», стало основой для возникновения в России общественного движения, которое на протяжении последних лет активно заявляет о себе. Его участники обосновались в целом ряде регионов России и создали сеть структур, в задачу которых входит распространение и реализация идей, сформулированных в произведениях В. Н. Мегре от имени таежной богини Анастасии. Основу данной мировоззренческой концепции составляет принцип неприятия техногенной цивилизации, издержками которой якобы обусловлены все беды современного человечества. По мнению Анастасии, залог счастья и благополучия людей – в возвращении к природе, гармоничном слиянии с ней.

Каждой семье следует обзавестись родовым поместьем на площади не менее одно-

¹ *Новик Н.* Указ. соч.

го гектара земли и переехать туда на постоянное жительство, причем возделывать землю нет никакой нужды. В книгах В. Н. Мегре подчеркивается мысль о том, что поместье предназначено не для работы, а для того, чтобы «через такой кусочек земли человек управлял миром»¹. Иными словами, обитателям родовых поместий обещано райское блаженство на лоне природы, хотя совершенно неясно, за чей же счет эти счастливицы будут получать все необходимое для своей беззаботной жизни.

На первый взгляд может показаться, что автор подобной доктрины обречен в современном обществе на осмеяние. Однако В. Н. Мегре удачно использовал то обстоятельство, что в условиях крупного города человек страдает не только и даже не столько физически, сколько психически. Устав от ежедневных многочасовых пробок на дорогах, жесткого графика работы, дефицита общения с семьей, люди так или иначе начинают искать выход из положения. Для многих книги об Анастасии оказались готовой моделью той самой мечты, которая, пусть в слабо оформленном виде, но уже жила в их сознании.

К 2006 г. общий тираж книг В. Н. Мегре достиг 6 млн экземпляров. Издания из серии «Звонящие кедры России» переведены на многие языки мира. Книги издаются в таких государствах, как США, Канада, Германия, Франция, Италия, Израиль и др. Читателей привлекают не литературные достоинства книг об Анастасии, а созданная в них виртуальная реальность, позволяющая забыть о повседневных житейских проблемах.

Владимирская область оказалась в числе первых и наиболее крупных стартовых площадок, использованных для распространения лубочных фантазий о богине Анастасии. В 1999 г. во Владимире был зарегистрирован в качестве некоммерческой организации Фонд культуры и поддержки творчества «Анастасия», учредителем которого выступил сам В. Н. Мегре. Целью Фонда было «осуществление культурных программ в сфере духовного развития лич-

ности по поддержке талантливых деятелей искусства, музыки, литературы». Спустя некоторое время в устав были внесены изменения, которые в значительной степени конкретизировали замысел учредителя этой организации. Согласно новой редакции устава Фонд предназначен для таких видов деятельности, как продажа книг В. Н. Мегре, производство, тиражирование и реализация аудио- и видеоматериалов, созданных по сюжетам этих книг, туристско-экскурсионная работа по маршрутам, описанным в произведениях из серии «Звонящие кедры России».

Единомышленники В. Н. Мегре попытались зарекомендовать новое движение как религиозное. В 2000 г. в одном из районных центров области – г. Коврове – группа под названием «Объединение – Пространство Любви» обратилась в местную администрацию с уведомлением о начале своей религиозной деятельности. Соответствующие документы были представлены на рассмотрение Совета по вопросам религиозных объединений при администрации Владимирской области. Специалисты-религиоведы, входившие в состав Совета, провели экспертизу, которая показала, что вероучение, положенное в основу этого объединения, не носит самостоятельного характера, а представляет собой смешение образов, заимствованных из других религий, в частности, христианства и язычества. Исходя из результатов экспертизы, областной Совет по вопросам религиозных объединений отказался признать данную группу в качестве религиозной.

Практически одновременно с этим последователи учения В. Н. Мегре начали поиск для себя экономической почвы. В 2001 г. в Судогодском районе Владимирской области появились супруги Молчановы, инициаторы создания так называемого «экологического поселения». Они переселились из Подмосковья и приступили к скупке земель, закрепленных за членами сельскохозяйственного производственного кооператива «Ильино». У пайщиков СПК Молчановы приобрели в общей сложности 238 га земли. При совершении сделок купли-продажи цены на земельный пай, размер которого составляет около 4,6 га, колеба-

¹ Мегре В. Н. Новая цивилизация. СПб., 2006. Ч. 1. С. 187.

лись от 4 до 10 тыс. рублей. Таким образом, каждый гектар купленных земельных угодий обошелся новым собственникам в сумму от 870 до 2170 рублей. Вместе с тем некоторую часть земли Молчановым удалось получить в дар.

Вслед за Молчановыми в Ильинский сельский округ стали перебираться сотни людей из числа тех, кто, по их словам, решил сменить городскую суету на полноценную жизнь в гармонии с природой. В «экопоселении» обосновались семьи, приехавшие из разных уголков России. Среди поселенцев оказались даже наши соотечественники из Германии и США.

Землю вновь прибывающим продавали Молчановы, при этом цены на нее были установлены в пределах от 30 до 35 тыс. рублей за гектар, что в десятки раз выше тех цен, по которым земля досталась самим организаторам «экопоселения». При этом сделки не получили юридического оформления. А поскольку новые владельцы не имели на руках договора купли-продажи, то никаких прав на землю они не приобретали. По закону Молчановы продолжали оставаться собственниками всей проданной ими земли.

На заброшенных полях СПК «Ильино» поселенцы приступили к возведению жилых построек. Их облик, разумеется, определялся уровнем благосостояния хозяев. Среди домов, построенных на сегодняшний день, есть немало вполне добротных сооружений, оценочная стоимость которых составляет от 300–400 тыс. до 1 млн рублей и более. Однако многие жители «экопоселения» смогли позволить себе обзавестись лишь самыми дешевыми постройками без всяких удобств (сарай, вагончики, глинобитные домики, шалаши, палатки и даже землянки). Следует заметить, что те, кто живет в таких условиях, считают подобную организацию быта воплощением мечты богини Анастасии о единении человека с матерью-природой.

В настоящее время на купленных Молчановыми землях существуют четыре несанкционированных поселения: «Родное», «Ладное», «Солнечное» и «Заветное». По нашему мнению, в данном случае имеет место грубое нарушение действующего за-

конодательства. Согласно ст. 42 Земельного кодекса РФ использование земельных участков должно производиться в строгом соответствии с их целевым назначением. Земля, купленная Молчановыми у пайщиков СПК «Ильино», имеет сельскохозяйственное назначение, следовательно, на ней можно заниматься исключительно аграрным производством, но не жилищным строительством.

Кроме того, не учитывая требования законодательства, супруги Молчановы организовали устройство колодцев и щебенчатых подъездных путей. Как утверждает А. В. Молчанов, именно на эти общие нужды были израсходованы те деньги, которые он и его супруга выручили от продажи земли поселенцам. Для некоторых такой аргумент настолько убедителен, что они вообще считают свои земельные участки полученными от Молчановых в дар. Иначе говоря, 30 или 35 тыс. рублей якобы уплачены как взнос на строительство дорог и колодцев, а земля досталась бесплатно. Вместе с тем люди, рассуждающих подобным образом, среди поселенцев немного, большинство считает, что заплатили Молчановым именно за земельный участок. Однако с юридической точки зрения заблуждаются и те, и другие, поскольку сам факт передачи земли новым владельцам не имеет никакого документального подтверждения.

Следует также учесть, что организаторы «экопоселения» ни разу не представляли поселенцам отчетности относительно средств, израсходованных на строительство дорог и колодцев. Затраченные на это суммы доподлинно известны только самим Молчановым, поэтому весьма затруднительно судить о том, действительно ли они перепродавали землю, не преследуя корыстных целей.

Необходимо отметить, что поскольку жилые постройки возведены незаконно и зарегистрировать их нельзя, хозяева домов остались на новом месте жительства без регистрации, что тоже противоречит нормам закона. Регистрацию получила лишь семья Молчановых, поскольку дом, в котором они живут, расположен в близлежащей д. Коняево, т. е. в черте населенного пункта.

Возникает вопрос: какими мотивами руководствовались люди, приехавшие жить на судогодские поля, и почему они, заплатив за землю, не оформили документов, удостоверяющих право собственности? Личные беседы с поселенцами показывают, что лишь очень немногие из них искренне уверовали в существование богини Анастасии. Условно их можно назвать романтиками. Среди них есть те, кто порвал всякую связь с городом. Прожить они рассчитывают на деньги, полученные от продажи дорогостоящих городских квартир. Закреплять за собой право собственности на землю романтики не собираются, так как полагают, что земельные участки достались им от Молчановых в дар, а заплаченные деньги полностью потрачены на строительство дорог и колодцев. Все необходимые документы этим людям заменяет безграничное доверие по отношению к организаторам «экопоселения».

Основная же масса поселенцев – вполне здравомыслящие прагматики. С В. Н. Мегре их объединяет разве что критическое восприятие городского образа жизни. Они приехали в с. Ильино не с целью исполнять заветы таежной богини, а для того, чтобы обзавестись загородным жильем. Большинство из них живут здесь только летом, а все остальное время проводят в городе. Есть и те, кто привез на постоянное жительство семью, а сам продолжает работать в городе и приезжает сюда время от времени. При этом поступают так не только москвичи, которые могут добраться до с. Ильино на машине за 3–4 часа, но и сибиряки, правда, в этом случае глава семьи появляется здесь лишь несколько раз в год. Некоторые поселенцы обосновываются целыми семьями, но при этом не продают свои городские квартиры, а сдают их в аренду, что уже само по себе приносит неплохой доход. Прагматики руководствуются вполне резонными соображениями. Бесспорно, жить в сельской местности спокойнее, предпочтительнее для здоровья и дешевле, чем в городе.

Следует отметить, что оформлять документы на землю прагматики не спешат тоже не случайно. Как объясняют они сами, существовала договоренность с А. В. Мол-

чановым о том, что он как единоличный собственник земли сначала решит вопрос об образовании на данной территории населенного пункта, т. е. сделает общее дело за всех сразу, а уже затем каждый новый собственник оформит на себя и свой земельный участок, и построенное на нем жилье.

А. В. Молчанов действительно сумел заручиться поддержкой со стороны местных властей, которые, судя по всему, не были обеспокоены нарушениями земельного законодательства в с. Ильино. В августе 2005 г. Судогодский районный Совет народных депутатов одобрил идею создания сельского поселения под названием «Родное» и внес соответствующий законопроект на рассмотрение Законодательного Собрания Владимирской области.

Объединение поселенцев было зарегистрировано как некоммерческое партнерство «Родное», а А. В. Молчанов по решению общего собрания членов партнерства был избран его директором. По словам А. В. Молчанова, цель учреждения данной организации состояла в том, чтобы оформить в ее собственность уже появившееся общее имущество: дороги, колодцы, – а в дальнейшем и линии электропередачи, которыми поселенцы собирались обзавестись. Естественно, в случае образования населенного пункта все эти материальные ценности легко можно было бы перевести на его баланс.

Однако в марте 2006 г. в соответствии с законом Владимирской области № 25-ОЗ полномочия по установлению и изменению черты административно-территориальных единиц перешли от Законодательного Собрания к губернатору. Вслед за этим был утвержден новый перечень документов, необходимых для рассмотрения такого рода дел. В итоге Судогодский районный Совет признал свое решение, принятое в августе 2005 г., утратившим силу и отменил его.

Возникла необходимость начинать процедуру образования поселения заново. Однако сделать это было уже непросто, поскольку к тому времени жители близлежащих деревень Ильино и Коняево подали целый ряд жалоб на поселенцев, в том числе в адрес областных властей. В этих об-

ращения отмечались не только грубые нарушения Земельного кодекса, но и обстоятельства совсем другого порядка. Так, деревенские жители явно не сумели по достоинству оценить тяготение обитателей «экологического рая» к матери-природе. Среди поселенцев есть любители нудистского купания. По мнению нудистов, они тем самым растворяются в гармонии с окружающим миром. Причем их не беспокоит тот факт, что местным жителям, которые имеют такое же право купаться в этом озере, становится просто стыдно приходить туда самим и тем более приводить своих детей.

Кроме того, местное население было явно шокировано тем, что основатель «экопоселения» похоронил двоих родственников (тещу и ее мать) на земельном участке около своего дома. Это сделано вопреки действующему Федеральному закону «О погребении и похоронном деле» от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ, который запрещает самовольные захоронения, поскольку они представляют опасность заражения близлежащей территории, в первую очередь источников водоснабжения. А. В. Молчанов обосновал свои действия верой в переселение душ, которая проповедуется в учении В. Н. Мегре. Похоронный обряд якобы был совершен с тем, чтобы души усопших обитали в родовом поместье, ожидая нового воплощения.

Личное знакомство с А. В. Молчановым не оставляет сомнений в том, что он, во-первых, явно не относится к числу религиозных фанатиков, а во-вторых, прекрасно владеет нормами законодательства. Поэтому столь демонстративное пренебрежение к закону и сложившимся традициям скорее всего объясняется желанием поддержать имидж убежденного «анастасийца» в глазах тех, кто вполне искренне разделяет подобные взгляды.

Свою обеспокоенность ситуацией, возникшей в с. Ильино, первыми высказали члены Совета по вопросам религиозных и национальных объединений при администрации Владимирской области. В 2006 г. по инициативе Совета была образована специальная межведомственная комиссия, задача которой состояла в том, чтобы на месте

изучить положение дел. По итогам проведенной проверки комиссия подтвердила факты таких нарушений, как использование земли не по целевому назначению, отсутствие у жителей «экопоселения» регистрации по месту жительства, организация незаконного захоронения, нудистская практика купания, противоречащая общепринятым нравственным нормам.

Кроме того, поскольку поселенцы не имеют регистрации, то достоверно неизвестно количество детей школьного возраста. В настоящее время, по словам самих родителей, никто из них не намерен уклоняться от обучения детей в школе. Ильинская сельская школа их полностью устраивает в том отношении, так как в каждом классе учится по 2–3 человека и у педагогов есть возможность уделять максимум внимания каждому ученику. По информации, предоставленной директором школы И. А. Мешковым, в сентябре 2007 г. в школу пошли 13 детей поселенцев. Вместе с тем вопрос о школьном обучении остается открытым. До тех пор, пока жители «экопоселения» не будут соблюдать установленные правила регистрации, любой родитель из их числа может безнаказанно пренебречь требованиями закона об обязательном среднем образовании детей.

Возвращаясь к материалам областной межведомственной комиссии, следует обозначить еще один актуальный вопрос – о медицинском обслуживании. Обитатели «экологического рая» категорически не приемлют официальную медицину. В частности, считается, что при родах никакая врачебная помощь женщине не нужна. Кроме того, поселенцы отказываются делать прививки и себе, и своим детям на том основании, что это вмешательство пагубно для иммунной системы человека. Такого рода представления вполне созвучны идеям В. Н. Мегре, который призывает лечиться исключительно кореньями и травами¹. Однако еще легче угадать здесь недоверие к медикам, преобладающее в нашем обществе в целом, так что отрицательное отношение поселенцев к здравоохранению вряд ли стоит напрямую связывать с религиозными

¹ См.: Мегре В. Н. Указ соч. С. 57–58, 128.

убеждениями. С юридической точки зрения это допустимо, однако очевидно, что подобное тяготение к крайностям таит в себе немалую опасность для жизни и здоровья людей.

Изучив результаты проверки, Совет по вопросам религиозных и национальных объединений рекомендовал властям Судогодского района незамедлительно принять меры к устранению выявленных нарушений. В г. Судогде к этому были готовы, поскольку ситуация, сложившаяся в с. Ильино, привлекла внимание не только областной администрации, но и средств массовой информации¹. Незадолго до приезда межведомственной комиссии А. В. Молчанова впервые оштрафовали за использование земли не по целевому назначению. Административный штраф в размере тысячи рублей был наложен главным государственным инспектором по использованию и охране земель по Судогодскому району В. Н. Дубенской. Сумму штрафа А. В. Молчанов уплатил, однако незаконное возведение жилых построек на полях продолжалось.

Со стороны могло показаться, что поселенцы по-прежнему не придают значения происходящему вокруг них. Однако в действительности внутри общины назрел серьезный конфликт, поскольку Молчановы так и не сумели добиться создания населенного пункта, т. е. выполнить свое обещание. В итоге 45 человек, обосновавшихся на поле под названием «Родное», настояли на том, чтобы купленная ими земля была передана им в собственность с соблюдением всех необходимых формальностей. Рухнула и идея некоммерческого партнерства. Недоверие, возникшее к Молчановым, привело к тому, что среди членов партнерства не нашлось желающих платить членские взносы. Поэтому у организации не оказалось движения денежных средств по банковским счетам, в силу чего Управление Федераль-

ной налоговой службы России по Владимирской области исключило некоммерческое партнерство «Родное» из Единого государственного реестра юридических лиц.

В декабре 2006 г. администрация Судогодского района направила в суд исковые заявления в отношении граждан, имеющих в собственности землю на поле «Родное». В заявлениях содержалось требование о сносе самовольных построек. Со стороны суда последовал отказ, мотивированный тем, что не был соблюден досудебный порядок разрешения конфликта, т. е. администрация не предложила нарушителям снести постройки добровольно. Однако и после получения соответствующих предписаний собственники продолжали вести незаконную застройку своих участков. В апреле 2007 г. районная администрация обратилась в суд вторично, но ей снова было отказано, теперь уже на том основании, что она не имеет полномочий для предъявления такого рода исковых требований.

Действительно, законодательство ограничивает государственный и муниципальный земельный контроль так, что у органов муниципального уровня нет права самостоятельно добиваться устранения выявленных нарушений. Компетенция данных органов сводится к тому, чтобы обнаруживать факты неправомерного использования земли и сообщать о них в учреждения, осуществляющие государственный земельный контроль, так как именно им принадлежит прерогатива обращения в суд. В данном случае исковое требование должно исходить от главного государственного инспектора по использованию и охране земель по Судогодскому району В. Н. Дубенской, однако она делать это не спешит. Вероятно, ее уклончивая позиция объясняется тем, что если суд примет решение о сносе самовольных построек, то ей как чиновнику предстоит настоящая война с поселенцами, которых сейчас насчитывается уже около двухсот семей.

Следует отметить, что скупка земель сельскохозяйственного назначения вокруг с. Ильино продолжается. На данный момент в собственности у Молчановых находится 312 га пахотной земли. Кроме них появились еще двое «латифундистов»: В. Соколин и Н. Вру-

¹ См.: Андреева Р. Из жизни отшельников // Молва. 2006. 27 июля; Салатаева С. Не сеют, не жнут, а рожают и живут по книгам в мягкой обложке // Владим. ведомости. 2006. 26 авг.; она же. У нас нет кедров, но есть анастасийцы // Владим. ведомости. 2006. 26 сент.; По ком звонят кедровые // Владим. ведомости. 2006. 24 окт.; Бурьян-поле // Рос. газ. 2006. 26 окт.

бель. Первый купил 183 га пашни, а вторая – 276. В отличие от своих предшественников, В. Соколин и Н. Врубель пока не пытаются создавать на своей земле «экопоселения», но и использовать сельхозугодья по целевому назначению тоже не намерены. Приобретенная ими в собственность земля пустует и зарастает бурьяном.

По нашему мнению, здесь обнаруживается хорошо продуманный экономический расчет, состоящий в том, что на рынке недвижимости цена земель, отведенных под строительство, гораздо выше земель сельхозназначения. Как отмечалось ранее, за гектар земли, купленной у пайщиков СПК «Ильино», Молчановы платили от 870 до 2170 рублей, да и сейчас цена гектара сельхозугодий не превышает 2 тыс. рублей. Вместе с тем за гектар земли, предназначенной для застройки, в том же самом Судогодском районе приходится платить от 500 тыс. до миллиона рублей и более. Таким образом, если перевести тот или иной участок из категории земель сельхозназначения в категорию земель поселений, то цена земли автоматически возрастает в сотни раз безо всяких трудовых и материальных затрат.

В этом случае перепродажа купленной земли принесет Молчановым, В. Соколину и Н. Врубелю баснословные прибыли. Не останутся в убытке и те, кто уже купил у Молчановых землю по 30–35 тыс. рублей за гектар, поскольку такие цены тоже несопоставимы с теми, которые будут установлены после перевода земель в другую категорию.

Иными словами, создание «экологического рая» по способу действия Молчановых – весьма доходное дело. Что же касается религиозных мотивов, то они здесь выступают скорее в качестве декораций, за которыми легче скрывать корыстный интерес. Кроме того, религиозная окраска этого проекта дает Молчановым и их единомышленникам возможность добиваться своих экономических целей под предлогом борьбы за свободу совести. А. В. Молчанов уже дважды обращался в суд с исками по поводу такого рода притеснений. В одном случае претензии были адресованы журналистам газеты «Владимирские ведомости», а

в другом – Совету по вопросам религиозных и национальных объединений при администрации Владимирской области. Оба процесса закончились для истца безрезультатно, поскольку фактов ущемления его религиозной свободы и унижения человеческого достоинства судом выявлено не было.

Следует отметить, что В. Н. Мегре тоже подал в суд иск на газету «Владимирские ведомости», которая опубликовала несколько критических статей об «экопоселении» в Судогодском районе. Претензии истца состояли в том, что публикации якобы дискредитируют последователей Анастасии и тем самым способствуют разжиганию религиозной розни. При этом в обоснование требований о защите свободы совести адвокат В. Н. Мегре выдвинула аргументы, которые сводились к тому, что из-за размещения в прессе таких материалов падают объемы продажи книг В. Н. Мегре и он терпит убытки. Бесспорно, столь неуклюжая линия защиты как нельзя лучше свидетельствует о подлинных целях, которыми руководствуется основатель движения «анастасийцев».

В череду судебных процессов оказался вовлечен и Владимирский Фонд «Анастасия». В 2007 г. Управление Федеральной регистрационной службы России по Владимирской области обратилось в суд с требованием о ликвидации Фонда. Поводом к тому послужили неоднократные нарушения законодательства со стороны этой организации. Так, по вине ее руководства на протяжении четырех лет в Едином государственном реестре юридических лиц содержались недостоверные данные о месте нахождения постоянно действующего исполнительного органа Фонда. Кроме того, несвоевременно подавались сведения о смене исполнительного директора Фонда, а также изменении его места жительства. Тем самым Фонд нарушил нормы федеральных законов «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ и «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ. Приняв во внимание аргументацию областного Управления Федеральной регистрационной служ-

бы, суд не нашел достаточных оснований для ликвидации Фонда, поскольку его исполнительный директор М. В. Ладилова настаивала на том, что организация является действующей.

Возникает вопрос о том, чем на практике занимаются работники Фонда. В книгах В. Н. Мегре, в том числе выпущенных за последние два года, размещена рекламная информация, согласно которой в Фонде можно заказать альманах «Звенящие кедры России», сборник стихов и писем читателей «В луче Анастасии», документальные фильмы серии «По следу Мегре», а также разнообразную продукцию из кедра. Среди предлагаемых товаров – сувениры, подарочные наборы деревянных ложек, кедровое масло, шишки и даже скорлупа кедрового ореха. В рекламе указан номер абонентского ящика на Владимирском Главпочтамте, куда следует направлять заявки¹.

Однако попытки познакомиться с работой правления Фонда и его исполнительного директора не дают ни малейшего результата. По адресу, указанному в Едином государственном реестре юридических лиц, уже в течение года никто из сотрудников Фонда не появлялся. На телефонные звонки они тоже не отвечают. Следов деятельности Фонда не удается обнаружить и на сайте движения «анастасийцев» (www.anastasia.ru). Представленный здесь прайс-лист продукции содержит указание, что заявки принимаются в г. Новосибирске, где местное объединение последователей Анастасии возглавляет дочь В. Н. Мегре Полина; при этом никаких ссылок на Фонд «Анастасия» нет.

Складывается впечатление, что на самом деле Фонда просто не существует. Однако в таком случае непонятно, почему исполнительный директор организации М. В. Ладилова воспрепятствовала ликвидации Фонда по суду. К тому же, как выясняется, арендную плату за давно пустующий офис Фонд исправно вносит. Сопоставление приведенных фактов позволяет предположить, что учредитель Фонда В. Н. Мегре использует эту организацию для достиже-

ния неуставных целей, т. е. вопреки требованиям закона.

Таким образом, Владимирская область является одним из крупных центров движения, инициированного автором книг серии «Звенящие кедры России». В. Н. Мегре и его сподвижники пытаются представить свою деятельность как реализацию принципов нового вероучения, якобы исходящего от таежной отшельницы Анастасии. Однако на практике религиозные идеи служат ширмой, за которой скрывается вполне земной коммерческий интерес. В настоящее время на территории Владимирской области проводится широкомасштабный эксперимент, в рамках которого под предлогом возвращения человека в лоно природы происходит скупка сельскохозяйственных угодий с целью их самовольной застройки и перепродажи по спекулятивным ценам. В роли организаторов этого эксперимента выступают супруги Молчановы, активную поддержку которым оказывает Мегре. Его расчет состоит в том, чтобы росла популярность движения «анастасийцев», а вместе с ней – объемы продажи книг, приносящих автору таежных фантазий немалую прибыль.

Пользуясь несовершенством законодательства и противоречиями в правоприменительной практике, последователи Анастасии осуществляют псевдорелигиозный бизнес-план. Следует заметить, что Владимирская область – далеко не единственный регион, где они сумели обосноваться. Сложившаяся ситуация требует самого серьезного внимания со стороны как общероссийских, так и местных властей, в противном случае лубочный миф об Анастасии станет источником обогащения еще для сотен единомышленников В. Н. Мегре.

Библиографический список

1. Земельный кодекс Российской Федерации // Полный сборник кодексов Российской Федерации. – М. ; Воронеж, 2003.
2. Мегре, В. Н. Анастасия / В. Н. Мегре. – СПб., 2007.
3. Мегре, В. Н. Новая цивилизация. Ч. 1 / В. Н. Мегре. – СПб., 2006.

¹ См.: Мегре В. Н. Анастасия. СПб., 2007. С. 222; он же. Новая цивилизация. Ч. 1. С. 220–222.

Н. В. Шигина,
*старший преподаватель
кафедры криминологии, психологии
и уголовно-исполнительного права
Московской государственной
юридической академии,
кандидат юридических наук*

**ИНТЕРЕСЫ СУБЪЕКТОВ
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

В силу отношений между субъектами уголовного права государство обязано соблюдать границы своей власти над личностью, а значит, определенность признаков преступления должна иметь законодательное выражение в понятии преступления. Не случайно на протяжении всей истории российского уголовного права определение понятия преступления рассматривалось с позиции той политической идеи, которая была в нем заключена. По справедливому замечанию Л. И. Спиридонова, «законодательное закрепление понятия преступления имеет большое методологическое и практическое значение. От того, какой смысл будет вкладываться в данное понятие, зависит выбор специальных и юридических мер для предупреждения преступлений»¹.

Для человека, находящегося под властью государства, определение понятия преступления – вопрос о его свободе и ее пределах.

Т. Г. Понятовская отмечает по этому поводу: «Согласно классической теории происхождения уголовного права, понятие преступления максимально формализуется. Преступлением является то, что предусмотрено в уголовном законе. Уголовный же закон, в зависимости от стоящих перед ним охранительных целей, строго ограничивает круг преступлений сферой уравнивающей справедливости. В содержании классификации преступлений по свойствам объектов отражено содержание жизненно важных интересов личности, общества и государства. Таким образом, формальное определение понятия преступления гарантирует защищенность личности от зло-

употреблений (произвола) наказательной властью со стороны государства.

Советское государство в применении своей наказательной власти поставило перед собой другие цели: поддержание классового господства пролетариата (подавление чуждых классов), а затем укрепление социалистического государства как выразителя классовых интересов пролетариата. Достижению этой цели способствовало уголовно-правовое вмешательство во все сферы общественного бытия, никем и ничем не ограниченное. При таких условиях формальное определение понятия преступления становилось принципиально неприемлемым»². В связи с этим ему было противопоставлено материальное определение понятия преступления.

Согласно мнению И. И. Карпеца: «В советском уголовном праве материальный признак преступления – его общественная опасность – определяет ту принципиальную для советского уголовного права позицию, которая связана с тем, что право, в числе прочего, является средством принудительного воспитания, направленного на совершенствование общественных отношений ради достижения целей, которые стоят перед советским обществом и государством»³.

Положение, сформулированное И. И. Карпечом, свидетельствует, что категориальное значение понятия преступления не претерпело изменений со времен становления советского уголовного права. Так, на II сессии ВЦИК 12-го созыва (24 октября 1925 г.) И. В. Крыленко указал, что советское уголовное право (в числе прочих) преследует задачу воспитания широких трудящихся масс путем распространения новых идей. Очевидно, что благо, ради которого применялась репрессия, те материальные гарантии, из которых исходило социалистическое государство при определении понятия преступления, могли быть непонятны и чужды «широким трудящимся массам».

Как считает Т. Г. Понятовская, материальное определение понятия преступления

¹ Спиридонов Л. И. Социология уголовного права. М., 1986. С. 49.

² Понятовская Т. Г. Концептуальные основы уголовного права России: история и современность. Ижевск, 1994. С. 68–69.

³ Карпец И. И. Уголовное право и этика. М., 1985. С. 90.

позволило Советскому государству не только защищать интересы трудящихся средствами репрессии, но и насаждать новые интересы репрессивными средствами¹.

В таком определении понятия преступления не выражены ничьи интересы, кроме интересов носителя власти, хотя бы и выступающего от имени народа. Это закономерно, поскольку политическая функция материального определения понятия преступления не была связана с обеспечением интересов субъектов уголовного права, не говоря уже об их равноправии или гарантиях всесторонней защищенности. Отсюда следует, что, чем формальнее определение понятия преступления, тем явственнее сквозь него проступают интересы личности в соблюдении государством границ своей репрессивной власти.

Современная российская уголовно-правовая доктрина определяет понятие преступления по действующему УК РФ как формально-материальное². В свете изложенного подобная характеристика выглядит данью взаимоисключающим традициям, так как формальное и материальное определения понятия преступления исполняли различные уголовно-политические функции. Одно служило прямым выражением интересов субъектов уголовного права в соблюдении границ репрессивной власти, другое – интересам распространения и упрочения самой власти. Законодательное определение понятия преступления не может служить выражением противоположных по содержанию интересов и не может решать две различные по своему политическому значению задачи.

Нет смысла искать выражения интересов лица, совершившего преступление, как субъекта уголовно-правового отношения в материальном определении понятия преступления, в функции которого соблюдение этих интересов не входит. Правовая сущность преступления по действующему УК РФ является все-таки формальной. Только поэтому его можно считать выражением интересов субъектов уголовного права и уголовно-

правовых отношений в соблюдении государством границ своей репрессивной власти.

Признак общественной опасности преступления служит характеристикой его социальной сущности, которая не противопоставляется правовой сущности и не является ее альтернативой, а лишь дополняет правовое значение преступления социальным.

В этом свете иначе видится и значение положения ч. 2 ст. 14 УК РФ о том, что не является преступлением деяние, хотя и содержащее признаки преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ, но в силу своей малозначительности не обладающее общественной опасностью. По мнению Т. Г. Понятовской, благодаря данному положению УК РФ граница между преступным и не преступным деянием по-прежнему определяется по признаку общественной опасности, что характеризует ее неустойчивость, подвижность, зависимость от конъюнктуры³.

Полагаем, что это неверно. Формальные границы преступного деяния неизменны, и признак противоправности не утрачивает своего значения. Следовательно, государство не может перейти эту формальную границу. Более того, благодаря социальному критерию в оценке деяния как преступления личность получает подтверждение гарантии того, что ее права и свободы ограничиваются уголовным законом лишь в тех случаях, когда совершенное деяние имеет реальное социальное значение.

В этом прослеживается прямая связь положения, сформулированного в ч. 2 ст. 14 УК РФ, с положением, содержащимся в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, согласно которому права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Положения гл. 6 УК РФ имеют конкретно-юридическое значение, свойственное всем институтам Общей части уголовного права в соответствии с их уголовно-политической функцией, заключающейся в придании юридической определенности ос-

¹ См.: Понятовская Т. Г. Указ. соч. С. 76–77.

² См.: Российское уголовное право: В 2 т. / Под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рарога. М., 2007. Т. 1: Общая часть; Уголовное право России. Общая часть / Под ред. А. И. Рарога. М., 2007; Игнатов А. Н., Красиков Ю. А. Курс российского уголовного права: В 2 т. М., 2004. Т. 1 и др.

³ См.: Понятовская Т. Г. Указ. соч. С. 112–114.

новным уголовно-правовым категориям. Институт неоконченного преступления (в доктринальном плане – институт стадий совершения преступления) «обслуживает» категорию «преступление». Его политическое предназначение изначально состоит в определении юридических границ преступления при помощи критериев, применимых к любым фактическим обстоятельствам совершения общественно опасного деяния.

В силу своей служебной функции институт неоконченного преступления находится в полной зависимости от категории «преступление», т. е. его содержание определяется тем уголовно-политическим значением, которое придается понятию преступления. Это объясняет различия в признаках неоконченного преступления при его формальном и материальном определении¹. Данные различия касаются наказуемости приготовления, понятия и признаков покушения на преступление, уголовно-правового значения его видов. При формальном определении понятия «преступление» наказуемость неоконченного деяния определялась на основании формальных признаков состава преступления. Согласно материальному определению понятия «преступление» в советском уголовном праве виды и признаки неоконченного преступления были ориентированы на общественную опасность деяния и проявившуюся в нем общественную опасность личности. Например, А. Н. Трайнин утверждал, что с точки зрения социалистического уголовного права «все так называемые “институты” (включая и неоконченное преступление. – Н. Ш.) являются не более, чем критериями социальной опасности личности»².

Специфика уголовно-политического значения категории «преступления», таким образом, указывает и на те интересы, которые реализуются посредством обслуживающего ее института. В советской уголовно-политической концепции институт неоконченного преступления являлся средством реализации государством своего интереса в устранении

границ репрессивной власти с целью использования последней в качестве инструмента социального регулирования. Согласно уголовно-политической концепции, построенной на гуманистических идеалах правового государства, институт неоконченного преступления служит целям и интересам, аналогичным формальному определению понятия преступления, – приданию определенности границам наказуемого деяния. Это гарантирует личности ее защищенность от репрессивной власти.

В понятии «преступление» и институте неоконченного преступления реализуется также интерес личности как субъекта уголовного права. Данный интерес заключается в защищенности личности от преступных посягательств. Это означает, что наказуемость неоконченного преступления гарантирует ей безопасность от преступных посягательств на любых социально значимых стадиях их совершения. Как абстрактный субъект уголовного права личность также заинтересована в защищенности от власти. В этой абстрактной политико-правовой области отношений личности и государства как абстрактных субъектов указанные интересы не противоречат друг другу. В конечном счете Общая часть УК РФ, как и уголовный закон в целом, отражает совокупность интересов личности как субъекта уголовного права.

Однако, говоря об интересах субъектов уголовно-правовых отношений, в частности, об интересах лица, совершившего преступление, необходимо иметь в виду, что они конкретизируются в такой же мере, как и сами эти субъекты. Если речь идет об отражении в УК РФ интересов субъектов уголовно-правовых отношений, необходимо отталкиваться от того, какое положение уголовного закона служит прямым выражением интересов конкретного субъекта (в данном случае лица, совершившего преступление). Представляется, что содержание гл. 6 УК РФ является прямым отражением интересов указанного субъекта в соблюдении государством границ репрессивной власти, а именно определении границ преступного и наказуемого деяния.

Хотя об этом свидетельствуют не только положения ст. 30 УК РФ, определяющие признаки наказуемых стадий совершения преступления, но и положения ст. 66 УК РФ, согласно которым ограничивается су-

¹ См.: Понятовская Т. Г. Концептуальные основы системы понятий и институтов уголовного и уголовно-процессуального права. Ижевск, 1996. С. 152–179.

² Трайнин А. Н. Критерии социальной опасности // Основы и задачи советской уголовной политики. М.; Л., 1929. С. 100.

дейское усмотрение в вопросах наказания приготовления к преступлению и покушения на преступление.

Однако следует отметить, что интересу определенности признаков преступления не в полной мере соответствует положение, предусмотренное ч. 1 ст. 30 УК РФ, так как перечень видов наказуемых приготовительных действий является открытым.

По Основным началам уголовного законодательства 1924 г. при решении вопроса о наказуемости приготовления к преступлению судам надлежало руководствоваться как степенью опасности преступника, так и степенью осуществления преступного намерения. До принятия этого документа приготовление характеризовалось как факультативный (избирательный) вид наказуемой стадии совершения преступления, т. е. как такая стадия, наказуемость которой зависела от судебного усмотрения. С принятием УК РСФСР 1926 г. уголовно-правовое значение приготовления к совершению преступления стало обязательным, наказуемость — безусловной. И все-таки на протяжении истории развития российского уголовного права советского периода ученые неоднократно поднимали вопросы об отмене наказуемости приготовления (следовательно, об исключении его из числа наказуемых видов стадий совершения преступления); возвращении к факультативному (избирательному) уголовно-правовому значению приготовления; криминализации наиболее опасных видов приготовительных к преступлению действий или приготовления к наиболее опасным преступлениям путем закрепления их признаков в Особенной части УК и пр.¹

При современном состоянии российского уголовного права, в котором категория «преступление» сохраняет признак общественной опасности в качестве существен-

ного правового признака, нельзя говорить об исключении приготовления к преступлению из числа наказуемых стадий его совершения.

Следует отметить, что отсутствие четких формальных критериев обусловило трудности в отграничении приготовления к преступлению от обнаружения преступного умысла, а также установлении юридических оснований уголовной ответственности за приготовительные действия (в частности, отдаленность этой деятельности от конечного результата, связь с которым никак нельзя назвать неразрывной) и не могло не оказать влияния на специфику законодательного закрепления приготовления к преступлению в УК РФ.

Правоведы справедливо отмечают, что смысл приготовления к преступному деянию как стадии совершения умышленного преступления по УК РФ не отличается от того, который был заложен в ст. 19 УК РСФСР 1926 г., ст. 15 УК РСФСР 1960 г.² Приготовление в качестве наказуемой стадии развития преступной деятельности всегда трактовалось как умышленное создание условий для совершения преступления. В этом смысле ч. 1 ст. 30 УК РФ не отличается принципиальной новизной.

Неограниченность круга признаков приготовления к преступлению позволяет включить в их число и те, которые относятся к формам ненаказуемой предварительной преступной деятельности. В силу этого возникает необходимость определения критерия отграничения приготовления к преступлению от формирования и обнаружения преступного умысла. В качестве такого критерия законодатель называет создание условий для совершения преступления. Однако содержательная сторона данного критерия нуждается в уточнении. Дело в том, что условия играют различную роль при совершении преступления: они могут быть необходимыми и случайными, существенными и сопутствующими, определяющими обстоятельства совершения преступления или сокрытия его следов, объективными или субъективными и др.

¹ См.: Тишкевич И. С. Приготовление и покушение по советскому праву (понятие и наказуемость). М., 1958; Устинова Т. Д. Вопросы совершенствования уголовной ответственности за приготовление к совершению преступления // Теоретические и практические проблемы совершенствования нового уголовного законодательства. М., 1985; Церители Т. Наказуемость приготовления к преступлению по советскому уголовному праву // Соц. законность. 1954. № 12; Дурманов Н. Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М., 1955 и др.

² См.: Понятовская Т. Г. Концептуальные основы системы понятий и институтов уголовного и уголовно-процессуального права. С. 152.

Однако все указанные в законе обстоятельства приготовления имеют значение либо для установления в действиях лица признаков состава преступления, либо влияют на пределы ответственности за преступление, к совершению которого оно готовится. Таким образом, в интересах придания определенности признакам преступления под созданием условий для совершения преступления необходимо понимать такую деятельность лица, которой определяются обстоятельства, имеющие значение для определения признаков состава преступления или пределов уголовной ответственности.

Следует признать, что введение критерия оценки создания условий для совершения преступления как деятельности, соотносимой с обстоятельствами (признаками) этого преступления, является попыткой формализовать (юридически ограничить) признаки приготовления. Такая позиция «выводит» из области наказуемой стадии совершения преступления действия, направленные на сокрытие следов или создание удобных для преступника условий совершения преступления, облегчающих достижение преступной цели. По этой причине сформулированные выше положения могут вызвать возражения или неприятие предложенной трактовки.

Однако нельзя отрицать, что отказ от ограничения приготовления к преступлению юридическими рамками означает прямо противоположное – расширение области наказуемой предварительной деятельности за счет придания уголовно-правового значения формированию и обнаружению умысла.

Стремление приблизить основания ответственности за приготовление к преступлению к составу этого преступления не только не противоречит принципам уголовного закона, но и более согласуется с ними, чем ответственность, основанная на оценке общественной опасности этой деятельности¹. Таким образом может быть устранено противоречие между действующим положением ч. 1 ст. 30 УК РФ и теми интересами, формой выражения которых оно является.

Библиографический список

1. *Понятовская, Т. Г.* Концептуальные основы уголовного права России : история и современность / Т. Г. Понятовская. – Ижевск, 1994.
2. *Понятовская, Т. Г.* Концептуальные основы системы понятий и институтов уголовного и уголовно-процессуального права / Т. Г. Понятовская. – Ижевск, 1996.
3. Российское уголовное право. В 2 т. Т. 1. Общая часть / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рарога. – М., 2007.

¹ Рассматривать формулу ч. 1 ст. 30 УК РФ как специфический состав приготовления, имеющий для ответственности за приготовление такое же значение, как состав преступления, вряд ли возможно. Сущность состава преступления (вне зависимости от его конструкции) заключается в том, что он является закрытой системой, элементы и признаки которой ограничены по объему и содержанию уголовным законом. Приготовление же, напротив, является понятием открытым («Исчерпывающий перечень приготовительных действий дать невозможно...» (Уголовное право России. Части Общая и Особенная. М., 2003. С. 132), что противоречит правовой природе, сущности и функции состава преступления.

А. В. Анисимов,
*преподаватель кафедры
физической подготовки
ВЮИ ФСИН России*

**ПРАВОВАЯ РЕГУЛЯЦИЯ ПРОФИЛАКТИКИ
НЕНОРМАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)**

В середине XIX столетия стала формироваться новая превентивная доктрина, суть которой заключалась, с одной стороны, в решительном отказе от наказания как самой примитивной формы предупреждения преступности, рассчитанной на несвободную личность при тоталитарном режиме, а с другой – ориентации на профилактику асоциальности через воспитание свободной, ответственной личности в условиях развития гражданских отношений.

Очевидно, что объектом приложения данной доктрины в первую очередь должно было стать подрастающее поколение, особенно дезадаптированная его часть.

В связи с этим в объяснительной записке к Судебным уставам от 20 ноября 1864 г. подчеркивалось, что «применительно к детям закон должен иметь в виду цель менее наказательную, чем исправительную, а само наказание для них должно быть не столько возмездием за содеянное, за прошедшее, сколько залогом лучшего будущего, следовательно, иметь преимущественно характер воспитания, быть средством исправления дурных зачатков и развития добрых качеств»¹. Кроме того, в Судебных уставах указывалось на необходимость введения особых социальных норм и правовых гарантий, защищающих малолетнего преступника от судебного произвола².

Идея исправительного воспитания, имеющего превентивную направленность,

содержалась и в Уложении о наказаниях 1845 г. В частности, в ст. 6 этого документа было закреплено положение о том, что несовершеннолетних в возрасте от 10 до 17 лет вместо тюремного заключения следует направлять в специально учрежденные исправительно-воспитательные приюты на срок, определяемый мировым судьей, но только до исполнения им 18 лет³.

В 1866 г. возможность направлять несовершеннолетних в подобные заведения была предоставлена и общим судам, правда, в более ограниченных возрастных рамках (от 14 до 17 лет) и только при признании малолетних действовавшими без полного разума⁴.

При всей прогрессивности подобных правовых актов исследователи той эпохи указывали на их разобщенность и низкую эффективность, объясняя это тем, что общая превентивная политика в отношении несовершеннолетних преступников оставалась нерушимой, т. е. основывающейся на доктрине их наказуемости через лишение свободы⁵.

Ряд реформ предполагалось произвести и в области попечения о бездомных, внебрачных и беспризорных детях, т. е. тех, кто стоял на пороге преступления. Уже в Общем положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости (1861 г.), на крестьянские общины возлагалась обязанность отправления такой мирской повинности, как призрение круглых сирот⁶. Тем самым государство стремилось передать основные полномочия в этой сфере общественным структурам. Данная ориен-

³ Альбицкий Е., Ширген А. Исправительно-воспитательные заведения для несовершеннолетних преступников и детей заброшенных в связи законодательством о принудительном воспитании. Саратов, 1893. С. 192; Гуревич С. Ответственность юных преступников по русскому законодательству // Дети-преступники / Под ред. М. Н. Гернета. М., 1912. С. 13.

⁴ См.: Альбицкий Е., Ширген А. Указ. соч. С. 193.

⁵ См., напр.: Таганцев Н. С. Исследования об ответственности малолетних преступников по русскому праву и проект законоположений об этом вопросе. СПб., 1871. С. 88–89.

⁶ См.: Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. / Под ред. О. И. Чистякова. М., 1984–1994. Т. 7. С. 72.

¹ Источник: Полянский Н. К пятидесятилетию Судебных Уставов // Особые суды для малолетних и борьба с детской беспризорностью. 1914. № 2. С. 3.

² См.: Гурьян З. И. Судебные Уставы и Детский суд // Там же. С. 7.

тация была закреплена в 1864 г., когда Приказы общественного призрения были упразднены, а их полномочия переданы Ведомству учреждений императрицы Марии (преобразованному в 1854 г. из 4-го отделения Собственной Его Величества канцелярии), в ведении которого оставались столичные и некоторые губернские воспитательные дома, а также земствам на местах¹.

Так, ст. 73 Временных правил для земских учреждений по делам общественного призрения возлагала функции по присмотру за указанными категориями несовершеннолетних на губернские и земские учреждения, а п. 7 ст. 2 Положения о земских учреждениях предписывал, что в предмет компетенции данных учреждений входит и попечение о «призрении бедных, неизлечимо больных, умалишенных, сирых и увечных»².

Вместе с тем такой достаточно неопределенный правовой статус земств в деле попечения об обездоленных детях сдерживал их творческую инициативу. По существу, им приходилось руководствоваться при осуществлении этой деятельности теми правилами, которые были установлены для Приказов общественного призрения. Не располагая серьезными полномочиями, земства часто посылали покинутых внебрачных детей в воспитательные дома либо ограничивались субсидированием крестьянских семей, взявших сирот на воспитание (патронаж), и организовывали частичный надзор над ними. Вместе с тем в некоторых губерниях (Вятской, Калужской, Московской, Владимирской, Костромской и др.) земства смогли создать крупные приюты, выделив на это значительные средства, обеспечить призрение детей-сирот в подведомственных учреждениях (больницах, богадельнях и др.), разработать и ввести механизм законного усыновления³.

Дальнейшее развитие правовой базы государственной политики в отношении несовершеннолетних относится к началу 90-х гг. XIX столетия. Так, 18 декабря 1890 г. были изданы Временные правила о приеме питомцев воспитательного дома, согласно которым в эти дома допускался открытый

прием только внебрачных детей, законные же младенцы могли приниматься только на временное (до 1 года) вскормление⁴. Окрепшего ребенка затем отправляли на воспитание в деревню (патронаж) за определенную плату в соответствии с его возрастом.

Двенадцатого марта 1891 г. утверждается Мнение Государственного Совета о детях узаконенных и усыновленных. В соответствии с ним внебрачные дети (за исключением рожденных от прелюбодеяния) становились законными с момента вступления их родителей в брак. Такое узаконение должно было производиться через окружные суды⁵.

Следует отметить, что ведомство учреждений императрицы Марии кроме столичных и отдельных губернских воспитательных домов осуществляло контроль за деятельностью детских приютов, переданных в его ведение 1 марта 1864 г.⁶

Однако осуществляемая реформа замедлила процесс увеличения их числа. Если за период 1839–1864 гг. было открыто 98 приютов, то в 1864–1889 гг. – только 30⁷. К тому же она не способствовала реальному совершенствованию деятельности по присмотру за приютскими детьми, и ее результаты стали заметно отставать от насущных требований.

Восемнадцатого июля 1891 г. вышло новое Положение о детских приютах Ведомства учреждений императрицы Марии. Согласно этому документу в детских приютах вводилась обязательная программа, установленная для народных училищ Министерства народного просвещения. Повышался предельный возраст пребывания в приютах с 12 до 14 лет. Для детей, находившихся на полном приютском содержании, срок пребывания ставился в зависимость от местных условий и мог определяться попечительскими или опекунскими советами, а воспитанникам, окончившим полный курс приютского обучения, предоставлялись льготы по отбыванию воинской повинности⁸.

Кроме того, данное Положение несколько оживило процесс организации новых

⁴ См.: Термен С. Э. Призрение несчастнорожденных в России. СПб., 1912. С. 23.

⁵ См.: там же.

⁶ См.: Залеский В. Ф. Попечение о беспризорных и покинутых детях. Казань, 1916. С. 453.

⁷ См.: там же. С. 454.

⁸ См.: Отчет по Ведомству детских приютов за 1890–94 гг. СПб., 1896. С. 36.

¹ См.: Ошанин М. О призрении покинутых детей. Ярославль, 1912. С. 16.

² Источник: там же. С. 19–20.

³ См.: там же. С. 24–25.

приютов (в основном на средства частной и общественной благотворительности), при которых стали открываться ремесленные классы, мастерские и даже автономные ремесленные училища. К концу XIX столетия Ведомство детских приютов насчитывало 180 учреждений, в том числе 148 детских приютов и сиротских заведений, 11 яслей, воспитательных домов и приютов для младенцев, 10 ремесленных приютов и рукодельных школ, 3 школы поварского искусства, 1 школу для приготовления помощниц смотрительниц для приютов, 2 больницы (одна из которых бесплатная детская), 3 родильных отделения, 1 богадельню и 1 центральную детскую библиотеку. Всего в них находились 12 902 несовершеннолетних¹.

Как было отмечено выше, содержались эти учреждения в основном за счет общественной и частной благотворительности. Государственные дотации были незначительны: в год петербургским приютам выделялось 23 000 руб., московским – 20 000 руб., провинциальным – 10 641 руб. Между тем их капитал с недвижимым имуществом составлял солидную по тем временам сумму – 12 734 734 руб. 55 1/2 коп.²

Таким образом, в целом проведение законодательных преобразований в деятельности по предоставлению приютов нуждающимся в них детям с 1861 г. до конца столетия не отличалось глубокой продуманностью, целенаправленностью, систематичностью принимаемых решений, основанных на серьезном научном анализе. Отсутствие научно обоснованной стратегии проявлялось в том, что издававшиеся правовые акты в этой сфере носили подчас запоздавающий или опережающий характер, нередко не проясняя, а наоборот, затрудняя процесс реформирования, делая его более трудоемким. Все это сказывалось на правовом статусе обездоленных детей, улучшавшемся крайне медленно, а также на всей системе социальной защиты детства, которой приходилось подстраиваться под уязвимые со всех точек зрения законы. Последние приходилось постоянно корректировать или издавать новые, что вносило путаницу при их конкретной реализации.

Аналогичное положение складывалось в законодательном регулировании ответственности несовершеннолетних, где новации носили часто паллиативный характер, не изменяя сущности вопроса. Так, идея исправительного воспитания малолетних, впервые высказанная в Судебных уставах 1864 г., получает дальнейшее развитие только спустя 28 лет.

Двадцатого мая 1892 г. был издан закон, распространивший право помещать в исправительные колонии и приюты детей от 10 до 14 лет, «судившихся в общих судебных местах и признанных действовавшими с разумением или без него». Данный нормативный акт изменил ст. 6 Уложения о наказаниях, исключив из нее точное определение судьями сроков пребывания в исправительных заведениях и предоставив возможность направлять туда несовершеннолетних вплоть до их исправления. Тем самым этот закон прекратил практику, когда подростков отдавали в приюты и колонии на слишком короткие сроки. Кроме того, опубликованный 2 февраля 1893 г. указ предоставлял право исправительным учреждениям помещать воспитанников до 18 лет временно к мастерам в промышленные заведения или в сельскохозяйственное производство, а выпущенных старше 18 лет, но не достигших 21 года распределять на работу с их собственного согласия. Восьмого февраля 1893 г. вышел закон, позволявший помещать в исправительные заведения подследственных малолетних, спасая их от развращающего влияния тюремной среды³.

В 90-е гг. XIX в., в связи с увеличением количества случаев жестокого обращения с малолетними остро встал вопрос о совершенствовании законодательства в области правовой защиты детей от злоупотребления властью родителями или лицами, их заменяющими. Следует отметить, что действующее в те времена законодательство отстаивало принцип ее незыблемости. В Уложении о наказаниях 1866 г. содержалось только несколько статей, защищающих права ребенка от произвола со стороны лиц, занимающихся его воспитанием.

¹ См.: Залеский В. Ф. Указ. соч. С. 454.

² См.: там же. С. 454–455.

³ См.: Герард Н. Родительская власть и беззащитные дети // Вестн. благотворительности. 1898. № 1. С. 24.

Причем ответственность предусматривалась лишь за принуждение детей к разврату или другим преступлениям, вступлению в брак, сводничество, изнасилование и растление малолетних, расхищение их имущества¹. Между тем ненаказуемыми оставались те же действия, если они совершались лицами, которым не был вверен надзор за детьми. Личные оскорбления, побои, жестокое обращение, истязания преследовались законом вообще, без учета специфики малолетнего возраста. Власть безнравственного родителя прекращалась только с лишением его прав состояния. Если же он приговаривался к наказанию без их лишения, то дети оставались в его власти. На эти и другие пробелы и недостатки законодательства указывали некоторые отечественные юристы².

В 1895 г. Санкт-Петербургское общество защиты детей от жестокого обращения ходатайствовало перед министром юстиции о внесении дополнений в законы, касающихся охраны малолетних. Составленный членами данного общества проект предусматривал предоставление суду права лишать родительской власти обвиняемого в злоупотреблении ею в виде предварительной меры до объявления приговора и введения института добровольного отречения от нее в пользу приютов и других учреждений, преследующих задачи детского призрения. К сожалению, данный проект был оставлен без должного внимания, а появившийся спустя два года новый правовой документ (закон от 2 июня 1897 г.) практически не затрагивал вопросов защиты детей от посягательств со стороны родителей³. В то же время он ввел в отечественное право принципиально новую меру – назначение над несовершеннолетними от 10 до 17 лет, признанными судом учинившими преступное деяние «без разума», ответственного надзора со стороны родителей, попечителей или благонадежных лиц. Воспитательно-превентивную направленность имела и предусмотренная этим законом система

мер по ограничению применения к несовершеннолетним, совершившим преступления «с разумием», тюремного наказания. Такие подростки содержались в исправительных приютах и колониях, а также в специально организуемых для них помещениях при тюрьмах и арестных домах и монастырях в течение срока, определяемого судом, но только по достижении 18-летнего возраста. В случае совершения малолетними от 14 до 17 лет тяжких преступлений «с разумием» сохранялось тюремное заключение на сроки от 3 до 12 лет. В отношении несовершеннолетних от 17 до 21 года была принята система смягчения наказания, например, к ним не могла быть применена смертная казнь⁴. Кроме того, закон от 2 июня 1897 г. указывал на некоторые процедурные моменты, при введении которых заметно повышались правовые гарантии несовершеннолетних: отсутствие гласности судебного разбирательства, привлечение к слушанию дела родителей обвиняемого или лиц, на попечении которых он находится, отдельное рассмотрение дел о детях – соучастниках взрослых преступников. Этим юридическим актом впервые в мировой практике был провозглашен принцип возможности помещения несовершеннолетних в заведения принудительного воспитания не по приговорам, а по определениям судебных органов.

В целом высоко оценивая закон от 2 июня 1897 г. как значительно расширивший область воспитательных мер, отечественные юристы обращали внимание на то, что он сохранил весьма сложную модель наказания, зависящую от тяжести преступления, возраста, наличия или отсутствия «разумения». При этом отмечалось, что системы мер Уложения о наказаниях уголовных и исправительных и Устава о наказаниях 1864 г., налагаемых мировыми судьями, плохо между собой согласовывались: последний не предусматривал смягчения наказания для несовершеннолетних от 17 до 21 года, в отношении несовершеннолетних от 14 до 17 лет допускал применение общих наказаний в половинном размере; ус-

См.: Полный свод законов уголовных / Сост. Н. Хохлов. М., 1867. С. 361, 532–533.

² См., напр.: Обнинский П. К охране беззащитного детства // Трудовая помощь. 1900. № 1. С. 3–16.

³ См.: Вопрос об охране детства // Ведомство учреждений императрицы Марии. СПб., 1903. С. 23.

⁴ См.: Полный свод законов Российской империи: В 16 т. / Под ред. Г. Г. Савича. СПб., 1904. Т. 15. С. 18–19.

танавливал систему наказаний для лиц, которые по приговору суда были обязаны иметь надзор за малолетним преступником, – в случае, если их поднадзорный совершал уголовно наказуемое преступление, их ждал арест на срок до 1 месяца, а при совершении поднадзорным менее тяжкого преступления – штраф до 100 руб. Уложение о наказаниях в редакции 1903 г. заменяло понятие «разумение» на понятие «вменяемость», т. е. от категории, включающей в себя кроме правового и медицинского еще и психолого-педагогическое значение, переходило к термину, в котором явно доминирует медицинская (психиатрическая) составляющая. В Уставе о наказаниях такой понятийной замены не было произведено¹.

Подобные противоречия в законодательных актах негативно сказывались на общем правовом положении малолетних, совершивших противоправные поступки, так как в процессе установления их виновности и определения приговора можно было использовать разные юридические документы, не имеющие строгой унифицированности.

Все это побуждало прогрессивных отечественных юристов говорить о крайней необходимости кодификации разрозненных и разбросанных законодательных постановлений, нацеленных на охрану детства и предупреждение отклоняющегося поведения несовершеннолетних².

Особенно активно разработкой вопросов правовой защиты детства и пропагандой идеи создания автономного законодательства о несовершеннолетних занялась образованная в 1897 г. Русская группа Международного союза криминалистов. Уже на первом организационном собрании, 23 ноября 1897 г., инициатор и председатель этой группы известный юрист И. Я. Фойницкий подчеркивал, что в круг ее деятельности входит забота о профилактике преступлений малолетних, оказании помощи тем детям, кто стоит на пороге преступности³.

На съездах Русской группы криминалистов, проходивших в конце XIX – начале XX в., постоянно обсуждалась проблема

законодательной охраны детства. Так, в 1900 г. очередной съезд, собравшийся в Петербурге, был целиком посвящен данному вопросу. В резолюции, принятой на нем, в частности, отмечалось, что следует все меры, направленные к охране малолетних, объединить в особом законодательстве о призрении и защите детей⁴.

Организованные в этот же период на средства частной инициативы разнообразные общества, преследующие задачи социальной защиты детства, не имея серьезных правовых оснований для своей деятельности, а осуществляя ее лишь с разрешения местной администрации, также неоднократно обращались к властным структурам с просьбой об издании специального законодательства о детях⁵.

Однако власти оставались глухи к таким требованиям, ограничиваясь только внесением небольших коррективов в многочисленные, но не сопряженные между собой юридические акты, регулирующие правовой статус детей и подростков. Об этом, к примеру, свидетельствует утвержденное 22 марта 1903 г. Уголовное уложение, лишь несколько упростившее общий порядок определения ответственности несовершеннолетних, в целом сохранив его в неприкосновенности⁶.

Таким образом, на протяжении рассмотренного периода со второй половины XIX в. до 1917 г. процесс развития регулятивно-правовой базы охраны детства и предупреждения отклоняющегося поведения несовершеннолетних постоянно отставал от насущных интересов дезадаптированных категорий детей и требований прогрессивной части общества, стремившейся организовать реальную социальную поддержку детям-маргиналам, объективно сдерживавшуюся несовершенством законодательного механизма в проведении подобных начинаний. В то же время следует признать, что законодательная стратегия самодержавия в этом вопросе не была тенденциозно политически ориентирована, пыталась считать-

⁴ См.: там же. С. 29.

⁵ См.: Обнинский П. Указ. соч. С. 3; Гарфельд Е. Г. Защита детей от жестокого обращения // Тр. первого Всерос. съезда по семейному воспитанию: В 2 т. СПб., 1914. Т. 2. С. 444.

⁶ См.: Полный свод законов Российской империи. Т. 15. С. 18–19, 107–108, 173–174.

¹ См.: Люблинский П. И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте. М., 1923. С. 21, 225.

² См.: Герард Н. Указ. соч. С. 19–20, 29.

³ См.: Вопрос об охране детства. С. 3.

ся с формирующимся общественным мнением, выражать общенациональные интересы – построение стабильного, гражданского общества, обеспечивающего равные права каждому и гарантирующего помощь тем, кто по разным обстоятельствам оказался социально несостоятельным. Другое дело, что такая интенциональность постоянно наталкивалась на ярко выраженную консервативность властных структур, которые, апеллируя к низкой правовой культуре народа, неспособности его адекватно оценить смысл намеченных преобразований, стремились придать им форму, по их мнению, наиболее соответствующую психическому складу народа, больше склонному к внешнему принуждению следовать социальным предписаниям, чем внутренней потребности их соблюдения. Этим объясняется известная двойст-

Г. Д. Вяхирева,
соискатель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России

ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Согласно уголовному законодательству Российской Федерации наказание представляет собой меру государственного принуждения, назначаемую по приговору суда. Оно применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных УК РФ лишении или ограничении прав и свобод этого лица. Современные нормативные правовые акты делают акцент на том, что целями наказания являются восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений, но не причинение лицу физических страданий или унижение его человеческого достоинства. Это положение уголовного законодательства раскрывает принцип гуманизма, закрепленный в международно-правовых актах¹ и

¹ См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 нояб. 1950 г.). Ст. 3 // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163; О гражданских и политических правах: междунар. пакт от 16 дек. 1966 г. Ст. 7 // Бюл. Верхов. Суда РФ. 1994. № 12.

венность, противоречивость, непоследовательность и тех юридических документов, которые касались правовой защиты несовершеннолетних и мер по недопущению с их стороны преступного поведения.

Библиографический список

1. *Ван-Путерен, М. Д.* Исторический обзор признания внебрачных детей и подкидышей и настоящее положение этого дела в России и других странах / М. Д. Ван-Путерен. – СПб., 1910.
2. *Залеский, В. Ф.* Попечение о беспризорных и покинутых детях / В. Ф. Залеский. – Казань, 1916.
3. *Таганцев, Н. С.* Исследования об ответственности малолетних преступников по русскому праву и проект законоположений об этом вопросе / Н. С. Таганцев. – СПб., 1871.

ст. 21 Конституции РФ, в соответствии с которым никто не может подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению.

Однако в течение нескольких столетий в Российском государстве основным видом наказания были именно телесные наказания. В этой связи актуальным представляется вопрос об их сущности, целесообразности и эффективности применения.

В большинстве юридических словарей телесное наказание характеризуется как мера наказания, заключающаяся в причинении физических страданий. Следовательно, сущностью данного вида наказания является причинение физической боли человеку, а через нее – нравственных страданий в целях формирования у него страха перед возможным наказанием в будущем.

Проблема эволюции применения телесных наказаний в России являлась предметом изучения многих исследователей. При этом среди ученых до настоящего времени не сложилось единого мнения о том, когда в Российском государстве начали применяться телесные наказания. В частности, по этому вопросу существует две точки зрения. Согласно первой из них телесные наказания появились в России в результате монголо-татарского ига. Так, профессор И. Максимович утверждал, что «славяно-

руссы до порабощения монголами имели решительное отвращение от всякого телесного наказания. До татарского периода в этом отношении не имели влияния на наше законодательство даже греко-римские законы»¹. Аналогичного мнения придерживался профессор В. В. Леонтович. Он считал, что причина страшной жестокости наказаний заключалась «в длительной практике национальной системы казней монгольских баскаков по отношению к русскому народу, и поэтому телесные наказания привились к русским обычаям»². Сторонниками такого подхода к появлению телесных наказаний в России являлись профессор М. Ф. Владимирский-Буданов, Н. М. Карамзин, И. Я. Фойницкий³.

Другой точки зрения придерживались историки П. Д. Калмыков, Н. Д. Сергеевский и Н. Г. Таганцев⁴. По их мнению, телесные наказания существовали и до нашествия монголо-татар в связи с укреплением княжеской власти, а также перенесением византийских законов, которыми пользовалась церковь в своем правосудии. Кроме того, телесные наказания применялись к холопам по усмотрению хозяина. Данный факт подтверждается текстом «Русской правды», в которой сказано, что если холоп ударит свободного человека, то оскорбленный может наказать холопа телесно, причем указывался и сам способ: бить «развязавши»⁵.

Мы согласны именно с этой точкой зрения. В качестве аргумента приведем Литовский статут, в который были включены членовредительные наказания: за покушение на убийство или побои, нанесенные

дворянину, отсекалась рука; за кражу отрезалось ухо; за сводничество урезались нос, уши, губы⁶. А ведь Литовская Русь несильно пострадала от монголо-татарского ига.

Таким образом, телесные наказания появились в Российском государстве до нашествия татар, но область их применения была не велика, так как в это время существовала система выкупов и данный вид наказания применялся только к холопам и другим несвободным классам населения. Что касается монголо-татарского ига, то оно способствовало быстрому распространению телесных наказаний, но не являлось причиной их возникновения.

Следует отметить, что в истории существования телесных наказаний в России исследователи выделяют несколько периодов. Так, например, М. Ступин в своей работе «История телесных наказаний в России от судебныхников до настоящего времени» говорит о трех периодах: 1) от судебныхников XVI в. до царствования Елизаветы I – характеризуется применением особенно тяжких, грубых кар; 2) от правления Елизаветы I до Александра II – определяется смягчением этих кар; 3) от Александра II до Николая I – характеризуется постепенной отменой жестоких кар⁷. Другой историк – А. Г. Тимофеев выделял два периода существования телесных наказаний: X – середина XVIII в. – широкое и повсеместное применение данного вида наказания; 2) вторая половина XVIII – начало XX в. – постепенная отмена телесных наказаний⁸.

По нашему мнению, в истории существования телесных наказаний в России можно выделить пять периодов: 1) ограниченное применение телесных наказаний (X – середина XV в.); 2) постепенное расширение области применения телесных наказаний (конец XV – середина XVII в.); 3) ужесточение и повсеместное распространение телесных наказаний (середина XVII – середина XVIII в.); 4) смягчение и

¹ Максимович И. Речь об уголовном наказании в России. Киев, 1853. С. 94.

² Леонтович В. В. К истории права русских инородцев. Одесса, 1879. С. 271.

³ См.: Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1886. С. 82; Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1997. С. 217; Фойницкий И. Я. Учение о наказании. СПб., 1889. С. 155–160.

⁴ См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. СПб., 1902. С. 1134; Калмыков П. Д. Учебник уголовного права. СПб., 1866. С. 236; Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. СПб., 1890. С. 138–140.

⁵ Источник: Калачов В. В. Текст русской правды. М., 1847. С. 13, 14.

⁶ См.: Статут Великого княжества Литовского. СПб., 1811. С. 201–209.

⁷ См.: Ступин М. История телесных наказаний в России от судебныхников до настоящего времени. Владикавказ, 1887. С. 6.

⁸ См.: Тимофеев А. Г. История телесных наказаний в русском праве. СПб., 1904. С. 62.

сокращение применения телесных наказаний (конец XVIII – середина XIX в.); 5) отмена телесных наказаний (конец XIX – начало XX в.). Следует отметить, что указанные периоды выделяются нами условно, так как весьма затруднительно определить их четкие границы. Чтобы аргументировать нашу позицию, охарактеризуем каждый из перечисленных периодов.

1. Ограниченное применение телесных наказаний (X – середина XV в.).

Первым сводом древнерусского права принято считать «Русскую правду», в основе которого лежат преимущественно правовые обычаи X – XI вв. и княжеская судебная практика. Согласно данному документу главными целями наказания являлись возмещение ущерба и возмездие, при этом доминирует имущественная ответственность – в виде системы выкупов (штрафов). Существовали три вида наказания: 1) месть, применение которой закон ограничивал только наиболее серьезным видом преступления – убийством; 2) штраф, причем существовала система двойных денежных взысканий: вира (денежный штраф в пользу князя за убийство свободного человека) – головничество (денежный выкуп, выплачивавшийся убийцей (головником) родственникам убитого), продажа (штраф, уплачиваемый виновным за нетяжкие преступления) – урок (возмещение ущерба, который получал потерпевший, из общей суммы штрафа); поток (изгнание, продажа в рабство, смертная казнь) и разграбление (конфискация имущества).

Телесные наказания назначались за преступления против церкви и религии по определению духовного суда, руководившего византийскими законами, и исключительно по отношению к несвободному населению.

Вместе с тем как вид наказания телесные наказания впервые закрепляются в законодательных документах только в XIII в.: так, Новгород узаконил наказание воров розгами и клеймением в 1270 г.¹, в ст. 5 Уставной Двинской грамоты 1379 г. также раз-

решается клеймить вора: «а татя всякого пятнати»².

В XV в. в Псковской республике была проведена кодификация права, завершившаяся изданием Псковской грамоты 1467 г. Следует отметить, что нормы уголовного права в данном источнике разработаны значительно слабее, чем гражданско-правовые. Все наказания сводились к смертной казни и штрафу (продаже), который поступал князю, его окружению и потерпевшему. Телесные наказания в Псковской грамоте не были закреплены, хотя, возможно, имели место.

2. Постепенное расширение области применения телесных наказаний (конец XV – середина XVII в.).

После освобождения Руси от монголо-татарского ига в XV в. начинается процесс централизации государственного аппарата и соответственно широкого распространения телесных наказаний. В этот период, во-первых, преступление стало считаться злым действием, вредным не только для частных или родовых интересов, но и целого общества. Отсюда наказание являлось карой за преступление, устанавливаемой государством. Во-вторых, возрастает влияние канонического права, способствовавшего формированию системы телесных наказаний в государстве³.

Изменившиеся условия жизни государства требовали издания нового свода законов. Так, в сентябре 1497 г. великим князем Иваном III был утвержден первый общероссийский Судебник, а в 1550 г. составлен обновленный Царский судебник (Судебник Ивана IV). Основные цели наказания заключались теперь в устрашении, изоляции преступника от общества и возмещении ущерба.

Система преступлений и наказаний по сравнению с предшествующим периодом усложнилась. Во-первых, появилось понятие преступления («лихого дела»), означавшего нарушение установленных норм, предписаний и воли государя. Во-вторых, стали выделяться виды преступлений: про-

¹ См.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XII – начала XVI в.: В 7 т. М., 1964. Т. 3. С. 27.

² Двинская Уставная грамота 1379 года // Рос. юстиция. 2006. № 10. С. 58.

³ См.: Развитие русского права в первой половине XVII в. М., 1986. С. 15.

тив государства (крамола, подым), против порядка управления (взятка (посул), казнокрадство, вынесение заведомо несправедливого решения), против личности (убийство (душегубство), оскорбление словом и действием), против имущества (кража (татьба), грабеж, разбой, уничтожение и повреждение чужого имущества). Что касается наказаний, то помимо смертной казни и продажи, в Судебниках официально закрепляются телесные наказания, которые применялись как основной или дополнительный вид, и появляется новый вид наказания – лишение свободы.

Наиболее распространенным видом наказания была торговая казнь, называвшаяся так потому, что осуществлялась публично, на торгу и заключалась в битье кнутом. Торговая казнь назначалась за грабеж, кражу, повреждение межевых знаков боярина и князя¹. В Судебнике Ивана IV наказание кнутом значительно расширилось, причем за одни преступления налагалось простое наказание кнутом, за другие – соединенное с заключением в тюрьму или другими последствиями.

Членовредительные наказания еще не упоминаются в Судебниках. Только в дополнительных статьях к Уставной книге Разбойного приказа, заимствованных из Литовского статута, были выделены следующие преступления, за которые применялся данный вид наказания: 1) за покушение на убийство своего господина слуге полагалось отсечь руку, 2) за убийство отца или матери преступника возили по торгу и рвали тело клещами².

В 1648 г. царь Алексей Михайлович для создания нового закона созвал Земский собор, который продолжал работу вплоть до принятия в 1649 г. Соборного уложения. Согласно данному документу в системе наказаний произошли значительные изменения. В частности, с увеличением видов преступлений (против благочиния, должностные, против нравственности) были

введены и новые виды наказания – ссылка, бесчестящие наказания³.

Телесные наказания стали подразделяться на членовредительные и болезненные. Первые применялись по принципу талиона, о чем свидетельствует ст. 10 гл. XXII: «А если кто ... учинил над кем-нибудь мучительное надругательство, отсечет руку, или ногу, или нос, или ухо, или губы обрежет... и... самому ему то же учинити...»⁴. Отсечение руки полагалось также за использование в драке, приведшей к смерти, какого-либо «подручного средства» (палки, сосуда, камня), рецидив татьбы, обнажение на государевом дворе⁵, покушение и даже только умысел слуги против господина и подлог со стороны низших судебных чинов – подъячих⁶.

В Соборном уложении впервые вводится наказание в виде отрезания уха за вторую кражу, разбой⁷. За неоднократную продажу табака предписывалось вырывание ноздрей и урезание носов⁸. В ст. 10 гл. XIV говорится об урезании языка за ложную присягу. Можно предположить, что к числу членовредительных наказаний относилось также клеймение.

Болезненные наказания заключались в битье кнутом и батогами (тонкими гибкими прутьями). Такие наказания, как мы отметили выше, совершались публично, сначала у приказа, а затем на торгу. Число ударов в законодательстве не регламентировалось и оставалось на усмотрение судьи. Торговой казни подлежали как мужчины, так и женщины, число ударов для которых обычно сокращалось в полтора-два раза. Битье кнутом и батогами могло быть простым и нещадным.

Соборное уложение 1649 г. изменило и цели наказания: помимо возмездия и устрашения, государство ставило своей задачей выделение их из окружающей массы людей, т. е. клеймение.

³ См.: Источники права. Юридические памятники XI–XX вв. / Сост. П. Ю. Савельев. М., 1995. С. 13, 14.

⁴ Там же. С. 134.

⁵ См.: Соборное уложение 1649 года // Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. С. 57.

⁶ Там же. С. 53, 72.

⁷ См.: там же. С. 46, 49, 53.

⁸ См.: там же. С. 123.

¹ См.: Судебник 1497 года // Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1984–1994. Т. 1. С. 54, 55, 57; Судебник 1550 года // Там же.

² Ступин М. Указ. соч. С. 13.

3. Ужесточение и повсеместное распространение телесных наказаний (середина XVII – середина XVIII в.).

В начале XVIII в. Соборное уложение 1649 г. еще продолжало применяться, но фактически потеряло свое значение после государственных преобразований Петра I. Законодательная деятельность императора в области уголовного права была чрезвычайно интенсивной. Исследователи насчитывают 392 указа уголовно-правового характера¹. Кроме того, многие уголовно-правовые нормы содержались в общих актах (инструкциях, наказах, регламентах и т. п.), определявших правовое положение различных звеньев государственного аппарата. Нормы указов и общих актов являлись обычно казуальными. Наибольший интерес из уголовно-правовых документов петровского времени представляет Артикул воинский 1715 г. с кратким толкованием. Согласно данному документу преступлением считалось нарушение буквального предписания закона или неисполнение указа, при этом тяжесть преступления не играла значительной роли. Система наказаний по Артикулу воинскому существенно отличается от Соборного уложения значительным их ужесточением. В частности, телесные наказания стали подразделяться на членовредительные, болезненные и клеймение.

Способы исполнения членовредительных наказаний были весьма разнообразны и в основном направлены на усиление физических страданий виновного: урезание языка, прожигание его каленым железом,² отсечение суставов пальцев, руки³, отсечение носа⁴ и ушей⁵ и т. д. Наказание в виде урезания языка применялось к государственным преступникам, заговорщикам и бунтовщикам. Наиболее распространенным наказанием было рвание ноздрей, которое обычно соединялось с торговой казнью, клеймением, ссылкой на каторгу.

Клеймение заключалось в том, что преступникам накладывали клеймо с изображением орла, а позднее тем, кто находился в ссылке или подвергался торговой казни, клеймили лоб буквой «В».

К болезненным наказаниям по-прежнему относили битье кнутом (простое – до 50 ударов и нещадное), батогами (прутьями, число ударов не регламентировалось приговором) и розгами, плетью (число ударов не указывалось)⁶. Эти виды наказания назначали ворами, разбойникам, государственным преступникам, укрывателям, нерадивым воеводам, нищим, крестьянам, пасущим скот в непопущенном месте, и многим другим. С начала XVIII в. Петр I ввел немецкие шпицрутены (гибкие прутья, метр в длину и около двух сантиметров в толщину). Назначали их за самые разнообразные воинские преступления (чернокнижество, чародейство, идолопоклонство и т. д.).

На флоте за дисциплинарные провинности к матросам применялось битье линьками – кусками каната с узлами.

К болезненным видам наказания также относились заковывание в железо (сковывание рук и ног), ношение на себе седла и ружья, посадение на деревянную лошадь, хождение босиком по деревянным кольям. Назначали данные виды наказания за мало-важные проступки нижних чинов на различные сроки (но не менее одних суток)⁷.

Освобождались от телесных наказаний только дети до семи лет и беременные женщины, которым наказание откладывалось до сорока дней после родов⁸.

4. Смягчение и сокращение применения телесных наказаний (конец XVIII – середина XIX в.).

Область применения телесных наказаний была значительно сокращена лишь в период правления Екатерины II. До этого времени право почти не знало сословных различий по отношению к наказанию. Тор-

¹ См.: Ромашкин П. С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. М., 1947. С. 16.

² См.: Артикул воинский 1715 года с кратким толкованием // Российское законодательство X–XX вв. Т. 4. С. 329, 337, 341.

³ См.: там же. С. 353, 363.

⁴ См.: там же. С. 339, 362.

⁵ См.: там же.

⁶ См.: там же. С. 333, 335, 329, 336, 337, 338, 339, 340, 342, 353, 355, 357, 359, 361, 362.

⁷ См.: там же. С. 329, 330, 335.

⁸ См.: Об отмене в судебных делах очных ставок, о бытии вместо оных расспросу и розыску, о свиданиях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах: Указ от 21 февр. 1697 г. // Полн. собр. законов Рос. империи (далее: ПСЗ). Собр. 1. СПб., 1830. Т. 15, № 1612.

говой казни и битью батогами подвергались и высшие духовные особы, и титулованные светские чины, и представители податных сословий. Первое ограничение было введено в 1765 г. постановлением, смягчающим телесные наказания, назначаемые несовершеннолетним: виновных в возрасте от пятнадцати до семнадцати лет поролы плетью, от десяти до пятнадцати лет – розгами, а от десяти и менее отдавали родителям или помещику¹. В 1775 г. Учреждения для управления губерний запретили учителям наказывать детей телесно², а в 1781 г. телесное наказание преступника кнутом за кражу на сумму менее двадцати рублей было заменено ему работами по месту жительства в течение определенного срока³.

Кроме того, ст. 6 и 15 Жалованной грамоты дворянству от 21 апреля 1785 г. освобождали дворянство от телесных наказаний: «телесное наказание да не коснется благородного»⁴. В том же году данное «изъятие» было распространено на купцов первых двух гильдий и именитых граждан⁵.

Вместе с тем в годы правления Павла I дворяне и горожане снова стали подвергаться телесным наказаниям за уголовные преступления. В 1797 г. в Жалованной грамоте дворянству Император Павел I отменил пункт 15. Теперь к дворянину, признанному виновным в преступлении, могли быть применены телесные наказания в виде битья кнутом и клеймения. Наряду с этим Павел I ввел возрастной предел телесных наказаний – им стал семидесятилетний возраст виновного⁶.

В 1801 г. император Александр I возвратил дворянству и горожанам все льготы, которые они имели при Екатерине II. Также указом от 18 января 1802 г. судебным

местам было запрещено употреблять в приговоре слова «нещадно» и «жестоко»⁷, а в 1812 г. судам предписывалось точно обозначать число ударов. После отечественной войны 1812 г. правительство решительно взялось за еще большее сокращение телесных наказаний. В это время законотворцы признали, что телесные наказания не удовлетворяют целям наказания и требованиям соразмерности содеянному, так как преступник находился целиком во власти палача. Кроме того, учитывалась и бесчеловечность обезображивающих и членовредительных наказаний. Таким образом, к 1817 г. уродования преступников полностью прекратились.

Постепенно наказание кнутом все чаще стало заменяться плетью: в частности, в проекте Уголовного уложения 1813 г. публичное наказание плетью от 5 до 100 ударов, сопровождаемое ссылкой или тюрьмой, назначалось только за убийство, причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилование и другие немногие преступления против личности средней тяжести. Для женщин, кормящих грудью, производство откладывалось на полтора года со времени родов.

Также в 1822 г. отменили многократное сечение. Теперь виновного в нескольких преступлениях секли только за самое тяжкое из них, а в ссылку отправляли после выздоровления.

Отражением изменившегося отношения общества к телесным наказаниям стал Свод законов Российской империи 1835 г. В этом документе торговая казнь встречается лишь в 50 случаях за опасные преступления⁸. Наказание в виде битья кнутом всегда сопровождалось клеймением и ссылкой на каторгу, его назначали за умышленное богохульство, святотатство, преступления против «высочайших особ», бунт, сочинение пасквиля, взятку, убийство, кражу младенца, мужеложство, воровство, грабеж, разбой. При этом число ударов не должно было превышать 50, а за каждый лишний удар судьи платили штраф в размере 200 рублей.

К исправительным наказаниям также относили сечение розгами. Вообще, в

¹ См.: О праве помещиков отдавать неугодных им крестьян в каторжную работу: Постановление от 8 янв. 1765 г. // Российское законодательство X–XX вв. Т. 5. С. 499–502.

² Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства от 21 апреля 1785 г. // Российское законодательство X–XX вв. Т. 5. С. 27, 28.

³ См.: Грамота на права и выгоды городам Российской империи 1785 г. // Там же. С. 93, 122.

⁴ См.: Учреждения для управления губерний 7 ноября 1775 г. // Там же. С. 262.

⁵ См.: ПСЗ. Т. 21, № 15147.

⁶ См.: там же. Т. 24, № 18758.

⁷ См.: там же. Т. 27, № 20115.

⁸ Свод законов Российской Империи: В 16 т. Спб., 1835. Т. 15. С. 73.

XIX в. розги стали наиболее распространенным орудием телесных наказаний. Их применяли всюду: в участках, судах, тюрьмах, школах, войсках и семьях. Это было излюбленное орудие администраторов.

Кроме того, Свод законов расширил перечень категорий населения, освобожденных от телесных наказаний. К ним теперь относились жены и дети купцов 1 и 2-й гильдий, главы еврейского и магометанского духовенства. Мещане и купцы 3-й гильдии могли быть телесно наказаны только по приговору уголовного суда. Облегчение получили и дети: до 17-летнего возраста их не могли публично наказывать. Детей в возрасте от 10 до 15 лет разрешалось наказывать только розгами, а от 15 до 17 лет – плетью.

В 1845 г. Государственный Совет Российской империи принял Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. В этом правовом акте точно определялись порядок назначения и тяжесть наказания. Выделялись семь степеней наказания: за самые тяжкие преступления назначалось до 100 ударов плетью (кну́т был отменен) с клеймением и бессрочной каторгой; далее, по степеням, количество ударов сокращалось до 30–40 в соединении с работами на заводах от 4 до 6 лет¹.

Следует отметить, что теперь целью телесных наказаний было не столько причинение страданий осужденному, сколько предание его позору, чтобы ему стало стыдно за содеянное. Большим достижением было немедленное по окончании казни лечение осужденного, после которого его могли направить в ссылку или на каторгу, раньше же осужденных увозили туда прямо с эшафота.

Как было сказано выше, публичная экзекуция сопровождалась клеймением. Увеличилось число знаков накладываемых букв: К, А, Т, Б, С, В, О, Р, из которых составлялись различные комбинации (КАТ – каторжник, Б – беглый, В – вор)². Освобождались от клеймения женщины и лица, достигшие 70-летнего возраста.

¹ См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Российское законодательство X–XX вв. Т. 6. С. 177, 178.

² См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. С. 17.

В позднейшей редакции Уложения о наказаниях в 1857 г. от телесных наказаний освободили литераторов, иностранных гостей, лиц, окончивших гимназии, высшие и средние учебные заведения, домашних учителей, лиц, имеющих ученую степень, больных грудной жабой, падучей, грыжей и другими тяжелыми болезнями.

Основными инструментами телесных наказаний стали плети и розги. По-прежнему применялись шпицрутены. Но уже четко обозначилась тенденция к их сокращению и отмене. Таким образом, телесные наказания уже не вписывались в изменившиеся общественно-политические условия России XIX в., поэтому предпринимается попытка заменить их первоначальную цель – причинение боли на предание позору. Тем более, что для полной отмены телесных наказаний уже сложились необходимые правовые и нравственные предпосылки.

5. Отмена телесных наказаний (конец XIX – начало XX в.).

К концу XIX в. в большинстве европейских государств телесные наказания были уже отменены. Так, во Франции это произошло в 1791 г., Пруссии – в 1864 г. В обществе нарастало недовольство жестокостью наказаний, однако Александр II опасался проводить кардинальные реформы, стараясь находить компромисс между консерваторами и новаторами. В результате был создан Комитет по рассмотрению вопроса о возможности полной отмены телесных наказаний. Итогом его работы стал указ императора «О некоторых изменениях в существующей ныне системе наказаний уголовных и исправительных» от 17 апреля 1863 г. В соответствии с данным документом телесные наказания не исчезли из русского права, но значительно сократились. В частности, были запрещены плети, клеймение, шпицрутены, истязания женщин всех сословий (исключая ссыльных), солдат (исключая штрафных). В распоряжении палачей остались только розги и наложение оков. Розги применялись: в отношении крестьян по постановлению волостных судов в количестве до 20 ударов; при невозможности заключения преступника в тюрьму – от 3 до 100 ударов; в отношении штрафных солдат – до 50 ударов; на флоте

в отношении нижних чинов – до 200 ударов. Кроме того, в отношении матросов оставалось наказание линьками¹.

Следует отметить, что данный указ не распространялся на волостные суды, созданные в результате крестьянской реформы 1861 г. и широко применявшие наказание розгами.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1866 г. исключило телесные наказания из общего перечня наказаний, однако в ст. 78 устанавливался порядок, согласно которому «в случае явной невозможности подвергнуть виновных заключению ни в рабочем доме, ни в тюрьме оно может для лиц, не изъятых по закону от наказаний телесных, быть заменено наказанием розгами в следующей постепенности: заключение на время от одного года и четырех месяцев до 2 лет – наказанием розгами от 80 до 100 ударов; заключением от 8 месяцев до 1 года и 4 месяцев – наказанием розгами от 60 до 80 ударов».

Законом «Об отмене заключения в смирительном и рабочих домах, о закрытии сих учреждений» от 24 апреля 1884 г. вместе с отменой рабочих и смирительных домов были отменены правила о замене их розгами², а Высочайше утвержденным мнением Государственного Совета об отмене заключения в смирительном и рабочем домах от 25 ноября 1885 г. отменено телесное наказание в качестве замены тюрьмы и ареста³. Теперь наказание розгами от 30 до 40 ударов сохранялось только как наказание, назначаемое судом по ст. 952 Уложения для бродяг, родства непомнящих и за ложное показание перед судом. Но уже Указом «Об отмене ссылки на жительство и ограничении ссылки на поселение» от 12 июня 1900 г. были отменены телесные наказания и за эти проступки⁴.

Таким образом, в государстве развивалась тенденция к полной отмене телесных наказаний.

В Уголовном уложении 1903 г. телесные наказания уже не упоминаются, однако они не отменяются: как дисциплинарная мера для переведенных в разряд оштрафованных и содержащихся в дисциплинарных батальонах по воинским законам; наказание за преступные деяния, подсудные волостному суду; наказание и дисциплинарная мера по Уставу о ссыльных; дисциплинарная мера по отношению к находящимся в арестантских отделениях согласно Уставу о содержащихся под стражей⁵. Окончательно телесные наказания как мера уголовного наказания утратили свою силу в 1904 г.⁶

Таким образом, анализ истории существования телесных наказаний в России свидетельствует об огромной роли, которую они сыграли в развитии Российского уголовного права. Полагаем, что они определяли русскую правовую систему на протяжении девяти столетий. В настоящее время телесные наказания отсутствуют в международном и российском праве, однако не следует считать их напрасной ступенью в развитии права. Главной заслугой эпохи телесных наказаний, на наш взгляд, является существующее сегодня уважительное отношение права к телесной неприкосновенности человека, которое стало прочной основой для реализации принципа гуманизма в обществе.

Библиографический список

1. Евреинов, Н. История телесных наказаний в России / Н. Евреинов. – Пг., 1917.
2. Ступин, М. История телесных наказаний в России от судебников до настоящего времени / М. Ступин. – Владикавказ, 1887.
3. Тимофеев, А. Г. История телесных наказаний в русском праве / А. Г. Тимофеев. – Спб., 1904.
4. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Российское законодательство X–XX вв. / под общ. ред. О. И. Чистякова : в 9 т. – М., 1989. – Т. 6.

¹ См.: *Исаев И. А.* История государства и права России. М., 1996. С. 189.

² См.: ПСЗ. Т. 14, № 2172.

³ См.: там же, № 3316.

⁴ См.: *Собрание узаконений и распоряжений*: В 6 т. Спб., 1901. Т. 5.

⁵ См.: *Уголовное уложение 1903 г.* // Российское законодательство X–XX вв. Т. 9. С. 276.

⁶ См.: *Манифест от 11 августа 1904 г.* // <http://www.rsl.ru>.

В. А. Гашенко,
*старший преподаватель спецкафедры
Института ФСБ России (г. Новосибирск)*

**УЧАСТИЕ ОРГАНОВ БЕЗОПАСНОСТИ
В ФИЛЬТРАЦИОННОЙ РАБОТЕ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(НА ПРИМЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)**

Важным направлением деятельности органов НКВД–НКГБ СССР в годы Великой Отечественной войны было участие в так называемом процессе фильтрации, который представлял собой политическую проверку государственными органами в специально предназначенных для этого лагерях, пунктах или по месту жительства советских граждан – военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену или окружении противника, а также гражданских лиц, проживавших на оккупированной территории или вывезенных при разных обстоятельствах из СССР на территорию Третьего рейха¹.

Необходимость данного вида деятельности, по-видимому, была обусловлена тем, что И. В. Сталин, как известно, питал недоверие ко всем, кто без его санкции побывал за границей, тем более в годы войны, да еще «в стане врага», а потому мог стать «пособником противника» или «предателем Родины». В таком политическом контексте действия советского правительства по надежной изоляции и тщательной проверке вернувшихся на родину советских граждан выглядели естественными и логичными².

Фильтрацией занимались специальные государственные органы (ГУКР Смерш НКО СССР, НКГБ, НКВД, а в последующем – МВД, МГБ СССР), причем ее масштабы и сложность зависели как от ситуации в стране, так и от числа проверяемых,

скорости проверки, серьезности подозрений по отношению к проверяемым³.

Уже в первое военное полугодие, в декабре 1941 г., постановлением ГКО СССР в целях выявления среди бывших военнослужащих Красной Армии изменников Родины начали организовываться проверочно-фильтрационные пункты (ПФП) в пределах армейского тыла. В 1942 г. для проверки бывших военнослужащих была создана сеть спецлагерей, обслуживавших разные участки фронта. В январе этого же года нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия утвердил Временную инструкцию о порядке содержания в спецлагерях НКВД бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и окружении противника. Согласно данному документу организация спецлагерей возлагалась на Управление НКВД по делам военнопленных и интернированных. Летом 1944 г. в связи с увеличившимся потоком возвращавшихся в СССР пленных и репатриантов была разработана и введена новая система фильтрации. После выхода Красной Армии к государственной границе на пограничной линии создается сеть контрольно-пропускных пунктов, а в пограничной полосе на советской территории – сеть ПФП.

В сентябре 1944 г. приказом НКВД был образован Отдел спецлагерей НКВД, переименованный в феврале 1945 г. в Отдел проверочно-фильтрационных лагерей (ОПФЛ). Он включал в себя 9 отделений с различными функциями и занимался содержанием и обеспечением фильтрации спецконтингента. В феврале 1946 г. ОПФЛ был ликвидирован, а его лагеря со всеми наличными кадрами (работниками, охраной), хозяйством, помещениями и транспортом переданы в состав лагерей ГУЛАГа НКВД СССР.

¹ См.: Рябова А. В. Органы, осуществлявшие «фильтрацию» советских граждан в 1940–1950-х годах // Студент и научно-технический прогресс. История: Материалы междунар. науч. студ. конф. Новосибирск, 2002. С. 150.

² См.: Полян П. М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002. С. 545.

³ См.: Рябова А. В. Протоколы допросов проходивших «фильтрацию» советских граждан как исторический источник // Гуманит. ежегодник. Новосибирск, 2004. Вып. 5. С. 154.

Например, с 1943 г. в органах ГУКР Смерш НКО СССР фильтрацию бывших военнопленных и репатриантов координировал 2-й отдел. Непосредственно в боевых условиях эту работу проводили три отделения двух отделов управлений контрразведки Смерш фронтов, а завершалась проверка в спецлагерях НКВД (см.: Смерш: Исторические очерки и архивные документы. М., 2003. С. 228).

Процесс фильтрации выглядел следующим образом.

Первичная проверка бывших советских военнослужащих проводилась на армейских сборно-пересыльных пунктах (СПП) и фронтовых ПФП. Их число не было постоянным и колебалось в зависимости от обстановки на фронтах.

В ходе фильтрации военные контрразведчики осуществляли личный досмотр бывших военнопленных и получали письменные объяснения об обстоятельствах пребывания их в плену. Затем проводился допрос без заполнения опросных листов и анкет. Это было связано с непродолжительностью нахождения (5–10 дней) данных лиц на СПП и ПФП. В дальнейшем на основе анализа полученных материалов оперативные работники Смерш выявляли тех, кто допускал противоречия в своих ответах, и проводили их агентурное изучение¹.

На каждого проверяемого заводилось фильтрационное (учетное) дело, в котором содержались протоколы допроса и заключение по результатам фильтрации. В отношении подозреваемых во враждебной деятельности лиц заводилось дело-формуляр. К нему наряду с анкетными данными приобщались материалы оперативного характера.

После завершения проверки на СПП и ПФП подавляющая часть бывших советских военнослужащих призывного возраста, побывавших в плену, направлялись на пополнение частей действующей армии. Советские граждане, не подлежавшие военному призыву, возвращались к себе домой либо временно использовались на различных вспомогательных работах (в том числе – в рабочих батальонах), а граждане других государств репатриировались на родину. Лица же, не прошедшие через «сито» контрразведки ГУКР Смерш НКО (подозреваемые в сотрудничестве с гитлеровскими спецслужбами, совершении военных преступлений и т. п.) попадали в категорию спецконтингента НКВД, на котором сосредоточивалась основная контрразведывательная работа, заключающаяся в сборе материалов, подтверждавших факты совершенных преступлений. Как правило, это осуществлялось путем агентурно-опера-

тивной разработки подозреваемых уже в спецлагерях НКВД².

Завершался процесс фильтрации во фронтовых проверочно-фильтрационных лагерях (ПФЛ) и тыловых спецлагерях НКВД. На этом этапе органы Смерш задействовали весь арсенал оперативных сил и средств и в первую очередь проверенную агентуру. Также широко применялись оперативно-технические средства и внутрикамерная разработка. При розыске изменников Родины в качестве опознавателей активно использовались переведенные агенты немецких спецслужб.

Во фронтовых ПФЛ проверочная работа продолжалась в течение полутора–двух месяцев. Она строилась с учетом результатов фильтрации на СПП, ПФП и велась в двух основных направлениях – оперативном и следственном.

По прибытии в лагерь бывшие советские военнослужащие повторно подвергались подробным опросам и допросам, вновь заполняли анкеты и опросные листы. Одновременно оперативные работники подбирали из их числа агентуру, которая затем активно использовалась в разработке подозреваемых лиц. Полученные в ходе оперативной проверки данные о возможной преступной деятельности разрабатываемых лиц перепроверялись через возможности других органов госбезопасности и закреплялись показаниями свидетелей и документальными материалами.

С этого момента к проверке подключались следователи отделов Смерш, и начиналась их совместная с оперативным составом кропотливая работа по сбору доказательств преступной деятельности объектов агентурной разработки. При наличии достаточных оснований военные контрразведчики осуществляли с санкции прокурора арест подозреваемого и под прокурорским надзором продолжали дальнейшее следствие³.

В годы войны в Западной Сибири имелось два ПФЛ НКВД СССР. Они были созданы в 1945 г. и дислоцировались на территории Кемеровской области, выделившейся из Новосибирской области в 1943 г. Следует отметить, что в силу тылового располо-

¹ См.: Смерш: Исторические очерки и архивные документы. С. 228.

² См.: там же. С. 229.

³ См.: там же. С. 230.

жения западносибирских ПФЛ в них проводилась «остаточная» фильтрация лиц, уже «отфильтрованных» в европейских лагерях. Один из этих лагерей – Кемеровский ПФЛ НКВД СССР (лагерь № 314) – располагался в г. Кемерово. Списочный состав лагеря на 1 мая 1945 г. составлял 891 человек. Лагерь профилировался на выделении рабочей силы исключительно для предприятий угольной промышленности. Второй лагерь – Прокопьевский ПФЛ НКВД СССР (лагерь № 315) – дислоцировался под г. Прокопьевском Кемеровской области, недалеко от железнодорожной станции Зиньково. Его численность на 1 мая 1945 г. составляла 6346 человек. Этот лагерь также являлся поставщиком рабочей силы для предприятий угольной промышленности¹.

Характер работы органов госбезопасности, проводившейся в указанных лагерях, был аналогичен фильтрационной работе ПФЛ НКВД, находившихся в других регионах СССР. Согласно исследованиям новосибирского историка А. В. Рябовой, большинство прошедших проверку в Кемеровских лагерях лиц направлялись либо в части Красной Армии, либо в трудовые ряды предприятий местного региона. Действительных предателей и изменников выявлялось очень мало (примерно на каждые 100 прошедших фильтрацию человек приходилось 2–3 человека, которые брались в активную оперативную разработку в связи с возникшими подозрениями). Наличие в Сибири относительно небольшого числа настоящих пособников и предателей можно объяснить не их отсутствием вообще, а последствиями эффективной работы предыдущих этапов фильтрационного процесса, через который проходили лица, попадавшие в Западную Сибирь.

В категорию подозреваемых в основном попадали бывшие военнопленные.

Так, например, согласно материалам фильтрационного дела № 512, заведенного в октябре 1944 г. сотрудниками ОКР Смерш спецлагеря НКВД № 0312 (Молотовская область) в отношении Бакалова С. И. и переданного новосибирским чекистам (для дальнейшего агентурного наблюдения за

Бакаловым после отбытия им наказания), его главный фигурант рассматривался в качестве предателя и получил соответствующее наказание по следующим причинам.

Бакалов С. И., 1919 года рождения, уроженец Новосибирской области, бывший колхозник, с началом войны был призван в Красную Армию. В 1942 г. попал в окружение в Смоленской области и сдался немцам в плен. Находясь в лагере для военнопленных в г. Вязьме, он был зачислен «солдатом на черновые работы в полевой госпиталь» в 362-ю стрелковую дивизию Вермахта. В ноябре 1943 г. эту дивизию перебросили с советско-германского фронта в Италию для ведения боевых действий против союзников. В Италии Бакалов С. И. из немецкой дивизии дезертировал и летом 1944 г. сдался в плен англо-американским войскам. Союзники передали Бакалова С. И. советским репатриационным властям, которые в августе 1944 г. отправили его в качестве репатрианта в СССР в Бакинский пересылочный пункт, а оттуда – в спецлагерь НКВД № 0312. После проверки в указанном лагере НКВД в ноябре 1944 г. в отношении Бакалова С. И. было принято решение направить его «для искупления вины кровью» в штурмовой батальон действующей армии. Отбыв в нем срок наказания, Бакалов С. И. вернулся после войны к себе на родину – в Новосибирскую область, где был взят органами госбезопасности на оперативный учет, а в 1952 г. снят с него. Фильтрационное дело Бакалова С. И. было передано в архив (отдел «А») Управления МГБ по Новосибирской области².

Из материалов другого учетно-проверочного (фильтрационного) дела (№ 43578), заведенного в отношении Великих И. С. (1907 года рождения, уроженца Новосибирской области, бывшего разнорабочего), следует, что с началом войны он был призван в Красную Армию, в 1943 г. в боях под г. Белгородом ранен и пленен немцами. Два месяца Великих И. С. находился на излечении в немецких госпиталях. После выздоровления он был направлен в лагерь для военнопленных в г. Николаев, затем – в города Одессу, Макивальд, Бремен, Двинск,

¹ См.: ГАРФ, ф. Р-9408, оп. 1, д. 54, л. 83.

² См.: ГАНО, ф. Р-208, оп. 2, д. 512, л. 5–9.

где в качестве военнопленного работал на шахтах. В апреле 1945 г. добровольно пошел на службу в Русскую освободительную армию (РОА), в которой служил до сдачи в плен Красной Армией 8 мая 1945 г. В боях Великих И. С. участия не принимал. После пленения содержался в лагере НКВД в г. Дрездене, откуда был направлен в ПФП № 207 в г. Кейнинсбрюк, где и прошел первичную фильтрацию через ОКР Смерш 1-й Гвардейской танковой армии. После этого его направили в «спецлагеря НКВД для дальнейшего агентурно-следственного изучения» в места довоенного проживания, т. е. в Новосибирскую область. Вернувшись домой, Великих И. С. попал в Кемеровский ПФЛ НКВД, потом был освобожден, но с 1945 г. и по 1955 г. находился на оперативном учете у местных органов госбезопасности, которые в отношении него проводили негласные проверочные мероприятия. В 1955 г. Управлением КГБ по Новосибирской области было принято решение прекратить фильтрационное дело в отношении Великих И. С. и снять его с оперативного учета, поскольку «в процессе фильтрационной проверки данных о предательско-пособнической деятельности Великих не добыто и по материалам розыска он не проходит»¹.

Кроме окончательной фильтрации в ПФЛ НКВД Кемеровской области и дальнейшей разработки (проверки) после освобождения из лагерей лиц, направленных в Кемеровскую, Новосибирскую и Томскую области как бывших репатриантов, местные органы НКВД–НКГБ осуществляли розыскные мероприятия в отношении лиц, которые по разным причинам избежали фильтрации и могли считаться предателями (пособниками и т. п.) заочно, т. е. объявлялись в розыск на основе показаний попавших в «русский плен» их сослуживцев. Так, например, у новосибирских чекистов после окончания войны и до 1952 г. в местном оперативном розыске находился уроженец Новосибирской области Строинов С., который, согласно показаниям бывших казаков 403-го восточного батальона, репатриированных в 1945 г. из

Европы и доставленных в Красноярский край, «находясь в указанном батальоне с 1943 по 1945 г. на территории СССР, Франции и Югославии, занимался активной карательной деятельностью». Однако в 1952 г. розыск Строинова С. был прекращен, а сам он снят с оперативного учета, поскольку «в г. Новосибирске и Новосибирской области Строинов и его родственные связи установлены не были», а также отсутствовали данные о его участии в тягчайших преступлениях².

После капитуляции Германии в соответствии с Ялтинским соглашением о разоружении всех вооруженных сил Германии и наказании военных преступников взятые в плен западными союзниками в Италии и Германии военнослужащие РОА, а также бойцы «Казачьей дивизии», «Бригады Каминского» и других русских формирований Вермахта были разоружены, переданы советскому командованию и с осени 1945 г. начали эшелонами прибывать в Кузбасс для фильтрационной проверки и выявления среди них карателей – тех, кто участвовал в сожжении деревень, расстрелах, повешениях гражданского населения в Польше (особенно при подавлении Варшавского восстания в августе 1944 г.), Югославии и Италии. Всего на спецпоселение в Кузбасс прибыло из числа бывших военнослужащих РОА и иных формирований до 100 тыс. человек. Выявление среди них военных преступников проводилось в 1945–1950 гг. оперативным и следственным путем с последующей передачей дел на рассмотрение суда³.

Уже после войны, в 1947 г., на спецпоселение в Кузбасс прибыло 27 тыс. человек, выселенных из Западной Украины и Прибалтики, – членов семей участников вооруженных отрядов ОУН–УПА, эстонских, литовских и латышских националистов. К 1957 г. их количество увеличилось на 2 тысячи активных участников ОУН, освободившихся из мест заключения и при-

² См.: там же, д. 420. л. 4.

³ См.: Служение Отечеству: воспоминания, статьи, документы. 1917–2005 гг.: В 2 кн. / Авт.-сост. В. В. Онищенко; Ред. Т. И. Махалова; УФСБ РФ по Кемеров. обл. Кемерово, 2005. Кн. вторая: 1945–2005 гг. С. 22.

¹ ГАНО, ф. Р-208, оп. 2, д. 469, л. 1–29.

бывших на жительство в Кузбасс к своим близким¹.

Управление госбезопасности по Кемеровской области осуществляло оперативное наблюдение за данными лицами. В результате выяснилось, что они устанавливали связи с оуновцами в местах заключения, налаживали переписку с националистическими авторитетами на Западной Украине, пытались создать в Кузбассе свои подпольные группы. Спецпереселенцы из Западной Украины вели себя по отношению к населению Кузбасса отчужденно, общение молодежи и смешанные браки осуждались; исповедуя христианство по унитарному обряду, бывшие оуновцы избегали контактов с русскими православными верующими².

С учетом указанных обстоятельств Кемеровское управление госбезопасности вынуждено было принять меры, направленные на усиление оперативной работы по выявлению и организации разработки среди названных лиц, а также среди тех, кто в прошлом был осужден за активную антисоветскую деятельность, но «идейно не разоружился», тех, кто предпринимал попытки вновь проводить враждебную деятельность. Особое внимание обращалось на то, чтобы не допустить террористических и других враждебных актов со стороны идейных противников советской власти³.

Определенные категории спецконтингента НКВД (власовцы и им подобные) были помещены в ПФЛ Кузбасса не столько для проверки, сколько для отбывания наказания, в связи с чем местные органы НКВД главным образом обеспечивали режим их изоляции, и в меньшей мере искали среди них предателей, поскольку все власовцы и так априорно считались изменниками.

Таким образом, в ходе фильтрации органы безопасности выявляли изменников и агентов спецслужб; получали важную разведывательную информацию, служившую базой для проведения в дальнейшем радиотраекторных игр с противником, внедрения своей аген-

туры в разведшколы противника, дезинформирования врага; осуществляли оперативно-розыскные мероприятия в отношении сибиряков, которые в процессе фильтрации арестованы не были, но на которых дали обвинительные показания другие задержанные в ходе фильтрации лица; с целью проверки политической благонадежности они осуществляли текущий контроль за поведением лиц, уже прошедших проверку и направленных в Западную Сибирь в качестве последнего пункта их пребывания (либо для отбывания наказания в лагерях, как это было с солдатами «Бригады Каминского», либо для работы в трудовых батальонах НКВД, либо для пребывания на режиме спецпоселения).

Вместе с тем многим лицам возвращали их доброе имя (снимали необоснованные оговоры), освобождали в спешке арестованных лиц, а некоторых даже награждали боевыми наградами. Кроме того, органы безопасности в процессе фильтрации решали проблему пополнения рабочих батальонов новой рабочей силой, которая использовалась для восстановления экономики СССР, а также комплектования личного состава Красной Армии, столь необходимого на конечном этапе войны, когда велись ожесточенные последние бои в Европе.

Библиографический список

1. Полян, П. М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине / П. М. Полян. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2002.

2. Рябова, А. В. Органы, осуществлявшие «фильтрацию» советских граждан в 1940–1950-х годах / А. В. Рябова // Студент и научно-технический прогресс. История : материалы междунар. науч. студ. конф. – Новосибирск, 2002.

3. Рябова, А. В. Протоколы допросов проходивших «фильтрацию» советских граждан как исторический источник / А. В. Рябова // Гуманит. ежегодник / Сиб. отд-ние Рос. акад. наук, Ин-т истории. – Новосибирск, 2004. – Вып. 5.

4. Смерш: Исторические очерки и архивные документы. – М., 2003.

¹ См.: Чекисты Кузбасса. 1943–2003 гг. Страницы истории. Кемерово, 2003. С. 119.

² См.: Служение Отечеству: воспоминания, статьи, документы. Кн. вторая. С. 26.

³ См.: там же. С. 27.

В. М. Голубев,
*соискатель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА СУДЕБНЫХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917–1941 гг.)

В результате Октябрьского переворота 1917 г. в России наступил правовой хаос, поскольку новая система советского судостроительства и государственного управления строилась на основе полного отрицания предыдущей государственности.

В соответствии с Декретом о суде № 1 от 22 ноября 1917 г. одновременно с роспуском судебных учреждений и иных государственных органов перестала существовать и система обеспечения исполнения судебных актов. Этот документ в соответствии с теоретическими воззрениями В. И. Ленина предусматривал полную ликвидацию органов буржуазной юстиции. Были упразднены институты судебных следователей, прокурорского надзора и адвокатуры. Исключением стала система мировых судей, деятельность которых все же приостанавливалась. В январе 1918 г. «старые» суды были закрыты большевиками. Судебные следователи и судебные приставы сдавали новой власти имеющиеся на руках дела и имущество. К нежелающим подчиниться этим требованиям сначала обращались в Петрограде через газеты, а затем к приставам и следователям применялись репрессивные методы¹. Все говорит о том, что судебная система в первые годы советской власти находилась не в кризисе, как утверждает, например, А. Смыкалин², а практически полностью перестала существовать ввиду ее разрушения.

А. И. Деникин, описывая наступление белой армии на Москву, указывал, что в Харьковской области «одни судебные деятели были казнены, другие уведены в качестве заложников (67 лиц). Достоин внимания, что из числа уцелевших чинов харьковской магистратуры и прокуратуры ни один, не визи-

рая на угрозы и преследования, не поступил в советские судебные учреждения. На место старых установлений заведены были «трибуналы» и «народные суды», подчиненные всецело губернскому исполнительному комитету. Глубоко невежественные судьи этих учреждений не были связаны никакими ограничениями в отношении способов открытия истины и меры наказания, руководствуясь... интересами социалистической революции и социалистическим правосознанием. Практика этих судов, как свидетельствовали оставленные ими дела, была полным издевательством над правом и человеческой совестью или пошлым анекдотом»³. Таков был взгляд представителя Белого движения на социалистическое правосудие во время Гражданской войны.

В январе 1918 г. под руководством левого эсера наркома юстиции И. З. Штейнберга началась разработка нового законопроекта о суде, названного в историко-правовой литературе Декретом о суде № 2. Данный документ, утвержденный ВЦИК РСФСР 15 февраля 1918 г., устанавливал, что исполнение решений суда, вплоть до особого декрета о выборных органах исполнения, должно производиться в действовавшем ранее порядке Красной гвардией. Все решения суда исполнялись немедленно, и подача кассационной жалобы не останавливала исполнения, если только не было специального постановления суда первой или кассационной инстанции по этому вопросу⁴. Однако Гражданская война помешала созданию выборного органа исполнения, и он так и не был создан в советский период.

В июле 1918 г. состоялся второй Всероссийский съезд губернских и областных комиссаров юстиции, где была обсуждена Инструкция для местного народного суда, в которой были определены основные положения организации суда и судопроизводства. Решения данного съезда были положены в основу Декрета о суде № 3, опубликованного 20 июля 1918 г.

¹ См.: Кудинов О. А. Конституционные проекты Белого движения и конституционно-правовые теории российской белоэмиграции (1918–1940 гг.), или За что их расстреливали и депортировали (для тех, кто хочет понять смысл права). М., 2006. С. 203.

² См.: Смыкалин А. Создание советской судебной системы // Рос. юстиция. 2002. № 2. С. 39.

³ Деникин А. И. Большеви́стское наследие в освобожденных районах. Повстанчество и махновщина // О. Е. Кутафин, В. М. Лебедев, Г. Ю. Семигин. Судебная власть в России: В 6 т. М., 2003. Т. 5. С. 147.

⁴ См.: Курс советского гражданского процессуального права: В 2 т. / Отв. ред. А. А. Мельников. М., 1981. Т. 2: Судопроизводство по гражданским делам. С. 413.

В дальнейшем порядок в местных судах и других судебных органах обеспечивался вначале Красной гвардией, а затем и местной милицией. Она же исполняла судебные приговоры. Решения по гражданским делам и различного рода денежные взыскания возлагались на судебных исполнителей, о которых говорится в Положении о народном суде РСФСР, принятом декретом ВЦИК РСФСР от 30 ноября 1918 г. «Об утверждении Положения о народном суде РСФСР». Данным Положением были утверждены единые народные суды, приговоры которых могли быть обжалованы в кассационном порядке в губернский совет народных судей.

Статья 82 Положения о народном суде РСФСР, утвержденного декретом ВЦИК РСФСР от 27 октября 1920 г., устанавливала, что приговоры приводятся в исполнение органами милиции, а решения и всякие денежные взыскания – судебными исполнителями или органами милиции. Подобная альтернативность исполнения решений суда приводила к недостаточному правовому развитию института судебных исполнителей, их вторичности по отношению к сотрудникам милиции.

Необычные условия формирования системы советского судостроительства того периода, а также характер исполнения решений судов и внесудебных органов наиболее ярко отразились в биографии основоположника чувашской советской поэзии Михаила Сеспеля (Михаила Кузьмича Кузьмина, 1899–1922). Так, будучи двадцатилетним молодым человеком, 3 сентября 1920 г. он стал председателем революционного трибунала Чувашской области, а в октябре того же года возглавил областной отдел юстиции (следует также отметить, что и первому наркому юстиции Г. И. Оппокову в 1917 г. было всего 29 лет). Данные назначения были сделаны, несмотря на возраст и отсутствие юридического образования. Вскоре Сеспель сам стал заниматься подбором квалифицированных юридических кадров, стремясь организовать курсы по подготовке народных судей. Он как человек честный и бескомпромиссный начал бороться с фактами присвоения высокопоставленными советскими чиновниками конфискованного имущества, но вскоре сам был ложно обвинен в поджоге здания, в котором размещался областной отдел правосудия, однако в ав-

густе 1921 г. уголовное дело в отношении молодого поэта было прекращено¹.

«Красный террор» во время Гражданской войны в России привел к массовым репрессиям со стороны оперативных комиссаров ВЧК, т. е. внесудебным процедурам. Но они имели место и по окончании Гражданской войны. Так, 29 сентября 1921 г. в Якутской губернии местный ревком своим постановлением уполномочивал губчека во внесудебном порядке бессрочно заключать в места лишения свободы, конфисковывать имущество у кулаков, торговцев и др. При этом данное нормативно-правовое предписание имело существенное расхождение с положениями федеральной политики².

В ноябре 1922 г. было принято Положение о судостроительстве РСФСР, положившее начало судебной реформе, в результате которой была создана единая судебная система: народный суд в составе постоянного народного судьи и двух народных заседателей; губернский суд; Верховный суд РСФСР и его коллегии.

В Московском губернском суде в 1923 г. исполнительная часть, куда входил один судебный исполнитель, находилась в секретарском отделении судебной коллегии по гражданским делам, наряду с учетно-регистрационной частью, секретариатом и другими вспомогательными подразделениями. Исполнитель обслуживал исключительно гражданский отдел. Его работа также заключалась в проверке взысканных сумм по решениям и приговорам губернского суда, районных судов г. Москвы и судов губернии. При народных судах были также судебные исполнители. Как правило, они закреплялись за судьями, и их количество зависело от численности и состава суда. Данный принцип сохранялся на протяжении всего советского периода.

В 1923 г. вступили в силу Инструкция о порядке приведения в исполнение решений по гражданским делам и Таксы оплаты действий судебных исполнителей. В граж-

¹ См.: Шушпанова Л. Ю. Неизвестные страницы из жизни Михаила Сеспеля // Бюл. М-ва юстиции РФ. 2004. № 12. С. 107–109.

² См.: Пономарева В. В., Шаталов Е. А. Нормативно-правовая основа оперативно-служебной деятельности чрезвычайных комиссий на территории Восточной Сибири (1920–1921 гг.) // Рос. юстиция. 2006. № 11. С. 52.

данском отделе один из членов Московского губернского суда был назначен для руководства и наблюдения за деятельностью судебных исполнителей. Не реже двух раз в месяц в отделе проводились совещания исполнителей г. Москвы для совместного разрешения спорных вопросов и надлежащего инструктирования. Так, одно из совещаний проводил заместитель председателя губернского суда Ф. И. Вольфсон¹. Данный факт позволяет сделать вывод, что руководство губернского суда уделяло большое внимание налаживанию должного исполнения решений суда, понимая важность института судебных исполнителей.

Уездные суды согласно постановлениям ВЦИК РСФСР от 7 июля 1923 г. и 16 октября 1924 г. возглавляли уполномоченные губернского суда в уезде (районе). Они наряду с исполнением текущей работы по своему участку наблюдали за работой действовавших на территории уезда нотариата, бюро коллегий защитников, судебных исполнителей².

Судебные исполнители привлекались к дисциплинарной ответственности коллегией губернского суда. Так, например, в 1923 г. из 47 дисциплинарных производств в Московской губернии по трем были привлечены судебные исполнители. Дисциплинарные производства возбуждались исключительно пленумом губернского суда, председателем суда и прокуратурой, как требовало Положение о судеустройстве³.

Порядок принудительного исполнения подробно регламентировался ГПК РСФСР 1923 г., где в пятой части появились нормы, которые обеспечивали своевременное и точное исполнение решений суда, определяли порядок обращения взыскания на имущество, охрану интересов государства и трудящихся при взыскании по исполнительным листам с государственных учреждений. Очередность при распределении взысканных сумм была определена ст. 266. Так, в первую очередь гасилась задолженность по заработной плате, возмещался ущерб, причиненный здоровью, выполнялись алиментные обязательства. Статья 289 устанавливала размер

периодического взыскания с заработной платы – не более 50 %⁴.

Однако не все категории исполнительных документов реализовывались судебными исполнителями. Так, согласно циркуляру Совнарсуда № 115 от 16 декабря 1923 г. председателям уездных совещаний судей предписывалось исполнение приговоров по продналоговым делам в части конфискации продуктов натурой или имущества осужденных поручать продналоговой инспекции при содействии милиции⁵. Вселение и выселение граждан производили также сотрудники милиции, как и взыскание штрафов с физических лиц, исполнение приговоров.

Активное участие в исполнении мелких судебных решений принимали сельские советы, особенно в Сибири, где судьи самостоятельно решали, исполнение каких судебных решений можно поручить сельским советам. Так, пленум Сибирского краевого суда в 1928 г. постановил передать сельсоветам исполнение судебных решений по всем алиментным делам, трудовым делам до 15 руб. включительно и всем остальным делам до 25 руб. включительно, а также производство описей имущества по всем делам⁶.

Согласно циркуляру № 3 Московского губернского суда от 15 января 1925 г. вызовы в суд лиц повестками производились через волостные исполкомы и сельские советы. По всем гражданским делам частного обвинения рекомендовалось при получении от сторон заявления назначать дело к слушанию и выдавать на руки заявителю повестки о вызове всех лиц, подлежащих явке в суд. Исполнение приговоров в отношении осужденных к принудительным работам по волостям производилось через волысполкомы и сельсоветы, в городах – через аппарат уездного исполкома; в отношении лишения свободы и по всем самогонным делам поручалось милиции; в отношении осужденных к штрафам, так же как и решений по гражданским делам, поручалось судебному исполнителю, в слу-

⁴ См.: Курс советского гражданского процессуального права. Т. 2: Судопроизводство по гражданским делам. С. 439.

⁵ См.: Московский областной суд. Документы и материалы. 1923–1925 гг. С. 64.

⁶ См.: Абдулин Р. С. Кадровое и организационное обеспечение судебной системы после Октябрьской революции 1917 года // Рос. юстиция. 2006. № 6. С. 72.

¹ См.: Московский областной суд. Документы и материалы. 1923–1925 гг. М., 2003. С. 109.

² См.: там же. С. 11–12.

³ См.: там же. С. 17.

чае отсутствия судебного исполнителя – волисполкомам и сельсоветам¹.

Медлительность в исполнении решений суда, в том числе по жилищным делам, подтолкнула пленум Московского губернского суда 15 ноября 1924 г. создать при гражданском отделе суда аппарат для наблюдения за работой судебных исполнителей, который был назван столом надзора. На него возлагались функции наблюдения, контроля за работой судебных исполнителей и регулярные ревизии их финансовой отчетности.

Следует также отметить, что, например, в Московской губернии в 1925 г. судебных исполнителей было всего 20 человек, т. е. один сотрудник на 10 волостей². Неудивительно, что исполнение решений судов занимало в среднем до 4–5 месяцев. В этой связи в плане работы Московского губернского суда, нар-судов и нотариата на 1926–1927 гг. для судебных исполнителей была даже установлена ежемесячная норма окончания дел – 100 дел в г. Москве и городских уездных участках, а в сельской местности, не считая периодических, – 50 дел³. В 1927 г. в Московской губернии работало уже 139 судебных исполнителей⁴. Остаток неисполненных решений на 1 января 1927 г. составил в г. Москве – 17 850, по уездам – 6 904, из них алименты в г. Москве – 6 012, а в уездах – 2 340. Исполнено по всей Московской губернии было 32 607 решений⁵. Гражданских дел поступило в суды Московской губернии в 1926 г. 278 603, было окончено 247 788, данное поступление по сравнению с 1923 г. выросло на 225,6 %⁶.

Особую сложность для судебных исполнителей вызывали алиментные дела в сельской местности. Перед исполнителем вставали многие препятствия, определяемые положением дел на селе. Решения о взыскании алиментов либо оставались неисполненными, либо приводили к полному разорению крестьянского двора ответчика⁷.

¹ См.: Московский областной суд. Документы и материалы. 1923–1925 гг. С. 241.

² См.: Рыбников В. В., Алексушин Г. В. История правоохранительных органов Отечества: Учеб. пособие. М., 2007. С. 147–148.

³ См.: Московский областной суд. Документы и материалы. 1923–1925 гг. С. 16.

⁴ См.: там же. С. 133.

⁵ См.: там же. С. 164.

⁶ См.: там же. С. 186.

⁷ См.: там же. С. 287–288.

Однако не только исполнение решений суда о взыскании алиментов вызывало трудность у судебных исполнителей. Взыскивалась также и заработная плата, имелись случаи попыток со стороны должников утаивать имущество от ареста. Так, С. Березовская в статье с красноречивым названием «Гляди в оба», описывая жизнь нотариальной конторы в 1920-е гг., рассказывает о попытке гражданина совершить акт дарения всей своей обстановки своему знакомому. В ходе расспросов удалось выяснить, что дело совсем не в сердечной доброте гражданина, а в судебном исполнителе, который должен был наложить арест на всю эту обстановку за имеющиеся долги по заработной плате⁸.

Исследователи отмечают, что исполнение судебных решений было делом чрезвычайной сложности, так как на смену отлаженной бюрократической судебной системе пришли люди, по существу не подготовленные не только для отправления правосудия, но и для исполнения судебных решений⁹. Так, в составе судебных исполнителей Сибирского края партийно-комсомольские кадры составляли 65 %, рабочие – 30 %. Все они были недостаточно квалифицированными специалистами, имели слабую юридическую подготовку (окончивших краевые юридические курсы было всего 2 человека) и небольшой стаж работы. Последнее обстоятельство являлось следствием большой текучести личного состава судебных исполнителей вследствие низкой заработной платы. Это также способствовало росту массовых растрат, пик которых пришелся на 1926–1927 гг. В результате в 1928 г. заработная плата судебным исполнителям была повышена до 80 руб.¹⁰

Низкая квалификация судебных работников, к которым относились судебные исполнители, была вызвана и массовой высылкой за границу правоведов, работавших в юридических учебных заведениях России до революции. Так, по подсчетам современного исследователя Г. С. Стародубцева, примерно 90 % от общего числа профессоров и доцентов-правоведов покинули Россию¹¹.

⁸ См.: Березовская С. Гляди в оба // Московский областной суд. Документы и материалы. 1923–1925 гг. С. 45.

⁹ См.: Абдулин Р. С. Указ. соч. С. 71.

¹⁰ См.: там же. С. 71.

¹¹ См.: Кудинов О. А. Указ. соч. С. 34.

Данные обстоятельства наложили свой отпечаток на весь период развития советского судоустройства. Проблема подготовки квалифицированных правоведов для судебно-следственных органов, органов юстиции и прокуратуры оставалась актуальной в течение практически всего советского периода.

В июне 1926 г. Народный комиссариат юстиции РСФСР (далее: Наркомюст) внес в Совет Народных Комиссаров РСФСР проект нового Положения о судоустройстве, которое было принято 3-й сессией 12-го созыва ВЦИК РСФСР и введено в действие его постановлением от 19 ноября 1926 г. Глава 13 данного Положения определяла место и роль судебных исполнителей в судебной системе. Последние состояли в штате при губернских и народных судах и выполняли действия, возлагаемые ст. 225 ГПК РСФСР и 121-а и 459 УПК РСФСР (ст. 91 Положения). В примечании к данной статье Положения указывалось, что исполнение судебных решений, а также земельных комиссий может быть возложено на волостные комитеты и органы милиции.

Судебные исполнители назначались на должность и увольнялись распоряжением председателя губернского или окружного суда. Исполнители при губернском суде содержались за счет государственного бюджета, а при народном суде – местного бюджета. Судебным исполнителем мог быть любой гражданин, пользующийся избирательными правами, если он прослужил в течение одного года на какой-либо из должностей в органе советской юстиции или выдержал соответствующее испытание при губернском суде. Лица, исключенные из общественных организаций за порочащие проступки и поведение, не могли назначаться судебными исполнителями в течение трех лет со дня исключения, если они до истечения этого срока не были реабилитированы, а осужденные за преступления – до полного погашения судимости.

Характеризуя в целом правовые основы деятельности судебных исполнителей в советское время, следует отметить, что им была отведена в Положении о судоустройстве отдельная глава, наряду с нотариатом, следователями, защитниками. Это говорит о том, что законодатель их рассматривал как отдельный институт при судебной власти, со своими целями и задачами, особым статусом.

Как мы уже отмечали выше, в СССР сложилась двойственная система исполнения судебных решений, что не могло не отразиться на качестве и оперативности исполнении судебных решений. Данное обстоятельство вызвало межведомственную дискуссию об исключительном праве исполнять судебные решения между органами милиции по линии НКВД и судебными исполнителями со стороны Наркомюста. Последний со страниц «Еженедельника советской юстиции» отстаивал позицию об ответственности судебных органов за исполнение решений через судебных исполнителей при предоставлении судам соответствующих прав в области руководства. Признавалось целесообразным произвести полную передачу функции исполнения судебных решений исключительно судебному аппарату (судебным исполнителям), лишив данных полномочий органы милиции.

Однако, как отмечает Р. С. Абдулин, для реализации подобных задач необходимо было увеличить штат судебных исполнителей по всей стране, максимально приблизив его к норме – один судебный исполнитель на один административный район¹. Вследствие этого возникал вопрос о дополнительном финансировании штатной численности. Наркомюст понимал, что экономия здесь политически себя не оправдывает, а расширение полномочий судебных исполнителей должно быть выгодно для государства. Кроме того, ряд советских учреждений и организаций для исполнения массовых взысканий содержали свой исполнительный аппарат в виде кредитных товариществ и Госсельскладов. При ликвидации данных органов исполнения с передачей их функций судебным исполнителям можно было смягчить финансовые последствия реформы. Вносились также предложения районным исполнительным комитетам содержать судебных исполнителей за счет исполнительского сбора, а для этого ставился вопрос о разрешении в законодательном порядке часть сумм поступающих штрафов направлять в местный бюджет. Становление механизма исполнения судебных решений продолжалось и в последующие годы развития Советского государства.

16 августа 1938 г. был принят Закон о судоустройстве СССР, союзных и авто-

¹ См.: Абдулин Р. С. Указ. соч. С. 71–72.

номных республик, который повлек за собой изменение инструкций о порядке исполнения судебных решений. Так, 28 сентября 1939 г. Наркомюстом была принята инструкция о порядке исполнения судебных решений, которая упорядочивала и регламентировала как общие вопросы исполнения судебных решений, так и многие конкретные вопросы. Был определен порядок взыскания с государственных учреждений, предприятий и организаций и исполнения по отдельным категориям дел – алиментам, жилищным делам; а также обращения взыскания на заработную плату и имущество (в том числе строение), реализации арестованного имущества, вручения денег взыскателю и распределения денежных средств между несколькими взыскателями; упорядочивались исполнение решений суда, обязывающих должника выполнить какие-либо действия, приостановление и прекращение исполнительных производств. Специальный раздел был посвящен обжалованию действий судебного исполнителя. Также подробно регламентирова-

И. И. Олейник,
заместитель начальника
Ивановского филиала ВЮИ ФСИН России
по учебной и научной работе
доктор юридических наук, доцент

ОРГАНИЗАЦИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ РАБОТНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ (1917–1941 гг.)

После Октябрьской революции, в первый год становления молодого Советского государства, юридическое образование не претерпело серьезных изменений. Так, в отчете МГУ указывалось: «...Весь 1918 год прошел для юридического факультета все еще в обстановке дореволюционного уклада... Влияние революции не отразилось за эти годы сколько-нибудь существенно ни на составе профессуры, ни на учебных планах факультета... Большинство студенчества, все еще рекрутировавшегося из непростых слоев населения, шло за буржуазной профессурой»¹.

¹ Цит. по: *Шебанов А. Ф.* Юридические высшие учебные заведения. М., 1963. С. 36.

лись в Инструкции делопроизводство и отчетность судебных исполнителей. То есть принятие данной Инструкции способствовало наведению порядка при исполнении судебных решений. В ней окончательно был сформирован механизм исполнения судебных решений, существовавший в последующие 1930–1940-е гг. Таким образом, в первые десятилетия советской власти сформировалась публично-правовая модель организации принудительного исполнения, когда судебный исполнитель и сотрудники всех вовлеченных в этот процесс организаций состояли на государственной службе.

Библиографический список

1. *Абдулин, Р. С.* Кадровое и организационное обеспечение судебной системы после Октябрьской революции 1917 года / Р. С. Абдулин // Рос. юстиция. – 2006. – № 6.
2. Московский областной суд. Документы и материалы. 1923–1925 гг. – М., 2003.
3. *Смыкалин, А.* Создание советской судебной системы / А. Смыкалин // Рос. юстиция. – 2002. – № 2.

Первого октября 1918 г. был обнародован декрет СНК РСФСР «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений», по которому профессора и преподаватели, проработавшие в данном вузе более 10 лет или имевшие более 15 лет общего педагогического стажа, должны были пройти конкурс. В процессе конкурсного отбора, проводившегося со всей строгостью «революционного правосознания», значительная часть старого преподавательского состава была под различными предлогами отстранена от работы.

Несмотря на усилия большевистского режима по коренному изменению социальной принадлежности учащихся, большинство студентов в первые годы советской власти по своему происхождению были выходцами из непростых слоев населения².

Однако весной 1919 г. большевистское правительство взяло курс на свертывание

² См.: *Ганин В. В.* Государственная политика в области подготовки юридических кадров России (конец XIX–XX вв.): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003. С. 236.

юридических факультетов в университетах. В марте 1919 г. Наркомпросом РСФСР было издано Положение о факультете общественных наук, согласно которому юридические факультеты упразднялись и взамен них создавались факультеты общественных наук (далее: ФОН). В составе ФОН предполагалось открыть три отделения: 1) юрико-политическое, 2) экономическое и 3) историческое. На юрико-политическом отделении должны были читаться курсы: по истории права и государства; эволюции политической и юридической мысли; публичному праву Советской республики; социальному праву; криминальной социологии и политике, рабочему праву и социальной политике; истории международных отношений и международному праву, социальной гигиене и санитарии¹.

В середине 1920-х гг. ФОН были упразднены, а вместо них открыты факультеты советского права. Это было сделано в целях упорядочения преподавания юридических дисциплин, систематизации и углубления подготовки юристов новой формации. Декретом СНК РСФСР «Об изменении сети высших учебных заведений» от 8 августа 1924 г.² были ликвидированы факультеты общественных наук в Саратовском и Ростовском университетах; факультеты общественных наук Иркутского и Среднеазиатского университетов были реорганизованы в факультеты права и хозяйства. Срок обучения на них составлял 4 года³.

Самостоятельную группу учебных заведений, где преподавались юридические дисциплины, представляли школы милиции, система которых начала формироваться уже в первые послереволюционные годы.

В 1918–1921 гг. в Москве, Петрограде и ряде других городов России, а также на территории Белоруссии, Украины, Закавказья по мере установления там советской власти были открыты милицейские школы и курсы. Продолжительность обучения в них не превышала 3 месяцев.

На основании приказа Главного управления милиции РСФСР от 17 января 1921 г. стали создаваться курсы для командного состава при губернских управлениях милиции. Спустя год было организовано 46 курсов, общая численность обучающихся на них составила почти 2,5 тыс. сотрудников⁴. Кроме того, в системе НКВД РСФСР были организованы постоянно функционирующие учебные заведения со сроком обучения 6 месяцев: пять губернских школ среднего комсостава, три губернские школы младшего командного состава и 20 школ милицейского резерва. В частности, в 1922 г. школа милиции была создана при Владимирском губернском управлении милиции.

Всего в РСФСР в 1922 г. действовало до 50 школ и курсов милиции, на которых обучалось до 4 тыс. курсантов. Однако к концу 1923 г. из-за недостатка финансирования осталось только 13 школ.

С 1924 г. сформировалась трехзвенная система школ милиции: а) школы или курсы среднего командного состава милиции в Ленинграде, Омске, Новочеркасске, Харькове, Минске, Тбилиси, Оренбурге; б) губернские школы младшего комсостава милиции; в) школы резервов милиции.

Всего с 1921 по 1925 г. из школ милиции РСФСР было выпущено более 4 тыс. человек⁵.

На 1 января 1930 г. в ведении НКВД РСФСР были восемь школ, находившихся на государственном бюджете. Кроме того, в подчинении местных органов милиции имелось 67 курсов и школ по подготовке милиционеров и младшего начсостава.

Постановлением СНК РСФСР от 9 июля 1930 г. предусматривалось открытие в Москве Института административного строительства с тремя факультетами: административно-милицейским, научно-технической экспертизы и расследования, исправительно-трудовым. Срок обучения в институте составлял 3 года, и готовили там кадры старшего начальствующего состава. В свя-

¹ См.: Очерки по истории юридических научных учреждений в СССР. М., 1976. С. 37.

² См.: Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1924. № 68.

³ См.: Шебанов А. Ф. Указ. соч. С. 43.

⁴ См.: Филиппова Л. Е. Формирование образовательных учреждений НКВД в период становления Советской России как часть общей кадровой политики правоохранительных органов // Вестн. Владим. юрид. ин-та. 2007. № 1(2). С. 105.

⁵ См.: там же. С. 106.

зи с тем, что НКВД РСФСР в конце 1930 г. был упразднен, институт перешел в ведение ОГПУ, так же, как и все органы милиции. В 1931 г. институт был реорганизован в Центральную высшую школу Главного управления РКМ со сроком обучения в один год (трехлетний срок в условиях острой нехватки кадров был признан слишком продолжительным). Тогда же, в 1931 г., в Ленинграде, а в 1932 г. в Москве открылись две школы для подготовки старшего начальствующего состава, где срок обучения составлял 10 месяцев. Кроме того, кадры среднего начальствующего состава готовили девять школ, которые ежегодно выпускали более 1600 специалистов; а кадры младшего начальствующего состава – милицмейские курсы¹.

После 1934 г., когда был образован НКВД СССР, система подготовки и переподготовки милицмейских кадров перешла в его ведение. Сеть школ милиции расширилась и укрепилась. В Москве, Тбилиси, Ташкенте, Ленинграде и Кйеве организованы школы старшего начсостава милиции. Количество школ среднего начсостава удвоилось (они функционировали в Москве, Алма-Ате, Минске, Тбилиси, Воронеже, Горьком, Куйбышеве, Ленинграде, Новочеркасске, Одессе, Полтаве, Саратове, Свердловске, Смоленске и Харькове). В них обучалось 4750 курсантов². В 1936 г. Центральная высшая школа НКВД СССР и все школы старшего и среднего начальствующего состава были переведены на двухгодичное обучение. В 1937 г. в Москве начала работу заочная Центральная школа рабоче-крестьянской милиции.

Вместе с тем следует отметить, что преподавание юридических дисциплин в милицмейских школах в 1920–30-е гг. было достаточно ограниченным. Собственно говоря, юридического образования данные учебные заведения не давали, а осуществляли профессиональную подготовку кадров для милицмейского ведомства.

¹ Подробнее см.: Гольдман В. С. Из истории создания и развития сети школ милиции в СССР (1918–1937) // Актуальные проблемы историко-правовой науки. Саратов, 1982. С. 60–61; Органы и войска МВД России: Крат. ист. очерк / Под ред. А. Г. Горлова. М., 1996. С. 256.

² См.: Ганин В. В. Указ. соч. С. 187.

Что касается работников юстиции, то в учебных заведениях своего ведомства они получали более широкую правовую подготовку. Но первоначально основная масса судей, прокуроров, следователей юридические знания получала также через сеть правовых курсов и школ.

Открытие областных юридических курсов осуществлялось в соответствии с Постановлением СНК РСФСР от 22 декабря 1922 г. и в течение 1920-х гг. они были организованы в Ленинграде, Ярославле, Саратове, Ростове-на-Дону, Перми, Иркутске, Свердловске.

В 1929 г. руководство работой юридических курсов было передано из Наркомпроса в ведение Наркомюста. В 1931 г. в связи с ликвидацией НКВД РСФСР Наркомюсту была передана также вся сеть учебных заведений по подготовке и переподготовке работников исправительно-трудовых учреждений³.

В начале 1930-х гг. в СССР существовала следующая система начальной юридической подготовки и переподготовки сотрудников органов юстиции⁴.

Низшее звено: 1) юридические курсы по подготовке рабоче-крестьянского актива с шестимесячным сроком обучения без отрыва от производства; 2) трехмесячные курсы для подготовки секретарей судов, судебных исполнителей и нотариусов; 3) шестимесячные курсы по переподготовке работников исправительно-трудовых учреждений (без отрыва от производства).

Среднее звено: 1) дневные рабфаки при институтах советского права с трехгодичным обучением; 2) вечерние рабфаки при тех же вузах с четырехгодичным курсом обучения; 3) краткосрочные курсы по подготовке национальных кадров для правовых вузов; 4) межрайонные одногодичные национальные школы по подготовке районных работников юстиции для автономных областей и республик с судебнопрокурорско-следственным и исправительно-трудовым отделениями; 5) одногодичные областные (краевые) областные курсы по подготовке районных работников юсти-

³ Согласно Постановлению СНК и ЦИК СССР от 15 декабря 1930 г. в состав Наркомюста РСФСР было передано Главное управление местами заключения.

⁴ См.: Сов. юстиция. 1932. № 33. С. 23–24.

ции с такими же отделениями; 6) шестимесячные областные (краевые) юридические курсы по переподготовке той же группы работников с теми же двумя отделениями.

В 1935 г. годичных правовых школ в СССР насчитывалось 31, в них обучалось 10300 слушателей, на шестимесячных курсах – 1750 человек¹. В 1936 г. правовые школы и курсы было решено преобразовать в учреждения по переподготовке кадров². Таким образом, для получения юридического образования нужно было поступать в высшие учебные заведения.

Если говорить о становлении системы высшего юридического образования в СССР, то важным этапом для него стал рубеж 1920–30-х гг. К этому времени среди руководителей Советского государства все более укреплялось мнение о необходимости получения правовой подготовки работниками суда, прокуратуры, следствия. Так, по признанию А. Я. Вышинского, прежде данному вопросу уделялось мало внимания, так как сильны были представления о том, что «...юридическое образование не нужно, что можно обойтись не только без римского права, но и без советского права, которое кое-кто хоронил по первому разряду, протаскивая гнилые теории об отмирании права, об отмирании юстиции, об отмирании суда. Мы распылили наши кадры: новых не создали, старые потеряли»³.

Высшее юридическое образование работники правоохранительных органов тогда могли получить в следующих учебных заведениях.

1) Высшие юридические курсы по переподготовке руководящих работников органов юстиции (полутрехгодичное обучение) в Москве с двумя отделениями: судебно-прокурорско-следственным и исправительно-трудовым. Первоначально курсы имели двойное подчинение (Наркомюст РСФСР и Наркомпрос РСФСР), у них не было собственного профессорско-преподавательского

состава, упор в преподавании делался не на юридические дисциплины, а на марксистско-ленинскую подготовку. В 1930 г. руководство работой курсов было полностью передано из ведения Наркомпроса в ведение Наркомюста. В 1933 г. курсы закончили 65 человек, в 1934 г. – 62 человека, в 1935 г. – 65 человек⁴.

2) Факультеты советского строительства и права университетов, где обучались 5 лет.

3) Институты советского права с трехгодичным сроком обучения.

4) Центральный заочный институт советского права.

Важной вехой в истории юридических вузов стало их объединение в системе Наркомюста РСФСР на основе принятого 1 июня 1931 г. коллегией этого наркомата Постановления «Реорганизация вузов и постановка дела подготовки кадров»⁵. В нем ставилась задача – «всю подготовку и переподготовку работников по советскому праву сосредоточить в учебных заведениях, состоящих в ведении НКЮ»⁶.

В 1931 г. факультеты советского строительства и права государственных университетов в Москве (1-й МГУ), Ленинграде, Саратове, Иркутске и Казани были реорганизованы в самостоятельные институты советского права (далее: ИСП) и переданы в ведение Наркомюста РСФСР (все институты тогда находились на территории РСФСР).

Преподавательский состав в ИСП на 1 декабря 1931 г. был следующим: 45 профессоров, 129 доцентов, 51 ассистент, в общей сложности – 225 человек⁷. Всего на 1 января 1932 г. в ИСП РСФСР обучалось 1185 человек, на созданных при них рабфаках – 507 человек⁸. В каждом ИСП существовало несколько отделений. При этом два считались обязательными: судебно-прокурорско-следственное и исправительно-трудовое.

¹ См.: *Крастин И.* Юридическая подготовка судебно-прокурорских работников // *Соц. законность.* 1935. № 8. С. 27.

² См.: *Бранденбургский Я.* Вопросы переподготовки судебных кадров // *Соц. законность.* 1936. № 8. С. 71.

³ Совещание в Прокуратуре Союза ССР с районными следователями // *Соц. законность.* 1936. № 7. С. 83.

⁴ См.: *Александровский П.* Повышение квалификации кадров работников органов юстиции – важнейшая задача // *За социалистическую законность.* 1935. № 1. С. 29.

⁵ См.: Государственный архив Российской Федерации, ф. А-353, оп. 10, д. 29, л. 146–149.

⁶ См.: там же, л. 147.

⁷ См.: *Кадровые работники юстиции* // *Сов. юстиция.* 1932. № 3. С. 41.

⁸ См.: там же. С. 40.

В 1929 г. в органах юстиции работало 13 % тех, кто окончил правовые вузы и факультеты университетов, в 1930 г. – 55 %, в 1932 г. – 77,4 %¹. Согласно Постановлению Наркомюста РСФСР от 21 марта 1931 г. выпускников ИСП, уклоняющихся от работы по распределению, следовало привлекать к уголовной ответственности.

На 1-м Всесоюзном совещании работников юстиции 23 апреля 1934 г. было отмечено, что «правовые вузы влечат жалкое существование, особенно в провинции: это карликовые учреждения, которые не имеют средств для того, чтобы надлежащим образом поставить учебу». В результате они готовили лишь десятую часть требуемых кадров². Немало проблем существовало и с качеством подготовки студентов. В целях его повышения осенью 1934 г. трехлетний курс обучения в ИСП был заменен на четырехлетний.

В 1935 г. в СССР в правовых институтах обучалось 2779 студентов³. К этому времени расширилась сеть учебных заведений, где можно было получить высшее юридическое образование: Московский, Ленинградский, Минский, Саратовский, Свердловский правовые институты. В 1936 г. были восстановлены юридические факультеты Московского и Ленинградского университетов. Высшее юридическое образование теперь можно было получить не только в РСФСР. Появились факультеты права в Харьковском и Ташкентском институтах советского строительства и права, а также в Киевском, Ереванском и Тбилисском университетах, в Бакинском социально-экономическом институте. В систему профессиональной подготовки юристов высшей квалификации входили также Всесоюзная правовая академия, Высшие академические курсы, Институт красной профессуры, Институт советского строительства и права, а также сеть заочных юридических учебных заведений.

¹ См.: Тишков А. Итоги распределения студентов, окончивших в 1932 г. правовые вузы // Сов. юстиция. 1933. № 4. С. 22.

² На Первом Всесоюзном совещании работников органов юстиции // За социалистическую законность. 1934. № 6. С. 28.

³ См.: Крастин И. Указ. соч. С. 27.

Если говорить о заочном обучении, то следует отметить, что еще в 1929 г. в целях расширения подготовки кадров работников правоохранительных органов был создан Центральный заочный институт советского права (далее: ЦЗИСП).

Руководство заочным образованием осуществлялось Центральными заочными курсами при Московском институте совправа и Учебно-методическим советом при отделе кадров Наркомюста РСФСР. Заочные секторы по подготовке (с возрастным цензом от 18 до 45 лет и сроком обучения 3,5 года) и переподготовке (предельный возраст не устанавливался, обучение продолжалось 2 года) кадров были созданы и в остальных ИСП со следующими отделениями: судебно-прокурорско-следственное, исправительно-трудовое, хозяйственно-правовое. Комплектование заочных курсов осуществляли отборочные комиссии в Москве и на местах. За обучение вносилась плата в размере, установленном отделом кадров Наркомюста (для тех, чья заработная плата была меньше 100 руб., допускалось бесплатное обучение, кто получал до 150 руб., плата составляла 30 руб., до 200 – 40 руб., до 250 – 50 руб., свыше 250 – 60 руб.).

Консультационные пункты содержались за счет средств местного бюджета и частично – ЦЗИСП⁴.

Двадцать первого октября 1933 г. Наркомюста РСФСР принял Постановление «О состоянии заочного правового образования». В нем подчеркивалось, что подготовка и переподготовка основной массы работников органов юстиции должна вестись через эту форму обучения, а ответственность за состояние системы заочного образования на местах должна быть возложена на председателей облсудов и облпрокуроров. Для осуществления самоподготовки, посещения учебных конференций и зачетных сессий заочникам выделялся один свободный день в неделю. Как показывала практика, нередко поступление на заочные курсы осуществлялось не столько с целью повышения профессионального уровня, сколько освобождения от различных общественных нагрузок и командировок, для то-

⁴ См.: Положение о консультационных пунктах для заочной системы // Сов. юстиция. 1932. № 8. С. 30.

го, чтобы сконцентрировать все силы на выполнении основной работы.

В 1936 г. ЦЗИСП был переименован в Центральный заочный юридический институт. Постановление СНК СССР «О высшем заочном обучении» от 29 августа 1938 г. нацеливало на максимальный охват работников органов юстиции этой формой образования как наиболее реальной и достижимой, а также требовало неукоснительного соблюдения льгот заочникам.

В середине 1929 г. среди 8577 работников Наркомюста РСФСР высшее юридическое образование имели около 500 человек (5,8 %), среднее юридическое образование – около 2 тыс. человек (23 %)¹. Материалы переписи 1939 г. свидетельствуют, что среди всех работников юстиции высшее юридическое образование имели 2,4 тыс. человек (11,6 %), а среднее – 3,6 тыс. (48 %). Казалось бы, показатели за 10 лет выросли вдвое. Однако они не были достаточными. Так, на 1000 судей и прокуроров приходилось 117 человек с высшим образованием. И это был один из самых низких показателей в сравнении с другими категориями служащих. То есть потребность в увеличении количества юридических образовательных учреждений сохранялась. В 1938 г. в Алма-Ате был открыт юридический институт. В 1939 г. в систему советских вузов вошел Львовский университет, также имевший юридический факультет.

Общее количество юридических вузов в СССР к 1940 г. достигло 10 с общим числом студентов 5900 человек².

Одновременно с этим росла сеть юридических факультетов в университетах. В 1940 г. после присоединения к СССР Эстонии, Латвии и Литвы в качестве новых советских республик количество университетов в стране увеличилось за счет Тартуского, Латвийского, Вильнюсского и Каунас-

ского университетов, в которых также имелись юридические факультеты.

Хотя количество юридических учебных заведений значительно увеличилось, но за 30-е гг. XX столетия возросла и численность сотрудников органов юстиции и внутренних дел, что сохраняло серьезную потребность в их юридической подготовке. К этому следует добавить большую текучесть кадров в правоохранительных органах, а также последствия репрессий и кадровых «чисток» 1937–1938 гг. В результате на смену работникам, получившим юридическое образование, обычно приходили люди без какой-либо правовой подготовки. Безусловно, это негативно сказывалось на профессиональном уровне их деятельности. Руководство страны со второй половины 1930-х гг. стало предпринимать энергичные шаги по улучшению положения дел в этой сфере, но они были прерваны начавшейся Великой Отечественной войной.

Библиографический список

1. Буков, В. А. Становление и развитие подготовки юридических кадров для судебных и прокурорско-следственных органов / В. А. Буков // Проблемы совершенствования советского законодательства : Тр. ВНИИСЗ. – М., 1982. – Вып. 23.

2. Ганин, В. В. Государственная политика в области подготовки юридических кадров России (конец XIX–XX вв.) : дис... д-ра ист. наук. – М., 2003.

3. Гольдман, В. С. Из истории создания и развития сети школ милиции в СССР (1918–1937) / В. С. Гольдман // Актуальные проблемы историко-правовой науки. – Саратов, 1982.

4. Очерки по истории юридических научных учреждений в СССР / В. М. Курицын [и др.]. – М., 1976.

5. Филиппова, Л. Е. Формирование образовательных учреждений НКВД в период становления Советской России как часть общей кадровой политики правоохранительных органов / Л. Е. Филиппова // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2007. – № 1(2).

6. Шебанов, А. Ф. Юридические высшие учебные заведения / А. Ф. Шебанов ; под ред. А. Н. Горшенева. – М., 1963.

¹ См.: Стельмахович А. Пятилетний план подготовки кадров судебно-прокурорских работников // Еженедельник сов. юстиции. 1929. № 27. С. 617.

² См.: Буков В. А. Становление и развитие подготовки юридических кадров для судебных и прокурорско-следственных органов // Проблемы совершенствования советского законодательства. М., 1982. С. 199.

О. Ю. Олейник,
*преподаватель кафедры государственно-
правовых дисциплин и гражданского права
Ивановского филиала ВЮИ ФСИН России
доктор исторических наук,
кандидат юридических наук*

**ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ УСЛОВИЯ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОРГАНОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В 1929–1936 гг.**

Ускоренные темпы индустриализации, принудительная коллективизация, провозглашение лозунга усиления классовой борьбы по мере продвижения к социализму и масштабное использование органов госбезопасности в качестве силового инструмента обеспечения «генеральной линии партии» в социально-политической и экономической сферах – данные черты стали определяющими для рассматриваемого периода.

Развернувшееся с конца 1920-х гг. так называемое «социалистическое наступление» официальной пропагандой трактовалось в духе и терминах гражданской войны. Только вместо военных фронтов провозглашались фронты индустриализации, коллективизации, культурный, антирелигиозный и т. д.; вместо ударных армий – ударные стройки; вместо планов боевых операций – народнохозяйственные планы; вместо белогвардейских отрядов – социально-враждебные элементы и вредители.

Стремление правительства в сжатые сроки провести коллективизацию и «раскулачивание» воплощалось в массовых гибельных депортациях, конфискациях, арестах, разорении и фактическом закреплении сельского населения. Ускоренные темпы индустриализации разоряли бюджет, возросла себестоимость промышленной продукции, на производстве насаждались штурмовые методы организации труда, увеличилось количество брака, сократился выпуск продукции широкого потребления. Бюджетный дефицит «латался» за счет повышения цен и денежной эмиссии, введения обязательных подписок населения на разнообразные займы, увеличения производства водки, распродажи за границу культурных ценностей, получения иностранных кредитов, форсированного экс-

порта по демпинговым ценам зерна, нефти, древесины и т. д. Население оказалось на полуголодном пайке, который постоянно сокращался. Нарастала волна недовольства, участились акции социального протеста.

Поскольку применение экономических методов регулирования возникших трудностей явилось бы отступлением от курса, выбранного политическим руководством СССР, оно вполне осознанно прибегло к усилению мер внеэкономического принуждения, включая ужесточение административно-репрессивных действий, возложенных на ОГПУ. В связи с этим Сталин высказывал убеждение, что «репрессии в области социалистического строительства являются необходимым элементом наступления...»¹.

В апреле 1929 г. на XVI партийной конференции был выдвинут тезис, что развитие народного хозяйства страны наталкивается не столько на проблемы организационно-технического характера, сколько на сопротивление социально-враждебных элементов. В официальной пропаганде трудности и неудачи в экономике, а также все аварии, пожары, взрывы и другие происшествия объяснялись прежде всего вредительством со стороны контрреволюционных сил. От успехов борьбы с ними в прямую зависимость ставилось решение задач экономического роста и безопасности СССР.

Пятого сентября 1929 г. Политбюро приняло постановление «О вредительстве», в котором поручило ОГПУ «усилить бдительность в отношении вредительства в промышленности»². Сталин лично или через круг приближенных к нему членов Политбюро давал прямые директивы руководству органов госбезопасности, направляя их деятельность в нужное ему русло. Например, в августе 1929 г. в своем письме Молотову он потребовал «дать немедленно директиву органам ОГПУ открыть репрессии в отношении городских (связанных с городом) спекулянтов... В противном случае у нас получится одна лишь агитация и никаких конкретных мер по хлебозаготовкам»³. Сталинские ука-

¹ Сталин И. Соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 12. С. 309.

² См.: Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД, январь 1922 – декабрь 1936: Сб. док. / Сост.: В. Н. Хаустов и др. М., 2003. С. 190.

³ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 гг.: Сб. док. М., 1995. С. 142–143.

зания часто содержали достаточно определенные установки: переложить ответственность на происки «классовых врагов», «обязательно расстрелять десятка два-три вредителей» из Наркомата финансов и Госбанка; «обязательно расстрелять всю группу вредителей по мясопродукту»¹; «вредителей по мясу, рыбе, консервам и овощам... всех надо расстрелять»²; провести «проверочно-мордобойную работу» в хозяйственных учреждениях; энергичней использовать операции ОГПУ по борьбе с социально-враждебными элементами, спекулянтами и т. д. По существу, Сталин нередко априори, бездоказательно указывал на виновность тех или иных лиц и предопределял меру их наказания, что получало отражение в постановлениях Политбюро, адресованных руководству ОГПУ. И в дальнейшем Обвинительные заключения по всем более или менее важным политическим процессам докладывались в Политбюро ЦК ВКП(б), где обычно и определялись вопросы о мерах наказания³.

В результате курса, насаждавшегося высшим партийным руководством, «перелом» произошел и в масштабах раскрытия органами ОГПУ разнообразных «контрреволюционных организаций», в следственных материалах по которым прослеживалась, как отмечает О. Б. Мозохин, «прямая сознательная фальсификация»⁴. В 1929 г. ОГПУ раскрыло многочисленные контрреволюционные организации на железнодорожном транспорте, в военной, авиационной, металлургической, нефтяной, золото-платиновой, бумажной промышленности и т. д. Практически все эти дела для главных обвиняемых завершались назначением наказания в виде высшей меры социальной защиты – расстрела. Всего в 1929 г. чекистами были ликвидированы 7305 контрреволюционных образований и по обвинению в причастности к ним арестовано 95 208 человек⁵.

¹ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 гг. С. 194.

² Там же. С. 216.

³ См.: Кудрявцев В. Н., Трусев А. И. Политическая юстиция в СССР. М., 2000. С. 68, 69.

⁴ Мозохин О. Б. Менжинский: Интеллигент с Лубянки. М., 2005. С. 269.

⁵ См.: он же. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1818–1953). Жуковский; М., 2006. С. 122.

Следует отметить, что в 1929–1930 гг. при непосредственном участии ОГПУ была осуществлена большая «чистка» командного состава Красной Армии, в ходе которой уволено 16 695 военнослужащих, ликвидированы 594 контрреволюционные организации и группировки, арестовано 2 603 человека, в основном – старые военные специалисты и лица комсостава, служившие в свое время под началом Троцкого⁶.

Как свидетельствуют архивные документы, на рубеже 20–30-х гг. XX в. Сталин настойчиво нацеливал чекистов на выявление связей внутренней контрреволюции с подрывной деятельностью заграничных спецслужб и их агентов. Он подчеркивал необходимость широкого освещения в печати соответствующих результатов работы ОГПУ⁷.

Для фабрикации дела о разветвленной сети контрреволюционных вредительских организаций ОГПУ с лета 1930 г. начало аресты крупных специалистов из центральных хозяйственных ведомств.

В это же время в ОГПУ было завершено расследование по делу о контрреволюционной организации «вредителей рабочего снабжения». Аресты были произведены в основных ведомствах, занятых снабжением населения продуктами питания. Данную группу объявили ответвлением «Трудовой крестьянской партии» и «Союзного бюро меньшевиков». Двадцатого сентября 1930 г. на основе личных сталинских предписаний⁸ Политбюро приняло решение, в котором ОГПУ обязывалось применить приговор о расстреле всех 48 «участников вредительской организации» в сфере снабжения⁹. По приказу Сталина 22 сентября 1930 г. в печати было опубликовано сообщение ОГПУ о раскрытии «вредительской и шпионской организации в снабжении населения важнейшими продуктами питания», которая ставила цель «создать в стране голод и вызвать недовольство среди широких рабочих масс и этим содействовать

⁶ См.: Воронцов С. А. Правоохранительные органы и спецслужбы РФ. М., 1999. С. 185.

⁷ См.: Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 гг. С. 217.

⁸ См.: там же. С. 217.

⁹ См.: Российский архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ), ф. 17, оп. 3, д. 798, л. 12.

свержению диктатуры пролетариата»¹. Позднее, 25 сентября, газеты сообщили о расстреле 48 «вредителей снабжения». Вокруг этого события была организована шумная пропагандистская кампания. Измученному продовольственными проблемами народу внушали мысль, что подлинные виновники бедственного положения выявлены и теперь дело пойдет на поправку.

Аналогичная кампания была проведена в конце 1930 г. во время публичного процесса по делу так называемой Промпартии. Оперативная разработка этого дела органами ОГПУ началась с ноября 1929 г., а 25 ноября 1930 г. состоялся суд над обвиняемыми. Они «сознались» в создании крупной подпольной организации, состоявшей из 2 тыс. специалистов, цель которой якобы состояла в введении по заданию иностранных разведок подрывной деятельности в народном хозяйстве СССР. Как разъяснялось в приговоре по делу Промпартии, эта организация была связана с так называемым Торгпромом – зарубежной контрреволюционной группой, в которую входили бывшие российские капиталисты во главе с Денисовым, Нобелем, Монташевым. На процессе Промпартии доказывалось, что военная интервенция готовилась в 1930 г. силами иностранных экспедиционных корпусов при участии остатков врангелевской армии и красновских казачьих частей. Эти соединения должны были якобы нанести комбинированный удар по г. Москве и г. Ленинграду. В приговоре отмечалось, что в план интервенции входило использование в качестве повода для нападения интервентов на СССР какого-либо пограничного конфликта с тем, чтобы в процессе дальнейшего его развития могли применяться вооруженные силы союзных с Францией государств Польши и Румынии, а также армии лимитрофов².

На страницах центральной и местной печати в связи с делом Промпартии была организована массовая пропагандистская кампания, сопровождавшаяся публикацией требований граждан и трудовых коллекти-

вов «расстрелять агентов интервенции», «уничтожить шайку шпионов, вредителей» и т. д. Таким образом, общественное мнение «приучалось» к оправданности и обыденности террора.

Другим примером фабрикации дел можно назвать следственные материалы по так называемой контрреволюционной монархической организации «Всенародный союз за возрождение свободной России», состоявшей из крупных советских ученых – академиков и профессоров. В строго секретной записке ОГПУ от 15 сентября 1930 г. на имя Сталина и Молотова указывалось: «организация ставила целью свержение советской власти при помощи вооруженного восстания и иностранной военной интервенции и установление конституционной монархии во главе с великим князем Андреем Владимировичем... Интервенция предполагалась, по плану организации, не позже весны 1931 года и должна была начинаться высадкой десанта германских войск со стороны Балтийского моря с одновременным нападением на Ленинград и другие узловые пункты СССР германского воздушного флота, база которого устраивалась в Финляндии»³.

В целях оправдания своей политики Сталин и его сподвижники активно использовали ссылки на опасность новой войны СССР с капиталистическим окружением. Это позволяло малейшие проявления недовольства обстановкой, складывавшейся в стране, пресекать репрессивными мерами, в том числе внесудебным порядком.

На протяжении 1930-х гг. СССР находился в условиях надвигающейся войны, и это делало оправданными действия большевиков по укреплению промышленности и обороноспособности страны.

Однако анализ документов по данной проблематике дает основание согласиться с выводом тех исследователей, которые считают, что реальной военной угрозы в той степени, о которой тогда заявляла советская официальная пропаганда, в рассматриваемый период не было, и деятельность внесудебных органов в системе ОГПУ следует считать незаконной⁴.

¹ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 гг. С. 218.

² «Лимитрофами» называлась группа государств, образовавшихся на северо-западных окраинах бывшей Российской империи: Литва, Латвия, Эстония, Финляндия.

³ Цит. по: *Воронцов С. А.* Указ. соч. С. 185.

⁴ См.: *Мозохин О. Б.* Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1818–1953). С. 110.

В действительности «ликвидация в стране так называемой Пятой колонны, которая во время предполагаемой войны, вне всякого сомнения, поддержала бы агрессора, подвигла Политбюро к завуалированной изоляции и ликвидации оппонентов. Это постепенно привело от борьбы с диверсантами и вредителями к жесточайшим репрессиям 30-х годов»¹.

В 1932 г. результатом проводимой сталинским руководством политики стал тяжелейший социально-экономический кризис, по своим последствиям сравнимый с послевоенной разрухой десятилетней давности. Примечательно, что в этом году фактически не было публичных выступлений Сталина, в том числе на страницах печати.

Двадцать пятого июня 1932 г. было принято постановление ЦИК и СНК СССР «О революционной законности». Оно обязало «привлекать к строгой ответственности должностных лиц во всех случаях нарушения прав трудящихся, в особенности в случаях незаконных арестов, обысков, конфискации или изъятия имущества и проч., налагать на виновных строгие меры взыскания»². Вслед за этим А. Я. Вышинский обрушился с показной критикой на излишнюю жесткость в карательной политике, отмечая, что «факты издевательского отношения к людям, помимо того, что они оскорбляют человеческое достоинство, не могут отразиться самым отрицательным образом и на отношениях трудящихся к их хозяйственным обязанностям, к их обязанностям перед обществом и государством»³. Однако данные заявления оставались пустыми декларациями, преследующими пропагандистские цели. Сама же «революционная законность» являлась мобилизационно-карательным орудием в руках власти, а то, куда и как его направить в каждый конкретный момент, определялось, по за-

мечанию того же Вышинского, политической целесообразностью⁴.

Под предлогом борьбы с «вредительством» руководство страны продолжало использовать чрезвычайные меры для подавления растущей волны социального протеста. Более того, карательной политике государства придавался откровенно террористический характер. Наглядным примером тому стал Закон от 7 августа 1932 г., написанный лично Сталиным, ужесточивший уголовные санкции – вплоть до расстрела – к «расхитителям общественной собственности», названных в тексте документа «врагами народа»⁵. Именно этот Закон Сталин призывал рассматривать как «основу революционной законности в настоящий момент»⁶. Почти одновременно (22 августа 1932 г.) был принят Закон об усилении борьбы со спекуляцией, предусматривавший ужесточение наказания по этому виду преступлений – заключение в лагеря на срок от 5 до 10 лет без права амнистии⁷.

В 1932–1933 гг. многие регионы страны охватил жестокий голод, унесший несколько миллионов жизней. На этой почве обострилась социальная напряженность не только в сельской местности, но и в городах. Правительство постоянно сталкивалось с антисоветскими настроениями даже в коллективах крупных промышленных предприятий, находившихся в более привилегированном положении. В целях успокоения общественного мнения по следственным материалам органов ОГПУ были организованы несколько публичных процессов, призванных указать виновников возникших трудностей – все те же замаскировавшиеся классовые враги, ведущие подрывную работу. Так, были осуждены к расстрелу 10 руководителей Наркомзема якобы за организацию голода в стране.

В сложившейся кризисной ситуации Сталин на первый план выдвинул тезис об обострении классовой борьбы и на Пленуме ЦК ВКП(б) в январе 1933 г. объявил,

¹ Мозохин О. Б. ВЧК–ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата: На защите экономической безопасности государства и в борьбе с терроризмом. М., 2004. С. 32.

² Собрание законодательства СССР (далее: СЗ СССР). 1932. № 50. Ст. 298.

³ Вышинский А. Я. Революционная законность на современном этапе. М., 1932. С. 53.

⁴ См.: Вышинский А. Я. Революционная законность и охрана общественной собственности // Известия. 1932. 21 авг. С. 2.

⁵ См.: СЗ СССР. 1932. № 62. Ст. 360.

⁶ Сталин И. В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1947. С. 393.

⁷ См.: СЗ СССР. 1932. № 65. Ст. 375.

что возникшие трудности — результат сопротивления врагов. С невиданной прежде силой по стране прокатилась волна арестов и осуждений, проводившихся и органами ОГПУ. Это был пик не только судебных, но и внесудебных репрессий в сравнении со всем предшествующим периодом существования советской власти. Количество привлеченных органами ОГПУ к уголовной ответственности 1933 г. составило 634 429 человек, а количество осужденных органами ОГПУ — 239 664 человек¹.

Вместе с тем, решая управленческие задачи, советское руководство не могло ограничиваться только карательно-репрессивными мерами. Для власти важно было говорить не только о врагах и трудностях, но и о героях и успехах, не только убеждать в правомерности и адекватности проводимой политики, но и демонстрировать ее результаты, а также стремление бороться с негативными чертами и извращениями в ходе ее реализации.

Восьмого мая 1933 г. Политбюро утвердило Инструкцию ЦК ВКП(б) и СНК «Всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, суда и прокуратуры»², в которой были указаны моменты усиления государственных репрессий в отношении классового врага: конец 1929 г. и 1932 г., а также признана возможность их смягчения. Всю вину за перегибы в карательной политике руководство страны переложило на местные органы ОГПУ. Согласно Инструкции на местах арестовывают все, даже те, кто не имеет никакого права арестовывать. Неудивительно, что при таком разгуле практики арестов органы, имеющие право ареста, в том числе органы ОГПУ, и особенно милиция, часто производят аресты без всякого основания, действуя по правилу: «сначала арестовать, а потом разберемся». Однако налицо новая обстановка, и центр тяжести

был перенесен с «административно-чекистских операций органов ОГПУ и милиции на массовую политическую и организаторскую работу». Массовые бесконтрольные аресты предлагалось прекратить, но при этом оговаривалось, что по делам о контрреволюции, политическом бандитизме, терактах, вредительстве, шпионаже и об антипартийных группировках можно было заключать под стражу до суда без санкции прокурора. Таким образом, сохранялась возможность неограниченного произвола в отношении особо опасной категории преступников — государственных³.

В результате выполнения Инструкции количество арестованных по делам органов госбезопасности стало сокращаться. Например, если на 1 апреля 1933 г. на территории Ивановской промышленной области было арестовано 6595 подсудимых, то на 1 июня — 1969, а на 1 сентября — лишь 944⁴.

В целом по СССР тенденция к сокращению арестов сохранялась на протяжении трех лет: если в 1933 г. было арестовано 505 256 обвиняемых по делам органов госбезопасности, то в 1934 г. — 205 173, в 1935 г. — 193 083, а в 1936 г. — 131 168.

Наряду с указанной Инструкцией еще одним фактором смягчения карательной политики стало принятое 10 мая 1933 г. решение Политбюро о запрете «тройкам» ПП ОГПУ выносить приговоры о высшей мере наказания (ВМН)⁵. Однако уже 15 июля такое право в отношении бандитских элементов было предоставлено в Западно-Сибирском крае, а спустя месяц — еще в ряде республик и краев. Двадцатого января 1934 г. Политбюро приняло решение применять ко всем участникам вооруженных грабежей высшую меру наказания⁶. Поэто-

¹ См.: Лунеев В. В. Преступность XX века. М., 1997. С. 180. Попов В. П. Государственный террор в Советской России. 1923–1953 гг. // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 20–31; Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Указ. соч. С. 314–315; Мозохин О. Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1818–1953). С. 284–332; Он же. ВЧК–ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата: На защите экономической безопасности государства и в борьбе с терроризмом. С. 167.

² См.: РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 922, л. 58–58 об.

³ В Особенной части действовавшего в то время Уголовного кодекса РСФСР была глава «Преступления государственные», состоявшая из двух частей: контрреволюционные преступления и особо для Союза ССР опасные преступления против порядка управления (см.: Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1927. № 49. Ст. 330).

⁴ См.: Государственный архив Ивановской области, ф. Р-546, оп. 2, д. 16, л. 145.

⁵ См.: Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД, январь 1922 – декабрь 1936. С. 435.

⁶ См.: Мозохин О. Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1818–1953). С. 86, 133.

му с 1933 по 1934 гг. число приговоров с назначением ВМН оставалось примерно на одном уровне. Однако количество привлеченных органами госбезопасности к уголовной ответственности снизилось почти в 2 раза, а количество осужденных непосредственно этими органами – в 3 раза¹.

С середины 1933 г. существенно снизились репрессивные мероприятия, проводимые ОГПУ, ввиду того, что руководством страны была дана политическая установка на применение беспощадной административно-уголовной репрессии к врагам, действовавшим методами диверсий, саботажа, дискредитации органов советской власти, провоцирования недовольства трудящихся и т. д.² Кроме того, произошло значительное сужение внесудебных полномочий органов госбезопасности, сопровождавшееся перенесением карательной функции на суды. Стремясь продемонстрировать стабилизацию обстановки, а следовательно, и правильность своей политики, правительство выдвигало задачу, чтобы наказание устанавливалось преимущественно на основе законодательных норм, а не административных решений.

Со стороны руководителей советской юстиции звучали призывы не допускать в правоприменительной практике игнорирования процессуальных норм, больше опираться на правосознание граждан³. Отмечалось значение норм позитивного права, наметилось общее ослабление карательной политики, было провозглашено сокращение практики рассмотрения дел внесудебными органами.

«Казалось бы, – отмечает современный исследователь С. А. Воронцов, – пришла пора взвесить качество следственной работы, чтобы преступник был изобличен и не мог бросить тень на следствие. При этом предусматривался категорический запрет на восполнение силой власти недостатков

интеллектуального развития сотрудников спецслужб, отсутствие улик или неумение их использовать. Предполагалось расценивать как преступление, причем вплоть до расстрела, любое запугивание арестованного, подлог или фальсификацию следственных материалов»⁴.

В связи с образованием НКВД СССР Политбюро постановило, что дела о преступлениях государственных (контрреволюционных и против порядка управления) подлежат рассмотрению в верховных судах СССР, союзных и автономных республик, а также краевых и областных судах; дела же об измене Родине, шпионаже, терроре, взрывах, поджогах и иных видах диверсий подлежали рассмотрению Военной коллегией Верховного Суда СССР и военными трибуналами⁵. Это решение 10 июля 1934 г. было продублировано в постановлении ЦИК СССР «О рассмотрении дел о преступлениях, расследуемых Народным Комиссариатом внутренних дел Союза ССР и его местными органами»⁶.

Однако дальнейшего развития данная тенденция не получила, поскольку 1 декабря 1934 г. был убит Киров и ситуация в карательной политике вновь изменилась. Официальная пропаганда заговорила о переходе «социально враждебных элементов» к террористическим действиям. Известное Постановление Президиума ЦИК СССР, опубликованное 4 декабря, предписывало заканчивать следствие по делам о террористических организациях и террористических актах в десятидневный срок, рассматривать их в суде без участия обвинения и защиты, не допускать кассационного обжалования и ходатайств о помиловании, а приговоры о расстреле приводить в исполнение немедленно после их оглашения⁷.

Разъясняя итоги следствия и процессов по делам «Ленинградского центра» (28–29 декабря 1934 г.) и «Московского центра» (15–16 января 1935 г.), 17 января 1935 г. Сталин направил членам Политбюро ЦК ВКП(б) составленный им лично текст закрытого письма в партийные организации

¹ См.: Лунеев В. В. Указ. соч.; Попов В. П. Указ. соч.; Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Указ. соч.; Мозолин О. Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1818–1953); он же. ВЧК–ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата: На защите экономической безопасности государства и в борьбе с терроризмом.

² См.: Беспощадными репрессиями сокрушить действующего «тихой сапой» классового врага // Сов. юстиция. 1933. № 6. С. 15.

³ См.: За незыблемость советского закона, за социалистическое правосознание // За социалистическую законность. 1934. № 8. С. 2.

⁴ Воронцов С. А. Указ. соч. С. 197.

⁵ См.: РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 948, л. 95.

⁶ См.: СЗ СССР. 1934. № 36. Ст. 284.

⁷ См.: там же. № 64. Ст. 459. Такой порядок судопроизводства был воспроизведен 14 сентября 1937 г. и для рассмотрения дел о вредительстве и диверсиях (см.: СЗ СССР. 1937. № 61. Ст. 266).

«Уроки событий, связанных с злодейским убийством С. М. Кирова». На следующий день письмо было разослано на места. В нем подобного рода «центры» назывались «замаскированной формой белогвардейской организации, вполне заслуживающей того, чтобы с ее членами обращались как с белогвардейцами»¹.

С 1935 г. участники бывших оппозиций в массовом порядке стали обвиняться в терроризме. Л. Д. Троцкий обратил внимание, что с конца марта 1935 г. «троцкисты» и «зиновьевцы» на страницах прессы начали рассматриваться уже как агенты иностранных разведок, чего раньше не делалось². Исходя из этого он делал вывод, что Сталиным подготавливается новый виток репрессий, «по отношению к которому убийство Кирова было лишь зловещим предзнаменованием»³. В середине 1935 г. секретарь ЦК ВКП(б) Н. И. Ежов говорил заместителю наркома внутренних дел Я. С. Агранову, что «по мнению Центрального Комитета нашей партии, существует нераскрытый центр троцкистов, который надо разыскать и ликвидировать»⁴. Очевидно, Сталин уже обдумывал план расправы с представителями партийно-советской элиты.

В целях оперативного осуществления репрессивной политики 27 мая 1935 г. приказом наркома внутренних дел СССР в составе управлений НКВД республик, краев, областей были возрождены пресловутые «тройки». Однако тогда они наделялись лишь правами Особого совещания, т. е. могли выносить те наказания, которые были отнесены к компетенции этого органа (высылка, ссылка и заключение в лагеря на срок до 5 лет). В связи с этим следует отметить, что все приговоры с назначением высшей меры наказания (ВМН) – расстрела – на основании указанного выше Постановления ЦИК СССР от 10 июля 1934 г. выносились судами и трибуналами, а не органами НКВД.

Такое положение, очевидно, не устраивало руководство НКВД СССР. Так, 14 июня 1935 г. Г. Г. Ягода в докладной за-

писке на имя Сталина высказал неудовольствие работой судебных органов. Он не ставил под сомнение правильность решения о передаче им дел, расследуемых органами госбезопасности, но считал, что суды не справлялись с возложенными на них задачами и делал вывод о потере ими классовой бдительности⁵.

Однако никаких изменений в вопросе расширения внесудебных полномочий органов госбезопасности не последовало. Наоборот, 17 июня 1935 г. СНК и ЦК ВКП(б) приняли не публиковавшееся постановление «О порядке производства арестов»⁶. Запрещалось их проведение по незначительным основаниям, без санкции прокурора, а в отношении руководящих хозяйственных работников и специалистов – без согласования еще и с соответствующими наркоматами и парткомами. Постановление адресовывалось прежде всего милиции и органам госбезопасности. Не случайно 5 января 1936 г. Г. Г. Ягода разослал на места специальный приказ о недопустимости нарушения местными органами его ведомства данного Постановления.

В связи с развернувшейся кампанией по принятию новой Конституции СССР, руководством страны сохранялась линия на относительное смягчение карательной политики. По крайней мере, если взять весь рассматриваемый нами период, то именно в 1936 г. можно отметить наименьшее количество не только привлеченных органами госбезопасности к уголовной ответственности лиц (175 752), но и число приговоров к ВМН (1 118).

Таким образом, деятельность органов госбезопасности по-прежнему направлялась и контролировалась высшими партийными инстанциями. Именно от них поступали директивы, определявшие очередные задачи для чекистов.

Одной из таких задач с 1935 г. являлось раскрытие крупных террористических троцкистских «гнезд», связанных с иностранными разведками и подготовка на этой основе показательных публичных процессов. Однако в данном вопросе руководители Главного управления государственной безопасности

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 99.

² См.: Троцкий Л. Дневники и письма. М., 1994. С. 110.

³ Там же. С. 106–107.

⁴ Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. М., 1991. С. 216.

⁵ См.: Мозохин О. Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1818–1953). С. 143.

⁶ См.: РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 965, л. 75.

НКВД действовали без ожидавшейся от них расторопности. Возможно, они опасались стать «козлами отпущения», поскольку, усердно выполняя указания вождя, потом могли оказаться, как это уже не раз бывало, виноватыми за допущенные перегибы. Такая медлительность раздражала Сталина. Находясь в отпуске в г. Сочи 25 октября 1935 г. он написал Молотову, Кагановичу и Ягоде письмо, в котором говорилось, что «чекистская часть НКВД не имеет настоящего руководства и переживает процесс разложения ... «Я думаю, что чекистская часть НКВД болеет серьезной болезнью. Пора заняться нам ее лечением...»¹.

Вслед за этим борьба с троцкизмом стала разворачиваться по нарастающей. Двадцатого мая 1936 г. Политбюро приняло постановление «О троцкистах», которое предписывало всех бывших представителей этого внутрипартийного течения, как находившихся в ссылке (свыше 600 человек), так и проживавших в крупных городах и проявлявших «враждебную активность», решением Особого совещания заключить в отдаленные концлагеря на срок от 3 до 5 лет. Кроме того, всех арестованных НКВД троцкистов, уличенных в причастности к террору, предписывалось предать суду Военной коллегии Верховного Суда СССР с применением к ним расстрела по закону от 1 декабря 1934 г.² За месяц до начавшегося в августе 1936 г. суда над «объединенным троцкистско-зиновьевским блоком» было разослано закрытое письмо ЦК ВКП(б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока». Оно не только предопределяло ход процесса, но и явилось основой для составления обвинительного заключения и приговора³. Вскоре борьба с троцкизмом вышла далеко за пределы уголовного преследования прежних участников оппозиционных течений в партии. Двадцать девятого сентября 1936 г. Политбюро приняло Постановление «Об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам». В нем звучал призыв уничтожить «троцкистско-зиновьевских мерзавцев» как «разведчиков, шпионов, диверсантов и вредителей»⁴.

К этому времени в НКВД СССР появился новый руководитель – Н. И. Ежов, назначенный вместо Г. Г. Ягоды 25 сентября 1936 г. личным распоряжением Сталина. «Стрелять придется довольно внушительное количество, – докладывал Сталину вскоре новый нарком, формулируя свое отношение к борьбе с «контрреволюционными элементами», – Лично я думаю, что на это надо пойти и раз навсегда покончить с этой мразью»⁵. И уже 4 октября 1936 г. опросом членов Политбюро была удовлетворена просьба Ежова и Вышинского санкционировать осуждение по списку 585 человек, названных активными участниками «троцкистско-зиновьевской контрреволюционной террористической организации». Примечательно, что в Постановлении Политбюро прямо говорилось о приговоре указанных лиц к расстрелу.

Таким образом, постепенно начинал раскручиваться новый виток массовых политических репрессий. Причем теперь они были предопределены не трудностями социально-экономического развития или недовольством населения, а намерением власти обезопасить себя от всех, кто вызывал малейшие сомнения в своей благонадежности. Не случайно в литературе последовавшие массовые репрессии получили название «большой чистки».

Связанные с этим нарушения законности, ставшие системой в органах предварительного следствия по политическим преступлениям, невозможно объяснить только злоупотреблениями, карьеристскими соображениями и другими качествами тех или иных лиц (хотя и это имело место). Главная причина заключалась в той цели, которую преследовало высшее руководство страны: ликвидация или тотальная изоляция инакомыслящих и иных потенциальных противников режима⁶. Для ее достижения не было необходимости ни в процессуальном кодексе, ни в правилах собирания и оценки доказательств, ни в гарантии прав обвиняемых, ни даже в установлении истины. Требовалась быстрая и беспощадная расправа над «врагами народа», инструментом которой стали прежде всего органы госбезопасности.

¹ Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД, январь 1922 – декабрь 1936. С. 689.

² См.: там же. С. 756.

³ См.: Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Указ. соч. С. 275.

⁴ См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 39.

⁵ Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996. С. 206.

⁶ См.: Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Указ. соч. С. 264.

Библиографический список

1. *Воронцов, С. А.* Правоохранительные органы и спецслужбы РФ / С. А. Воронцов. – М., 1999.
2. *Кудрявцев, В. Н.* Политическая юстиция в СССР / В. Н. Кудрявцев, А. И. Трусов. – М., 2000.
3. *Мозохин, О. Б.* ВЧК-ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата: На защите эконо-

мической безопасности государства и в борьбе с терроризмом / О. Б. Мозохин. – М., 2004.

4. *Мозохин, О. Б.* Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1818–1953) / О. Б. Мозохин. – Жуковский ; М., 2006.

5. *Хлевнюк, О. В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы / О. В. Хлевнюк. – М., 1996.

Д. В. Пожарский,

заместитель начальника кафедры

гуманитарных дисциплин

ВЮИ ФСИН России

кандидат юридических наук

ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ В КОНСТИТУЦИОННОЙ ДОКТРИНЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА НА ПРИМЕРЕ КОНСТИТУЦИИ СССР 1977 г.

Проблематика целей государства и его функций для наук, изучающих государство, в том числе юридических, является наиболее важной и дискуссионной, имеющей научно-теоретическую и политико-практическую значимость. По мнению Г. Еллинека, истории науки о государстве известны периоды, когда «...было выставлено положение, что все познание государства зависит от правильного познания его целей»¹. Политика государства в той или иной сфере (экономика или образование и культура) представляет собой стратегически осмысленную деятельность, поскольку в ее основе всегда лежит определенная система целей и концептуальных идей, отражающих основные моменты будущей организации социальных отношений. Любая политика немыслима без конкретных ориентиров, представлений и конечных результатов деятельности, а также путей, сроков, этапов их достижения².

Для российского общества и государства актуальным был и остается вопрос о соотношении целей и средств, политического результата и его социальной цены, поскольку отечественная история, в том числе новейшая, дает основания для серьезных размышлений на данную тему.

При рассмотрении вопроса о целях и функциях государства только в научно-теоретической плоскости следует отметить, что проблематика социального назначения и функций государства оформилась в относительно самостоятельную теорию благодаря советской юридической науке (М. И. Байтин, А. П. Глебов, А. И. Денисов, Л. И. Загайнов, Л. И. Каск, Н. В. Черноголовкин и др.). Теоретический фундамент, сформированный в середине XX в., по-прежнему сохраняет свою методологическую значимость.

Однако, по нашему мнению, преждевременно исходить из того, что потенциал данной проблематики исчерпан и решена проблема функций государства, его целей и задач. Функции государства, отражающие внутренние и внешние противоречия жизнедеятельности государства, т. е. указывающие на его динамику, активную деятельность, нельзя рассматривать в неподвижном состоянии. Аналогично можно сказать и о целях государства в силу их тесной связи с его функциями.

В связи с этим, на наш взгляд, необходимо время от времени пересматривать теоретическое наследие, соотносить его с постоянно изменяющимися социально-политическими условиями.

Произошедшие за последнее время изменения в государственно-правовой действительности отразились на системе и содержании функций Российского государства, предопределили появление новых приоритетных направлений в его деятельности по воздействию на общество. В настоящее время Россия стоит на пороге качественно иного целеполагания, т. е. перед обществом встала задача, заключающаяся в определении того, что является самым главным для российского народа, в том числе в развитии государственности.

¹ Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004. С. 236.

² См.: Малько А. В., Шундилов К. В. Правовая политика современной России: цели и средства // Государство и право. 2001. № 7. С. 16.

В рамках данной статьи будут рассмотрены лишь некоторые аспекты проблемы целей и функций государства. При этом основное внимание будет уделено социалистическому опыту государственного целеполагания.

В науке под целью понимается конечный результат какой-либо деятельности (человека, коллектива людей), предварительное, идеальное представление о котором и желание его достигнуть предопределяют выбор соответствующих средств и системы действий по его достижению.

По нашему мнению, целью государства является предвосхищаемое и закрепляемое на законодательном, прежде всего конституционном, уровне состояние социальной действительности, обуславливающее содержание функций государства.

Необходимо отметить, что теория и методология государственного целеполагания по-прежнему остается недостаточно разработанной. Более того, в современном российском обществе, в том числе среди научной общественности, отсутствует единое мнение относительно вопроса о целях современного Российского государства и общества. Вместе с тем функционирование государства в целом и каждая его функция в отдельности обусловлены наличием определенных целей. Утверждение о наличии подобной закономерности прочно укрепились в отечественной теоретико-правовой науке с конца 70-х гг. XX в.

«Долгие годы в нашей стране, – отмечает Г. В. Атаманчук, – не обсуждалась проблема, в каком обществе хочет жить народ, в чем его реальные интересы, как добиться их практической реализации. Цели перед обществом и государством обычно постулировали верховные правители – императоры, вожди, лидеры и их окружение. Народ на государственном уровне по существу никогда не выступал субъектом формирования целей государственного управления; обычно ему отводилась роль средства реализации таких субъективистских целей, причем в условиях, когда о цене средства особо не беспокоились»¹.

¹ Атаманчук Г. В. Государственное управление (организационно-функциональные вопросы). М., 2000. С. 46.

Сравнительный анализ современного Российского государства и существовавшего до него Советского показали, что в советском обществе существовала и реализовывалась система государственных целей. При этом сами цели и задачи общества и государства формулировались и закреплялись на уровне законодательства четко и недвусмысленно. Например, в преамбуле Конституции СССР 1977 г. декларировалось: «высшая цель Советского государства – построение бесклассового коммунистического общества, в котором получит развитие общественное коммунистическое самоуправление»². При этом в тексте документа содержался алгоритм реализации данной цели в виде главных задач социалистического общенародного государства: создание материально-технической базы коммунизма, совершенствование социалистических общественных отношений и их преобразование в коммунистические, воспитание человека коммунистического общества, повышение материального и культурного уровня жизни трудящихся, обеспечение безопасности страны, содействие укреплению мира и развитию международного сотрудничества³.

Вполне ясными следует признать также и иные (отраслевые) цели Советского государства, которые обуславливали содержание его внутренних и внешних функций. Так, согласно ст. 15 Конституции СССР 1977 г. экономическая функция была обусловлена целью полного удовлетворения растущих материальных и духовных потребностей людей. В сфере социального развития и культуры государство ставило своей целью расширение реальных возможностей для применения гражданами своих творческих сил, способностей и дарований для всестороннего развития личности (ст. 20 Конституции СССР 1977 г.). В соответствии со ст. 31 Конституции СССР 1977 г. функция обороны обусловлена защитой социалистических завоеваний, мирного труда советского народа, суверенитета и территориальной целостности государства.

Таким образом, советская доктрина целеполагания строилась на началах иерар-

² Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1979.

³ См.: там же.

хии и взаимообусловленности целей и функций государства.

Необходимо отметить, что проект Конституции СССР 1977 г., а следовательно, и его положения, касающиеся целей и функций государства, обсуждались всенародно. Всенародное обсуждение проекта Конституции СССР началось 4 июня 1977 г. после его опубликования в центральных, республиканских и областных газетах. Этому способствовало также издание проекта в виде отдельных брошюр на языках народов Советского Союза. Средства массовой информации были обязаны систематически публиковать обзоры поступающих в редакции предложений и своевременно передавать их в Конституционную комиссию. В обсуждении проекта приняло участие свыше 140 млн человек, т. е. более 80 % взрослого населения страны. Было внесено около 400 тыс. предложений о поправках к отдельным статьям проекта, при этом Конституционная комиссия приняла решение рекомендовать внести изменения в 110 статей проекта и добавить в него одну новую статью¹.

В связи с этим представляется излишне категоричным суждение В. Л. Шейниса, считающего, что Конституция СССР 1977 г. отличалась высокопарной и бессодержательной преамбулой². Безусловно, сегодня может показаться, что советское общество, в частности, законодатель, были слишком наивными и романтичными, формулируя высшую цель и задачи коммунистического строительства. Однако советское общество, имеющее представление о том, к какой цели оно стремится и какие функции для этого выполняет государство, достигло больших успехов. «Советский строй, — отмечает в этой связи С. Кара-Мурза, — это реализация цивилизационного проекта, рожденного Россией в русле ее истории и культуры. Многие из прошлого не удалось осуществить в силу обстоятельств. Но удалось великое по замыслу и грандиозное по масштабам дело: создать жизнеустройство, надежно устранившее источники массовых социальных страданий, с высоким уровнем безопасности и солидарными межэтническими отношениями. Это

был проект с большим творческим потенциалом и мощным импульсом развития»³.

На наш взгляд, современному российскому обществу не хватает ясности относительно целей и задач, преследуемых государством. Главная цель Российского государства сформулирована в одном из положений преамбулы Конституции РФ «...стремясь обеспечить благополучие и процветание России...». В тексте Конституции РФ закреплены и иные цели государства. В частности, именно целью, а не констатацией факта следует признать положение о правовом характере Российского государства (ст. 1). Положение о том, что «Российская Федерация – социальное государство...» (ст. 7) также представляет собой желаемое состояние действительности, предмет стремления общества. В связи с этим мы не согласны с мнением Б. Н. Топорнина, считающего, что «...компоненты целеполагания, точные ориентиры явились сильной стороной Конституции РФ, позволили ей выйти за привычные рамки и оказывать более сильное воздействие на развитие страны»⁴. В данном случае Конституция СССР 1977 г. заметно превосходит свою преемницу в части четкости текстуального закрепления целей и функций государства. Так, в тексте действующего Основного закона словосочетания «цель(и) государства» и «функции государства» вообще не упоминаются.

Компенсационную нагрузку в данном отношении выполняют ежегодные обращения, послания и выступления Президента России, в которых обозначаются приоритетные, стратегические цели и задачи, стоящие перед Российским государством и обществом. Однако с учетом ст. 13 Конституции РФ, запрещающей наличие государственной или обязательной идеологии (масштабной идеолого-пропагандистской деятельности), цели и задачи государства остаются осознанными и воспринятыми незначительной частью общества, что существенно затрудняет процесс реформирования социально-политических институтов, делает большую часть населения страны

¹ См.: Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерк истории Советской Конституции. М., 1980. С. 128–129.

² Шейнис В. Л. Тернистый путь Российской Конституции // Государство и право. 1997. № 12. С. 62.

³ Лит. газ. 2007. 17–23 янв.

⁴ Конституция Российской Федерации: стабильность и развитие общества / Отв. ред. Б. Н. Топорнин. М., 2004. С. 50.

дезориентированной. В связи с этим, по нашему мнению, советский опыт государственного целеполагания следует признать показательным.

В заключение следует отметить, что после того, как Конституция РФ 1993 г. исчерпает свой политико-юридический потенциал и возникнет необходимость разработки проекта очередной конституции. Поэтому уже сегодня следует всерьез задуматься над генеральной целью российского общества и тем, какое текстуальное закреп-

Е. Г. Юдин,

*начальник Ивановского филиала
ВЮИ ФСИН России*

кандидат юридических наук, доцент

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЫСКНОЙ ПОЛИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX в.

Исследование правовых основ деятельности сыскной полиции дореволюционной России имеет важное значение для более глубокого понимания ее места и роли в системе органов охраны правопорядка и безопасности, позволяет определить негативные и позитивные стороны ее деятельности, выявить как просчеты, ошибки, так и достижения правительства в организации борьбы с уголовной преступностью¹.

Полиция в России начала XX в. представляла собой сложную систему. Ее характерной чертой было отсутствие единой и четкой законодательной регламентации. Полицейское дело регулировалось множеством изданных в разное время, не всегда согласованных между собой и во многих случаях устаревших узаконений и распоряжений. Беспорядочность издания таких актов и распоряжений приводила к тому, что должностным лицам полиции было непонятно, какими нормами при осуществлении оперативно-розыскной деятельности следовало руководствоваться.

Необходимо было разработать законодательство, которое привело бы функционирование полицейских органов страны в со-

ответствие с изменившимися социально-политическими и экономическими условиями жизни.

Библиографический список

1. Атаманчук, Г. В. Государственное управление (организационно-функциональные вопросы) / Г. В. Атаманчук. – М., 2000.

2. Еллинек, Г. Общее учение о государстве / Г. Еллинек. – СПб., 2004.

3. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. – М., 1979.

ответствие с изменившимися социально-политическими и экономическими условиями жизни.

В 1907 г. с проектом полицейской реформы выступил премьер-министр и министр внутренних дел П. А. Столыпин. Как часть задуманных им усовершенствований в работе полиции можно рассматривать закон «Об организации сыскной части»², утвержденный 6 июля 1908 г. Николаем II. В законе предусматривалось: «В составе полицейских управлений империи образовать сыскные отделения четырех разрядов для производства розыска по делам общеуголовного характера как в городах, так и в уездах»³. По закону в составе полицейских управлений губернских и других крупных городов создавались «сыскные отделения четырех разрядов для производства розыска по делам общеуголовного характера...». Всего было образовано 89 сыскных отделений.

В области расследования уголовных преступлений на чиновников сыскной полиции возлагались все права и обязанности общей полиции. Вместе с тем они находились в подчинении еще и у прокурора окружного суда, контролировавшего розыск и по Закону от 6 июля 1908 г. имевшего право «давать непосредственные поручения чинам сыскных отделений в отношении производства розыскных действий»⁴. Кроме того, устанавливалось, что «начальники отделений и их помощники назначаются на

¹ См.: Ковалев О. Г., Вагин О. А., Юдин Е. Г. Оперативно-розыскная деятельность: содержание, развитие, особенности. М., 2006. С. 23.

² См.: Полное собрание законов Российской империи (далее: ПСЗ). Собр. 3-е. СПб., 1885–1916 гг. Т. 28. № 30672.

³ Там же.

⁴ Там же. § VI.

должности и увольняются со службы по предварительному сношению Губернатора и Прокурора Окружного суда»¹. Таким образом пытались улучшить негласный розыск под контролем более юридически квалифицированных прокуроров и судебных следователей, но их вмешательство в неизвестную судебно-прокурорскому аппарату оперативную работу больше вредило розыскной работе.

Нетрудно убедиться, что по Закону от 6 июля 1908 г. сыскная полиция в России окончательно централизована не была. Закон лишь в общих чертах определил ее организацию и задачи, многие вопросы остались неурегулированными: не было определено место сыскных подразделений в общей структуре полицейского управления городов и других правоохранительных органов; штатное расписание не соответствовало состоянию преступности в некоторых городах; не был урегулирован вопрос правового обеспечения и компетенции сотрудников сыска, а также подбора и обучения кадров, материальное обеспечение было явно недостаточным. Между членами общей и сыскной полиции из-за отсутствия правового регулирования их взаимоотношений возникало соперничество в работе по раскрытию преступлений.

Сыскные отделения входили в городской состав полицейских управлений губернии, официальным начальником которых являлся губернатор. Такая привязанность к своему городу или уезду значительно затрудняла работу сыщиков по преследованию преступников. Не имея единого центра управления, сыскная полиция могла рассчитывать лишь на собственные силы.

Для осуществления координационных функций в марте 1908 г. в составе Департамента полиции было создано 8-е делопроизводство, главными задачами которого стали: «составление документов по организации деятельности сыскных отделений, создание центрального регистрационного бюро, связь с западно-европейскими полициями, а также с фирмами, изготавливающими аппаратуру для сыскных отделений в России»².

¹ ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 28. № 30672. § VI.

² Мулукаев Р. С. Полиция в России (IX – начало XX вв.). Н. Новгород, 1993. С. 77.

Закон от 6 июля 1908 г. не затрагивал организацию сыскных отделений столичных полиций – Петербурга и Москвы, их деятельность обеспечивалась по особому распоряжению. В других городах сыскные отделения подчинялись полицмейстерам, которые возглавляли и общую полицию. Хотя данный Закон предусматривал создание сыскных частей не только в городах, но и в уездных населенных пунктах, осуществить это полностью не удавалось в силу ряда объективных причин (нехватка средств, подготовленных кадров и т. п.).

По распоряжению министра внутренних дел П. А. Столыпина все кандидаты на должности 89 сыскных отделений в 1908 г. были командированы в Санкт-Петербург для слушания лекций на подготовительных курсах уголовного сыска, впервые организованных при Департаменте полиции. Программой курсов было предусмотрено изучение: 1) государственного и полицейского права; 2) уголовного права; 3) судебной медицины; 4) методов регистрации преступников; 5) приемов уголовного сыска; 6) приемов самообороны и обезоруживания преступников; 7) оружия и взрывчатых веществ; 8) основ использования в работе грима и переодевания; 9) тайнописи преступников (шифры) и дешифрования; 10) приемов дрессировки собак для защитных, сторожевых и сыскных целей; 11) практики дознаний (показное производство дознания на месте с составлением образцовых следственных актов, описаний и справок); 12) практики розыска и выслеживания преступников, а также: разбор сложных сыскных дел; присутствие при вскрытии трупов по какому-либо сложному делу с объяснениями профессора Д. П. Косоротова; посещение полицейского музея и других учреждений; практические занятия по фотографии, «словесному портрету», антропометрии, дактилоскопии, по снятию слепков и рисунков следов, по исследованию документов и пр. В этот же период во Владимире была открыта школа работников уголовного сыска.

В целом Закон от 6 июля 1908 г. лишь в самых общих чертах определял задачи сыскных отделений и их организационное устройство. С одной стороны, он предоставлял теперь полиции возможность для

более энергичного и широкого розыска по уголовным делам, а с другой – создавал как бы особую судебную полицию, так как лицам прокурорского надзора, помимо общего наблюдения за дознанием, дано также право непосредственно использовать чинов сыскных отделений для производства расследований по судебным делам.

Одновременно с реформированием сыскных отделений Департамент полиции приступил к усовершенствованию циркулярного розыска (в настоящее время – федерального розыска). Взяв за основу систему учетов Санкт-Петербургской сыскной полиции, Министерство внутренних дел в 1907 г. создает в Департаменте полиции Центральное регистрационное бюро, вошедшее затем в состав 8-го делопроизводства. Розыскные бюро при сыскных отделениях подчинялись Центральному регистрационному бюро при Департаменте полиции. В Центральном регистрационном бюро в результате реорганизации была разработана специальная система для розыска и опознания преступников, в основу которой положена регистрационная карта, содержащая 120 вопросов. Эта система была сложной и труднодоступной для неопытных работников сыскных отделений, и поэтому Департамент полиции провел реформу регистрации преступников. В основу была положена таблица, включавшая более 30 категорий преступников, а также усовершенствован и циркулярный (письменный) розыск.

Девятого августа 1910 г. Министерством внутренних дел была издана Инструкция чинам сыскных отделений. По сравнению с Законом от 6 июля 1908 г. она более определенно формулировала задачи сыскных отделений – это негласное расследование и производство дознаний для предупреждения, устранения, разоблачения и преследования преступных деяний общеуголовного характера¹.

Одновременно с этим данная Инструкция установила структуру сыскных отделений и принципы организации их работы. Вместе с тем точного разграничения обязанностей общей полиции и сыскных отделений по-прежнему предусмотрено не было.

В § 4 Инструкции говорилось, что чины общей полиции обязаны всегда и во всем оказывать законное содействие чинам сыскных отделений и всемерно облегчать им исполнение поручений начальства, а чины сыска должны «в служебной своей работе стремиться к полному единению с чинами общей полиции». Указывалось также, что «подробно взаимные отношения чинов сыскных отделений и общей полиции определяются распоряжениями и инструкциями начальников местной полиции...»².

Инструкция ликвидировала территориальный принцип работы сыщиков, запретив их распределение по участкам города. В основу работы сотрудников сыскных отделений был положен принцип специализации по главным родам преступлений. Устанавливался учет преступлений по трем категориям: 1) убийства, разбои, грабежи и поджоги; 2) кражи (профессиональные воровские организации – конокрады, взломщики, карманные, железнодорожные, хипесные шайки и т. п.); 3) мошенничество, подлог, обман, фальшивомонетничество, подделка документов, шулерство, аферизм разного рода, контрабанда, продажа женщин в дома терпимости и за границу. В соответствии с этим личный состав сыскного отделения (где это было возможно по количеству чиновников) распределялся на три группы, каждая из которых образовывала особый отряд и исполняла поручения начальника по одной категории преступлений. Там, где позволяли штаты, каждый из трех отрядов делился на отделения, которые занимались еще более узкой категорией преступлений. В некоторых отделениях создавался четвертый, «летучий», отряд, предназначенный для постоянных дежурств в театрах, на вокзалах, для обходов, облав на бродяг и для несения патрульной службы на улицах, рынках и т. д. Чины сыскной полиции проводили расследование по всем уголовным делам, за исключением простых краж, когда сумма похищенного составляла меньше 100 руб. (дознание по этому виду преступлений возлагалось на общую полицию).

Задачи и функции сыскной полиции определяли организацию работы по подраз-

¹ См.: Инструкция чинам сыскных отделений. Спб., 1910. С. 1.

² Там же. С. 4.

делениям, которые включали в себя столы (личного задержания, розысков, наблюдения) и справочное регистрационное бюро.

Какая-либо правовая база, регламентировавшая оперативную работу, отсутствовала. В то время, как в тайной полиции имелась подробная Инструкция по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения, которой руководствовались чины охранного отделения, в Инструкции чинам сыскных отделений буквально в двух пунктах говорилось лишь о том, что агентам запрещены провокации и они не имеют права ссылаться на свою службу в полиции¹.

Для дальнейшего совершенствования деятельности сыскных отделений 26 июня 1913 г. состоялся съезд начальников сыскных отделений, который был провозглашен 1-м съездом русских сыскных чинов. Основной целью съезда было объединение сил, обладавших знаниями и опытом в сыскной деятельности. На съезде обсуждались вопросы, связанные с профессиональной подготовкой, требованиями, предъявляемыми к личному составу и открытием школ для подготовки низших чинов сыскных отделений. Обсуждались также и другие предложения по улучшению организации уголовного сыска в России².

Последним законодательным актом царского правительства, затронувшим органи-

зацию службы в сыскных отделениях, стало постановление Совета Министров «Об усилении полиции в 50 губерниях империи и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов» от 23 октября 1916 г.³ Численный состав полиции теперь должен был рассчитываться в зависимости от количества населения, проживающего на обслуживаемой территории, и соответственно штаты полиции должны были быть расширены. Несколько улучшалось материальное положение служащих полиции. Под единым руководством были объединены полиции уездов и уездных городов.

Однако воплотить в жизнь постановление от 23 октября 1916 г. царскому правительству помешала революция 1917 г.

Библиографический список

1. Ковалев, О. Г. Оперативно-розыскная деятельность: историко-правовой и психологический анализ : учеб. пособие / О. Г. Ковалев. – Владимир, 2003.

2. Ковалев, О. Г. Оперативно-розыскная деятельность: содержание, развитие, особенности / О. Г. Ковалев, О. А. Вагин, Ю. Г. Юдин. – М., 2006.

3. Мулукаев, Р. С. Полиция в России (IX – начало XX вв.). / Р. С. Мулукаев. – Н. Новгород, 1993.

¹ См.: Инструкция чинам сыскных отделений. § 64.

² См.: Вестн. полиции. 1913. № 26. С. 598–599.

³ См.: Собрание узаконений и распоряжений Правительства. 1916. № 307. Ст. 2426.

С. С. Новиков,
*начальник факультета заочного обучения
ВЮИ ФСИН России
кандидат исторических наук, доцент*

**ДЕТАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РАСПАДА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ
РЕСПУБЛИКИ ЮГОСЛАВИЯ**

Вся мировая общественность и в первую очередь США были заинтересованы вопросами развития Югославии. На Конгрессе социологов, который проводился в старинной шведской столице Уппсала в 1978 г., за два года до смерти Тито и за тринадцать лет до распада СССР, излагалась американская позиция в отношении Югославии. Ставилась задача не допустить в Югославии после смерти Тито таких изменений, которые нанесут ущерб интересам США и свободного мира. Для этого предполагалось:

- постоянно указывать на сталинские тенденции в советской политике, что должно запугивать югославских коммунистов;
- оказывать поддержку югославским оппозиционерам и диссидентам, если они имеют антикоммунистическую ориентацию;
- помогать тем центристским силам в Югославии, которые готовы оказать отпор СССР;
- содействовать национал-сепаратистским силам, так как они являются естественными врагами коммунизма как идеологии;
- усилить воздействие западной культуры посредством фильмов, книг, музыки;
- в рамках экономической политики в отношении Югославии усилить влияние потребительской идеологии;
- способствовать увеличению количества долгов Югославии западным странам, чтобы иметь рычаг воздействия на нее;
- использовать югославов, вернувшихся с заработков из других стран в качестве сознательных или несознательных пропагандистов американского и западного образа жизни;
- подрывать Движение неприсоединения¹.

¹ См.: Россия-2000. РАУ-Корпорация. М., 2000. С. 977.

Все вышесказанное является естественной заботой США о собственных геополитических интересах; просчитыванием вариантов на годы вперед; обеспечением политических позиций в очень важном регионе. Данная внешняя политика сработала точно и в нужный момент.

С 1980-х гг. в Югославии нарастали экономические и политические трудности. В 1991 г. с обострением межнациональных противоречий Социалистическая Федеративная Республика Югославия (СФРЮ) распалась. Из ее состава вышли Хорватия, Словения, Босния и Герцеговина, Македония.

Словения

Словения, входившая в состав Федерации, не считала себя принадлежащей к Балканам. Длительное время находившаяся в составе Габсбургской империи, не испытывая на себе турецкого ига, в основном католическая страна и в промышленном отношении была наиболее развитой Республикой Федерации. Катализатором роста националистических настроений в Словении и Хорватии послужило восстановление дипломатических отношений СФРЮ с Ватиканом, которое привело к резкому возрастанию влияния католической церкви на общественное сознание населения. С ростом иностранного туризма увеличивались доходы республики, а вместе с тем и националистические настроения.

Тридцатого января 1990 г. состоялся последний съезд Союза Коммунистов Югославии. Делегации Союза Коммунистов Словении и Союза Коммунистов Хорватии покинули заседание съезда. Это означало фактическое устранение последнего фактора, работавшего на единство страны. Союз Коммунистов Югославии распался. В Словении в выборах 1990 г. участвовали 34 политические партии и к власти пришла демократическая оппозиция. Председателем Президиума был выбран Милан Кучан.

Двадцать пятого июня 1991 г. Скупщина Словении² объявила о провозглашении государственного суверенитета. В этот же

² Парламент Словении.

день и такое же заявление принял парламент Хорватский Сабор¹. На другой день Союзное исполнительное вече СФРЮ объявило данные решения незаконными и поручило Югославской народной армии (ЮНА) ликвидировать пограничные пункты указанных республик и взять под контроль государственную границу СФРЮ. Высшие командные посты в армии и государстве в этот период занимали как раз хорваты и словенцы².

Выполняя приказ, ЮНА попыталась взять под контроль стратегические центры Словении, а также таможенные и контрольно-пропускные пункты на границе Словении с Италией, Австрией и Венгрией. Однако оперативные планы ЮНА стали известны руководству Словении. В ней была объявлена мобилизация сил территориальной обороны, всегда находившихся в подчинении руководства республики, а также полиции. Места расположения частей ЮНА были блокированы словенскими подразделениями и гражданским населением. Четвертого июля ЮНА прекратила активные действия. В свою очередь, С. Месич и А. Маркович отошли от действий армии, заявив, что не отдавали приказа о наступлении, предпринятом ЮНА 2 июля.

Со 2 по 7 июля руководители Словении проявили лихорадочную дипломатическую активность, чтобы заручиться поддержкой мировой общественности и Ватикана. Седьмого июля была принята Брионская декларация, провозгласившая трехмесячный мораторий на выход Словении из СФРЮ, создание комиссии Евросоюза по наблюдению за отводом войск в казармы и расформированием территориальных частей, освобождение всех арестованных. Контроль за границей Словении фактически передавался этой республике. С 29 июля начался вывод войск ЮНА из Словении. Словения обрела независимость.

Хорватия

Штаб сил ЮНА, восстанавливающих порядок в Словении, находился в столице Хорватии Загребе. Обстановка в самой Хорватии, провозгласившей 25 июня

1991 г. государственный суверенитет, была в это время не менее драматичной. В феврале 1990 г. в результате первых выборов на многопартийной основе к власти в Хорватии пришел бывший генерал югославской службы безопасности, историк и активный деятель правозащитной просветительской организации «Матицы Хрватской» Ф. Туджман, лидер христианских демократов. С 1990 г. в Хорватии стали использоваться государственные символы, которыми в свое время пользовались усташи³. Провоцировалась ненависть к сербам, составлявшим 12 % от общего населения Хорватии, началась кампания по проверке сербов на лояльность новой республике, массовые увольнения сербов из государственных учреждений.

Исторически сербы в Хорватии проживали компактно в двух географических регионах: Книнской Краине⁴ на юго-западе Хорватии к северу от Сплита, где сербское население составляло около 95 %, и в Придунайской Хорватии, Восточной и Западной Славонии, где население было смешанным, сербским и хорватским. В Австро-Венгерской империи эта часть современной Югославии называлась «Война Краина» и была военным поселением сербских граничар (порграничников – С. Н.), охранявших габсбургов от набегов турок.

Справедливо считая, что провозглашение курса на независимость Хорватии затрагивает интересы сербского населения, хорватские сербы 25 июля 1990 г. приняли Декларацию о собственном суверенитете и автономии. Это положило начало сербскому восстанию в Книнской Краине. Двадцать восьмого февраля 1991 г. Исполнительное вече Сербской автономной области Краины приняло решение об отделении от Хорватии, а 1 апреля было принято решение о присоединении к Республике Сербия. В мае 1991 г. начались вооруженные столкновения между сербами и хорватами в Западной Славонии. В Хорватии появилось большое количество оружия. В Сербии началась кампания по оказанию помощи сербам в Хорватии. В Восточную и За-

¹ Парламент Хорватии.

² С. Месич – президент СФРЮ, А. Маркович – председатель правительства, В. Кадиевич – командующий ЮНА, З. Лончаревич – глава МИД, А. Мустич – глава разведки и т. д. (*Примеч. авт.*)

³ Ультра-националистическая организация хорватов, пришедшая к власти с помощью итальянских и немецких фашистов в 1941 г.

⁴ Город Книн – крупный город в Далмации, столица Сербской Краины.

падную Славонию стали перебрасываться добровольцы из Сербии¹.

В мае 1991 г. Конгресс США принял решение приостановить американскую помощь Югославии. На этом фоне в Хорватии прошел референдум, на котором население выступило за отделение от Югославии. Следует отметить, что сербы в Автономной Краине референдум бойкотировали. Двадцать пятого июня 1991 г. высший орган государственной власти Хорватии – Сабор – объявил о независимости Хорватии, а еще с середины июня хорватские вооруженные формирования приступили к операциям против сил самообороны сербских автономий. Эскалация военных действий привела к втягиванию в конфликт частей ЮНА, которая стала брать под защиту сербские села. В ответ хорваты стали захватывать военные городки ЮНА, расположенные на территории Хорватии, что, в свою очередь, привело к наступательным операциям ЮНА, которая взяла под контроль районы, населенные сербами.

Несмотря на ряд соглашений о прекращении огня, боевые действия продолжались. С сербской стороны к ним подключились добровольцы и полувоенные организации: «Белый орел» и «Тигры». Хорваты приступили к этническим чисткам и начали выселение десятков тысяч сербов из района Западной Славонии. Более того, в Хорватии были приняты законы, дающие право этническим хорватам захватывать дома, землю и другую собственность сербов, бежавших из Краины и Славонии². Эти законы ничем не отличались от законов гитлеровской Германии, лишавших евреев права собственности. Общее количество сербских беженцев за период военных действий составило около 250 тыс. человек. Следует заметить, что один из авторов указанных законов С. Стерц был назначен заместителем министра обороны Хорватии. Бои стали принимать ожесточенный характер. Так, бои за г. Вуковар (Восточная Славония) продолжались почти три месяца без прерыва. Город был полностью разрушен. Во-

енные действия, а также насилие над мирным населением не прекращались и в Книнской Краине.

Мировая общественность объявила виновником гражданской войны, кровавых этнических чисток и других преступлений Сербию и Черногорию, заявивших о своей решимости сохранить Федеративную Югославию. Европейский Союз принял 2 декабря 1991 г. санкции в отношении указанных республик, а Совет Безопасности ООН принял резолюцию от 27 ноября 1991 г. № 721, предусматривающую направление в зону конфликта миротворцев ООН³. В декабре 1991 г. Германия, всегда имевшая особые интересы в этом регионе, заявила о признании независимости Хорватии и Словении⁴. К ней чуть позже присоединились все страны-члены Европейского Союза, а Арбитражная Комиссия Европейского Союза практически ликвидировала СФРЮ как субъект международного права, заявив, что СФРЮ находится в процессе распада.

В ответ 19 декабря 1991 г. сербское население Хорватии провозгласило создание Республики Сербская Краина. Двенадцатого февраля 1992 г. Сербия и Черногория договорились о продолжении функционирования Югославии и объявили себя Союзной Республикой Югославия (СРЮ) – правопреемником СФРЮ. Мировая общественность правопреемство СРЮ не признала и в ООН ее не допустила. В марте 1992 г. в Хорватию ввели многотысячный контингент миротворческих сил ООН – UNPROFOR⁵. В январе 1993 г. на обоих фронтах установилось позиционное равновесие. Хорватская армия была занята в Боснии, где с марта 1992 г. тоже шла война, еще более ожесточенная и кровавая.

Республика Сербская Краина просуществовала почти четыре года. В 1995 г. в результате операции «Буря», проведенной хорватской армией, которая была обучена американскими офицерами, окрепла в боях в Боснии и была насыщена с помощью западных государств новейшим вооружением, Сербская Краина прекратила существование. К 16 августа 1995 г. последние сто

¹ В частности, «Тигры Аркана», спецназ, возглавляемый Ж. Ражнятовичем (убит в г. Белграде), и подразделения В. Шешеля – лидера Сербской радикальной партии.

² Миссия ОБСЕ в Хорватии (1995–2007 гг.) добилась отмены этих законов лишь в 2002 г.

³ См.: S/Res/721/1991.

⁴ Характерно, что Германия одна из первых признала независимость Косово в феврале 2008 г.

⁵ United Nations Protection Forces – Силы ООН по защите.

тысяч сербов покинули территорию Хорватии, увеличив и без того огромную массу беженцев, хлынувших в СРЮ. Хорватия решила свою историческую задачу – очистить страну от сербов.

В результате борьбы за независимость и этническую чистоту было убито и пропало без вести примерно 40 тыс. человек.

Босния и Герцеговина

Этнический водораздел между сербами, хорватами и мусульманами, проживающими в Боснии и Герцеговине, очень скоро превратился в линию фронта. Этому способствовала мировая общественность, заинтересованная в разрушении Югославской Федерации, а также изоляции СРЮ, которая оставалась единственным югославским образованием, выступающим за сохранение Федерации.

Босния и Герцеговина – сама богатая ресурсами республика бывшей СФРЮ. На ее территории находилось около 65 % военной промышленности Югославии, а также значительная часть военной инфраструктуры. Ее славянское население на 47 % было мусульманским, 35 % составляли православные сербы и 18 % – хорваты-католики. Неславянское население составляло около 7 % всего населения. Из 106 общин Боснии и Герцеговины только 10 были моноэтническими. Во всех остальных общинах преобладало то или иное население, однако внутри такой этнически чистой общины обычно имелись относительно однородные анклав, принадлежащие другим национальностям.

Босния и Герцеговина пыталась вначале оставаться нейтральной в условиях протекавшего конфликта Сербии и Хорватии. Четырнадцатого октября 1991 г. ее Скупщина приняла Меморандум о независимости и заявила, что она войдет в какую-либо федерацию, если в нее войдут одновременно и Сербия, и Хорватия. Депутаты сербской национальности покинули зал заседаний и решение принималось без них. Следует отметить, что Сербия имела две стратегические причины удержать Боснию и Герцеговину в рамках Федерации:

1. В условиях выхода из Федерации Словении и Хорватии, что к этому времени было уже свершившимся фактом, уход Боснии и Герцеговины означал почти полную континентальную изоляцию СРЮ. Последний остающийся выход к Адриатике

обеспечивали лишь черногорские порты Бар и Котор, не самые значительные и доступные из промышленных центров Сербии. Кроме того, выход из Котора¹ блокировался мысом Превлака², принадлежащим Хорватии.

2. Нарушалась территориальная связь районов Хорватии с преимущественно сербским населением (Книнская Краина) с территорией собственно Сербии через сербские районы Боснии и Герцеговины. Тем самым Сербия лишалась возможности собрать в крайнем случае все районы, населенные сербами, в одно государство.

Девятого ноября 1991 г. боснийские сербы провели в своих общинах референдум, на котором подавляющее большинство высказалось за сохранение Югославии. Двадцатого декабря руководство Боснии и Герцеговины обратилось к мировой общественности с просьбой о признании независимости. Уже на следующий день была создана Республика Сербская Боснии и Герцеговины, которая заявила о своем намерении войти в Союзное Югославское государство, если хорватская и мусульманская общины выйдут из Югославии. Девятого января 1992 г. была провозглашена независимость Республики Сербской Боснии и Герцеговины во главе с Р. Караджичем³, сараевским интеллектуалом, психоаналитиком и поэтом.

Руководство Боснии и Герцеговины, возглавляемое А. Изетбеговичем⁴, признало эти действия сербской общины незаконными. Такую же позицию занял и Европейский Союз. Сербы не приняли участие в референдуме, рекомендованном Европейским Союзом и назначенном на 1 марта 1992 г., а вместо этого приняли собственную Конституцию и объявили своей столицей г. Сараево. Десятого марта США и Ев-

¹ Главная база ВМФ Югославии.

² С января 1996 г. по декабрь 2002 г. здесь работала миссия военных наблюдателей ООН.

³ Родился 19 июня 1945 г. Единомышленники его называли «Рашо» или «Раша». Обвинялся Гаагским трибуналом по бывшей Югославии в совершении военных преступлений.

⁴ В годы Второй мировой войны входил в фашистскую организацию боснийских мусульман, был завербован в горнолыжную дивизию СС. После войны был приговорен к трем годам тюрьмы. В 1983 г. был обвинен в подрывной деятельности и исламском фундаментализме и приговорен к 14 годам заключения.

ропейский Союз поспешили признать независимость Боснии и Герцеговины, не оставив тем самым никакого шанса для мирного исхода. В это время еще продолжался переговорный процесс в рамках мирной конференции по Югославии, дававший повод для оптимизма.

В Боснию и Герцеговину стали перебрасываться сначала диверсионные отряды хорватского спецназа, а к апрелю 1992 г. и регулярные хорватские армейские части. На территории Хорватии началась военная подготовка хорватских и мусульманских добровольцев из Боснии и Герцеговины. В начале апреля было совершено массовое убийство сербского населения у Босанского Брода. В анклавах стали создаваться отряды самообороны. Десятого апреля Президиум Боснии и Герцеговины объявил о состоянии военной опасности в стране. Ранее уже были призваны на службу резервисты территориальной и гражданской обороны.

Двадцать седьмого апреля 1992 г. в г. Белграде была провозглашена Союзная Республика Югославия в составе Сербии и Черногории. Как правопреемница СФРЮ она объявила о выводе из Боснии и Герцеговины всех военнослужащих, не являющихся жителями данной страны. Сербская Республика Боснии и Герцеговины в ответ на это приступила к формированию собственной армии из частей ЮНА, дислоцированных в республике. Командующим армией был назначен генерал Р. Младич¹. Сербская Республика стала действовать независимо от СРЮ.

Первый крупный конфликт произошел в г. Сараево 27–30 мая 1992 г. Подлежащие выводу части ЮНА были блокированы силами территориальной обороны Боснии и Герцеговины, а 27 мая подвергнуты неспровоцированному минометному обстрелу. Двадцать восьмого мая армия Р. Младича ответила артиллерийским обстрелом мусульманских кварталов. Началась самая длительная и кровавая война после распада Югославии. Ответственность за обстрел г. Сараево была возложена на Союзную Республику Югославию. Тридцатого мая 1992 г. Совет Безопасности ООН принял

решение о применении санкций против Сербии и Черногории (СРЮ не была признана ООН).

Следует отметить, что еще 15 мая 1992 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию, требовавшую от Хорватии немедленно вывести свои войска из Боснии и Герцеговины. Выполнять эту резолюцию никто не собирался, и в середине июня в Боснии и Герцеговине действовали подразделения хорватской армии и спецслужб общей численностью до 35 тыс. человек².

Начались этнические чистки. Из 15 сербских общин было изгнано до 200 тыс. человек. В свою очередь, в районах Приедор, Баня Лука, Зворник и других хорватское и мусульманское население изгонялось армией Р. Младича. Обе стороны создавали концентрационные лагеря³.

В мае 1992 г. лидер боснийских сербов Р. Караджич и лидер боснийских хорватов М. Бобан в принципе достигли соглашения о разделе территории Боснии и Герцеговины, однако оно не было принято руководителем Боснии и Герцеговины А. Изетбеговичем, который настаивал на сохранении единой Боснии и Герцеговины, которую видел исламским государством. Кроме того, мировая общественность не была заинтересована в таком урегулировании. В результате 3 июля 1992 г. было провозглашено Хорватское государство в Боснии и Герцеговине⁴. Началось хорватско-мусульманское противостояние. Хорватские силы полностью заняли район Герцег-Босна на юге Боснии и Герцеговины. Сербь контролировали северные районы вдоль реки Сава, Боснийскую Посавину. В начале 1993 г. около 70 % территории Боснии и Герцеговины контролировалось армией Р. Младича, 20 % – хорватскими силами и около 10 % – мусульманами.

Исламский мир быстро отреагировал на сложившуюся ситуацию. Тысячи боевиков из Турции, Ирана и других стран поспешили на помощь А. Изетбеговичу. К апрелю 1995 г. в армии А. Изетбеговича было около 20 тыс. наемников, в том числе боевиков Усамы бен Ладена. Славянские и другие

¹ Родился 12 марта 1943 г. Обвинялся Гаагским трибуналом в совершении военных преступлений на территории Боснии и Герцеговины.

² См.: Югославия в огне. Документы, факты, комментарии. М., 1992. С. 161–162.

³ Сербь создали лагеря Омарска и Кетерем, хорваты – Ясеновац, мусульмане – Бихач и Яйце.

⁴ Столица – г. Мостар.

наемники воевали в армии Р. Младича. По некоторым данным, на стороне Р. Младича кроме русских добровольцев воевали греки, болгары, однако общее число добровольцев за все время войны не превышало тысячи человек. А солдаты удачи из европейских стран – на стороне хорватов¹. В таких условиях никто не думал ни о цивилизованных нормах ведения военных действий, ни о мирном населении. Война стала принимать характер боевых действий против Республики Сербия мусульманских формирований, действовавших под прикрытием миротворцев из зон безопасности, которые охранялись войсками ООН.

Практически с самого начала конфликта международные организации вырабатывали планы урегулирования. Однако они либо были отвергнуты конфликтующими сторонами, либо неприемлемы для главного заинтересованного лица – США. Данная страна ставила своей задачей создание на Балканах государственных структур, которые в будущем могли использоваться в интересах США против объединенной Европы, контуры которой уже ясно обозначились к тому времени. Ставка делалась на мусульманскую Боснию и впоследствии на Косово. Кроме того, позиции США в мусульманском мире после «Бури в пустыне» были подорваны и американцы старались изо всех сил найти «хороших» мусульман и противопоставить их «плохим». Таким образом, достигались сразу две цели. Был отдан приказ об использовании Военно-воздушных сил США для снабжения воздушным путем осажденных мусульманских городов. Авиация США и НАТО вела патрулирование воздушного пространства Боснии и Герцеговины. Сербия и Черногория, которых считали главными виновниками конфликта, постоянно получали угрозы прямой военной акции со стороны США и НАТО. Сохранялось эмбарго в отношении СРЮ.

Пятого февраля 1994 г. на рынке в г. Сараево был организован взрыв, в результате которого погибло 70 человек. В реальной обстановке того времени меньше всего во взрыве были заинтересованы сербы, но

именно их немедленно в этом обвинили. Сложилась ситуация для дружбы мусульман и хорватов, и в конце марта 1994 г. была создана Мусульманско-Хорватская Федерация Боснии и Герцеговины. В августе 1994 г. СРЮ закрыла свою границу с Сербской Республикой Босния и Герцеговина, ввела против нее экономическую блокаду и допустила на свою территорию международных наблюдателей для контроля границы.

Этот неожиданный шаг поставил армию Р. Младича в тяжелейшее положение. Лишенная тыла и возможности пополнения боеприпасов и горючего, она осталась один на один с усиленно вооружаемой и пополняемой опытными моджахедами мусульманской армией А. Изетбеговича и воспитанной американцами и оснащенной немцами хорватской армией. Выделяются две причины таких событий. Первая состоит в том, что мировая общественность с помощью России постепенно не оставила выбора Сербии и С. Милошевичу. К середине 1994 г. С. Милошевич, очевидно, понял, что «Б. Ельцин полностью контролируется Западом»² и все надежды на объективное посредничество России в боснийской войне более чем беспочвенны. Вторая причина носила личный характер. Р. Караджич все более и более приобретал черты сербского общенационального лидера.

В августе 1995 г. хорватская армия, успешно завершив операцию «Буря» по разгрому Сербской Краины, начала наступление на сербские позиции в Боснии и Герцеговине. Неизвестно, как развивались бы дальнейшие события, учитывая, что вооруженные формирования Сербской Краины были несравнимо слабее армии Р. Младича, даже лишенной тыла. Однако был организован по той же схеме еще один взрыв на том же рынке в г. Сараево, ответственность за него опять возложили на Сербию, в результате авиация НАТО приступила к нанесению методичных ракетно-бомбовых ударов по позициям боснийских сербов и населенным пунктам Республики Сербия. Бомбардировки продолжались с 30 августа по 10 октября. Мировая общественность проигнорировала известный факт, что в августе 1995 г. хорватская армия выпустила

¹ Этому имеется множество подтверждений. О них даже создан фильм германскими кинодокументалистами. В основном это были граждане Бельгии, Голландии, Франции.

² Более подробно об этом см.: *Никифоров К.* Между Кремлем и Республикой Сербской. М., 1999.

по сербскому г. Книн 3 тыс. снарядов. Ни один самолет НАТО не был поднят в воздух для удара по г. Загребу. Армия Р. Младича была поставлена в крайне трудное положение. Сербская Республика Босния и Герцеговина была вынуждена принять кабальные условия мирного соглашения, известного как Дейтонские Соглашения¹. Подписание соглашения по Боснии и Герцеговине состоялось в г. Париже 14 декабря 1995 г.

Гражданская война в Боснии и Герцеговине унесла жизни около 200 тыс. человек, более 500 тыс. было ранено, число беженцев и перемещенных лиц превысило 3 млн человек.

Македония

Выход Македонии из СФРЮ прошел достаточно мирно. Она будет дестабилизирована позднее, в 2001 г., когда для этого в Косово будет создан прочный плацдарм, а ситуация в остальных республиках бывшей Югославии будет более или менее контролируемой.

Независимость Македонии была провозглашена 17 ноября 1991 г., т. е. позднее, чем в остальных республиках СФРЮ. Двадцать первого февраля 1992 г. был подписан договор с еще существовавшей СФРЮ

о выводе войск ЮНА с территории Македонии. В декабре 1993 г. границу Македонии прикрывал контингент миротворческих сил ООН (всего 1100 человек²).

Крайне сложная этническая карта, переплетение интересов великих держав на территории бывшей Югославии не вселяют надежды на быстрое решение проблем региона. Единственным выходом из сложившейся ситуации, по мнению П. Симича, является «европеизация» Балкан, а не «балканизация» Европы³. Очевидно, что ключом к данной проблеме служит определение статуса тех балканских народов, которые из-за своего положения являются неизбежным слагаемым любой европейской геополитики.

Библиографический список

1. *Никифоров, К.* Между Кремлем и Республикой Сербской / К. Никифоров. – М., 1999.
2. *Симич, П.* Гражданская война в Югославии. Причины и последствия / П. Симич // *Международная жизнь*. – 1993. – № 7.
3. *Югославия в огне. Документы, факты, комментарии.* – М., 1992.

Т. В. Пашкова,

адъюнкт кафедры

государственно-правовых дисциплин

ВЮИ ФСИН России

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ КИТАЯ

В настоящее время в мире насчитывается около двухсот стран, и в каждой из них функционирует такой регулятор общественных отношений, как право. Безусловно, любому конкретному государству присущи свои особенности. Однако существует ряд общих признаков права, на основании которых государства объединяют в определенные группы – правовые системы, или правовые семьи.

Проблемой классификации правовых систем занимались ведущие теоретики права как в нашей стране, так и за рубежом: Д. Рене, А. Х. Саидов, С. С. Алексеев, Ю. А. Тихомиров, Кр. Осаке и др.

Так, Д. Рене разграничивает основные правовые системы современности по таким критериям, как: историческое формирование той или иной правовой системы, структура права, источники права и др. и выделяет романо-германскую правовую семью, семью социалистического права, правовую семью общего права, мусульманское право, индусское право, правовые системы Африки и Мадагаскара и правовые системы Дальнего Востока⁴.

¹ Мирные переговоры велись в ноябре 1995 г. на базе Военно-воздушных сил США Райт-Паттерсон в штате Огайо между президентами Милошевичем, Изегбеговичем и Туджманом. Французский командир сектора г. Сараево официально заявил по поводу Дейтона: «США заставляют сербов выбирать между чемоданом и гробом» (цит. по: *Dickey C. And Nordland R. A spy in the ranks* // *Newsweek*. 1998. Nov., 6. P. 29).

² С марта 1995 г. по февраль 1999 г. на территории Македонии действовали Силы превентивного развертывания ООН (СПРООН). Они были укомплектованы в основном представителями Скандинавских государств.

³ См.: *Симич П.* Гражданская война в Югославии. Причины и последствия // *Международная жизнь*. 1993. № 7. С. 77.

⁴ См.: *Рене Д.* Основные правовые системы современности. М., 1998.

Согласно классификации, предложенной немецкими компаративистами К. Цвайгертом и Х. Кетцом, все национальные правовые системы сгруппированы в восемь правовых семей: 1) романскую; 2) германскую; 3) скандинавскую; 4) общего права; 5) социалистического права; 6) права стран Дальнего Востока; 7) исламского права; 8) индусского права¹. «Стиль права» как критерий для классификации правовых систем складывается, по мнению авторов, из пяти факторов: происхождение и эволюция правовой системы; своеобразие юридического мышления; специфические правовые институты; природа источников права и способы их толкования; идеологические факторы.

А. Х. Саидов утверждает, что для выделения основных правовых семей наиболее существенными являются три взаимосвязанные группы критериев: история правовых систем; система источников права; структура правовой системы; ведущие правовые институты и отрасли права². Эти критерии, по мнению автора, позволяют раскрыть качественную специфику той или иной правовой семьи. Исходя из этих взаимосвязанных критериев, можно выделить следующие правовые семьи: общего права, романо-германскую, скандинавскую, латиноамериканскую, социалистическую, мусульманскую, индусскую, обычную, дальневосточную.

При этом следует отметить, что у ученых отсутствует единое мнение относительно национальной правовой системы Китайской Народной Республики. Территориально данное государство расположено в Восточной Азии и относится к группе стран Дальнего Востока.

В современной компаративистике существует две концепции правовой системы Китая. Приверженцы первой (Д. Рене, К. Цвайгерт, Х. Кетц) относят Китай к дальневосточной правовой системе.

Согласно второй концепции Китай – социалистическое государство и, значит, относится к социалистической правовой системе (А. Х. Саидов, Кр. Осакве, М. Н. Марченко и др.).

¹ См.: Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 117.

² См.: Саидов А. Х. Сравнительное правоведение. М., 2006.

Рассмотрим обе концепции подробнее.

В частности, Д. Рене, высказывая общие соображения относительно правовых систем Дальнего Востока (китайское право, японское право, право Монголии и др.), отмечает, что они различны как по их истории, так и взятые в современном состоянии³. Однако, несмотря на это, возможно выявить некоторые их общие черты. В отличие от народов стран Запада, население этих государств не склонно верить в право как средство обеспечения социального порядка и справедливости. Разумеется, в них существует право, но оно наделено субсидиарной функцией и играет незначительную роль. В суды здесь обращаются лишь тогда, когда исчерпаны все другие способы разрешить конфликт и восстановить порядок. Строго очерченные решения, которые дает право, связанное с ним принуждение – все это встречает крайнее неодобрение. Народы стран Дальнего Востока исходят из того, что социальный порядок должен охраняться по преимуществу методами убеждения, техникой посредничества, самокритичными оценками поведения, духом умеренности и согласия.

Вместе с тем, как мы отметили выше, социальное воздействие на личность в этих странах связано с разными концепциями общества⁴.

По мнению Д. Рене, традиционная философия Китая, развивавшаяся до XIX в. вне какого-либо иностранного влияния, полностью отличается от западной концепции. Ее фундаментальная идея далека от религиозной догмы и выражается в постулате о существовании космогонического строя, в котором взаимодействуют земля, небо и люди. Земля и небо подчинены неизменным законам, а люди – хозяева своих поступков, поэтому от того, как они ведут себя, зависит, будет в мире порядок или, наоборот, беспорядок.

Гармония, обуславливающая равновесие в мире и счастье людей, предстает в двух аспектах. Во-первых, как гармония между человеком и природой. Это означает, что поведение людей должно соответствовать естественному порядку. Во избежание эпидемии, неурожая, наводнения и землетря-

³ Рене Д. Указ. соч. С. 354.

⁴ См.: там же. С. 355.

сения, а также при совершении тех или иных действий общественного и личного плана следует учитывать расположение планет, время года и т. п. Правители должны служить образцом жизни, соответствующей естественному порядку – это их основная задача. Добродетель и мораль – более важные качества правителей, чем их практические познания.

Во-вторых, гармония необходима в отношениях людей между собой. На первом плане в таких отношениях должны находиться идея согласия и поиск консенсуса. Следует избегать осуждений, санкций, решений большинства. Несогласия должны как бы «растворяться», а не решаться. Необходимо, чтобы предложенный выход был свободно принят участниками, считающими его справедливым, и при этом никто не «потерял бы лица». На переднем плане должны находиться воспитание и убеждение, а не власть и принуждение.

Благодаря таким взглядам китайцы отрицательно относятся к западной идее права с его строгостью и абстрактностью. Они считают, что человек не должен настаивать на своих правах, поскольку долг каждого – стремиться к согласию и забывать о себе в интересах всех. Юристы вызывают у китайцев недоверие, поскольку, по их мнению, используя абстрактные нормы, юристы создают препятствия к достижению компромиссов. Хотят они того или нет, но тем самым они способствуют недостойному поведению, не совместимому с интересами общества. В любом случае конкретное решение должно отвечать справедливым и гуманным чувствам, а не быть втиснутым в рамки юридической схемы. Возмещение вреда нельзя класть непомерным грузом на плечи должника и вести его семью к разорению¹.

Законы не являются нормальным средством решения конфликтов между людьми. Их полезная роль ограничивается тем, что они предлагают образцы поведения и предостерегают тех, кто повел бы себя антиобщественным образом. Однако речь не идет о буквальном следовании законам: при их ис-

полнении и применении должна сохраняться большая свобода усмотрения, а идеал в том, чтобы законы вообще не применялись и судебные решения не выносились.

Традиционная китайская концепция не отрицает права, но полагает при этом, что оно предназначено для варваров, для тех, кто не заботится о морали, неисправимых преступников, наконец, иностранцев, которым чужда китайская цивилизация. Китайский же народ прекрасно обходится и без права. Он не интересуется тем, какие нормы содержат законы, не обращается в суд и регулирует межличностные отношения так, как ему подсказывает смысл, т. е. китайцы следуют не праву, а соглашению и гармонии.

Таким образом, по мнению Д. Рене, правовая система Китая относится к дальневосточной правовой семье. Особый акцент при ее характеристике автор делает на так называемом обществе без права, вместе с тем утверждает, что за последние два десятилетия законодательство КНР существенно изменилось.

Немецкие компаративисты К. Цвайгерт и Х. Кетц занимают аналогичную позицию. По их мнению, в число отличительных критериев, на основе которых можно определить, к какой правовой семье следует отнести ту или иную правовую систему, помимо остальных следует включить восприятие права как исключительно важного инструмента социальной жизни в рамках упорядочения отдельных человеческих сообществ. В этом отношении страны Дальнего Востока принципиально отличаются от остальных правовых семей. Правопорядок во всех западных государствах, не зависимо от того, принадлежит он к гражданскому или общему праву, основывается на том, что все важные вопросы жизни общества регулируются нормами объективного права, а не только нормами, выработанными традицией, нравами и моралью.

В Китае, как утверждают авторы, под влиянием учения Конфуция (551–479 гг. до н. э.) уже в далекой древности существовал традиционный скептицизм по отношению к обобщающим формулировкам норм закона и ко всем формам их применения судами. Китайские традиции еще и сегодня оказывают определенное, хотя и не столь значительное, влияние на право КНР.

¹ Традиционно спорные вопросы решаются сначала на основе принципа гуманности, затем – ритов, затем – разума, и только после этого может последовать обращение к праву.

В древнем Китае считалось, что человеческие отношения регулируются законами природы.

Высшая цель человека – стремление к созвучию его помыслов, чувств и деяний с космической гармонией. Правила, которым должен следовать человек, если он хочет вести себя «правильно» в этом смысле, называются «ли». Их содержание определяется социальным статусом того человека, к которому они применяются.

Следует отметить, что правила «ли» обуславливали поведение каждого в конкретной ситуации. Идеальным, по представлению конфуцианцев, считался тот человек, который понял суть естественного мирового порядка и, признав нормы поведения в качестве необходимых и полных смысла, добровольно им следовал, а потому покорно и скромно подчинял свои личные интересы сохранению установленной гармонии.

Отсюда становится очевидным, почему конфуцианство не могло быть высокого мнения о нормах права и об их применении судами. Любое право стремится к схематичному, упрощенному и типизированному регулированию человеческих отношений.

Итак, Конфуций и его ученики верили, что человек по природе добр и с помощью воспитания его можно побудить к осознанию необходимости добродетельного поведения, в то время как легисты считали человека эгоистичным, думающим только о реализации своих интересов. Потому они говорили о необходимости создания государственного законодательства, чтобы дисциплинировать человека. Конфуций, в свою очередь, учил, что в иерархическом обществе различия в социальном положении следует рассматривать как выражение более высокой мировой гармонии. По мнению же легистов, перед законом все равны и правильного человеческого поведения можно добиться не философскими доктринами, а строгими уголовными законами, которые должны применяться средствами государственного принуждения и независимо от социального статуса. Тем не менее, когда в 206 г. до н. э. в Китае к власти пришла династия Хань, императоры которой высоко подняли авторитет Конфуция, его учение с большим успехом широко распространилось по всей стране.

Однако победа конфуцианства, разумеется, не означала, что в Китае перестали издавать законы и социальная жизнь без помех осуществлялась на основе «ли». Более того, конфуцианские мыслители вынуждены были признать, что, хотя в тех условиях государственные законы играли меньшую роль, чем «ли», они представляли собой необходимую форму регулирования человеческих отношений.

Поэтому в Китае уже начиная с III в. до н. э. непрерывно издавались кодексы. От наиболее ранних из них остались только заголовки разделов или разрозненные фрагменты.

Интересно, что эти кодексы касались только вопросов уголовного и административного права и свидетельствовали о высокой юридической технике в Китае. Основная масса законов носила уголовно-правовой или административный характер, а суды занимались в основном рассмотрением уголовных дел. В императорском Китае лишь небольшая часть гражданских дел рассматривалась государственными судами. Правительства китайских императоров такое развитие вполне устраивало. Благодаря тому, что большинство споров решалось «само собой» внутри местных общин в соответствии с традиционными, ориентированными на социальный статус, нормами поведения, среди китайцев усиливалось чувство принадлежности каждого индивида к своей узкой социальной среде и в значительной мере облегчались управленческие задачи государства по судопроизводству и законотворчеству в гражданско-правовой сфере.

Только в начале XX в. в Китае наметились перемены как в государственных, так и общественных структурах, что послужило началом кодификации частного права и разработке новых норм – правовых актов.

Таким образом, по мнению Д. Рене, К. Цвайгерта и Х. Кетца, правовая система КНР относится к дальневосточной правовой семье. Далее рассмотрим иную точку зрения, согласно которой правовая система Китая относится к группе стран социалистической правовой системы.

Социалистическая правовая система первоначально возникла в России в результате революций 1917 г., а после Второй мировой войны – в ряде государств Восточной Европы, Азии и Латинской Америки.

ки, провозгласивших социалистический путь развития. В большинстве этих государств ряд положений старого законодательства, в основном кодексы, были восприняты новой властью и с определенными модификациями долгое время являлись действующими источниками права.

По внешним признакам социалистическая правовая система имела ряд общих черт с романо-германской системой. В ней достаточно широко использовались известная юридическая терминология, юридические конструкции, правила законодательной техники, отчасти деление права на отрасли. Как и другие системы континентального права, социалистическая система основывалась на верховенстве закона, кодификации основных сфер правового регулирования, заключающейся в отмене старых правовых институтов, базирующихся на принципах защиты и охраны частной собственности, многопартийности, разделении властей. Нормы данной системы устанавливали господство социалистической, и в первую очередь государственной, собственности, законодательно признавали руководящую роль коммунистической партии во всех сферах жизни. Законы декларативно провозглашали полновластие народа, свободу деятельности общественных объединений, широкие права и свободы граждан, однако на практике отсутствовали действенные механизмы, материальные и юридические гарантии их реального осуществления.

Сегодня в большинстве государств, поставивших в свое время перед собой цель строительства социализма и коммунизма, правовые системы находятся в стадии коренной реконструкции и принципиального обновления. В них, в частности, происходят существенные демократические преобразования политической системы, направленные на повышение роли представительных органов, усиление их влияния на жизнь общества, заботы о правах и свободах личности, их материальной гарантированности, внедрение новых рыночных отношений и т. д.

Процесс становления нового права занимает довольно длительный исторический период, по окончании которого можно будет сделать вывод об особенностях новых

правовых систем государств социально-демократической ориентации.

Китай – одна из немногих стран, не отвергнувших в настоящий момент социалистического пути развития, что, безусловно, отразилось на его законодательстве.

После революции 1911 г. были организованы интенсивные кодифицированные работы. Гражданский кодекс, включающий и гражданское, и торговое право, вступил в силу в 1929–1931 гг., Гражданский процессуальный кодекс – в 1932 г., Земельный – в 1930 г. На процесс кодификации оказали значительное влияние европейские кодексы, что давало многим исследователям повод отнести китайское право с определенными оговорками к континентальной правовой семье.

Современная правовая система КНР развивается в русле общей концепции построения в стране социализма с «китайской спецификой». Первым этапом становления социалистического права Китая является период с 1949 по 1957 г. Принятые в данный период временные конституционные акты определили правовые основы государства. Однако еще целостная правовая система не сформировалась ввиду низкой правовой культуры общества, а также засилья военно-командных методов руководства. Вторым этап (1957–1976 гг.) – период «культурной революции». Он характеризуется углублением правового нигилизма, игнорированием закона в регулировании жизни общества. В этот период значительно снизилась роль, а затем и прекратилась деятельность представительных органов, произошел отказ от соблюдения законности, т. е., по существу, были разрушены начавшие складываться правовые основы государства. Третий этап (с конца 1970-х гг. до настоящего времени) связан со значительным оживлением законодательной деятельности. Большим событием стало принятие в 1982 г. Конституции Китая. После смерти Мао Цзэдуна были изданы Избирательный закон, Органический закон о судах, законы о совместных предприятиях, о браке.

Современное право КНР, по мнению А. Х. Саидова, – сложное явление, органически включающее в себя систему глубоко укоренившихся в сознании народа тради-

ционных представлений о должном поведении, а также поддерживаемых силой государственного принуждения законодательных и иных обязательных для исполнения нормативно-правовых актов¹.

Кр. Осаке считает, что классификация правовых систем современности должна проводиться на трех уровнях: на двух уровнях – макроклассификации по правовым традициям и на одном уровне – микроклассификации по правовым семьям. На первом уровне дихотомической макроклассификации правовые системы делятся по критерию религиозной ориентации (религиозные и нерелигиозные), а на втором – по признаку правопонимания и роли права в обществе (западные и незападные). Более узкая классификация правовых систем, входящих в западную правовую традицию, относится к микроклассификации. На этом уровне, в представлении автора, критерий для классификации правовых систем сводится к четырем факторам: методологии права, инфраструктуре права, структуре процессуального права и правовой идеологии. В понятие методологии права входят такие факторы, как структура материального права, системы судебного мышления, формы и иерархия источников права, юридический стиль, юридическая техника и система толкования нормы права. Понятие инфраструктуры права включает такие факторы, как система юридического образования, структура юридической профессии и отношение к кодификации права. По вопросу о структуре процессуального права в современной компаративистике, по мнению Кр. Осаке, выделяются два типа: один построен на принципе состязательности, а другой – следствия (инквизиционный процесс). Под правовой идеологией понимаются те основополагающие философские принципы права, которые регулируют политические, экономические и социальные отношения в обществе².

Таким образом, на уровне микроклассификации западная правовая традиция делится на три правовых семьи: романо-герман-

скую, англо-американскую и скандинавскую. В понятие незападной правовой традиции входят юго-восточное азиатское право и африканское обычное право. В данной схеме социалистическое право является самостоятельной правовой семьей и относится к категории квазизападного права, так как оно содержит некоторые типологические признаки романо-германской правовой семьи, но по многим определяющим факторам полностью не обладает атрибутами западного права. В данную правовую семью, т. е. социалистическую, Кр. Осаке и относит КНР.

В современной компаративистике, как утверждает автор, «существуют три теории о природе социалистического права: французская, германская и американская. Французская теория считает социалистическое право внебрачной (т. е. нелегитимной) «дочерью» романо-германского права со многими чертами этой правовой семьи. Согласно данной теории социалистическое право является самостоятельной правовой семьей... Германская теория считает социалистическое право «блудным сыном» романо-германского права, предполагая, что со временем он вернется к своему «родному очагу». Соответственно сторонники данной теории считают, что социалистическое право не является самостоятельной правовой семьей, по существу входит в семью романо-германского права...»³.

Представители американской теории также считают, что социалистическое право представляет собой «ребенка с врожденным уродством, обладающего некоторыми элементами романо-германского права». Как и французская, американская теория признает социалистическое право самостоятельной правовой семьей и включает его в категорию квазизападного права.

Все три западные теории о природе социалистического права единогласно утверждают, что по первым двум критериям для микроклассификации правовых систем, а также по структуре гражданского процессуального права социалистическое право практически не отличается от романо-германского права. Существенное различие между романо-германским и социалисти-

¹ См.: Саидов А. Х. Указ. соч. С. 247–250.

² См.: Осаке Кр. Типология современного российского права на фоне правовой картины мира // Государство и право. 2001. № 4. С. 15.

³ Там же. С. 19.

ческим правом проявляется в структуре уголовно-процессуального права и вопросе правовой идеологии.

Согласно американской теории о природе социалистического права его правовая идеология состоит из трех компонентов: экономической философии права, квазитеологической философии права и социально-политической философии права. Данная теория рассматривает социалистическое право не только как учение о праве, но и как теологию об обществе. Экономическая философия социалистического права проявляется в следующих конкретных формах: установлении государственной собственности на основные средства производства и распространения, особенно землю и ее недра; отрицании частной, но признании личной собственности; вытеснении деликтного права правом социального страхования и уголовным правом; отрицании существования частного права вообще; политизации и идеологизации гражданского права; проведении политики необоснованного и неоправданного уравнивания в экономической жизни общества, карательной налоговой политики, направленной против частной собственности. Квазитеологическая философия социалистического права включает учения об отмирании государства при коммунизме и торжестве коммунистического самоуправления; отмирании права и торжестве морального кодекса строителя коммунизма; воспитательной роли права, цель которого заключается в воспитании нового человека, очищенного от природных грехов.

Наконец, социально-политическая философия социалистического права проявляется: в пропаганде учения о руководящей роли коммунистической партии, в том, что обществом будут управлять не все граждане, а лишь достойнейшие из достойнейших, т. е. члены коммунистической партии; надзоре коммунистической партии над всеми государственными органами и др. Анализ основных тезисов правовой идеологии социалистического права позволяет понять, что данная правовая система не признает кардинальных принципов правовой культуры и сущности правового государства, лежащих в основе западной правовой традиции¹.

¹ См.: *Осакве Кр.* Указ. соч. С. 19–20.

Мы разделяем точку зрения Кр. Осакве, что КНР – государство как с социалистической политикой, так и социалистической идеологией, в связи с чем мы с уверенностью относим данную страну к социалистической правовой системе.

В подтверждение нашей позиции перечислим характерные признаки социализма, точнее социалистического общества, на основе которого возникает и развивается соответствующий тип государства и права, в нашем случае – КНР:

1) сосредоточение власти в руках одной правящей коммунистической партии, надзор и контроль с ее стороны над всеми другими государственными органами и обществом;

2) отрицание и упразднение частной собственности, установление государственной собственности на средства производства – коллективизма;

3) корпоративные нормы как основной источник права;

4) в пирамиде системы правовых норм находятся правила, исходящие от коммунистической партии;

5) значительная конкуренция законам ведомственного правотворчества;

6) недостаточная систематизированность законодательства, труднодоступность нормативных материалов для граждан, учреждений, предприятий.

В заключение отметим, что ст. 1 действующей Конституции КНР 1982 г. – основного нормативного источника страны – гласит: «Китайская Народная Республика есть социалистическое государство демократической диктатуры народа... Социалистический строй есть основной строй Китайской Народной Республики...».

Библиографический список

1. *Осакве, Кр.* Типология современного российского права на фоне правовой картины мира / Кр. Осакве // Государство и право. – 2001. – № 4.

2. *Саидов, А. Х.* Сравнительное правоведение / А. Х. Саидов. – М., 2006.

3. *Цвайгерт, К.* Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права : в 2 т. / К. Цвайгерт, Х. Кетц. – М., 1998.

С. П. Фокина,
преподаватель кафедры
профессиональной языковой подготовки
ВЮИ ФСИН России

ФОРМЫ И МЕТОДЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ В СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ США

Современные юридические вузы США известны во всем мире высокими образовательными стандартами в сфере подготовки квалифицированных специалистов. Особый интерес представляет система юридического образования США в отношении форм и методов обучения. Особенностью современного американского юридического образования с точки зрения организации учебного процесса является его практическая направленность.

Главной целью американского юридического образования является развитие аналитических способностей студента, а не заучивание нормативного текста. Поэтому образовательный процесс характеризуется практическим отсутствием лекций, а занятия превращаются в активное собеседование преподавателя с аудиторией.

Наиболее востребованной формой работы в американской системе юридического образования является семинар. На нем преподаватели нередко разбирают судебные дела либо гипотетического характера, либо из реальной практики. Во время занятия студенты должны действовать как участники процесса: предъявить и исследовать доказательства, заявить процессуальные ходатайства, представить аргументы. По окончании первого курса студенты в присутствии преподавателей проводят показательный инсценированный судебный процесс (*mock trial*).

Основным методом обучения в юридических вузах США является анализ прецедентов и решений апелляционных судов (*Case-study method*), при этом законодательный и административно-правовой материал используется в качестве дополнения.

Кроме того, в большинстве американских колледжей, начиная со второй половины XIX в., активно обращаются к методу

Сократа (*Socratic method*)¹. Он направлен на развитие практического профессионального мышления, аналитических способностей и логики. Суть его заключается в следующем. Перед занятием студент должен тщательно изучить рассматриваемое судебное дело, историю подобных разбирательств из судебной практики, проштудировать юридическую литературу по соответствующей теме. Преподаватель в этом случае выступает в роли наставника: он задает наводящие вопросы, но при этом не предлагает конкретных ответов; расспрашивает студента об упущенных во время процесса деталях, разбирает вместе с обучающимся трудные места конкретного дела. Кроме того, педагог может несколько изменить некоторые факты, чтобы студенты могли прийти к решению, отличному от того, которое было вынесено судьями. Такие занятия проходят в форме активной дискуссии, в ходе которой студент должен найти правильное решение. Поэтому каждый участник занятия обязан внимательно следить за нитью рассуждений и быть готовым высказать свое мнение по просьбе преподавателя. Помимо прочего, этот метод – отличная основа для развития ораторского мастерства.

Сегодня в учебные программы подготовки юридических кадров вводятся практические занятия (практикумы). По существу, это прохождение практики на младших должностях в адвокатских конторах и низших судах.

Данная форма обучения применяется на всех стадиях учебного процесса и во всех сферах юридического образования.

Такие практикумы преследуют две основные цели: обучение практическим навыкам юридической профессии и обеспечение доступа населения к правовой помощи. Подобная работа с населением в рамках учебного практикума позволяет и студентам, и преподавателям ощутить себя не просто участниками академического процесса, не только наблюдателями, но и активными участниками жизни общества².

¹ См.: *Stevens R.* Law School: Legal Education in America from the 1850s to the 1980s. Carolina: University of North Carolina Press, 1983. P. 274.

² См.: *Glater D. Jonathan.* Training Law Students For Real-Life Careers // *The New York Times*. 2007. Oct. 31. P. 9.

Используемые формы и методы организации юридического образования в США определяют практическую цель обучения. Такие методы обучения, как Case-studies method и Socratic method, помогают развить у студентов самостоятельность мышления, способность к мыслительному прогнозированию и практические навыки, что имеет крайне важное значение для их будущей профессиональной деятельности.

Таким образом, практическая направленность обучения имеет положительные педагогические и учебные результаты. И использование опыта системы высшего юридического образования США в практике российского образования представляется сегодня целесообразным и необходимым в условиях адаптации российской

системы образования к европейским стандартам.

Библиографический список

1. *Сиберт, Д. А.* Ассоциация американских юристов и юридическое образование в США / Д. А. Сиберт // Юрид. образование и наука. – 2005. – № 2.
2. *Bencivenga, J.* Just how do Law Students Learn How to be Lawyers? / J. Bencivenga. – Boston : Christian Science Monitor, 1980. – Dec. 1.
3. *Glater, D. Jonathan.* Training Law Students For Real-Life Careers / J. D. Glater// The New York Times. – 2007. – Oct. 31.
4. *Stevens, R.* Law School: Legal Education in America from the 1850s to the 1980s / R. Stevens. – Carolina : University of North Carolina Press, 1983.